

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

М. М. Дьяконов

ОЧЕРК ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ИРАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

Под редакцией
И. М. ДЬЯКОНОВА и А. Г. ПЕРИХАНЯН

ОТ РЕДАКТОРОВ

Предлагаемая вниманию читателя книга выдающегося советского востоковеда М. М. Дьяконова «Очерк истории древнего Ирана» была им задумана как первая часть большого труда, вторую часть которого должен был составить «Очерк истории средневекового Ирана». Книга была написана в 1944—1945 гг. и при жизни автора не увидела света.

В последующие годы М. М. Дьяконов продолжал работать над историей древнего Ирана. Рукописью его книги широко пользовались студенты и молодые научные работники, однако к моменту безвременной смерти автора в 1954 г. работа не была подготовлена к печати.

В связи с многочисленными выраженными печатно и устно пожеланиями об опубликовании этой монографии, впервые с позиций советской науки обобщающей наши знания по истории древнего Ирана и дающей обзор существующей научной литературы, было решено предпринять посмертное издание книги М. М. Дьяконова. Редактирование было осуществлено И. М. Дьяконовым и А. Г. Периханян. Деятельное участие в работе редакторов на всех этапах подготовки рукописи принимал В. А. Лившиц.

В процессе редактирования в книгу были включены новейшие данные, имевшиеся в распоряжении редакторов к 1957 г., особенно в главах, посвященных социально-экономическим вопросам. Находясь долгое время в тесном научном общении с автором книги и используя материалы из его архива, редакторы могли, вводя в книгу новые данные, исходить каждый раз из точки зрения автора, излагавшейся им в этой и других работах, в лекциях или личных беседах, — даже в тех случаях, когда они были с ним не согласны (например, некоторые моменты истории Мидии, оценка религии Ахеменидов и т. д.). В отдельных случаях несогласие редакторов с авторским текстом оговорено в примечаниях. Редакторам настоящего издания принадлежит также подбор иллюстративного материала.

Большую работу пришлось проделать по дополнению примечаний и библиографических ссылок в соответствии с новейшими данными. Помощь В. А. Лившица была здесь особенно ценной. В ряде случаев редакторы обращались за консультацией к специалистам, в связи с чем горячая благодарность должна быть выражена А. М. Беленицкому, П. А. Грязневичу, В. Г. Луконину, В. М. Массону и другим.

Предлагаемый вниманию читателей «Очерк» рассчитан на широкий круг лиц, интересующихся историей древнего Ирана. В соответствии с характером издания ни автор, ни редакторы не стремились дать исчерпывающие ссылки на источники и литературу по затронутым в книге вопросам; по этой же причине в ней не могли найти отражения многие существующие в науке точки зрения по тем или иным проблемам истории древнего Ирана.

*И. М. Дьяконов
А. Г. Периханян*

ВВЕДЕНИЕ

(Обзор источников)

1

Иран — страна древней культуры и государственности. Уже в VI в. до н. э. Иран стал ядром огромной державы и на протяжении многих веков являлся важным фактором мировой истории. В древности ахеменидский Иран владел огромными пространствами — от Инда до Эгейского моря. Пытаясь утвердить свое господство в Восточном Средиземноморье, Иран вел борьбу с Грецией. Ахеменидская держава пала под ударами греков и македонцев, уступив место эллинистическому царству Селевкидов. С середины III в. до н. э. на территории Ирана складывается новое могущественное государство — Парфянское, в течение нескольких веков выдерживавшее борьбу с Римом. В III в. н. э. на смену Парфии пришло государство Сасанидов, продолжавшее извечную борьбу с Римом, а позднее — с его наследницей на Востоке — Византией.

В VII в. царство Сасанидов было разгромлено арабами, и Иран на некоторое время вошел в состав халифата. Но уже в X в. сначала на востоке, а затем и на западе Ирана появляются самостоятельные государства.

В X в. Иран был завоеван тюрками-сельджуками, а в XIII в. — монголами. Несмотря на тяжелые последствия монгольского нашествия и на хищническое хозяйничанье сначала монголов, а затем Тимура, Иран сохранил свою культурную самобытность и смог создать самостоятельное государство под властью династии Сефевидов (XVI—XVII вв.).

XVIII век, характеризующийся застоем феодальных отношений, упадком экономической и культурной жизни, был тяжелым временем для Ирана. В XIX в. Иран становится объектом колониальной политики европейских держав и постепенно теряет свою национальную независимость. Рево-

люция 1906—1911 гг., происшедшая под несомненным влиянием первой русской революции, а затем события первой мировой войны привели Иран на путь буржуазного развития.

Экономические, политические и культурные связи между народами Советского Союза и Ирана были всегда чрезвычайно сильны. В глубокой древности предки народов, населяющих ныне советские республики Средней Азии и Кавказа, неоднократно разделяли исторические судьбы народов Ирана. В течение всего средневековья Кавказ, Средняя Азия и Иран были теснейшим образом связаны между собой.

Иранская культура создавалась не одним иранским народом. Достаточно напомнить, что первым центром средневековой культуры, где была создана литература на языке, который затем лег в основу современного литературного персидского языка, была Бухара (X в.). Другим крупнейшим центром культуры и литературы на этом же языке было Закавказье, точнее — современный Азербайджан (XII в.). И только позднее, в XIII в., таким центром становится Фарс. Такие же примеры можно привести и из других областей материальной и духовной культуры. Современный иранский народ имеет общее культурное наследие с таджикским народом. Иранская культура оказала могучее воздействие на народы Азии от Инда до Эгейского моря, но ее жизненность и влияние отчасти объясняются и тем, что в создании ее принимали участие многие народы, в частности населяющие ныне Советскую Среднюю Азию.

Поэтому-то история Ирана, на протяжении многих веков так тесно соприкасавшаяся с историей народов СССР, представляет, несомненно, большой интерес для широких кругов советских читателей; во многих случаях она поможет им понять собственное прошлое. История Ирана вызывает у советского читателя чувство уважения к народу, создавшему великую культуру и сумевшему на протяжении веков, несмотря на тяжелые испытания, сохранить свою национальную самобытность.

Термин «Иран» многозначен и требует уточнения. В него мы вкладываем сейчас два различных понимания.

Иран как понятие географическое — это обширное плато, лежащее в Юго-Западной Азии и простирающееся от долины Инда до долины Тигра и от Закавказья, Каспийского моря и Закаспийских степей до Персидского залива и Индийского океана. На этом плато в настоящее время расположены государства Иран и Афганистан, а также Белуджистан, разделенный между Ираном, Афганистаном и Пакистаном.

Иран как понятие политическое — это большое государ-

ство, расположенное в западной части Иранского плато и занимающее около двух третей его. На севере Иран граничит с СССР (около 1750 км сухопутной границы с Арменией, Азербайджаном и Туркменией), на западе — с Турцией и Ираком, на востоке — с Афганистаном и Пакистаном, на юге его омывает Индийский океан.

Официальный и литературный язык Ирана персидский, или фарси. Это один из языков обширной иранской ветви индоевропейской семьи языков. Историки часто называют ираноязычными или иранскими народами, или, еще короче, иранцами, не только живущих в современном Иране и говорящих по-персидски, но и все народы, в течение различных исторических эпох пользовавшиеся языками иранской ветви. В древности языки этой группы были распространены по всей Средней Азии, на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье и на Иранском плато. Однако не все ираноязычные племена, населявшие Иранское плато, влились в состав современной иранской нации.

В настоящей работе будет рассмотрено становление и развитие государства Иран. В ходе изложения нам не раз придется выходить не только за пределы собственно Ирана как политической единицы, но и за пределы Иранского плато, затрагивая и сопредельные с Ираном страны, когда это будет необходимо для понимания явлений, происходивших в самом Иране.

Иногда под власть государственных образований, зародившихся в Иране, например державы Ахеменидов, попадали обширные территории за его пределами, иногда Иран как составная часть входил в другие обширные государства (царство Селевкидов). И в том, и в другом случае нам придется говорить об областях, лежавших за пределами Ирана.

Не раз придется нам затрагивать и историю сопредельных с Ираном стран, никогда не подчинявшихся его политическому влиянию, не входивших в одно с ним государственное объединение, но связанных с Ираном узами культурного общения.

Прежде чем приступить к изучению истории Ирана, необходимо ознакомиться, хотя бы вкратце, с важнейшими источниками, дающими нам возможность восстанавливать отдаленное прошлое этой страны.

Источники по древней истории Ирана — от доклассового общества до окончательной победы в Иране феодализма — многообразны. Некоторые периоды истории этой страны освещены ими с достаточной полнотой, другие же — настолько бедно, что по ним мы с трудом можем дать даже общий, суммарный очерк событий. Однако за последние десятилетия

было найдено много новых источников по древней истории Ирана. Перед второй мировой войной каждый год появлялись все новые и новые материалы. Возобновившиеся после войны раскопки французом и американцев в Иране, советских археологов в Средней Азии, находки новых документов, монет, памятников архитектуры, скульптуры и живописи, а также исключительно важных надписей Ахеменидов, парфянских царей и Сасанидов — все это проливает новый свет на раннюю историю Ирана, открывает неизвестные стороны жизни этой страны, а порой заставляет пересмотреть, казалось бы, установившиеся взгляды.

2

Источники по истории доклассового общества Ирана — почти исключительно вещественные, археологические памятники; лишь для конца этого периода есть кое-какие письменные источники, оставленные соседями Ирана, у которых классовое общество и письменность развились раньше.

Археология доклассового Ирана создавалась в XX в. Первые раскопки на территории Ирана были начаты Ж. де Морганом¹, руководителем французской археологической миссии, получившей от иранского правительства монопольное право на производство раскопок в течение 25 лет. Раскопки эти производились в течение многих лет, начиная с 1897 г., в месте, где некогда стояли древние Сузы — важный политический и культурный центр древнего Ирана. Это место находится в долине, примыкающей к Персидскому заливу, географически за пределами собственно Иранского плато².

Раскопки в Сузах дали большое количество интересных памятников конца IV—III тысячелетия до н. э. — так называемую «крашеную» (расписную) керамику, а также множество мелких статуэток, каменных орудий и некоторых других предметов. Исследователь этой культуры подверг найденную им крашеную керамику классификации на основании стилистических признаков (отсюда термин «Сузы I» для более раннего и «Сузы II» для более позднего периода). Однако погоня за эффектными памятниками, пренебрежение к жилым комплексам и орудиям труда, а также полное отсутствие аналогий мешали на первых порах научному осмыслению результатов этих раскопок³.

Только позднее были правильно истолкованы и материалы из раскопок американца Пампелли, работавшего в 1903 — 1904 гг. близ Анау, в современной Туркмении⁴. Там также

была найдена крашеная керамика, несколько отличная от сузской. Раскопки Пампелли были произведены на недостаточно высоком научном уровне. Данные им датировки фантастичны; классификация, проведенная по стилистическим признакам, не могла быть проверена, так как послойное нахождение памятников плохо документировано. Обследование места раскопок Пампелли советскими археологами показало, что он, как и Ж. де Морган, без должного внимания относился к жилым комплексам. За последние годы работы советских археологов позволили полностью пересмотреть взгляды на культуры Анау, их последовательность, хронологию и связи⁵.

Все же материалы, добытые пионерами археологии Ирана у окраин Иранского плато, к юго-западу и северо-востоку от него, во многом помогли при восстановлении истории культуры Ирана, особенно в свете открытий последних десятилетий.

В течение второго и третьего десятилетий XX в. древние доклассовые культуры были обнаружены на территории Месопотамии, а затем и в долине Инда. Связующим звеном явились остатки первобытных культур, открытые за предвоенные годы в Иране⁶. Эти раскопки дали нам снова разнообразные образцы крашеной керамики, генетически связанные с керамикой Суз, Анау и Месопотамии, а также орудия труда, статуэтки, остатки жилищ. Эти находки могут быть разделены на следующие группы.

1. Южная, с центром в Персиде (современный Фарс). Важнейшая стоянка около Персеполья (Э. Герцфельд). Обследование О. Стейна показало, что древние поселения тянутся по всему югу Ирана, через Бампур до Белуджистана⁷.

2. Центральная — Тепе-Сиялк, около Кашана (Р. Гиршман), и район Нихавенда, важнейшее поселение — Тепе-Гиян (Р. Гиршман и Ж. Конте)⁸.

3. Северо-восточная с центром в Хорасане. Важнейшие поселения — Тепе-Гисар (Э. Шмидт)⁹, Тюренг-тепе, Шах-тепе (Ф. Вульсин, Т. Арне)¹⁰.

4. Находки в Иранском Азербайджане, на северо-западе плато, дают уже культуру, во многом сходную с культурами древнего Закавказья (Т. Бертон Браун)¹¹.

Все эти раскопки дали нам памятники неолита, энеолита и эпохи бронзы. Позже были найдены и еще более ранние, палеолитические, орудия. Так, около Бисутуна найдена пещера с остатками человеческого обитания мустьерского периода (ранний палеолит)¹². В районе Астрабада обнаружена пещера Гар-и Камарбанд с мезолитическими наслоениями. В последних найдены кремневые пластины, которыми пользова-

лись как вкладными лезвиями для серпов, и зернотерки — одно из древнейших в мире свидетельств о начале эпохи земледелия¹³.

Своеобразная культура бронзы II тысячелетия до н. э., обнаруженная в Луристане (Западный Иран), привлекла к себе особое внимание коллекционеров, а следовательно, и антикваров¹⁴. Это послужило причиной начала хищнических раскопок в этом районе, чрезвычайно повредивших научному изучению древнего Ирана. В результате, несмотря на большое количество украшений, оружия, конских уборов «луристанского» типа в частных коллекциях и музеях Европы и особенно Америки, у нас почти нет документированных памятников этой культуры.

Археологические изыскания на территории Ирана после второй мировой войны отличались несколько меньшим размахом, чем в предшествующие годы. Зато в этот же период была развернута широкая исследовательская работа советских археологов в Средней Азии. Многие из добытых здесь данных имеют большое значение и для истории культуры Ирана.

В Южном Туркменистане были произведены раскопки ряда поселений эпохи неолита и бронзового века; здесь обнаружена расписная керамика, имеющая много общего с керамикой иранских городищ Тепе-Гисар и Тепе-Сиалк¹⁵. При помощи новых материалов удастся полностью пересмотреть и уточнить хронологию археологических слоев, обнаруженных на Анау, и поставить важные вопросы о продвижении на Иранское плато индоевропейских племен. Здесь, как и в Гар-и Камарбанде, найдены памятники неолитической земледельческой культуры (городище Джейтун). В III и II тысячелетиях до н. э. предгорная полоса у Копет-дага в Туркменинии была уже очагом довольно развитой земледельческой культуры, основанной на использовании вод горных ручьев¹⁶.

Для изучения периода развития классовых отношений в Средней Азии и Восточном Иране важны начавшееся систематическое исследование памятников древней Бактрии¹⁷ и подробное изучение самобытной культуры древнего Хорезма¹⁸.

Письменными памятниками, проливающими некоторый свет на последний период истории доклассового общества в Иране, являются клинописные документы Месопотамии и Элама, начиная с эпиграфических памятников, вроде надписи под рельефом луллубейского царя Ану-банини (середина III тысячелетия до н. э.)¹⁹, и кончая анналами ассирийских царей (IX—VII вв. до н. э.)²⁰.

Источники по истории Мидийского и Ахеменидского царств целесообразно рассматривать совместно.

Ранняя история мидян (IX—VII вв. до н. э.) восстановлена в основном по ассирийским клинописным источникам. Некоторые сведения мы черпаем из греческих сочинений V в. (см. ниже). События царствования Кира (середина VI в. до н. э.) находят освещение в вавилонских источниках (хроника о падении Вавилона, манифест Кира)²¹. Вавилонские хозяйственные документы помогают представить экономическую и культурную жизнь в Месопотамии при Ахеменидах²².

Драгоценным первоисточником являются надписи царей Ахеменидов²³. Древнейшими из них следует считать краткие надписи Кира около Пасаргад. Правда, некоторые ученые были склонны приписать их Киру Младшему (конец V в. до н. э.), но для этого нет достаточных оснований²⁴. Появившиеся недавно на антикварном рынке надписи на древнеперсидском языке, составленные от имени предков царя Дария — Ариарамны и Аршамы, вероятно, являются подделкой, или, вернее, позднеахеменидским текстом к статуям этих царей²⁵.

Самой большой и самой ценной в историческом отношении и самой известной в истории науки является надпись царя Дария, высеченная на отвесной Бисутунской скале, возвышающейся у древней дороги, ведущей из Месопотамии в Иран, между современными городами Керманшахом и Хамаданом²⁶.

Эта надпись была первым большим связным клинописным текстом, прочитанным европейским ученым (англичанином Г. Роулинсоном в 1835—1847 гг.).

Другие надписи царей — Дария I, Ксеркса, Артаксерксов I, II, III — имеются на стенах дворцов в Персеполе²⁷, на скальной гробнице Дария I в Накш-и Рустеме²⁸, в Сузах²⁹, около озера Ван в Турецкой Армении³⁰, в Египте около Суэца³¹. Кроме того, ахеменидские надписи обнаружены на золотых и серебряных закладных досках, помещавшихся в фундаменте зданий³², а также на каменных гирях³³ (одна из них хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде), на печатях (Музей имени Пушкина в Москве и др.)³⁴, сосудах³⁵ и глиняных таблетках³⁶.

Из находок последних лет особенно важны строительная надпись из Суз и надпись из Персепполя о религиозных реформах Ксеркса³⁷.

Надписи Ахеменидов обычно составлялись на трех языках, имевших наибольшее значение в царстве: древнеперсидском,

эламском и вавилонском. В суэцких надписях к ним добавлен еще и египетский.

В 1933—1934 гг. в Персеполе обнаружен архив, состоящий из тысяч глиняных таблечек³⁸. Он находился в помещении, устроенном в толще стены, окружавшей дворцовую территорию. Большинство документов архива составлено на эламском языке, есть тексты и на арамейском, который уже в ахеменидское время был языком международных сношений. Кроме того, найден хозяйственный архив так называемой сокровищницы Персеполя, значительная часть которого опубликована, в отличие от документов первого архива³⁹.

Важным источником, дающим представление о структуре общества Восточного Ирана, являются древнейшие части священной книги зороастрийской религии — Авесты⁴⁰, написанной на одном из восточноиранских языков, условно называемом авестийским.

О жизни ахеменидских военных колоний в далеком Египте рассказывают нам интересные документы на арамейском языке, известные под названием элефантинских папирусов. До нас дошли также письма ахеменидского сатрапа Аршамы, касающиеся хозяйственного управления его имениями в Египте⁴¹.

До великих открытий середины XIX в., в результате которых нам стали доступны клинописные тексты, единственными источниками, откуда европейская наука черпала сведения о древней истории Ирана, были сочинения греческих авторов. Несмотря на то что наш кругозор теперь значительно расширился, эти произведения сохраняют свое значение.

Наибольшее значение по обилию и достоверности сообщаемых сведений имеет «История» Геродота, уроженца Малой Азии (V в. до н. э.)⁴². Одно время в науке было распространено гиперкритическое отношение к «отцу истории», однако свидетельства клинописных надписей во многом подтвердили рассказы Геродота. Младший современник Геродота — Ктесий, который 17 лет был придворным врачом персидского царя Артаксеркса II, казалось бы, должен был быть хорошо осведомлен о делах Ахеменидского царства, однако его данными следует пользоваться с большой осторожностью, так как он часто приводил недостоверные и ложные известия. Сочинение Ктесия до нас полностью не дошло, а известно по отрывкам, сохраненным более поздними писателями, особенно Диодором и византийцем Фотием⁴³.

Современником Ахеменидов и участником бурных событий конца V и начала IV в. до н. э. был афинянин Ксенофонт, служивший у спартанцев, участвовавший в качестве наемника в походе Кира Младшего против его брата, персидского царя,

и оставивший нам несколько сочинений первостепенного значения. Самое ценное из них — «Анабасис», рассказ об отступлении из Месопотамии на родину отряда греческих наемников, участников неудачного похода Кира Младшего. Другие наиболее важные сочинения Ксенофонта: «Киропедия» — роман о воспитании Кира Старшего, и «Элленика»⁴⁴.

Отдельные сведения о разбираемом периоде можно найти у многих античных авторов, как современников Ахеменидов — Фукидида, Эсхила, Платона, Демосфена, так и у более поздних — Полибия, Страбона, Плутарха и других.

От ахеменидского времени сохранились многочисленные развалины дворцовых построек и других архитектурных сооружений. К предшествующему мидийскому периоду из памятников материальной культуры относятся, пожалуй, только несколько скальных гробниц в северо-западной Мидии⁴⁵. Наиболее ранние из ахеменидских построек — дворец Кира в Пасаргадах и гробница Кира⁴⁶. Наиболее интересен как исторический источник дворцовый комплекс в Персеполе, заложенный при Дарии и законченный при Артаксерксе I⁴⁷. Развалины ахеменидских дворцов сохранились также в Сузах и Экбатанах (совр. Хамадан)⁴⁸. Кроме того, к ахеменидскому времени относятся две странные башнеобразные постройки у царских скальных гробниц в Накш-и Рустеме. Значение этих сооружений вызывало споры (наиболее вероятно, что это святилища)⁴⁹. К памятникам архитектуры примыкают памятники скульптуры на упомянутых царских скальных гробницах, стилистически тесно связанные с более ранними мидийскими, и бисутунский скальный рельеф, изображающий триумф царя Дария. О надписи под этим рельефом было сказано выше. Скульптурные рельефы обильно украшают дворцовые постройки; они являются богатейшим источником по истории культуры ахеменидского Ирана⁵⁰.

До нас дошло много мелких изделий, сосудов из драгоценных металлов, цилиндрических печатей и монет⁵¹. Наиболее известным собранием разнородных вещей из Ирана и Средней Азии ахеменидского времени следует считать так называемый Аму-Дарьинский клад, хранящийся в Британском музее в Лондоне⁵². В советских музеях также имеются предметы ахеменидского времени. Довольно хорошая коллекция находится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде⁵³.

4

С походов Александра Македонского начинается эллинистический период в истории Ирана, небольшой по продолжи-

тельности — около двух веков, — но наложивший глубокий отпечаток на дальнейшие судьбы страны. Этот период изучен недостаточно. Письменные источники, освещающие историю восточных эллинистических государств, многочисленны и разнообразны, однако очень немногие из них касаются собственно Ирана. Местные иранские письменные источники отсутствуют полностью. Археологические источники скудны и мало изучены и в большинстве своем относятся в лучшем случае к пограничным с Ираном областям: Месопотамии, Средней Азии. Нам приходится в основном опираться на показания античных авторов — по большей части на повествовательные источники, а не на документы.

Рассказы о восточных походах Александра Македонского мы черпаем главным образом из сочинений значительно более поздних авторов: Арриана («Анабасис Александра» и «Индика») ⁵⁴, Квинта Курция Руфа ⁵⁵, Плутарха ⁵⁶ и других. Они основываются на недошедших до нас произведениях. Важнейшими из них были записки Птолемея, друга и сподвижника Александра, и сочинения некоего Аристобула из Кассандреи, представляющие официальную македонскую традицию и нашедшие отражение у Арриана и Плутарха. Другим не дошедшим до нас источником было сочинение грека Клитарха, наложившее отпечаток на произведения Квинта Курция, Диодора Сицилийского и Помпея Трога ⁵⁷. Кроме того, до нас дошел исторический роман об Александре, который ошибочно приписывали племяннику Аристотеля Каллисфену. В средние века роман пользовался огромной популярностью на Востоке и на Западе (он дошел до нас в разных изводах, на разных языках) ⁵⁸.

Историю преемников Александра на Востоке, в том числе и интересующих нас более всего Селевкидов и царей Греко-Бактрийского царства, приходится восстанавливать на основании крох, собираемых в самых разных источниках. Сюда относятся греческие эпиграфические памятники ⁵⁹, клинописные документы из Урука и Вавилона ⁶⁰, многочисленные монеты ⁶¹, свидетельства китайских хроник ⁶² и снова повествовательные сочинения упомянутых античных авторов. Из них наиболее ценные сведения с 220 г. до н. э. нам дает Полибий ⁶³.

Археологические памятники эллинистического Ирана (за исключением, пожалуй, монет) исследованы еще недостаточно. Значительную помощь все же оказывают нам замечательные находки в Дура-Эвропос на Евфрате ⁶⁴ и раскопки в Селевкии на Тигре ⁶⁵.

Немалые заслуги имеют советские археологи, открывшие за последние десятилетия эллинистическую культуру на Кав-

казе и в Средней Азии и убедительно доказавшие существование на этих территориях рабовладельческого способа производства⁶⁶, что значительно облегчает работу историков античного Ирана.

5

Следующий период, парфянский, весьма тесно связан с эллинистическим, и выделение его, хотя и необходимое, всегда будет несколько искусственным. Конец этого периода характеризуется реакцией против эллинизма и зарождением в недрах общества ростков нового, феодального уклада.

Источники по парфянскому периоду чрезвычайно скудны. Поэтому особое значение приобретают дошедшие до нас в большом количестве монеты как самих парфянских царей, так и царей мелких полунезависимых государств, особенно Элимаиды, Персиды и Месены⁶⁷.

Вначале на монетах парфянские цари ставили только свое тронное имя — Аршак (все надписи на монетах были греческие), что чрезвычайно затрудняет отождествление монет отдельных царей. Затем, начиная с I в. до н. э., появляются личные имена царей, а с 137 г. до н. э. — и даты по так называемой селевкидской эре (начинавшейся с весны 312 г. до н. э.), что позволяет устанавливать точную хронологию. С Вологеза I (I в. н. э.) греческие надписи на монетах начинают постепенно заменяться парфянскими, написанными семитическим арамейским алфавитом.

Парфянские цари чеканили серебряную и медную монету. Серебряными были драхмы (общепарфянская монета) и тетрадрахмы, чеканившиеся преимущественно в эллинистических городах Месопотамии.

Из эпиграфических памятников можно упомянуть надписи на греческом [Митридата II и Готарза (I?) на Бисутунской скале)]⁶⁸ и арамейском (стелы из Ашшура, надписи из Хатры и Танг-и Сарвака)⁶⁹ языках, латинские и греческие надписи из раскопок пограничного с Парфией города Дура-Эвропос на Евфрате⁷⁰ и греческие надписи из Суз, особенно письмо Артабана III городу⁷¹. В Сузах была найдена также парфянская надпись времени правления Артабана V⁷².

От парфянского времени до нас дошло несколько документов делового характера, написанных на пергамене⁷³, в том числе греческие и парфянский (первый из найденных документов на этом языке) из Авромана в Курдистане⁷⁴, и греческие документы из Дура-Эвропос⁷⁵. В последние годы в Нисе (около Ашхабада, Туркменская ССР) — одной из резиденций

парфянских царей — найден большой архив хозяйственных документов, написанных на глиняных черепках по-парфянски⁷⁶. Такие же документы на черепках найдены и в Дуре-Эвропос.

Большое значение, особенно для датировок, имеют астрономические таблицы и документы Вавилона, относящиеся к парфянскому времени, написанные по старой традиции клинописью на глиняных табличках⁷⁷.

Кое-какие сведения о политике Селевкидов и парфянских царей в Сирии и Иудее можно почерпнуть из библейских книг Маккавеев, I и II⁷⁸.

Китайские источники дают нам некоторое представление о судьбах кочевников Средней Азии и о связях Китая с западным миром. Наиболее важны путешествие Чжан Цяня и хроники старшей и младшей линий династии Хань⁷⁹.

Как видно из сказанного выше, местные источники настолько скудны, что основные сведения по политической истории Парфянского царства мы все же вынуждены извлекать из повествовательных произведений античных авторов. Единственное дошедшее до нас связанное изложение истории Парфии, доведенное до 9 г. до н. э., — это рассказ Помпея Трога, современника Августа, сохранившийся в довольно неудачном сокращенном изложении (эпитоме) автора III в. н. э. М. Юниана Юстина⁸⁰. По небрежности эпитоматора в рассказе оказалась лакуна, охватывающая 94—55 гг. до н. э. О римско-парфянских войнах 55—54 и 36 гг. подробно рассказано у Плутарха (I в. н. э.) в биографиях Красса и Антония⁸¹. Упоминания о целом ряде событий, происходивших в Парфянском царстве с 69 г. до н. э. до 72 г. н. э., и главным образом о сношениях Парфии с Римом, есть в сочинениях Диона Кассия⁸² (III в. н. э.), романизованного еврея Иосифа Флавия⁸³ (род. в 37 или 38 г. н. э.) и знаменитого римского историка Тацита (ум. в 120 г. н. э.)⁸⁴.

Ценные сведения приведены и во многих других сочинениях античных авторов. Из них назовем Полибия (ум. около 120 г. до н. э.), Страбона (современника Августа), Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), Плиния Старшего (ум. в 79 г. н. э.), Аппиана (II в. н. э.). Некоторые сведения есть у Веллея Патеркула (I в. н. э.) и Флора (II в. н. э.), опирающихся на утерянные части труда Тита Ливия (ум. в 17 г. н. э.)⁸⁵.

Особое место занимает сочинение Исидора Харакского, написанное в последние годы до нашей эры. Это своеобразное историко-географическое описание Парфянского царства, отражающее его состояние в этот период⁸⁶.

Памятники материальной культуры парфянского периода изучены еще очень плохо. Мы знаем несколько наскальных

рельефов, развалины дворцов в Ашшуре и Хатре (Месопотамия). Исключительный интерес представляет обследованный О. Стейном и Э. Герцфельдом, но недостаточно еще изученный дворец в Кух-и Ходжа в Систане, на востоке Иранского плато⁸⁷.

Многое дали нам раскопки города Дура-Эвропос на Евфрате (об этих раскопках подробнее см. часть II, гл. 2), производившиеся в 20 и 30-х годах XX в. сначала французским ученым Ф. Кюмоном, а затем специальной экспедицией, организованной Йельским университетом, а также раскопки в Селевкии на Тигре и в Сузах⁸⁸. Богатый и исключительно интересный материал обнаружили советские археологи под руководством М. Е. Массона при раскопках в Нисе. Помимо упоминавшегося уже выше архива, в Нисе найдены остатки парфянских архитектурных сооружений, некрополь, множество предметов художественного ремесла, части статуй, печати, монеты, хозяйственная утварь и т. п.⁸⁹.

6

Сасанидский период, не в пример парфянскому, изобилует разнообразными как письменными, так и материальными источниками. Однако большинство письменных источников — повествовательные, а не документальные, что значительно снижает их ценность. Из местных письменных источников следует прежде всего назвать эпиграфические. Это монументальные надписи сасанидских царей и вельмож, высеченные на скалах или выбитые на архитектурных сооружениях⁹⁰.

Большинство надписей относится к началу господства династии Сасанидов, к III в. н. э. Важнейшими следует считать надписи Шапура I и Нарсе (Пайкули в Курдистане) и надпись Шапура I на так называемой «Каабе Зороастра»⁹¹.

Пайкулийская надпись (на двух близких языках: парфянском и среднеперсидском) была высечена на квадратной башне с рельефами царя Нарсе, от которой сохранилось одно основание; составлявшие ее блоки частично пропали, оставшаяся же часть их рассыпана по земле вокруг памятника в полном беспорядке. Поэтому, несмотря на то что надпись эта известна очень давно, только в 20-е годы она была издана полностью Э. Герцфельдом, предпринявшим первую попытку систематизировать блоки и дать реконструкцию текста. Это издание, в свое время весьма ценное и полезное, теперь уже не может удовлетворить исследователей; нового же издания этой надписи, на которое можно положиться, пока нет.

Другая важная надпись была найдена в 1936—1939 гг. американской археологической экспедицией под руководством Э. Шмидта в Накш-и Рустеме, в нескольких километрах к северу от Персеполя. Она была высечена на квадратном здании с фальшивыми окнами. Это здание местные жители называют «Каабой Зороастра». Оно, как теперь можно считать установленным⁹², представляет построенный еще в ахеменидский период главный храм огня в Фарсе. Надпись составлена на трех языках: парфянском, среднеперсидском и греческом, и представляет исключительный интерес, так как содержит описание царства Шапура (III в. н. э.) с перечислением входивших в него стран, реляцию военных побед над римлянами и перечень храмов огня и жертвоприношений как от имени самого царя, так и от его родичей и сановников двора. В науке эту надпись, по инициативе М. И. Ростовцева, принято называть *Res Gestae divi Saporis* — «Деяниями божественного Шапура», по аналогии с известной исторической надписью Августа (*Monumentum Ancyranum*). Под этой надписью была найдена и другая, тоже интересная, надпись мага Картира.

Особняком стоят надписи на крепостных сооружениях Дербента (Дагестанская АССР), относящиеся к V—VI вв.⁹³

Наиболее ранние сасанидские надписи трехязычны: парфянский (пахлавйк), среднеперсидский (парсийк) и греческий, — и двуязычны (парфянский и среднеперсидский). Более поздние надписи — на одном только среднеперсидском. Системы письма парфянских и среднеперсидских текстов (пехлеви) восходят к арамейскому письму, примененному для иранских языков еще в предшествующие периоды.

В различных музеях и частных коллекциях мира (в СССР — в Ленинграде в Эрмитаже) находится множество печатей из полудрагоценных камней с изображениями, а иногда и с надписями, содержащими имена и титулы владельцев⁹⁴. Надписи попадают и на утвари из драгоценных металлов (об этой утвари см. ниже). Значительное количество среднеперсидских текстов делового содержания (в большинстве еще не расшифрованных) написано на папирусах (находки в Египте, в районе Фаюма) и на глиняных черепках⁹⁵.

Большое значение, как и для парфянского периода, имеет нумизматика. В Советском Союзе есть несколько хороших коллекций сасанидских монет: в Ленинграде (Эрмитаж), в Москве (Исторический музей), в Ташкенте. Самая большая коллекция — в Британском музее в Лондоне⁹⁶.

Золотых сасанидских монет (динаров) известно очень мало. По-видимому, их чеканили лишь в особых случаях, и

они не имели широкого хождения. Основной денежной единицей была, как и в предшествующее время, серебряная драхма (весом от 3,65 до 3,94 г). Кроме того, выпускалась и медная монета разного достоинства.

На лицевой стороне монеты помещены имя и титул царя пехлевийским письмом. На оборотной стороне иногда повторяется имя царя, а изредка стоит дата.

Литература на пехлеви довольно обширна⁹⁷. В ней больше всего памятников религиозно-дидактического содержания.

Авеста — священная книга зороастрийской религии — хотя и составлялась в течение столетий и была написана (особым письмом) на более древнем языке, окончательно сложилась к сасанидскому времени. Потому она имеет значение как источник и для этого периода. К Авесте примыкает так называемый Зенд — пехлевийские переводы и комментарии к Авесте⁹⁸.

Из сочинений пехлевийской литературы наибольшее значение для истории религии и культуры имеют следующие произведения.

1. «*Бундахишн*», дошедший до нас в двух редакциях: более краткой — «индийской» и более пространной — «иранской». Эта книга передает содержание не сохранившихся частей Авесты, дает комментарии к ней, излагает мифологию и космогонию⁹⁹.

2. «*Денкарт*» — своеобразная энциклопедия по вопросам религии, права, науки¹⁰⁰.

3. «*Мёнокё храт*» («Учение духа мудрости») — религиозно-философский трактат¹⁰¹.

4. «*Арта-Вираф-нāмак*», в котором описано путешествие жреца Арта-Вирафа в загробный мир¹⁰².

Все эти сочинения дошли до нас в поздних, послесасанидских редакциях (VIII—IX вв.), хотя, по-видимому, по меньшей мере два из них — «Мёнокё храт» и «Арта-Вираф-нāмак» — восходят к сасанидскому времени.

Из других сочинений пехлевийской литературы как исторические источники имеют значение произведения, приведенные ниже.

1. «*Мāтакдāн-и хазāр дāтастāн*» («Сборник тысячи постановлений») — юридический свод, содержащий главным образом статьи, касающиеся имущественного и семейного права¹⁰³.

2. Поучительные наставления, обычно от имени какого-нибудь известного лица¹⁰⁴, называемые *андарзами*.

3. «*Деяния Арташира, сына Папака*» — исторический роман¹⁰⁵.

4. «Книга о городах Ирана», содержащая список провинциальных центров сасанидского Ирана¹⁰⁶.

Подробнее о пехлевийской литературе см. ч. III, гл. 2.

Однако важнейшие из пехлевийских сочинений не дошли до нас и известны только в передаче и изложении средневековых арабо-персидских авторов.

Основным из этих сочинений была официальная придворная хроника «Хватай-намак» — «Книга владык». У арабских авторов она носит название «Сийар-аль-мулук» — «Жизнеописание царей», а у средневековых персидских — «Шāх-нāме» — «Книга царей»¹⁰⁷.

Эта книга в VIII в. была переведена со среднеперсидского на арабский язык известным ученым и переводчиком Ибн аль-Мукаффой, персом-зороастрийцем, перешедшим в мусульманство. За этим первым переводом «Хватай-намак» последовал ряд других как на арабский, так и на новоперсидский языки. По-видимому, эти переводы не раз подвергались обработке и редакции. Этим объясняются расхождения, встречающиеся у разных средневековых авторов (возможно, что и исходных пехлевийских изводов было несколько).

Другое важное сочинение, также утраченное и известное нам только по пересказам и цитатам, — «Дён-намак» («Книга установлений»). Это своего рода энциклопедия, куда входили начала государствоведения, правила хорошего тона и придворного этикета («Гāх-намак»).

Необходимым источником при изучении внутреннего строя Сасанидского государства является «Письмо Тансара к царю Табаристана»¹⁰⁸, пехлевийский текст которого был переведен на арабский язык Ибн аль-Мукаффой. Однако ни оригинал, ни арабский перевод до нас не дошли. Сокращенная персидская версия арабского перевода «Письма Тансара» сохранилась в «Табаристанской хронике» Ибн Исфандийāра, а некоторые выдержки — у других авторов. «Письмо Тансара» — это политический, дидактический и исторический трактат, составленный в форме переписки великого жреца Тансара, жившего в правление Арташира I, с табаристанским царем. Однако произведение это было написано во время Хосрова I, между 557 и 570 гг.

У средневековых арабских и персидских авторов можно найти немало указаний и на другие, неизвестные нам произведения сасанидского времени, не всегда поддающиеся отождествлению. Среди них были и исторические романы вроде «Деяний Арташира» и других, из которых мы можем реконструировать по крайней мере два: «Маздак-намак» — «Книга о Маздаке», руководителе восстания V—VI вв. (см. ч. III, гл. 6), и «Бахрам Чобён-намак» — «Книга о Бахраме Чуби

не», полководце Ормизда IV, восставшем против Сасанидов (см. ч. III, гл. 8)¹⁰⁹.

Важнейшими средневековыми арабскими и персидскими авторами, продолжавшими в основном сасанидскую традицию, были следующие:

1) аль-Йа'куби (вторая половина IX в.), автор всеобщей истории¹¹⁰;

2) Абū Ханйфа ад-Дйнаварй (ум. ок. 895 г.), автор «Китаб ахбār ат-тиваль» («Книги длинных рассказов»)¹¹¹;

3) ат-Табарй (ум. в 923 г.), автор исторического свода «Та'рих ар-русул ва-ль-мулук» («История пророков и царей»)¹¹²;

4) аль-Мас'удй (ум. в 956 г.), автор «Мурудж аз-захаб» («Промывальни золота») и «Китаб ат-танбих ва-ль-ишраф» («Книги указаний и наблюдений»)¹¹³;

5) Хамза аль-Исфahanй, автор хроник, законченной в 961 г.¹¹⁴;

6) ас-Са'алибй (ум. в 1038 г.), автор исторической компиляции по истории царей Ирана¹¹⁵;

7) Фирдоусй (ум. в 1020/21 г.), великий поэт, автор поэтической обработки иранского эпоса «Шах-наме»¹¹⁶;

8) аль-Балазурй (ум. в 892 г.); его труд «Китаб фузух аль-бульдāн» («Книга завоеваний стран»)¹¹⁷ посвящен завоеваниям арабов.

Сведения по истории Сасанидов можно найти также в целом ряде других исторических и историко-литературных сочинений, таких, как «Китаб аль-ма'ариф» и «Китаб 'уй-ун аль-ахбар» историка и филолога IX в. Ибн Кутайбы, в истории Евтихия, антиохийского патриарха (ум. в 929 г.), в сочинениях персидских авторов, например в «Та'рих-и Табарй» Мухаммада аль-Бал'амй, в «Та'рих-и Табаристāн» Ибн Исфандийāра, в истории Гардēзй, в анонимной «Мудж-маль ат-таварих», в «Фāрс-наме» Ибн аль-Балхй и др.¹¹⁸.

Немало ценных сведений есть и в сочинениях других средневековых арабских и персидских авторов, особенно у географов X в. Труды их исследованы в специальных статьях Т. Нельдеке, В. Розена, К. Иностранцева, В. Бартольда и А. Кристенсена¹¹⁹.

Если при исследовании предыдущего периода свидетельства греческих и латинских авторов играли решающую роль, то для сасанидского периода они имеют меньшее значение, так как существует уже прочная местная традиция. Однако некоторые из западных писателей все же ценны для нас как современники описываемых ими событий.

Первое упоминание о Сасанидах мы встречаем у названного выше Кассия Диона (III в.)¹²⁰. Взаимоотношения между

Римом и Ираном отражены в произведениях римских историков IV в. Из них первостепенное значение имеет история Аммиана Марцеллина, лично участвовавшего в походе 363 г.¹²¹.

Из авторов, чьи произведения представляют для нас особую ценность, нужно назвать известного византийского государственного деятеля и писателя Прокопия Кесарийского, который в своей книге «О персидской войне» дает не только описание войн начала VI в., но и уделяет много внимания внутренним делам Ирана¹²².

Важным для нас является и труд Агафия Схоластика (ум. в 582 г.)¹²³, так как он, помимо других источников, пользовался и материалами из сасанидских царских архивов в Ктесифоне. Правда, знакомился он с ними не лично, а по переводам некоего толмача Сергия.

Последний век существования сасанидской династии нашел отражение в трудах Иоанна Малалы (VI в.)¹²⁴, Менандра Протектора (VI в.)¹²⁵, Феофилакта Симокатты (VII в.)¹²⁶ и Феофана (ум. в 818 г.)¹²⁷.

Источниками по сасанидскому периоду, а частично и по парфянскому богата армянская литература¹²⁸. В древности и в средние века судьбы Армении были всегда тесно связаны с Ираном, и это нашло свое отражение в обширной средневековой армянской литературе.

Уже в V в. появляется ряд исторических и религиозно-полемических сочинений, имеющих первостепенное значение для нашей темы.

Из армянских авторов V—VI вв. следует назвать прежде всего Фавста Бузанда¹²⁹, затем Егише¹³⁰, Лазаря Парбского¹³¹, Агафангела¹³² (приписываемое ему сочинение, очевидно, составлено из трудов различного происхождения) и Езника¹³³, написавшего книгу, направленную против сект. Конец сасанидского периода и арабское завоевание подробно изложены у Себеоса¹³⁴ (VII в.).

Исключительно важно сочинение, приписываемое Моисею Хоренскому. О времени написания этого труда в науке шли большие споры¹³⁵. Географическое приложение к «Истории» Моисея Хоренского принадлежит, по-видимому, другому автору (Анании Ширакскому, VII в.). Оно содержит ряд ценнейших сведений по исторической географии Ирана¹³⁶.

У более поздних армянских авторов имеются также отдельные упоминания о Сасанидах¹³⁷.

Наконец, некоторые произведения сирийской литературы могут быть использованы в качестве источников по истории Сасанидов.

Первой должна быть названа хроника, приписываемая Иешу Стилиту (составлена около 507 г.)¹³⁸. Она — основной

наш источник по истории первой половины царствования Кавада I (конец V в.).

Меньшее значение имеют другие сирийские хроники — «Хроника Эдессы» (VI в.)¹³⁹, «Хроника Арбелы» (VI в.)¹⁴⁰ и так называемый «Аноним Гвиди» (VII в.)¹⁴¹.

Особый интерес представляет сирийский судебник Ишобохта (VIII в.), основанный, как полагают, на сасанидском праве¹⁴².

Из обширной сирийской христианско-полемической и патрологической литературы раннего средневековья особое внимание следует обратить на «Акты персидских мучеников», в которых имеется немало материала по религиозной и культурной истории Ирана при Сасанидах¹⁴³.

Китайские источники для этого периода менее важны, чем для предыдущего, однако и здесь можно назвать сочинения китайского монаха-путешественника Сюан Цзана (629 — 630 гг.), который, правда, был только в Средней Азии, но собрал и об Иране ряд разнообразных сведений¹⁴⁴.

Памятников материальной культуры сасанидского Ирана мы знаем довольно много, однако изучены они далеко не удовлетворительно; нет сомнения в том, что земля скрывает еще немало сокровищ.

Из памятников архитектуры сохранилось мало, и то в развалинах. Наиболее ранним является, пожалуй, дворец Арташира I в Фирузабаде (древний Гор в Фарсе)¹⁴⁵. В Сарвистане есть развалины, считающиеся дворцом Михр-Нарсе, всемогущего министра Бахрама V и Ездегерда I¹⁴⁶. Наиболее известным памятником сасанидской архитектуры может считаться грандиозный дворец Хосрова I (Так-и Кисра), и по сей день возвышающийся среди развалин столицы Сасанидов Ктесифона (недалеко от современного Багдада)¹⁴⁷. В 1928—1929 гг. в Ктесифоне производила раскопки немецкая экспедиция О. Рейтера¹⁴⁸. На дороге из Ктесифона в столицу Мидии Экбатаны сохранились руины замка VI в. Каср-и Ширин¹⁴⁹. Много нового материала дали раскопки французского ученого Р. Гиршмана в развалинах города Шапура на юге Ирана, открывшие раннесасанидские памятники¹⁵⁰, и раскопки американцев в Дамгане (Хорасан)¹⁵¹. В результате обследования Э. Герцфельдом башни царя Нарсе в Пайкули в Курдистане была издана знаменитая надпись, что значительно подвинуло вперед изучение сасанидской эпиграфики. На территории СССР имеются интереснейшие крепостные сооружения Кавада I или Хосрова I, воздвигнутые против кочевников Северного Кавказа (VI в.) в Дербентском проходе.

К архитектурным сооружениям примыкают наскальные рельефы. Они сосредоточены главным образом на юго-западе

Ирана и относятся к первому столетию господства в Иране Сасанидов (III—IV вв.). На них изображены сцены вручения царю божеством знаков царской власти и царские триумфы. На некоторых рельефах, как упоминалось выше, имеются краткие надписи¹⁵². Особняком стоит охотничий грот царя Хосрова II — Так-и Бустан (VII в.), украшенный замечательными рельефами¹⁵³.

Из изделий художественного ремесла, стоявшего на высоком уровне и оказавшего существенное влияние на искусство сопредельных стран, мы лучше всего знаем сасанидское текстильное производство и торевтику (художественные металлические изделия). Несколько прекрасных образцов сасанидских шелковых тканей до сих пор хранятся в музеях Европы и Америки¹⁵⁴. Серебряная же и золотая утварь сасанидского времени известна в основном по собранию Государственного Эрмитажа в Ленинграде, где сосредоточено примерно три четверти всех известных нам образцов сасанидской торевтики¹⁵⁵. Дело в том, что большинство этих памятников найдено на территории СССР, главным образом в бассейне Камы. Этот, на первый взгляд, странный факт объясняется, по-видимому, тем, что у себя на родине эти предметы, сделанные из драгоценных металлов, переплавлялись по мере того, как на них проходила мода или когда оказывалась нужда в металле для чеканки монеты. В далеких же приуральских лесах, куда эти вещи, вероятно, привозили купцы в обмен на дорогие меха, они сохранялись в качестве кладов. Некоторые из них служили здесь даже объектами культового почитания.

Существенно важными для понимания ряда явлений культурной жизни Ирана сасанидского времени оказались работы советских археологов в Средней Азии, обнаруживших ряд памятников, современных Сасанидам (III—VII вв.)¹⁵⁶. Из них самыми важными, пожалуй, являются дворец в Варахше около Бухары, открытый в конце 30-х годов В. А. Шишкиным¹⁵⁷, дворец в Топрак-кала в Хорезме¹⁵⁸ и руины крупного города — древнего Пянджикента, раскапываемого после Великой Отечественной войны Таджикской археологической экспедицией¹⁵⁹.

Часть первая

ДРЕВНЕЙШИЙ ИРАН

ИРАН ПОД ВЛАСТЬЮ
АХЕМЕНИДОВ

1. СТРАНА

Обширная географическая область Западной Азии (Среднего Востока), называемая Иранским плато, занимает примерно два с половиной миллиона квадратных километров. На западе границей Ирана, как географического понятия, являются горы Загроса, отделяющие Иран от долины Тигра, на севере — река Аракс, Каспийское море, горная цепь Копетдага и хребет Паропамис к югу от реки Аму-Дарья; на востоке горы Гиндукуш отделяют Иранское нагорье от Индии, а на юге страну омывают Индийский океан и Персидский залив. Иранское плато со всех сторон окружено горными цепями значительной мощности, причем центральная часть Ирана — это пониженный обширный внутренний бассейн, не имеющий стока к морям. В этой сухой и бесплодной части теряются все потоки, сбегаящие с внутренних склонов Иранских гор¹.

Наиболее благоприятные для земледелия районы — предгорья и долины северных и западных горных цепей, находящиеся по склонам, обращенным как к внутренним районам Ирана, так и особенно к Каспийскому морю, Закавказью и долине Тигра. Вся территория Ирана естественными границами разделена на несколько районов.

1. Район горных хребтов тянется вдоль Месопотамской долины с северо-запада на юго-восток (Загрос). Эти хребты расположены в основном параллельно, причем самый высокий из них — восточный (высшая точка — Эльвенд). Западные гребни местами расступаются, пропуская реки из долин Загроса к Тигру, притоками которого они по большей части и являются (Большой и Малый Заб, Дияла). В южной части этого района текут к югу реки Керха и Карун, в древности впадавшие в лагуну Персидского залива. Северная часть этого района (Мидия Атропатена) естественно тяготеет к западу, к Ассирии, южная, отделяемая от Вавилонии горами и болотами, представляет собой более замкнутый район. Здесь, в аллювиальной долине Керхи и Каруна, приблизительно одно-

временно с возникновением шумерской культуры сложилась культура Элама (Сузианы). К юго-востоку от Элама расположен горный район; несколько понижаясь к востоку, он занимает область Персиду (Парса, ныне Фарс), центр которой у озера Нейриз.

Загросский район изобилует плодородными долинами, окруженными труднопроходимыми гребнями гор, большей частью лесистыми. Лесные богатства Загроса, а также находящиеся здесь минералы (железо, медь, свинец и др.) и различные ценные сорта камня привлекали внимание ассирийских завоевателей.

2. В треугольнике между Загросом на западе, хребтом Эльбурс на севере и соляной пустыней Дешт-и Кевир на востоке расположена холмистая, но более низменная страна — степная часть Мидии. Текущие здесь реки не имеют стока к морю.

3. Узкая полоса вдоль Каспийского моря, отделенная от прочего Ирана Эльбурсом, была населена наиболее отсталыми племенами. К этой области примыкает извилистая долина Сефидруда, связывающая данный район с озером Урмия и с центральной Мидией. На востоке долины Горгана и Атрека (Гиркания) связывают этот район с восточным Ираном и Средней Азией. Этот район — влажный и лесистый.

4. Полоса пустынь и сухих степей тянется через всю центральную часть Иранского плоскогорья, от центра его на юго-восток, продолжаясь также на север вдоль восточного берега Каспийского моря. Прерывается она лишь горной областью современного Хорасана с горной цепью Копет-даг (продолжение гор Паропамиса). Эта область — древняя Парфия — вместе с Гирканией связывает западный и восточный Иран. Здесь в древности был район кочевий.

5. Горный район Восточного Ирана лежит между долиной Инда на востоке, пустынями Центрального Ирана на западе и юго-западе и долиной Аму-Дарьи (Окса) на севере. Этот район занят горными цепями, расходящимися из Памирско-Гиндукушского горного узла. От Средней Азии Иран отделяет Паропамис с отрогами, который тянется с востока на запад. В долинах Паропамиса находились: на востоке область Гандхара, западнее нее, на реке Герируд, или Теджен (прорывающейся через горы к северу, в сторону среднеазиатских степей), и под западными отрогами Паропамиса — Арея. К югу от Паропамиса, на юго-запад тянутся другие цепи. В том же направлении текут и реки (наиболее значительная Хильменд); они исчезают в болотах и болотных озерах, на краю центральной пустыни. Низовья этих рек в древности занимала область Дрангиана, горную область — «Многовод-

ная» Арахосия. К последней тяготели также долины рек, относящиеся уже к бассейну Инда (важнейшая — Кабул), отделенному от Иранского нагорья хребтом Гиндукуш. Сама долина Инда и его притоков уже не входит в Иран; на юге, у Персидского залива и Индийского океана, к долине Инда тяготеет сухая и жаркая Гедросия, населенная в древности (отчасти и теперь) народами дравидской семьи языков, резко отличающихся от иранских (Белуджистан).

2. ДРЕВНЕЙШИЙ ИРАН

До конца XIX в. мы ничего не знали о доклассовом обществе Ирана. Раскопки Ж. де Моргана впервые открыли нам своеобразную культуру крашеной керамики древнего Элама, но вследствие отсутствия какого бы то ни было сравнительного материала невозможно было определить место этих находок в ряду других. Пампелли, раскапывая Анау, близ современного Ашхабада, также открыл древнюю культуру крашеной керамики, отнесенную им на первых порах к IX тысячелетию до н. э. Эти раскопки были произведены без должной научной тщательности. Он, по-видимому, в погоне за исключительными находками, разрушил жилища древних жителей Анау, затруднив, таким образом, определение характера их общественной жизни. В 1911 г. Э. Герцфельд обнаружил в Месопотамии, вблизи от развалин Самарры — столицы халифов IX в., — погребения времени раннего энеолита (медно-каменного века). В 1911—1913 гг. в той же Месопотамии, в Телль-Халафе, М. Оппенгейм открыл другую энеолитическую культуру². Затем находки последовали одна за другой. Культура крашеной керамики была обнаружена и дальше на юг, в древнем Шумере. Вскоре стало очевидно, что в Месопотамии до начала «исторической эпохи», т. е. до появления классового общества, государства и письменности, существовала развитая земледельческая культура. Это время делят теперь на периоды, получившие названия по наиболее характерным местам находок. Так, идя от более поздних периодов к более ранним, мы различаем в Шумере периоды Джемдет-Наср, поздний и ранний (около 3000 г. до н. э.), соответствующие концу энеолита, период Урука — средний энеолит и, наконец, период Обейда, по-видимому, относящийся к концу неолита³. Более ранних этапов развития человеческого общества в южном Междуречье не найдено, и, как мы увидим ниже, не случайно.

В процессе работы над материалами месопотамских раскопок была установлена несомненная близость этих культур

к открытой де Морганом древнеэламской. Теперь можно считать установленным, что период «Сузы I» (или «Сузы А») соответствует началу периода Урука в Шумере (приблизительно середина IV тысячелетия до н. э.), промежуточные слои («Сузы В и С») — периодам Урука и Джемдет-Насра (до начала III тысячелетия до н. э.), а «Сузы II» (или «Сузы D») — раннединастическому периоду (около 2800—2300 гг. до н. э.)⁴. В связи с этим особое значение стали приобретать и находки Пампелли в Анау. Фантастическая датировка была снижена наполовину, и было установлено, что нижние слои Анау соответствуют периоду Обейда (начало IV тысячелетия до н. э.). Культурам Анау в Южной Туркмении предшествовала неолитическая земледельческая культура Джейтун. На городище Намазга-тепе и других советскими археологами прослежена последовательная смена культур северного предгорья Копет-дага с IV по I тысячелетие до н. э.⁵.

Открытая Джоном Маршаллом в начале 20-х годов XX в. в долине Инда своеобразная культура медного и бронзового века, весьма похожая на древнейшую культуру Элама и Месопотамии, заставила искать звенья, связывающие все эти культуры, разбросанные на обширных пространствах Передней Азии⁶. Эти звенья должны были находиться на Иранском плато. И действительно, начиная с 20-х годов XX в., благодаря трудам ряда ученых, главным образом Э. Герцфельда, Ж. Контено, Р. Гиршмана, О. Стейна и Э. Шмидта, было обнаружено несколько центров древней культуры на территории Ирана⁷.

Так были открыты энеолитическое поселение у Персеполя и ряд других в юго-западной части Ирана, неолитические и энеолитические поселения Северо-Западного Ирана (важнейшие — раскопанные близ Нихавенда: Тепе-Гиян и другие). О. Стейном прослежена целая цепь древнеземледельческих поселений, расположенных вдоль берега океана от Белуджистана до Фарса (Персиды). На северо-востоке обнаружена группа поселений, непосредственно связанных с Анау и противопоставляемых южной и юго-западной группам (важнейшие исследованные центры — Шах-тепе и Тюренг-тепе, около современного Горгана, и Тепе-Гисар, около Дамгана).

Если добавить к этому исследования советских археологов, производившиеся за последнюю четверть века на территории Средней Азии (работы Д. Д. Букинича⁸, А. А. Марущенко⁹, Г. В. Григорьева¹⁰, С. П. Толстова¹¹, А. И. Тереножкина¹², Б. А. Куфтина¹³, М. Е. Массона¹⁴, А. Ю. Якубовского¹⁵, Б. А. Литвинского¹⁶, Я. Г. Гулямова¹⁷, М. М. Дьяконова¹⁸, В. М. Массона¹⁹ и других), то мы можем сказать, что, несмотря на еще большие пробелы, особенности культур-

ной жизни доклассового Ирана встают перед нами с достаточной отчетливостью.

Археологическими исследованиями в Иране обнаружен целый ряд памятников каменного века. Так, около Бисутуна, где расположены известные наскальные рельефы, была открыта стоянка времени Мустье²⁰. Здесь найдены кремневые орудия, кости диких животных: газели, оленя, лошади, леопарда. Возможно, к верхнему палеолиту относится стоянка в Восточном Хорасане.

Стоянки мезолитических и неолитических охотников-собираателей были обследованы у юго-западного побережья Каспийского моря (Гар-и Камарбанд, Хоту)²¹. Орудия представлены микролитами геометрических форм. Охотились в основном на быков, оленей, газелей, диких баранов. Радиоуглеродным анализом мезолитическая культура в этом районе датируется 8500—6000 гг. до н. э. Постепенно в благоприятных природных условиях древние охотники и собиратели переходят к возделыванию культурных злаков. По долинам мелких речек и ручьев возникает культура древнейших оседлых скотоводов и земледельцев V тысячелетия до н. э.²²

Важным для понимания древнейшей истории населения Ирана является открытое Э. Герцфельдом в 1923 г. и раскопанное в 1928—1931 гг. энеолитическое поселение близ развалин Персеполя. Особый интерес представляет жилище, так описываемое Э. Герцфельдом: «Постройки сделаны из битой глины с низкими тонкими стенами и состоят из множества мелких комнат. Здесь нельзя говорить о домах... Комнаты составляют одно большое здание». Э. Герцфельд предположил, что мы имеем здесь дело еще с материнским родом, жившим групповым браком и не знавшим моногамной семьи. В большом количестве были найдены каменные орудия микролитического типа, характерные для позднего неолита, и тысячи фрагментов простой и крашеной керамики, сделанной без гончарного круга. Лук и стрелы не были известны обитателям этого поселения. Погребений не найдено²³.

Древние жители Персеполя уже знали примитивное земледелие. Исследованиями последних лет доказано, что первоначально земледелие развивалось по течению мелких ручьев, стекающих с гор, так как освоение долин больших рек, связанное с обширными ирригационными работами, требует уже высокой общественной организации и более высокой техники. Такая «ручьевая» культура характерна не только для описываемого поселения, но и для ряда других районов Иранского плато. Древние насельники Анау также были представителями такой «ручьевой» культуры. Высказывались даже предположения, что земледелие вообще впервые появляется на

Иранском плато²⁴. Трудностью освоения первобытным человеком долин больших рек и объясняется отсутствие в Шумере поселений раньше конца неолита.

В свете последних находок становится очевидно, что в энеолитическую эпоху Иран, несмотря на ряд местных особенностей, составлял единую культурную область со Средней Азией, Северной Индией, Месопотамией и Анатолией. Юго-западная и южная группы поселений Ирана тяготеют больше к Эламу и Шумеру, а северная (Тюренг-тепе, Тепе-Гисар на востоке, Тепе-Гиян на западе) — ближе к Анау и среднеазиатским культурам.

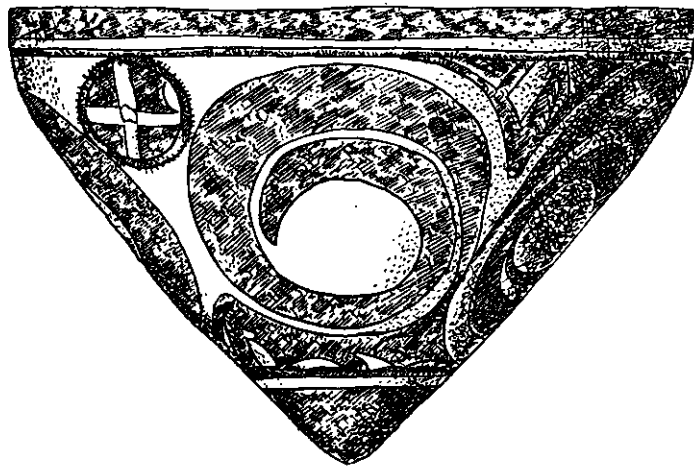

Рис. 1. Расписной сосуд энеолитического времени из Персеполя

Персепольское поселение может быть датировано примерно IV тысячелетием до н. э. В этот период древние насельники Ирана знакомятся уже с употреблением металлов: сначала — меди, позднее — бронзы. Аллювиальные долины — центры позднейших культур древнего Востока — не содержат металла. Есть все основания предполагать, что древнейшая металлургия в этой культурной области зарождается в изобилующих металлами районах, примыкающих к юго-восточной части Черного моря — в Армении и Закавказье, и оттуда проникает в Иран²⁵.

В поселениях около Нихавенда (Тепе-Гиян и другие) встречаются изделия из меди, а верхние слои относятся уже к бронзовому веку, полностью захватывающему II тысячелетие до н. э. Характерными для этого периода являются наход-

Рис. 2. Расписной сосуд. Район Нихавенда. II тысячелетие до н. э. Бостонский музей изящных искусств

ки в Сялке (близ Кашана), которые Э. Герцфельд характеризует как продолжение культуры Нихавенда и последний этап развития крашеной керамики Ирана²⁶.

Все попытки приписать эти памятники древней культуры какому-нибудь определенному народу терпели полную неудачу. Наиболее осторожные из западных исследователей предостерегают от таких попыток. Э. Герцфельд условно называет этих древних насельников Ирана «каспиями» и склонен считать эламитов ветвью этих каспиев — «первой, вступившей в историю». С другой стороны, есть довольно веские основания предполагать, что эламиты были родственны по языку дравидам²⁷, а древние племена восточного Закавказья и прикаспийской полосы, которых античные авторы, собственно, и называли каспиями, могли быть — по крайней мере

Рис. 3. Наскальный рельеф Ану-банини, царя луллубеев. Вторая половина III тысячелетия до н. э. Схематическая зарисовка

частью — родственны племенам восточной части Северного Кавказа. Поэтому этот термин в понимании Э. Герцфельда можно применять только очень условно.

В письменных источниках Двуречья имена отдельных народов, обитавших на западной окраине Иранского плато, в долинах Загроса, спускающихся к Тигру, встречаются уже с середины III тысячелетия до н. э.

Нам известно, что в предгорьях Загроса, тяготевших к Месопотамии и Эламу, очень рано создается классовое общество, причем в местной культуре заметно влияние Вавилона. Так, луллубеи, жившие, по всей вероятности, в долине Диялы, уже в середине III тысячелетия до н. э. имеют своего царя, носившего вавилонское имя Ану-банини²⁸ (на дороге между Багдадом и Хамаданом известен рельеф, изображающий этого царя)²⁹. Около того же времени племя гутиев (кутиев), происходившее, вероятно, также из горных районов Загроса, покорило Вавилонию. Впоследствии это племя

исчезло, но в позднеавиловское время все Иранское нагорье называлось архаическим термином «Гутиум»³⁰. Знаем мы также древних насельников Северной Месопотамии и левых притоков Тигра — хурритов, или субарейцев³¹. Ни один из этих народов не говорил на индоевропейских языках, распространенных, как известно, в Иране в настоящее время.

В Эламе первые государственные образования появились, возможно, к середине III тысячелетия до н. э., а во II тысячелетии здесь уже существовало могущественное государство, соперничающее с Ассирией. Оно было завоевано Ассирией лишь в VII в. до н. э. Но историю Элама необходимо изучать отдельно. Поэтому здесь она будет лишь кратко изложена.

Аллювиальная долина Сузианы (рек Каруна и Керхи), по природным условиям во многом сходная с Двуречьем Тигра и Евфрата, — одна из древнейших областей земледельческих культур Передней Азии и один из центров производства характерной расписной (крашеной) керамики. Эта керамика типична для земледельческих обществ Азии времени перехода от каменного века к медному и наивысшего развития в этих обществах первобытнообщинного строя. Древнейшие поселения Сузианы (Элама) относятся, по-видимому, к V тысячелетию до н. э. и современны переднеазиатским культурам Хассуны, Самарры и Халафа. К середине IV тысячелетия до н. э. следует отнести основание большого поселения — Суз, которые в течение тысячелетий были главным центром Элама. Это период сложения культуры «Сузы А» («Сузы I»), с характерным для него великолепным черным или коричневым геометризованным орнаментом тонкостенных, светлых погребальных сосудов ручной выделки. Этот орнамент в какой-то мере отражает религиозные представления охотников и земледельцев. В Эламе в это время уже применяется медь. Появляются личные печати, что свидетельствует, вероятно, о развитии не только личного владения, но и частной собственности. В последующие периоды («Сузы В и С») Элам развивается аналогично Шумеру периода Джемдет-Наср; наблюдается быстрый рост культуры и техники; общество, видимо, быстро приближается к грани классовой цивилизации; керамика — и материальная культура вообще — претерпевает значительные изменения; при этом усиливается связь с Двуречьем, а связи с Иранским нагорьем заметно ослабевают. В этот период Сузы превращаются в «город» типа шумерских храмовых «городов» того же времени.

Классовое общество начинает складываться, по-видимому, в течение следующего периода — «Сузы D» («Сузы II»), современного ранним шумерским государствам (начало и середина III тысячелетия до н. э.). Для материальной культуры

Элама этого времени характерны уже бронзовые орудия; нового расцвета достигает расписная керамика — но уже иного стиля, чем в период «Сузы А». Возникает своеобразная иероглифическая письменность, аналогичная письменности Шумера предшествующего периода, но значительно более архаичная, чем шумерская письменность III тысячелетия. В шумерских документах середины III тысячелетия встречаются упоминания о торговле и военных столкновениях с эламскими городами.

Культура Элама этого и следующего периода (конца III тысячелетия) была распространена далеко за пределами долины Керхи и Каруна. Так, эламские хозяйственные таблетки с иероглифическим текстом найдены в Сиялке, в Центральном Иране. Эламские надписи найдены в Персиде (например, в древнем Лияне — совр. Бушире).

В XXIV—XXIII вв. до н. э. Элам попадает под политическое господство царей Двуречья из династии Аккада: Саргона Древнего, Римуша, Маништусу, Нарам-Сина. Аккадские цари ведут многочисленные войны с носящими разные титулы правителями и «судьями» эламских городов; по-видимому, на территории Элама существовал в это время ряд мелких государств: Аван, Адамдун, Сузы, Анчан, Симаш, Барахсум и другие.

С аккадским влиянием в Сузиану проникает и аккадская клинопись, при помощи которой здесь пишут как по-аккадски, так и по-эламски (на последнем языке клинописью написан союзный договор эламских правителей с Нарам-Сином).

Примерно к XXII в. до н. э. следует отнести первую попытку создания Пузур-Иншушинаком крупной эламской державы. При нем в последний раз применяется эламская иероглифика. Во время III династии Ура («царей Шумера и Аккада» — XXI в. до н. э.) некоторые области Элама, такие, как Аван, Сузы, Анчан, находились в зависимости от Двуречья. Покоренными областями Элама управляли частью шумерские наместники, частью собственные династии правителей. Эламиты (при царе Кутер-Наххунте?) приняли деятельное участие в разрушении державы «Шумера и Аккада» около 2000 г. до н. э.

Начало II тысячелетия до н. э. — время расцвета Элама. Верховный правитель Элама этого времени носит шумерский

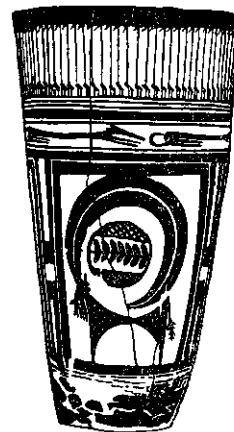

Рис. 4. Эламский культовый сосуд типа «Сузы А»

титул *суккаль-мах*, что значит «великий посланец». Однако Эламская держава была в сущности федерацией более мелких государств, управлявшихся «царями» (например, Сузы), *суккалями* и *адда* («отцами»). Суккали были связаны между собой династически. Время от времени их переводили из менее значительных владений в более важные. Только пройдя такой путь, суккаль мог стать суккаль-махом. Природа этих перемещений еще недостаточно выяснена. Характерно частое наследование власти не родными сыновьями, а сыновьями сестры — явление, наблюдающееся в Эламе еще и в I тысячелетии до н. э.

От II тысячелетия до н. э. до нас дошло из Суз много деловых документов на аккадском языке, однако, несмотря на существование специальных работ, посвященных эламскому праву, социальная история древнего Элама остается неразработанной.

В XIX в. до н. э. Кутурмапук, адда Ямутбала — пограничной области Элама — сумел посадить своих сыновей (сначала Варад-Сина, а потом Рим-Сина I) на престол одного из важнейших царств Двуречья — Ларсы. После завоевания Ларсы вавилонским царем Хаммураби (1792—1750 гг. до н. э.) Элам попадает под вавилонское влияние.

Касситское завоевание Вавилона (с XVIII—XVI вв. по XIII—XII вв. до н. э.) затронуло и Элам; с XVII по XIII в. у нас мало сведений о политической истории Элама.

Новое усиление Элама было связано с падением касситской династии в Вавилоне и усилением Ассирии. Эламские цари Шутрук-Наххунте и его сыновья — Кутер-Наххунте (II?) и Шильхак-Иншушинак — создают сильную державу. Они ведут оживленную строительную деятельность, вторгаются в Вавилонию и Ассирию, завоевывают обширную территорию в Западном Иране и в горах Загроса, свозя в Сузы богатую добычу, в том числе ряд исторических памятников (например, столб с законами царя Хаммураби), надписи вавилонских царей, статуи богов и т. п.

Наибольшего расцвета Эламское царство достигло при Шильхак-Иншушинаке (ок. 1165—1150 гг. до н. э.). Этот царь распространил свою власть на юго-восток до Лияна на Персидском заливе, на северо-восток, возможно, до Центрального Ирана, на север до Нузу (около совр. Киркука) и южных ассирийских городов, на западе доходил до Евфрата. При его сыне Хутелутуш-Иншушинаке Элам потерпел серьезное поражение от вавилонского царя Навуходоносора I (1146—1123 гг. до н. э.), которому при поддержке местных касситских вождей удалось занять долину Диялы. Эламская держава рухнула ³².

Рис. 5. Псаля бронзовых удил. Луристан. Частная коллекция

Помимо культур Элама, первой археологически засвидетельствованной культурой на территории Иранского нагорья, которую можно отнести к определенному народу, является своеобразная культура бронзы, открытая в Луристане (в Западном Иране). Появившиеся за последнее время серьезные работы по этому вопросу, быть может, позволят установить связь луристанских памятников с касситами³³.

Касситы (коссеи, акк. кашшй) — горный народ, живший в современном Луристане и в XVIII—XVI вв. до н. э. на длительное время подчинивший Вавилонию. Касситы не были индоевропейцами по языку (хотя, правда, поклонялись богам, имена которых, как думают некоторые исследователи, индоевропейского происхождения)³⁴, а скорее народом, родственным эламитами.

Так называемая луристанская бронза: мечи, украшения, конские удила с причудливыми изображениями животных — порой имеет клинописные надписи³⁵, иногда точно датируе-

мые. Луристанская культура знаменательна появлением **железа, означающим переход к новой, более высокой стадии в развитии общества.**

С середины II тысячелетия до н. э. в языках Передней Азии встречаются явные индоевропейские элементы. Чтобы правильно разобратся в трудных вопросах этногенеза народов Ирана, необходимо подробнее остановиться на состоянии вопроса о роли индоевропейцев.

Как упоминалось выше, у касситов встречаются имена богов, которые могут быть истолкованы как индоевропейские, хотя это толкование далеко не бесспорно. В XVI—XV вв. до н. э. в Месопотамии существовало государство Митанни, цари которого (как и ряда окрестных государств) носили индоевропейские имена³⁶. В договорах царства Хеттов и Митанни упоминаются индоевропейские (точнее, индийские или индоиранские) имена богов (Индра, Варуна, Митра, Насатья). В таблетке митаннийского происхождения (найденной в Богазкёе, в Малой Азии), где говорится о разведении лошадей, встречаются отдельные специальные термины, имеющие индоиранское происхождение. Эти немногочисленные факты дали основание некоторым исследователям высказать предположение о появлении индоевропейских племен в Передней Азии в первой половине II тысячелетия до н. э.

В настоящее время существуют различные теории о происхождении индоевропейцев. Обычно предполагают, что древнейшие племена, говорившие на индоевропейских языках, обитали сначала в Юго-Восточной Европе, а затем в течение III—II тысячелетий до н. э. распространились в разных направлениях, в том числе на Восток до Средней Азии. Постепенно племена, говорившие на индоевропейских языках, смешиваясь с местным населением, продвинулись и в Юго-Западную Азию, то ли через Кавказ, то ли через Среднюю Азию. Намечаются последовательные волны передвижения племен индоевропейского языка в Иран и Индию: индийская — в первой половине II тысячелетия (может быть, ряд последовательных волн), западноиранская — около 1000 г. до н. э., или ранее, и несколько восточноиранских волн (последняя — сакская — во II в. до н. э.). Языки всех этих племен были близки между собой; они объединяются под названием индоиранских или арийских (соответственно тому названию, которым называли себя эти племена — «арья» — см. ниже о термине «арийцы»).

Однако трудно объяснить всю сложность социальных и культурных изменений лишь притоком новых этнических групп, да и не всегда можно доказать, что действительно происходили массовые, ограниченные во времени, переселе-

Рис. 6. Навершие. Бронза. Луристан. Частная коллекция

ния народов. Шел сложный процесс усвоения языков определенных групп разнообразными по происхождению племенами, вступавшими между собой в различные конкретно-исторические формы контакта. Еще в начале XX в. крупнейший французский лингвист Антуан Мейе предостерегал от смешения понятий языкового и расового родства³⁷. Э. Герцфельд неоднократно в своих работах указывал на то, что «...языковая близость еще не влечет за собой близости этнической»³⁸, и прямо говорил о целом ряде неразрешимых загадок, которые задает ученому материал костных остатков из ранних поселений на Иранском плато.

В расовом отношении население древнего Ирана, как и современного, состояло из представителей так называемой

средиземноморской и арменоидной, или ассириодной, рас и различных промежуточных типов, образовавшихся в результате их скрещивания³⁹. В языковом отношении с середины II тысячелетия до начала IX в. до н. э. у нас пока вообще нет достаточных данных о существовании в Иране племен, говоривших на индоевропейских языках⁴⁰. Только начиная с упоминания мидян и персов в ассирийских анналах IX в. и с появлением мидян на исторической арене мы можем говорить об ариях в стране, которая до сих пор носит их имя (Ēgān из древнего Agyānām — страна ариев)⁴¹.

Расисты извратили этот термин, начав употреблять слово «арийцы» для обозначения вымышленной ими «высшей расы». Но истинные ученые еще до начала второй мировой войны воздерживались от такого употребления этого термина и протестовали против злоупотребления им. Так, в 1939 г. Э. Герцфельд и А. Кис писали: «...Материал, которым мы располагаем, не подтверждает связи арийцев с „северной расой“ Европы... На арийских диалектах говорили в Иране начиная примерно с 900 г. до н. э.»⁴².

Какова же точка зрения советских историков на индоевропейцев?

Советские ученые не отрицают передвижений народов, порою очень значительных, но считают, что они не являются решающими в формировании народов. Сложение языков индоиранской, или арийской, группы индоевропейской семьи языков происходило в основном на просторах юга европейской части Советского Союза и Средней Азии. Целый ряд советских ученых связывает, в частности, с носителями иранских языков племена так называемых «срубной» и андроновской культур юга Европейской части СССР, Южной Сибири и Казахстана. В Иран носители иранских языков просачивались постепенно, в течение многих столетий. Складывались племенные союзы, включавшие и местные, и некоторые пришлые племена. Различные исторические причины приводили к тому, что в этих племенных союзах побеждал тот или иной язык. Особенно жизнеспособным оказался язык иранских племен, понятный на обширной территории, по которой он был разнесен подвижными скотоводческими племенами. При этом массового истребления прежних жителей Ирана и скачкообразной смены этнического состава населения, как показывают данные антропологии, да и археологии, не было.

Как много столетий спустя Средняя Азия была местом господства языков тюркской семьи, откуда носители этих языков растекались во все стороны и главным образом на юго-запад, так и во II тысячелетии до н. э. в ней складывались индоиранские языки, распространяясь медленно и постепенно на юго-

восток, юго-запад и запад. Порой мы встречаемся с какими-то узловыми моментами этого процесса, временными его ускорениями, каким являлось, например, происшедшее уже при «полном свете истории» передвижение саков.

3. ЗАПАДНЫЙ ИРАН И МИДИЯ

Около 900 г. до н. э. в Иране, кроме крайнего запада плато и, может быть, ряда восточных районов, уже жили племена, говорившие на иранских диалектах, принадлежащих к арийской группе индоевропейской семьи языков. Не нужно думать, что все эти племена были пришлыми. По-видимому, здесь под влиянием ряда причин происходил сложный процесс восприятия аборигенами Иранского плато нового языка, носители которого просачивались из соседней области.

О положении в западных областях Ирана в IX в. до н. э. рассказывают клинописные источники, в которых говорится о походах ассирийских царей на восток⁴³.

Если не считать случайных набегов, походы ассирийцев на Иран начинаются с IX в. до н. э. Сначала они направлены на ближайшие области (впоследствии включенные в состав Ассирии), и ассирийцы не заходят дальше Замуа (иначе Мазамуа, страны луллубеев), расположенной к юго-западу от озера Урмии и управлявшейся «царями» или «вождями» (сходную форму управления имели и другие области гор Загроса).

Салманасар III (859—824 гг.) был первым из ассирийских царей, проникшим несколько дальше в глубь Ирана, например в страну Парсуа, расположенную, вероятно, в современном Ардилане, между нынешним городом Сулеймание и горой Эльвенд. Салманасар же впервые достиг окраин страны мидян (834 г.). Полководец Дайан-Ашшур проник в область к югу от озера Урмии, где тогда жило сильное племя маннеев (828 г.). Еще далее в глубь страны мидян проник Шамши-Адад V (821—820 гг.). Войска Адад-нирари III (810—782 гг.) и его матери Семирамиды совершили на Иран восемь походов⁴⁴. Власть Ассирии считалась еще в первой половине его правления простирающейся до «моря восхода» (т. е. до озера Урмии или Каспийского моря?). Во всяком случае в это время ассирийцы продвинулись глубоко внутрь Ирана⁴⁵. После этого ассирийские походы на некоторое время прекратились. Их возобновил лишь Тиглатпаласар III, после того как в середине VIII в. до н. э. нанес сокрушительный удар Урарту и провел реформы во внутренней политике и военном деле⁴⁶. В 744 г. до н. э. им были покорены все страны

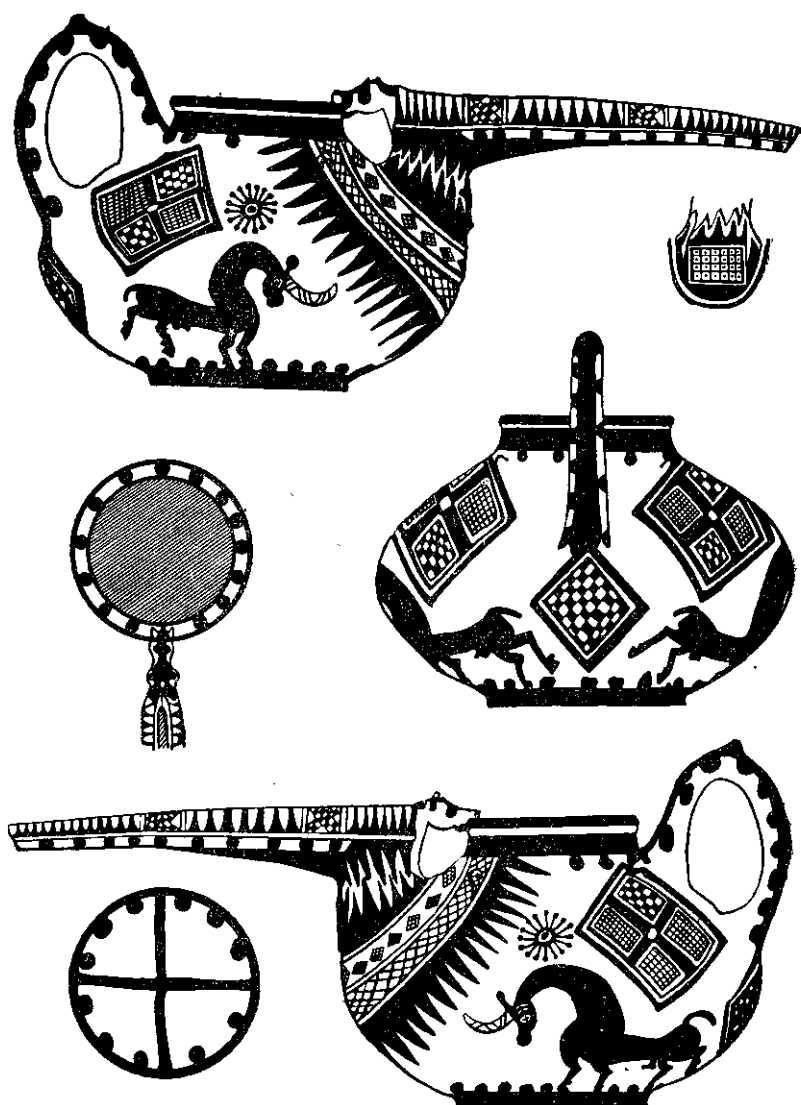

Рис. 7. Расписной сосуд из Сялка. Некрополь В.
Начало I тысячелетия до н. э.

Загроса от Урмии до границ Элама и образованы две новые провинции. Кроме того, полководец Ашшур-даннинани (точное время его похода трудно установить) спустился в восточную Мидию и достиг горы Демавенд и края пустыни. Тиглатпаласаром была сделана попытка обложить постоянной данью и удержать восточную Мидию — страну «сильных мидян, живущих у восхода солнца»⁴⁷. Несколько тысяч человек и большое количество скота было уведено в Ассирию.

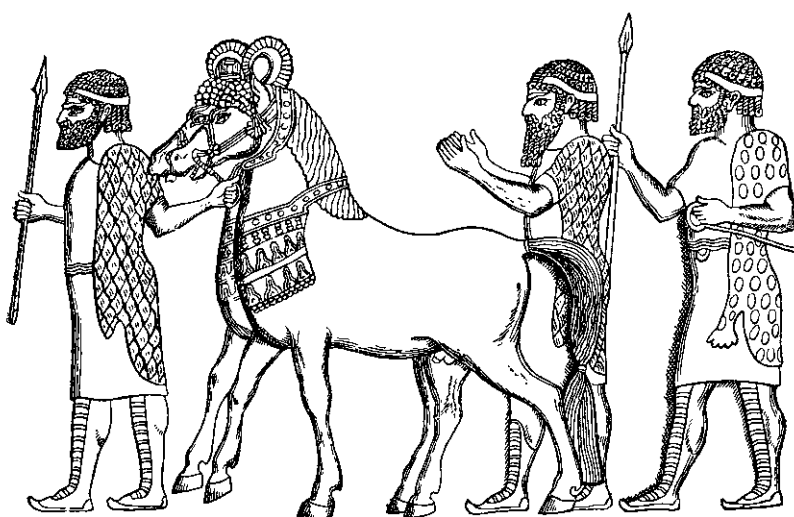

Рис. 8. Типы мидян или маннеев. С ассирийского рельефа VIII в. до н. э.

В VIII — начале VII в. до н. э. происходит усиление Элама. Ряд эламских царей [Хумпаникаш, Шутрук-Наххунте II, Хумпануммена III (?)] успешно вмешивается в дела Вавилонии, соперничая в своем влиянии с Ассирией. Однако местные правители Элама были, по-видимому, весьма самостоятельными: в стране шла непрерывная династическая борьба, осложнявшаяся вмешательством горных племен с их еще очень архаическим общественным строем. Таким образом, действительно сильной державой Элам в период его борьбы с Ассирией стать не смог.

К северу от Элама в VIII в. до н. э. наиболее сильной областью Западного Ирана, имевшей своих царей, была Страна маннеев, находившаяся к юго-востоку от Урмии. Она то была независимой, то подчинялась Урарту или Ассирии и была постоянным местом их столкновений: овладеть Страной

маннеев значило зайти противнику во фланг. От маннеев зависел ряд областей восточнее озера Урмии, на реке Сефидруд и в долинах к югу и востоку от Урмии: Зикерту (область сагартиев?), Андия, Вишдиш и другие. Южнее находились зависимые непосредственно от Ассирии долины; более или менее самостоятельной была страна Эллипи, находившаяся, вероятно, около Нихавенда. В большей части долин господство принадлежало мидянам или родственным племенам, так как ассирийцы называли их «мидянскими областями». Естественный центр собственно страны мидян находился на скрещении путей у подножия горы Эльвенд. Важную роль играла также верхняя часть долины Сефидруда.

Ассирийцы были весьма высокого мнения о военной силе мидян; они обычно называли их «сильные мидяне». Однако единого государства у мидян не было. Напротив, ассирийские анналы перечисляют бесконечные области (*«нагū»*), во главе которых стояли независимые «цари» (в наиболее важных областях Западной Мидии) или вожди, называемые по-ассирийски *бел-али* — «начальник поселения». Этим термином ассирийцы называли таких правителей независимых областей или поселений Мидии, которые не обладали царской властью. Укрепленные поселения были более многочисленны на западе Мидии, где общество, вероятно под влиянием обмена с передовыми западными областями, было более развито. До нас дошли ассирийские изображения этих мидийских укреплений. Они стояли на скалах или возвышенностях и были обнесены зубчатыми стенами с башнями⁴⁸.

Мидяне были «сильными» потому, что при всей раздробленности могли при случае действовать единодушно. Они представляли собой конфедерацию из шести племен (Геродот, I, 101): паретакены (ассир. Партакку, Партакану, Паритакану)⁴⁹, жили, вероятно, в районе современного Исфахана; на востоке Мидии в степной полосе, по-видимому, жили аризанты; неясно место обитания бусов, струхатов, будиев⁵⁰ и магов⁵¹. Судя по тем из дошедших до нас именам, этимология которых ясна, мидяне были индоевропейцами — иранцами по языку. Однако многие имена мидян IX—VIII вв. до н. э. — еще не индоевропейские.

По Геродоту, в середине VIII в. до н. э. государственность мидянам была неизвестна, и лишь отдельные общины на основе добровольного подчинения управлялись «судьями», выбиравшимися народом⁵². Мидяне занимались земледелием, но основным их занятием было, несомненно, скотоводство, особенно коневодство. Славились кони из Несеической равнины (ассир. Нишшā, иран. Нисайя) в восточной Мидии. Дань, которую собирали ассирийцы с мидийских и соседних с ними

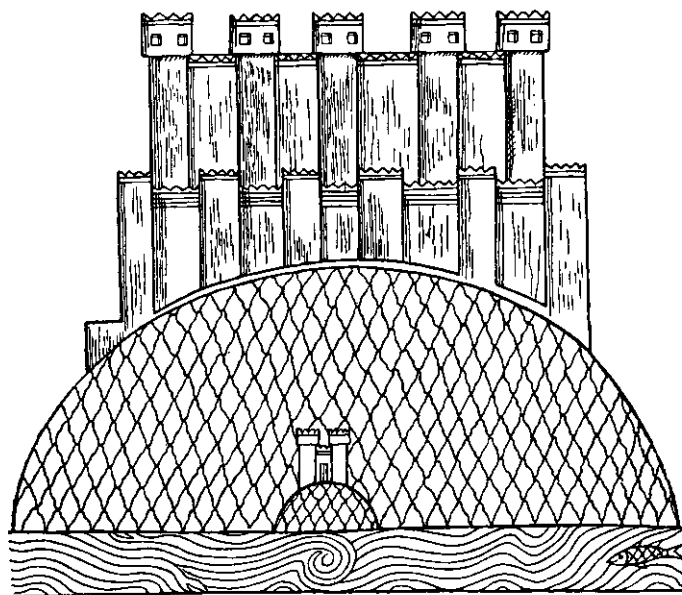

Рис. 9. Мидийская крепость. По ассирийскому рельефу VIII в. до н. э.

областей, состояла почти исключительно из скота (главным образом лошадей), в то время как с западнозагросских областей ассирийцы получали преимущественно продукты ремесленного производства. Так, дань со страны Замуа в 881—880 гг. состояла из серебра, золота, свинца, меди и медных изделий, одежд, пестрых тканей, коней, рогатого скота, овец и вина⁵³.

Но в VIII в. до н. э. наиболее серьезным противником ассирийцев и урартов в этом районе, более всего привлекавшем внимание тех и других, были еще не мидяне, а маннеи. Урартский царь Менуа (конец IX — начало VIII вв. до н. э.) совершил ряд походов против маннеев и соседних племен, а сын его Аргишти I проникал и несколько южнее — в Парсуа и в долину Диялы⁵⁴. После разгрома Урарту Тиглатпаласаром III цари маннеев Иранзу (по 718 г.) и Аза (718—717 гг.) были приверженцами Ассирии, но Аза был убит сторонниками Русы I, царя Урарту, и склонившихся на его сторону правителей Вишдиша и Зикерту (сагартиев?). Однако и нового царя маннеев — Уллусуну — Саргон II вынудил перейти на сторону ассирийцев. Тогда Руса I вступил в 715 г. до н. э. в заговор против Уллусуну с неким Дайукку, маннейским на-

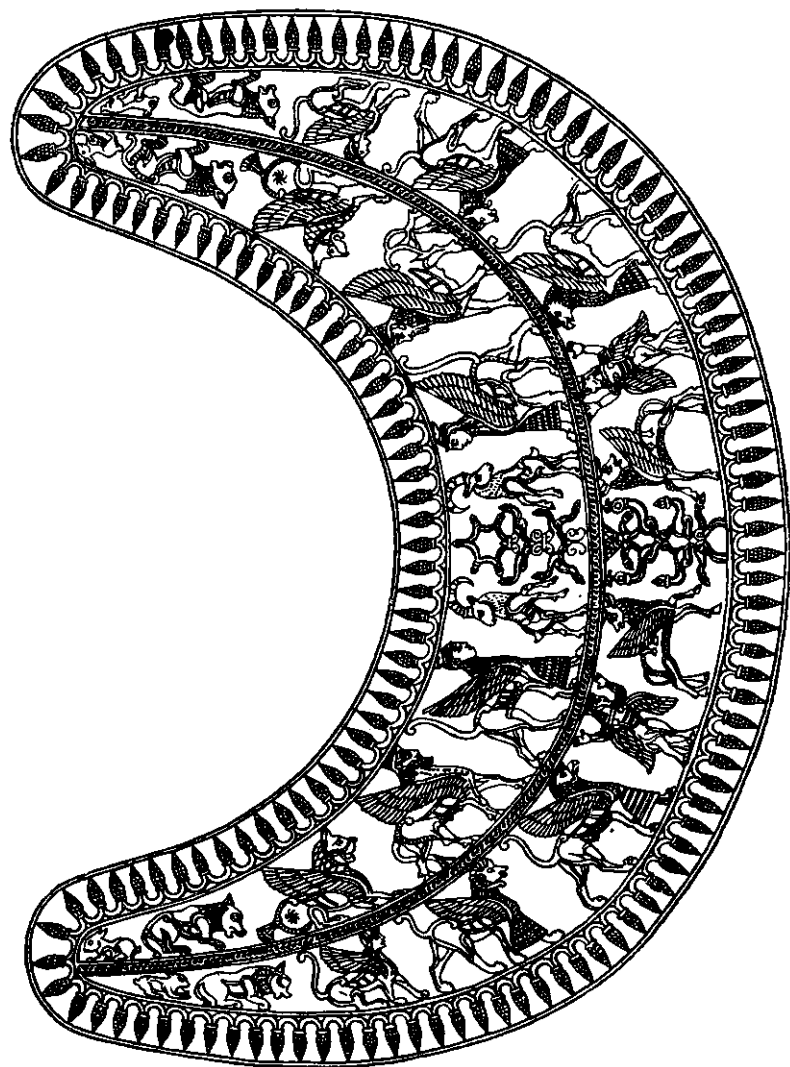

Рис. 10. Золотая пектораль из Саккызского клада (Страна маньчжур). VIII—VII вв. до н. э.

местником. Есть все основания считать, что этот Дайукку, правитель округа в Западной Мидии (маннейские «наместники» были в это время практически самостоятельными), и есть тот Дейок, которому Геродот приписывает основание Мидийского государства в Экбатанах⁵⁵. Заговор, однако, кончился неудачно: урартские войска заняли ряд маннейских крепостей, но вмешательство Саргона привело к упрочению Уллусуну. Дейок был схвачен и сослан в Сирию, в Хамат. Около того же времени в мидийские области были поселены увведенные из покоренных государств Сирии и Палестины жители, в частности израильтяне⁵⁶.

В 714 г. до н. э. Саргон предпринял поход против Андии и Зикерту⁵⁷ в долине Сефидруда и ее притоков, но не закончил его, так как приближение Русы I заставило его изменить свой план. Он обошел озеро Урмию с севера и двинулся на Урарту, которое ему удалось полностью разгромить. В 707 г. Саргон воспользовался распрей из-за престолонаследия в Эллипи (царстве на границе Мидии и Элама), чтобы укрепить и здесь свое влияние. Действия Саргона, по-видимому, надолго обеспечили замирение Загроса. При сыне Саргона Синаххерибе Ассирия была занята борьбой с Эламом, и иранские области не играли здесь особой роли. Только в 691 г. до н. э. в войне на стороне эламского царя Хумпануммены приняли участие Анчан, Эллипи и Парсуаш. Возможно, что в данном случае под названием «Парсуаш» надо понимать не лежавшую в стороне от Элама загросскую область Парсуа, так как она давно была оккупирована Ассирией, а скорее Персиду, связанную и позже с Анчаном и Эламом. В таком случае это одно из первых упоминаний персов в истории⁵⁸.

При ассирийском царе Асархаддоне влияние Ассирии достигло в Мидии наибольшего размера. Восстание мидийских «могучих начальников поселений» около 674—673 гг. до н. э. (в районе горы Демавенд, в северо-восточной Мидии?) вызвало ассирийскую экспедицию. Три мидийских правителя из восточной Мидии обратились к царю с жалобой на то, что они были изгнаны и их место заняли другие «начальники поселений». Ассирийский наместник не преминул восстановить их и обложить данью в пользу Ассирии. Подобная политика вмешательства во внутренние дела мидян и насаждение неугодных им правителей вызвали сильное недовольство, вылившееся в мощное восстание (673—672 или 672—671 гг.). Об этом восстании мы знаем из сохранившихся запросов царя Асархаддона оракулу бога солнца⁵⁹.

В восстании приняли участие киммерийцы и скифы, появившиеся в VIII — начале VII вв. до н. э. из-за Кавказа и

проникшие в современный Азербайджан, а также маннеи. Во главе восстания стояли: Мамитиаршу (по Э. Герцфельду, иран. Вахмьятарши), правитель области Мадай, Каштаригу (иран. Хшатрита), «начальник» мидийского поселения Каркашши, Дусанни, правитель области Сапарда, и Ишпака, царь скифов. Ведущая роль принадлежала Каштаригу. Таким образом, простой вождь, возможно выборный, был главой всех восставших. Старая родо-племенная организация еще продолжала действовать, несмотря на начавшееся классовое расслоение, которому особенно способствовали включение Мидии в сферу влияния Ассирии и проводившаяся ею система насаждения колоний⁶⁰.

Восстание приняло грозные размеры. Повстанцы доходили до перевалов Загроса, угрожая и самой Ассирии.

Асархаддону удалось отколоть от коалиции скифов, которые, по-видимому, примкнули к движению только с целью грабежа. Во всяком случае Асархаддон совершил неслыханный поступок: когда вождь скифов Прототий (Партатуа) попросил руки дочери ассирийского царя, тот не отказал ему, тем самым признав вождя орды варваров равным царю Ассирийской «мировой» державы. Однако часть мидийских округов Ассирии откололась от нее, и таким образом создано независимое царство — Мидия. Царем в нем сделан, по-видимому, Хшатрита, которого Геродот называет Фраортом⁶¹.

В 659 г. до н. э. мидяне вновь пытались противостоять Ассирии, когда, опираясь на них и, может быть, также на киммерийцев, вступил в борьбу с Ассирией Ахшери, царь маннеев. Ассирийский полководец разбил маннеев и занял их столицу Изирту. Ахшери бежал в другой город, где был убит восставшим населением. Его сын Уалли поспешил заключить мир с Ассирией, послав царю Ашшур-бан-апли (Ашшурбанпалу) своего сына в качестве заложника, а свою дочь в наложницы. Против мидян была проведена ассирийская карательная экспедиция, причем было захвачено 75 поселений и нанесено поражение нескольким местным правителям⁶².

В 652 г. до н. э. в Ассирии, которой тогда была подчинена также и Вавилония, началась серьезнейшая гражданская война между царем Ашшур-бан-апли и его братом Шамаш-шум-укином. В этой войне на стороне последнего приняли участие кочевники — арамеи и арабы, а также Элам, а возможно, и Мидия⁶³ и Парсуаш-Персида⁶⁴. Ассирийцам удалось разгромить Шамаш-шум-укина и его союзников поодиночке; в течение 10—15 лет ассирийцы продолжали затем войну с Эламом, пока не добились полного покорения Суз.

Далее почти на целое поколение сведения восточных

источников о Мидии прекращаются, и мы вынуждены обратиться к греческим авторам, прежде всего к Геродоту и Ктесию.

Геродот хорошо знал историю Мидии и Персии (он пользовался, по-видимому, рассказами одного крупного персидского вельможи-беженца, имевшего родственные связи среди мидянской знати), но, конечно, не избежал ошибок, главным образом хронологических. Поэтому, если за отсутствием других данных мы пользуемся трудами Геродота, необходимо помнить, что в тех случаях, когда его изложение может быть проверено, оно в некоторых случаях, особенно в хронологии, расходится с данными современных событий ассирийских и вавилонских источников.

Труд Ктесия специально был направлен против Геродота⁶⁵. Хотя Ктесий долго жил при персидском дворе и имел возможность ознакомиться с историческими материалами и преданиями, однако в тех случаях, когда мы можем проверить данные обоих греческих писателей при помощи местных источников, прав почти всегда оказывается Геродот. Что касается Мидии, то здесь Геродот, по-видимому, рассказывает действительную историю «дома Дейока», а Ктесий конструирует искусственную династию, имена для которой взяты, возможно, от различных мидийских царьков VIII—VII вв., частично живших в одно время. Хронологическая схема Ктесия безусловно фантастична. Но во всяком случае первые цари, которых Геродот относит к дому Дейока, не были единственными правителями Мидии: у них были современники и соперники — Арбак, Артик и другие правители, которых упоминает Ктесий.

Геродот рассказывает, что «мидяне жили в то время отдельными деревнями; в родной деревне Дейок уже и прежде пользовался доброй славой: теперь он еще строже соблюдал справедливость, между тем как по всей Мидии царило беззаконие...». И именно за это жители деревни, в которой жил Дейок, выбрали его судьей. Затем к нему стали обращаться жители других деревень, пока, наконец, мидяне, тяготясь беззаконием, «не собрались вместе (по-видимому, на народное собрание)... и убеждали друг друга подчиниться царской власти». Царем был избран Дейок. «Тогда Дейок приказал соорудить для себя дом, достойный звания царя, и оградить его власть вооруженною стражей копьеносцев. Мидяне сделали это: они построили для него обширный дворец на месте, указанном им самим, и предложили ему самому выбрать стражу из всех мидян. Получив таким образом царскую власть, он принудил мидян образовать один город, сосредоточить заботы на нем только и обращать поменьше

внимания на остальные местности. Склонив к этому мидян, он велел возвести большие, крепкие стены, теперь носящие название Агбатан, причем одна стена кольцом замыкалась в другой». Акрополь устроен был так, что одно кольцо возвышалось над другим только своими зубцами⁶⁶. Далее Геродот описывает этот акрополь и сообщает о том, что уже при Дейоке был заведен порядок, что с царем можно сноситься лишь через вестников и т. д., и о том, что «Дейок слил мидийский народ воедино и царствовал над ним» 53 года. После него 22 года царствовал его сын Фраорт, покоривший, кроме мидян, также персов и другие народы Ирана и погибший при попытке победить ассирийцев. После этого на престол взошел его сын Киаксар⁶⁷.

Геродот в общих чертах правильно излагает процесс образования Мидийского государства, хотя оно не было, конечно, основано на добровольном подчинении народа вождям и царям и началось задолго до Дейока, а закончилось значительно позже. В этом рассказе содержатся и большие хронологические неточности. Прежде всего Дейок, взятый в плен ассирийцами в 715 г. до н. э., не был правителем всей Мидии. Если верно отождествление Хшатриты-Каштариту с Фраортом⁶⁸, то ясно, что Фраорт не мог непосредственно наследовать Дейоку и вряд ли мог уже покорить Персиду. Затем, если правление Киаксара началось не ранее 625 г. до н. э., то и Киаксар вряд ли мог быть внуком Дейока, правление которого закончилось в 715 г. до н. э. На самом деле между 715 и 625 гг. до н. э. царство Дейока или, вернее, Фраорта сложилось и росло, мидяне вели борьбу с мелкими полунезависимыми царьками, маннеи пытались создать в северо-западном Иране собственное крупное государство, чему более или менее успешно противодействовала Ассирия, а скифы совершали свои набеги.

Геродот относит нашествие скифов уже к правлению Киаксара: после гибели Фраорта в борьбе с Ассирией Киаксар решил отомстить за него и «пошел войной на Нин (Ниневию), желая... завоевать этот город. Когда после победы над ассирийцами Киаксар осаждал Нин, появилось большое скифское войско под предводительством Мадия, сына Протолия. Скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами; преследуя бегущих киммерийцев, они вошли таким образом в мидийскую землю... Скифы шли... имея с правой стороны Кавказскую гору. В этом месте мидяне сразились со скифами, но были разбиты, потеряли господство над Азией, а скифы завладели ею»⁶⁹. Здесь Геродот смешал два события: вторжение скифов на территорию современного Азербайджана, происшедшее в начале VII в. до н. э., и их войну с

мидянами, вспыхнувшую в правление Мадия, сына Прототия, вероятно, племянника Ашшур-бан-апли, следовательно, уже в середине или во второй половине VII в. до н. э. Что касается «владычества» скифов над Азией, о котором говорит Геродот и которое, согласно его сообщению, длилось 28 лет, то о нем можно говорить лишь весьма и весьма условно; оно могло распространяться только на некоторые части Малой Азии, Закавказья и Северо-Западного Ирана. Но и здесь в течение всего VII в. до н. э. продолжали существовать Маннейское и Урартское царства; оба они даже расширяли свои границы, а последнее сохранило до своего падения в начале VI в. до н. э. по крайней мере часть своих завоеваний в Закавказье, откуда дошли надписи урартского царя Русы III⁷⁰.

С правлением Киаксара (иран. Хувахштра, акк. Увакиштар, приблизительно 625—585 гг. до н. э.) мы вступаем на более твердую историческую почву. Киаксар — действительный основатель Мидийской державы. Любопытно, что Ктесий вообще отрицает его существование.

Начиная с 652 г. до н. э. Ассирия переживала тяжелое время смут и междоусобий. Около 633 г. до н. э., незадолго до начала правления Киаксара, умер ассирийский царь Ашшур-бан-апли. В 627 г. до н. э. отпал Вавилон, и вскоре в нем создано самостоятельное царство⁷¹. Таким образом, это был благоприятный момент для внешних нападений на Ассирию.

По словам Геродота, Фраорт «пошел наконец войною и на ассирийцев, на тех именно ассирийцев, которые жили в Нине и ранее владели над всеми. Хотя все союзники и отпали от ассирийцев и оставили их одних (по Геродоту, мировое владычество ассирийцев окончилось еще до времен Дейока.—М. Д.)⁷², ассирийцы все еще были сильны. Во время этого похода Фраорт погиб... с ним вместе пала и большая часть войска»⁷³. Далее Геродот рассказывает уже приведенное известие о походе Киаксара на Ниневию, прерванном вторжением скифов; после 28 лет владычества скифов, говорит Геродот, «Киаксар и мидяне пригласили их однажды на пир, напоили и перебили. Так мидяне спасли царство и снова приобрели себе власть такую, какая была у них прежде; кроме того, они покорили Нин... и подчинили себе ассирийцев, за исключением вавилонской области»⁷⁴.

Первый поход мидян против Ассирии — если он действительно был — нужно отнести либо ко времени около 652 г. до н. э., либо к периоду между 633 и 617 гг. до н. э., скорее всего к моменту борьбы двух претендентов на престол: Син-шуми-лишира и Син-шарру-ишкуна (после 628 г. до н. э.). Но при более ранней датировке первого похода Киаксара

против Ассирии следует признать, что Киаксар правил не 40, а около 68 лет, и что 28 лет владычества скифов должны быть включены в правление Киаксара. С другой стороны, при более поздней датировке этого первого похода мидийского царя получается, что второй его поход, приведший к падению Ассирии, происходил до истечения 28 лет владычества скифов в Мидии. Очевидно, что хронология Геродота требует исправления.

Набу-апал-усур (Набопаласар), захвативший в 626 г. до н. э. власть в Вавилоне, перешел в наступление против Ассирии, в чем ему немалую помощь оказали мидяне. Ход войны был изложен в одной вавилонской хронике; к сожалению, до нас не дошло изложение событий с 622 по 617 г. до н. э.⁷⁵ Наиболее важен рассказ о падении Ниневии в 612 г. до н. э. Недостающие в хронике данные приходится дополнять главным образом из произведений поздних греческих авторов, которые основывались преимущественно на сообщениях эллинистического вавилонского автора Бероса. К 605 г. до н. э. последние остатки ассирийской армии были уничтожены (в битве при Каркемише). Начиная с 609 г. до н. э. в борьбу вовлекается и Урарту, которое, по-видимому, было подчинено Мидией в последнее десятилетие VII — первое десятилетие VI в. до н. э.

Как могло случиться, что Мидия, которой еще не существовало за одно-два поколения перед этим, оказалась столь опасной соперницей Ассирийской державы и причиной ее неожиданной гибели? Откуда взялось могучее Мидийское царство, когда еще так недавно на его месте был конгломерат независимых и полунезависимых княжеств, общин и племен? А такую, по-видимому, мы должны представить Мидию, судя по ассирийским данным, еще в середине VII в. до н. э. — времени, к которому Геродот относит правление Фраорта и скифов.

Дело, по-видимому, в том, что разъединенные в годы мира иранские племена, отправляясь в поход на Ассирию, снова, как в дни Хшатриты, превратились в могущественную воинственную конфедерацию. Даже значительно позже, когда Киаксар и его сын Астиаг превратили Мидию в большое Мидийское царство, оно не было однородным и централизованным. Так, Иеремия, возлагая в начале VI в. до н. э. надежду на то, что мидяне разрушат Вавилон, как разрушили Ассирию, пишет: «Поднимайте знамя на земле, трубите в трубы среди народов, благословляйте против него (Вавилона. — М. Д.) народы; призовите против него царства Урарту, маннеев и скифов; назначьте против него начальников, поднимите коней, как ошетинившуюся саранчу; благословите против

него народы — царей мидян, их наместников и всех их воевод (употреблены ассирийские, потом перешедшие к Ахеменидам термины. — М. Д.) и всю землю владычества их, да содрогнется земля и да сотрясется, ибо осуществятся для Вавилона намерения Яхве: обратить землю в запустение, где никто не живет»^{75а}. Также и в надписи на глиняном цилиндре царя Вавилона Набу-на'ида (Набонида) говорится об «умман-манде», т. е. северных варварах (под которыми подразумеваются мидяне и их царь), причем упоминаются «умман-манда, его земля и цари, его помощники»⁷⁶. Таким образом, многочисленные мелкие царства и отдельные племена были подчинены Киаксаром, но не были полностью поглощены Мидией.

Завоевание Ассирии имело для Мидии огромное значение. Неисчислимые богатства Ниневии и Ашшура были поделены между царьками и представителями знати. При этом распределение добычи шло, вероятно, как это бывает на такой стадии развития, т. е. так, что львиная доля доставалась предводителям племенных ополчений. Не удивительно, что эти богатства послужили, конечно, прежде всего на пользу потомкам царьков и знати и являлись орудием, с помощью которого классовое расслоение в мидянском обществе пошло вперед семимильными шагами.

Как можно предположить на основании одного из сообщений Геродота⁷⁷, уже Киаксар ввел деление войска по родам оружия вместо прежнего деления по родам и племенам. Путь Мидии от племенной конфедерации и массы независимых общин к положению великой державы не мог не идти через расслоение общества на бедняков и богатую знать, и в этом свете мы должны пытаться понять дальнейшие события.

Киаксар не ограничился завоеванием собственно Ассирии и, по-видимому, части Северной Месопотамии. Именно он, вероятно (а не Фраорт, как думал Геродот), присоединил к Мидии ряд иранских областей (Гирканию и Парфию, где впоследствии род Киаксара пользовался большой популярностью, и, согласно Ктесию⁷⁸, Бактрию; однако это сообщение Ктесия сомнительно, а его указание, будто еще ассирийцы осаждали Бактры, невероятно). Таким образом, границей Мидии на северо-востоке была, вероятно, пустыня Каракум в современной Туркменской ССР или даже Аму-Дарья, где мидяне, по Ктесию, столкнулись с саками. Персида входила в число подчиненных Мидии царств — также, вероятно, и Элам⁷⁹. Все эти страны слишком обширны, чтобы можно было с вероятностью предположить, что Киаксар завоевал их в промежутке между падением последних

ассирийских городов (612—605 гг. до н. э.) и 590 г. до н. э., когда началась война с Лидией. Более вероятно, что многие иранские области (например, Гиркания, Парфия, Персида) присоединились к мидянам в ходе завоевания последними Ассирии.

Помимо того, Киаксар покорил царство маннеев, Урарту и часть Малой Азии до реки Галис (Каппадокию). Если

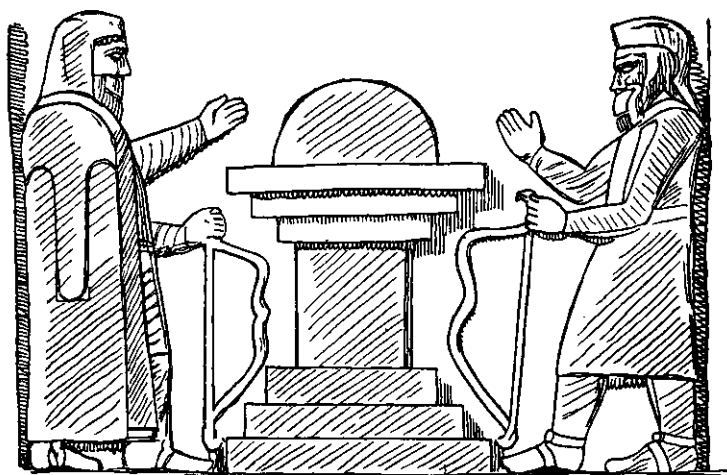

Рис. 11. Царь и жрец перед алтарем огня. Схематическая зарисовка мидийского рельефа с гробницы Кызкапан. VII—VI вв. до н. э.

верить датировке LI главы Книги Иеремии, то царства маннеев, скифов и Урарту существовали еще в 593 г. до н. э., но, вероятно, они, подобно Персиде, сохранили свою самостоятельность, признав верховную власть царя Мидии.

Во всяком случае, когда 28 мая 585 г. до н. э., в день солнечного затмения, на реке Галис произошло сражение между Киаксаром и царем Лидии Алиаттом⁸⁰, Киаксар уже должен был некоторое время владеть всей Арменией, т. е. территорией государства Урарту. Если оно целиком вошло в состав Мидийского царства, то, следовательно, Мидии принадлежала и часть теперешнего советского Закавказья, — мы упоминали, что последний царь Урарту, Руса III, сын Эримены, оставил надписи на территории Армянской ССР.

Раскапываемая ныне советским археологом Б. Б. Пиотровским урартская крепость Тейшебаини (ныне Кармир-

блур) около Еревана пала в конце VII или в начале VI в. до н. э. под ударами либо скифов (совместно с закавказскими племенами?), либо, как полагают некоторые исследователи, именно мидян⁸¹.

По Геродоту⁸², война с Лидией возникла у Киаксара из-за скифов, которые, избегая Киаксара, отошли за реку Галис (ныне Кызыл-Ирмак), где в то время начиналась территория Лидии. Война продолжалась 6 лет (590—585 гг. до н. э.), и после сражения 28 мая 585 г. до н. э. был заключен мир при посредничестве царей Вавилонии и Киликии (государство на юго-востоке Малой Азии). После обряда побратимства между Киаксаром и Алиатом последний выдал свою дочь за наследника мидийского царя Астиага (или Астиага, вав. Иштүвегу).

Вскоре после этого Киаксар умер. Кроме указанных уже внутренних результатов, войны, которые он вел, имели еще одно важное значение: они привели к значительным этническим изменениям (последние были, впрочем, отчасти вызваны и киммеро-скифским вторжением). Так, маннеи исчезли из истории, видимо слившись полностью с мидянами. Область Урарту стала армянской (по Геродоту, армяне были родственны фригийцам и пришли из Малой Азии)⁸³.

Наряду с армянами в той же области жили алародии (урарты). Мосхи и тибарены, как полагают некоторые исследователи, были из Каппадокии оттеснены к Черному морю⁸⁴. Между Колхидой и областью озера Урмии основным населением были, по Геродоту, саспейры, которых, едва ли основательно, сопоставляют с населением области Шуприя, существовавшей в ассирийское время близ истоков Тигра, и даже с Субарту (название Северной Месопотамии в конце III и начале II тысячелетия до н. э.). Скорее всего саспейры были грузинскими племенами. Сагартии передвинулись на запад, так что их центром стал ассирийский город Арбела. Долины Загроса были заняты мидянами.

Новый царь Мидии Астиаг детей не имел, и царство его должно было перейти, по Ктесию, к его зятю Спитаму⁸⁵. Достоин внимания, что Спитама — родовое имя пророка Заратуштры (греч. Зороастр), легендарного основателя зороастрийской религии. Известно, какое огромное значение для всего Ирана имела эта идеология, сложившаяся на границе Восточного Ирана и Средней Азии.

Для понимания дальнейшей истории Мидийского и Персидского царств рассмотрим общественный строй областей, находившихся к востоку и северо-востоку от Мидии и Персии.

4. ВОСТОЧНЫЙ ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ ПЕРЕД АХЕМЕНИДСКИМ ЗАВОЕВАНИЕМ

Основным источником по древнейшей истории Восточного Ирана и Средней Азии является Авеста⁸⁶ — священная книга зороастрийской религии, верховным божеством которой является добрый дух Ахура Мазда, окруженный сонмом сверхъестественных существ и вечно борющийся со злым духом Ангхро Манью. В настоящее время зороастризм придерживаются только небольшие общины гебров, или парсов, в Иране и в Индии; до арабского завоевания (в сасанидский период) зороастризм был государственной религией всего Ирана.

Авеста написана на одном из древних иранских языков, по-видимому из числа восточноиранских⁸⁷. По грамматическому строю язык Авесты мало отличается от древнеперсидского языка ахеменидских надписей (как и от древнеиндийского языка).

Полного критического исследования текста Авесты, подобного «библейской критике», еще нет. Несомненно, что некоторые части дошедшей до нас Авесты составлялись в период, когда язык Авесты был уже мертвым, но основная часть — еще тогда, когда он был живым, следовательно, еще задолго до парфянского владычества (с III в. до н. э.). Текст Авесты был, по-видимому, первоначально записан (в позднеахеменидское время) неогласованным письмом арамейского происхождения. Александру Македонскому традицией приписывается уничтожение полного списка Авесты⁸⁸. Первые попытки восстановить текст были сделаны, согласно традиции, при парфянском царе Валкаше (вероятно, Вологезе I, I в. н. э.). Новая редакция была создана верховным жрецом Картиром при основателе династии Сасанидов Арташире Папакане. Собираение и отбор религиозных текстов для включения в канон Авесты продолжались и в последующие века. Согласно традиции, окончательная редакция Авесты была осуществлена магом Атурпатом при Шапуре II (309—379 гг. н. э.)⁸⁹. Таким образом, свой окончательный вид Авеста приняла не ранее IV в. н. э. Точное время составления ее основных частей неизвестно.

Официальный догматический канон Авесты сасанидского периода, включавший в себя наряду с древними текстами многие поздние сочинения и фрагменты, был зафиксирован в VI в. н. э. специальным видом детально огласованного письма, созданного на основе письма книжно-пехлевийского. Язык Авесты ко времени последних редакций канона был

давно уже мертвым, поэтому редакторы плохо понимали ряд особенностей этого языка (прежде всего его фонетический состав) и при переложении текста на новую графику ошибочно транскрибировали многие слова. В тех частях канона, которые были впервые написаны на языке Авесты только в парфянское время, имеется много искажений, связанных и с недостаточным пониманием грамматической структуры языка.

Согласно традиции, зафиксированной в позднейших памятниках, в древности Авеста включала в себя 21 книгу (*наск*)⁹⁰. Уже в сасанидский период ряд насков состоял лишь из отдельных фрагментов; до нашего времени дошел более или менее целиком лишь один наск — Видэвдат⁹¹, содержащий мифологические предания и правила ритуального очищения. Другие части — Ясна и Висперед (литургического содержания), а также гимны, так называемые Яшты, — представляют фрагменты различных насков.

Особое место в Ясне занимают Гаты — стихотворные проповеди, гимны, написанные на особом и более архаичном, сравнительно с другими частями Авесты, диалекте. Гаты плохо поддаются изучению вследствие трудности языка и сложности стиля. Отсюда — огромные различия в толковании и переводе Гат у разных исследователей. По языку близко примыкает к Гатам прозаическая «Ясна семи глав». Зороастрийцы приписывают создание Авесты пророку Заратуштре, которого большинство исследователей признает исторической личностью. Но даже если считать Заратуштру реальным лицом, то и в этом случае с определенной долей уверенности можно говорить лишь о том, что ему принадлежат Гаты, написанные от лица пророка и содержащие, между прочим, ряд биографических сведений и намеков. В Гатах Заратуштра не выступает как мифическое, полубожественное существо, каким он является в других частях Авесты⁹². Древнеперсидские надписи Заратуштру не упоминают, нет упоминаний о нем и у Геродота. Другие греческие авторы, начиная с Ксанфа Лидянина, относят время его жизни к баснословной древности, к эпохе до основания Персидской державы (приводимые иногда астрономические цифры связаны с представлениями иранской секты зерванитов и греческих платоников о мировых эрах).

Ряд современных исследователей считает, что Заратуштра жил в VII—VI вв. до н. э.⁹³, однако сравнение данных Авесты с археологическими материалами из Средней Азии и Восточного Ирана указывает на более ранний период сложения старейших частей Авесты⁹⁴.

Родиной Заратуштры позднейшая средневековая зороастрийская традиция называет обычно Мидию и — под влиянием преобладания там в позднейшее время религии магов — Атропатену (Горную Мидию), а в качестве места его проповеди — Бактрию. Античные авторы нередко называют Заратуштру мидянином, персо-мидянином, персом, но, как кажется, уже и тогда была известна традиция, связывающая его с Бактрией. Покровителя Заратуштры Виштаспу (вероятно, именно его Харес Митиленский называет царем «Нижней Мидии») древнейшие источники не смешивают с известным Виштаспой, отцом персидского царя Дария I.

Не лишено вероятности, что Авеста, по крайней мере ее старейшие части, сложилась на территории Бактрии, т. е. на верхнем течении Аму-Дарьи⁹⁵. Указания на области Восточного Ирана и Средней Азии имеются в Яштах — гимнах, посвященных отдельным божествам, во многом близких Риг-Веде и возникших, несомненно, задолго до начала сложения зороастризма.

Страны авестийского круга подробно перечислены в I фаргарде (главе) Видэвдата, дошедшего до нас в сравнительно поздней редакции. Здесь рассказывается, что Ахура Мазда, верховный бог, создал последовательно шестнадцать стран, а его враг Ангхро Манью создал в каждой из них свои злые творения. Эти страны относятся исключительно к Восточному Ирану и Средней Азии⁹⁶. Характерно, что в списке (и вообще в Авесте) отсутствует упоминание Парфии, а также Мидии (кроме Раги) и Персии.

Материальная культура Авесты очень архаична; так, например, железо называется общим термином с бронзой⁹⁷; нет никаких данных, которые бы свидетельствовали о существовании в обществе, отраженном в старейших частях Авесты, ремесла, отделившегося от земледелия⁹⁸. Авеста не знает развитой городской жизни; нет в Авесте и упоминаний о сколько-нибудь крупных государственных образованиях⁹⁹.

Социальная структура общества, представленная в Гатах и Яштах, отражает, несомненно, еще доахеменидский период истории Восточного Ирана и примыкающих районов Средней Азии. Основной единицей общественного устройства является *вис*¹⁰⁰ — род, родовая община, а также селение как место жительства рода¹⁰¹. Вис распадается на отдельные семьи, дворы — *нмāна* (в Гатах — *дмāна*)¹⁰². Несколько висов входило в состав племени — *занту*¹⁰³. Этот термин встречается в обычном перечислении: «нмāна, вис, занту, дахью», но отдельно он уже не употребляется (в том числе и в Гатах). По-видимому, это указывает на то, что

в авестийское время племена были уже довольно неопределенной единицей.

Следующей единицей общественного устройства является *дахью* — область, населенная племенем или союзом племен¹⁰⁴. Термина «народ», «народность» Авеста не знает. Родо-племенная структура общества выступает во всех частях Авесты, варьируясь лишь в деталях. В Гатах «занту» заменяется термином *шойтра*, обозначающим племя (оседлое), а также обработанную землю, ниву¹⁰⁵. Термины *шайана* и *шити* (образованные от того же корня, что и «шойтра») выступают наряду с «дахью» для обозначения понятия «область, страна»¹⁰⁶.

Соответственно этой системе строится и иерархия пяти властей в Авесте: *нмйнопати*, *виспати*, *зантупати*, *дахьюпати*, т. е. владыка дома, владыка рода (или деревни, общины), владыка племени и владыка области¹⁰⁷. Пятый — Заратуштра (или по традиционному парсийскому переводу «наиболее подобный Заратуштре» — т. е. глава духовенства?), за исключением области Раги в Мидии, где это лицо совпадает с «владыкой области»¹⁰⁸.

Невольно вспоминается устройство мидийского общества: та же система деревень (частью, конечно, укрепленных) и областей (ассир. *нагū*), совмещенная с сохранением основ родо-племенной организации. Ассирийское *бел-или* (начальник поселения) есть, конечно, не что иное, как перевод иранского «виспати».

Но для времен позднейших частей Авесты изложенная система была уже более или менее теоретической. В феодальную эпоху она была переосмыслена на феодальный лад.

Авеста знает деление населения на сословные группы — *пиштра*¹⁰⁹. Их три, часто перечисляемых вместе: жрецы, «колесничие» и крестьяне (пахари и скотоводы)¹¹⁰. Только в одном случае к ним прибавлено еще одно сословие — ремесленники¹¹¹. Рабы упоминаются в Авесте редко¹¹². Цена раба была больше цены быка, но меньше цены поля¹¹³.

Место дахьюпати в Авесте часто занимают другие владельцы, например *састар*, выступающий один раз (Яшт 13, 18) в том же значении, что и дахьюпати; в ряде других текстов, напротив, састар — тиран, притеснитель правоверных зороастрийцев¹¹⁴. Может быть, мы здесь имеем нечто подобное мидийской борьбе различных «начальников поселений», выборных и наследственных.

Так же как састары, могли быть и на стороне «добра» или «зла» и жрецы-правители — *кави*¹¹⁵. Авеста упоминает целый ряд лиц, носящих титул кави; позднейшая традиция

составила из них династию Кавианидов или Кайанидов; многие ученые делали попытки отождествить их с Ахеменидами, но теперь установлено, что отдельные кави Авесты принадлежали к разным родам и не имеют никакого отношения друг к другу¹¹⁶.

Дела общины решались не единолично «владыкой», а совместно с советом или собранием «лучших людей»¹¹⁷. Общегосударственного объединения Ирана или части его Авеста не знает, хотя об одном из легендарных героев древности говорится, что «он властвовал над всеми областями», а другие молят об этом богов¹¹⁸. «Дахьюпати дахьюпатиев» неоднократно называется в Авесте бог Митра.

Правоверные зороастрийцы общества Авесты — оседлые скотоводы и земледельцы. Их врагами считаются «поклонники дэвов» (*дайваясна*) — прежде всего кочевники, среди которых главное место занимают *тура*¹¹⁹; упоминаются также даи (если их можно отождествить с авест. *dāha*), марды и дербики¹²⁰; когда в I фаргарде Видэвдата говорится о кочевниках, «живущих без главы у вод Рангхи»¹²¹, то подразумеваются, возможно, саки (Рангха или Раха — древнее название великой реки, применявшееся к Сыр-Дарье, Волге и даже к Тигру). Даи — племя, относимое то к сакам, то к парфянам. О месте жительства мардов и дербиков имеются противоречивые известия.

Несколько иное положение рисуют Гаты. Внешняя ситуация, по ним, по-видимому, такова: Заратуштра, бежав, согласно традиции, с родины — возможно, из «Раги Зороастрийской» в Мидии, — нашел пристанище у кави Виштаспы, сына Аурватаспы из рода Наотара¹²², может быть — в Бактрии, как полагала позднейшая традиция. Виштаспа и соседний князь Джамаспа из рода Хвови перешли на сторону Заратуштры и поддержали его в борьбе. Борьба же эта велась, насколько можно судить, против разбойничьей полукочевой и кочевой племенной знати, против князей и старого жречества (*карапанов*) и представляемого ими культа. Эта религиозная борьба была, по-видимому, лишь формой социальной борьбы — момент, ускользнувший от большинства западных исследователей. Характерны, между прочим, те гнев и страсть, которые автор Гат влагает в свои песнопения¹²³. Сословий, как таковых, Гаты вовсе не знают; всякий одновременно и крестьянин или пастух, и воин, а сам кави Виштаспа лишь первый между равными. Виштаспа и его община независимы. Иноземцы неизвестны, кроме, может быть, соседних кочевников. В числе прочего населения выделяются жрецы — кави, карапаны и *усиджи*, которых автор Гат обвиняет в захвате и уничтожении скота (по-видимому, общественного) под видом

бесконечных жертвоприношений и для собственных нужд. Против враждебных жрецов и «дурных правителей» (састары и другие) и направлена проповедь Гат, и с этой тенденцией связана, конечно, и борьба за реформу культа, против старого культа дэвов¹²⁴.

Другой протест, который также, может быть, замечен в Гатах, относится к области земельных отношений. Гаты знают четырехчленную систему позднейшей Авесты, но она здесь несколько видоизменена: «дом, нива, область» или «дом, деревня, нива, область» (говорится о владычестве в них). Под нивой (шойтра) надо, очевидно, понимать общинную землю¹²⁵. Если *хшатра* (владение, власть) означает в этих контекстах не «небесный удел», а просто земельный, то не исключена возможность, что в Гатах (Ясна, 28, 3, 51) говорится о неправильных переделах этой земли.

Таким образом, Гаты показывают нам тот же процесс распада доклассового общества в восточноиранских или среднеазиатских областях, какой мы уже видели в Мидии VIII—VI вв. до н. э.

Бесполезно при нашем нынешнем состоянии знаний спорить о том, был ли автор Гат действительным противником родовой знати или лишь использовал недовольство масс в своих целях, т. е. для борьбы с какой-то иной группой знати и жрецов. Ясно, однако, во-первых, что социальная борьба на столь низкой ступени развития вполне естественно может и должна выразиться в форме борьбы религиозной, и, во-вторых, что проповедь Гат носит в высшей степени боевой характер и содержит в ряде мест призыв к террору. Несущественными кажутся нам пока и споры о том, историческое лицо Заратуштра или нет. Для нас важно не лицо, а процесс, отраженный в Гатах.

Новейшие советские раскопки в Средней Азии (на городище Афрасиаб — старом Самарканде, в Марыйском оазисе и на территории Северной Бактрии) и французские раскопки на территории Южной Бактрии позволяют полагать, что племена Средней Азии примерно в VIII—VII вв. до н. э. в связи с распространением техники железа научились регулировать речное орошение и создали магистральные ирригационные каналы в низовьях Мургаба и Зеравшана и в равнинных районах Бактрии, и что здесь, вероятно, к VI в. до н. э. уже должно было сложиться классовое общество. Приблизительно к VIII—VI вв. до н. э. следует отнести и социально-религиозное движение Гат.

Гаты знают только мельчайшие раннегосударственные объединения, вроде *нагū* ассирийских источников в Мидии; одним из них было княжество Виштаспы. Но греческие исто-

рики V—IV вв. до н. э. сохранили смутные известия о Бактрии как о значительном государственном объединении, и существование такого объединения, как нам кажется, может быть подтверждено археологическими данными. Во всяком случае вероятно, что это объединение, если оно существовало, должно было быть крайне разнородным и включать отдельные полусамостоятельные области и племена.

Аналогичные процессы происходили и на нижнем течении Аму-Дарьи — в Хорезме, к которому, возможно, тяготели и некоторые другие среднеазиатские области. Так, известие Геродота о совместном использовании вод реки Ака (Теджена-Герируда) племенами Хорезма, Парфии с Гирканией, Ареи и соседних областей говорит, возможно, о каком-то племенном или раннегосударственном объединении.

Археологические данные дают нам некоторое представление, по-видимому, и о предках кочевых ираноязычных племен. Обширные территории северо-восточного Причерноморья, Южного Поволжья, Приуралья, Казахстана и Средней Азии, занятые в середине I тысячелетия до н. э., по данным письменных источников, кочевыми ираноязычными племенами скифов и саков, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. были заняты племенами двух близкородственных археологических культур — «срубной» и андроновской, причем последняя охватывала также и Южную Сибирь. Следует отметить, что зороастрийская традиция помещала мифическую прародину ариев — Арьянем-Вайджо — в холодных северных областях.

Племена среднеазиатских кочевников пользовались в первой половине I тысячелетия до н. э. в основном еще техникой бронзового века. Сообщения Геродота о массагетах указывают на сильные пережитки или даже на господство у них материнского родового строя.

Таковы наши сведения об общественном строе пограничных областей Ирана и Средней Азии перед завоеванием их персами. Мы знаем, что в это время там уже начался процесс классового расслоения, отразившийся в движении, памятником которого являются Гаты. В Гатах еще нет развернутой системы догматики, обрядности и т. д., — всего того, что в своей совокупности составляет так называемый зороастризм, религию догматическую и нетерпимую, которую мы знаем со времени династии Сасанидов (с III в. н. э.). Дуализм, характерный для Гат, который затем лег в основу зороастрийской (маздеистской) догматики, имеет многочисленные параллели в первобытнообщинном обществе в виде представления о борьбе богов-близнецов (предков и покровителей фратрий единого племени) и в виде соответственной организации культовых

общин. Сами усиджи и карапаны Гат, противники правоверных, поклонялись, конечно, не «злому духу Ангхро Манью», а, скорее всего, тому же Ахура Мазде, как и мидяне и персы времени Ахеменидов.

Религиозные представления и даже религиозная терминология последних были чрезвычайно близки к авестийским, но целый ряд особенностей (в частности, погребальные обряды) и самый характер ахеменидской политики в отношении религий покоренных стран не позволяют считать ахеменидских персов зороастрийцами¹²⁶. Да это и исторически невероятно. Но, конечно, когда изменившиеся социальные условия потребовали создания новой догматически-непримиримой религии, основанной на более тонкой социальной демагогии, верования предыдущих веков явились важнейшей составной частью этой новой религии. В качестве же догматического стержня была взята проповедь Гат, отражавшая, очевидно, популярное религиозно-социальное движение, но, конечно, обросшее уже в течение веков обрядностью и сложными религиозно-философскими построениями. (Аналогичную роль сыграл мессианиззм для христианства.) Но все это было уже гораздо позже, во время антиэллинистической реакции, при последних парфянских царях и при Сасанидах, когда уже начали складываться в Иране феодальные отношения.

Позднее зороастрийскими жрецами в Персии были так называемые маги. Вплоть до времени арабского завоевания (VIII в. н. э.) сохранились воспоминания о том, что они когда-то жили в Мидии, близ Раги¹²⁷. В древности же маги, по свидетельству Геродота, были одним из мидийских племен¹²⁸. При этом, однако, они, сохраняя свою племенную организацию, являлись уже при Ахеменидах своего рода религиозной группой¹²⁹, несколько отличавшейся по религиозным воззрениям и обрядам от персов. По свидетельству Ксанфа Лидянина, сам основатель Ахеменидской державы Кир был воспитан магами, обучавшими его «философии». Подобно многим религиозно-социальным организациям, маги обвинялись их противниками в проповеди «общности жен». По словам Ксанфа Лидянина, маги имели своего главу, считавшегося преемником Заратуштры¹³⁰. Подобно правоверным жрецам Авесты — *атраванам*, странствовавшим «по областям», маги распространились со своей первоначальной родины по всему Ирану. Весьма вероятно, что маги очень рано восприняли и переработали учение Заратуштры, т. е. использовали общественно-религиозное движение, которое отражено в Гатах. Учение, которое проповедовали маги, зародилось, по-видимому, в Бактрии и восточной Мидии задолго до создания Персидской державы¹³¹.

5. ОБРАЗОВАНИЕ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ

Первоначальная организация персидского общества была в общих чертах сходна с мидийской. Согласно одной из древнеперсидских надписей, персы считали, что у них с мидянами общий язык¹³². Современные лингвисты приходят к выводу, что языки мидян и персов, фактически отличаясь друг от друга, были все же очень близки¹³³. Геродот называет шесть оседлых племен персов: пасаргады, марафии, маспии, пантиалаи, дерусии и германии (или кармании, которые считались также племенем, отличным от персов). Кроме того, он называет четыре кочевых племен: даи, марды, дропики, сагартии¹³⁴. Последние отличались от мидийских сагартиев, о которых была речь в главе 3. Названия остальных кочевых племен также встречаются в других местах Ирана. Так, марды жили еще у Каспийского моря и в Парфии, даи (или дахи, т. е. варвары) — также в Парфии, дропики (если это то же, что и дербики) — между Маргианой и Гирканией (по Ктесию — на границе Индии). Таким образом, кочевые племена были разбросаны по всему Ирану.

Но и оседлые племена персов были тесно связаны с племенами различных частей Ирана и сохраняли воспоминание о былом вхождении в единую группу или конфедерацию племен «арья»¹³⁵, включавшую и персов, и мидян, и восточных иранцев. У зороастрийцев этот термин обозначал уже только оседлые зороастрийские племена¹³⁶.

Персида — область гористая. Земледелие в ней возможно лишь в отдельных долинах при условии искусственного орошения. На северо-западе эта область охватывает часть сухих степей Центрального Ирана. Здесь кочевали, вероятно, сагартии, в то время как марды жили в горных районах на северо-востоке. Побережье Персидского залива — сухое, малопригодное для оседлой жизни, но через него Персида была связана с культурной областью Элама (Сузианой), от которой ее в других местах отделяли горы. Природа Кармании, примыкающей к Персиде с востока, сходна с природой Персиды, с той разницей, что сухие степи занимают в ней больше пространства, а оазисы простираются далее на север. В Кармании добывались золото, серебро, медь, соль и т. п.

В древнейшее время Персида относилась к эламской культурной области. Здесь, на побережье Персидского залива, когда-то стоял древний эламский город Лиян. По мнению одних ученых, в пределах Персиды находилась древняя эламская область Анчан, упоминаемая в памятниках с III тысячелетия до н. э.; по мнению других, Анчан находился в центре или на северо-востоке собственно Элама¹³⁷. Эламские правители обычно

называли себя «царями Анчана и Суз». В VII в. Анчаном называлась, по-видимому, отдельная от Элама область. Войска Анчана наряду с войсками Парсуаша (Персиды) и Эллипи принимали участие в 691 г. до н. э. в битве при Халуле на территории Элама.

Когда в Персиде появились персы-иранцы — неизвестно. Во всяком случае предположение об их приходе в VIII—VII вв. до н. э. из североиранской области Парсуа маловероятно. Напротив, страна Парсамаш-Парсуаш^{137a}, упоминаемая как крайняя из эламских областей уже в надписи ассирийского царя Шамши-Адада V (823—810 г. до н. э.) и в надписи Синаххе-риба под 691 г. до н. э. в связи с битвой при Халуле, а также в ряде писем ассирийского царского архива, относящихся к событиям 653—652 гг. до н. э., возможно и есть Персида¹³⁸. Один из ранних персидских царей («страны Парсумаш», или Парсуаш) Ахеменид Кир I упоминается в ассирийской надписи начала 30-х годов VII в. до н. э.¹³⁹ Однако первым персидским царем, от которого до нас дошли его собственные надписи, является Кир II (др.-перс. Куруш). В своем тексте на вавилонском языке Кир называет своих предков Камбиса I, Кира I и Теиспа царями Анчана¹⁴⁰.

В начале VI в. до н. э. остатки родового строя еще сохранялись у персов. Род (*таухма*), родовая община (*вис*) были основой всей организации¹⁴¹. Царская власть, простиравшаяся первоначально лишь на пасаргадов, марафиев и маспиев, была наследственной в роде Ахеменидов из племени пасаргадов. По-видимому, царское достоинство могло передаваться лишь сыну или мужу женщины царского рода (обычай, известный нам также в древнем Египте и Эфиопии)¹⁴². Персидские цари вплоть до Ксеркса (485—465 гг. до н. э.) подчеркивали свою заботу о роде и области и упоминали в своей родословной, что они из рода «Ахеменидов», из племени (или племенного союза, области) «Парса» и по происхождению «арья»¹⁴³.

Появление «области», нарушающее обычную схему родоплеменных организаций, показывает, что уже начала складываться народность. Но основной ячейкой общества и у персов была община родового происхождения — вис¹⁴⁴. Как и в Мидии, у персов существовали укрепления, носившие название *дида*¹⁴⁵ или *вардана*. Городов в Персиде не было: обе царские резиденции, Пасаргады и Персеполь, не являлись городами в собственном смысле слова. По сравнению с мидянами — не говоря уже о других народах древнего Востока — персы, как это неоднократно подчеркивали Геродот и другие греческие писатели, были несколько более отсталым народом.

При Киаксаре и Астиаге Ахемениды находились в зависимости от мидян. Возможно, царство Парсуаш, захватив Анчан,

затем разделилось на два маленьких царства, причем в обоих царствовали Ахемениды¹⁴⁶. Вероятно, персы были одним из народов, примкнувшим к мидянам в годы их побед над Ассирией; они были заинтересованы в использовании падения Ассирии для захвата эламских земель. Элам в первой половине VI в. до н. э. был государством, по всей вероятности, находившимся, подобно Персиде, под влиянием Мидии. Объединение Персиды произошло, вероятно, уже в ходе восстания Кира II против Астиага.

Геродот и Ктесий сообщают народные легенды о чудесном рождении и воспитании Кира II¹⁴⁷, основателя могущественной Персидской державы. Однако историческим является, вероятно, лишь то, что Кир был сыном персидского (или анчанского) правителя Камбиса I и дочери мидийского царя Астиага.

И Геродот, и Ктесий изображают совершенный Киром переворот — низложение Астиага — прежде всего династическим. Таким образом, персы заняли ведущее положение в уже существовавшем государстве (почему греки, египтяне и евреи и впоследствии часто называли это государство Мидянским).

Любопытна социальная сторона переворота, как ее излагает Геродот. Душой переворота был мидийский вельможа Гарпаг, жестоко обиженный Астиагом. Гарпаг тайно известил Кира, что он начнет восстание против Астиага и что мидийская знать его поддержит. Персы, давно тяготевшие властью мидян, легко пошли на восстание. Геродот упоминает лишь два сражения между Астиагом и Киром. В первом сражении мидийским войском командовал Гарпаг, но он изменил, а вместе с ним и большая часть войска. Во втором — остатками мидийской армии командовал сам Астиаг, но и он был разбит и взят в плен¹⁴⁸.

Версия Геродота восходит к традиции рода самого Гарпага и поэтому заслуживает, вообще говоря, доверия. Версия Ктесия стремится всячески унижить Кира. По Ктесию, он был мард, и настоящее имя его было другое. Случайно попал он ко двору Астиага, пользовался его милостью, был послан против непокорных кадусиев, живших у Каспийского моря, и затем с помощью некоего Ойбара возмутил персов и начал восстание против Мидии¹⁴⁹. Этот Ойбар может быть тем же самым лицом, которое Геродот называет Гобрием, Помпей Трог — Гибаром, вавилонские тексты — Губару или Угбару, а персидские — Гаубарува (Гобрува)¹⁵⁰. Гобрий играл очень большую политическую роль как при Кире, так и позже, при Дарии I.

Ктесий изображает войну между Астиагом и Киром длительной. Астиаг, говорит он, дошел до самых Пасаргад в Персиде, но здесь был разбит и затем взят в плен. Кир же — женился на его дочери, а его самого не казнил, а сослал в одну

из восточных областей, казнив, однако, Спитама, зятя и наследника Астиага.

Что причиной гибели Астиага была мидийская знать, косвенно следует и из вавилонских источников. Судя по ним, война длилась три года (553/2—550 гг. до н. э.) и закончилась изменой мидийского войска и разгромом Экбатан.

Итак, Кир был возведен на престол как ставленник знати. Но, очевидно, потомков царьков и бёл-а́ли — «начальников поселений» (а из них, по-видимому, и состояла мидийская и персидская знать) — не устраивало ограничение их прав единой царской властью, а может быть, в Мидийском царстве были еще слишком сильны и пережитки демократизма прежних времен. Во всяком случае позже, когда на престол был посажен Дарий I, мидийский народ восстал, объединившись вокруг вождя, принявшего имя «Хшатриты из рода Киаксара», т. е. ориентировавшегося на доакхеменидские традиции.

Завладев Мидийским царством, причем некоторые области пришлось подчинить военной силой, Кир стал продолжать политику завоеваний, начатую Киаксаром. Но Киаксар действовал только в мидийских интересах, Кир же при проведении своей политики опирался не только на персов и мидян, но и на известные группы господствующего класса передовых стран Востока, в частности Вавилонии, Финикии и т. д.

Продолжением политики Киаксара была и первая война с Лидией¹⁵¹. Лидийское государство, издавна существовавшее в долине Герма, в западной части Малой Азии, сыграло, вероятно, большую роль в низвержении владычества фригийцев, а затем киммерийцев в Малой Азии. В связи с нашествием киммерийцев в середине VII в. до н. э., при Гиге (ассир. Гуггу, евр. Гог), низвергнувшем царя Кандавла и основавшем новую династию Мермнадов, Лидией были установлены отношения с Ассирией и налажена связь с Востоком и Египтом. Цари из рода Мермнадов, завоевав Карию и Писидию на юге, Мисию и Пафлагонию на севере и Фригию на востоке, расширили свои владения до Галиса¹⁵². Лидия сделалась посредником в торговле между Западом и Востоком, обеспечивая более безопасный торговый путь, чем обычный морской. Она завязала отношения с греческими государствами не только в самой Малой Азии, но и в Европе: лидийские цари были и первыми филэллинами и претендовали на роль арбитров в греческих делах. На торговле с Западом и Востоком Лидия чрезвычайно разбогатела: богатство Креза, последнего лидийского царя, вошло в поговорку. Характерно, что в Лидии раньше, чем во всех других странах, начали чеканить монету.

Узнав о падении Астиага, царь Лидии Крез, бывший с ним в союзе, решил, что настал подходящий момент для расшире-

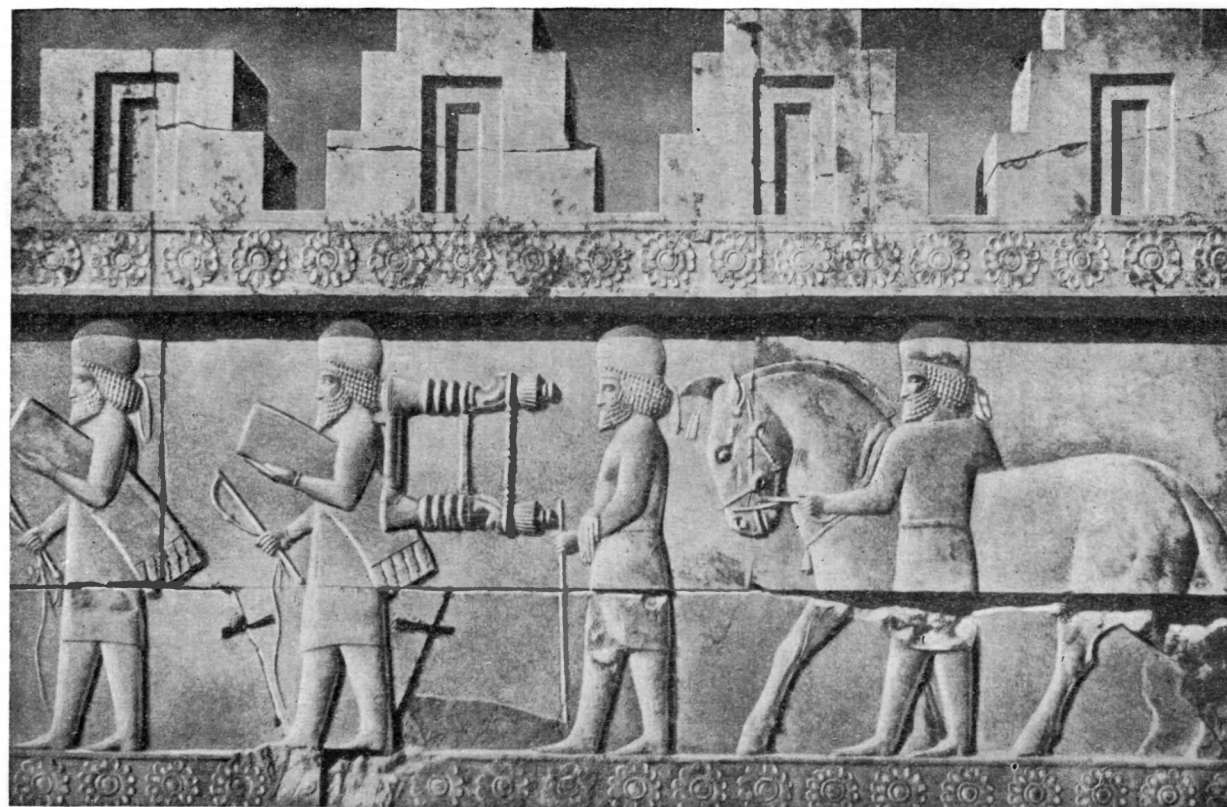

Рис. 12. Мидяне — царские слуги или данники. Рельеф из ападаны в Персеполе. VI—V вв. до н. э.

ния территории, и под предлогом мщения за Астиага перешел пограничную реку Галис¹⁵³. При Птерии в Каппадокии произошла битва, однако ни один из противников не нанес другому решающего поражения. Ввиду наступления зимы Крез вернулся в свою столицу Сарды (по-лидийски Сфарт), думая продолжать военные действия в летнюю кампанию, и при этом дал знать своим союзникам — Вавилону, Египту и Спарте — о необходимости выслать подкрепления¹⁵⁴. Однако, несмотря на трудность зимнего похода, Кир очень скоро явился к стенам Сард и взял город штурмом (546 г. до н. э.¹⁵⁵). Если судить по вавилонскому источнику — к сожалению, плохой сохранности, — Крез, кажется, был убит. По Геродоту, Кир сделал его своим советником¹⁵⁶. Лидия была обращена в провинцию (Спарда древнеперсидских надписей). Восстание лидийцев, начавшееся под руководством Пактия, которому была поручена лидийская казна, было быстро подавлено, а лидяне лишены права носить оружие.

Персидская держава унаследовала от Лидии ее торговые пути, интересы в Греции, связи с греческой торговлей и взаимоотношения с ионийскими городами — частью дружеские, частью враждебные. Персидская держава «обернулась лицом» к Эгейскому морю. Это надолго определило ход развития ее истории.

Вскоре после подавления восстания Пактия персами был покорен ряд греческих (ионийских) городов на западном и горная Ликия на южном побережье Малой Азии и подчинена Киликия, сохранившая самоуправление. Но перед Киrom стояли более серьезные задачи. Он начинает подготовку к завоеванию Вавилонского царства. Борьба между Мидией, место которой заняла теперь Персия, и Вавилонией давно уже стояла на очереди: судя по данным, сохранившимся в Библии, эту борьбу ожидали еще в начале VI в. до н. э.¹⁵⁷

Смутное и плохо сохранившееся упоминание в вавилонской хронике под 542 г. до н. э. о каких-то действиях Элама (?) против Аккада указывает, по-видимому, на первые шаги Кира в его борьбе против Вавилонии¹⁵⁸. О дальнейших нескольких годах царствования Кира мы не располагаем сведениями. Видимо, Кир ведет тщательную подготовку вавилонской кампании. Он не решается еще перейти в наступление и действует пока на восточных границах. Надо думать, что именно между 545 и 540 гг. до н. э. им были завоеваны восточные области Ирана: Дрангиана, Ароя, Гандхара, Саттагидия и Арахосия (совр. Афганистан), если только часть из них не подчинялась уже в какой-то мере и Киаксару. Все покоренные народы были принуждены давать определенное количество человек в войско Кира, которое таким образом сильно возросло.

В Вавилонии влиятельные торгово-ростовщические и жреческие круги были недовольны царем Набу-на'идом, а в военном отношении Вавилония была в этот момент крайне слаба. Правда, оборонительные сооружения, возведенные Навуходоносором II вокруг Вавилона, были таковы, что если бы вавилонская армия оказала серьезное сопротивление, то она могла бы, быть может, выдержать натиск персов. Но как раз сопротивление было оказано совершенно ничтожное.

В таммузе (июне — июле) 538 г. до н. э. войска Кира под начальством Гобрия нанесли поражение вавилонянам при Описе за Тигром. 14 таммуза (12 июля) Гобрию без боя сдался город Сиппар, а 16 таммуза (14 июля) — Вавилон¹⁵⁹. Сирия, Финикия и Месопотамия также без труда были захвачены персами, частью, может быть, еще раньше Вавилона. Победа Кира была одержана благодаря прямому пособничеству господствовавших в Вавилоне рабовладельцев — жречества, торговцев и ростовщиков. Торгово-рабовладельческие круги Вавилона — крупнейшего центра тогдашней торговли — нуждались в создании великой державы, которая объединяла бы основные страны древнего Востока, обеспечила бы внутренний мир, удобные пути и открыла рынки, на которых господствовали бы вавилоняне. Разделение сферы влияния на севере Месопотамии между Мидией (а позже Персией) и Вавилонией, неспособность вавилонского царя обеспечить господство в Сирии, Палестине и Северной Месопотамии и непопулярная и длительная война, которую он вел в Центральной Аравии, — все это не соответствовало интересам господствовавших кругов Вавилона. Владычество Кира, сулившее открытие путей на Восток и в Малую Азию, по-видимому, казалось им более желательным.

Прежде всего Кир восстановил ряд храмов. Он вернул изображения божеств, увезенные из вавилонских городов отчасти последним вавилонским царем Набу-на'идом, отчасти ранее. Он приказал также вновь отстроить разрушенный Навуходоносором Иерусалимский храм и разрешил вернуться на родину иудейским изгнанникам. Этим он надеялся обеспечить надежный форпост в задуманной им борьбе с Египтом. Иерусалим был превращен в самоуправляющийся храмовый город, какие уже ранее существовали и в Вавилонии (Вавилон, Сиппар, Ниппур, Урук). Соправителем Кира в Вавилонии был некоторое время его сын Камбис. Кир принял вавилонские царские титулы. Этим он как бы обещал продолжать проавилонскую политику¹⁶⁰. Кроме того, он принял титул «царя стран» и «царя царей», что очень хорошо характеризует сущность созданной им державы.

«Царство стран» было чрезвычайно рыхлым и непрочным

Рис. 13 Данники Ахеменидской державы — сирийцы. Рельеф из ападаны в Персеполе. VI—V вв. до н. э.

объединением весьма разнородных частей, из которых наиболее развитыми экономически и политически были Вавилония, Сирия, Финикия, Лидия. Они приносили персам несравненно больше дохода, чем все остальные страны, вместе взятые. Их объединяло стремление торгово-ростовщических кругов к созданию единства в интересах торговли, а также для защиты своих классовых и групповых интересов в борьбе, происходившей внутри каждой из этих стран.

Персы, отчасти и мидяне (продолжавшие наряду с персами до известной степени сохранять свое ведущее положение в державе), стремились к завоеваниям, потому что для них в этом заключалась возможность жить за счет эксплуатации покоренного населения и разрешать все важные внутренние проблемы. Рядовые персы, состоявшие в армии и государственном аппарате и освобожденные от общественных работ и уплаты налогов, не были заинтересованы в борьбе против господства персидских царей. Поэтому мы имеем все основания предполагать, что персидское население почти всегда поддерживало царскую власть, хотя она и выражала, без сомнения, интересы знати. Наконец, благодаря постепенно развивающемуся международному характеру державы и армии, легче было держать в подчинении народные массы как в покоренных странах, так и в самом Иране. Но, конечно, сами персы, принимая во внимание сравнительно низкий уровень развития персидского общества, были бы не в состоянии покорить весь древний Восток, если бы интересы завоевателей не совпали с интересами господствующих или весьма влиятельных группировок в завоевываемых странах и если бы персы не встретили с их стороны прямой поддержки. Однако разнородность уровня развития и интересов стран, входивших в состав царства, державшегося силою оружия, и его эксплуататорский характер делали Персидскую державу непрочным объединением, что и показала ее последующая история.

В общих чертах внутренняя политика Кира оставалась той же, что и у мидийских царей, продолжавших в свою очередь политику ассирийских царей, но без ассирийской организованности и системы. Царством управляли наместники-сатрапы (ассир. *bēl reḫāti* или *reḫātu*, арамейск. *reḫātā*, мид. *xšaθ-garāp* (?), перс. *xšaθarāvan*, греч. *σατράπης*), под начальством которых кое-где существовали местные автономные города (например, Иерусалим с зависимой от него округой Иудеи, греческие и другие города Малой Азии, финикийские и некоторые вавилонские города). Кое-где сохранились зависимые царства (Финикия) и полусамостоятельные племена (на побережьях Черного и Каспийского морей, некоторые горные племена Ирана и другие). Вавилония и, может быть, Элам и

Лидия считались отдельными царствами в пределах «царства стран», но управляли ими также наместники. Подать с наместничеств и царств собиралась от случая к случаю и зависела в основном от произвола властей.

Если покорение Вавилонии вовлекло Кира в средиземноморскую политику и поставило перед ним задачу завоевания Египта — постоянного соперника переднеазиатских держав, то для господства над Ираном ему необходимо было держать в своих руках Бактрию.

Бактрийцы были сильной народностью или, вернее, группой племен. Гаты, вероятно, характеризуют строй их общества в начале I тысячелетия до н. э.¹⁶¹

Греческие авторы, как было указано выше, упоминают о существовавшем в древности «Бактрийском царстве»¹⁶². Судя по археологическим данным, в VII—VI вв. до н. э. земледелие, на базе освоения техники железа, выходит здесь за пределы маленьких предгорных оазисов: создаются и начинают развиваться земледельческие оазисы в бассейнах больших среднеазиатских рек. Возникают предпосылки для создания классовой цивилизации. Многочисленная ремесленная керамика указывает на наличие товарного производства. Впервые возникают крупные поселения городского типа: Мараканда (Самарканд) в Согдиане, городище Гяур-Кала (Мерв) в Маргиане, Бактры (Балх), городище Кала-и Мир (Кобадан) в Бактрии. Вероятно, в Бактрии VII—VI вв. до н. э. уже складывалось классовое общество и возникали небольшие государства; отдельные области могли осуществлять гегемонию над остальными. Возможно, что здесь, как и в Мидии, продолжала еще существовать конфедерация племен, сплачивавшая племена и мелкие раннегосударственные образования Бактрии в дни войны. Возможно, однако, что сложилось уже и государственное объединение Бактрии и примыкавших к ней областей.

Бактрия считалась в древности одной из плодороднейших стран Востока. Славилась она, между прочим, коневодством. Важнейшим ее поселением были «Златоконные Бактры» (совр. Балх в Северном Афганистане); в древности их ставили в один ряд с такими важными городами, как Вавилон, Сузы, Экбатаны, Персеполь, Сарды и другие. Кроме Бактр, здесь было еще множество укрепленных поселений; некоторые из них теперь найдены археологами. В долине Окса (Аму-Дарья и Вахша) существовало земледелие, основанное на искусственном орошении. По своему развитию и силе Бактрия, вероятно, мало отличалась от Мидии и Персиды. На западе Ахеменидской державы ее существование зависело столько же от положения в Вавилонии, Финикии и т. д., сколько от

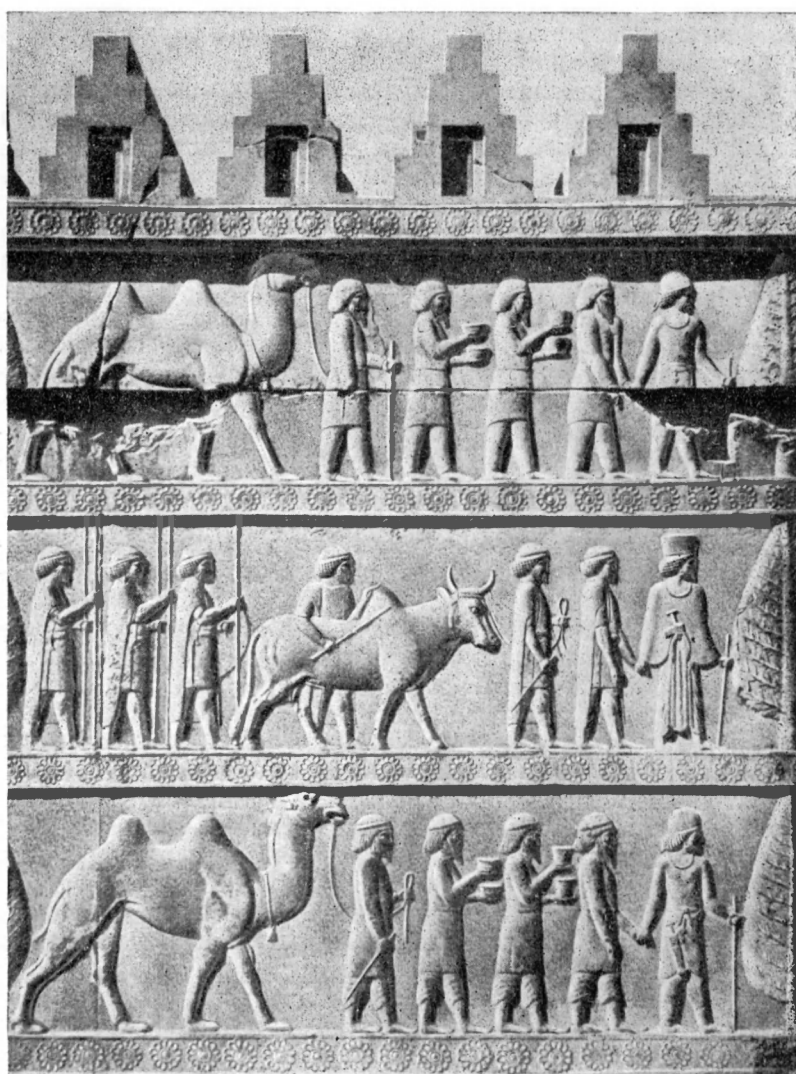

Рис. 14 Данники Ахеменидской державы: парфяне (?), жители Гандхары (?) и бактрийцы (?). Рельеф из ападаны в Персеполе. VI—V вв. до н. э.

силы персидского войска. В пределах же Ирана господство Ахеменидов решалось борьбой примерно равных по силе обществ: мидийского, персидского и бактрийского. Поэтому покорение Бактрии и было одной из наиболее важных для Кира задач, как о том говорит Геродот.

Сходным с положением в Бактрии было и положение в Хорезме на нижнем течении Окса. Ряд исследователей полагает, что и здесь сложилось обширное раннегосударственное или племенное объединение, охватившее и соседние области (Согд, долину Теджена-Герируда?).

По сообщению Ктесия — автора явно промидийской ориентации — первоначально Кир не смог покорить Бактрию. Лишь узнав, что Астиаг признал Кира своим законным наследником, бактрийцы добровольно подчинились персам. Ксенофонт в своей малодостоверной «Киропедии» упоминает о существовании в это время бактрийского царя. С другой стороны. Геродот называет Вавилон, Бактрию, Египет, а также и саков важнейшими противниками Кира после покорения Лидии¹⁶³. Возможно, что подчинение Киру могущественного (по условиям Восточного Ирана и Средней Азии) Бактрийского царства после падения Астиага было формальным, а фактически оно продолжало оставаться опасным соседом персов. Мы ничего не знаем о завоевании Киrom Бактрии, а также Согдианы (за Оксом) и Хорезма. Однако при его преемнике эти области входили в Ахеменидскую державу¹⁶⁴. Но удержать эти области можно было только в том случае, если бы удалось обеспечить их безопасность от среднеазиатских кочевников: саков, массагетов и т. д. Защита оседлого населения от кочевников была таким же необходимым условием для благополучия Бактрии, Согдианы и Хорезма, как и забота об орошении. Поэтому, как правильно отмечает Геродот, покорение кочевников было еще одной насущной задачей, стоящей перед Киrom.

Здесь, в Средней Азии, Кир и пал в бою с кочевниками — с какими именно, точно неизвестно: греческие авторы называют разные племена. Так, Берос называет даев¹⁶⁵ — парфянское племя, жившее в современной Туркмении, Ктесий — дербиков¹⁶⁶, живших, по Страбону¹⁶⁷, «рядом с Гирканией», по-видимому, к северу от нее, т. е. в Туркмении, около современного Красноводска. Впрочем, сам Ктесий помещает дербиков на границе Индии. Это возможно, так как и другие кочевые племена, например даи, марды, сагартии, встречались в самых различных местах Средней Азии и Ирана.

Геродот же называет последних врагов Кира массагетами¹⁶⁸, помещая их «за Араксом» (Сыр-Дарьей)¹⁶⁹. Это, по

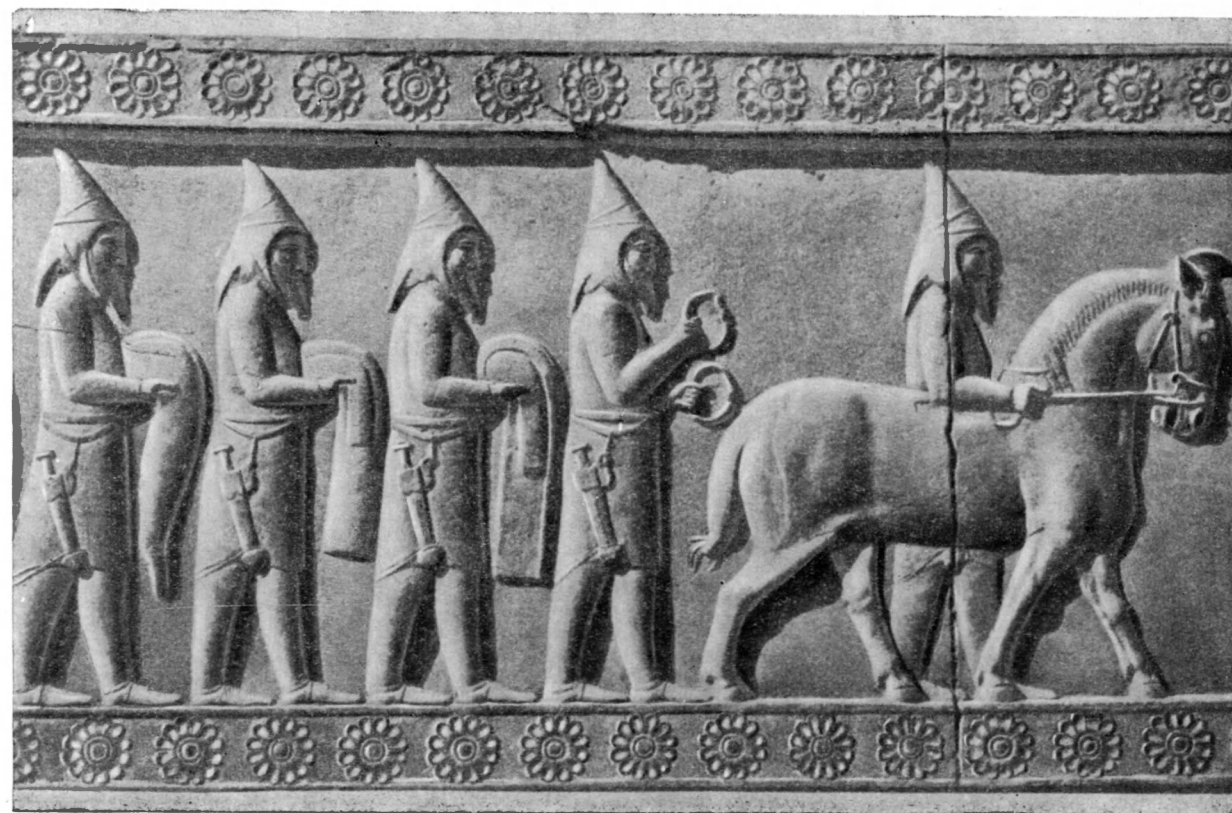

Рис. 15. Данники Ахеменидской державы — саки, Рельеф из ападаны в Персеполе. VI—V вв. до н. э.

всей вероятности, во времена Геродота было довольно неопределенным названием для кочевников северной части Средней Азии. Поэтому Помпей Трог называет их еще более неопределенно скифами¹⁷⁰, т. е. так, как греки и римляне называли самых разнообразных северных кочевников.

По Страбону, массагеты жили, как и саки, в восточной части среднеазиатских степей и были родственны жителям Хорезма; обитали они за Сыр-Дарьей, а также в горах, на равнинах, островах и в болотах низовий Сыр-Дарьи. В этих же местах жили они, вероятно, и при Кире. У массагетов господствовал родовой строй и групповой брак. По сообщениям античных писателей, управляли массагетами женщины. Подобно дербикам, массагеты убивали стариков. Геродот дает чрезвычайно любопытное описание массагетов, которое стоит привести целиком: «По одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов. Сражаются они верхом на лошадях и пешие: знают оба способа войны; сражаются луками и копьями; вооружены обыкновенно секирами. Все предметы у них из золота и меди: все, что требуется для копий, стрел и секир, изготавливается из меди; головные уборы, пояса и перевязи украшаются золотом. Также из меди делают они грудные панцири для лошадей; напротив, уздечки, удила и фалары готовятся из золота. Железа и серебра они вовсе не употребляют... обычаи их таковы: хотя каждый из них женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща... Предела жизни у них не полагается вовсе, но кто очень состарится, к тому сходятся все родственники, убивают его, а вместе с ним и разный скот, варят это вместе и поедают... Они ничего не сеют, питаются домашними животными и рыбой, которую в изобилии доставляет им река Аракс (Сыр-Дарья. — М. Д.). Они пьют молоко. Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей»¹⁷¹.

По рассказу Геродота, массагеты заманили Кира с войском в глубь своей территории и, окружив, напали на персов, когда они, захватив лагерь массагетов, уже торжествовали победу. При этом пал Кир и большая часть бывшего с ним войска¹⁷².

Кир был одной из наиболее выдающихся личностей древней истории. Он производил огромное впечатление на современников. Где нужно — незамедлительное действие (поход против Лидии), где нужно — умение ждать (поход против Вавилона), неизменные военные успехи, умение привлечь на свою сторону всех, в помощи кого он был заинтересован, — другими словами, правильное понимание своих задач и умелое их выполнение — вот что характеризовало Кира как политического деятеля.

6. ПЕРЕВОРОТ МАГА ГАУМАТЫ И ПРИХОД К ВЛАСТИ ДАРИЯ I

Когда Кир погиб где-то далеко на Востоке в борьбе с кочевниками, громадное царство досталось его сыну Камбису (др.-перс. Камбуджия). Произошло это в 529 г. до н. э.¹⁷³.

Камбис продолжает политику своего отца по упрочению государства и расширению территории. После победы Кира над Лидией и Вавилонией и укрепления восточных границ государства у Ахеменидов оставался только один могущественный противник на всем Переднем Востоке. Это был Египет. Поход на него готовился, вероятно, уже Киром, но осуществлен он был только при его сыне.

Египетский царь Амасис II прекрасно понимал, что все внимание Ахеменидской державы обращено на Египет, и поэтому энергично готовился к обороне. Он заключил военный союз с Кипром и с тираном острова Самос Поликратом, имевшим очень сильный флот. Кроме того, в египетских войсках было много прекрасно обученных греческих наемников, воинов-профессионалов, составлявших немалую военную силу¹⁷⁴.

Камбис также усиленно готовился к предстоящей кампании. Он постарался лишить Египет его союзников и, в частности, переманил на свою сторону Фанета, предводителя греческих контингентов египетской армии.

Кампания началась в 526 г. до н. э. Перед походом Камбис приказал убить своего брата Бардию (греч. Смердис), сатрапа Бактрии, опасаясь, по-видимому, как бы тот, воспользовавшись длительным отсутствием царя, не захватил престола. Убийство Бардии произошло в глубокой тайне, так что почти никто об этом не знал.

Камбис двинулся на Египет, и при Пелусии, на границе Африки и Азии, произошла битва. Амасис умер еще до начала кампании, и удар пришлось принять его сыну Псамметиху. Геродот рассказывает, что, когда сыновья Фанета, оставшиеся в египетской армии, были убиты, кровь их смешали с вином и греческие наемники выпили этот страшный напиток. После этого греческие наемники египтян не могли рассчитывать на пощаду со стороны персов¹⁷⁵.

Битва окончилась победой персов, но эта победа не была решительной: ряд городов, особенно Мемфис, оказал персам отчаянное сопротивление.

Но среди египтян нашлись изменники: какая-то часть высшего жречества и чиновничества перешла на сторону Камбиса. До нас дошла статуя флотоводца Уджа-Гор-ресента, крупного царедворца Амасиса и Псамметиха, на которой в длинной надписи изложена его биография. В ней перечис-

ляются все те услуги, которые Уджа-Гор-рессент оказал Камбису: он составил персидскому царю египетскую титулатуру, посвятил его в таинства богини Нейт¹⁷⁶.

Характерно, что Камбис продолжает в Египте политику, проводившуюся его отцом в Вавилоне. Из надписи Уджа-Гор-рессента известно, что Камбис принял титул египетского царя и прошел все церемонии, обязательные при вступлении на престол фараона. По-видимому, он хотел придать своей власти в Египте характер законности. Камбис проводил, также следуя по стопам своего отца, мирную политику в отношении покоренной страны. Преодолев вооруженное сопротивление египтян, Камбис воздерживается от разорения страны и истребления жителей. Он даже оставляет в живых египетского царя Псамметиха, хотя, согласно Геродоту, и казнит его наследника, как поступил и Кир в отношении Астиага и Набу-на'ида. Описывая аналогичные действия Кира в Вавилоне, некоторые историки пытались объяснить это достоинствами характера Кира и преимуществом новой «этической религии» — зороастризма, которой он якобы придерживался. Камбис же, судя по подробному рассказу Геродота, был человек жестокий, порой одержимый припадками безумия и ярости и совершавший действия, «противные обычаям обоих народов» (т. е. и персов, и египтян). Однако общая направленность его политики и политики его отца совпадала. Это должно быть, конечно, объяснено не личными качествами того или другого правителя, а лишь дальновидной политикой Ахеменидов, стремившихся использовать внутренние противоречия своих противников, привлечь на свою сторону правящую верхушку завоеванной страны и не разорять покоренные области, предпочитая регулярное поступление дани большой единовременной добыче. Уже Геродот в своем рассказе о действиях Камбиса в Египте отметил эту основную особенность политики персов в завоеванных ими странах¹⁷⁷.

Не ограничившись завоеванием Египта, Камбис решил покорить ряд других африканских областей. Греческие колонии на северном берегу Африки добровольно подчинились Камбису. Стремясь распространить свою власть еще дальше на запад, Камбис стал снаряжать морскую экспедицию для покорения Карфагена. Но, согласно Геродоту, финикийцы, составлявшие команды кораблей персидского флота, отказались идти против своих сородичей-карфагенян¹⁷⁸. Позднее Карфаген, по-видимому, формально признал над собой власть персов и платил им номинальную дань, хотя по существу персы не имели действительной власти в столь отдаленных областях. В 524—523 гг. до н. э. Камбис предпринял из Египта поход в Нубию, который кончился неудачно. Геродот объ-

ясняет неудачу похода плохой его подготовкой, недостатком провианта и неприспособленностью войска к тропическому климату верховьев Нила¹⁷⁹.

Весть о неудаче Камбиса в Нубии достигла Египта еще до возвращения персов из похода. Как видно, надеясь на гибель или полное ослабление персидского войска, египтяне поднимают восстание, организатором которого был, по-видимому, оставленный Камбисом в живых Псамметих. Но расчеты египтян не оправдались: у вернувшегося Камбиса было достаточно сил, чтобы разгромить египтян. Персы проявили большую жестокость при подавлении восстания. Был убит Псамметих и, по словам Геродота, зарезан священный бык Апис, произведены опустошения в стране, разграблены египетские храмы. Усмирив восстание, Камбис стал готовиться к новому походу на Нубию. Но в это время из Ирана стали приходить тревожные слухи о том, что Бардия жив и поднял восстание, распространившееся по всему Ирану.

Камбис оставляет все свои дела в Египте и спешит в Иран. Но на полдороге, в Сирии, он погибает таинственным образом. Геродот говорит, что он ранил себя мечом, садясь на коня, но Бисутунская надпись сообщает нам, что Камбис умер «сам от себя» или «сам собой» (покончил жизнь самоубийством?). Это было в 522 г. до н. э.¹⁸⁰.

Самозванец, объявивший себя Бардией, сумел за короткий срок поднять против Камбиса всю страну.

Большая клинописная надпись царя Дария в Бисутуне так говорит об этих событиях¹⁸¹: «Некто, по имени Камбуджия [Ka(m)būjiya, т. е. Камбис], сын Куруша (т. е. Кира), из нашего рода, был здесь царем. У этого Камбуджии был брат, по имени Бардия (Bardiya), от одной матери, от одного отца с Камбуджией; затем Камбуджия убил того Бардию. Когда Камбуджия убил Бардию, народу (или войску, kāga) не стало известно, что Бардия убит. Затем Камбуджия отправился в Египет. Когда Камбуджия отправился в Египет, народ (kāga) стал враждебным [a(h)rika], затем Ложь (drauga) умножилась в стране — и в Персии, и в Мидии, и в других областях». Дальше надпись сообщает, что «...был один человек, маг, по имени Гаумата. Он восстал из Пайшияхувады — (есть) гора, Аракадри по имени, — оттуда. 14 дней месяца виахна (март 522 г. до н. э.) прошло, когда он восстал. Он так обманывал народ: „Я — Бардия, сын Куруша, брат Камбуджии“, Тогда народ отпал от Камбуджии, перешел к тому — и Персия, и Мидия, и другие области. Он захватил власть. 9 дней месяца гармапада (июль) прошло, тогда он захватил власть. Затем Камбуджия умер сам от себя [(h)uvāmṣīyuš amariyatā]».

Так, подняв восстание в марте 522 г. до н. э., к лету того же года лже-Бардия держал в своих руках почти всю империю.

Против лже-Бардии выступает царевич Дарий [др.-перс. Дараява(х)уш], из боковой линии Ахеменидского дома,

Рис. 16. Дарий I. Деталь рельефа на Бисутунской скале

может быть, ранее правившей в одной из персидских областей. Дед Дария, Аршама (Арсам), еще бывший тогда в живых (см. надпись Xerx. Pers. f.), ранее носил царский титул, судя по Бисутунской надписи (включающей его, по-видимому, в число восьми царствовавших до Дария Ахеменидов) и надписи ASH, составленной позже от имени Аршамы. Отец Дария, Виштакса (греч. Гистасп), был наместником в Парфии; сам Дарий, несмотря на молодость, возможно, был наместником Персиды. Поддержанный представителями крупнейших родов персидской знати, с маленькой группой сообщников Дарий врывается в крепость Сикаяуватиш в области Нисайя в Мидии и убивает Гаумату и его ближайших сподвижников. Это происходит 29 сентября того же года. Дарий берет бразды правления в свои руки¹⁸².

До нас дошли хозяйственные документы из Вавилона, датированные семью первыми месяцами правления лже-Бардии и подтверждающие датировку, определяемую на основании Бисутунской надписи¹⁸³.

Из греческих писателей наиболее полную картину захвата власти магами дает Геродот, рассказ которого, несмотря на

некоторые подробности явно легендарного характера, во всех существенных моментах совпадает с данными Бисутунской надписи. По Геродоту, государственный переворот совершили два брата-мага. Один из них, чья роль была менее активна, был похож лицом на Бардию, поэтому он и занял престол. Главный же руководитель движения оставался в тени. Геродот называет его Патизиф. Считается, что это неправильно понятый греческими писателями персидский титул, а не собственное имя мага. Далее Геродот рассказывает о заговоре Дария, приводя имена его сообщников. Интересно, что все они, кроме одного, совпадают с именами, указанными в Бисутунской надписи Дария¹⁸⁴. Другой греческий автор — Ктесий, рассказывая об этом событии, называет восставшего мага Сфендадатом¹⁸⁵ (др.-перс. Спантадата).

Вопрос о характере переворота магов в науке до сих пор не решен. А между тем этот переворот имеет очень большое значение для понимания истории развития Ахеменидской державы. Кто такие были маги?

У Геродота мы читаем, что персы не могли приносить жертвы без магов¹⁸⁶, следовательно, маги в ахеменидское время были своеобразной жреческой организацией или (по Страбону) религиозным сообществом¹⁸⁷. Геродот же указывает¹⁸⁸, что маги были одним из шести мидийских племен, в пределах которого, может быть, и сложилось это сообщество. В Бисутунской надписи маг — племенное обозначение, причем надпись отличает магов от мидян (например, § 52). В то же время в отличие от других претендентов, называемых чаще только по имени, Гаумата в надписи во всех случаях обозначен как маг. Такое подчеркивание может указывать на то, что, с точки зрения составителя надписи, принадлежность Гауматы к магам имела какое-то особое значение, может быть, делала его особенно непригодным для царского звания. Таким образом, обозначение «маг» в Бисутунской надписи все же отличается от других племенных обозначений.

Известно, что маги пользовались у персов авторитетом как носители религиозных традиций. Так, Кир воспитывался магами, а Камбис, уезжая в Египет, доверил магам свой дворец. Уже в ахеменидское время магов связывали с традицией легендарного Зороастра (Заратуштры); считалось, что глава магов является преемником Зороастра^{188а}. Какую же религиозную идеологию выдвигали маги и каким образом они вступили в борьбу с господствующим классом Персии?

Были попытки (И. Гертель, Э. Герцфельд)¹⁸⁹ доказать, что борьба Дария с магами — это борьба новой, «этической» религии — зороастризма — со старыми «языческими» верованиями магов. Согласно этой точке зрения, упоминаемый в

Авесте покровитель Заратуштры Виштаспа тождествен с Виштаспой — отцом Дария. Таким образом, Заратуштра превращается в современника и идейного вдохновителя всей деятельности Дария. Но эта точка зрения не может считаться общепринятой¹⁹⁰.

И действительно, из труда Геродота не видно, чтобы для религии персов был характерен тот развитый дуализм, который типичен для Авесты. Культ огня не занимал в их религии того центрального места, которое отводилось ему в позднейшем зороастризме, погребальные обряды персов в отличие от погребальных обрядов магов не соответствуют установленным Авестой. Хотя религия Дария I, судя по его надписям, содержит представление о борьбе добра со злом (Ложью), но терминология надписей не тождественна зороастрийской. Ахеменидские цари не противопоставляют свою веру другим религиям и не навязывают ее инаковерующим. Не доказано, отличалась ли вера магов в чем-либо существенном от веры Дария и персов, но если религия магов была прямо противоположна зороастризму, то невозможно объяснить, каким образом ее уже в ахеменидское время греческие авторы связывали именно с традицией Зороастра.

По-видимому, следует предположить, что на основе старых иранских религиозных представлений, восходящих еще к доклассовому обществу, в Восточном и Западном Иране параллельно развивались религиозные системы, весьма близкие, но все же не тождественные. Близость этих систем привела в дальнейшем к тому, что, когда создались исторические предпосылки, различные верования и культы влились в зороастризм.

Мы еще не можем сказать, были ли маги изначально приверженцами и жрецами религиозного вероучения, связанного с именем Заратуштры и сложившегося первоначально в Средней Азии (в Бактрии?), и были ли Ахемениды (все или некоторые из них) последователями этого же вероучения. Однако нам представляется несомненным, что между различными религиозными культами Ирана ахеменидского времени не было больших различий, а догмы позднейшего зороастризма в это время окончательно еще не сложились.

Можно думать, что маги стремились вернуться к старым мидийским порядкам доахеменидского времени. По-видимому, в Мидии было очень сильно движение, направленное против Ахеменидского государства. Об этом свидетельствует, например, восстание мидянина Фравартиша (Фраорта), с которым пришлось бороться Дарию вскоре после победы над магами (подробнее см. ниже). Этот Фравартиш выдавал себя за Хшатриту (это, по-видимому, то же имя, что Каштариту) из

рода Хувахштры — Киаксара, т. е. ориентировался как раз на старую докировскую традицию, так как имена эти были связаны у мидян с представлением о древнем могуществе и идеальном правопорядке, существовавшем до переворота, приведшего к власти Кира. Следует учесть, что в борьбе за усиление своей власти цари рода Киаксара (по крайней мере, последний из них — Астиаг) находились в конфликте с крупной знатью — потомками древних независимых царьков. С другой стороны, маги, вероятно, боролись за свою роль религиозных руководителей и мидян, и персов. Именно в связи с этим и нужно рассматривать рассказ Дария (см. ниже) о разрушении магами святилищ общинных божеств — дэвов (демонов) по учению Авесты.

Восточноиранское религиозное движение, отраженное в Гатах, было, по-видимому, более демократичным, что объясняется, между прочим, и более низким уровнем развития восточных областей, не знавших того обогащения, которое способствовало быстрому разрушению патриархально-родовых отношений у мидян и других западных иранцев.

Это наблюдение общесторического порядка уже само по себе могло бы быть достаточным, чтобы заставить сомневаться в возможности сотрудничества Заратуштры и Дария. Кроме того, Заратуштра не упоминается в древнеперсидских надписях, а все античные авторы относят его к глубокой древности, задолго до Дария. Геродот же, отлично осведомленный в делах Западного Ирана, его вовсе не упоминает. Кроме Виштаспы, покровителя Заратуштры, одноименного с отцом Дария I, ни одно из лиц, окружавших, по традиции, Заратуштру, по-видимому, не носило имен, употреблявшихся при дворе первых ахеменидских царей. В Гатах, авторство которых религиозной персидской традицией приписывается Заратуштре, нарисована картина общества еще очень архаического (см. главу 4), близкого к доастиаговской Мидии, но никак не к ахеменидской Персии (Гаты не знают, например, сколько-нибудь крупного государственного объединения, характерной ахеменидской сатрапской системы администрации; нет бесспорных случаев упоминания железа). Общественное движение, отраженное в Гатах, было, по-видимому, первоначально явлением местным, восточноиранским. Характерно, что ни Мидия, ни Персия, ни даже сами маги в Авесте не упоминаются. Однако нет ничего невероятного в том, что на западе Ирана учение Гат было воспринято и в дальнейшем распространялось именно магами, которых, как было указано выше, уже античная традиция связывала с Зороастром (Заратуштрой). Общество восточной Мидии очень мало отличалось от общества Средней Азии и Восточного Ирана.

Однако, хотя весьма вероятно, что учение магов — та «философия», о которой говорят античные авторы, — было не что иное, как учение Гат, трудно себе представить, чтобы маги — жрецы и царские воспитатели — могли быть действительно выразителями интересов масс. Если в основе идеологии магов действительно было учение Гат, то оно было лишь средством завоевать широкие массы и с их помощью сломить могущество соперничавших группировок знати, чем, быть может, и объясняется огромная популярность в Иране движения магов. «Кара», народ-войско, имел в Иране слишком большое значение, чтобы какая бы то ни было власть могла здесь крепко удержаться, не обеспечив себе его поддержку. И царевич Дарий с окружавшей его персидской знатью, и маги, отражавшие, вероятно, также интересы определенной части иранской общинной знати, стремились каждый по-своему привлечь на свою сторону народ.

В популярности же магов в Иране не приходится сомневаться. Характерно сообщение Геродота о том, что лже-Бардия «сделал много доброго всем своим подданным, так что, когда он погиб, все в Азии жалели о нем, за исключением самих персов. Действительно, маг разослал по всем народам своего царства распоряжение об освобождении от военной службы и податей на три года. Распоряжение это он сделал тотчас по вступлении на царство»¹⁹¹. Геродот не совсем точен, когда говорит, что персы не были довольны правлением мага. Несомненно, что какие-то группировки внутри персидских племен также были заинтересованы в политике, проводившейся магами, так как в самой Персиде (на ее окраине?) Дарию пришлось усмирять восстание Вахьяздаты, после гибели Гауматы так же, как и последний, принявшего имя Бардии.

В Бисутунской надписи имеется параграф, который мог бы, казалось, пролить некоторый свет на переворот магов, однако древнеперсидский текст неясен, эламский язык плохо изучен, а вавилонский текст в этом месте разрушен, так что допустимы различные толкования этого параграфа. Даем по возможности буквальный перевод¹⁹²:

«Говорит царь Дарий: власть, отнятую у нашего рода, ее я вернул, поставил на место. Я сделал, как прежде, святилища, которые маг Гаумата разрушил. Народу-войску (в подлиннике *kāga*) я вернул имущество, и дворы, и рабов, и (то, что имелось) по общинам (или: „и вместе с общинами“, или „и принадлежащее общинам“) ¹⁹³, что отнял маг Гаумата. Я поставил народ (*kāga*) на место, и Персию, и Мидию, и другие страны; как было прежде, что было отнято, я восстановил...»

Рис. 17. Маг. Рельеф из Персеполя. VI—V вв. до н. э.

Мы видим, что маг отнимал у своих противников имущество и рабов. От этого должна была страдать более всего зажиточная часть свободного населения, рабовладельцы и местная знать. Эти слои составляли немаловажную часть народа-войска. Но менее зажиточная часть народа-войска должна была в общем выигрывать от ослабления богатой и знатной части местного населения. В то же время главные доходы военной и чиновной знати не были непременно связаны с земельной собственностью на родине.

В результате должно было получиться довольно сложное положение, при котором часть знати ничего не теряла от политики магов, а другая теряла все или очень многое. С другой стороны, среди массы свободного населения могли быть слои как поддерживающие магов, так и те, которых противники легко могли привлечь на свою сторону. Отсюда противоречие между свидетельствами Геродота и Бисутунской надписи. В то время как Бисутунская надпись, враждебная магам, подчеркивает ущерб, нанесенный народу-войску Гауматой, Геродот, наоборот, подчеркивает его попытки завоевать народ на свою сторону (освобождение от налогов и воинской повинности). В действительности, как мы указывали, борьба шла, очевидно, по преимуществу между двумя группировками знати. Одна из них была связана с местными культами, другая — с учением магов. Победить могли те, которым бы удалось привлечь на свою сторону народ-войско.

Дарий, в отличие от Гауматы, захватив власть, столкнулся на всей территории обширного царства с жестоким сопротивлением. Первый год своего правления он потратил на подавление многочисленных восстаний, причем некоторые из них были чрезвычайно серьезны.

Уже вскоре после убийства Гауматы Дарию приходится подавлять в Эламе восстание Асины¹⁹⁴. После этого в Вавилоне появляется некто Нидинту-Бел, захвативший власть под именем Набу-кudurри-усура (Навуходоносора III), якобы сына вавилонского царя Набу-на'ида. В декабре 522 г. до н. э. Нидинту-Бел был разгромлен в двух сражениях и укрылся в Вавилоне. Дарий взял Вавилон и казнил мятежника¹⁹⁵. Но пока Дарий покорял Вавилон — важнейший жизненный центр царства, — от Ахеменидской державы отпали Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия (с Арахосией), отделились и саки¹⁹⁶.

В Эламе восстает Мартия, назвавшийся именем царя Имануша — может быть, старым эламским царским именем Уманигаш (Хумпаникаш)¹⁹⁷.

Самое мощное восстание разгорелось в Мидии. Во главе восстания стоял уже упоминавшийся выше Фравартис, при-

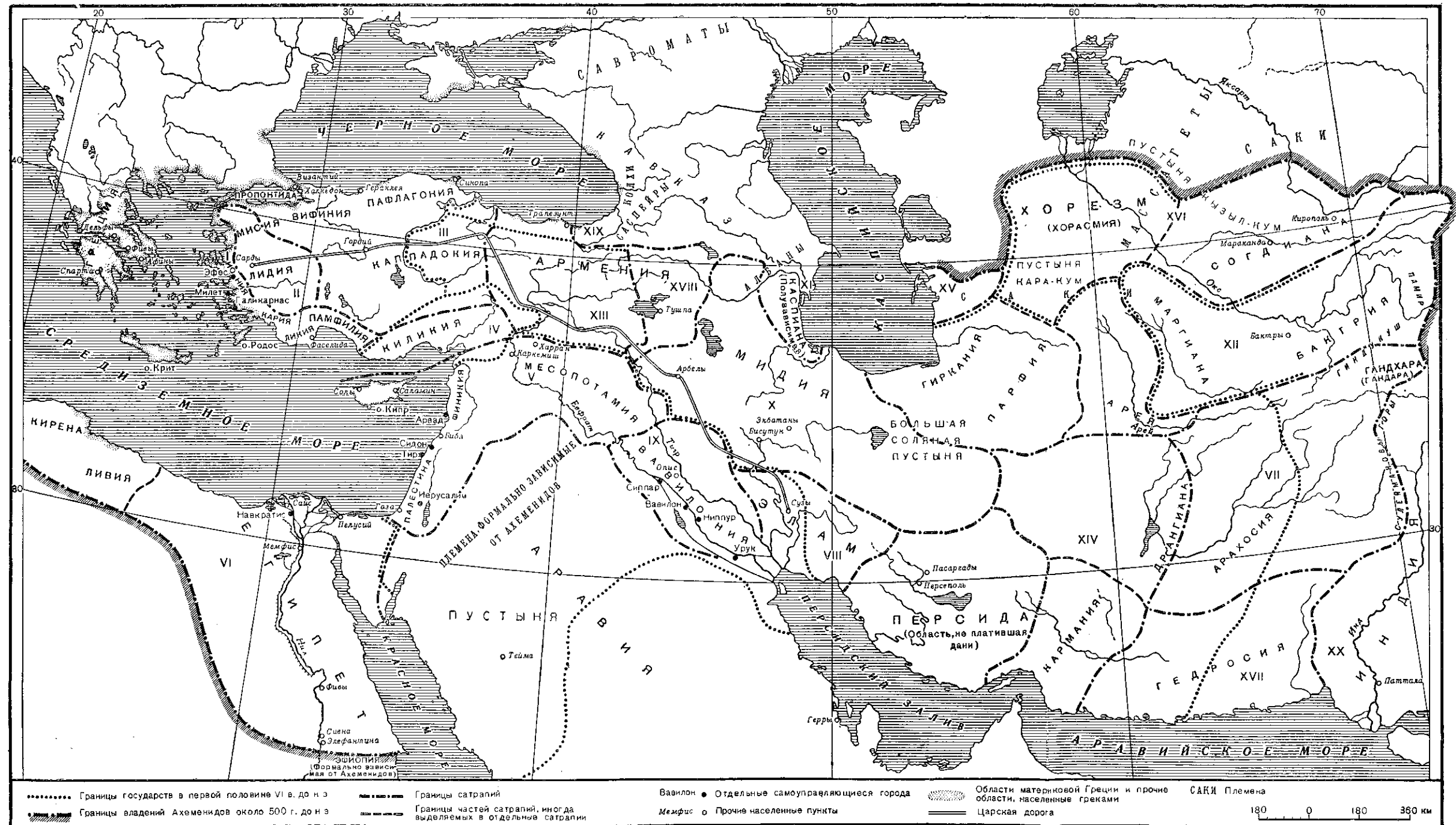
нявший имя Хшатриты из рода Киаксара¹⁹⁸. Первые столкновения войска Дария, под командой Видарны, с восставшими мидянами в январе 521 г. до н. э. не дали результатов. Видарна вынужден был ждать подхода Дария с главными силами. Только в мае 521 г. до н. э. Фравартиш потерпел поражение и бежал в Рагу, где и был схвачен.

Весной 521 г. до н. э. было в разгаре большое восстание в Армении (в Бисутунской надписи она впервые появляется в истории под этим именем). Жители Армении оказывали упорное сопротивление полководцам Дария — сначала Дадрши (он сам был армянином), а затем Вахумисе. О полной победе над Арменией Бисутунская надпись молчит. По-видимому, эта страна не была полностью покорена в первые годы царствования Дария¹⁹⁹.

Внимание Дария от Армении было отвлечено серьезным восстанием в самой Персиде. Им руководил Вахьяздата, выдававший себя за Бардию. Вахьяздата долго оказывал сопротивление войскам Дария, но был разбит, захвачен в плен и казнен в июле 521 г. до н. э. Сторонники Вахьяздаты были и в Арахосии, расположенной на востоке державы, и сатрапу Виване пришлось приложить там немало усилий для подавления восстания²⁰⁰.

Кроме упомянутых восстаний, были еще и другие: во второй раз отпала Вавилония; на северо-востоке, в Бактрии, восставал некий Фрада из Маргианы (т. е. из района современного Мары или Мерва)²⁰¹. Это восстание было подавлено с особой жестокостью и с огромными потерями для повстанцев. К июлю 521 г. до н. э., по-видимому, Дарию удалось в основном закончить подавление восстаний во всех важнейших областях державы (если не считать второго мятежа в Вавилонии) и приступить к организации и дальнейшему укреплению государственной власти. В своей деятельности Дарий опирался в первую очередь на семь знатных родов, оказавших ему поддержку в критический момент заговора против мага Гауматы. Та знать (кроме вставшей сразу на сторону Дария), которая окружала в свое время Кира, а до него — Астиага, была постепенно отодвинута на задний план и в дальнейшем уже не играла прежней роли.

Но, чтобы держава Дария по своим размерам сравнялась с державой Камбиса, необходимо было вернуть еще Египет. Это произошло около 519 г. до н. э. Уже известный нам Уджа-Гор-ресент снова выступил в качестве посредника между персидским царем и египетскими богами. Под его руководством Дарий проходит церемониал коронации, который был традиционным для египетских фараонов. Около этого же времени в состав державы Дария были включены еще

Держава Ахеменидов в начале V в. до н.э.

некоторые африканские области, в том числе и греческая колония Кирена²⁰². Позже Дарию удалось распространить свою власть на долину Инда и на некоторые другие территории.

7. АХЕМЕНИДСКАЯ ДЕРЖАВА ПРИ ДАРИИ I

Восстановив державу своих предшественников, закрепив за собой власть, железной рукой усмирив все попытки сопротивления, Дарий должен был принять ряд экономических и административных мер, необходимых, как показали события 522—521 гг. до н. э., для дальнейшего существования Ахеменидской державы.

Центром державы, важнейшими в экономическом и политическом отношении, были древние культурные области Передней Азии: Вавилония, Сирия, Финикия и наиболее передовые районы Малой Азии. Как указано выше, господствующая верхушка в этих странах поддерживала Ахеменидов в их стремлении собрать под своей властью все страны Переднего Востока. Политика Кира и Дария в завоеванных странах, особенно в Египте и Вавилонии, показывает, что ахеменидские цари искали этой поддержки, стремились придать захвату власти в этих странах внешний вид законности, проходили все церемонии коронации, принимали местные царские титулы, поклонялись местным божествам. Для дальнейшего укрепления государства и экономических связей совершенно различных по своему строю районов, для упорядочения налоговых поступлений Дарий вводит единую монетную систему, по-видимому, заимствованную у лидийцев. Основой этой системы была золотая монета — дарик, равнявшийся по весу $\frac{1}{3000}$ эвбейского таланта (8,4 г). Серебряная монета — сикль — равнялась $\frac{1}{20}$ дарика и, при ценностном соотношении в то время серебра и золота 1:13,3²⁰³, весила 5,6 г. Золотую монету мог чеканить только царь. Серебряную же чеканили также и правители отдельных областей, местные царьки и города²⁰⁴.

Дарий ввел также твердую систему управления, в основе которой лежало разделение всей державы на административные единицы — сатрапии, как их принято называть в науке по греческой форме иранского слова «хшатрапа(ва)н», что значит наместник. Полный список сатрапий (всего 20, но это число отнюдь не было постоянным) нам дает Геродот²⁰⁵, сообщая также чрезвычайно ценные для нас сведения о размере податей с каждой сатрапии. Не указывая названий, а только давая номера сатрапий, Геродот подробно перечисляет все

входившие в них народы. Древнеперсидские клинописные надписи ахеменидских царей Дария и его сына Ксеркса дают нам несколько, часто отличных друг от друга, списков стран. Эти списки не являются точным перечнем административных единиц — сатрапий.

Рис. 18. Золотой дарик.
Увеличено

«Перед нами не административная роспись, а историко-географический список»²⁰⁶.

Во главе каждой сатрапии, а иногда и нескольких, стоял наместник — сатрап, как правило, — знатный перс. Он пользовался всей полнотой военной власти, вплоть до набора войск. (Иногда военными округами командовали особые начальники)²⁰⁷. Сатрап должен был обеспечивать поступление налогов и осуществлять судебные функции. Для внутренних нужд своей сатрапии наместник мог чеканить, как было указано выше, серебряную, а также медную монету.

Обычно сатрапу были подчинены местные владетели, царьки, а иногда (на западном побережье Малой Азии, в Сирии и Палестине) и городские общины.

Из анализа данных Геродота о размерах податей становится понятным значение западных сатрапий для государства Ахеменидов. Малая Азия, Армения, Заречье (Ассирия, Сирия и Палестина) и Вавилония платили податей примерно вдвое больше, чем весь огромный Иран вместе со Средней Азией. Одна Вавилония платила 1000 талантов серебра, а самая богатая из иранских сатрапий Мидия — только 450²⁰⁸. Что касается самих персов, то они служили в гвардии «бессмертных», в армии (преимущественно на командных постах), в государственном аппарате, были свободны от уплаты податей и от несения повинностей и целиком (во всяком случае три основных племени) составляли господствующую группировку. Почти все взрослое мужское население Персиды жило за счет государства, т. е. за счет податей, выжимаемых из остального населения Персидского царства. Поэтому понятно, что не только персидская знать, но в основном все персы поддерживали Ахеменидов.

Металл доставляли в Персию и здесь сплавляли в слитки. Они-то и составляли основу государственной казны²⁰⁹.

Для управления такой обширной державой необходима была хорошо налаженная связь. Дороги, пересекавшие страну в нескольких направлениях, были, по-видимому, улучшенными старыми путями²¹⁰. На всех дорогах существовали станции, расположенные на определенном расстоянии одна от другой, что позволяло осуществлять чрезвычайно быструю, организованную по эстафетному способу, доставку донесений, правительственных распоряжений, а подчас и скоропортящихся продуктов к царскому столу²¹¹. Организацию такой строгой и налаженной системы связи нужно, по-видимому, также отнести ко времени Дария.

Проделав большую работу по укреплению внутреннего состояния государства, Дарий стал думать о расширении своих владений. По-видимому, с этой целью им был предпринят ряд походов. В Бисутунской надписи, в тексте, прибавленном к основному тексту о приходе Дария к власти, сказано о походе на скифов. Прежде считалось, что это был поход на европейских скифов, однако исследованиями последнего времени доказано, что здесь речь идет о саках — среднеазиатских скифах²¹². В позднем списке владений Дария упоминается Индия (имеется в виду долина Инда)²¹³.

Примерно около 515 г. до н. э. полководцы Дария Мегабиз, а затем Отан (Утана) завоевывают Фракию и подчиняют македонского царя Аминта. Тем самым начинается проникновение персов в Европу²¹⁴. Персами была сделана неудачная попытка совершить поход в европейскую Скифию²¹⁵. В начале V в. до н. э. в малоазийских греческих городах произошло большое восстание, поддержанное греческими полисами на европейской стороне Эгейского моря, знавшими, что страшный враг — персы — скоро будут угрожать и Элладу. Восстание малоазийских городов было подавлено около 494 г. до н. э., и после этого Дарий начинает приготовления к походу на Грецию²¹⁶.

Первый поход на Элладу носил характер предварительный, разведочный. Полководец Дария Мардоний, сын Гобрия, переходит через Босфор и некоторое время без особого успеха воюет во Фракии и Македонии, по-видимому к этому времени снова вернувших себе самостоятельность²¹⁷.

Дарий решает, что поход на Афины с севера слишком долог и труден, и намеревается переправить свое войско на кораблях через Эгейское море, с тем чтобы произвести высадку непосредственно в сердце Аттики, у самых Афин. В сентябре 490 г. до н. э. персидское войско, переправившись на кораблях из Малой Азии, высадилось в Аттике, в Марафонской долине, и здесь же 12 сентября греки, находясь в трудном положении, приняли генеральное сражение и разбили

персов, которые принуждены были сесть на корабли и покинуть Грецию. Так первое столкновение греков и персов кончилось полным поражением персов ²¹⁸.

Дарий не мог, конечно, примириться с этим. Ему было необходимо подчинить греков, не дать им господствовать на Эгейском море, не дать им возможности влиять на тесно связанные с материковой Грецией малоазийские греческие города и отрывать их от Ахеменидской державы. Поэтому Дарий начинает подготавливать следующий поход. Но тут вспыхивают серьезные восстания в Египте, и в это самое время, в 486 г. до н. э., Дарий умирает ²¹⁹.

8. КСЕРКС И ПОРАЖЕНИЕ ПЕРСОВ В ГРЕЦИИ

Дарий умер в очень тревожное для Ахеменидской державы время: первый поход против греков окончился неудачно, в Египте вспыхнуло восстание. Отсутствие строго определенного порядка престолонаследия также сильно усложняло положение.

Несмотря на противодействие других сыновей Дария, царем стал Ксеркс (др.-перс. Хшайарша), сын Дария от Атосы, дочери Кира ²²⁰.

Перед новым царем стояло несколько задач, без разрешения которых он не мог управлять государством. Прежде всего необходимо было подавить восстание в Египте. В 484 г. до н. э. Ксеркс сурово подавляет восстание и назначает сатрапом Египта своего брата Ахемена (др.-перс. Хахаманиш).

Затем нужно было организовать новый поход для покорения Греции. Ксеркс понимал, что этот поход требует самой тщательной подготовки, что неудача Дария в значительной степени объяснялась именно недостаточной подготовкой этой трудной кампании: приходилось драться с хорошо вооруженным греческим войском, на греческой земле, вдали от своих центров и баз, при затрудненном снабжении огромного войска.

Геродот сохранил нам описание состава войска Ксеркса, вооружения различных народов, имена военачальников. Войско делилось на пехоту, конницу (включая индийские колесницы и арабские отряды всадников на верблюдах) и морской флот. В войске каждый отряд состоял из представителей одного народа или племени, причем эти отряды были объединены в более крупные единицы, подчиненные сатрапам; каждая такая единица состояла из отрядов, образованных из народностей, обитавших в данной сатрапии. Начальники были

по большей части персы, часто члены царствующего дома Ахеменидов²²¹.

Пехота делилась на 30 отрядов, причем иногда близкие между собой племена объединялись в один отряд²²². Вне этих отрядов находилась гвардия, так называемые «10 000 бессмертных», состоявшая из привилегированных персов²²³. Кавалерия была разделена на девять отрядов, причем из них нужно отметить арабский отряд на верблюдах и сагартиев, вооруженных только кожаными арканами²²⁴.

Во флоте главная роль принадлежала, конечно, народам-мореходам Восточного Средиземноморья: финикийцам, корабли которых Геродот называет самыми быстроходными, египтянам, жителям Малой Азии и островов. Воинами на кораблях были персы, мидяне и саки²²⁵.

Номинально командование принадлежало нескольким царевичам, в частности сатрапу Египта Ахемени, и знатым персам, но фактически вели корабли финикийцы и киприоты, имена которых дошли до нас благодаря Геродоту.

Войско вел сам Ксеркс. Среди военачальников были Мардоний, известный по первому походу против греков, и Мегабиз (Багабухша), подавивший

Рис. 19. Ахеменидский воин-эламит. Цветной изразцовый фельеф из Суз. Конец VI — начало V в. до н. э. Лувр

незадолго перед тем восстание Шамаш-рибы в Вавилоне (см. ниже).

Общую численность войска Ксеркса, без обоза и вспомогательных отрядов, Геродот определяет в 1700 тыс. человек. Это, конечно, сильное преувеличение: такое количество людей при тогдашнем уровне производительных сил невозможно было бы прокормить ни в Малой Азии, ни в Греции. Современные ученые считают, что войско Ксеркса насчитывало примерно 100 тыс. человек, т. е. было огромным по тем временам²²⁶.

Из Малой Азии Ксеркс во главе своего войска переправился по понтонным мостам через Геллеспонт в Европу²²⁷. В 480 г. до н. э. весной персы вторглись во Фракию. Не встречая сопротивления, войско, сопровождаемое флотом, двигалось вдоль берега. Высланное греками десяти тысячное войско, под начальством спартанского царя Леонида, медленно отступало, не входя в соприкосновение с персами.

Естественной оборонительной линией греков должны были быть горы, лежащие на границе Македонии и Фессалии. Но греки не решились дать сражение здесь, опасаясь обхода персидских войск вокруг горы Олимп. Они продолжали отступать на юг и закрепились в Фермопильском ущелье, открывающем путь в Беотию и Аттику. Одновременно с этим греки проводили морские операции, которые должны были лишить персов возможности пройти пролив между Эвбеей и Аттикой и тем самым помешать им высадить десант в тылу у Леонида. Но персам удалось сломить сопротивление противника у Фермопил, что было облегчено предательством грека Эфиальта, указавшего персам обходный путь. Узнав о поражении при Фермопилах и гибели Леонида²²⁸, сильно пострадавший в бою с персами греческий флот отступил.

Таким образом, персы проникают в Центральную Грецию, где производят большие опустошения и занимают ряд городов, в том числе и Афины²²⁹.

Персидский флот преследует флот греков, отступающий все дальше к югу, чтобы не быть отрезанным, так как Аттика уже занята персами. Наконец, греческий флот собирается около острова Саламина у берегов Аттики.

Здесь происходит знаменитое Саламинское сражение, которое греки, несмотря на отличные качества персидского флота, выигрывают благодаря хорошей маневренности своих небольших судов²³⁰.

Положение персов в Аттике оказывается чрезвычайно тяжелым, тем более, что греки начинают стягивать свои силы. На выручку афинянам идут спартанцы под начальством

Павсания, к ним присоединяются и жители других городов. Мардоний, оставшийся командующим персидскими войсками в Греции (Ксеркс после поражения при Саламине вернулся в Азию), узнав весной 479 г. до н. э. о приближении греческого войска, начинает отступать из Аттики в Беотию. При Платее происходит битва, закончившаяся полной победой греков и гибелью самого Мардония²³¹. Персы начинают уходить из Греции. В этом же 479 г. до н. э. персы потерпели поражение в морской, а затем в сухопутной битве при мысе Микале²³² (в Малой Азии, около Милета), были окончательно вытеснены из Греции и потеряли Босфор. После этого в руках персов на европейском берегу остается только один пункт — Дориск, который им удавалось удерживать примерно до 450 г. до н. э.

После этих побед греки переходят в наступление, и в 470—469 гг. до н. э. их войска, под начальством Кимона, удачно воюют с персами в Малой Азии²³³.

Однако персы, потерпев поражение, не оставили мысли о продвижении на запад и захвате Греции. Они вступают на путь подкупов и интриг, стремятся к дискредитации греческих политических деятелей. Известно, что руководители греков в кампании 480—479 гг. до н. э. — Фемистокл и Павсаний — были обвинены в измене, а Фемистокл даже кончил свои дни на службе у персидского царя²³⁴.

Еще при Дарии в Вавилоне произошло восстание некоего Бел-шиманни²³⁵. Затем мы узнаем о другом восстании — Шамаш-рибы (484 г. до н. э.)²³⁶, которое было подавлено Багабухшей (Мегабизом), внуком сподвижника Дария по борьбе с магом. Возможно, что после поражения персов при Саламине произошло еще одно восстание вавилонян.

Вавилон, помимо огромного экономического и политического значения, играл очень большую роль как религиозный и культурный центр. Святилища Вавилона, в частности храм бога Мардука, Эсагила, чтились далеко за пределами страны и создавали Вавилону особое положение среди покоренных городов и областей. Ксеркс решает уничтожить раз и навсегда политическое значение Вавилона и для этого идет на смелый шаг: он вывозит из Эсагила статую бога Мардука, что влечет за собой прекращение основной культовой деятельности в этом храме. Тем самым Ксеркс как бы лишил Вавилон его могущества, лишал его того центра, вокруг которого могли бы собираться недовольные элементы²³⁷. В связи с этим с 479 г. до н. э. Ксеркс перестает титуловаться царем Вавилона, низводя таким образом Вавилон на положение рядовой сатрапии²³⁸. При Кире II персидскому царю было необходимо именоваться царем Вавилона вследствие важности этого экономического и культурного центра Передней Азии и того

огромного значения, которое имел этот титул в глазах всех народов Ближнего Востока. Когда же Ахеменидская держава приобрела уже достаточно прочную политическую традицию, а главной опасностью для нее стали сепаратистские стремления в провинциях, формальная самостоятельность Вавилона оказалась ненужной и опасной.

Ксеркс провел некоторые реформы. Так, ему приписывается реформа календаря²³⁹. Но гораздо более важными для укрепления его государства были мероприятия в области религиозной. В 1935 г. в Персеполе была найдена интереснейшая надпись этого царя, в которой после списка стран, принадлежавших Персидской державе, написано: «Говорит Ксеркс, царь: когда я стал царем, среди тех стран, что перечислены выше, (была такая), которая восстала. Затем Ахурамазда помог мне. По воле Ахурамазды эту страну я разбил и поставил на место. И среди этих стран (была такая), где прежде поклонялись дэвам. По воле Ахурамазды я разрушил капище дэвов и я приказал: „дэвам да не поклоняются“. Там, где поклонялись дэвам, я стал поклоняться святым (?) Ахурамазде и Арте. И было и другое, что делалось несправедливо, это я исправил».

Приведенный текст представляет немалые трудности для толкования²⁴⁰. Прежде всего следует отметить, что в древнеперсидском тексте говорится об одной стране и одном святилище дэвов (древних местных божеств, или демонов в позднейшей зороастрийской терминологии), а в параллельном аккадском тексте — о «странах» и «святилищах». Большинство ученых склонно толковать эту надпись как свидетельство о введении Ксерксом зороастризма. Акад. В. В. Струве весьма убедительно показал, что такое толкование было бы упрощенным. По-видимому, в этой надписи отражена борьба Ксеркса за единство державы, что было особенно важно в связи с предполагавшимися большими военными предприятиями. Таким образом, эти меры, направленные, очевидно, против сепаратизма родовой и жреческой аристократии отдельных племен и сводившиеся к уничтожению культа родовых божеств, имели не столько религиозно-реформаторский, сколько политический характер. Из всей последующей истории Ахеменидской державы видно, что реформы Ксеркса не привели к созданию единой государственной, монотеистической религии.

Следует отметить, что за пределами собственно Ирана следы культа Ахурамазды обнаруживаются только в Восточной Малой Азии, Армении, Закавказье и в Средней Азии; нет никаких следов этого культа в ведущих странах Передней Азии и в Египте. Введенный Ксерксом в Иране новый

культ Ахурамазды, сопровождавшийся, как при Гаумате, разрушением святилищ местных божеств — «дэвов», имел несомненные связи с учением магов (которое либо существовало наряду с восточноиранским или среднеазиатским религиозным учением, связываемым с именем Заратуштры, либо развивало это учение)²⁴¹. На основе этого культа развивается впоследствии догматическая религия, известная нам под названием «зороастризм».

Ксеркс правил до 465 г. до н. э. В этом году он и его старший сын Дарий были убиты заговорщиками-царедворцами. Начинается междоусобная война между двумя другими сыновьями Ксеркса — Артаксерксом и Виштаспой²⁴². Последний, возможно, опирался на Среднюю Азию и Восточный Иран.

9. АХЕМЕНИДСКАЯ ДЕРЖАВА ПОСЛЕ КСЕРКСА

Междоусобная война продолжалась около трех лет. В 462 г. до н. э. Виштаспа погибает в Бактрии, и Артаксеркс I (др.-перс. Артахшаса), прозванный греками «Длинно-руким» (Макрохейр), правит с этого времени всей державой, кроме Египта. Эта страна, наименее тесно связанная с державой, страна с самобытным хозяйством, древней самостоятельной культурой и традицией государственности, в это время вновь отпала от Ахеменидов.

В Египте восстание возглавил Инар, сын Псамметиха²⁴³, поддержанный Афинами. Он убил Ахемена, сатрапа Египта, дядю Артаксеркса. Против него царь послал Багабухшу (Мегабиза), одного из наиболее выдающихся персидских полководцев. Багабухша довольно быстро справился с восстанием и взял в плен Инара. Победитель обещал своему пленнику жизнь, но персидский царь, боясь дальнейших осложнений в Египте, приказал убить Инара. Это сделало положение Багабухши в Египте чрезвычайно затруднительным и послужило для него впоследствии поводом поднять восстание.

Замирение Египта не было полным. В дельте Нила поднял восстание некто Амиртей. По-видимому, персам не удалось добиться сколько-нибудь прочного господства в Египте, потому что, по свидетельству Геродота, сыновья Инара и Амиртея — Таннир и Павсирис — сохранили за собой власть в дельте Нила, правда, под верховным владычеством персидского сатрапа²⁴⁴.

Между тем борьба с Грецией продолжалась. Союз греческих городов, во главе которого стояли Афины, был в те годы

очень силен и оказал персам успешное сопротивление. Заключенный после смерти Кимона так называемый «Каллиев мир» (449 г. до н. э.) свидетельствует о большой победе греков. Пограничным пунктом по этому миру была объявлена Фаселида в Ликии, т. е. фактически персы теряли Эгейское море²⁴⁵.

В это время начинается восстание Багабухши — серьезный симптом упадка державы Ахеменидов.

До этого, во всяком случае после прихода к власти Дария, междоусобицы происходили обыкновенно только после смерти царя, до укрепления на престоле следующего, а вооруженные столкновения между отдельными сатрапами были просто невозможны. Теперь же против царя восстал представитель одного из знатнейших персидских родов, потомок ближайшего сподвижника Дария. Восстание в конце концов было подавлено. Багабухша погиб, а сын его, имя которого дошло до нас только в греческой форме — Зопир, бежал к грекам. Считается, что рассказы этого Зопира и были главным источником сведений Геродота о государстве Ахеменидов²⁴⁶.

Но особенно серьезные волнения и внутренние неурядицы начинаются после смерти Артаксеркса I, последовавшей в 424 г. до н. э. Царем становится единственный сын Артаксеркса и царицы — Ксеркс II. Он процарствовал совсем недолго, оказался неугоден знати и был устранен. Затем правит ставленник знати, сын Артаксеркса от одной из наложниц — Секудиан (Согдиан). Но Секудиан правит только с апреля по декабрь 424 г. до н. э., и затем правящая персидская знать сажает на престол еще одного сына Артаксеркса от наложницы — Оха (др.-перс. Вахука), который принимает тронное имя Дария II²⁴⁷.

Все внешние и внутренние события царствования Дария II свидетельствуют о далеко зашедшем процессе разложения державы.

При дворе плетутся бесконечные интриги, в которых центральную роль играет всемогущая и коварная царица Парисатида, в провинциях же начинается целая цепь мятежей. Восстает брат царя, Арсид, поддержанный Артифием, сыном Багабухши. Очевидно, род Багабухши встал в открытую оппозицию царю²⁴⁸. В Лидии восстает двоюродный дядя царя — сатрап Писсуфн²⁴⁹. Против Писсуфна был послан около 412 г. до н. э. Тиссаферн (др.-перс. Чисафарна), который сумел подавить восстание и проявил себя хорошим администратором и ловким дипломатом. Тиссаферн и другой малоазийский сатрап — Фарнабаз, несмотря на существовавшую между ними борьбу, ведут политику, направленную к ослаблению Афин, главного врага персов. Для этого они стремятся привлечь на свою сторону враждовавших с Афинами спартанцев²⁵⁰.

В 407 г. до н. э. правителем всех малоазийских сатрапий, следовательно, начальником и Фарнабаза, и Тиссаферна, был назначен один из сыновей царя — Кир, известный в истории в отличие от своего предка — основателя Ахеменидской державы — под именем Кира Младшего²⁵¹. Царевич сразу же проявил недюжинные способности: он поднял престиж персидской власти в Малой Азии, успешно лавировал между враждовавшими спартанцами и афинянами, выжидая момент, когда можно будет извлечь выгоду из этой борьбы греков.

В 405 г. до н. э. до Кира доходит весть, что его отец Дарий II опасно болен. Боясь, как бы в случае смерти отца престол не достался брату Артаксерксу, Кир отправляется в Вавилон, где находился больной Дарий II и весь двор. Когда Кир прибыл в Вавилон, было уже поздно: царь умер, а брат Кира, Артаксеркс II, уже готовился к коронации.

Тиссаферн, прибывший вместе с Киром в Вавилон, сообщил Артаксерксу, что брат замышляет против него недоброе. Только благодаря заступничеству матери Кира — Парисатиды, не потерявшей еще влияния при дворе, царевичу удалось покинуть Вавилон невредимым и вернуться в Малую Азию.

Здесь Кир начинает тайно готовиться к борьбе с братом. Для состояния Ахеменидской державы в то время характерно, что Кир объяснял свои военные приготовления необходимостью борьбы с непокорным Тиссаферном, а царь, очевидно, привыкший уже к междоусобицам сатрапов, по выражению Ксенофонта, думал, «что Кир тратится на войска потому, что воюет с Тиссаферном, и несколько не беспокоился, когда они воевали, тем более, что доходы, поступающие из тех городов, которыми прежде владел Тиссаферн, Кир отсылал царю»²⁵².

Спартанцы, которые, добившись в 404 г. до н. э. победы над Афинским морским союзом в Пелопоннесской войне, были теперь главной силой в Греции, поддерживали Кира, надеясь, что после победы они заставят нового царя сделать ряд уступок. При их содействии Кир набрал десятитысячный греческий отряд, во главе которого был поставлен Клеарх. В числе военачальников был и афинянин Ксенофонт, перешедший на службу к спартанцам и оставивший нам описание всех этих событий, являющееся для нас главным источником²⁵³.

Кир собрал свои войска в Сардах и оттуда двинулся через всю Малую Азию к Вавилону. До самой Месопотамии он не встретил сопротивления, и только в 90 км от Вавилона, при небольшом местечке Кунаксе, 3 сентября 401 г. до н. э. произошло сражение между братьями. Сражение окончилось для повстанцев катастрофой: Кир был убит, его войско рассеяно. В особенно тяжелом положении оказались греки: вдали от ро-

дины, окруженные врагами, они, казалось, были осуждены на гибель. Тиссаферн, который вел переговоры с греками, коварно убил их предводителей; греки избрали новых, в том числе Ксенофонта, — ему удалось выговорить право на возвращение домой. Однако персидские вооруженные отряды продолжали и далее угрожать грекам. Ценою больших лишений и потерь грекам, перебивавшимся грабежом местного населения, удалось пройти через Месопотамию и Армению и пробиться к Черному морю у Трапезунда.

Этот так называемый «поход десяти тысяч» имел огромное значение для греков, так как показал им всю слабость Персидской державы.

Спартанцы, неудачно поддержав Кира, должны были ожидать теперь враждебных действий со стороны Артаксеркса II. И действительно, начинается война между спартанцами и представителями персидского царя в Малой Азии. Не дожидаясь активных действий персов, спартанцы высаживаются в 396 г. до н. э. в Малой Азии войско под начальством Агесилая, который больше года опустошает Фригию и Лидию²⁵⁴.

Тиссаферн, командовавший персами, проявил бездеятельность, в результате чего (или, согласно другому мнению, попав в немилость у царя по какой-то иной причине) был казнен присланным ему на смену Тифравстром (иран. Читрауштра)²⁵⁵.

Новый сатрап, увидев, что у него не хватает сил для прямой борьбы с Агесилаем, вступил на испытанный путь подкупов и тайных сговоров с отдельными греческими полисами, чтобы натравить их на спартанцев²⁵⁶.

Агесилаю пришлось, не достигнув сколько-нибудь решительных успехов, покинуть Малую Азию в 394 г. до н. э., так как разворачивавшиеся в Греции события требовали его присутствия на родине²⁵⁷.

Война с персами продолжалась еще несколько лет, но греки, изнуренные взаимной борьбой, не могли уже оказывать сопротивление новому персидскому военачальнику — Тирибазу. В 386 г. до н. э. был заключен мир, названный Анталкидовым, по имени представителя спартанцев в переговорах с Тирибазом, или же «царским», потому что мир был фактически продиктован персидским царем. Ксенофонт приводит такой текст этого мирного договора: «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов — Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам — большим и малым — должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я, вместе с принявшими

Рис. 20. Победа персов над греками. Оттиск с ахеменидской цилиндрической печати. V (?) в. до н. э.

мир, объявляю войну на суше и на море и воюющим с ней оказать поддержку кораблями и деньгами»²⁵⁸.

Таким образом, персы добились господства на Эгейском побережье; однако, несмотря на условия мира, Афинский морской союз был вскоре восстановлен.

В других частях обширного государства далеко не все было благополучно. Нам плохо известно, что происходило на востоке державы, но несомненно, что Ахемениды в эти годы потеряли там обширные территории, в том числе, по-видимому, Хорезм. Египет можно считать потерянным для империи уже к концу V в. до н. э. В начале IV в. до н. э. египетский фараон Неферуд деятельно помогает Спарте в ее борьбе с персами²⁵⁹. Вскоре же после «царского мира», объявившего о подчинении Кипра Ахеменидской державе, на этом острове вспыхивает восстание царька Эвагора, поддержанное египтянами, которые помогли также и малоазийскому племени писидийцев против персов²⁶⁰. В Сирии восстает сатрап Ариобарзан (365 г. до н. э.), продержавшийся три года²⁶¹. Фараон Тах (361—360 гг. до н. э.) вторгается из Египта в персидскую провинцию Сирию.

В результате такого упадка центральной власти и все ускоряющегося распада державы при дворе процветают интриги и сложная политическая игра, в которой немалая роль принадлежит вдовствующей царице Парисатиде.

К моменту смерти Артаксеркса II (прозванного греками Мнемонем, т. е. «памятливым»), в 358 г. до н. э., Ахеменидская держава уже проявляет все признаки разрушения и быстрого упадка.

В течение всего царствования (358—338 гг. до н. э.) Артаксеркс III Ох вел упорную борьбу с непокорными сатрапами и восстающими племенами. Артаксеркс III усмиряет восстание в Малой Азии, борется с Египтом, где он бывал уже как полководец с войсками своего отца. Затем с 348 по 345 г. до н. э. он сражается в Сирии, Финикии, Палестине, возвращается в Египет, где на некоторое время восстанавливает власть персов²⁶².

Последние годы царствования Артаксеркса III протекают в чрезвычайно напряженной обстановке. Он пытается для обуздания мятежных сатрапов лишить их права держать самостоятельные войска²⁶³. Может быть, в результате этих стремлений упрочить центральную власть Артаксеркс и был убит своим приближенным — главой придворной клики евнухом Багоем²⁶⁴. На трон был посажен Оарс (др.-перс. Варша), способствовавший, как передают, созданию заговора, приведшего к гибели македонского царя Филиппа, которого персы считали одним из своих важнейших возможных противни-

ков²⁶⁵. Незадолго перед тем Филипп сумел фактически подчинить почти всю Грецию господству Македонии.

Придворным Оарс показался слишком самостоятельным. В 336 г. до н. э. он был убит вместе со всей своей семьей²⁶⁶. На престол был посажен Кодоманн, сын Арсама, представитель одной из боковых линий ахеменидского дома, принявший тронное имя Дария III (336—330 гг. до н. э.). История царствования Дария III — это история гибели Ахеменидской державы под ударами войск Александра Македонского.

10. ИРАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ АХЕМЕНИДАХ

Уровень развития племен и народностей, покоренных Ахеменидами, был весьма различен. Общим для них было то, что все они жили уже в железном веке. Железо прочно вошло в обиход даже периферийных племен Персидской державы, а также и в Египте, где наступление железного века по ряду причин запоздало по сравнению с соседними странами и началось лишь в VII—VI вв. до н. э.

Сельское хозяйство — основа существования общества того времени — играло в Ахеменидском царстве, разумеется, очень важную роль. Известно, что персы придавали ему большое значение. Греческий писатель Ксенофонт в одном из своих сочинений рассказывает о специальных чиновниках, наблюдавших за земледелием и ведавших сбором налогов: «Часть своей страны он (т. е. царь) объезжает сам, часть — через посылаемых надежных людей, и если заметит, что правители представят землю обитаемой, обработанной и обильной свойственными ей деревьями и плодами, то присоединяет к ним области и награждает подарками и почетными седалищами»²⁶⁷.

Далее Ксенофонт рассказывает, что царевич Кир Младший демонстративно, наряду с военными упражнениями, занимался и сельскохозяйственными работами, желая, вероятно, подчеркнуть тем самым значение их для государства.

Организация и техника сельского хозяйства в отдельных областях державы в основном не отличалась от той, которая существовала в предыдущие периоды. Почти всюду основой земледелия являлось искусственное орошение, и господствующий класс стремился держать оросительную систему в своих руках. Как полагают, в Вавилонии откупщики налогов получали от государства и право на воду, приобретая, таким образом, дополнительный источник доходов (сдавали воду населению за высокую плату)²⁶⁸. В сельском хозяйстве старых культурных областей Передней Азии наряду с трудом

Рис. 21. Пахарь. Оттиск с ахеменидской цилиндрической печати

сельских общин широко применялся и рабский труд. При этом рабам, занятым как в сельском хозяйстве, так и в ремесле, нередко разрешалось работать самостоятельно, лишь выплачивая господину большую долю прибавочного продукта. В более отсталых областях собственно Ирана земледельческим трудом были заняты в основном, вероятно, свободные общинники.

В результате завоеваний ассирийских, вавилонских и мидийских царей, а затем и самих Ахеменидов значительная часть земли (кроме территорий привилегированных городов, храмов, полунезависимых племен и, возможно, сатрапов и крупнейших чиновников) перешла в собственность царя, так что общины располагались теперь на непосредственно царской земле, и даже создавались искусственно для удобства фиска.

В целом ряде областей, особенно в степных районах Центрального и Восточного Ирана, а также Средней Азии, населенных кочевниками и полукочевниками, было развито скотоводство. Широко славились «несейские кони», которых разводили в Мидии²⁶⁹.

Судя по дошедшим до нас памятникам материальной культуры, изображениям во дворцах ахеменидских царей и лите-

ратурным свидетельствам, ремесло в Ахеменидской державе было широко развито, причем характерна специализация ремесла по отдельным сатрапиям, т. е. та или иная область славилась тем или иным видом ремесла²⁷⁰. Поселения городского типа, с сосредоточенным в них ремеслом, были главным образом в Вавилонии (в первую очередь сам город Вавилон и некоторые другие храмово-городские центры), в Сирии и Палестине, в Финикии и Малой Азии (в первую очередь греческие города Эгейского побережья). Все эти города являлись одновременно центрами торговли; многие из них обладали самоуправлением. В Вавилонии существовали влиятельные роды торговцев и ростовщиков: сыновья Эгиби, сыновья Мурашû и другие²⁷¹. Иран и Средняя Азия знали, по-видимому, только города-резиденции и сельские поселения, нередко укрепленные, частью с цитаделью, занятой гарнизоном, частью без нее²⁷².

Рис. 22. Эламский хозяйственный документ из Персеполя

Найденные в Сузах²⁷³ и Персеполе²⁷⁴ хозяйственные документы показывают, что наибольшую часть ремесленников составляли царские люди и в значительной мере, вероятно, рабы.

В Сузах, во дворце Дария I, была обнаружена интереснейшая строительная надпись, рассказывающая о материалах для постройки и о ремесленниках, работавших на строительстве царского дворца: «...Земля была вырыта в глубину, пока я не достиг скалы в земле. Когда котлован был сделан, тогда гравий был засыпан, часть на 40 локтей в глубину, часть на 20 локтей в глубину. На том гравии был воздвигнут дворец. И что земля была вырыта в глубину, и что гравий был засыпан, и что сырцовые кирпичи были отформованы, — вавилонский народ, он (это) сделал. Дерево это, которое называется кедр, — (есть) гора, Ливан именем, оттуда (его) доставили.

Ассирийский народ довез его до Вавилонии. Кари́йцы и ионяне привезли (его) из Вавилонии в Сузы. (Дерево) яка привезли из Гандары и из Кармании. Золото было привезено из Лидии и Бактрии, которое здесь было обработано. Камень капаутака (лазурит) и синкабру (сердолик), что здесь был употреблен, он был привезен из Согдианы. Камень ахшайна (гематит? или бирюза?), он был привезен из Хорезма. Серебро и черное дерево привезены были из Египта. Украшения стен укрепления, — то было привезено из Ионии. Слоновая кость, что здесь была употреблена, — она была привезена из Эфиопии и из Индии и из Арахосии. Каменные колонны, что здесь были употреблены, — (есть) город, именем Абирадуш, в Сузиане, оттуда они были привезены. Каменщики, работавшие по камню, они были ионяне и лидийцы. Золотых дел мастера, работавшие по золоту, они были мидяне и египтяне. Люди, работавшие по дереву, они были лидийцы и египтяне; люди, делавшие обожженные кирпичи, они были вавилоняне. Люди, украшавшие стены укреплений, они были мидяне и египтяне»²⁷⁵.

Поражает богатство перечисленных в надписи строительных материалов, привозимых как будто нарочно из самых разных областей державы и государств (слоновая кость — из Судана, на юго-западе державы, и из Индии, на крайнем юго-востоке), чтобы заставить все страны работать на царя.

Ремесленники были преимущественно представителями самых передовых и культурных народностей державы: египтянами, вавилонянами, греками, лидийцами и мидянами. Издалека привозили не только материалы, но и готовые детали зданий, причем даже такие крупные, как колонны. И сделаны они были греками. Греки выступают не только как ремесленники, но, наряду с представителями малоазийских народов — карийцев и лидийцев, и как специалисты по перевозке и доставке грузов, главным образом водным путем (из Вавилона в Сузы, из западной Малой Азии в Сузы).

Значение торговли в Ахеменидском государстве, как мы видели, было велико. Частью она носила местный характер, например в виде обмена между оседлыми и кочевыми народами. Однако существовала и торговля между различными, особенно более развитыми, областями державы и с соседними странами в основном предметами роскоши, но также тканями и некоторыми сельскохозяйственными продуктами — зерном, финиками и т. д.²⁷⁶ Торговля эта шла по большим магистралям, пересекавшим страну в разных направлениях. Основной путь начинался в Лидии (Сарды), пересекал Малую Азию, выходил к переправам на Евфрате, затем шел на Вавилон. Из Вавилона в глубь страны вело несколько путей: один —

на Сузы и дальше в персидские резиденции царя — Пасаргады и Персеполь; другой из Месопотамии вел на Экбатаны — столицу Мидии, далее на Рагу и в восточные сатрапии государства. С юга на север Переднюю Азию пересекал путь, идущий от торговых городов Сирии и Финикии. У Птерии (в Малой Азии, восточнее реки Галис) он пересекал другой путь (который шел с запада на восток) и выходил к Черному морю и странам Закавказья²⁷⁷. Прорытый из Нила в Красное море при Дарии I канал^{277a} имел большое значение для торговли между западом и востоком царства. Мы знаем уже, какое значение для торговли имела введенная Дарием единая монетная система, однако необходимо отметить, что в некоторых областях, в частности в Египте — стране, не всегда связанной с Ахеменидской державой, — и на всем востоке государства эта система прививалась медленно. Вообще товарный обмен при всем его значении захватывал лишь поверхность экономики Персидской державы; большинство хозяйств повсюду оставалось натуральным.

Общественная структура в Персидской державе была такова: царь, члены царской семьи и крупнейшие представители персидской администрации имели по всей державе большие рабовладельческие хозяйства, обслуживавшиеся работниками, обозначавшимися иранскими терминами *мания* или *грда* (по-эламски «курташ»). Грда подвергались клеймению; их использовали на строительных сельскохозяйственных ремесленных работах²⁷⁸. Они, по-видимому, в значительной части состояли из военнопленных. Некоторые исследователи полагают, что начиная уже с V в. до н. э. в число грда начинают попадать и беднейшие слои персидских общинников^{278a}. Грда, занятые в сельском хозяйстве, нередко селились по деревням. Так, в Иране существовали целые селения военнопленных греков из того или иного полиса²⁷⁹. В хозяйстве царской сокровищницы грда получали не дневное довольствие, а серебро и натуральную оплату — в виде овец, вина и т. д., которую они частично непосредственно потребляли, частично должны были обменивать, чтобы превратить в провиант, одежду и утварь²⁸⁰.

Часть иранской знати, особенно в восточных областях, по всей вероятности, вела более или менее патриархальное хозяйство.

Масса иранского населения состояла из свободных воинов — общинников, производителей материальных благ (*kāga* — народ-войско)²⁸¹. В число свободных входила и местная родовая, а также служилая знать, включая крупных военачальников и администраторов.

В наиболее развитых областях Передней Азии существо-

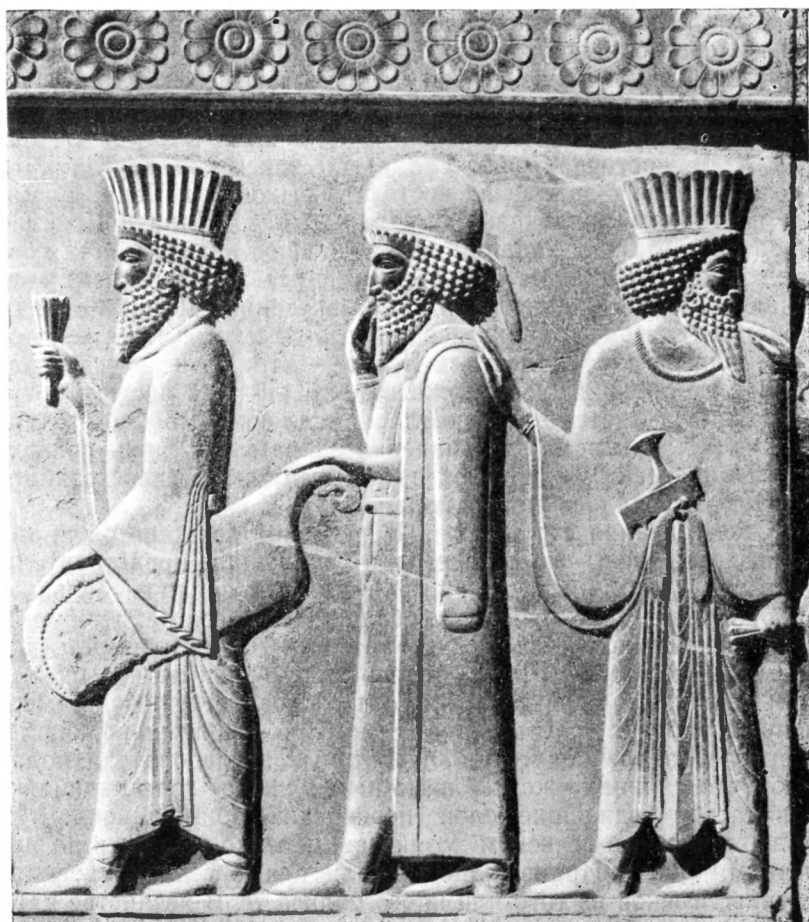

Рис. 23. Персидские и мидийские вельможи. Рельеф из Персеполя.
VI—V вв. до н. э.

вали порядки, более или менее сходные со сложившимися еще при ассирийцах, в VIII—VII вв. до н. э. Основная территория, кроме рабовладельческих имений царя и крупной персидской знати, была заселена общинниками, сидевшими на царской земле и, возможно, не имевшими права покидать свою общину. Они находились в крайне тяжелом положении вследствие того, что были обложены многообразными налогами, пошлинами и повинностями и были в долгу у ростовщиков и т. п. Часть же территории принадлежала храмам и

городам. Именно здесь существовали очаги наиболее развитого рабовладения.

Для осуществления своего господства в обширной стране Ахемениды ввели, по-видимому, свое законодательство²⁸². Была разработана также сложная административная система, которая вкратце была охарактеризована выше (при описании царствования Дария). Заимствованная у культурных государств древнего Востока (главным образом у Ассирии), эта система была разработана и усовершенствована при Ахеменидах. По свидетельству Ксенофонта, в сатрапиях, под верховным надзором сатрапа, существовали, с одной стороны, военные власти во главе с комендантом местного гарнизона, а с другой — чиновники, ведавшие податным населением: «Одни начальствуют над жителями и работающими — они же и собирают подати, другие командуют вооруженными гарнизонами. Если командир недостаточно защищает страну, начальник жителей и заведующий обработкой доносит, что трудиться нельзя вследствие отсутствия охраны; если же комендант обеспечивает мир, а у начальника обрабатываемая земля мало населена и не обработана, то на последнего доносит комендант»²⁸³. Такой системой взаимного наблюдения и контроля центральная власть стремилась удержать разбросанные на огромных пространствах отдельные области государства и сохранить их доходность. Военные гарнизоны в покоренных странах были главной опорой власти на местах. Состав гарнизонов был довольно пестрый, отсутствовали лишь жители той провинции, в которой находился гарнизон. Во главе их чаще всего стояли персы. До нас дошли подлинные документы, характеризующие жизнь такого гарнизона, стоявшего в отдаленной провинции государства — на острове Элефантине, на крайнем юге Египта²⁸⁴.

Общественные процессы, характерные для переднеазиатских военно-административных объединений начала I тысячелетия до н. э., приняли в Персидской державе еще более грандиозный размах, так как сама держава включала значительно большую территорию. Положение осложнялось еще и тем, что Персидская держава была вовлечена в сложные взаимоотношения с передовыми рабовладельческими обществами Средиземноморья, в первую очередь с Грецией. Временами в состав Персидской державы даже входили высоко развитые греческие полисы в Малой Азии: Милет, Самос, Эфес и другие. Кроме того, некоторые племенные территории (например, в Иране, в Средней Азии) по своему социальному развитию имели мало общего с передовыми районами Передней и Малой Азии. В то же время основная масса администрации и ядро всех гарнизонов и вообще войска со-

стояли из собственно персов. При таком положении персы были заинтересованы в выкачивании ресурсов из покоренных стран, а не в дальнейшем развитии подчиненных им передовых областей.

Сила Персидской державы заключалась в ее войске. В Иране, с его малоразвитыми рабовладельческими отношениями, войско составлял весь народ, вся масса свободных — рядовых общинников. Но наплыв сокровищ в Персию, непомерное обогащение ее рабовладельческой верхушки должны были привести к быстрому имущественному и социальному расслоению народа. Действительно, с течением времени соотношение между конницей, вербовавшейся из знати, и пехотой, преимущественно вербовавшейся из рядовых свободных, изменяется. Если на грани VI и V вв. до н. э. пехота составляла 90% персидской армии²⁸⁵, то в IV в. — не более 75—80%²⁸⁶. Персидское войско состояло преимущественно из насильственно набранных контингентов подчиненных народов²⁸⁷. Из самих персов уже со времен Дария I формировались преимущественно царская гвардия и командный состав. Все большую роль начинают играть наемники, особенно греки. Таким образом, Персидская держава уже не способна была выполнять свою главную, с точки зрения господствующего класса стран Западной Азии, задачу, т. е. обеспечивать военную мощь государства, поддерживать его целостность и поставлять рабов. Она становится в тягость не только народным массам, но и рабовладельцам наиболее развитых стран, не говоря уже о тех областях, которые были насильственно присоединены к державе и нисколько не были заинтересованы в ее сохранении.

В Ассирийской державе основная масса налогов взималась в натуральной форме. Дань золотом и серебром, частью поступавшая в царские сокровищницы, частью делившаяся между представителями царской администрации, при всей своей тяжести для населения была лишь второстепенной формой налога. В Персидской державе отдельные сатрапии должны были вносить налоги в царскую сокровищницу преимущественно серебром²⁸⁸. Существовала монетная, обязательная для всего государства, единица (золотой дарик), а также серебряные и медные монеты для отдельных сатрапий и автономных городов²⁸⁹. Это приводило к дальнейшему закабалению ростовщиками народных масс, не имевших денежных средств, и в то же время способствовало дальнейшему росту товарно-денежных отношений в городах.

Существование военной империи имело для рабовладельцев этих городских центров как преимущества, так и неудобства. Преимущества заключались в том, что царская власть

обладала военной силой, способной обеспечивать мир и свободу эксплуатации на большой территории, переносить войну за пределы царства и поставлять на рынок массу рабов. Неудобства заключались в произвольном вмешательстве деспотической власти в дела рабовладельцев и в ее стремлении выкачивать из богатых городов наибольшее количество средств при помощи налогов и грабежей (так, царь Ксеркс вывозил золото и золотые статуи из вавилонских храмов)²⁹⁰. Персы не содействовали экономическому развитию рабовладельческих хозяйств городов: они паразитировали на экономике различных частей своей державы.

Таким образом, рабовладельцы городов не были полностью заинтересованы в сохранении персидского военно-административного объединения. Еще менее были в нем заинтересованы народные массы, да и рабовладельцы различных периферийных областей, не связанных между собой территориально и имевших собственные экономические интересы. Египет, например, не нуждался в Передней Азии: он имел достаточно и своего хлеба, и своего сырья, и своих ремесленных изделий. Западная Малая Азия экономически была более связана с Грецией, чем с Вавилонией или Ираном; Средняя Азия, с ее натуральным хозяйством, и подавно не нуждалась в существовании Персидской державы. Более других были заинтересованы в ее существовании торгово-рабовладельческие круги финикийских городов.

Каждая из областей державы экономически составляла замкнутое целое. Развитие товарно-денежных отношений не способствовало установлению хозяйственного единства государства, так как торговали главным образом предметами роскоши и лишь в значительно меньшей степени жизненными средствами. Денежное обращение приводило лишь к скоплению богатств в руках немногих торговцев, ростовщиков и высших представителей администрации, усугубляло обнищание трудящихся и не способствовало развитию производства, на котором паразитировала богатая верхушка класса рабовладельцев.

Особенности общественного устройства и общественного развития были, соответственно, своеобразными в различных областях державы. Наряду с приведенными выше общими их чертами, существовали и специфические особенности в каждой сатрапии отдельно.

Области Персидской державы, как мы видели, можно разделить на две группы. К одной принадлежали обширные пространства Ирана, а также Средней Азии и других периферийных областей, где рабовладение было еще слабо развито, господствовали натуральное хозяйство и многие пережитки

патриархальных и родовых порядков. Мы очень слабо осведомлены о положении в этих областях. По-видимому, наиболее передовой из них была Бактрия.

К другой группе принадлежали хозяйственно наиболее важные и развитые переднеазиатские сатрапии Ахеменидской державы. Эти сатрапии с развитым рабовладельческим хозяйством и значительно развитыми товарно-денежными отношениями давали основную массу доходов персидским царям и были сердцем государства. С этих сатрапий — Малой Азии, Заречья (Сирии, Финикии, Палестины и Северной Месопотамии), Армении, Вавилонии, Элама, Лидии — персидские цари получали в виде налогов вдвое или втрое большую сумму, чем со всей остальной державы²⁹¹.

К этим областям примыкал и Египет. Из всех более развитых стран он был наименее связан с державой и в течение VI—IV вв. лишь часть времени находился под ее властью.

Общественные отношения в Вавилонии, наиболее важной из экономически развитых областей державы, при Ахеменидах в основных чертах не отличались от существовавших в Ново-Вавилонском царстве в VI в. до н. э.

Вавилон и другие самоуправляющиеся города этой страны продолжали и при Ахеменидах оставаться крупными центрами ремесла и торговли. В значительной мере их благосостояние было основано, во-первых, на эксплуатации труда рабов-ремесленников, работавших не в рабских мастерских под надзором хозяина, а самостоятельно, но вынужденных отдавать большую часть своего продукта рабовладельцу; во-вторых, оно было основано на обширной посреднической торговле, а также на торговле предметами самого вавилонского ремесла: тканями, ковровыми изделиями и т. п. Еще более усилились семьи рабовладельцев-торговцев и ростовщиков.

Однако надежды крупных рабовладельцев Вавилонии, торговцев и ростовщиков, мечтавших занять привилегированное положение в Ахеменидской державе и поэтому в свое время сдавших страну завоевателю — Киру II, не оправдались.

Рабовладельцы Вавилонии должны были теперь делиться долей прибавочного продукта с персидской административной верхушкой. Прежде всего в Вавилонии теперь существовал обширный и разветвленный административный персидский аппарат, извлекавший из Вавилонии большие доходы²⁹². Многие крупные представители персидской администрации сделались крупнейшими в Вавилонии рабовладельцами и землевладельцами. Правда, в доходах персидской администрации участвовала и верхушка вавилонских рабовладельцев; многие знатные персы были в долгу у торговых родов Эгиби и Мурашү, и, кроме того, последние, как полагают, получали на откуп

налоги, взимаемые Персидским государством. Однако в целом рабовладельцы Вавилонии были стеснены существованием Персидской державы. Даже посредническая торговля через Вавилонию не была теперь их монопольной привилегией. Вавилон был в это время наводнен иноземцами²⁹³, среди которых важную роль играли, в частности, финикийские и малоазийские купцы.

Земли в Вавилонии были либо собственностью частных лиц, либо государственной собственностью. На царской земле отводились наделы, держатели которых были обязаны выставлять воинов («земля лука») ²⁹⁴. От военной службы, однако, можно было откупиться деньгами. В частной собственности находились, по всей вероятности, прежде всего земли граждан привилегированных городов и представителей царской администрации. Значительно хуже мы осведомлены о положении рядовых земледельцев за пределами города. По всей вероятности, как и в ассирийское время, они жили общинами, должны были платить все налоги, нести все повинности и часто зависели от крупных собственников.

Налоговое обложение, введенное персами, было крайне тяжелым. Вавилонская сатрапия ежегодно уплачивала в казну около 1000 талантов (приблизительно 30 т) серебра. Но граждане привилегированных городов, вероятно, как это было и до персов и после них, общегосударственных налогов не платили ²⁹⁵, а это еще более увеличивало налоговое бремя сельского населения. К тому же, если налоги собирались откупщиками, то фактически размер этих обложений был еще больше, так как часть сборов оседала у откупщиков.

Не удивительно, что народные массы Вавилонии, а также и значительная часть класса рабовладельцев тяготились властью персов. Начиная с Ксеркса I персы рассматривают вавилонские храмы лишь как сокровищницы, из которых можно безвозмездно пополнять свои доходы. Все это еще более обострило положение. Понятно, что власть персов в Вавилонии была не слишком прочной и им постоянно приходилось подавлять вспыхивавшие там восстания. Фикция существования Вавилонского царства была теперь совершенно отброшена.

Положение в сатрапии, которую источники называют Заречьем (арамейск. Абар-На́хара), или Ассирией (др.-перс. Атура), включавшей Северную Месопотамию, Сирию, Финикию и Палестину, было во многом сходно с положением в Вавилонии. В Финикии был ряд самоуправляющихся торговых городов. Эти богатые торговые города: Тир, Сидон, Арвад и другие — были экономически связаны, с одной стороны, со странами Средиземного моря, с другой — с Передней Азией,

являясь посредниками между этими областями. Существование Персидской державы обеспечивало им бесперебойное поступление переднеазиатских товаров для торговли, в том числе рабов, а также политическую поддержку против греческих торговцев и мореплавателей. Финикийцы осуществляли морские военные операции Ахеменидов и снабжение их войск по морю в Восточном Средиземноморье. Поэтому финикийские рабовладельцы поддерживали Ахеменидов. Финикийские города пользовались широкой автономией; они продолжали, как и в старину, управляться либо собственными династами, либо местными органами управления, чеканили свою серебряную монету и т. п. Однако те же причины, которые заставляли рабовладельцев других торгово-ремесленных центров стремиться к большей независимости, сказывались, несомненно, и в Финикии.

Наряду с этим персы намеревались создать в Заречье еще один привилегированный храмовый город — Иерусалим²⁹⁶ в Палестине, — расположенный на торговом и военном путях в постоянно непокорный Египет. Еще Кир в VI в. до н. э. разрешил заново отстроить этот город, освободив его от общегосударственных податей и повинностей. Для этого пленным иудеям, увезенным в Вавилонию в начале VI в. до н. э., было разрешено вернуться на родину. Здесь избранные иудейские роды должны были составить привилегированную рабовладельческую общину по типу вавилонских храмовых городов. Как и в вавилонских городах, особый культ местного божества (Яхве) отделял в идеологическом отношении членов иерусалимской общины от окружающего населения, религиозные представления которого были иными. Эта изоляция еще более усилилась в результате оформления в V—IV вв. до н. э. догматов религии иудаизма; различные религиозные запреты затрудняли общение между иудеями и окружающим миром.

В течение V и IV вв. до н. э. Ахеменидская держава постепенно ослабевает. Прежде всего ослабевает ее военная сила — главное, что скрепляет подобного рода империи.

Причиной ослабления персидского войска было, по-видимому, прогрессирующее разорение свободных общинников Ирана, составлявших наиболее боеспособный костяк армии. Все многочисленные контингенты остальных народов были подневольными, насильственно набранными людьми, несколько не заинтересованными в победе. По уверению греков, персам нередко приходилось гнать их в бой бичами²⁹⁷.

В этих условиях персы начинают уже рассчитывать на значительно более боеспособные наемные войска из греков, но и они были ненадежны, так как охотнее сражались за того хозяина, который был более удачлив, богат и щедр.

Таким образом, ряд важнейших областей Персидской державы не был заинтересован в ее сохранении.

Однако внутри державы были и силы, заинтересованные в создании нового объединения, притом именно такого, каким стала впоследствии империя Александра.

Это были такие передовые, высокоразвитые страны Востока, как Вавилония и вообще Месопотамия, отчасти Сирия. Здесь продолжали действовать те факторы, которые вынуждали стремиться к созданию военно-административных объединений, — в первую очередь, необходимость обеспечить рабовладельческие хозяйства сырьем и рабами. Для этого требовалось присоединение периферийных областей, которые при господстве в них натурального хозяйства сами по себе почти не нуждались в обмене с более передовыми областями, если не считать предметов роскоши и т. д.²⁹⁸ Но, кроме того, объединение Западной Азии греко-македонцами сулило рабовладельцам этих стран создание такой организации, которая удовлетворяла бы их требованиям максимальной автономии при сохранении военно-административного объединения. Такой организацией был греческий полис.

Автономные города существовали в небольшом числе в ведущих странах Передней Азии в течение всего I тысячелетия до н. э. Но в кругах персидской царской администрации считали, что существование таких автономных образований внутри державы только ослабляет ее. Характерен в этом отношении пример Иерусалима. Разрешение строить город и запреты сменялись непрерывно, и понадобилось 100—150 лет, чтобы Иерусалимская храмово-городская община, наконец, стала действительностью²⁹⁹.

Создание нового автономного храмового города — Иерусалима было в Ахеменидской державе исключительным случаем. В этих условиях непосредственное вмешательство деспотического произвола во внутренние хозяйственные и политические дела важнейших центров рабовладения тормозило развитие рабовладельческого производства, а расширение и экстенсивный рост высокоразвитых рабовладельческих хозяйств не стимулировались.

11. КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО В АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЕ

Ахеменидская держава — наследница старых культур Передней Азии. Фактический центр государства находился в Месопотамии, Эламе и Сирии. Это в значительной степени и определило характер культуры Ахеменидской державы.

Как и во всех древневосточных государствах, здесь огромную идеологическую роль играла религия. Однако Ахеменидская держава, в которую входили народы с различными культурными и идеологическими традициями, была чрезвычайно слабо спаяна в экономическом и культурном отношении. В таких условиях не могло создаться единой освященной государством и освящающей его религиозной системы. Идеологическое воздействие на массы в этих условиях происходило в различных областях державы в разных формах, сообразно с унаследованными каждой страной верованиями и традициями.

Эта сложность политической обстановки в государстве, разнородность племен, его населявших, обширность территории, разнообразие местных условий предопределяли в значительной степени и религиозную политику Ахеменидов. Приверженцы старого иранского культа Ахурамазды — первые Ахемениды — признавали и поддерживали в Вавилонии, Палестине, Египте, Малой Азии традиционные местные культы. Об этом свидетельствует вся деятельность Кира, Камбиса (до восстания в Египте), Дария I.

Положение существенно меняется при Ксерксе I. По-видимому, местные культы в покоренных странах порою использовались враждебными Ахеменидам группировками для политической борьбы. Поэтому Ксеркс, считая, что централизация государства полностью осуществлена, и боясь сепаратистских тенденций покоренных стран, идет в таких случаях на подавление местных культов и введение культа Ахурамазды и Арты (олицетворенной «праведности», занимавшей важное место в учении Заратуштры). Это не означало, конечно, введения монотеизма, который на той стадии развития общества был просто невозможен, и полного исчезновения других божеств того же иранского пантеона. Дарий I, обращаясь все время к Ахурамазде и только его называя по имени, противопоставляя «Ложь» праведной вере в Ахурамазду, все же упоминает и «других богов»³⁰⁰. Артаксеркс II параллельно культу Ахурамазды вводит по всему царству культ божеств Анахиты и Митры. Анахита и Митра упоминаются и в надписях Артаксеркса III³⁰¹. Старые местные культы, разумеется, также продолжали жить. Таким образом, в ахеменидское время в Иране при официальном культе одного главного божества (иногда нескольких), поддерживаемом профессиональными жрецами-магами и основанном на древних иранских верованиях, существует большое количество верований и культов. Только в значительно более позднее время официальный культ окончательно оформляется в религию, получившую в науке название зороастризма. Характерно, что маги и при Ксерксе, как и впоследствии при Александре, обычно не отрицали чужих куль-

тов³⁰², и даже известны случаи совместного богослужения магов с жрецами других божеств³⁰³.

Культура и религия, официально поддерживавшиеся Ахеменидами, были действительно распространены только среди представителей верхушки персидского общества и отчасти населения собственно Ирана. За его пределами только в Армении и Малой Азии получили распространение иранские культы, связанные с именем Заратуштры или близкие к зороастрийским, но и то в самых причудливых сочетаниях с местными и переднеазиатскими верованиями³⁰⁴. Наряду с этим продолжали существовать, испытывая лишь сравнительно незначительное иранское влияние, самобытные культуры отдельных народов, населяющих державу.

Так, в Вавилонии продолжали читать и переписывать произведения старой светской и особенно религиозной письменности на аккадском и даже на шумерском языках; вавилонские астрономы и математики, достигшие значительных успехов, пользовались по-прежнему аккадским языком и письменностью. Продолжали отправляться культы вавилонских божеств, и вавилонская религия столь же успешно осуществляла освящение существующего строя в пределах страны, как и религия Ахурамазды в Иране.

Есть основание думать, что в это время развивались также арамейская и финикийская письменность и литература, хотя памятники до нас не дошли. В финикийском искусстве, в частности в предметах художественного ремесла, особенно заметно значительное влияние официального ахеменидского искусства. Но религия финикийцев, как и жителей Сирии, в это время не претерпела заметного изменения.

Во время персидского владычества оформляется догматическая религия иудаизма, которая была тогда идеологическим обоснованием создания иерусалимской храмово-городской общины. Для пропаганды этой религии перерабатывается старая иудейско-израильская литература, оформляется канон Библии. К этому периоду относятся исторические книги, приписанные организаторам иерусалимской общины Эзре и Нехемии (Нехемии), описывающие ход событий с точки зрения иерусалимского жречества и приводящие подлинные арамейские документы персидской царской администрации. В это же время были составлены речи поздних «пророков», также связанные с воссозданием Иерусалима³⁰⁵. Эти сочинения написаны на древнееврейском языке, что является продолжением старых традиций, в то время как в качестве разговорного языка в Палестине все более укрепляется арамейский.

Однако в религии иудаизма этого времени наблюдается и новое, обусловленное при этом не только внутренней историей

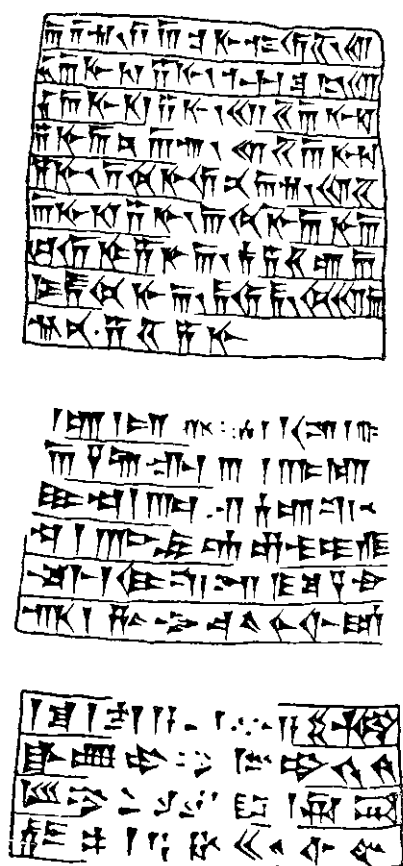

Рис. 24. Трехязычная надпись
Dag. Pond. b. Государственный
Эрмитаж

сти. Наследники старых государств древнего Востока в этой, как и во многих других областях культуры, они заимствовали тип письменности из Двуречья. Но в этом, как и во многом другом, они пошли дальше, значительно переработав полученное. Хотя элементы знаков имели, как и у вавилонян и эламитов, клинообразный вид, знаки в целом не могут быть возведены к вавилонским и эламским прототипам. Принципы обозначения звуков языка претерпели изменения. Идеограммы — знаки для целых слов или понятий — в персидской клинописи почти не употреблялись. От слогового письма, где

самих иудеев, но и влиянием официальных идеологических течений в Персидской державе.

Если ранее бог Яхве выдвигался как главный, а позже и единственный бог лишь для своей страны и не отрицалось существование других богов, так как культ Яхве должен был освящать единство одной лишь иудейской монархии, то теперь Яхве считается всеобщим богом, небесной параллелью единому царю Азии, претендовавшему на то, чтобы быть царем мира. Правда, Яхве не прямо отождествляется с Ахурамаздой, но уже Кир, которому иудейское жречество было обязано созданием своего самоуправляющегося храмового государства, недвусмысленно отождествлялся с мессией — помазанником бога, царем-избавителем, ожидаемым иудаизмом⁵⁰⁶. Сама идея грядущего полубожественного избавителя имела и в религии Ирана. Существует мнение, что за такого избавителя пытался выдавать себя Ксеркс I.

Проводя сложную политику, управляя обширным государством, Ахемениды нуждались в развитой системе письменности.

каждый слог обозначался особым знаком, Ахемениды перешли к системе, близкой к алфавитной. Лишь в некоторых случаях для сочетаний согласного звука с разными гласными употреблялись разные знаки. В других случаях для согласного употреблялся один и тот же знак при любом сочетании с гласным. Можно было передавать также один согласный звук без гласного, равным образом один гласный. Этой новой полуалфавитной системой знаков писали на древнеперсидском языке, которым пользовались при дворе Ахеменидов и впервые получившем письменное оформление только при Кире Старшем. (Надписи, приписанные предкам Кира — Ариарамне и Аршаме, по-видимому, не подлинные³⁰⁷.) Но в разноплеменной и разноязычной стране нельзя было ограничиться одним официальным языком. В официальных династических надписях применялись еще два языка: язык ближайшей к Персиде культурной страны — эламский и язык главнейшей из переднеазиатских областей государства — аккадский (авассинский)³⁰⁸. В Египте наряду с этими тремя языками применялся еще и египетский.

Но эти языки употреблялись главным образом в официальных надписях: в рассказе о победах Дария на Бисутунской скале, в надписях на стенах царских дворцов, на золотых и серебряных закладных досках, на стелах, воздвигавшихся по случаю открытия канала, на цилиндрических печатях. В хозяйственной жизни Вавилонии еще продолжали употреблять вавилонский язык. В Египте местный язык также остается официальным. В Эламе и в самой Персиде был распространен эламский язык. Об этом свидетельствуют обнаруженные в Персеполе хозяйственные царские архивы³⁰⁹. Но в ахеменидское время особое значение как язык деловой переписки и международных сношений приобрел один из семитических языков, широко распространенных по всему Переднему Востоку, а именно арамейский. По-арамейски писали уже не клинописью, но особым (финикийским по происхождению) алфавитным письмом, которое в истории культуры Азии сыграло огромную роль. Это письмо явилось исходной точкой в развитии ряда алфавитов, отчасти существующих в Азии до сих пор³¹⁰. Для письма по-арамейски пользовались кожей, папирусом или глиняными черепками от посуды.

В своих резиденциях Ахемениды возводили постройки, которые должны были показать всем могущество и величие державы. В ахеменидское время был создан своеобразный архитектурный стиль, в котором органически переплетались традиции многих народов, населявших державу. Наиболее ранним памятником ахеменидской архитектуры является дворец Кира в раннеахеменидской резиденции — Пасаргадах³¹¹. Дво-

Рис. 25. Пергамен с арамейским деловым письмом. Египет. V в. до н. э.

рец Кира представлял собой комплекс зданий, сооруженных в саду и окруженных стеной. В нескольких местах развалин сохранилась старейшая древнеперсидская надпись: «Я — царь Кир, Ахеменид». Там же, в Пасаргадах, сохранилась почти полностью гробница Кира³¹². Это — небольшое сооружение из камня, похожее по форме на жилой дом с двускатной крышей; оно стоит на фундаменте, образующем шесть высоких ступенек. Никаких украшений на здании нет. Эта гробница существенно отличается от других известных нам царских гробниц, представлявших собой не архитектурные сооружения в прямом смысле слова, а высеченные в скале ниши, украшенные архитектурными деталями и скульптурными рельефами. По сведениям античных авторов, в этой гробнице на золотом ложе покоилось набальзамированное тело Кира³¹³.

В Пасаргадах и Накш-и Рустеме (недалеко от Персеполя), где находятся царские гробницы, сохранились странные постройки в виде высоких башен без окон и каких-либо украшений. Предполагается, что это храмы³¹⁴. Дарий в своей Бисутунской надписи говорит о восстановлении им святилищ, разрушенных Гауматой³¹⁵. Помимо упомянутых загадочных башен, из культовых памятников известны большие каменные алтари и места поклонения открытого типа (например, около современного Фирузабада)³¹⁶. При раскопках в Персеполе Э. Герцфельд обнаружил храм ахеменидского времени, с алтарем огня в закрытом помещении³¹⁷. Однако Геродот говорит, что в его время (V в. до н. э., после реформ Ксеркса) персы храмов не имели³¹⁸.

Наибольшее историко-культурное значение имеют постройки дворцового типа в Персеполе, ставшем царской резиденцией со времен Дария. Персепольские дворцы расположены на искусственно приподнятой платформе и представляют, при всем разнообразии архитектурных форм, некий единый ансамбль, величественный памятник могуществу Ахеменидской державы, памятник народам — создателям ахеменидского искусства³¹⁹. Все здания, кроме одного, относящегося ко времени Артаксеркса III, построены по приказу Дария и Ксеркса и позволяют нам судить о размахе строительной деятельности этих царей, о стиле архитектуры периода расцвета Ахеменидской державы. В Персеполе хорошо представлены два типа дворцовых построек: один — *тачара* — жилой, зимний дворец, который начали строить при Дарии, другой — *ападана* — парадный, открытый зал, с покоящимся на высоких тонких колоннах деревянным перекрытием. Такой дворец был построен в Персеполе при Дарии и перестраивался при Ксерксе и Артаксерксе I. К этому же типу относится так называемый стоколонный зал, построенный при Ксерксе³²⁰.

Рис. 26. Гробница Кира II в Пасаргадах

Сооружением совсем иного типа является дворец Дария в другой царской резиденции — Сузах, древней эламской столице. Там дворцовые постройки сгруппированы вокруг центрального двора³²¹, по принципам древней архитектуры Двуречья.

Все эти архитектурные сооружения разных типов свидетельствуют о многочисленных традициях, из которых сложился стиль ахеменидского времени. Несомненно, что ахеменидское искусство как искусство придворное, призванное монументальностью своих форм прославлять и возвеличивать царя и царскую власть, создавалось руками представителей самых разнообразных народов и племен и меньше всего самих персов. В этом искусстве, наряду с несомненно местными, иранскими элементами, можно проследить и элементы месопотамские, египетские, греческие. Мы знаем из строительной надписи Дария I в Сузах, что мастера всех народов работали над созданием царского дворца — символа могущества и власти Ахеменидов.

К памятникам архитектуры относятся и царские гробницы в Накш-и Рустеме (могилы Дария I, Ксеркса I, Артаксеркса I и Дария II). Это — ниши, высеченные в отвесной скале, причем вход в каждую из них оформлен как портик с четырьмя колоннами³²².

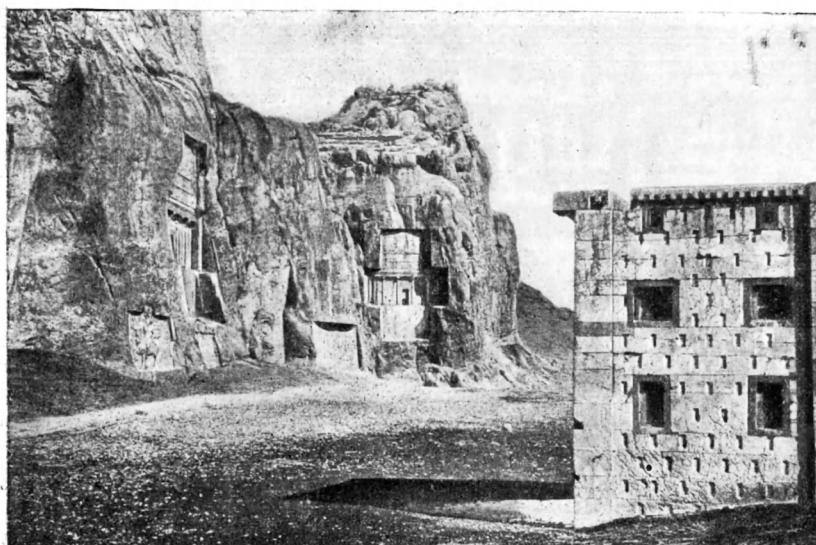

Рис. 27. Накш-и Рустем. Гробницы ахеменидских царей. Справа — храм огня (?) «Кааба Зороастра»

Здесь мы, очевидно, имеем дело со старой традицией, так как в недавнее время в Северо-Западном Иране обнаружены такие же скальные гробницы, но более раннего времени. Наиболее интересными являются Дуккан-и Дауд около Хульвана и гробница около селения Сахнэ, между Керманшахом и Хамаданом. Подобная же гробница найдена на южном берегу озера Урмии, около селения Фахрика. Самыми поздними из этой группы являются гробницы Кызкапан и Курх-у-Кич около селения Сурдали.

Э. Герцфельд, издавший эти памятники, приходит к выводу, что они относятся к маннейскому и мидийскому времени и должны быть датированы IX—VI вв. до н. э. Накширустемские гробницы (по типу к ним принадлежит и более ранний памятник—гробница Да-у-Духтар) отличаются от мидийских главным образом тем, что вход в них оформлен, как указано выше, полуколоннами. «Это, — как пишет Э. Герцфельд, — только изображение колоннады без пространственной глубины». Архаические же мидийские гробницы полностью воспроизводят жилище и оформлены настоящими портиками с колоннами³²³.

Анализ персидской царской архитектуры «персеполитанского типа» и царских скальных гробниц приводит к выводу,

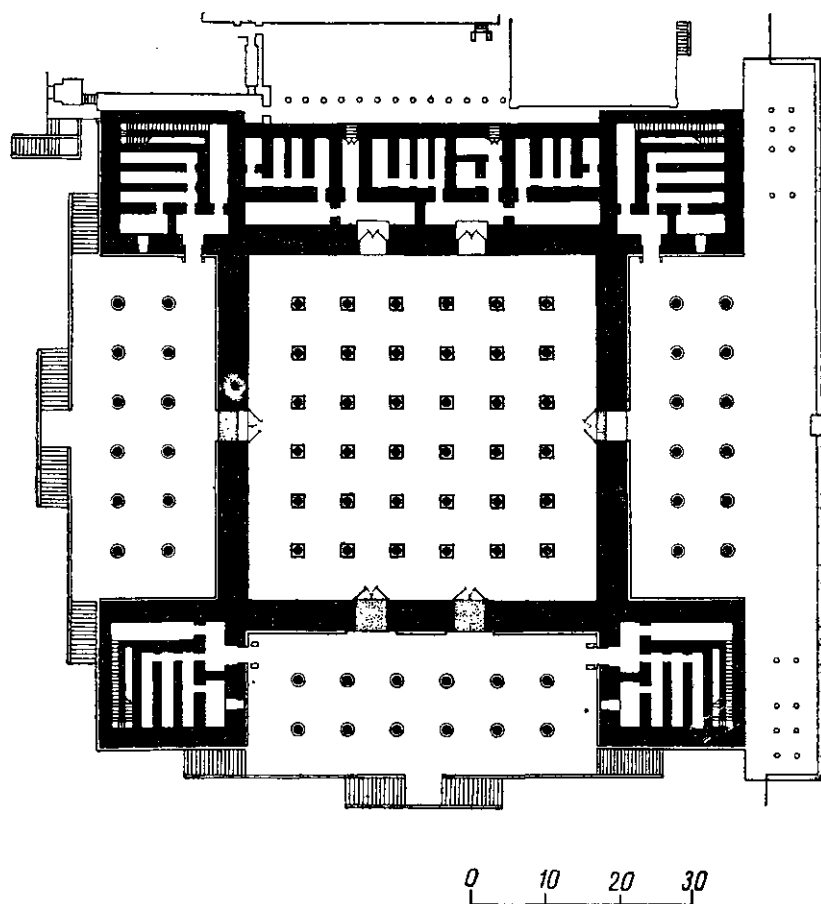

Рис. 28. План ападаны в Персеполе

что в основу их положен план обыкновенного иранского дома, сохранившегося в современном крестьянском жилище Ирана, Закавказья и Средней Азии ³²⁴.

Монументальная скульптура — декоративная (дворцы в Пасаргадах, в Персеполе, в Сузах, гробницы в Накш-и Рустеме) или в виде самостоятельных памятников (рельефы и надписи на Бисутунской скале) — и архитектура наиболее ярко выражают основные черты ахеменидского искусства. Ритм фигур воинов или данников, органически связанный с ритмом самого архитектурного сооружения, особенно хорошо подчеркивает монументальность, величественность, церемониаль-

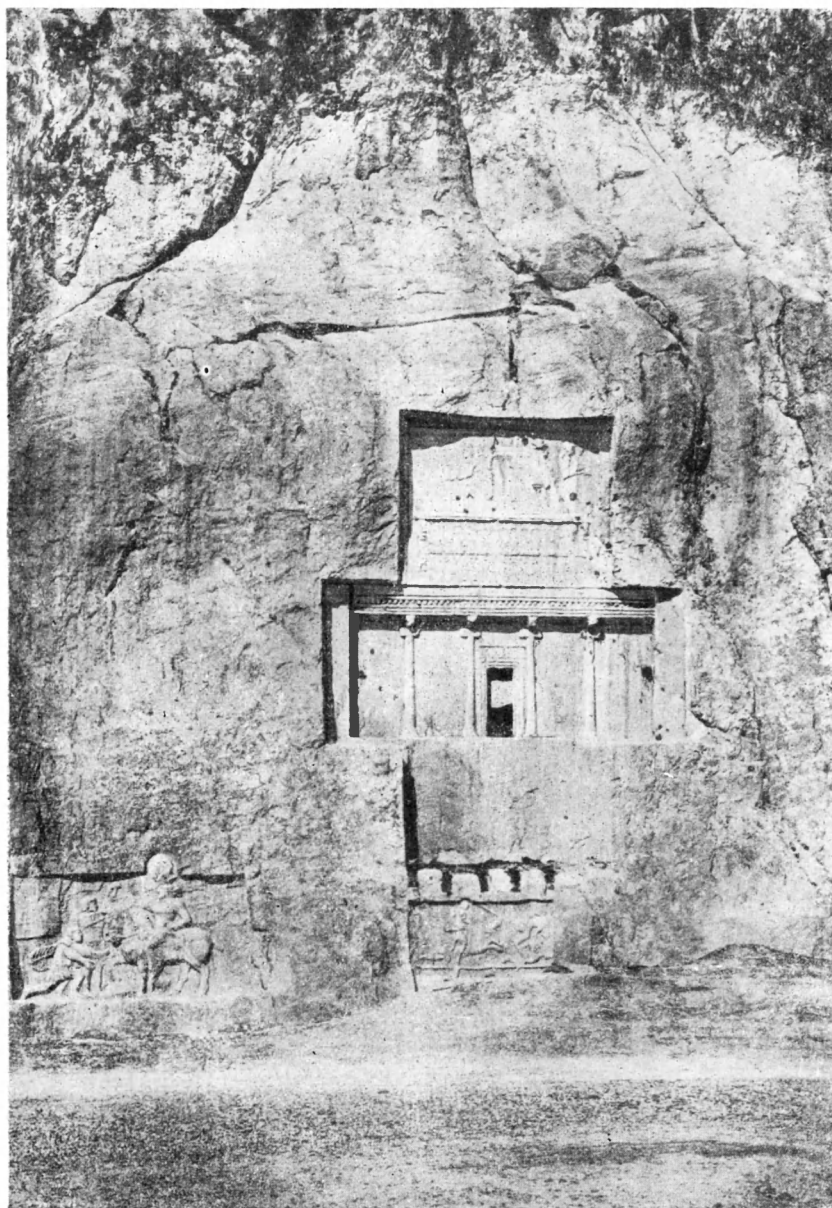

Рис. 29. Гробница Дария I в Накш-и Рустеме. Внизу слева рельеф сасанидского времени

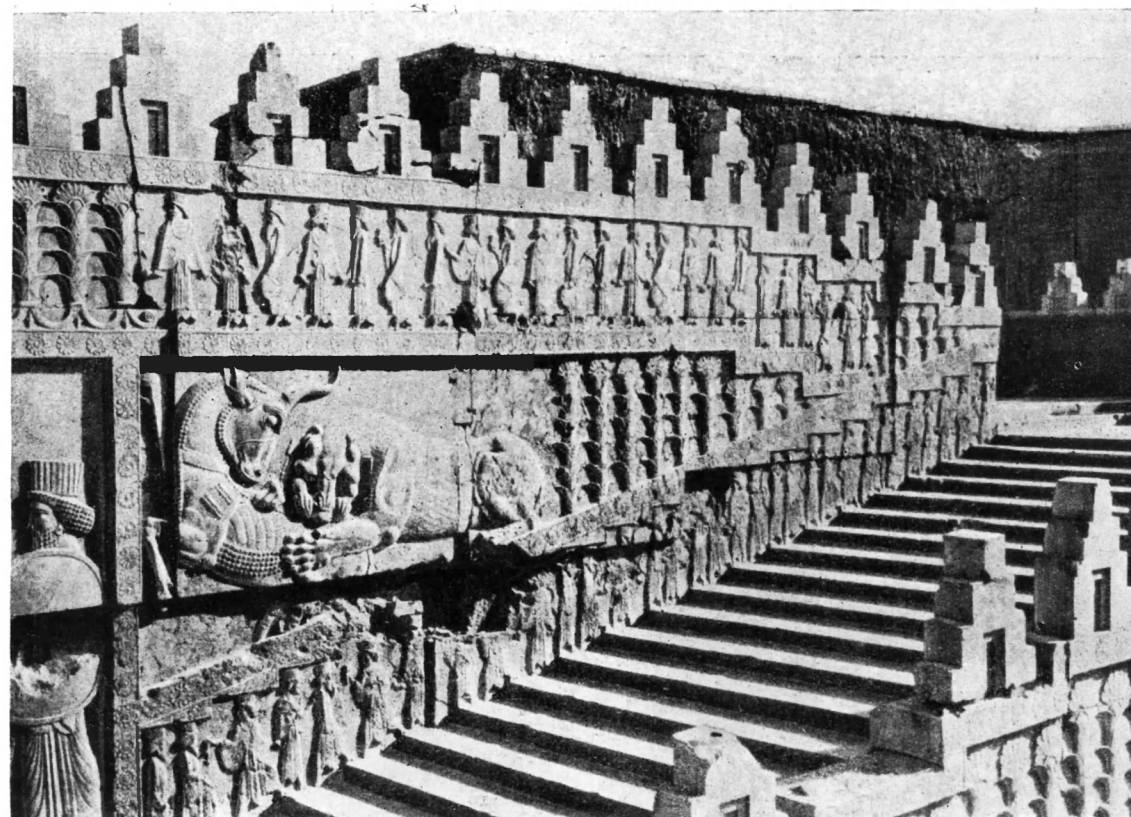

Рис. 30. Лестница «Зала совета» в Персеполе

ность этого искусства. В скульптуре особенно ясно видно, как многим обязано ахеменидское искусство Месопотамии. Не только трактовка человеческих фигур, технические приемы, но и отдельные образы (крылатые быки у входа) могут быть объяснены только сильным влиянием искусства Двуречья и особенно Ассирии (через Мидию?). Памятников круглой монументальной скульптуры ахеменидского искусства сохранилось мало; они носят такой же условно-парадный характер, как и рельефы. Греческие писатели сообщают нам о том, что в резиденциях персидских царей были статуи работы греческих мастеров.

Здания ахеменидского времени были украшены не только каменными рельефами, но и цветными изразцами, дошедшими до нас, а также и росписью, золотыми орнаментальными деталями, резьбой по дереву, инкрустацией из слоновой кости³²⁵.

Вообще художественное ремесло было высоко развито в Ахеменидской державе. Дошедшие до нас памятники — сосуды, украшения, мелкая пластика, главным образом из драгоценных металлов, — красноречиво свидетельствуют об этом³²⁶.

Из советских музеев хорошим собранием предметов художественного ремесла ахеменидского времени обладает Государственный Эрмитаж в Ленинграде³²⁷, ценные памятники есть в Москве, в Музее имени Пушкина³²⁸.

В художественном ремесле ахеменидского времени видно переплетение уже несколько иных элементов, чем в официальной и торжественной архитектуре и монументальной скульптуре. Хотя несомненно, что художественное ремесло, особенно использующее драгоценные металлы, обслуживало верхушку господствующего класса, все же в нем проявлялись такие стороны художественного мировоззрения мастера, которые не могли найти отражения в строго каноничных памятниках придворного искусства. Так, в памятниках художественного ремесла часто видны элементы своеобразного реализма, особенно в трактовке животных. Необходимо также отметить, что, наряду с указанными выше чертами месопотамского и грече-

Рис. 31. Скульптурный портрет ахеменидского царя. Известняк. Частная коллекция

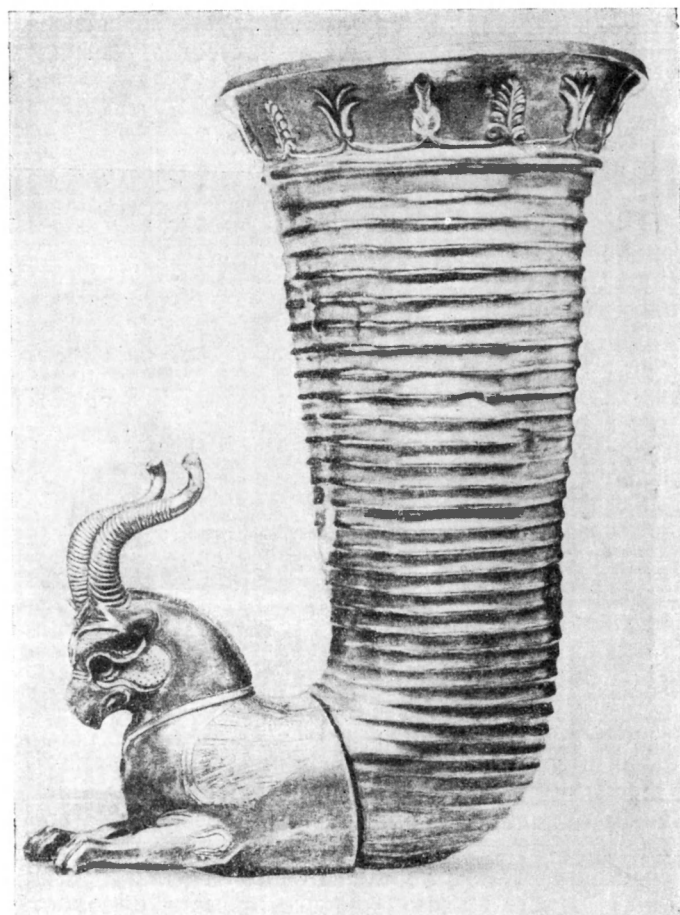

Рис. 32. Серебряный, частично позолоченный ритон ахеменидского времени. Британский музей

ского искусства, для многих памятников ахеменидского периода характерны черты, связывающие их с искусством кочевников Азии и восточной Европы, условно называемым в науке «скифским».

Как памятники искусства необходимо рассматривать и печати, обычно цилиндрические, употреблявшиеся вместо подписи на деловых документах и письмах. Эти печати тесным образом связаны с аналогичными месопотамскими как по функции, так и по технике изготовления и художественным

Рис 33. Ручка от сосуда. Бронза, частью золоченая. IV в. до н. э. Берлинский музей

Рис. 34. Охота на льва. Оттиск с ахеменидской печати с трехязычной надписью царя Дария.
Британский музей

приемам³²⁹. Лучшие из печатей были изготовлены из голубоватого халцедона. На них изображались мифологические сюжеты или символические сцены побед персидского царя над врагами и т. п.

Наши сведения о культуре и искусстве Ахеменидов почти каждый год пополняются все новыми и новыми данными. Каждый год археологические раскопки дают нам новые памятники искусства, новые надписи, поэтому можно надеяться, что теперешние, далеко еще не точные представления о культуре ахеменидского Ирана с каждым годом будут становиться все яснее и яснее. Во всяком случае уже и сейчас ясно огромное значение культуры Ахеменидской державы для истории народов, населяющих ныне территорию Советского Союза, и ясна та большая роль, которую предки этих народов наряду с самими иранцами и другими народами древнего мира сыграли в сложении той культуры, которую условно называют ахеменидской.

Часть вторая

—

ЭЛЛИНИЗМ
И ПАРФИЯ

1. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

В IV в. до н. э. борьба между Элладой и Персидской державой продолжалась.

Несмотря на крупные неудачи Дария и Ксеркса, несмотря на успешные кампании греков, завершившиеся так называемым «Каллиевым миром», персы в начале IV в. до н. э. снова одержали победу над греками, о чем свидетельствует «Царский мир» 386 г. до н. э. Если материковая Греция и была в полной безопасности, то островам, находившимся в Эгейском море, всегда угрожал персидско-финикийский флот, а греческие города Малой Азии были всецело под властью персов.

В самой Греции все чаще раздавались голоса за объединение Эллады под единой сильной властью, а известный афинский оратор и публицист Исократ прямо говорил о необходимости включить в эллинское единство и Малую Азию. Однако для этого нужно было сокрушить могущество Ахеменидов¹.

К середине IV в. до н. э. относится возвышение Македонского царства. Филиппу Македонскому после битвы при Херонее (338 г. до н. э.) удалось подчинить всю Грецию, объединив ее в так называемом Коринфском союзе. Естественно, что после этого его взоры обратились на восток, где господству Македонии на Эгейском море все время угрожали персы.

О том, что Филипп лелеял планы войны с персами, свидетельствует хотя бы то, что в 336 г. до н. э. он послал в Малую Азию опытного полководца Пармениона. По-видимому, ему была дана задача захватить предмостное укрепление у переправы через Дарданеллы, чтобы обеспечить в дальнейшем переброску в Малую Азию основных сил греков и македонцев.

Но в том же 336 г. до н. э. Филипп был убит заговорщиками. Не лишено основания мнение, что здесь был замешан царь персов Оарс (Варша), прекрасно понимавший, какую опасность для его державы представляло сильное Македонское царство, руководимое энергичным и талантливым Филиппом.

На македонский престол взошел двадцатилетний сын Филиппа — Александр.

Ученик Аристотеля, получивший хорошее образование, воспитанный в аристократических традициях македонской знати, Александр уже с юных лет показал себя человеком большого государственного ума и недюжинных способностей полководца.

В шестнадцать лет он в отсутствие отца управлял Македонией и подавил восстание фракийцев. В восемнадцать он командовал левым флангом македонцев в битве при Херонее.

После смерти Филиппа сколоченный им Коринфский союз грозил распасться. Александру пришлось привести в подчинение города-государства Греции и отразить нападение «варваров» — трибаллов и гетов (335 г. до н. э.), надвигавшихся с севера. Только обеспечив себе европейский тыл, он стал готовиться к персидской кампании.

Он отозвал Пармениона из Малой Азии, желая, по-видимому, воспользоваться его опытностью при подготовке сложной кампании. Это было воспринято персидским командованием как отказ македонцев от агрессивных планов. Персы не приняли необходимых мер для обороны малоазийского побережья. Поэтому, когда весной 334 г. до н. э. армия Александра под командованием Пармениона пересекла Дарданеллы, персы с самых первых дней не смогли оказать ей организованного отпора. Александр, высадившись в Илионе, вернул этому городу демократические свободы, освободил его от уплаты дани персам и затем двинулся на соединение со своей основной армией.

Какими же силами располагал Александр?

Армия его была невелика по размерам. Считается, что она состояла из пехоты примерно в 30 тыс. человек и конницы — в 5 тыс.² Тяжелая македонская пехота насчитывала 12 тыс. человек, из них 9 тыс. составляли шесть таксисов фаланги, а 3 тыс. — три отряда гипаспистов — полутяжелой пехоты (один из них — агема — был личной гвардией Александра). Греческая пехота состояла также примерно из 12 тыс. человек (союзников и наемников). Остальные пехотные части были отрядами легковооруженных. Наиболее ценными из них были критские лучники. Конница состояла из восьми отрядов тяжелой конницы гетайров («товарищей» царя из македонской знати), отряда фессалийской конницы и других, более мелких отрядов. Кроме того, у Александра было 160 военных кораблей.

За армией следовали обозы. У Александра было хорошо организовано осадное дело, поэтому с обозом шли различные осадные машины и обслуживавшие их специальные отряды.

Командный состав армии состоял из группы ближайших соратников царя, хорошо знавших военное дело. Среди них было немало выдающихся людей, сыгравших в дальнейшем большую роль в истории Азии.

Необходимо отметить прекрасную постановку штабной работы. В походе велись подневные записи, которые потом легли в основу всех позднейших рассказов о походах Александра. В армии были специальные должностные лица — бематисты, обязанные вести разведку местности и топографические работы. Помимо этого, войска сопровождали историки, философы и естествоиспытатели, работы которых чрезвычайно расширили представление греков о мире³.

Прекрасная подготовка похода свидетельствует о широких военных планах Александра, однако на первом этапе своей деятельности молодой македонский царь вряд ли помышлял о полном уничтожении Персидской державы, а тем более о мировом господстве. Отправляясь в азиатский поход, он ставил перед собой более конкретные, более достижимые и реально необходимые для македонского господства задачи. Он стремился очистить Эгейское море от персидского флота, лишить его малоазийских баз и освободить от персидского владычества греческие города Малой Азии, вовлекая их, таким образом, в сферу своего влияния.

Но уже первое серьезное сражение показало всю слабость государства Ахеменидов и открыло перед Александром широкие возможности дальнейших завоеваний.

Многочисленное войско Дария III состояло из весьма разнородных элементов, неравноценных в военном отношении. Дисциплина в войсках была слаба, у воинов не было той воли к победе, которая была характерна для маленькой, но отлично обученной и тренированной армии Александра. Уже из того описания войска Ксеркса, которое дал Геродот, видно, что основу персидской армии составляло племенное ополчение, причем большое значение имела конница. Дарий III, пытаясь приноровиться к греческой тактике, стремился создать регулярную пехоту (кардаки)⁴, однако в основном ему приходилось полагаться на греческих наемников, которых в его войске насчитывалось немало. Руководил ими способный полководец Мемнон.

Общая численность армии Дария не поддается учету. Можно только предполагать, что она была значительно больше греко-македонской.

Малоазийские сатрапы Дария, узнав о приближении Александра, стали делать запоздалые приготовления к сражению. Начальник греческих наемников Мемнон посоветовал персам отступать, уничтожая все на своем пути и заманивая

македонского царя в глубь страны, навстречу главным силам Дария. Однако сатрапы во главе с Арситом — сатрапом пригеллеспонтской Фригии, не желавшим подвергать опустошению свою сатрапию, — отклонили план Мемнона и решили дать Александру генеральное сражение на берегах реки Граник, впадающей в Мраморное море.

Битва при Гранике была выиграна Александром сравнительно легко. Об этом можно судить по его незначительным потерям. Сам Александр, правда, чуть не погиб в этой битве, увлекшись конной атакой, которой он сам руководил. Молодого царя спас один из его сподвижников — Клит.

Александр оставил небольшой гарнизон, состоявший из греков-союзников, для прикрытия основных коммуникаций с европейским материком — дарданелльских переправ, а сам с основным войском направился на юг, к греческим городам малоазийского побережья.

Политика Александра по отношению к греческим городам была диаметрально противоположна той, которую проводил в материковой Греции царь Филипп и наместник Александра Антипатр, поддерживавшие в греческих полисах олигархию против демократии. В Малой же Азии, где олигархию поддерживал персидский царь, Александр выступил как сторонник демократии. Этим он привлек на свою сторону широкие слои населения греческих городов и создал для персидского царя дополнительные трудности, тем более что команды персидского флота, блокировавшего гавани Эгейского моря, в значительной части состояли из жителей малоазийских городов. Захватив Милет, Александр лишил персидский флот важнейшей базы и фактически обезвредил его. Несколько труднее было взять Галикарнас, где гарнизон, руководимый Мемноном, оказал Александру упорное сопротивление. Однако и этот последний оплот персидского царя в западной Малой Азии был наконец взят, персидский флот отступил, увозя с собой защитника Галикарнаса — Мемнона.

Александр мог продолжать свой поход в глубь Малой Азии.

Он не добивался окончательного покорения страны, а шел с основными силами вперед, поручая своим сподвижникам, которым он давал небольшие отряды, завершать очистку тылов. Зимой 334/333 гг. до н. э. он провел кампанию против горных племен, не давая, таким образом, горцам возможности уйти в неприступные местности и заставляя их держаться долин, свободных от снега. Такую же тактику он применял позднее и в Иране.

Весной он достиг Гордия — древней столицы Фригии, где его ожидал Парменион с частью войска и обозом. Здесь

Александр дал отдохнуть войску и пополнил его новыми силами, прибывшими из Македонии.

Тем временем Мемнон с персидским флотом развил энергичную деятельность в Эгейском море. Однако ему не удалось поднять Грецию против Александра и сколько-нибудь существенно повредить его коммуникациям. В этом же году Мемнон умер и командование персидскими силами на Эгейском море перешло к его племяннику Фарнабазу. Он стал продолжать деятельность своего энергичного дяди, но царь Дарий, собиравший в это время силы для решительного сражения с Александром и нуждавшийся в хорошей пехоте, отозвал с островов Эгейского моря греческих наемников — лучшие войска Фарнабазы, лишив его, таким образом, возможности действовать.

Летом 333 г. до н. э. Александр покинул Гордий и через Анкиру прошел в Киликию. Закрепив за собой приморские киликийские города и оставив больных и раненых в городе Иссе, он устремился через южные, прибрежные горные перевалы в Сирию навстречу главным силам персов. Тем временем Дарий, проведя долгое время в бесплодном ожидании Александра, двинулся навстречу ему через северные перевалы. Разойдясь таким образом с Александром, Дарий прибыл в Исс. В Иссе он нашел только оставленных Александром инвалидов и истребил их.

Македонский царь оказался в очень тяжелом положении: отрезанный от своих баз, в чужой, враждебной стране, имея в тылу у себя главные силы своего врага. Спасти Александра могла только решительность и быстрота действий. И он в полной мере проявил здесь свой талант полководца. Александр вернулся обратно к Иссе и дал персам бой (октябрь 333 г. до н. э.).

Войско Дария было значительно больше войска Александра, ряды которого сильно поредели, так как он был вынужден оставлять гарнизоны во всех завоеванных областях. Однако персов было не так много, как передает нам традиция, а главное, как и в битве при Гранике, войско было разнородно по составу, не подготовлено и в нем отсутствовала дисциплина.

Задача персов состояла только в том, чтобы не пропустить Александра, в то время как македонскому царю, чтобы спасти свое войско и судьбу всего восточного похода, необходимо было нанести персам решительное поражение.

Атака Александра во главе гетайров смяла центр персидской пехоты — жардаков и лучников. Дарий, решив, что все потеряно, пустился в бегство, хотя его полководец Набарзан заставил отступить левый фланг македонцев, которым коман-

довал Парменион. Успех Александра на правом фланге и в центре и бегство Дария решили исход боя. Македонцы потеряли 450 человек. Потери персов были значительны. Кроме того, в руки Александра попали мать, жена и две дочери Дария и большая добыча.

В результате битвы при Иссе Малая Азия оказалась полностью потерянной для персов. Это был поворотный пункт войны. До этого момента Александр, как видно, не думал о полном сокрушении державы Ахеменидов, добиваясь лишь решения задач, насущно важных для существования Македонского царства: превратить Эгейское море во внутреннее греческое море и отвлечь от Эллады вечную угрозу персидского вторжения. До битвы при Иссе война, несмотря на наступательный характер действий Александра, носила в целом оборонительный характер и так и воспринималась большинством македонской знати. После битвы при Иссе перед Александром встала дилемма: ограничиться ли завоеванным и заняться укреплением своих позиций в Малой Азии, которая хотя и была победоносно пройдена, но вовсе еще не покорена, или продолжать поход в глубь Азии и добиваться полного разгрома Ахеменидского царства.

Александр выбрал последнее. Вряд ли он уже тогда думал о мировом господстве: на продолжение похода его толкали, скорее всего, соображения экономического порядка. В начале восточного похода состояние финансов Александра было весьма плачевным. В его казне находилось только 70 талантов, в то время как долги составляли 1300, а ежемесячная плата войску и флоту — 300 талантов. Дорогостоящая война должна была принести огромную добычу, иначе она могла превратиться в государственную катастрофу. Персидское царство славилось своим богатством, получить же его можно было только разрушив державу Ахеменидов до основания. Война, начатая для защиты Эллады от персов, превращалась в захватнический, грабительский поход.

Однако, решив продолжать наступательные действия, Александр не стал сразу преследовать Дария, уходившего по направлению к жизненным центрам своего государства, а направился на юг, в Сирию и Финикию, поставив перед собой задачу: уничтожить базы персидского флота, состоявшего в основном из кораблей народов-мореходов Восточного Средиземноморья.

Сначала Александр не встретил серьезного сопротивления. Города Арвад и Марат достались ему без боя, так же легко Парменион захватил Дамаск, где в его руки попали обозы и походная казна Дария. Эта добыча существенноправила финансовое положение македонцев.

В Марате Александр получил письмо от Дария, в котором тот просил вернуть ему семью и заключить договор о союзе и дружбе⁵. В своем ответе македонский царь напомнил об ущербе, нанесенном Греции Ксерксом, и о той роли, которую сыграли персы в гибели его отца — Филиппа, и о том, что Дарий не является законным царем. Войну против персов он изобразил, как отмщение за все обиды, нанесенные персами грекам, и в заключение объявил, что он уже является царем Азии и Дарий, чтобы добиться чего-нибудь, должен обращаться к нему, как низший к высшему. Тон и содержание письма были явно рассчитаны на то, чтобы заставить Дария откинуть всякую мысль о примирении и продолжать войну.

Дальнейшее продвижение Александра на юг также было удачно. Крупные города — Библ и Сидон — подчинились без боя. Первые затруднения встретились во время переговоров с представителями важнейшего финикийского города Тира. Надеясь на неприступность своего отлично укрепленного и находящегося на острове города, тиряне отвергли условия, предложенные им Александром. Начались военные действия. После осады, длившейся семь месяцев, во время которой тиряне показали чудеса мужества и энергии, а Александр полностью развернул свой талант организатора и полководца, Тир пал (июль 332 г. до н. э.). Население Тира было обращено в рабство.

Во время осады Тира Александр получил новое письмо от Дария, в котором персидский царь предлагал 10 000 талантов в качестве выкупа за свою семью и все земли к западу от Евфрата. Александр ответил отказом⁶.

После падения Тира Александр двинулся дальше на юг, направляясь к Египту. Серьезное сопротивление он встретил только в Газе, и на территорию Египта вступил в ноябре 332 г. до н. э.

Как мы видели выше, Египет по особенностям своего экономического и политического развития никогда не имел органических связей с Ахеменидской державой и со времени первого покорения персами при Камбисе не раз восставал против завоевателей. С конца V в. до н. э. Египет добился независимости от Персии. Только за десять лет до описываемых событий, в 343 г. до н. э., персам удалось снова временно завладеть этой страной. Ненависть египтян к своим поработителям была исключительно велика. Александра ждали как избавителя. Поэтому персидский наместник сдался Александру, как только тот вступил на египетскую землю.

Александр наладил управление страной, основал на побережье новый город Александрию, который был задуман как соперник непокорному Тиру и которому было суждено сы-

грать такую важную роль в истории Средиземноморья, и затем посетил знаменитый оракул Амона, находившийся в оазисе в глубине пустыни. С этим посещением оракула связано много легенд, но установить, что в них правда, трудно. Можно только с уверенностью сказать, что Александр придавал этой поездке большое политическое значение, следуя примеру фараонов, «законных правителей» страны. Возможно, что уже во время посещения оракула Амона Александру пришла в голову мысль о политической целесообразности обожествления царя в условиях восточных деспотий, мысль, которую он потом будет с таким упорством проводить в жизнь, несмотря на отчаянное сопротивление своего греко-македонского окружения.

В Египте Александр пробыл недолго. Уже весной 331 г. до н. э. он снова появляется в Тире. Решив ряд дел административного порядка, Александр провел необходимую подготовку к предстоящей кампании. Затем, послав вперед Пармениона и приказав ему захватить переправы через Евфрат у Тапсака, Александр выступил навстречу Дарию.

Персы после двух неудачных попыток мирных переговоров прекрасно понимали всю неизбежность этой схватки и лихорадочно к ней готовились. Они несколько улучшили вооружение конницы, снарядили некоторое количество колесниц с левициями на осях колес, чтобы наносить больший урон вражеской пехоте. Однако персидское войско не могло противостоять атакам македонской тяжелой конницы или натиску сомкнутой фаланги.

Соединившись с Парменионом, Александр перешел Евфрат. Персидский авангард под начальством бывшего сатрапа Киликии Мазея отступил, и македонская армия беспрепятственно переправилась через Тигр и двинулась на юг, к селению Гаугамеле, где, по имевшимся данным, были сосредоточены главные силы Дария.

Сражение произошло 1 октября 331 г. до н. э. Александр дал своим воинам перед боем необходимый отдых. Дарий же, неуверенный в себе и своих силах, опасаясь внезапного нападения, продержал свое войско всю ночь без сна, в боевой готовности, что не могло не отразиться на боеспособности войск⁷.

Битва при Гаугамеле была самой трудной из всех, которые пришлось вести Александру до сих пор. Его противники прекрасно понимали решающий характер этой встречи; они были лучше подготовлены, и войско их было более многочисленно, чем при Гранике и Иссе.

Александр, видя численное превосходство врага и наличие у него новых мощных родов войск — колесниц и слонов, —

принял с самого начала ряд мер предосторожности. Особенно он был озабочен тем, чтобы предотвратить охват своих флангов, так как линия фронта персов была значительно длиннее, чем македонцев.

Дарий бросал в атаку сначала сакскую, потом бактрийскую конницу, затем колесницы, но сколько-нибудь заметного успеха добиться не смог. Тогда, воспользовавшись тем, что персидская линия фронта растянулась в попытках охватить фланги противника, Александр сам предпринял атаку во главе гетайров, которых он до тех пор держал в резерве.

Несмотря на то что битва далеко еще не была решена и Мазей на левом фланге македонцев наносил серьезные удары Пармениону, а прекрасная бактрийская конница сатрапа Бесса полностью сохраняла боеспособность, Дарий, как и при Иссе, покинул поле боя.

Напрасно гвардейская конница персов, прорвав фалангу, пыталась освободить и вооружить военнопленных, находившихся в обозе македонской армии, напрасно Мазей стремился развить достигнутый им успех — войска персов дрогнули, и гетайры, во главе с Александром спешившие на выручку Пармениону, довершили разгром. Отступление превратилось в бегство. Лишь немногие части персидского войска, например бактрийская конница и греческие наемники, отошли в порядке.

Александр преследовал противника до самого ассирийского города Арбелы. Дарию и сатрапам Бессу, Барсаэнту, Сатибарзану, Набарзану и некоторым другим с небольшой группой войск удалось бежать в столицу Мидии Экбатаны. Мазей отступил в Вавилон.

Теперь Александру был открыт путь ко всем жизненным центрам державы Ахеменидов. Он двинулся на Вавилон. Мазей и вавилоняне вышли приветствовать его, как освободителя. Александр назначил сатрапом Вавилонии Мазея — первое назначение перса на такой пост. Из Вавилона Александр прошел на Сузы, а оттуда в Персиду — родину Ахеменидов и ядро Персидского царства. Сначала он покорил горное племя уксиев, предприняв против них зимний поход, как раньше против горцев Малой Азии, затем он отеснил сатрапа Ариобарзана, державшего перевалы, ведущие в Персиду, и без особого труда захватил обе древние столицы персов — Пасаргады и Персеполь. В Персеполе ему достались несметные богатства Ахеменидов, хранившиеся в царской сокровищнице. Предание говорит о сумме в 180 тыс. талантов, не считая посуды из золота и серебра и драгоценностей. Дворец Ксеркса он предал огню. (Этот факт подтверждается археологическими раскопками стоклонного зала, см. выше, часть I, глава 11) ³.

В Персеполе весной 330 г. до н. э. Александр узнал о поражении Спарты, нанесенном ей наместником Македонии Антипатром под Мегалополем. Это означало, что серьезный противник македонского владычества в Греции сломлен, и Антипатр твердо стоит на ногах. Если у Александра и были какие-нибудь сомнения в целесообразности иранского похода, то теперь они все отпали. Александр двинулся на Мидию и занял Экбатаны. Дарий со своей свитой при приближении македонского войска покинул Экбатаны и бросился в глубь Ирана по важнейшей магистрали, связывавшей Вавилон и Экбатаны со среднеазиатскими сатрапиями и шедшей через Рагу и Каспийские ворота к Маргиане.

Александр пустился в погоню за Дарием. Двигаясь с большой быстротой, сопровождаемый небольшим отрядом отборных войск, Александр догнал беглецов около современного Дамгана. Когда сатрапы увидели, что их настигли, они закололи Дария кинжалами, чтобы он не достался врагу живым, а сами бежали дальше. Подоспевший Александр оказал мертвому врагу царские почести и отправил его тело для погребения в Персеполь. Бежавших сатрапов он не стал преследовать.

После смерти Дария Александр стал считать себя законным наследником Ахеменидов и царем Азии. Все силы, противостоявшие Александру, концентрировались в Восточном Иране и Средней Азии. Чтобы утвердить свою власть на всем пространстве Ахеменидской державы, Александру необходимо было провести замирение Востока. Здесь он встретился с непредвиденными военными трудностями и с резкой оппозицией в среде своих сподвижников.

Сначала Александр стремился привлечь на свою сторону видных ахеменидских вельмож, раздавая им наместничества в восточных сатрапиях, но после нескольких измен и восстаний перешел к решительным карательным мероприятиям. Во время кампании в Арахосии и Дрангиане, когда он находился в городе Фраде, ему стало известно о заговоре, к которому оказался причастным один из главных полководцев Александра, начальник гетайров, сын Пармениона — Филот. Участники заговора, как видно, принадлежали к верхушке македонской знати, которую вполне удовлетворяло решение первых насущных задач персидской войны и которая тяготилась затяжной войной в глубине Азии. А главное, представители оппозиции были недовольны превращением македонского царя, при дворе которого племенная знать играла в свое время такую большую роль, в восточного деспота, наследника Ахеменидов. При ликвидации заговора Александр впервые пошел на энергичные репрессивные меры по отношению к своим ближайшим

сподвижникам, которым в прежнее время он так легко прощал их большие и малые проступки. Филот был выдан войску, которое приговорило его к смерти. Приговор был тотчас же приведен в исполнение.

Но Александр пошел дальше. Он решил, что главным источником недовольства среди командного состава его армии является осторожный, служивший еще его отцу полководец Парменион. На первых этапах восточного похода Парменион был первым помощником царя, но после того как Александр раз за разом отвергал стратегические и тактические советы старого военачальника, после того как при Иссе и Гаугамеле Парменион, в обоих случаях командовавший левым крылом, действовал не очень удачно, между царем и полководцем наметилось явное охлаждение. Пускаясь из Экбатан в погоню за Дарием, Александр не взял с собой Пармениона, а оставил его в Мидии, поручив ему защиту коммуникаций македонской армии. Случай с Филотом заставил Александра ожидать от Пармениона самого худшего. Поэтому он послал с верным человеком приказ помощникам Пармениона убить его прежде, чем до него дойдет весть о казни сына. Командиры послушно выполнили приказ царя: Парменион был убит.

Решительность и жестокость действий Александра объясняется, как видно, исключительно тяжелой обстановкой, в которую он попал на Востоке. Против македонских захватчиков начиналась народная война⁹.

Сначала во главе движения встал бывший сатрап Бактрии Бесс, объявивший себя царем под именем Артаксеркса IV и обосновавшийся в столице Бактрии — Зариаспе (Бактрах). К нему стали стекаться с юга и севера все, решившие сопротивляться Александру. Македонский царь не мог вести против Бесса решительной кампании, пока волновались Арахосия и Арея. Он лично прошел через Арахосию, поручив окончательное замирение страны гарнизону во главе с Менонном, а в Арею послал сатрапом энергичного киприота Стасанора, отняв эту должность у назначенного им ранее сатрапа — перса.

Ранней весной 329 г. до н. э. Александр с основными силами прошел через горы из Арахосии в долину Кабула, а оттуда, преодолев перевалы Гиндукуша, вторгся в Бактрию. Бесс не выдержал натиска и отступил в Согдиану, перейдя через Окс (Аму-Дарью). Александр последовал за ним. Здесь антимакедонское движение вступило, по-видимому, в новую фазу. Руководителем движения становится согдийский вождь Спитамен. Бесс отходит на задний план, а вскоре затем попадает в руки Птолемея Лага, одного из военачальников Александра, будущего царя Египта. Александр, как наслед-

ник Ахеменидов, обошелся с Бессом, как персидские цари обходились с мятежниками: отправил его в Экбатаны, где его распяли, предварительно отрезав нос и уши. Таких методов борьбы Александр не применял на первых этапах войны в Азии.

Переход руководства сопротивлением от Бесса к Спитамену свидетельствует о демократизации движения (по имеющимся у нас данным, Спитамен был готов добровольно выдать македонцам Бесса). Бесс, заявивший о своих правах на престол Дария, собиравшийся в случае успеха продолжать политику персидских царей, вряд ли мог быть популярным вождем у народов Восточного Ирана и особенно Средней Азии. Эти области были слабо связаны с западными областями державы, всегда тяготились персидским господством и причиняли в прошлом немало беспокойства Ахеменидам (см. выше, стр. 89, 99, 104). Характер развернувшейся борьбы, упорство сопротивления, методы партизанской войны, широко использованные Спитаменом, свидетельствуют о том, что Александру в Согдиане пришлось бороться со свободными людьми, защищавшими дома и родную землю с мужеством и решительностью, которых македонцы не встречали у разношерстного персидского войска в битвах при Иссе и Гаугамеле. И напрасно исследователь восточного эллинизма В. В. Тарн называет Спитамена «бароном» и видит в его воннах крепостных¹⁰. Последние исследования советских историков и археологов, посвященные древнему обществу Средней Азии, убедительно доказывают, что мы имеем в это время дело с племенами, находящимися на разных ступенях развития, причем наиболее развитые из них — жители нижнего течения Политимета (Зеравшан) — сравнительно недавно достигли уровня классового общества. Таким образом, упоминаемые в источниках «крепости» и «скалы», где с таким упорством защищались согдийцы, это отнюдь не феодальные замки, а укрепленные родовые поселения типа мидийских крепостей IX—VII вв. до н. э., десятками открытые С. П. Толстовым и А. И. Тереножкиным по нижнему течению Амударьи, а также и на Зеравшане (нижние слои Тали-Барзу)¹¹.

Александр метался по Согдиане. Он захватил Мараканду (Самарканд), столицу Согдианы, и, оставив там гарнизон, двинулся в современную Фергану, к реке Яксарт (Сыр-Дарья, которую Александр принимал за Танаис, т. е. Дон), с целью разобщить согдийцев Спитамена и заяксартских кочевников. Он расставил гарнизоны вдоль реки, основал город Александрию Крайнюю (Дальнюю) (в районе современного Ленинграда) и с большой жестокостью подавил сопротивление местного населения. В это время он получил известие о том, что

Спитамен осаждает оставленный в Мараканде гарнизон. Александр послал на выручку осажденным небольшой отряд, а сам переправился через Яксарт и нанес кочевникам серьезный удар. Тем временем Спитамен ловким тактическим приемом заманил в пустыню отряд, шедший на помощь гарнизону Мараканды, и истребил его. Александр, узнав о такой беде, во главе отборного отряда поспешил к Мараканде. Неуловимый Спитамен, верный своим тактическим приемам, ускользнул от удара и ушел в пустыню. Александр не стал преследовать его, но подверг опустошению плодородную, густонаселенную долину Политимета, истребив при этом до 120 тыс. согдийцев и многих обратив в рабство. Затем Александр вернулся в Зариаспу (Бактры) на зимовку (зима 329/328 г. до н. э.)¹².

В Бактрах Александр был занят рядом административных дел. Предание рассказывает, что к царю явился Фарасман, правитель Хорезма, предложивший македонцам союз и, между прочим, сообщивший, что в случае необходимости он может показать македонскому войску путь к Черному морю. Современные исследователи скептически относятся к этому рассказу, считая его основанным на недоразумении и путаных представлениях греков о географии Средней Азии. Действительно, рассказ этот носит некоторый налет легендарности, будучи сплетен с рассказом об амазонках. Сам Фарасман, правитель Хорезма, называет себя соседом колхов и предлагает Александру организовать экспедицию в Понт. Возможно, что тут произошла контаминация разных исторических личностей, а именно: действительно жившего значительно позднее (I в. н. э.) иберийского царя Фарасмана и хорезмийского правителя, по-видимому, носившего то же имя. Однако какое-то рациональное зерно в этом рассказе, видимо, имеется: хорезмийскому правителю был известен северный путь к Черному морю, а последними исследованиями в древнем Хорезме (С. П. Толстов) установлено наличие очень древних и глубоких связей Хорезма с прикаспийскими и причерноморскими степями¹³.

Кампания 328 г. до н. э. была целиком занята борьбой со Спитаменом. Александр построил целый ряд опорных пунктов во всех уголках Согдианы, приказал своим отрядам прочесать территорию области во всех направлениях. Спитамен ушел за Окс (в современную Туркмению) к массагетам, которых он сумел привлечь на свою сторону. С конными отрядами массагетов он совершал набеги на Согдиану, однако, в конце концов, был разбит одним из военачальников Александра, снова бежал к массагетам, но был убит ими, а голова его была послана Александру¹⁴.

Гибель Спитамена не означала покорения Согдианы. Среди вождей согдийских и бактрийских племен нашлись новые руководители: Оксиарт, Хориен и другие. Они оказали упорное сопротивление войскам Александра, и только в 327 г. до н. э. ценой огромных усилий ему удалось наконец взять горные убежища согдийцев — последний оплот антимакедонского движения. Стремясь примириться с верхушкой родовой знати покоренной Согдианы, Александр женился на дочери Оксиарта — Роксане. Какие-то связи с некоторыми слоями местного населения у Александра были, по-видимому, и до этого, так как в последней кампании против Спитамена в македонских войсках были отряды бактрийской и согдийской конницы — первые туземные формирования армий Александра.

Период 328—327 гг. до н. э. был для Александра тяжелым не только из-за осложнений в Согдиане, но также и из-за грозных событий, разыгравшихся в его непосредственном окружении. В 328 г. до н. э., находясь в Мараканде, Александр во время ссоры на пиру убил одного из своих близких друзей, спасшего ему жизнь при Гранике, — Клита. Это происшествие вряд ли можно объяснить случайностью. Вероятно, Клит, как и многие из окружавших царя, был недоволен политикой Александра и затянувшейся, утомительной и, как казалось, бессмысленной войной. Около того же времени Александр ввел при общении с царем земной поклон — *проскинесис*. Это вызвало раздражение среди многих македонцев и греков, воспитанных в более демократических традициях. Даже придворный историограф, племянник Аристотеля — Каллисфен, до сих пор всегда поддерживавший Александра и в своем описании похода всячески восхвалявший его и даже намекавший на божественное происхождение молодого царя, уклонился от выполнения нового обряда. На беду, вскоре был раскрыт заговор юных телохранителей царя, происходивших из знатнейших македонских фамилий и носивших звание «царских детей». Каллисфен был арестован по подозрению в соучастии с заговорщиками и вскоре умер в заключении.

В такой сложной обстановке Александр предпринял свой последний — индийский — поход. Этот поход, не вызванный никакой необходимостью, может быть объяснен отчасти желанием завладеть царством Дария I во всем его объеме, отчасти же прямым авантюризмом и романтическим стремлением дойти до «конца земли», до «мирового океана», который, по представлениям того времени, должен был находиться где-то сразу за Индом.

Поход начался в 327 г. до н. э. Александр встретился со многими трудностями, однако нанес жестокое поражение индийскому царю Пору и продолжал продвигаться на восток по

Пенджабу. У реки Биас в 326 г. до н. э. произошло, наконец, то, чего давно можно было ожидать: измученные воины отказались идти дальше. Никакие угрозы и уговоры не помогли, и Александру пришлось начать обратный путь. Индийский поход кончился.

Войско двинулось вниз по Джеламу, Ченабу и Инду. По дороге не раз происходили стычки с местным населением. Во время штурма одной из крепостей Александр (участвовавший в нем, вероятно, чтобы поднять дух измученных войск) был тяжело ранен и едва не погиб.

Раньше всех на запад отправился Кратер, заменивший на втором этапе похода впавшего в немилость, а затем убитого Пармениона. С ним через Арахосию и Дрангиану двинулась часть войска, обозы, раненые и больные. Александр двинулся дальше на юг до Патталы, где был снаряжен флот, который, по смелой мысли Александра, должен был пройти из устья Инда до устья Евфрата, — идея, возникшая на основании теоретических построений, так как о существовании Персидского залива и его связи с Индийским океаном никто из окружения Александра ничего толком не знал. Руководство флотом было поручено опытному мореходу Неарху. В октябре 325 г. до н. э. Неарх вышел в океан и направился на запад. Александр с отборными войсками пустился в обратный путь еще в сентябре, двигаясь примерно вдоль берега через Гедросию, Карманию и держа направление на Персеполь.

Этот обратный путь был исключительно труден. В сожженных солнцем пустынях Гедросии и Кармании Александр оставил больше половины своего войска. Люди гибли от жары, жажды, болезней. Нелегко пришлось и Неарху. Плавание вдоль незнакомых, негостеприимных берегов, где почти невозможно было возобновлять запасы продовольствия и воды, низкие мореходные качества судов и полное незнание условий навигации в этих водах настолько затрудняли плавание, что нужно удивляться мужеству и настойчивости Неарха и его людей, благополучно доведших до конца это опасное предприятие. Еще во время плавания вдоль берегов Кармании Неарху удалось установить контакт с армией Александра, а затем, при переходе реки Паситигр, уже на подступах к Сузам, Александр увидел весь свой флот, подымавшийся вверх по реке, навстречу царю (в начале 324 г. до н. э.).

На этом восточный поход, продолжавшийся около десяти лет, можно считать законченным. Весну и лето 324 г. до н. э. Александр провел в Сузах. Отсутствие царя в центральных областях только что сколачиваемого государства в течение пяти с лишним лет не могло не сказаться. Назначенные Александром сатрапы вели себя независимо, беззастенчиво гра-

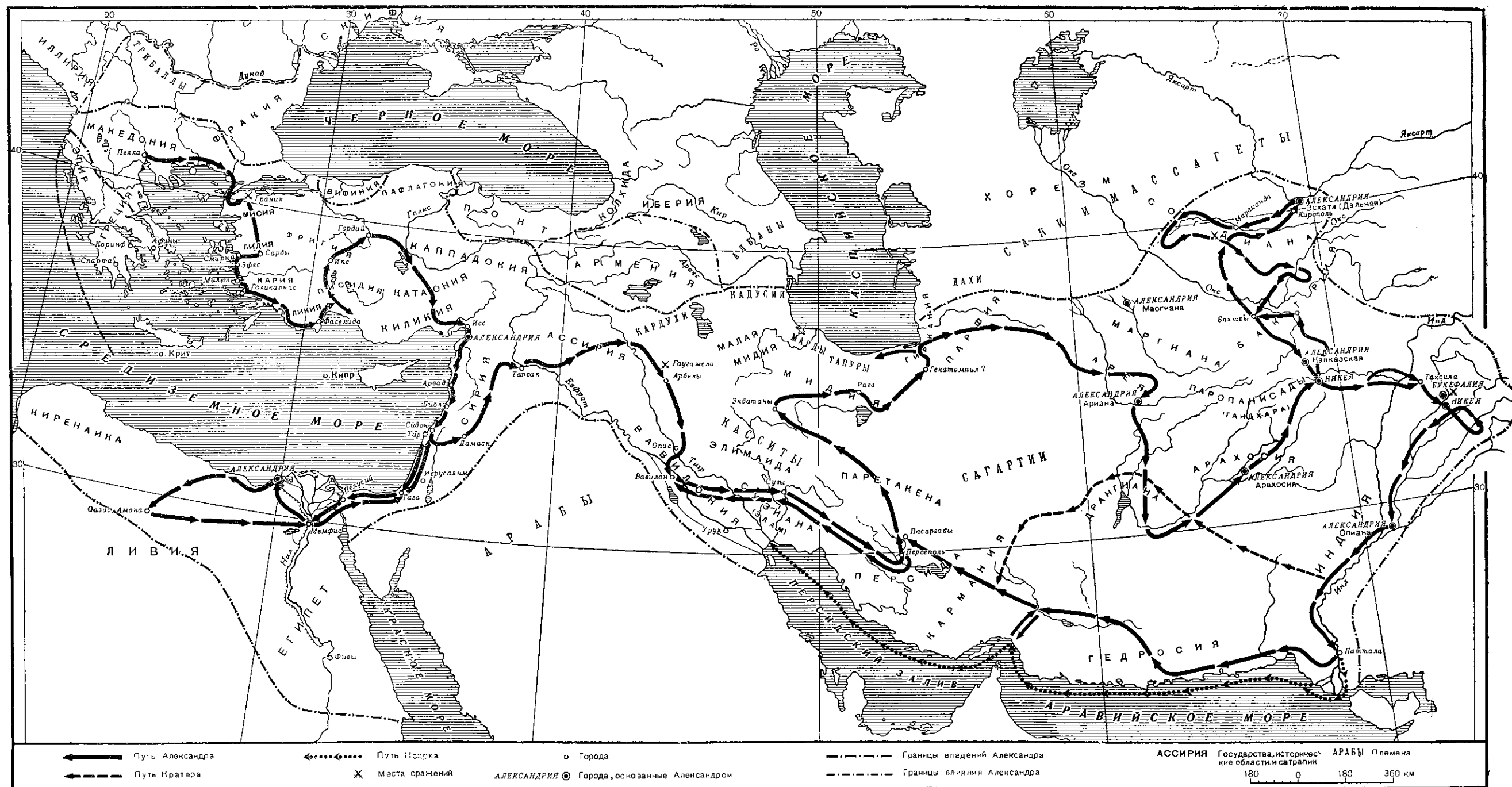
бя население, и даже в центральном административном аппарате господствовали своеволие и коррупция. Завоевательные походы были, казалось, закончены, и теперь Александру предстояло управлять этим огромным, неустроенным и неустойчивым государством.

Решение этого сложного дела состояло, как казалось Александру, в слиянии завоевателей с завоеванными. Сам царь женился на Статире, дочери Дария, и на Парисатиде, дочери Артаксеркса III, и всячески поощрял смешанные браки. Традиция передает, что в один день состоялась свадьба 80 греков и македонцев из ближайшего окружения царя с туземными женщинами. В этот же день царь роздал свадебные подарки 10 тыс. воинов, женатых на персиянках. Кроме того, царь стал набирать в свое войско иранских юношей и обучать их по македонскому образцу¹⁵.

В ответ на эти действия Александра в Описе на Тигре, где летом 324 г. до н. э. находилось все войско во главе с царем, произошел настоящий бунт. Поводом к нему послужил приказ Александра о том, что ветераны его походов могут отправиться домой. Это распоряжение было воспринято солдатами, как желание царя отделаться от них и заменить их туземными войсками. Такое подозрение казалось им тем более обоснованным, что Александр стал зачислять знатных персов даже в свою личную охрану (агему). Конфликт был кое-как улажен, но он достаточно показателен для настроения македонцев в последние годы царствования Александра.

Стремясь, с одной стороны, привлечь на свою сторону определенные круги иранского общества и поощряя смешение македонцев и иранцев, Александр, с другой стороны, сурово расправлялся с сатрапами-персами, проявлявшими в его отсутствие чрезмерную самостоятельность. В 324 г. до н. э. во все важнейшие области сатрапами были назначены македонцы. Это как нельзя лучше характеризует двойственность политики Александра в Азии, что отразилось в событиях, развернувшихся после его смерти.

Конец лета и осень 324 г. до н. э. царь провел в Экбатанах. В это время он потребовал от греческих городов обожествления своей особы. Это не могло не отразиться и на настроениях армии. Хотя такое требование и встретило некоторое противодействие в антимакедонских кругах Эллады, но гораздо большее впечатление произвел другой приказ: вернуть политических эмигрантов. Этот приказ греки рассматривали как неконституционный, так как Александр, являясь военным руководителем Коринфского союза, формально не имел права вмешиваться во внутренние дела греческих городов. И хотя в начале 323 г. до н. э. представители греческих горо-

Завоевания Александра Македонского

дов прибыли в Вавилон (который Александр избрал своей столицей), чтобы возложить на царя золотые венки, как на божество, возвращение эмигрантов встретило серьезное сопротивление греческих городов.

Зимой 324/323 гг. до н. э. Александр предпринял кампанию против горного племени коссеев (касситов), угрожавших безопасности путей из Месопотамии в Иран. Затем он занялся планированием морской экспедиции вокруг Аравии, чтобы установить прочные экономические связи Египта с Вавилонией. В его планы входила также колонизация побережья Персидского залива. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В начале июня 323 г. до н. э. Александр заболел, а 13 июня умер 33 лет от роду.

В десятилетний срок Александром Македонским было создано грандиозное государство, простиравшееся от Египта до берегов Инда, от Черного моря на севере до Персидского залива на юге. Естественно, личность Александра Македонского, его огромные военные успехи привлекали к себе внимание историков как в древности, так и в новое время. В оценке деятельности Александра Македонского и у тех, и у других субъективному фактору отведена непомерно большая роль. Военные успехи и завоевания Александра уже в древности были приписаны исключительно его военному гению и «покровительству судьбы»¹⁶. Столь же субъективным причинам (распущенный образ жизни молодого царя, действовавший разлагающе на армию и его непосредственное окружение и приведший к ранней смерти, и т. п.) приписывался распад державы Александра при его преемниках.

Обширная литература об Александре¹⁷, появившаяся в наше время, в немалой степени подвержена тому же недостатку. Наиболее распространенным пороком новейших исследований об Александре, несмотря на положительное их значение в отношении разработки фактического материала, является модернизация исторической действительности. Выражением этого является проводимая буржуазными учеными непосредственная аналогия между завоеваниями Александра и экспансионистской политикой современных империалистических государств, аналогия, нередко переходящая в прямую апологию этой политики.

Как известно, мировая держава Александра Македонского после его смерти распалась, но распалась на довольно большие части, каждая из которых представляла собой не полис, а крупное территориальное государство, например Египет, или такое обширное объединение, как держава Селевкидов. Это очень показательно. Важно и то, что эти дочерние государства просуществовали довольно долгое время. Так, государство

Селевкидов, более всего напоминающее державу Александра по обширности территории, чрезвычайной этнической пестроте и различию в уровне общественного и экономического развития составных частей, просуществовало около двух веков. Это указывает на несостоятельность попыток приписать возникновение таких государств только субъективному фактору, случайным успехам того или иного полководца, даже такого выдающегося, каким, безусловно, был Александр Македонский.

Победоносное шествие Александра Македонского на Восток, а также возникновение новых «эллинистических» государств были подготовлены всем ходом предшествующего исторического развития как самой Греции, так и стран древнего Ближнего Востока. В начале этой главы уже было сказано о том, что к середине IV в. до н. э., незадолго до восточного похода Александра, в Греции получила широкое распространение и поддержку политическая программа объединения Эллады под единой сильной властью — программа, призывавшая также и к крупным территориальным захватам вне Греции, в частности в Малой Азии. Программа эта отражала серьезные экономические и политические изменения, постепенно накопившиеся в период развития греческих городов-государств. Эти изменения к середине IV в. до н. э. стали особенно ощутимы. Прогрессирующее имущественное расслоение внутри гражданского коллектива греческого полиса привело к тому, что наиболее многочисленный средний слой граждан — мелкие и средние землевладельцы, являвшиеся собственно главной опорой полисной демократии — начал исчезать. Если в 431 г. до н. э. в Афинах было не менее 25 тыс. граждан, обладавших цензом не ниже ценза гоплита (т. е. имуществом в 2 тыс. драхм), то спустя сто лет таких граждан оказалось только 9 тыс.¹⁸. То же самое происходило и в других греческих полисах (в Спарте за 100 лет число спартанцев-гоплитов снизилось с 8 тыс. до одной). В результате внутренний рынок городов сильно сузился. Обнищавшие граждане представляли прекрасный резерв для наемных армий; IV в. до н. э. был временем расцвета наемничества. Развитие местного производства в колониях привело к резкому падению спроса на привозные греческие товары, и греческие города-государства (в обмен на свои ремесленные изделия они ввозили хлеб) оказались перед фактом сужения не только своего внутреннего, но и внешнего рынка, жизненно необходимого для них. Между греческими полисами усилилась борьба за влияние на рынках, приводившая к открытым военным столкновениям между полисами, в свою очередь нарушавшим нормальную экономическую жизнь этих городов.

Греческие рабовладельческие демократии вступили в полосу политического и экономического кризиса. Автаркия полиса в это время уже превратилась в серьезное препятствие для дальнейшего развития. Разрыв рамок полиса, создание крупного государственного объединения, представлялось единственным выходом из создавшегося положения, способным обеспечить интересы торговли, гарантировать гражданам обеспеченное положение в обществе. Возвышение Македонии при Филиппе, объединение греческих городов-государств в Коринфском союзе и последовавшие за этим грандиозные планы персидской кампании Александра большинство греческих граждан воспринимало как осуществление спасительной политической программы и поддерживало. Восточные походы Александра и дальнейший ход развития стран Ближнего Востока показали, что у Александра и на Востоке была своя социальная опора, главным образом в рабовладельческих городах.

Передовые, высокоразвитые страны Востока издавна стремились объединяться в военные империи. Такое стремление было в значительной мере обусловлено неравномерностью экономического развития отдельных областей, в результате которого такие развитые области, как Вавилония и вообще Месопотамия, отчасти Сирия, нуждались в сырье и рабах для рабовладельческих хозяйств, а те области, которые могли поставлять то и другое — главным образом горные и лесные районы, где были сильны пережитки первобытного строя, — вследствие натурального характера хозяйства не нуждались в широком обмене с развитыми областями. Поэтому вместо эквивалентного обмена происходил насильственный, т. е. завоевание и взимание дани. Объединение же Западной Азии Александром давало рабовладельцам западноазиатских стран, кроме того, возможность создать такую организацию, которая удовлетворяла бы их требованиям максимальной автономии при сохранении самого военного объединения. Такой организацией и был греческий полис.

Автономные города и храмы уже и раньше существовали в Западной Азии. Однако, сложившись в различных исторических условиях, они были разнородны по структуре, объему прав, господствовавшим идеологическим формам. Они были изолированы друг от друга, отгорожены этническими и идеологическими перегородками.

Отношение к ним царской власти было двойственное. То она вмешивалась в их дела и урезала их права, то она поддерживала их. В Персидской державе не было градостроительства. Существовавшие храмы и города более или менее сохраняли свои привилегии, но новых автономных городов в Персидской державе не создавалось. Чтобы рабовладель-

ческое производство в Западной Азии могло широко развиваться не в одних лишь пределах царских хозяйств и хозяйств связанной с царем знати, это положение должно было измениться. Необходимо было создать такое положение, при котором были бы обеспечены рабовладельческая частная собственность и рабовладельческое производство без произвольного вмешательства верховной царской власти. Такую возможность создавал греческий полис.

Автономия города или храма — создание некоего государства в государстве — имела всегда определенное идеологическое обоснование и облекалась в определенные идеологические формы. Так, идеологической основой иерусалимской храмово-городской общины была религия иудаизма, проповедовавшая изоляцию членов общины верующих от внешнего мира; вавилонские города сохраняли отжившие формы старовавилонской религии и культуры (вплоть до письменности и языка), отделявшие их от окружающего населения; ту же роль играла египетская религия в привилегированных храмах Египта. Все это стало очевидным, когда новые греческие формы идеологии и культуры покорили окружающий мир и привилегированные города и храмы стали как бы островками ушедшего древневосточного мира среди нового, эллинистического окружения. Естественно, что греческий полис должен был нести с собой и греческие формы идеологии и культуры, как обоснование своего существования. Вместе с полисом должна была прийти и эллинизация культурной жизни. И если она не пустила на Востоке по-настоящему глубоких корней, то только потому, что была ограничена миром рабовладельческих привилегированных городов.

Обширное градостроительство в странах Азии, проводившееся Александром и его преемниками, не может быть объяснено одной лишь греческой колонизацией — для заселения всех этих городов не хватило бы жителей всей Греции. Повидимому, до сих пор преуменьшалось значение эллинизации известной части местного населения. Помимо иранских воинов и знати, непосредственно влитых в состав греко-македонских войск, эллинизации подвергались, вероятно, и многочисленные местные жители — примкнувшие к обозам торговцы, поставщики, обслуживающий люд и т. п., жители разрушенных городов, насильственно переселявшиеся в новые города; иной раз новый город прямо заселялся путем перемещения части граждан старых торгово-промышленных городов.

Так или иначе, Западная Азия перед завоеванием Александра достигла такой ступени развития, когда ей нужен был новый тип политической организации; конкретно-исторические условия были таковы, что носителями этого нового типа были

завоеватели — греко-македонцы. Поэтому новая ступень в развитии рабовладельческого общества на Востоке приняла в области надстройки конкретную форму эллинизма.

Процесс этот был двусторонним: восточный мир, не выработав нужных ему форм рабовладельческого строя, уже создал военно-административное объединение, — нужно было дополнить его полисной организацией. Греческий мир создал высокоразвитое рабовладение и полис. Но в своем прежнем виде система независимых, разрозненных полисов испытывала кризис, — нужно было военное объединение. Его создали завоевания Александра Македонского.

Результатом было возникновение нового политического строя, соответствующего дальнейшему развитию рабовладельческого общества равно на Западе и на Востоке. Это и создало предпосылки для того конкретно-исторического явления, каким в области культуры явился эллинизм — взаимодействие греческих и восточных элементов культуры.

2. НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА

Александр провел ряд мер, содействовавших объединению разрозненных частей его государства. Однако его действия не могли обеспечить создание единого народа «персо-эллинов», о чем мечтал Александр; они не могли даже обеспечить целостность созданного Александром государства. Тем не менее они содействовали новому подъему производительных сил, появлению новых, более гибких политических форм на Востоке, содействовали распространению эллинской культуры на Восток, созданию культуры эллинистической, в которой греческие элементы тесно сплелись с местными. В результате походов Александра, способствовавших развитию хозяйственных и политических связей между Востоком и Западом в невиданных масштабах, создалась эллинистическая культура, получившая распространение в Восточном Средиземноморье и Передней Азии. В Иране влияние эллинизма было слабее, однако завоевания Александра и для Ирана имели первостепенное значение, отразившись на всей культуре страны и повлияв на ее историю на много веков вперед.

Первым важным шагом Александра, способствовавшим упрощению центрального правительства, было разделение власти в сатрапиях. Ставя в Иране на первых порах сатрапов-персов, Александр отнимал у них управление финансами и военную власть. Рядом с сатрапом был поставлен специальный военачальник (нужно думать, что эта система стала впоследствии проводиться в жизнь лишь позднее). Кроме то-

го, сбор налогов и все финансовые вопросы были сосредоточены в руках особого чиновника, подчинявшегося не сатрапу, а главному казначею, ответственному только перед царем. Эту должность при Александре занимал Гарпал, не оправдавший царского доверия и, при вести о возвращении Александра из восточного похода, бежавший на запад со значительной частью казны.

У сатрапов было отнято право чеканить монету, которым, как мы видели выше (стр. 91, 92), они пользовались при Ахеменидах. Чеканка монеты была теперь сосредоточена в руках центральной власти — царя. Только Вавилон да некоторые финикийские и киликийские города, имевшие большое экономическое значение, продолжали еще чеканить монету самостоятельно. Царь не только взял в свои руки чеканку монеты (на Востоке самостоятельная чеканка всегда означала политическую независимость), но и произвел существенную денежную реформу, перейдя целиком на серебряную основу, объединив притом аттическую денежную систему с ахеменидской. Единая денежная система сильно облегчала торговые операции. Введенная Александром серебряная драхма привилась на Востоке и с некоторыми видоизменениями просуществовала в Иране много веков¹⁹.

Эти финансовые меры способствовали, во-первых, объединению государства, во-вторых, упрочению экономических, а следовательно, политических и культурных связей между отдельными частями обширного государства.

Росту производства способствовало и то, что Александр пустил в оборот огромные сокровища Ахеменидов, лежавшие мертвым капиталом в царских сокровищницах.

Важной стороной деятельности Александра в покоренных областях являлось градостроительство. Традиция приписывает ему основание 70 городов, но цифра эта, возможно, преувеличена²⁰. Не все основанные Александром города действительно были городами — большей частью это были македонские военные поселения — колонии, находившиеся на царской земле, лишь впоследствии получившие полисные права; в ряде случаев мы имеем дело не с основанием нового города, а с расширением старого восточного города и с предоставлением ему полисных прав. Во всяком случае при Александре на Востоке появляется много новых центров городской жизни, от Александрии в Египте до Александрии в Опиане, на восточном берегу Инда; несколько Александрий известно в Иране и в Средней Азии: Александрия в Сузиане, у слияния Тигра и Эвляе, Александрия в Кармании, Александрия в Арахосии (совр. Кандагар), Александрия в Арее (совр. Герат), Александрия в Маргиане (Мерв), Александрия Крайняя (Даль-

няя) — 'Αλεξανδρεία ἐσχάτη (предположительно, нынешний Ходжент — Ленинабад) и другие. Новые города основывались на важных стратегических и торговых путях и служили связующим звеном между сатрапиями.

Политически эти города подчинялись наместникам, назначаемым Александром, и, по-видимому, сатрапам. Градостроительная политика Александра преследовала главным образом военные цели, а не государственно-экономические, но значение этой политики вышло далеко за пределы замыслов Александра; эта политика в еще более внушительном масштабе и планомерно проводилась его преемниками «диадохами» и наследниками державы Александра — эллинистическими царями — и явилась мощной опорой их государственной системы²¹.

Следует отметить также, что за армией Александра последовали тысячи греческих торговцев и ремесленников в надежде на выгодные предприятия в странах Востока. Большинство их осело в новых городах, создавая там новые виды деятельности, передавая свой богатый опыт, а их старые связи с греческими торговыми центрами только способствовали расширению торгового обмена между Востоком и Грецией. Расширению экономических и торговых связей содействовали также географические открытия, сделанные во время походов, и улучшение торговых путей. Другим моментом, который при жизни Александра был мало ощутим, но в дальнейшем дал большие результаты, было проникновение греческого языка, образованности, искусства на Восток, сыгравшее важную роль в возникновении синкретичной по форме культуры эллинизма.

Что же представляла собой держава Александра к моменту его смерти? Как мы видели, она состояла из разнородных областей, мало связанных между собой, несмотря на упомянутые выше мероприятия Александра.

Прежде всего, это была старая Македония — ядро македонского царства, — сохранявшая все эти годы под управлением Антипатра свой прежний жизненный уклад. Затем шли зависимые от Македонии полисы европейской Греции, где многие еще мечтали о полной самостоятельности, доставляя Антипатру немало хлопот.

Малая Азия резко делилась на несколько зон. Греческие полисы западного побережья тяготели к Европе и, несмотря на многолетнее господство там персов, мало чем отличались от своих европейских собратьев. Города южного побережья, и прежде всего Киликии, играли немалую роль в экономике государства, но представляли собой совсем иной тип как в социальном, так и в политическом отношении, походя, как кажется, больше на финикийские города. Центральные и се-

веро-восточные районы, населенные различными горными племенами, по существу не были покорены Александром, равно как и армяне, и другие закавказские и прикаспийские народности и племена. Некоторые из них лишь номинально признавали власть Александра, другие же были совершенно независимы.

Египет, мало связанный с Ахеменидской державой, и при Александре был почти совершенно самостоятелен. Характерно, что, несмотря на злоупотребления и своеволие Клеомена, управлявшего Египтом от имени царя, Александр не принял мер к его обузданию, что он делал с другими. Повидимому, у него не было на это реальной возможности.

Финикия и Сирия, несмотря на жестокое сопротивление Тира, вызванное, вероятно, боязнью конкуренции со стороны греческих торговцев и мореплавателей на Средиземном море, и последовавшее разрушение этого города, продолжали, как и при Ахеменидах, играть важную роль посредников между Западом и Востоком и поэтому мирились с македонским господством. Характерно, что и позднее они входили в одно государство с Ираном. (Правда, Египет позже стремился прибрать их к рукам, чтобы обеспечить себе господство в Восточном Средиземноморье, что, как мы увидим ниже, иногда ему и удавалось.)

По мысли Александра, Месопотамия должна была стать центром новой державы, а Вавилон — ее столицей. В этом отношении он был прав. Конечно, рабовладельческая Месопотамия, старый культурный центр Ближнего Востока, соединенная караванными путями с Ираном, Кавказом и Средиземноморьем, а водными путями — с Персидским заливом, Аравией и Индийским океаном, была естественным экономическим и политическим центром как Ахеменидской державы, так и последующих государственных образований на Ближнем Востоке вплоть до средневековья.

Дальше на восток простирались обширные пространства Иранского плоскогорья, населенные различными племенами, в большинстве своем стоявшими еще на низких ступенях общественного развития, от господствовавшего у некоторых из них материнского рода и до раннеклассовых образований. Все эти племена, особенно же жившие на востоке Ирана и в Средней Азии, отнюдь нельзя еще было считать окончательно покоренными, что и показали дальнейшие события.

Вкрапленные в эту «варварскую» стихию малочисленные гарнизоны, состоявшие главным образом из греков, а не македонцев, чувствовали себя очень неуверенно и часто стремились покинуть негостеприимные места. Об этом говорят восстания гарнизонов, начавшиеся после смерти Александра.

Восточные области государства, включавшие Иран и части Средней Азии и Индии (так называемые «верхние сатрапии»), состояли, вероятно, из 14 сатрапий: Персиды, Паретакены, Кармании, Мидии, Тапурии (и Страны мардов), Парфии с Гирканией, Бактрии, Арен с Дрангианой, Гедросии со Страной оритов, Арахосии, Страны Паропанисадов, Индии по эту сторону Инда, Индии по ту сторону Инда и области нижнего Инда²².

Одно перечисление этих обширных областей, столь разнообразных по населению, уровню общественного развития, экономическим связям, показывает, сколь сложную задачу представляло удержать их в составе единого государства. Тем более безнадежна была лелеемая Александром идея создания единого народа смешением этих разнообразных племен и этнических групп с количественно ничтожным греческим и македонским элементом.

Александр, умирая, не назначил наследника, да если бы он это и сделал, то вряд ли этот наследник, кто бы он ни был, смог удержать в руках такое наследство.

Управление Македонией осуществлялось Антипатром, а хозяйном положением в Вавилоне оказался Пердикка, старший из командиров конницы. В его руках находились оба царя, в результате компромиссного решения провозглашенные войском, — Филипп Арридей, слабоумный сын Филиппа Македонского, и новорожденный Александр, сын Александра и Роксаны, дочери Оксиарта. Пердикка командовал большей частью войска и располагал казной. Кратер, ближайший военный помощник Александра, который должен был осуществлять регентство совместно с Пердиккой, отправился со своими ветеранами в Грецию, где Антипатр терпел поражение в так называемой Ламийской войне против поднявшихся греческих городов.

По решению ближайших сподвижников Александра, принятому в Вавилоне, было произведено перераспределение сатрапий. При этом многие сатрапы (Пифон в Мидии, Птолемей в Египте) уже тогда лелеяли сепаратистские планы²³.

Пердикка, по-видимому, стремился сохранить целостность державы Александра, поэтому он старался сурово подавлять все попытки отдельных сатрапов получить самостоятельность. Во время такого похода против коалиции сатрапов (Антипатр, Антигон, Птолемей) Пердикка был убит собственными солдатами (321 г. до н. э.).

После гибели Пердикки верховным правителем на совещании в Трипарадесе (Сирия) был избран Антипатр, а сатрапии снова были перераспределены²⁴. Антигон, сатрап Фригии, был назначен главнокомандующим в Азии, Пифон полу-

чил командование в «верхних сатрапиях», Селевк, один из самых способных военачальников Александра, — Вавилон. Распределены были и другие восточные сатрапии: Парфия, Аррея, Бактрия. Из Мидии выделилась Малая Мидия, где независимым правителем был тесть Пердикки — Атропат, бывший сатрап Мидии при последних Ахеменидах. Эта страна так и осталась за Атропатам и его потомками (она получила впоследствии название Мидии Атропатены — Атурпаткан, откуда современное Азербайджан).

Вне этого распределения остался Эвмен из Кардии, бывший секретарь Александра, а также брат Пердикки — Алкет, занявший враждебную позицию по отношению к Антипатру.

После совещания при Трипарадесе Антипатр вернулся в Европу, увозя с собой обоих царей, и, собственно говоря, устранился от решения азиатских дел. В 319 г. до н. э. весной он умер. Антипатру, самому старшему из сподвижников Александра, пользовавшемуся большим авторитетом в войске и среди македонской знати, еще как-то удавалось сохранять хотя бы видимость единства державы, однако при нем главенствующую роль снова стала играть старая Македония.

После смерти Антипатра центробежные силы сразу дали себя знать. Уже никто из бывших сподвижников Александра не думал о том, чтобы сохранить или восстановить державу в ее прежнем объеме. Каждый старался ухватить кусок побольше и получше для себя, округлив свои владения за счет соседей.

Ожесточенной борьбе, происходившей в Македонии, Греции, Малой Азии, Сирии, не может быть уделено много места. Мы рассмотрим области к востоку от Евфрата, касаясь малоазиатских и сирийских дел лишь в связи с Ираном и Месопотамией.

В 318 г. до н. э. разгорелась серьезная борьба между Пифоном, сатрапом Мидии, желавшим подчинить себе весь Иран, и коалицией остальных восточных сатрапов, отстаивавших свою самостоятельность. Пифон был оттеснен обратно в Мидию и обратился за помощью к Селевку, сатрапу Вавилона.

В это время на Востоке появился Эвмен, который действовал от имени обоих царей, находившихся под надзором Полиперхона, заменившего в Македонии Антипатра. Селевк и Пифон выступили против Эвмена и призвали на помощь Антигона, самого значительного из всех претендентов на власть в Азии и заклятого врага Эвмена. Тот, захватив было Вавилон, должен был отступить в Сузиану, где объединился с остальными сатрапами Ирана.

Антигон вторгся в Сузиану, однако потерпел неудачу и должен был отступить²⁵. Осенью 317 г. до н. э. в Паретакене, недалеко от современного Исфахана, произошла новая битва, и снова Антигон должен был оставить поле боя за Эвменом. Но в ту же зиму Антигон в третий раз сразился с Эвменом на иранской земле. На этот раз Эвмен потерпел неудачу. Однако победа Антигона не была решительной. Эвмена погубила лишь измена «серебряных щитов». Такое название носила македонская отборная воинская часть, которая вместе с охраняемой ею казной была решением Полиперхона передана в 319 г. до н. э. в ведение Эвмена.

«Серебряные щиты» выдали своего начальника Антигону, который и казнил его²⁶.

В результате победы над Эвменом Антигон оказался самым могущественным человеком в Азии. В 316 г. до н. э. он произвел новые перетасовки в восточных сатрапиях, убрав негодных ему лиц, убил Пифона, пробовавшего сопротивляться. Селевк, снова водворившийся было в Вавилоне, бежал в Египет к Птолемею, опасаясь участи Пифона.

Сатрапы не на шутку испугались усиления Антигона и создали против него сильную коалицию. В нее вошли не только восточные сатрапы, но и Птолемей, и Кассандр, правивший в Греции и Македонии, и Лисимах, сидевший в западной Малой Азии.

Основную борьбу Антигон вел в Восточном Средиземноморье против Кассандра и Птолемея. Она окончилась миром, заключенным в 311 г. до н. э., так как ни одна из сторон не могла получить решительного превосходства. По этому договору Кассандр получил европейские владения, кроме Фракии, которая досталась Лисимаху, Птолемей остался хозяином Египта, а Антигон — Азии.

В прямом выигрыше, не участвуя в договоре, оказался Селевк, который, воспользовавшись трудностями, возникшими у Антигона на Западе, и поражением, нанесенным Птолемею сыну Антигона Деметрию Полиоркету при Газе, вернулся в 312 г. в свое прежнее владение — Вавилон — и прочно обосновался там²⁷.

С этого времени между Антигоном, центром государства которого была Малая Азия, и Ираном легла подвластная Селевку Месопотамия. Сложная борьба Антигона с его противниками, длившаяся с небольшими перерывами до 301 г. до н. э., когда Антигон был разгромлен в битве при Ипсе и убит, не давала ему возможности осуществлять должный контроль над сатрапами, сидевшими за Евфратом. Реальная власть в Иране все больше и больше переходит в руки Селевка, что лишний раз показывает значение Месопотамии для судеб

Ирана в древности. Таким образом, хотя борьба за Малую Азию и Восточное Средиземноморье продолжалась после битвы при Ипсе еще 20 лет, можно считать, что держава Селевк начала складываться с 312 г. до н. э.

3. СОЗДАНИЕ СЕЛЕВКИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Вскоре после 312 г. до н. э. Селевк окончательно завладел иранскими сатрапиями. До нас дошли сведения о том, что Бактрия была покорена им силою оружия²⁸. Это означает, что Александру не удалось полностью покорить северо-восточные сатрапии, что сопротивление племен продолжалось. На востоке индийские сатрапии Александра вошли в состав могущественного государства Маурья, основанного около этого времени Чандрагуптой. Селевк, пытаясь сохранить за собой эти области, предпринял кампанию против Чандрагупты (между 306 и 302 гг. до н. э.). Однако Селевку не удалось удержать за собой земли по течению Инда. По договору с Чандрагуптой эти сатрапии, а также восточные части Гедросии, Арахосии и страны Паропанисадов отошли к индийскому царю, взамен чего тот дал Селевку 500 боевых слонов²⁹.

После битвы при Ипсе и гибели Антигона распадение империи Александра стало совершившимся фактом. Кассандр отошел от азиатских дел, удовольствовавшись своими европейскими владениями, Малой Азией до Тавра овладел Лисимах. Селевк оказался хозяином огромной державы, простиравшейся от Средиземного моря до Восточного Ирана.

Птолемей, не участвовавший в битве при Ипсе и не получивший ничего при разделе владений Антигона, занял Южную Сирию до Дамаска, вопреки условиям договора, предоставлявшего всю Сирию Селевку. Однако Селевк, памятуя, как видно, об услугах, оказанных ему Птолемеем в трудную пору его жизни, не пытался вернуть себе утерянное, хотя и не отказался от претензий на эти районы.

Годы, последовавшие за битвой при Ипсе, характеризуются сложной борьбой между четырьмя оставшимися претендентами на власть в Восточном Средиземноморье: Лисимахом, Птолемеем, Селевком и сыном Антигона — Деметрием Полиоркетом (Кассандр умер в 297 г. до н. э.). Каждый из них боялся усиления другого. Заключались кратковременные союзы, династические браки, проводились всевозможные политические комбинации — все это с целью оказаться хозяином положения на Эгейском море и в Восточном Средиземноморье. Селевк прежде всего стремился овладеть важными в экономическом отношении Тиром и Сидоном, находившимися пер-

вое время в руках у Деметрия, а затем восточной Малой Азией³⁰.

Борьба на западе мешала Селевку управлять восточными областями, поэтому около 292 г. до н. э. он назначил соправителем своего сына Антиоха, предоставив ему в качестве резиденции построенную им Селевкию на Тигре, заменившую в экономическом и политическом отношении древний Вавилон, разрушенный перед тем Антигоном³¹.

В основном борьба велась против Деметрия, который после ряда успехов в Греции и Македонии показался опасным трем остальным. В 287 г. до н. э. он предпринял отчаянную попытку предупредить намерения своих врагов. Он высадился в Малой Азии и, теснимый войсками Лисимаха, вступил во владения Селевка. Здесь после ряда столкновений он потерпел неудачу и сдался Селевку (285 г. до н. э.).

После пленения Деметрия на политическую арену выступил его сын Антигон II Гонат, который, следуя по стопам отца, сумел подчинить себе сначала Грецию, а затем и Македонию.

Птолемей I тем временем умер, и в Восточном Средиземноморье остались два противника, последние полководцы Александра, последние «диадохи», как их называли: Лисимах и Селевк. Столкновение между ними было неизбежно. Селевк зорко следил за всеми событиями в царстве своего врага. Неудачи Лисимаха в Европе, гибель его сына Агафокла в результате наветов старшего сына Птолемея I (Птолемея Керавна, нашедшего убежище при дворе Лисимаха, так как египетский трон был занят его сводным братом Птолемеем II Филадельфом), волнения в ряде малоазийских городов — все это говорило Селевку о том, что время для нападения наступило.

В 281 г. до н. э. Лисимах и Селевк встретились на равнине Корупедион в Лидии. Лисимах был разбит и погиб на поле боя. Птолемей Керавн попал в руки Селевка³².

Теперь во власти Селевка оказалась вся Малая Азия, за исключением некоторых северных городов и Понта, ставшего самостоятельным под властью некоего Митридата, родоначальника целой династии правителей Понта.

Перед Селевком встала соблазнительная перспектива отнять Македонию и Грецию у Антигона Гоната, который едва там утвердился. Если бы это ему удалось — его держава оказалась бы равной державе Александра, без Египта и крайних восточных сатрапий.

Селевк с войском переправился через Дарданеллы, но здесь, в самом конце 281 или в начале 280 г. до н. э., был коварно убит находившимся у него в почетном плену Птолемеем Керавном³³.

Так закончилась долгая жизнь этого незаурядного человека, на сорок три года пережившего своего повелителя. За эти долгие годы борьбы, поражений, побед и неустанной деятельности он создал большое государство, пусть меньшее, чем у Александра, но зато несравненно более прочное.

Все эти годы борьбы Селевка на Западе Востоком управлял его сын Антиох, верный помощник своего отца во всех его замыслах и начинаниях.

Антиох вступает на престол в трудный момент. В Сирии, у самых ворот столицы государства — Антиохии на Оронте, основанной Селевком, вспыхивает восстание. В 279 г. до н. э. в Македонию вторгаются галаты (кельты). Птолемей II начинает агрессивные действия против Селевкидов, и Антиоху приходится заключить мир с Антигоном Гонатом на условиях полного отказа от притязаний на европейские владения македонцев (279 г. до н. э.). В 278 г. до н. э. Никомед Вифинский и Митридат Понтийский приглашают в Малую Азию три галатских племени (толистоагов, трокмов, тектосагов) в качестве силы против Антиоха. Галаты в течение двух лет опустошали Малую Азию, но в 275 г. до н. э. были разбиты Антиохом. Война с Птолемеем, так называемая Первая Сирийская, тянулась с перерывами несколько лет. Все это осложнялось внутренними неурядицами. Так, Полиэн сообщает о восстании персов, а затем македонских военных колонистов³⁴. Даже сын Антиоха Селевк оказался замешанным в заговоре и был казнен Антиохом.

Несмотря на эти затруднения, Антиох стремился продолжать деятельность отца по градостроительству и укреплению македонских колоний — опоры государства.

Что же представляло собой государство Селевкидов при первых царях этой династии³⁵? Вследствие скудости и фрагментарности источников многое остается еще неясным, и организация этого государства может быть представлена только в общих чертах.

В административном отношении государство Селевкидов подразделялось на сатрапии, во главе которых стояли царские наместники: стратеги или сатрапы. Аппиан³⁶ сообщает, что в государстве было 72 сатрапии. Но, как полагает В. В. Тарн, цифра эта неверная и основывается на смешении Аппианом сатрапий с их подразделениями — епархиями.

По всей вероятности, в государстве Селевкидов насчитывалось 25—28 сатрапий; сатрапии подразделялись на епархии, а эти последние — на гипархии³⁷. Не исключена возможность, что и гипархии делились на еще более мелкие единицы — статмы, первоначально ахеменидские почтовые станции, ставшие впоследствии низшими административными единицами (тако-

выми во всяком случае статмы являлись в парфянский период).

Каждая сатрапия имела свою столицу, в которой находились резиденция стратега, а также центральные учреждения сатрапии, царская казна и архив (в нем хранились официальные документы и частноправовые акты), имевшие отделения (газофилакии и хреофилакии) во всех городах сатрапии. Стратегу принадлежала военная и административная власть в сатрапии, финансовое же ведомство возглавлялось специальным финансовым чиновником — экономом, непосредственно подчинявшимся царю и в какой-то мере стратегу.

Каждая сатрапия в экономическом и политическом отношении тяготела к одному из трех основных центров державы: сатрапии Малой Азии имели своим общим центром город Сарды в Лидии, сирийские сатрапии — основанную в 301 г. до н. э. новую столицу Антиохию на Оронте, Месопотамия и Иран — Вавилон, а затем Селевкию на Тигре.

Во главе всей государственной администрации стоял царь, имевший почти неограниченную власть в стране; Селевку I, например, приписывается формула: «Всегда справедливо то, что постановлено царем»³⁸. Ближайшее окружение царя составляли его «родственники» (συγγενεῖς) и его друзья» (φίλοι); названия эти не следует понимать буквально, так как и первое, и второе были почетными титулами. «Друзья» составляли замкнутую организацию, внутри которой были свои градации: просто «друзья», «почитаемые друзья» (τιμωμένοι φίλοι), «первые и самые почитаемые друзья» (πρῶτοι καὶ προτιμωμένοι φίλοι). В царском кортеже на празднествах в Дафнах — роскошном загородном имении селевкидских царей — «друзья» следовали за полком гетайров строем³⁹. «Родственники» и «друзья» царя обычно занимали важные сановные должности в государстве.

Непосредственное окружение царя составляли также высшие сановники в государстве: «ведущий делами» (ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων), глава царской канцелярии (ἐπιστολογράφος), главный финансовый контролер, ведавший налогами (ὁ ἐπὶ τῶν προσόδων), и другие.

Вся земля в государстве делилась на две основные категории: царская земля и городская земля. Царская земля была наиболее обширной; сюда по праву завоевания оружием входила большая часть территории государства. Однако состав царской земли не был стабилен: он постоянно уменьшался. Именно из фонда царской земли выделялись территории для основания новых городов, из него же наделялись землей на правах собственности лица, оказавшие царю ту или иную услугу. В том и другом случае выделенная земля переходила

из разряда царской в городскую. Состав царской земли и система управления были очень сложны и, по-видимому, неодинаковы в различных частях государства; в имеющихся источниках эти вопросы отражены весьма слабо. Большую часть обрабатываемой царской земли занимали сельские общины, обязанные уплачивать царю земельный налог (*ἐκφῶρις*) деньгами или натурой⁴⁰ и выполнять различные трудовые повинности «на дом царя». В надписях из Малой Азии эти крестьяне-общинники называются *λαοὶ βασιλικοί*, «царскими людьми»⁴¹. Для облегчения государственного аппарата отдельные большие комплексы на царской земле, включающие несколько деревень, угодья и различные хозяйственные постройки, царь отдавал в условное владение специальным лицам, обязанным осуществлять хозяйственный и финансовый контроль над всем этим комплексом. За это такие условные владельцы получали право беспоплатного пользования выделенными им специально на территории данного комплекса усадьбой с садовой и пахотной землями, а также и рабами. Подать со всего этого комплекса (исключая изъятую от обложения часть самого условного владельца) вносилась в царскую казну⁴².

На царской земле основывались колонии (*катойкии*) военных поселенцев. Колонисты получали земельные наделы (*клеры*) и были обязаны нести военную службу; из них составлялась фаланга — основа селевкидской армии. В большинстве случаев колонии получали название той македонской местности или города, откуда была родом основная часть поселенцев; был принят также обычай называть новую колонию по имени правящего монарха или его жены. Население катойкий, по-видимому, не было сплошь греко-македонским. Во всяком случае, в катойкиях восточных районов государства Селевкидов существовал слой местного населения из потомков воинов-персов, служивших в армии Александра. Некоторые военные колонии, имевшие благоприятные экономические условия и выгодное для развития торговли местоположение, довольно быстро развились в города и официально получили полисные права от Селевкидов. Так развивалась, например, Дура-Эвропос на Евфрате, раскопки которой дали науке чрезвычайно ценный материал о развитии этого города, его внутренней жизни, этническом составе, торговых связях, культах, быте, архитектуре жилищ и храмов, ряд деловых документов на пергамене и глиняных черепках (остраках), а также предметов художественного ремесла и памятников искусства⁴³. Особенный интерес представляет материал раскопок, относящийся к последующему, парфянскому, периоду истории этого города, выросшего из македонской катойкии.

Доходы казны составляли не только ежегодные поступления с земли, но и другие виды поборов с населения, известные под общим названием «царских налогов», одинаковых на всей территории государства. К этой группе налогов принадлежали «налог на венец» (*στεφανιτικός φόρος*), солевой налог (*περί τῶν ἁλῶν*), подушная подать⁴⁴. Был также налог на рабов⁴⁵ и различные таможенные сборы, налоги на сделки (*ἐπὶ νόμιον*) и т. п.⁴⁶

В государстве Селевкидов существовали также и «коллективные» налоги: ими облагались не подданные государства непосредственно, а тот автономный коллектив, к которому они принадлежали. Таким «коллективным» налогом являлся *φόρος*, вносившийся городами. Он представлял твердо установленную сумму и вносился городом в целом, а не отдельными гражданами. По-видимому, взносы такого же порядка делались и территориями племен, имевшими ту или иную форму самоуправления.

При селевкидских царях градостроительство получило небывалый размах. Новые города, имеющие полисное устройство, возникали в самых различных уголках государства, и большинство их было построено по определенному, так называемому «гипподамову» плану: две главные артерии города (направление с севера на юг и с запада на восток) скрещивались под прямым углом, а боковые улицы шли или параллельно, или под прямым углом к главным, образуя прямоугольные блоки.

Иранские сатрапии Селевкидов не составляли в этом отношении исключения. Тут были основаны новые полисы, например Антиохия в Персиде, Лаодикея в Мидии (Нихавенд); в Сузиане (Элимаиде) известны три Селевкии: Селевкия на Эвлее, Селевкия на Гедифонте и Селевкия у Персидского залива. Города основывались различными способами: синойкизмом («сселением» нескольких общин в один город), возвышением катойкии в ранг полиса или через предоставление полисного государственно-правового статуса старому местному городу (так, старый город Сузы получил при Селевке I права полиса и стал называться Селевкией на Эвлее)⁴⁷. Могли они основываться также и совершенно искусственно, «на голом месте».

Такая политика насаждения городов в стране и покровительства им, выражавшегося, в частности, в даровании городам некоторых привилегий и земельных пожалований, започатыми исследователями обычно объясняется стремлением Селевкидов «эллинизировать» Азию, создать центры греческой цивилизации среди «масс азиатов»⁴⁸ и тем самым облагодетельствовать покоренные народы, как полагают эти исследователи, несравненно более совершенной эллинской культурой

и высокими политическими формами, остававшимися неизвестными восточным народам до прихода македонских завоевателей. Сосредоточенный же в городах греческий этнический элемент и был, согласно этой точке зрения, основной опорой государственной власти Селевкидов. Подобное определение направления и сущности городской политики Селевкидов и роли городов в их государстве является, однако, очень поверхностным и односторонним. Дело обстояло гораздо сложнее.

Селевкидские города имели полисную организацию: народное собрание, состоявшее из полноправных граждан, выборный городской совет и выборных магистратов. Гражданский коллектив этих городов обладал не только привилегией участия в общественной жизни своего города, но и привилегией владения земельными участками на правах частной собственности. Города были окружены приписанной к ним довольно значительной земельной территорией. Находившееся на этой территории сельское население вносило регулярные подати в городскую казну. Из фонда этих постоянных податей и составлялась основная часть форо́са, который город вносил в царскую казну. Другую часть форо́са составляли уже упоминавшиеся выше «царские налоги», причем львиная доля их приходилась на поборы с неграждан, во много раз превосходивших численностью граждан полиса. Таким образом, привилегированная часть городского населения полиса извлекала большие выгоды из эксплуатации сельского населения на зависимой от города земле, а также бесправного населения, жившего в самом городе.

Самоуправление селевкидских полисов (в отличие от полисов классических) было, однако, далеко не полным. Оно не выходило за рамки внутренней жизни города: вопросы внешних связей целиком находились в компетенции царя. Многие города, наряду со своими учреждениями и выборными должностными лицами, имели эпислатов (обычно из числа местных жителей, представителей городской верхушки), которые также могли быть выборными, но являлись представителями царской власти на местах, контролируя соблюдение ее интересов в городах. К тому же в полисах могли стоять царские гарнизоны.

Города подчинялись непосредственно царю, а не сатрапу; они имели право, в случае возникновения каких-либо спорных вопросов, затрагивающих интересы города, входить в непосредственный контакт с царем, направляя к нему своих послов или, вернее, делегатов. Царь, со своей стороны, не отдавал тому или иному городу приказов через своих чиновников, а направлял городу письмо, адресованное народному собранию, совету и главным магистратам города, в котором излагалась

царская точка зрения на тот или иной вопрос. Письма царей фактически имели силу приказа, хотя и составлялись в весьма дипломатичной форме и формально подлежали еще утверждению городским собранием и магистратами. Нередко царские письма, как важные документы, высекались на камне и устанавливались на центральной площади города (агоре). До нас дошло немало образцов такой царской корреспонденции, которые являются весьма ценными источниками при изучении жизни городов и организации эллинистических государств⁴⁹.

Вообще же селевкидские цари воздерживались от непосредственного вмешательства в полисные дела, предпочитая проводить свою линию косвенным и конституционным путем, через царскую «партию», которая была сильна в каждом городе.

Положение не всех городов в государстве Селевкидов было одинаковым: некоторые из старых полисов, в частности богатые полисы ионийского (Милет, Смирна) и финикийского (Тир, Сидон, Библ) побережий, державшие важные ключевые позиции в стратегическом и торговом отношении, рассматривали себя как «союзников» (συνεταίροι), а не как «подданных». Им действительно предоставлялись большие привилегии, большая свобода в установлении связей с другими городами и внешними сношений, право образования конфедераций нескольких городов (например, известна конфедерация городов Троады), право убежища (асилия), право чекана собственной серебряной монеты. Но даже эти «свободные» города обязаны были платить царю форос. Иммунитет от уплаты фороса предоставлялся царями в исключительно редких случаях. Так, например, его получили Эритры в царствование Антиоха II и Смирна при Селевке II. В случае военной опасности и в эти города вводились царские гарнизоны. Хотя и существовало некоторое различие в положении среди городов в государстве Селевкидов, оно не было ни очень значительным, ни принципиальным.

Уже из вышеизложенного можно заключить, что полисы, являясь центрами эксплуатации немалой территории, были весьма удобной организацией, снимавшей с плеч государственного бюрократического аппарата огромные заботы организационно-фискального характера, сохраняя при этом за государством значительные материальные поступления (форос), а также право политического контроля. Более того, будучи чрезвычайно гибкой, широкой организацией класса рабовладельцев, включавшей весь гражданский коллектив полиса, город являлся и важной социальной опорой рабовладельческого государства Селевкидов. То обстоятельство, что полисам приходилось делиться своими доходами с царем, компенсирова-

лось безусловным преимуществом вхождения в большое, единое государство. Оно было способно обеспечить интересы торговли городов (строительство и охрана торговых путей, единая монетная система, отсутствие опасности таможенного произвола, неизбежного при прохождении караванов через территории нескольких государств, и т. п.; поступление рабской силы в результате царских войн, щедрые земельные дарения царей, наличие военной силы Селевкидов и т. п.). Таким образом, город и центральная власть (царь) выступали в государстве как союзники. Это обстоятельство, очевидно, в какой-то мере сознавали и сами селевкидские цари: интересно, что в некоторых надписях селевкидские цари называют все полисы своей империи *σύνμαχοι* — «союзниками»⁵⁰.

Последние исследования советских историков показали, что полисная форма организации не была чем-то совершенно новым и неизвестным на Востоке до прихода армий Александра. Некоторые города на Востоке имели структуру, по существу весьма близкую к организации греческого полиса, хотя и были совершенно независимого происхождения и обладали рядом своеобразных черт. Многие из них были храмовыми городами: в них гражданская организация совпадала с храмовой (например, Урук в Вавилонии, Иерусалим, многочисленные храмовые города Малой Азии, среди которых выделяются две Команы, в Понте и в Каппадокии, Пессинунт во Фригии, Ольба в Киликии и многие другие). Именно в силу принципиального сходства (хотя, разумеется, не абсолютного) в селевкидский период многим местным городам этого типа был официально предоставлен статус полиса, что означало формальное признание их традиционных учреждений, а также прав и привилегий наравне с полисами, основанными греками. Гражданский коллектив таких городов состоял из местного населения. Однако в него могли включаться и представители греков и македонцев, осевших в этих городах после похода Александра. Так, в храмовую корпорацию вавилонского города Урука включались и представители греческой народности, совершенно чуждые местным культам, так как эта корпорация фактически представляла собой не жреческую, а гражданскую общину Урука, и принадлежность к ней давала права, аналогичные правам гражданина в эллинистическом полисе. Этнический вопрос, следовательно, не имел тут решающего значения как внутри самих городов, так и в их государственно-правовом положении⁵¹. Были также и города смешанного типа, например когда внутри греческого полиса на Востоке имелся значительный процент местного населения, со своей независимой гражданской организацией, так называемой «политевмой» (*πολιτεῦμα*). Примером такого «двойно-

го» города является Селевкия на Тигре⁵², громадный полис, основанный Селевком I, имевший к I в. н. э. население, насчитывавшее 600 тыс. человек⁵³. На некоторых монетах этого города изображены две держащиеся за руки богини городов, с башенками на головах⁵⁴.

Поскольку, таким образом, местные города вливались в систему полисов, в которых необходимые классу рабовладельцев общественные, политические и юридические институты имели наиболее последовательные и гибкие формы (т. е. были более свободны от наслоений культового характера, от патриархальных пережитков и т. п.), постольку естественно, что местное рабовладельческое общество испытывало сильнейшее влияние греческой культуры и всех форм греческой жизни, так как эти формы были самым тесным образом связаны с полисным строем. Процесс этот в большой степени протекал стихийно: придя в Переднюю Азию в качестве завоевателей, греки в большинстве своем оказались в рядах господствующего класса, и не удивительно поэтому, что их вкусы, образ жизни и язык стали своего рода модной нормой, которую входившая в тот же класс верхушка местного населения старалась перенять. Селевкидские цари, далекие от какой-либо этнической или расовой дискриминации и широко опиравшиеся на местные города и на высшие слои местного населения, поддерживали этот процесс в интересах унификации своей державы. Этим же интересам служила и градостроительная политика Селевкидов, стремившихся для облегчения управления создать в государстве, отличавшемся необычайной пестротой по уровню развития отдельных районов и историческим традициям, сеть более или менее единообразных по структуре общественных организмов — городов. Но в основе этой политики лежала социальная сущность городов полисного типа этого времени, как классовой организации рабовладельцев.

Опорой государственной власти являлось войско, вербовавшееся в основном из военных поселенцев, которые, как было указано выше, далеко не всегда были греками или македонцами, но были обучены на македонский манер и пользовались правами старых македонских клерухов. Кроме этого основного контингента, в армию входили наемники и ополчения иранских и малоазийских племен. Главной силой войска по-прежнему была тяжелая пехота: фаланга и гипасписты. Конница была немногочисленна, но ценилась высоко и пользовалась преимуществами. Среди кавалерийских формирований особенную славу стяжали катафрактарии, отличавшиеся тем, что и конь, и всадник были защищены панцирем. Введение этого вида конницы способствовало изменению некоторых пространственных тогда способов ведения боя. Кроме пехоты

и конницы, в состав войска входили слоны и боевые колесницы, различные саперные и осадные части, а также вспомогательные отряды. По всей стране стояли гарнизоны, особые отряды несли усиленную пограничную службу.

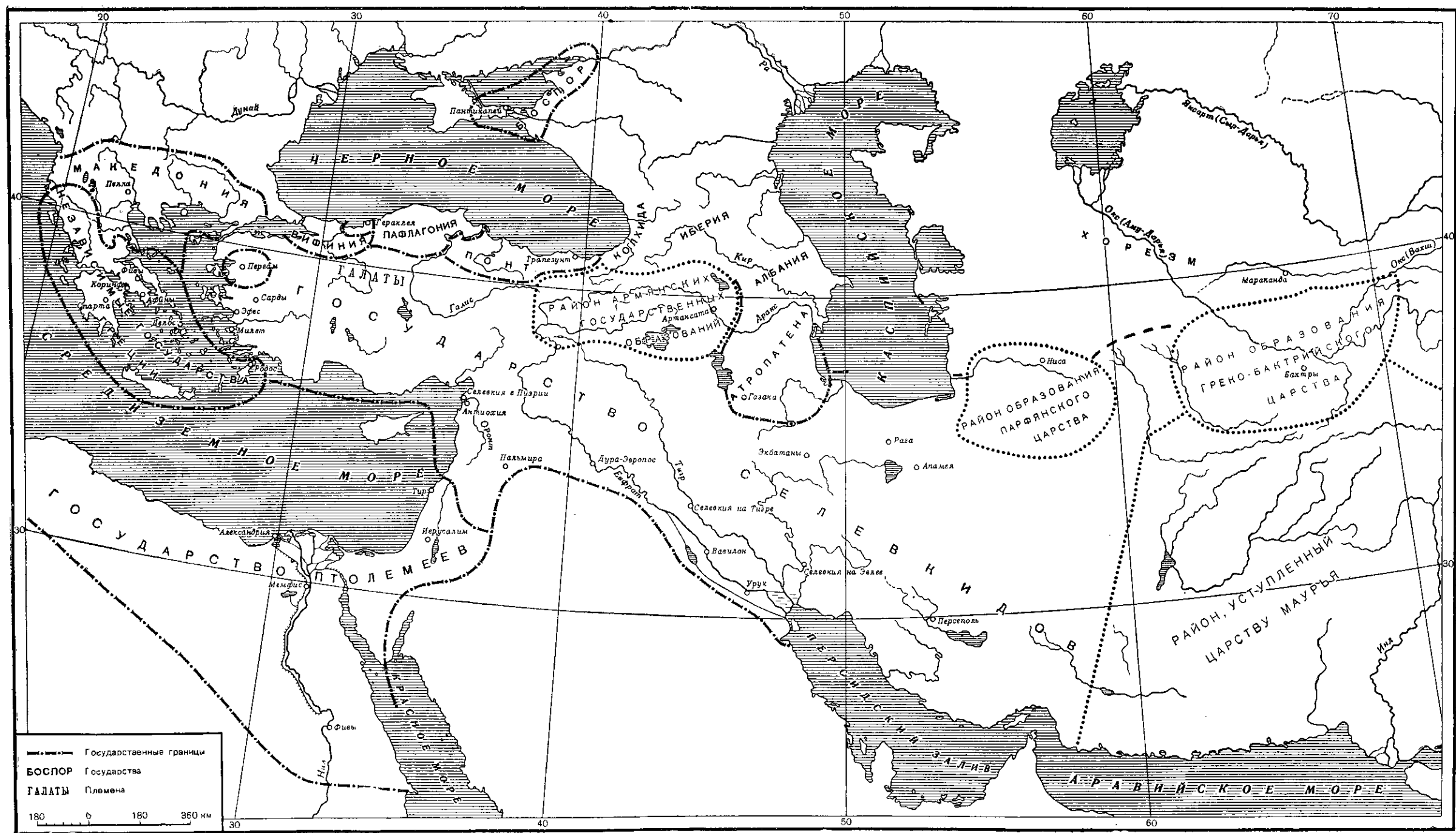
Содержание армии было чрезвычайно обременительно для государства. Поэтому армия никогда не была особенно велика, да для увеличения ее, наверное, не хватило бы и живой силы. Согласно источникам, численность фаланги в некоторых крупных сражениях конца III — начала II вв. до н. э. (Рафия, Магнесия, см. ниже, главу 4) колебалась от 16 тыс. до 20 тыс. человек. Исходя из этого, М. Ростовцев^{54а} считает общую численность армии Селевкидов в 70 тыс. человек. Это определение следует, конечно, считать приблизительным.

Селевкидский флот, хотя в некоторые периоды и бывал значительным, не играл существенной роли в системе вооруженных сил державы.

4. АНТИОХ III

Несмотря на все усилия Селевка и Антиоха, в середине III в. до н. э. от Селевкидской державы стали отделяться одна за другой некоторые области. Уже в 262 г. до н. э. самостоятельным становится Пергам, на западе Малой Азии, где к власти пришла династия Атталидов. В царствование Антиоха II Теоса (261—247 гг. до н. э.) начинается Вторая Сирийская война (258—255 или 253 гг. до н. э.) между Селевкидами и Птолемеем II Филадельфом. Поводом к этой войне послужила поддержка, оказанная египетским царем Атталиду Эвмену, стремившемуся обособиться от Антиоха I, но, по существу, она являлась продолжением борьбы между Селевкидами и Птолемеями за господство над восточным побережьем Средиземного моря. Война в общем шла успешно для Селевкидов, и Птолемей II был принужден в 255 (или 253) г. до н. э. заключить мир. Однако такой исход войны не мог воспрепятствовать потере Селевкидами в этот период ряда областей. В Малой Азии в 260—250 гг. до н. э. независимой становится Каппадокия, центр полуострова занят галатами, север Малой Азии (Вифиния, Понт) не только самостоятелен, но и враждебен Селевкидам.

Однако на крайнем востоке селевкидских владений происходят в это время, как мы увидим ниже, еще более важные события. Далекая Бактрия, отделенная от основных владений Селевкидов степями и пустынями Иранского плоскогорья, давно считалась экономически и политически наиболее значительной из областей Средней Азии. В ней стояли довольно

Царство Селевкидов в начале III в. до н. э.

большие греко-македонские гарнизоны. Наместник Бактрии Диодот, видя всю сложность борьбы Селевкидов на Западе, отложился от них и положил начало государству, которое затем, в течение многих десятилетий, было форпостом эллинизма на Востоке⁵⁵ (см. главы 5 и 6). Еще опаснее для Селевкидов оказалось появление в середине III в. до н. э. в Северо-Восточном Иране государства парфян, которым предстояло сыграть такую большую роль в истории Азии. Но во время возникновения Парфянского царства никто еще и не думал, какая смертельная опасность грозит отсюда Селевкидскому государству. Все внимание Селевкидов было приковано к событиям в Сирии и Малой Азии.

Антиох II умер в конце 247 г. до н. э. Его две жены: Лаодика и молодая Береника, дочь египетского царя, — начали борьбу за престол. Каждая прочила в цари своего сына. Побеждала Лаодика, и на селевкидский престол вступил ее сын Селевк II Каллиник (247—226 гг. до н. э.). Береника и ее сын были убиты. Гибель Береники послужила поводом для Третьей Сирийской войны, начатой в 246 г. до н. э. ее братом Птолемеем III Эвергетом.

Сначала Птолемей захватил всю Сирию и даже дошел до Селевкии на Тигре. Однако вскоре Селевку II удалось восстановить прежнее положение. На его стороне были греческие полисы Малой Азии, он заключил союз с Каппадокией и Понтом, и Птолемей вынужден был отступить. Позднее (243—241 гг. до н. э.) Египту удалось укрепить свои позиции на Эгейском море и захватить греческие города на юге Малой Азии (Милет, Эфес, Приена), но северное побережье (Смирна, Эретры, Клазомены) остались в руках Селевкидов. В 241 г. был заключен мир.

Этот мир был особенно необходим Селевку II: восстал его брат Антиох Гиерак, которому было поручено управление Малой Азией к северу от Тавра. Селевку II пришлось вступить с ним в долгую борьбу, однако победа осталась за Антиохом Гиераком, призвавшим на помощь галатов и вифинцев. Борьба закончилась в 236 г. до н. э. Но пришедший к власти в Пергаме Аттал I, племянник Атталида Эвмена, не желая делить с кем бы то ни было власть в Малой Азии, вытеснил Антиоха Гиерака и захватил всю страну до Тавра (ок. 228 г. до н. э.).

Селевк II был занят в это время на востоке борьбой с парфянами (см. главу 5), и Антиох Гиерак решил, воспользовавшись этим, захватить Сирию. Однако, узнав об этом, Селевк бросил все восточные дела и поспешил в Сирию. Ему удалось изгнать брата из Сирии, и на этом политическая карьера Антиоха Гиерака закончилась.

Селевк II умер в 226 г. до н. э. Ему наследовал его сын Селевк III Сотер (226—223 гг. до н. э.). Оставив своего брата Антиоха правителем Вавилонии и «верхних сатрапий», Селевк III пытался вернуть Малую Азию, но был убит во время похода. Несмотря на смерть царя и возникшее в связи с этим замешательство, новому наместнику Малой Азии, Ахею, удалось изгнать Аттала I из восточной Малой Азии и восстановить положение, создавшееся после Третьей Сирийской войны. Царем стал младший брат Селевка — Антиох III (223—187 гг. до н. э.).

С именем этого царя связаны временные успехи Селевкидов и первое роковое их столкновение с новой силой в Восточном Средиземноморье — с Римом.

Если положение на Западе складывалось сначала благоприятно для Антиоха, то дела на Востоке сразу же приняли грозный оборот. Антиоху пришлось бороться с восставшими сатрапами Мидии и Персиды — Молоном и его братом Александром⁵⁶.

Сначала посланный Антиохом военачальник потерпел неудачу, и только вмешательство самого молодого царя спасло положение.

Мятежники были разбиты. Молон и его брат покончили жизнь самоубийством, чтобы избежать позорной казни. Для устрашения непокорных Антиох распял тело мертвого Молона и выставил его на поругание. Затем Антиох вторгся в Мидию Атропатену и сумел добиться того, что эта страна, независимая со времени Александра, признала верховную власть Селевкидов⁵⁷.

Антиох III вернулся в Сирию в 220 г. до н. э. Здесь его снова ждали осложнения. Ему пришлось бороться со своим родственником Ахеем — правителем Малой Азии. Несмотря на поражение, Ахей сумел сохранить за собой наместничество.

Между Селевкидами и Птолемеями со времени заключения мира после Третьей Сирийской войны (241 г. до н. э.) военных действий не было. Однако Селевкиды не могли примириться с тем, что в руках египетских царей оставалась Южная Сирия, Финикия и Палестина. Особенно опасным для Селевкидов было то, что Птолемеи держали в своих руках морской порт сирийской столицы — Селевкию в Пиэрии.

Весной 219 г. до н. э. Антиох III начал военные действия нападением на Селевкию в Пиэрии. Затем он без особого труда подчинил себе Финикию, но наткнулся на серьезное сопротивление крепости Доры на севере Палестины. Этой задержкой воспользовался фактический руководитель египетского царства — сановник Птолемея IV (221—203 гг. до н. э.) Со-

сибий, который сумел ловкими дипломатическими маневрами затянуть войну, а тем временем стал готовить надежное войско для оппора Антиоху. Мирные переговоры, затеянные Египтом, ни к чему не привели, чего и следовало ожидать. Антиох III в 218 г. до н. э. возобновил войну и отнял у Птолемея Палестину вплоть до пограничных с Египтом городов: Газы и Рафии. Перезимовав в Птолемаиде (на Средиземном море, между Тиром и Дорой), селевкидский царь решил в 217 г. до н. э. продолжить свой поход и вторгнуться в Египет. Однако южнее Рафии его встретила собранная Сосибием значительная армия. 22 июня 217 г. до н. э. произошел бой⁵⁸. Антиох III был разбит. После этого он вынужден был уйти в Антиохию на Оронте, так как опасался осложнений, которые могли произойти в Малой Азии при вести о проигранной кампании. По мирному договору (переговоры вел все тот же Сосибий) Птолеми получили обратно Южную Сирию, Финикию и Палестину, однако Селевкия в Пиэрии осталась в руках Антиоха III.

Таким образом, Антиох III не добился на западе решающих успехов. Но все же Антиохия снова получила выход к морю; кроме того, был заключен мир с Египтом, Малая Азия была спокойна, хотя Ахей и не мог считаться надежным наместником. Теперь Антиох мог обратиться на Восток, где дела складывались далеко не в его пользу.

Правда, Месопотамия и ближайшие иранские сатрапии были спокойны; суровый урок, преподанный Молону и его брату, не был забыт, но парфяне все усиливались, и Эвтидем⁵⁹, пришедший к власти в Бактрии, устранив сына Диодота, представлял реальную опасность. Восточный поход был неизбежен.

Сначала Антиох двинулся в маленькое царство Арсамосату на Верхнем Евфрате и подчинил его (211 г. до н. э.)⁶⁰. В 209 г. до н. э. он вошел в Мидию. В Экбатанах он воспользовался богатствами местного храма, очевидно, чтобы покрыть расходы по ведению кампании⁶¹. Из Экбатан Антиох направился в Парфию прямым путем — через соляную пустыню, взял столицу парфян Гекатомпил и оттеснил их главные силы к побережью Каспийского моря⁶². Здесь, около незащищенного города Тамбрака, находилась сильная крепость Сиринка, где парфяне надеялись отсидеться. Парфяне, повидимому, еще не умели бороться с прекрасно подготовленной армией македонской выучки, и крепость попала в руки Антиоха. Однако парфяне успели перебить всех греков, находившихся среди жителей осажденной крепости. Был заключен мир, по которому парфянский царь, вероятно, должен был признать верховную власть Селевкидов⁶³.

Антиох сравнительно легко справился с парфянами. Более опасным казался ему другой враг — бактрийский правитель Эвтидем.

Западной границей бактрийских владений была в это время, по-видимому, река Арей (Герируд), так как именно на ней Эвтидем с 10 тыс. конницы встретил Антиоха III⁶⁴. Бактрийцы не устояли против селевкидской фаланги, отступили и заперлись в столице — Бактрах. Это была мощная крепость, так как Антиох безуспешно осаждал ее целых два года. Под конец он послал для переговоров Теля, земляка Эвтидема (тот был родом из Магнесии в Малой Азии⁶⁵).

Эвтидем пригрозил, что если он будет доведен до крайности, то пустит в страну кочевников из-за Окса (Аму-Дарьи), что грозит неисчислимыми бедствиями⁶⁶. Антиох, очевидно, испугался угрозы, потому что тотчас же заключил с Эвтидемом почетный мир, выдал свою дочь замуж за Деметрия, сына Эвтидема, и потребовал от бактрийского правителя только выдачи боевых слонов и, по-видимому, формального признания главенства Селевкидов⁶⁷.

От Бактр Антиох двинулся дальше на восток, перешел Гиндукуш, спустился в долину Кабула и вступил в пределы индийского царства Маурья. Селевкиды со времен Селевка I поддерживали дружественные отношения с царями этой династии. Послы Селевка I и Антиоха I — Мегасфен и Демодам — бывали при индийском дворе; знаменитый представитель династии Маурья — Ашока, распространитель буддизма в Индии, обращался с посланиями к Антиоху III⁶⁸. Антиох III снова подтвердил традиционную дружбу личным общением с царем Субхагасеной и получил в подарок от него 150 боевых слонов, весьма ценившихся в армиях того времени⁶⁹. Но, разумеется, Антиох не мог и думать о каких бы то ни было территориальных приобретениях в этих отдаленных землях. Времена Александра миновали безвозвратно.

Из Индии Антиох отправился в обратный путь и зимовал в Кармании⁷⁰. Следовательно, он шел обратно южным путем, примерно по маршруту Кратера и Александра.

Прежде чем вернуться в Месопотамию, он совершил еще экспедицию на аравийское побережье Персидского залива, чтобы получить дань от жителей богатого города Герры, которые держали в своих руках торговлю благовониями и были посредниками между Селевкидской державой и Аравией⁷¹.

Собрав богатые дары и дань, Антиох вернулся в Селевкию на Тигре. Результаты восточного похода были очень значительны. Правда, и парфяне и Эвтидем фактически сохранили самостоятельность, но все же они признали верховную власть Селевкидов, а, главное, Антиох на время мог не опа-

саться их продвижения на запад. Это было для него очень важно, так как он желал иметь свободные руки, чтобы выполнить свои замыслы в Восточном Средиземноморье — основном узле интересов Селевкидов. Кроме того, восточный поход чрезвычайно поднял престиж Антиоха, что было ему необходимо после его неудач в Четвертой Сирийской войне (170—168 гг. до н. э.).

В это время, на рубеже III и II вв. до н. э., в Восточном Средиземноморье появляется новая политическая сила — Рим. Римляне к этому периоду уже давно закончили объединение Италии, сумели быстро оправиться от неудач, связанных с вторжением в Италию Ганнибала. Сам знаменитый полководец находился теперь при дворе Антиоха III ⁷².

Стабилизация положения на Востоке и в Средиземноморье толкала Антиоха на новые предприятия на Западе. Он стремился прочно подчинить себе Малую Азию. Вмешавшись в греческие дела, он сталкивается с Римом, который уже стал твердой ногой на иллирийском побережье и медленно, но верно проникал в Грецию, ведя борьбу с македонским царем Филиппом V. Появление в Греции нового претендента на власть встревожило римлян. В битве при Фермопилах (191 г. до н. э.) Антиох потерпел поражение и вынужден был отступить в Малую Азию ⁷³. Но римляне не оставили опасного врага в покое: они понимали, что Антиох скоро оправится и снова придет в Европу. Поэтому они вторгаются в Малую Азию следом за Антиохом и в битве при Магнесии (189 г. до н. э.) наносят ему решительное поражение ⁷⁴. Антиох с остатками войска бежит на Восток и пытается собрать новую армию. Пошатнувшиеся дела и опустевшая казна заставляют его лихорадочно искать новые финансовые возможности для дальнейшего ведения войны, не останавливаясь ни перед чем. При попытке взять сокровища одного крупного храма в Элимаиде Антиох и был убит. Эта же участь постигла и маленький отряд, сопровождавший его (187 г. до н. э.) ⁷⁵.

5. СЕЛЕВКИДЫ И ПАРФЯНЕ

После смерти Антиоха III процесс распада Селевкидской державы ускорился. Антиоху наследовал сначала один его сын — Селевк IV (187—175 гг. до н. э.), затем другой — Антиох IV Эпифан (175—163 гг. до н. э.), человек несомненно больших дарований, делавший отчаянные усилия, чтобы задержать катастрофу.

Однако за эти годы положение в Иране резко изменилось. Появилась новая политическая сила — парфяне.

Начало истории парфян нам почти неизвестно. Сведения в письменных источниках чрезвычайно скупы, а нумизматический материал⁷⁶ мало помогает при установлении хотя бы хронологии и последовательности царствований, так как все цари Аршакидской династии до середины I в. до н. э. названы на монетах только тронным именем Аршак (личные имена не упоминаются ни на монетах, ни в официальных документах), а даты на парфянских монетах начинают спорадически появляться не раньше 30-х годов II в. до н. э.

Поэтому все сведения, касающиеся событий второй половины III и первой половины II в. до н. э., весьма спорны и неопределенны. Трудно рассчитывать на уточнение этих сведений до получения новых археологических данных.

Согласно дошедшей до нас литературной традиции, начало Парфянскому государству положили парны — племя, входившее в состав конфедерации дахов⁷⁷, кочевавших в степях между Оксом и Каспийским морем. Дахи были связаны с массагетами и другими кочевыми и оседлыми племенами Средней Азии. Во времена Александра Македонского дахи кочевали еще в степях между реками Оксом и Яксартом⁷⁸, но с конца IV в. до н. э. парны, оторвавшись от остальных дахских племен, начали мигрировать к западу, в район Каспия. На своем пути парны разрушили Александрию в Маргиане и Гераклею в Арее, впоследствии восстановленные Антиохом I и переименованные в Антиохию и Ахайю. Против этого опустошительного нашествия парнов в 282 г. до н. э. Селевкиды направили специальную экспедицию во главе с Демодамом, полководцем Селевка I и Антиоха, и парны потерпели поражение от греко-македонских войск⁷⁹.

Второе вторжение парнов в селевкидские владения произошло около 250 г. до н. э. Войны с Египтом, которые вели Селевкиды в этот период, отвлекали их внимание от восточных сатрапий и чрезвычайно благоприятствовали осуществлению стремления восточных сатрапов отделиться. Так, в 245 г. до н. э. сатрап Парфии Андрагор⁸⁰ провозгласил себя независимым от Селевкидов и начал чеканить золотую монету со своим именем. Значение этого факта нельзя недооценивать, так как Парфия была важным звеном, связывавшим восточноиранские страны с западными. В результате восстания Андрагора главные коммуникации центрального селевкидского правительства с восточноиранскими сатрапиями оказались прерванными. За войной с Египтом последовала братоубийственная борьба между Селевком II Каллиником и его младшим братом Антиохом Гиераком, оттянувшая карательную экспедицию на Восток до 232—231 гг. до н. э.

В 239 г. до н. э. наместник Бактрии Диодот провозгласил

себя царем и основал независимое Греко-Бактрийское царство⁸¹.

В этой обстановке и произошло второе вторжение парнов под предводительством Аршака⁸². Около 250 г. до н. э. парны вторглись в Нисею, расположенную в долине Атрека и ставшую впоследствии парфянской провинцией Астасиеной. Здесь, в городке Асаак, в 247 г. до н. э. парны провозгласили Аршака своим царем. Это событие было взято впоследствии преемниками Аршака за отправную точку аршакидского календаря.

Затем парны направились против Бактрии, но получили отпор от армии Диодота. В 239 г. до н. э. парны вторглись в Парфию, разгромили Андрагора и в 238 г. до н. э. овладели этой областью, населенной родственными парнам оседлыми парфянами, с которыми парны впоследствии слились. Следующим шагом Аршака было завоевание Гиркании в 235 г. до н. э. и Комисены. Когда в 232—231 гг. до н. э. Селевк II решил, наконец, отправиться в Восточный Иран, чтобы отвоевать отпавшие территории, бактрийский царь Диодот II заключил союз с Аршаком. Когда сирийская армия вступила на парфянскую землю, Аршак со своими отрядами всадников отступил

к степям, где ему удобнее было маневрировать и использовать свою конницу против тяжелой сирийской армии. Кроме того, в степях на берегу Окса его должны были поддерживать племена апасиаков, с которыми у парнов были давние связи. Эта тактика Аршака принесла свои плоды: селевкидская армия понесла некоторый урон в результате внезапных атак быстрых конных отрядов парнов в привычной для них степной обстановке. Но до решающего сражения дело не дошло: с запада пришли неблагоприятные вести о династических распрях, и

Рис. 35. Золотой статер с портретом Андрагора (сильно увеличено)

Селевк вынужден был спешно покинуть восточные границы и отправиться с войском в Антиохию. Однако перед тем как покинуть Парфию, Селевк II вступил в переговоры с Аршаком и признал его властителем Парфии и Гиркании на вассальных правах, рассчитывая, по-видимому, разделаться с ним в будущем.

После ухода Селевка II в этом районе наступил период передышки, которая была использована Аршаком для укрепления своих позиций на северо-востоке Ирана. По-видимому, еще до этого им была построена крепость Дара в Апарарктикене (близ совр. Абиверда). Аршак занялся усилением своей армии и укреплением поселений. Центром его государства была Парфиена. Тут, в городе Нисе⁸³, вплоть до I в. н. э. находились родовые усыпальницы его преемников, царей Аршакидской династии. Столицей нового государства стал город Гекатомпил (около совр. Дамгана).

Аршак умер около 217 г. до н. э. Его преемник (Артабан I?), который, как и все последующие цари этой династии, носил наряду со своим именем также и имя основателя династии, бывшее, возможно, родовым именем, воспользовавшись тем, что Антиох III находился в это время с войском в Малой Азии, начал вторжение в соседние с Парфией районы Мидии.

Но в 211 г. до н. э. Антиох III начинает свой восточный поход. Как мы видели выше, Антиох довольно легко справился с парфянами, однако счел целесообразным заключить договор с парфянским царем и оставить за ним ядро его владений⁸⁴.

Следующим парфянским царем был, согласно традиции, Фриаптий, правивший 15 лет, по Росу — 191—176 гг. до н. э.⁸⁵ Имя Фриапатия упоминается в найденных недавно парфянских документах из Нисы в связи с виноградником, посвященным, может быть, заупокойному культу этого царя. Фриапатию наследовали его сыновья: сначала Фраат I, воевавший с горцами Эльбурса, затем Митридат I, положивший начало парфянскому могуществу. Сначала он произвел расширение парфянской территории за счет Бактрии, ослабленной внутренними осложнениями (см. главу 6), а затем обратил свои взоры на запад. После поражения Антиоха III при Магнесии (189 г. до н. э.) власть Селевкидов в Азии значительно ослабла. Селевк IV не мог предпринять никаких мер по восстановлению поколебленного положения своей династии за Евфратом. Антиох IV, после нескольких лет, затраченных на создание и обучение необходимой армии, и ряда реформ, направленных на укрепление государства, собирался начать восточную кампанию. Однако война с Египтом задержала его (169 г. до н. э.). Несмотря на большие успехи в Египте,

Антиох IV должен был под давлением Рима отказаться от всяких претензий на эту страну.

В 166 г. до н. э. Антиох наконец появился в Вавилоне. Оттуда он в 165 г. до н. э. предпринял поход в Армению, где принудил к покорности армянского царя Артаксия, а затем направился на юго-восток, через Экбатаны, и пытался захватить Персеполь. Однако население города не допустило этого: Антиох был вынужден отступить. В 163 г. до н. э. Антиох умер в Габах (в районе совр. Исфахана)⁸⁶.

Рис. 36. Серебряная тетрадрахма с портретом Митридата I.
Увеличено

В последовавшие за смертью Антиоха IV годы в Западном Иране возникает ряд самостоятельных царств. Самое значительное из них — Элимаида — стало самостоятельным, по видимому, еще до воцарения Антиоха IV. Благодаря нумизматическим данным нам даже известно имя правителя Элимаиды, отложившегося от Селевкидов. Это был Камнаскир. Его государство в лучшие времена простиралось от Габиины (совр. Исфахан) до Персидского залива⁸⁷. В Армении около этого времени образуются два независимых царства: Софена и Великая Армения. Снова стала независимой и подчиненная было Антиохом III Мидия Атропатена. Гиспаосин, сын Сагдодонака, основывает небольшое государство (Харакену) в экономически весьма важном районе: в устье великих рек — Евфрата и Тигра⁸⁸. После смерти Антиоха IV сатрап Мидии Тимарх начинает выпускать свою монету. Персида, подчинение которой Селевкидам всегда было весьма условным, теперь становится совершенно самостоятельной.

Таким образом, около 160 г. до н. э. большая часть восточных сатрапий была окончательно потеряна для Селевкидов и раздроблена на ряд небольших самостоятельных государств.

Силой, объединившей все эти разрозненные царства и княжества в одно целое, оказались парфяне, которые в царствование Митридата I перешли в наступление на своих соседей. В упорной борьбе Митридат завладел Мидией (около 155 г. до н. э.) и назначил туда правителем некоего Багаза⁸⁹. Завоевание Мидии открыло парфянам путь в Месопотамию. Только тот, кто владел этим важнейшим экономическим и политическим центром, мог рассчитывать на объединение под своей властью всего Ирана. Селевкидский царь Деметрий, понимая, какие губительные последствия несет ему потеря Месопотамии, оказал Митридату упорное сопротивление. Однако дни селевкидского могущества уже миновали, сократившееся до пределов почти одной Сирии царство Селевкидов не могло противостоять натиску парфян, тем более, что, по имеющимся у нас сведениям, местные жители в некоторых случаях приветствовали их приход.

Согласно данным клинописных документов, Митридат занял Селевкию на Тигре и был признан царем Вавилонии в июле 141 г. до н. э. Осенью того же года его признавал царем уже и Урук (греч. Орхоя), лежавший на нижнем течении Евфрата, значительно южнее Селевкии⁹⁰.

В настоящее время еще не выяснено, в эти месяцы была завоевана Элимаида или значительно позднее, так как уже не позже декабря того же 141 г. до н. э. Митридат был вынужден поручить дальнейшее ведение кампании на Западе своему полководцу, а сам отправился в Гирканию⁹¹. Быстрый и неожиданный отъезд царя на Восток свидетельствует о серьезных осложнениях, возникших там в связи с передвижением кочевников Средней Азии. Борьба с кочевниками на Востоке приобрела столь острые формы, что Митридат последние годы царствования целиком провел там и больше не появлялся ни в Западном Иране, ни в Месопотамии.

Селевкидский царь Деметрий II, узнав о затруднениях парфян и об отъезде их царя на Восток, немедленно предпринял попытку восстановить положение в Месопотамии, надеясь опереться на эллинские и эллинизированные элементы населения⁹². Но после кратковременных успехов Деметрий был разбит парфянами и попал в плен. Пленник был отправлен в Гирканию к Митридату. Тот обошелся с ним хорошо и даже выдал за него свою дочь.

По-видимому, именно после пленения Деметрия произошло окончательное завоевание парфянами Элимаиды. Богатства сузианских храмов значительно пополнили парфянскую казну. Таким образом, парфянская держава к концу царствования Митридата I охватывала почти весь Иран и всю Месопотамию. Парфяне вышли на Евфрат.

Митридат I умер в 138—137 гг. до н. э.⁹³. Ему наследовал его сын Фраат II. Он, так же как и отец, пребывал главным образом на восточных окраинах своего царства.

Пока Фраат II был занят охраной своих восточных границ, Селевкиды сделали последнюю попытку восстановить свое господство. Брат и преемник Деметрия II Антиох VII Сидет (139/8—129 гг. до н. э.), первые годы своего царствования занятый сложной борьбой в Сирии и Иудее, около 130 г. до н. э. предпринял поход против парфян⁹⁴. Он сумел собрать

Рис. 37. Серебряная тетрадрахма с портретом Фраата II. Увеличено

большое войско (хотя размеры его сильно преувеличены источниками)⁹⁵ и нанести ряд поражений парфянским полководцам. После победы Антиоха VII к нему присоединился ряд бывших сторонников парфян, а эллинистическое население Селевкии даже убило парфянского наместника и перешло на сторону Селевкидов. Войска Антиоха VII победоносно продвинулись в Мидию и здесь были расквартированы на зиму мелкими отрядами по различным селениям⁹⁶.

Фраат II начал переговоры о заключении мира, но условия Антиоха были настолько суровы, что показались парфянскому царю неприемлемыми. Фраат II пошел на хитрость. Он выпустил из плена Деметрия II, уже не раз пытавшегося бежать. Парфяне не без основания рассчитывали на то, что честолюбивый Деметрий, оказавшись в Сирии, в тылу у своего брата, неизбежно захочет снова занять селевкидский престол и тем создаст Антиоху VII дополнительные трудности. Но главный расчет парфян был на антиселевкидские настроения мидийского населения. По-видимому, население, страдающее от селевкидской эксплуатации и раздраженное постоем селевкидских войск, ненавидело чужеземных завоевателей и держало сторону парфян, близких ему в языковом и этническом

отношении. Интересно отметить, что мидяне выступали против солдат Антиоха организованно, подняв восстание одновременно во всех тех поселениях, где стояли селевкидские гарнизоны. Антиох VII слишком поздно понял, какую роковую ошибку он совершил, рассредоточив свою армию⁹⁷.

Он поспешил на помощь ближайшему из осажденных гарнизонов, но был предупрежден парфянским войском, бросившимся ему наперерез. В разгоревшейся схватке Антиох был убит, а его сын Селевк, а также племянница попали в руки врага. Разгром селевкидской армии был полный.

Теперь Фраат мог думать о дальнейшей экспансии на Запад. Но даже если у него и были подобные планы, он был принужден их оставить и, подобно своему отцу, обратить все внимание на Восток.

Серьезные передвижения среднеазиатских кочевников начались, как мы видели, уже в середине II в. до н. э., в царствование Митридата I.

Вопрос о существовании этих передвижений и об участвовавших в них племенах был в центре внимания многих исследователей⁹⁸, но до сих пор не может считаться окончательно решенным. В связи с историей Ирана здесь будет достаточно сказать, что в середине II в. до н. э. старые соседи оседлых племен Восточного Ирана — племенные объединения саков и массагетов — стали продвигаться в двух направлениях: юго-западном и юго-восточном. Причина продвижения их на юг не вполне ясна. Быть может, это отчасти было вызвано перемещением больших масс кочевников в глубине азиатского материка.

Западная ветвь саков в своем движении наткнулась на упорное сопротивление парфян. Хотя сакам удалось достигнуть Месопотамии, причем два парфянских царя (Фраат II и его дядя и преемник — Артабан II) погибли в борьбе с ними, все же они были затем оттеснены в Дрангиану — страну, которая и по сей день носит их имя: Сакастана — Сеиستان — Систан (на границе современных государств Ирана и Афганистана).

Восточная ветвь саков во главе со старыми противниками Александра Македонского — заяксартскими саками (Сы, древнее Сок китайских источников) — направилась на юг горными перевалами Гиндукуша и обрушилась на Греко-Бактрийское царство — форпост эллинизма в Восточном Иране и Северной Индии. Прежде чем рассматривать дальше историю Парфянской державы, нам необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на судьбах этого интереснейшего государственного образования.

6. ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

Как мы уже видели, Диодот, правивший Бактрией от имени Антиоха II, около 239 г. до н. э. отложился от Селевкидов и, как говорит Юстин, «приказал называть себя царем»⁹⁹. В. В. Тарн, автор большой монографии о Греко-Бактрийском царстве, полагает, что обособление Бактрии произошло не в результате восстания, как можно было считать, исходя из слов Юстина (и как считали многие исследователи, в том числе и А. Гутшмид)¹⁰⁰, а в результате постепенного ослабления связей между Селевкидской державой и далекой Бактрийской сатрапией¹⁰¹. Так или иначе, но уже к 239 г. до н. э. Бактрия была совершенно самостоятельной. Если Диодот I еще блокируется с Селевком II Каллиником против парфян¹⁰², то его сын, Диодот II, наоборот, заключает союз с Аршаком против того же Селевка II¹⁰³.

Диодот II процарствовал недолго: он был убит Эвтидемом — греком из Магнесии, одним из своих приближенных. В. В. Тарн, привлекая сложную аргументацию, пытается доказать родственную связь Эвтидема с Селевкидским домом¹⁰⁴ (эта точка зрения принята в советской литературе К. В. Тревер)¹⁰⁵. Но даже если оставить в стороне этот вопрос, обращает на себя внимание следующий интересный факт.

Как было сказано выше, Антиох III, стремясь вернуть потерянный Восток, пошел походом против Эвтидема и осадил его в Бактрах. Несмотря на двухлетнюю осаду, Антиох не смог взять хорошо укрепленный город и вступил с Эвтидемом в переговоры. Эвтидем не только пытался запугать Антиоха возможностью вторжения кочевников, но стремился заслужить благоволение Селевкида, напомнив ему о том, что он расправился с Диодотом II, изменившим отцу Антиоха. Этим он как бы подчеркивал свою лояльность по отношению к Селевкидскому дому¹⁰⁶.

После возвращения Антиоха III на запад Эвтидем остался полным хозяином положения в Бактрии. Известно, что он стремился расширить свои владения, однако появившееся в литературе предположение, что Эвтидем предпринимал поход в Сибирь и владел бассейном Тарима, не находят достаточно-го подтверждения в источниках¹⁰⁷.

При сыне Эвтидема — Деметрии I — границы Греко-Бактрийского царства были значительно расширены. Он подчинил себе Арею, Арахосию и Дрангиану, а затем захватил обширные области Северной Индии (около 175 г. до н. э.). Центр тяжести Греко-Бактрийского государства переместился в богатый Пенджаб, и это вызвало отделение собственно Бак-

трии, где к власти пришел Эвкратид. В. В. Тарн, прибегая к малоубедительным построениям, стремится доказать, что Эвкратид был полководцем Антиоха IV Эпифана, завоевавшим Бактрию для Селевкидов и ставшим самостоятельным лишь в результате смерти Антиоха и усиления парфян, отрезавших Селевкидское царство от Бактрии¹⁰⁸. Однако, по-видимому, есть больше оснований вслед за А. Гутшмидом¹⁰⁹ и многими другими считать Эвкратида узурпатором, воспользовавшимся долгим отсутствием царя Деметрия, находившегося в Индии.

О времени воцарения Эвкратида у нас нет определенных данных. Единственным указанием являются слова Юстина о том, что Эвкратид воцарился примерно в то же время, что и Митридат I¹¹⁰. Но это сообщение явно недостаточно, так как мы не знаем точной даты восшествия на престол Митридата. Речь может, по-видимому, идти о 60-х годах II в. до н. э. Насколько разноречивы все наши данные об Эвкратиде, видно хотя бы из того, что изображенных на монете-медали Эвкратида Гелиокла и Лаодику часть исследователей считает родителями Эвкратида, а часть — сыном и женой сына¹¹¹. По-видимому, есть больше оснований, следуя гипотезе Саллэ, придерживаться второго мнения, тем более, что у Эвкратида действительно был сын, по имени Гелиокл¹¹².

Время правления Эвкратида — это время начавшегося распада Греко-Бактрийского царства. Около этого же времени большую часть индийских владений Эвтидемидов захватывает другой узурпатор — Менандр. Судя по нумизматическим данным, Эвкратиду пришлось вести упорную борьбу с различными местными владетелями, о чем свидетельствуют и следующие слова Юстина: «Бактрийцы, вовлеченные в различные войны, потеряли не только все царство, но и свободу, так как, утомленные войнами с согдийцами, арахотами, дрангами, арями и индийцами, как бы обескровленные, они были покорены более ничтожными парфянами»¹¹³. Здесь Юстин (или Помпей Трог) путает парфян со среднеазиатскими кочевниками. Эта путаница имеет, однако, некоторые основания, так как известно, что парфянский царь Митридат I еще до нападения кочевников на Бактрию поживился за счет слабевшего государства Эвкратида.

В последний раз Бактрия как самостоятельное государство упоминается в качестве союзника Селевкида Деметрия II в его борьбе с парфянами¹¹⁴. Вскоре после этого (по В. В. Тарну — около 130 г. до н. э.) началось завоевание Бактрии кочевниками.

Из античных авторов об этом нам рассказывают только Страбон¹¹⁵ и Помпей Трог в изложении Юстина¹¹⁶. Первый называет асиев, пасианов, тохаров и сакарауков. Второй —

сарауков и асианов, причисляя их к «скифским племенам». В этой связи Юстин ничего не говорит о тохарах, но в другом месте называет асианов «царями тохаров»¹¹⁷. Китайские источники называют завоевателей Бактрии юэ-чжи (древняя форма «гвет-ти»), которых сопоставляют с тохарами (так в XIX в. считали А. Рихтгофен, А. Гутшмид, в наше время — Э. Герцфельд, К. Тревер, Н. Дибвойз)¹¹⁸. В. В. Тарн считает, что юэ-чжи — это асии-асианы, а тохары — это лишь составная часть подчиненной асианам-юэ-чжи разноплеменной орды¹¹⁹. С. П. Толстов, опираясь на высказанную еще в начале XIX в. Клапротом и Абель-Ремюза точку зрения, в последнее время поддержанную О. Франке, утверждает, что юэ-чжи — массагеты. В результате этих предположений становится очевидным, что «гибель державы Эвтидемидов и диадохов Деметрия — не следствие случайной комбинации кочевых орд в Центральной Азии, а заключительный акт вековой борьбы народов Средней Азии против чужеземных захватчиков. Сакарауки, тохары, пасии — не отличные от юэ-чжи народы, а, как и асии, — составные элементы массагетского (или юэчжийского) союза племен»¹²⁰.

Посол китайского императора У-ди — Чжан Цянь, побывавший в Средней Азии около 128 г. до н. э., сообщает, что часть Бактрии была в это время уже в руках юэ-чжи. Затем греческие правители Бактрии были отброшены за Гиндукуш, где сохраняли господство над некоторыми районами Северной Индии еще в течение ста лет. К началу нашей эры на огромном пространстве — от Хорезма на севере и до устьев Инда на юге — складывается могущественная юэчжийская держава, известная в науке под именем Кушанского царства.

7. ПАРФИЯ — МИРОВАЯ ДЕРЖАВА

В войне с Антиохом VII Фраат II использовал отряды, набранные среди его восточных соседей — саков («скифы» Юстина). По нашим источникам¹²¹, саки прибыли, когда Антиох VII был уже побежден, и им не досталось никакой добычи. Тогда саки стали опустошать земли своего союзника. Фраат, оставив правителем западных областей Гимера, отправился на войну с саками, но потерпел поражение и был убит (ок. 128 г. до н. э.). Считается, что причиной гибели Фраата послужила измена греческих отрядов, служивших ранее Антиоху VII и опрометчиво включенных Фраатом в состав своего войска. Преемник Фраата — его дядя Артабан II (128—123 гг. до н. э.) — также вынужден был обороняться от кочевников, которых Юстин на этот раз называет тоха-

рами¹²². Через несколько лет напряженной борьбы Артабан также погибает. Кочевники, опустошив парфянские земли, ушли назад в Среднюю Азию.

Тем временем западными областями правил Гимер¹²³. Ему также пришлось встретиться с немалыми трудностями. Он воевал с упоминавшимся выше царем Харакены Гиспаосином, но был разбит. Клинописные документы сообщают, что к 127 г. до н. э. Гиспаосин владел Вавилоном¹²⁴. Однако Гимеру в конце концов удалось оттеснить царя Харакены. Монета Гимера с изображением Победы и надпись «великого царя Аршака Никефора» (т. е. победителя) относятся, вероятно, к этому событию¹²⁵. Немало беспокойства причиняли Гимеру и воинственные эламиты¹²⁶.

Артабану II, умершему, как было сказано выше, около 123 г. до н. э., наследовал его сын Митридат II. Его царствование было одним из самых блестящих периодов в истории Парфянской державы. Митридат II как дальновидный политик прежде всего обратил внимание на западные области и привел к покорности царя Харакены. О победе парфян свидетельствуют дошедшие до нас монеты Гиспаосина 121—120 гг. до н. э. с парфянским надчеканом¹²⁷.

Гимер, возможно, был устранен; во всяком случае, после воцарения Митридата он исчезает с исторической арены.

На Востоке военные усилия парфян содействовали отклонению основной оси движения саков на юг, в результате чего они стали оседать в древней Дрангиане, вокруг озера Хамун и дальше на Восток — в Арахосии. Вскоре там образовались самостоятельные государства, распространившие свою власть на восточные районы Ирана и северо-западные районы Индии. Кое-какие сведения по истории этих государств дают нам нумизматические находки¹²⁸. В I в. до н. э. в этих обширных областях правили две тесно связанные между собой династии, условно называемые в науке Индо-скифской и Индо-парфянской. Можно предположить, что цари этих династий действительно находились в династических и политических связях с Аршакидской династией. Конец владычеству этих царей был положен в I в. н. э. кушанами.

Как далеко на Восток простирались владения Митридата II — сказать трудно. В. В. Тарн, опираясь на данные китайских источников, считает, что около 115 г. до н. э. парфяне захватили Мерв и с тех пор прочно его удерживали в течение многих лет, так что границей парфянских владений с землями массагетов на этом участке была Аму-Дарья¹²⁹. Интересная серия монет-медалей с названиями восточноиранских областей — Маргианы, Траксианы и Ареи — и надписью «КАТАСТРАТЕΙΑ» (т. е. «в походе»), как полагал еще

Рис. 38. Парфянский стрелок. Терракота Берлинский музей

А. Гутшмид ¹³⁰, должна была увековечить победы парфян над их восточными соседями.

Упрочив свое положение на Востоке, Митридат решил продолжать продвижение на Запад, начатое еще его предшественниками. Следующий удар был направлен на Армению.

В годы распада Селевкидского царства и возвышения Парфии естественно усилились небольшие царства Армянского нагорья, из которых наиболее сильным было то, которым правил Артаксий (арм. Арташес). Его имя упомянуто в источниках в связи с походом на Армению Антиоха IV Эпифана и некоторыми событиями истории Малой Азии, а также в надписях на межевых камнях, найденных у озера Севан ¹³¹. Во времена Митридата II правил уже сын Артаксия — Артавазд. Парфянский царь победил его и взял в заложники царевича Тиграна (сына или, что более вероятно, племянника Артавазда) ¹³².

Около 94 г. до н. э. Митридат II при помощи парфянских войск сажает на армянский престол Тиграна II, тем самым обеспечивая свое влияние в восточной Малой Азии и Закавказье. Тигран II, за помощь, оказанную ему парфянами, уступает Митридату «семьдесят долин» ¹³³. Парфянский царь, обеспечив таким образом северный фланг евфратской линии, продолжает продвижение в центре. Мы узнаем о военных действиях, которые он ведет против некоей Лаодики, по-видимому, сестры селевкидского царя Антиоха VIII Грипа, правившей в Коммагене или другой области в верхнем течении Евфрата ¹³⁴. Лаодика призвала на помощь Селевкида Антиоха X, но тот погиб в борьбе с парфянами.

После этого Митридат стал беззастенчиво вмешиваться в дела Селевкидского царства, сократившегося к тому времени до пределов одной только Северной Сирии и находившегося в агонии. Селевкид Деметрий III, оспаривавший у Антиоха X престол, попал в плен к парфянам и был отправлен в качестве заложника к Митридату II ¹³⁵.

Выход парфян на Евфрат, а в некоторых районах даже в Паропотамию, серьезно встревожил римлян, которые к тому времени владели в Малой Азии обширной территорией «Провинции Азии», ядром которой стало бывшее Пергамское царство Атталидов. Основным противником римлян в Малой Азии к началу I в. до н. э. был понтийский царь Митридат VI Эвпатор (Митридат Понтийский), сумевший создать могущественное государство и заручиться союзом Тиграна II.

Тигран II, взойдя на армянский престол с помощью парфян, присоединил к своим владениям княжество Софену, объединив таким образом армянские земли в единое госу-

дарство. В 93 г. до н. э. он вместе с Митридатом Понтийским, своим союзником и тестем, изгнал из Каппадокии римского ставленника царя Ариобарзана и посадил на его место малолетнего сына Митридата Понтийского.

Все эти обстоятельства заставили римлян принять решительные меры. В 92 г. до н. э. в Каппадокию был прислан Сулла, который восстановил Ариобарзана на престоле и начал переговоры с парфянами. На Евфрате произошла встреча Суллы с парфянским послом Оробазом. Нам неясно, пришли ли стороны к какому-нибудь соглашению¹³⁶, известно только, что Оробаз был впоследствии казнен за то, что не сумел дать отпор Сулле, поведение которого во время переговоров было вызывающим. Это было первое знакомство парфян с римской агрессией и римскими политическими методами на Востоке¹³⁷. Этот первый опыт несомненно содействовал сближению Митридата II со своими западными соседями, однако, как покажет дальнейшее, парфяне еще не понимали всей опасности, грозившей им со стороны Рима.

Последние годы царствования Митридата II были омрачены и внутренними осложнениями. В 91 г. до н. э. некто Готарз, известный нам по рельефу, высеченному на знаменитой Бисутунской скале, где он фигурирует рядом с Митридатом II в качестве высокого должностного лица — «сатрапа сатрапов»¹³⁸, получает власть в Вавилонии, о чем свидетельствуют монеты и клинописные документы¹³⁹. По-видимому, Готарз был назначен наместником западных областей (так как Митридат II эти годы опять проводит на Востоке) и узурпировал царскую власть, воспользовавшись какими-то затруднениями Митридата. Вскоре Готарз, по-видимому, был признан в Парфии законным царем, как и Митридат II, с которым он состоял в близком родстве¹⁴⁰.

Митридат II был еще жив в 88/87 г. до н. э., так как в этом году к нему на Восток был отправлен пленный Селевкид — Деметрий III, но после этого года все сведения о Митридате II прекращаются, что и заставило исследователей считать 88/87 г. до н. э. датой его смерти¹⁴¹.

После смерти Митридата II на Парфию напал Тигран II, воспользовавшийся начавшейся в 88 г. до н. э. войной между Римом и Митридатом Понтийским и сменой властей в Парфии, чтобы расширить свои владения. Он отнял у парфян те «семьдесят долин», которые он в свое время уступил Митридату II; захватив всю Северную Месопотамию, он подчинил себе Атропатену и даже вышел в Мидию у Экбатан. После этого он повернул на юг и на юго-запад и завоевал всю Сирию, кроме Селевкии в Пиэрии, и значительные области на востоке Малой Азии. Создав столь обширное царство,

Тигран стал даже претендовать на титул царя царей, который Готарз не решался принимать¹⁴².

Несмотря на такие неудачи, Готарз сохранял за собой Вавилонию вплоть до 81/80 г. до н. э. Апрелем 80 г. до н. э. датированы клинописные таблички с именем Орода (I), который, очевидно, правил недолго, так как в 76/75 г. до н. э. на табличках появляется имя нового царя, названного только тронным именем — Аршак. По мнению современных исследователей, это был упоминаемый в античных источниках Синатрук¹⁴³, воцарившийся уже в преклонном возрасте.

В это время шла уже Третья Митридатова война (римлян против Митридата Понтийского). После нескольких лет вялых военных действий в 74 г. до н. э. в Азию прибыл Лукулл, и римляне стали вести энергичный натиск на Понт. Около 72 г. до н. э. Митридат Понтийский обратился к Синатруку за помощью против римлян. Однако парфянский царь, памятуя, вероятно, об ущербе, нанесенном парфянам союзником и зятем Митридата — Тиграном, предпочел сохранять нейтралитет, радуясь, очевидно, ослаблению своих западных соседей и не понимая, подобно своим предшественникам, что несет Рим Востоку¹⁴⁴.

Синатруку наследовал в 70 г. до н. э.¹⁴⁵ его сын Фраат III, в царствование которого начались первые вооруженные столкновения между Парфией и Римом, возвестившие начало жестокой борьбы за преобладание на Переднем Востоке, затянувшейся на многие столетия.

Временное ослабление Парфии при Готарзе, Ороде и Синатруке несколько не умаляет значения перемен, происшедших в царствование Митридата II, когда была заложена основа парфянского могущества. Прежде чем приступить к изложению событий второй половины I в. до н. э., необходимо познакомиться с внутренней жизнью Парфянского царства, какой она рисуется нам при современном уровне исторических знаний. Без этого нам будут непонятны и первые этапы борьбы между Парфией и Римом, и само развитие Парфянского царства, и социальный кризис II—III вв. н. э., приведший к гибели этого сильного государства. Мы должны попытаться раскрыть социальную природу и государственную структуру Парфянского царства, несмотря на всю скудость и противоречивость источников, полностью сознавая, что очень часто нам придется не выходить из области гипотез.

Родовые традиции парнов наложили свой отпечаток на государственное устройство Парфянской державы. Царская

власть принадлежала роду Аршакидов; фиксированного порядка престолонаследия, по-видимому, не существовало, и царская власть была выборной в роде Аршакидов. Прерогативы царя были несколько ограничены (правда, в небольшой степени) существованием двух советов: 1) совета родовой знати (греч. *συγγενεῖς*; возможно, соответствует иранск. *vāspuhrān*)¹⁴⁶, куда входили представители дома Аршакидов и, по-видимому, шести других знатных парфянских фамилий; 2) совета жрецов-магов, менее влиятельного, чем первый. Оба совета совместно выбирали нового царя среди представителей династии, причем учитывалось и завещание последнего монарха. Важную роль в государстве играли семь знатных родов, в число которых наряду с самими Аршакидами входили роды Сурен, Карен и Испахпат. Это традиция, унаследованная, очевидно, парфянами от Ахеменидов, в государстве которых также выделялись «семь знатных родов» (о них см. в первой части настоящей книги, стр. 90).

Внутреннее устройство государства Аршакидов было неоднородным. В него входил ряд небольших зависимых царств, например Персида, Элимаида, Месена, Мидия Атропатена, Гиркания, Сакастан. Одни из этих царств управлялись царевичами Аршакидского дома или боковыми ветвями династии (Гиркания, а с середины I в. н. э. и Атропатена), другие — местными династиями, признававшими суверенное право над собой парфянского царя. Некоторые из этих подчиненных царств (например, Элам, Персида) чеканили свою монету. Степень зависимости подчиненных царств от центрального правительства была различной в разных царствах и в разное время.

Вся остальная территория государства делилась на сатрапии, но парфянские сатрапии были значительно мельче селевкидских и, по-видимому, территориально совпадали с селевкидскими епархиями¹⁴⁷. В «Итинерарии» Исидора Харакского (I в. до н. э.) перечислены 19 парфянских сатрапий, но их, конечно, было больше: Исидор называет только те из них, через которые проходили описываемые им царские дороги. Во главе сатрапий стояли царские наместники, называвшиеся сатрапами (*хшахрапами*) или *нахвадарами* (*нахадарами*)¹⁴⁸. О том, какие существовали подразделения внутри сатрапии, можно судить по официальной формулировке, сохранившейся в пергаменах на греческом языке из Авромана. По данным этих документов, сатрапии делились на *гипархии* (одна из них, Байсейры, упоминается в авроманском пергамене I^a, в строке 6—7), а гипархии в свою очередь подразделялись уже на самые мелкие административно-территориальные единицы — *статмы*, в которые входили группы дере-

вень. Помимо сатрапов, в Парфянском государстве существовали должности *марзпанов* (их было — во всяком случае позже — четыре, по четырем основным частям света, причем сатрапы им подчинялись¹⁴⁹).

В пергамене X из Дура-Эвропос упоминается один очень высокий парфянский сановник — *питиахш*, который занимал несколько видных должностей в государстве. Он был не только питиахшем, но и сатрапом (стратегом) Месопотамии и Паропотамии, *арабархом* (начальником кочевых арабов?), *пахракпатом* («начальником стражи»?) и *остандаром* (?). Термин «питиахш» проник из парфянского Ирана в соседнюю Армению (а также и в Грузию), и, если судить по хорошо известному значению этого термина в Армении, питиахш являлся лицом, более высоким, чем обычный сатрап, и управлял стратегически важными пограничными областями. Именно такой была объединенная сатрапия Месопотамии и Паропотамии, во главе которой стоял питиахш, упоминаемый в пергамене X из Дура-Эвропос. Совмещение должности арабарха свидетельствует о том, что в его функции входило также установление контакта с арабскими племенами на этой территории, сохранявшими свою племенную организацию и самоуправление, и контроля над ними. Возможно, что подобное «совместительство» представляло какую-то чрезвычайную меру в данном районе и не было принятым или обязательным по отношению к другим питиахшам или в другое время¹⁵⁰.

В каждой сатрапии существовали царские хозяйства и значительная территория царской земли (*остан*), с которой регулярно поступали налоги в царскую казну. Царским хозяйством сатрапии ведал специальный чиновник — *остандар* (?). Областью крупного царского землевладения была, например, Месопотамия¹⁵¹.

Выше, в связи с внутренним строем государства Селевкидов и политикой царей этой династии, уже было сказано об основании городов полисного типа в Иране селевкидской поры. Список городов значительно увеличивается в парфянское время. Исидор Харакский, например, упоминает около двух десятков полисов (многие из них, конечно, восходили еще к селевкидскому периоду, а некоторые, в качестве городских поселений восточного типа, и к ахеменидскому), а ведь его список охватывал далеко не всю державу. Известны такие города, основанные и построенные самими парфянами, как Фрааспа, Вологезия.

Однако внутреннее устройство этих городов нам неизвестно. Лучшее представление о них дает тот, который получил наибольшее развитие при Аршакидах — город Ниса, или, как называли его греки, Партав-

ниса (*Παρδαυνισα*), центр Парфии, систематически раскапываемый советскими археологами. Город этот (ныне городище у селения Багир в 18 км к северо-западу от Ашхабада) состоял из трех частей. Собственно город, расположенный на возвышенности, занимал территорию около 18 га. Там находилась цитадель, и это была самая древняя часть Нисы, некогда заключавшая в себе весь город; но при парфиях город расширился, и эта часть превратилась во внутреннюю крепость, почему и была обнесена высокой стеной с одними воротами. В этой крепости, имевшей свое собственное водоснабжение, находились казармы, административные учреждения, укрепленный дворец правителя, святилища. Вокруг этого акрополя были расположены жилые кварталы города, обнесенные толстой стеной с башнями, имевшей также одни ворота, проделанные как раз против ворот цитадели, так что между этими двумя воротами был проезд, являвшийся главной магистралью города. В этой жилой части города находились и дома парфянской знати и купцов и специальные кварталы ремесленников. Снаружи к этой второй стене примыкала городская округа сельского характера, которая была тоже обнесена стеной (глинобитной) общей протяженностью более 7 км. К юго-востоку от Нисы, сразу же за стеной городской округи, находилась большая изолированная крепость Михрдаткерт — одна из резиденций парфянских царей, а также их родовая усыпальница¹⁵². По-видимому, тут же была и резиденция наместника-сатрапа. В этой крепости был найден целый архив парфянских хозяйственных документов, которые пока только частично опубликованы¹⁵³.

Известные нам еще с предшествующего периода полисы продолжают существовать и в парфянское время. Они сохраняют свое внутреннее устройство, самоуправление в течение всего этого периода. Раскопки Дура-Эвропос на Евфрате показали, что парфянский период был самым блестящим в истории этого города¹⁵⁴. Этому способствовала роль Дура-Эвропос в торговле с Западом через Пальмиру. Найденные при раскопках письменные документы показывают, что город и в это время сохранял и приписанную территорию с деревнями, и свое значение центра всей этой территории. Наряду со старым ядром граждан, восходившим к первым македонским колонистам, в городской жизни большую роль играли также парфяне и представители семитского населения, тесно связанные друг с другом взаимными деловыми интересами и смешанными браками. Хотя основным канцелярским языком Дура-Эвропос продолжал оставаться греческий, тут было найдено немало документов и надписей-граффити, составленных на арамейском (в том числе на сирийском диалекте) и иранских языках¹⁵⁵.

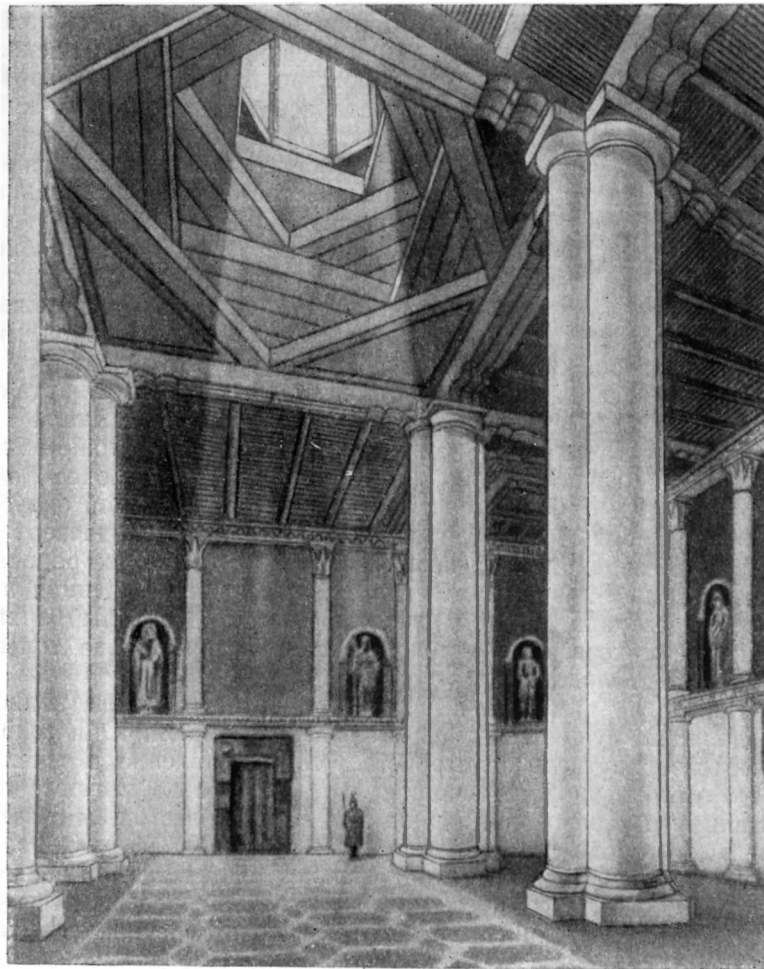

Рис. 39. Митхраткерт (Старая Ниса). Зал обожествленных предков («аудиенц-зал»). Реконструкция Г. А. Пугаченковой

В городе Дура-Эвропос, как и в Вавилоне, в парфянский период существовал *эпистат* (о функциях эпистата в эллинистическом полисе см. выше). Очень интересным является то, что в это время в полисах, насколько можно судить по материалу Дура-Эвропос и Вавилона, должности стратега (выборная должность) и эпистата (даваемая по назначению сверху) совмещались в одном лице¹⁵⁶, чем, видимо, достигалась большая централизация и возможность проведения угодной царю политики в городах.

Рис. 40. Парфянский остракон (черепок) с хозяйственным документом из Нисы

Важным документом, бросающим свет на положение городов-полисов в государстве Аршакидов, является письмо парфянского царя Артабана III к Сузам (21 г. н. э.)¹⁵⁷. Письмо это является классическим образцом переписки эллинистического монарха с полисом. Начинается оно, как и все подобные письма, с приветственного обращения к городским магистратам (в данном случае — *архонтам*, а также двум другим лицам, названным в письме «резидентами в Сузах», один из которых определенно был парфянин: его звали Фраат) и к полису и представляет собой ответ на запрос, сделанный царю в связи с нарушением конституционных норм полиса. История этого дела такова. Некий Гестиэй, гражданин Суз, — судя по письму, весьма состоятельный человек, не раз жертвовавший

личные средства на городские нужды,—был избран через два года во второй раз на ту же должность казначея, что нарушало городское конституционное установление, запрещавшее избирать одно лицо на ту же должность ранее чем через три года. «Городская» партия в Сузах, недовольная нарушением конституции и проведением кандидата «царской» партии Гестиэя, обратилась к царю с письмом, требующим расследования законности этих выборов. Письмо царя подтверждает «законность» выборов Гестиэя, ссылаясь на его достоинства, и запрещает возбуждать какое бы то ни было расследование по этому делу. Этот документ не только свидетельствует о влиятельности «царской» партии в городах; в еще большей степени важен характер отношений парфянского царя с полисами, практика непосредственного обращения этих последних к царю и царя к ним, разрешение спорных вопросов не приказом сатрапа или даже самого царя, а с помощью дипломатической переписки царя с городами, столь характерной для государств эллинистического типа. Интересна также и приведенная в письме титулатура Гестиэя: он назван одним «из первых и наиболее почитаемых друзей и телохранителей» — разряд, существовавший как в Селевкидском государстве, так и в других эллинистических монархиях, возникших на его обломках (об этом титуле см. выше).

Таким образом, то небольшое, что нам известно о государственном строе парфянского Ирана, дает некоторое право сближать это государство с эллинистическими монархиями Передней Азии, хотя здесь и существовали свои специфические черты, особенно в родовых традициях патриархальной иерархии и структуре войска, привнесенных парсами. Между тем, именно исходя из государственного устройства парфянского Ирана и особенно наличия зависимых царств, элементов родовой иерархии, а также парфянской кавалерии, одетой в кольчуги и панцири, М. И. Ростовцев и другие западные ученые безоговорочно считают парфянский Иран типичным феодальным государством. В соответствии с этой точкой зрения известным нам терминам, обозначавшим должностных лиц в парфянском Иране (например, питиахш, марзпан, аркапат и другие), придается без достаточных оснований то значение, которое эти термины имели в середине сасанидского периода, когда носителями их были представители сильно феодализировавшейся знати. Подобное механическое отождествление содержания термина в разные периоды может только исказить картину исторического развития.

Вопрос о государственном строе парфянского Ирана нельзя, разумеется, рассматривать в отрыве от общественно-экономического строя этого государства. Данные же об обще-

ственно-экономических отношениях в Иране этой поры пока еще очень скудны. К тому же, как уже неоднократно было сказано, разные иранские области находились на разном уровне развития, поэтому выводы, справедливые для одной области страны, могут оказаться неоправданными для другой.

Основными источниками наших знаний об общественно-экономическом строе парфянского Ирана являются, наряду с отрывочными свидетельствами античных авторов, дошедшие до нас деловые документы парфянского периода: пергамены из Авромана и Дура-Эвропос (DPg X), архив из Нисы (в той мере, в какой он опубликован), а также более поздний, сасанидский судебник, в котором нашли отражение явления, возникшие еще в предшествовавший его созданию период.

Экономически ведущей областью в Парфянском государстве, начиная с царствования Митридата I, была рабовладельческая Месопотамия, которая распространила свое влияние на соседние, исконно иранские области. Заслуживает большого внимания свидетельство Диодора Сицилийского (XXXIV, 44^a), о том, что наместник Фраата II в Вавилонии — Гимер — продал в Мидию большое число вавилонян как рабов. Очевидно, и в Мидии было распространено использование рабского труда в хозяйстве, иначе Гимер не нашел бы там покупателей.

Общим термином, обозначавшим рабов в Иране, был *бандак* (*bandak*), но вместе с ним были и другие обозначения, например *аншахрик* (*anšahrik*), *расик* (*rasik*).

Рабов использовали в домашнем и сельском хозяйстве, в царских рудниках, в храмовых хозяйствах.

Среди рабов особенно выделялись рабы-аншахрики. Их использовали в основном в сельском хозяйстве; сажали на землю рабовладельца, представлявшую частновладельческое поместье — *дасткарт*, и рассматривали как часть имущества господина. Нередко такие рабы получали частичное освобождение: на $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{4}$. Практически это выражалось в том, что такой частично освобожденный раб-аншахрик мог в соответствии с долей своего освобождения распоряжаться результатами своего труда (соответствующей частью урожая, собранного с обработанного этим рабом участка, если раба использовали в сельском хозяйстве, или частью заработка, если раба использовали как-то иначе). Этот свой статус рабы-аншахрики могли передавать только потомству, появившемуся на свет после акта частичного освобождения отца. Рабов-аншахриков можно было дарить, причем часто при условии совместного поочередного владения ими различными рабовладельцами; их можно было отдавать в залог, а также временно сдавать за плату на

сезонные работы (плату за использование раба вручали его владельцу).

Рабы, работавшие в частновладельческих поместьях-дасткартах, были своего рода инвентарем этих поместий. Поэтому господа продавали дасткарты вместе с живущими там рабами. Дасткарты могли быть различных размеров — от маленьких участков земли с одним-двумя рабами до крупных земельных владений, которые обрабатывало большое число посаженных там рабов (до 500 человек).

Рабское население страны пополнялось не только за счет естественного воспроизводства, но и, в большой степени, за счет добытых в походах военнопленных (термин «аншахрик», например, буквально означает «чужестранец», но это только историческая этимология термина, реально же «аншахриками» могли называться рабы различного происхождения). Но был и другой источник — долговое рабство. Уломинавшийся уже пергамен X из Дура-Эвропос представляет кабальный договор, по которому крестьянин-общинник из приевфратской деревни Палиги, входившей в административную сферу города Дура-Эвропос, должен был совершать «рабскую службу» (*δοῦλικὰς χρείας*) у парфянина-начальника крепости (аркапата), ссудившего ему 400 драхм серебром, «не отлучаясь без разрешения» своего нового патрона «ни днем, ни ночью», вплоть до выплаты им долга.

По имеющимся в настоящее время данным, трудно, конечно, составить представление об удельном весе рабского труда в Аршакидском государстве, тем более в собственно иранских его областях. Можно полагать, однако, что труд рабов использовали в этот период довольно активно, раз он продолжал сохранять немалое значение и в позднесасанидском Иране, о чем свидетельствует и уделяемое рабам место в сасанидском праве.

Все же главная роль в производстве материальных благ в Иране, как и в других странах Древнего Востока, принадлежала крестьянам-общинникам. О положении общины и общинника в Парфии дают некоторое представление Авроманские пергамены. Документы эти представляют контракты о продаже членами общины виноградника, являвшегося их «личным участком». Во всех трех пергаменах объектом сделки является один и тот же земельный участок, а промежуток между первым и третьим документом — около 100 лет. Содержание этих документов позволяет сделать важные исторические выводы. Хотя общинник был свободным человеком и формально обладал свободой передвижения, его свобода была очень ограниченной. Обработка общинником своего земельного участка рассматривалась как его государственная повинность. Если об-

щинник перестает его обрабатывать и вносить свою долю подати, то государство заставит его уплатить громадный денежный штраф, примерно раз в семь превышающий продажную цену участка. Одна половина этого штрафа должна поступить в царскую казну, а вторая, — очевидно, в фонд общины. Сама же сельская община играла роль низовой фискальной единицы. Государство строго контролировало и фиксировало поступление поземельного налога с занимаемой общиной территории, а также выполнение общиной трудовой повинности. При такой системе строгого государственного учета и контроля крестьянин-общинник оказывался прикрепленным к своей общине и был понуждаем к несению обязанностей, связанных с членством в ней. Авроманские документы свидетельствуют о проникновении денежных отношений и земельных сделок в общины глубинных районов парфянского Ирана.

Для того чтобы возможно было вести строгий учет за поступлением налогов и податей, в Парфянском государстве, как и в других эллинистических государствах, производилась регистрация поступлений в соответствующих учреждениях канцелярско-архивного типа (в городах эту роль выполняли *хрема-тистерии* или *хреофилакии*, в сельских местностях, не приписанных к городам, — соответствующие чиновники статмов, низших административно-территориальных подразделений сатрапий; в статме были оформлены Авроманские документы)¹⁵⁸.

Очень мало известно о налоговой системе в Парфянском государстве. В опубликованных документах архива из Нисы имеются данные о регулярных сборах с виноградников, находившихся на царской земле, в состав которой входили: земли *ападанак* (араба́пак), или собственно дворцовые; земли храмов (*āyazān*) и, может быть, специально выделенные на обеспечение расходов, связанных с заупокойным культом умерших парфянских царей; земли, выделенные на содержание марзпана, сатрапа и низшего начальника — *дизпата*, а также, возможно, общинные земли, входившие в состав царской земли. Все эти земли характеризуются в документах, в зависимости от характера получаемых с них сборов, как земли *узбари* (*uzbarī*) или *патбажик* (*patbažik*). В этих же документах есть указания и на индивидуальные добровольные взносы, которые, по-видимому, были сделаны лицами, свободными от данного обложения¹⁵⁹ и, может быть, на сдачу царской земли в аренду. Дальнейшая работа над парфянскими документами из Нисы, безусловно, значительно обогатит наши знания о поступлениях с царской земли. Пока еще мы не знаем, подлежали ли царскому обложению, и какому именно, земли нецарские: городские, храмовые, частновладельческие, а также земли зависимых царств. Можно только

предположить на основании сходства политического положения полисов, входивших в Аршакидское государство, и селевкидских городов, что налоговая политика Аршакидов в городах примерно соответствовала налоговой политике Селевкидов. Возможно, что зависимые царства просто вносили в аршакидскую казну установленную ежегодную подать, а внутренняя организация этих царств, включая и налоговую систему, продолжала оставаться самостоятельной, но пока об этом нет конкретных данных.

В парфянском Иране производились большие работы по ирригации. В двух стихотворных надписях из Суз в честь сатрапа Сузианы Замаспа (одна, сильно фрагментированная, датируется 37—32 гг. до н. э., вторая, — видимо, надпись на постаменте бронзовой статуи Замаспа — относится к 1—2 гг. н. э.) восхваляется новое ирригационное сооружение, «водами Гондисия (Хабур или его приток?) сделавшее плодоносящими издавна безводные клеры»¹⁶⁰. К парфянскому периоду относится также и окончательное сложение Маргианской ирригационной системы¹⁶¹.

На Иранском плато земледелие также было возможно только при условии искусственного орошения. Наиболее распространенным способом ирригации здесь была кяризная система — своеобразные водопроводящие подземные галереи для сбора грунтовых вод с последующим выводом их в оросительный канал. Подобный способ орошения существует в Иране и в настоящее время.

Рудные богатства страны и их разработка принадлежали парфянскому царю. Судя по письму Плиния Младшего к Траяну, в этих рудниках применялся труд царских рабов¹⁶².

Чрезвычайно важным для экономической жизни Парфии было ее посредничество в торговле между Западом и Востоком¹⁶³. В официальной китайской хронике сохранился отчет китайского агента Чжан Цяня о посещении Парфии (по-китайски Аньси, китайская передача имени Аршак) во II в. до н. э., очевидно, для выяснения политической и торговой конъюнктуры¹⁶⁴. Интересно, что Чжан Цянь привез в Китай из Парфии семена винограда и люцерны. Парфянские цари покровительствовали развитию торговли, так как торговые пошлины составляли важную статью дохода царской казны. Парфяне контролировали, в частности, две важнейшие торговые артерии: приевфратский путь (из Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии к Персидскому заливу) и северный (от Евфрата через Мидию и Парфию на Восток, где — в Китайском Туркестане — он соединялся с «шелковым путем» из Китая). Другое ответвление этого северного пути связывало Парфию с Индией (через Кабул). Организация и охрана ка-

раванной торговли стояла на очень большой для того времени высоте: дороги поддерживались в порядке, устраивались специальные колодцы, а крупные перевалочные пункты имели караван-сарай. Для безопасности во время прохождения через пустыню и охраны от грабительских набегов бедуинов караваны, по свидетельству документов из Дура-Эвропос, сопровождали специальные отряды верховой полиции. В распоряжении купцов были дорожные справочники; именно такой характер носит «Итинерарий» Исидора Харакского.

С Востока везли шелк, железо¹⁶⁵, кожи, слоновую кость, текстильные изделия, разные специи, благовонные масла, драгоценные камни и т. п., а с Запада — изделия ремесла: стекло, бронзу, готовые ткани, керамические изделия, папирус и другие товары. Среди товаров было немало и парфянских изделий, которые находят и в весьма удаленных местах. Так, например, в окрестностях Ольвии (Северное Причерноморье) были найдены резные парфянские пластинки из слоновой кости с изображениями парфянского царя, вельмож, музыкантов и нагих фигур¹⁶⁶.

Денежная система Парфянского государства основывалась на серебре и была скопирована с селевкидской, но со II в. до н. э. в Парфии устанавливается собственный стандарт. В интересах торговли с Римом парфяне уравнивали по весу свои монеты с римским денарием¹⁶⁷. В описываемое время монеты парфянских царей датировались по селевкидской эре и были снабжены греческими легендами. В I в. н. э. на парфянских монетах появляются парфянские (арамейские) легенды. Одновременно стало ухудшаться качество металла и уменьшался вес монет. Монету чеканили также и некоторые зависимые царства.

Интересно отметить, что такой важный полис, как Селевкия на Тигре, чеканил свою собственную монету даже при таком могущественном царе, как Митридат II¹⁶⁸.

Очень мало известно и об организации парфянского войска. Несомненно, что при первых Аршакидах оно имело организацию, весьма близкую к «народу-войску» ахеменидского периода, но в Парфянской империи оно должно было уже быть иным. Тем не менее и последующие парфянские цари в моменты затруднений привлекали родоплеменные контингенты дахских племен. Основная роль в парфянском войске принадлежала кавалерии, состоявшей из легковооруженных (лучников) и тяжеловооруженных всадников (копьемосцев и лучников). Тяжеловооруженные стрелки — катафрактары, одетые в пластинчатые и чешуйчатые панцири, представляли самую привилегированную часть армии и комплектовались из так называемых «свободных» (иран. *āzātān*, социальное значение терми-

на в парфянский период пока неясно). Постоянной армии не было; в случае войны знать являлась к сборам в полном вооружении, ведя с собой зависимых людей, клиентов, из которых составлялась основная часть легковооруженных контингентов. Свидетельства античных авторов о том, что подавляющее большинство в парфянском войске составляли рабы, следует, по-видимому, считать ошибочными. Вероятнее всего, такое мнение основано на неточном, буквальном восприятии античными авторами, греками и римлянами, иранского термина «азат» как «свободный человек», откуда, по антитезе, вся остальная, непривилегированная часть войска причислялась к «несвободным», т. е. рабам. Рабы в парфянском войске, конечно, могли быть, но как вспомогательная сила.

Осадная техника у парфян была не особенно высока, равно как и войсковая дисциплина. Слишком велик и громоздок был обоз. Однако парфянские всадники превосходно владели рассыпным строем и широко использовали методы психологического наступления на врага. Излюбленным стратегическим приемом парфян было контрнаступление, блестящей иллюстрацией которого является кампания против Марка Красса.

Таковы в общем те основные черты социальной жизни Парфянского царства, которые могут быть выяснены при помощи имеющихся в нашем распоряжении скудных данных. Вопросы культурной жизни Ирана этого времени будут рассмотрены ниже, в главе 11.

8. РИМ И ПАРФИЯ

В 69 г. до н. э. Лукулл начал военные действия в Армении. Понимая трудность создавшейся ситуации и необходимость консолидации всех сил на Востоке для борьбы с римской агрессией, Митридат Понтийский и его союзник царь Армении Тигран II решили втянуть Фраата III в антиримскую коалицию. Митридат обратился с письмом к Фраату III.

Римский писатель Саллюстий¹⁶⁹ приводит это послание. Хотя письмо, как единогласно утверждают историки, не является подлинным документом, оно отлично передает ситуацию, сложившуюся в Передней Азии к этому времени. Митридат указывает в письме на коварство Лукулла, на ту опасность, которую представляет для всех восточных государств, в том числе и для Парфянского, дальнейшее продвижение римлян. Он даже в основных чертах излагает план кампании против Лукулла и предлагает в уплату за помощь пресловутые «семьдесят долин», Адиабену и Северную Месопотамию.

Лукулл, узнав о послании Митридата Понтийского, поспе-

шил также вступить в переговоры с парфянским царем. Фраат III понимал, что он волей-неволей будет вовлечен в круговорот событий и что позиция Парфии в данной ситуации должна быть решающей. Не отвечая отказом ни одной из сторон, он думал, по-видимому, сохранить нейтралитет и выждать, чем окончится борьба в Малой Азии. Первоочередной задачей он считал возвращение областей, захваченных Тиграном Армянским, а римская агрессия казалась ему делом не очень близкого будущего. Но все же он явно не доверял римлянам и даже подозревал посла Лукулла — Секстилия в том, что тот явился не столько для переговоров, сколько для того, чтобы составить представление о силе парфян и их готовности к войне ¹⁷⁰.

Сами римляне не собирались еще в тот момент нападать на Парфию, но, естественно, были заинтересованы в точных данных об этом новом противнике, столкновение с которым было неизбежно ¹⁷¹.

В том же году Лукулл нанес поражение Тиграну при Тигранакерте (совр. Маяфаркин). Значительная часть южных владений Тиграна оказалась в руках римлян.

Дело приняло еще более серьезный оборот, когда в 66 г. до н. э. Лукулл сменил Помпей. Новый римский командующий начал с того, что заключил с парфянами, чтобы легче было справиться с Арменией, соглашение о нейтралитете. Но ход событий неумолимо втягивал Парфию в конфликт с Римом. Помпей совершенно не собирался отдавать Парфии те области, на которые она претендовала. Он хотел включить их в сферу влияния Рима.

В это время Тигран Младший — сын Тиграна II Великого — восстал против своего отца и прибег к помощи Фраата III. Соблазненный легкой добычей, Фраат нарушил нейтралитет и вторгся в Армению. Однако кампания была проиграна, и парфянский царь вернулся обратно, оставив Тиграна Младшего фактически на произвол судьбы. Тигран II без труда разбил мятежного сына, и тот, не надеясь уже, видимо, на парфян, сдался на милость Помпея и даже служил проводником, когда Помпей затем вторгся во владения его отца.

Тигран II, видя безнадежность своего положения, сам явился в лагерь Помпея. Римский полководец произвел раздел Армянского царства, причем Тиграну II осталась Великая Армения, а Тиграну Младшему отошла Софена вместе с Кордуэной. Сирийские владения были, таким образом, армянами потеряны.

Так, ловко используя внутренние распри в стане своих противников, выступив в роли арбитра, Помпей сумел еще больше укрепить положение Рима на Востоке.

Вскоре после этого раздела снова начались споры между отцом и сыном. Кроме того, Тигран Младший не захотел выдать из софенской сокровищницы ценности, которые должны были идти в уплату наложенной Помпеем на армян контрибуции. Тогда Помпей бесцеремонно захватил в плен Тиграна Младшего, а данные ему ранее области присоединил к Каппадокии, куда царем был посажен давнишний римский приспешник — Ариобарзан I ¹⁷².

Фраат III заявил протест римлянам по поводу ареста Тиграна Младшего, который приходился зятем парфянскому царю, и напомнил об условии между парфянами и Помпеем, согласно которому граница Парфянского царства устанавливалась по Евфрату ¹⁷³.

Свои требования парфянский царь подкрепил захватом спорной Кордуэны. Помпей ответил грубым отказом и, не дожидаясь ответа Фраата, приказал своему легату Афранию очистить Кордуэну от парфянских войск. Это было, по-видимому, первое вооруженное столкновение между римлянами и парфянами (65 г. до н. э.). Афраний без особого труда изгнал парфян и преследовал их до самых Арбел ¹⁷⁴.

В 65—64 гг. до н. э. Помпей находился в Закавказье, куда он отправился в надежде окончательно разгромить вытесненного из Малой Азии Митридата Понтийского, скрывшегося с остатками своего войска в Колхиде. Но оказалось, что Митридат ускользнул от своего преследователя, уйдя в свои крымские владения, а римлянам пришлось вести изнурительную войну с закавказскими народами — иберами и албанами, закончившуюся лишь к 64 г. до н. э.

В отсутствие Помпея Фраат попытался отнять у Тиграна II спорные области, что привело к ряду пограничных столкновений. Боясь взаимного ослабления в этой затяжной борьбе, оба царя решили обратиться к третейскому решению Помпея.

Помпей, находившийся тогда уже в Сирии, которую он преобразовывал в римскую провинцию, отняв призрачную власть у последних Селевкидов, послал трех римских чиновников в качестве третейских судей. Они решили дело, конечно, в пользу Тиграна, однако Фраат получил, по-видимому, часть Северной Месопотамии ¹⁷⁵.

Таким образом, расстановка сил на Переднем Востоке получилась следующая: римляне владели почти всей Малой Азией. К римской провинции Азии, созданной на основе Пергамского царства еще в 132 г. до н. э., в 74 г. до н. э. прибавилась Вифиния, завещанная Риму последним вифинским царем Никомедом IV. В 67 г. до н. э. под предлогом борьбы с пиратами Рим окончательно утвердился в Киликии (Равнинной). Центральное плато — Галатия — и восточная часть Пон-

та были в руках римского ставленника — галатского правителя Дейотара. В восточной части Малой Азии находились зависимые от Рима царства: Армения (Тигран II), Каппадокия (Ариобарзан) и Коммагена (Антиох). На Кавказе иберский и албанский царьки после кампании Помпея в 65—64 гг. до н. э. должны были признать господство Рима, хотя оно и было чисто номинальным.

Рис. 41. Серебряная тетрадрахма с портретом Орода II.
Увеличено

В 64—63 гг. до н. э. была превращена в римскую провинцию Сирия. К ней была присоединена прибрежная полоса Палестины, и местная династия Асмонеев потеряла всякую самостоятельность. Таким образом, в руках Рима оказались все прибрежные районы Малой Азии и Восточного Средиземноморья, кроме Египта, а глубинные районы этих стран были распределены между подчиненными ему царствами и княжествами. На Евфрате непосредственными соседями Парфии оказались не только союзные и подчиненные Риму Армения, Каппадокия и Коммагена, но и римская провинция Сирия.

Тем временем в Парфии снова начались династические распри. Примерно в 58—57 гг. до н. э. Фраат был убит своими сыновьями. Вступивший на престол старший сын Фраата Митридат III был скоро изгнан из Парфии, как уверяет Юстин¹⁷⁶, за жестокость. На престол вступил его младший брат — Ород II. Митридат III бежал к римскому проконсулу Габинию. Тот сначала хотел помочь беглецу: перспектива иметь на парфянском престоле своего человека была соблазнительна, но Помпей приказал Габинию отправляться в Египет, чтобы оказать содействие другому изгнаннику — Птолемею XI (55 г. до н. э.). Видимо, в этот момент Египет казался римлянам важнее Парфии.

Предоставленный самому себе, Митридат III решил действовать один. Ему удалось на короткое время вытеснить брата из Месопотамии и Вавилонии, но полководец Орода II — Сурен (личное имя его неизвестно) — сумел изгнать Митридата III из Селевкии, а затем осадить его в Вавилоне и голодом принудить к сдаче. Ород приказал казнить брата.

В это время, весной 55 г. до н. э., на совещании триумвиров в Луке был, по-видимому, решен парфянский поход Красса, одного из триумвиров, избранного консулом на этот год.

Парфянская война была крайне непопулярна в Риме в это время. Отъезд Красса из Брундизия сопровождался рядом неприятных для него эксцессов. И действительно, поход Красса носил авантюристический характер. Крассу было необходимо добиться военной славы, чтобы сравняться со своими сотоварищами по триумvirату: Цезарем — покорителем Галлии, и Помпеем, положившим к ногам Рима весь Передний Восток. Римляне, несмотря на деятельность на Востоке Лукулла и Помпея, плохо представляли себе ресурсы и возможности Парфии, и Крассу казалось, что за Евфратом его ждут легкие успехи и обогащение. Войско, двинутое против Парфии, было отнюдь не первоклассным, так как лучшие легионы были у Цезаря и Помпея, и ни тот, ни другой не собирались уступать их Крассу: они уже предвидели соперничество и серьезные внутренние осложнения, которые, как известно, и привели в ближайшие же годы к гражданской войне в Риме.

О походе Красса имеются рассказы античных авторов и обширная специальная литература, поэтому здесь нет необходимости подробно описывать фактическую сторону событий, которые в общих чертах складывались следующим образом¹⁷⁷.

Красс прибыл в Сирию весной 54 г. до н. э., когда, по-видимому, борьба между братьями — Митридатом III и Ородом II — еще не была окончена. Красс вторгся в Месопотамию, без особого труда оттеснил сатрапа Силака и занял несколько городов. Вместо того чтобы после этого двинуться на Вавилонию, охваченную еще междоусобной войной, Красс, оставив в занятых городах гарнизоны, вернулся зимовать в Сирию. Всем на Востоке было ясно, что римляне задумали серьезную войну против парфян и что кампания 54 г. до н. э. имела лишь подготовительный характер.

Зима 54—53 гг. до н. э. ушла на приготовление к основному походу. В распоряжении Красса были, кроме войск, наварбованных в Италии, еще легионы, принятые им от его предшественника Габиния. Исследователи считают, что у Красса было семь легионов, т. е. примерно 35 тыс. человек пехоты, 5 тыс. всадников (из них одна тысяча галлов) и несколько

тысяч воинов вспомогательных частей¹⁷⁸. Из этого количества нужно вычесть 7 тыс. пехотинцев и 1 тыс. всадников, оставленных в гарнизонах в завоеванных городах Месопотамии. Ближайшими помощниками Красса были квестор Кассий Лонгин (будущий убийца Цезаря) и легаты Октавий, Варгунций и сын командующего — Публий Красс.

Проконсул рассчитывал также на союзников: Артавазда II Армянского, Абгара, царя Осроены (в Северной Месопотамии) и арабского вождя, которого источники называют Алхавдоном¹⁷⁹. Особенно большую помощь мог оказать Артавазд — царь государства довольно значительного, хотя и не столь могущественного, как Армения Тиграна II в период расцвета.

Красс был настолько уверен в успехе, что не обратил серьезного внимания на подготовку легионов к предстоящему трудному походу и не провел никакой разведки сил и планов противника. Вместо этого он всю зиму вел мелкие операции в Сирии и Палестине, окончившиеся ограблением Иерусалимского храма.

Тем временем парфяне стали готовиться к отпору¹⁸⁰. Борьба между братьями окончилась трагически для Митридата II, и Ород II являлся теперь полным хозяином страны. Он был уверен, что римляне изберут путь через Армению, более длинный, но дающий возможность избежать нападений парфянской конницы, неспособной к действиям в горных районах, и выводящий нападающего в тыл Месопотамии, к жизненным центрам Парфянского царства. Поэтому Ород взял на себя командование основным парфянским войском и вторгся с ним в Армению, чтобы воспрепятствовать соединению Артавазда с римлянами, а оборону Месопотамии — второстепенного, с точки зрения парфян, направления — поручил Сурену, оказавшему ему такую большую помощь в борьбе с братом.

По-видимому, Ород был хорошо осведомлен о позиции Артавазда, потому что, как известно, армянский царь действительно предложил Крассу план нападения на парфян через Армению. Но Красс отверг этот план, опасаясь, видимо, длинного пути, и надеясь опереться на свои гарнизоны в Месопотамии.

Сурен тщательно готовился к встрече противника. Он располагал 10 тыс. всадников, которые составляли, как указывают источники, его личное войско. Царь дал ему еще тысячу тяжеловооруженных всадников — катафрактариев¹⁸¹. Поскольку в основном конница была вооружена луками, Сурен был озабочен бесперебойным снабжением воинов стрелами. Для этого он придал своему войску отряд в тысячу верблюдов, на которых везли запас стрел. Это значительно облегчи-

ло снабжение конных лучников стрелами и обеспечило успех Сурену.

Красс перешел Евфрат у Зевгмы. Вместо того чтобы двигаться на юг к Селевкии вдоль Евфрата, как советовал Кассий, он решил пересечь Месопотамию, следуя за отходящей парфянской армией Сурена, чтобы нанести ей решительное поражение. К этому переходу через безводную Месопотамию его подстрекал и эдесский царек Абгар, втайне желавший римлянам поражения. Действительно, четырехдневный переход через пустыню сильно утомил римских солдат и подорвал их доверие к Крассу.

6 мая (9 июня по римскому календарю) 53 г. до н. э. Красс достиг города Карры (Харрана). Здесь он получил известие, что Сурен находится поблизости. Торопясь встретиться с противником, Красс не дал легионам отдохнуть и сразу же двинулся дальше. В это время появились парфяне.

Римляне построились в карре и были тотчас же окружены парфянской конницей. Конные лучники скакали на быстром аллюре вокруг карре, засыпая беззащитного противника стрелами. Первые попытки римлян контратаковать противника оказались безуспешными. Тогда Красс отдал приказ своему сыну Публию атаковать парфян силами тринадцати сотен кавалерии, пятисот лучников и восьми когорт пехоты (около 4 тыс. человек). Парфяне стали быстро отступать, желая завлечь Публия в степь и оторвать от основных сил. Это им удалось. Пылкий римлянин, совершенно незнакомый с тактикой кочевников-степняков, поддался на обман и бросился вслед за отходящим противником. Как только он оказался настолько далеко от своих, что они не могли прийти ему на выручку, парфяне бросились на неосторожного Публия и его отряд и истребили всех.

Когда Красс, узнав от отставшего солдата из отряда Публия, что его сын находится в опасности, хотел двинуть ему на помощь основные силы — было уже поздно.

Атаки парфян продолжались до темноты, затем конница Сурена исчезла во мраке. Красс настолько растерялся, что приказ войскам об отступлении был дан его помощниками. Основное ядро римского войска отошло к Каррам, под защиту крепостных стен. На следующий день парфяне добивали раненых, оставленных римлянами на поле боя, и уничтожали мелкие группы, блуждавшие по пустыне. Так был уничтожен отряд под командой легата Варгунция.

Красс, запертый в Каррах, решил пробиваться на север, во владения своего союзника Артавазда. Недалеко от Карр, в районе города Синнаки, начиналась холмистая местность, где римляне были в безопасности.

Легат Октавий с 5 тыс. легионерами благополучно добрался до холмов, но Крассу служил проводником парфянский агент, который заставил римлян плутать целый день по степи, пока не появились парфяне. Кассий с отрядом в пятьсот всадников еще до этого покинул Красса и затем сумел прорваться в Сирию.

Сурен предложил римскому полководцу начать переговоры, и Красс с Октавием и небольшой свитой вышли навстречу парфянскому военачальнику.

Что случилось дальше — неясно. Одни считают, что виной происшедшей стычки было чистое недоразумение, другие говорят, что Красс пал жертвой коварства парфян, сознательно готовивших ловушку своему противнику. Так или иначе, но Красс и Октавий погибли, остатки войск разбрелись по пустыне, многие были взяты в плен и поселены затем в районе Мерва.

Тем временем Ород сумел договориться с армянским царем Артаваздом и укрепить союз династическим браком, женив своего сына Пакора на армянской царевне.

Плутарх рассказывает, что во время празднества по поводу бракосочетания гонец привез голову и руку Красса ко двору армянского царя в Арташат (Артаксату). Все общество собралось на представление «Вакханок» Эврипида, и когда, по ходу трагедии, Агава должна выносить на тирсе голову Пентея, актер, игравший Агаву, вместо бутафорской вынес настоящую голову римского полководца. Некоторые исследователи, в частности В. В. Тарн, относятся с недоверием к этому рассказу, считая его пустой выдумкой античного писателя, придумавшего эффектный конец трагической истории Красса¹⁸². Однако, по-видимому, даже если это и выдумка Плутарха или того источника, которым он пользовался, то самый факт проникновения античной драмы на Восток вполне возможен. Эллинизация правящей верхушки восточных государств была настолько велика, что, как видно из источников, многие представители господствующего класса владели греческим языком, писали по-гречески и даже являлись авторами литературных произведений, подражавших греческим образцам (Митридат Понтийский, Артавазд). Даже в сохранявшем в какой-то степени древние восточные традиции Вавилоне был театр греческого типа.

Победа парфян над Крассом имела для народов Востока большое значение. Она приостановила продвижение римлян на Евфрате, поколебала их положение в Малой Азии, Сирии и Палестине и позволила парфянам надеяться на дальнейшую успешную борьбу с Римом, а быть может, и на гегемонию на Переднем Востоке.

Однако дальнейшие попытки парфян под начальством царевича Пакора вести в 52—50 гг. до н. э. активные действия в Малой Азии и Сирии успеха не имели. Парфяне не могли организовать длительных, тщательно подготовленных кампаний, не умели осаждать хорошо укрепленные римлянами города, а кавалерийские рейды, при всем ущербе, который они наносили римлянам, не могли вести к закреплению за парфянами новых территорий. В 50 г. до н. э. положение продолжало оставаться весьма напряженным, и Цицерон — тогда проконсул Киликии — чувствовал себя очень неуверенно. Римляне вступили на путь дипломатической игры и интриг, в которой большую роль играл проконсул Сирии Бибул. Задачей римлян было восстановить царевича Пакора против его отца — царя Орода. По-видимому, римлянам удалось достигнуть в этом отношении некоторых успехов, так как Пакор был отозван ко двору отца, и поход против римлян, намечавшийся на весну 50 г. до н. э., был сорван¹⁸³.

Начавшаяся вскоре гражданская война в Риме, естественно, усилила положение парфян. Помпей после поражения при Фарсале (48 г. до н. э.) вел с Ородом переговоры о военной помощи и даже собирался искать убежища у парфянского царя¹⁸⁴. Все же Ороду не удалось в полной мере использовать выгоды своего положения. Н. Дибвойз (на основании полного отсутствия тетрадрахм в 50—40 гг. до н. э.) приходит к заключению о переносе центра тяжести Парфянского царства в эти годы на восток, вероятно, в связи с осложнением политического положения в Восточном Иране (см. главу 9)¹⁸⁵.

Юлий Цезарь, ставший после смерти Помпея, в 48 г. до н. э., полновластным хозяином Римского государства, лелеял среди прочих агрессивных планов и план парфянской кампании. Однако гибель Цезаря от рук убийц (44 г. до н. э.) положила конец всем этим стремлениям.

Мы знаем, что парфянские отряды участвовали на стороне республиканцев в битве при Филиппах¹⁸⁶. Это свидетельствует о том, что парфяне вмешивались в римские дела, стремясь использовать в своих интересах возникшую в Риме смуту.

Римско-парфянские отношения резко обострились с возвышением Антония (40 г. до н. э.), считавшего себя наследником Цезаря и исполнителем всех его неосуществленных планов.

Пакор, желая предупредить Антония, вторгся в Сирию, заключив союз с перешедшим на сторону парфян республиканцем Квинтом Лабием. Наместник Сирии Децилий Сакса был разбит и погиб. Лабием, на сторону которого переходили мелкие римские гарнизоны, служившие некогда Бруту и Кассию, двинулся в Малую Азию. Ему удалось подчинить ее почти

целиком. Он выпустил монеты с легендой *Imperator Parthicus* — довольно странной, если учесть, что появление подобного титула обычно обуславливалось военной победой, триумфом над парфянами, в данном же случае парфяне являлись союзниками Лабиена¹⁸⁷. Тем временем Пакор, двигаясь на юг, захватил Сирию и все финикийские города, кроме Тира, который благодаря своему островному положению успешно сопротивлялся. Военачальник Пакора Барзафарн появился в Галилее, где тотчас же поднял восстание, направленное против римлян и их ставленников. Сирия, Палестина, почти вся Малая Азия оказались в руках парфян или под их влиянием (40 г. до н. э.)¹⁸⁸.

Давно уже парфяне не одерживали таких побед. Их международный престиж был исключительно велик. Они стали прямой угрозой владычеству римлян в Восточном Средиземноморье. Однако эти успехи были непрочны. Парфяне не сумели создать в завоеванных областях надежной администрации, да и вообще их рыхлое государство не могло противостоять экономическому могуществу Римской средиземноморской державы и ее железной организации. Несмотря на серьезные внутренние потрясения в Риме, частично использованные парфянами в своих интересах, Рим, в конечном счете, оказался сильнее Парфии.

В 39 г. до н. э. в Малой Азии появился полководец Антония — Вентидий Басс, который быстро вытеснил Лабиена из его владений, нанеся решительное поражение парфянам, поспешившим на помощь своему союзнику, и занял Киликию. Оттуда он мог уже угрожать господству парфян в Сирии¹⁸⁹.

В 38 г. до н. э. Вентидий вернул Риму Сирию и Палестину и в решительной битве у Гиндара (недалеко от Евфрата), происшедшей, согласно Эвтропию, в годовщину поражения Красса при Каррах, наголову разбил главное парфянское войско¹⁹⁰.

Рис. 42. Парфянин. Граффито из Дура-Эвропос

В этом бою погиб и незаурядный полководец, фактический руководитель всего парфянского похода на римские провинции — царевич Пакор. Таким образом, граница по Евфрату была восстановлена.

Вскоре престарелый Ород погиб от руки своего сына и наследника — Фраата (IV), расправившегося с необыкновенной жестокостью и со своими братьями — возможными претендентами на престол.

Можно согласиться с А. Гутшмидом¹⁹¹, когда он говорит о царствовании Орода, как о времени наибольшего могущества Парфянского царства. Нам неясны события на Востоке, но, по-видимому, к этим именно годам относятся успехи парфян в Сакастане и Арахосии (см. ниже). Успехи на Западе нам достаточно хорошо известны. В эти годы происходит заметный сдвиг центра Парфянского царства на запад. Теперь уже не старый Гекатомпил — столица Парфии, а новая резиденция — Ктесифон, возникшая напротив важнейшего эллинистического торгово-ремесленного центра — Селевкии на Тигре. Теперь Парфия вмешивается во все события, происходящие в Восточном Средиземноморье. Она принимает участие в большой мировой политике и становится опаснейшим соперником Рима, казавшимся многим современникам даже более могущественным, чем Рим.

В 38 г. до н. э. Антоний по ничтожному поводу сместил Вентидия и сам принял командование¹⁹². Черная работа была сделана, и Антоний никому не хотел отдавать лавры окончательного разгрома парфян.

Кампания была задумана широко. В план входило и привлечение на свою сторону мятежных элементов парфянской знати (Монез), и отыскание союзников (армянский царь Артавазд II), и военные действия большого масштаба.

У Антония было многочисленное войско. Античные авторы называют от 13 до 18 легионов, не считая кавалерии и вспомогательных войск. В обозе римляне везли осадные машины и прочее снаряжение¹⁹³.

Фраат IV, ожидая удара с евфратских переправ, сосредоточил свои основные силы на месопотамской границе. Поэтому союзник римлян — Артавазд II — дал Антонию правильный совет: напасть на парфян с севера, через Мидию Атропатену, воспользовавшись тем, что правитель ее со всем своим войском находился в это время на Евфрате вместе с парфянами. Позднее, когда поход Антония окончился полной неудачей, римляне были склонны обвинить советчиков в измене. Но это вообще характерный для римлян прием: искать виновников бедствий, случившихся по их собственной вине¹⁹⁴.

Антоний поспешил к столице Мидии Атропатены — Фрааспе (совр. Тахт-и Сулейман) ¹⁹⁵, оставив обоз под прикрытием двух легионов под начальством Оппия Статиана (36 г. до н. э.).

Антоний начал осаду города, ожидая подхода обозов с осадными машинами. Парфяне, хорошо осведомленные о движении противника, напали врасплох на Статиана, перебили весь отряд, разграбив при этом обоз и уничтожив драгоценные осадные машины. Это был непоправимый удар для Антония. Он оказался в очень тяжелом положении: вследствие отсутствия осадных машин он не мог быстро взять Фрааспу, а для длительной осады у него не было продовольственной базы, чтобы снабжать большое войско. Местное население уничтожало маленькие отряды фуражиров, снимать же с осады большие отряды было рискованно ¹⁹⁶.

В конце концов Антоний должен был снять осаду и начать отступление. По совету своих доброжелателей он избрал путь через холмистые и горные районы, ведущие к границе Армении: он опасался, что его постигнет участь Красса, если он пойдет открытыми степями. Несмотря на все меры предосторожности, римское войско сильно пострадало от тяжелых климатических условий, голода, болезней и постоянных нападений противника. Мужественное сопротивление атропатенцев в значительной мере содействовало провалу авантюристической затеи Антония. Потери римлян были исключительно велики. Плутарх («Антоний», 50) рассказывает о гибели 20 тыс. пехотинцев и 4 тыс. всадников, не считая, очевидно, легионеров, погибших со Статианом при обороне обоза. Веллей Патеркул говорит, что римляне потеряли четверть всех воинов, треть вспомогательных отрядов (*auxilia*), весь обоз ¹⁹⁷.

Римляне еще раз получили урок: если парфяне не обладали ни достаточными силами, ни достаточной организацией, чтобы вытеснить их из Сирии и Малой Азии, то они были достаточно сильны, чтобы отстоять свои земли и не дать римлянам возможности продвинуться за Евфрат. На своей земле парфяне и связанные с ними племена и народы — непобедимы. Римлянам стало ясно и то, что армяне, желая сохранить свою независимость, могут вступать в союзные отношения с Римом, но они — союзники ненадежные, готовые в любой момент пожертвовать римскими интересами ради своей независимости.

Упрямый Антоний и после позорного отступления из Мидии Атропатены не оставил плана вторжения в Парфию. Сначала он пытался снова завязать союзные отношения с Артаваздом II, когда же это не удалось, он коварно захватил армян-

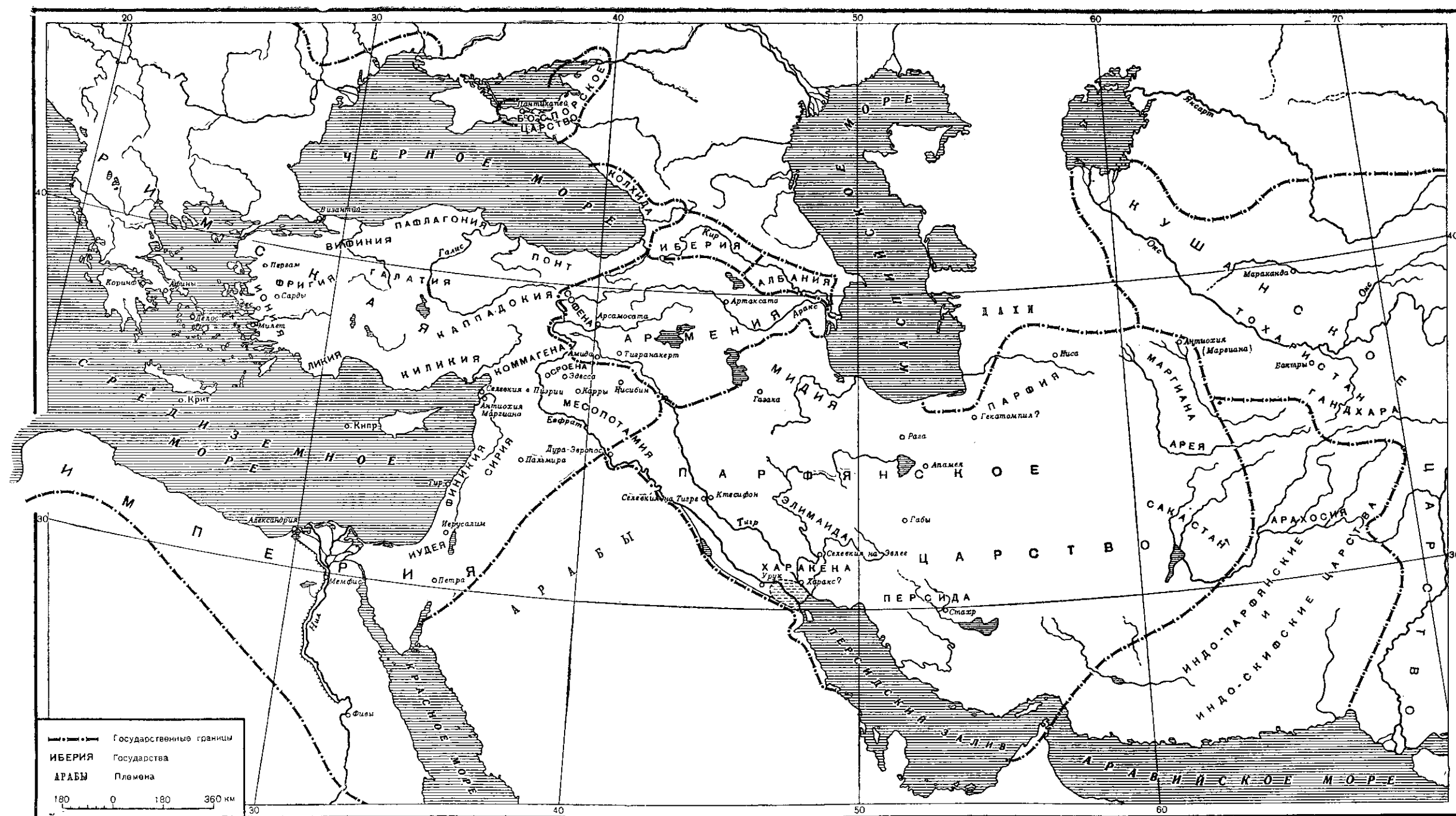
ского царя в плен и послал его в подарок своей любовнице, египетской царице Клеопатре¹⁹⁸. Сын Артавазда Артаксий бежал к парфянам. Антоний приобрел союзника в лице мидийского (атропатенского) царя Артавазда, но после первых успехов мидийский царь был разбит Фраатом и Артаксием, а римляне, находившиеся в его войсках, перебиты.

Разгоревшаяся тем временем ожесточенная борьба между Антонием и Октавианом положила конец завоевательным планам Антония.

Но и в Парфии внутренние дела были далеко не благополучны. Несмотря на все внешнеполитические успехи Фраата IV, около 30 г. до н. э. появился претендент на престол, некий Тиридат (II). Опираясь на помощь римлян, он несколько раз захватывал Месопотамию и серьезно угрожал Фраату, вынудив его в конце концов прибегнуть к союзу с восточными соседями, названными в античных источниках скифами. Вероятно, это были саки (см. главу 9)¹⁹⁹. Борьба шла с переменным успехом. Тиридат, изгнанный одно время из Парфии, жил в Сирии, затем попал в Рим, а по некоторым сведениям, даже в Испанию²⁰⁰. Затем он снова появился в Парфии (27—26 гг. до н. э.). Особенно ожесточенная борьба между Фраатом IV и Тиридатом II была именно в этом году, о чем свидетельствуют даты драхм, чеканенных обоими царями в Месопотамии²⁰¹. На этом карьера Тиридата, видимо, закончилась, потому что мы о нем больше ничего не знаем. Фраату удалось восстановить свою власть во всей Парфии.

К этому времени в Риме окончательно пришел к власти Октавиан Август, и начался новый, императорский период в развитии Римского государства. Возможно, что Август думал о нападении на Парфию в будущем и даже предпринимал действия разведывательного характера²⁰². Однако здравый государственный расчет подсказывал, что необходимо сначала стабилизировать положение на Средиземном море, поколебленное смутами и многолетней гражданской войной. Поэтому Август ограничился тем, что посадил на армянский престол дружественного Риму Тиграна (брата Артаксия), а по отношению к Парфии удовлетворился возвращением парфянами знамен и пленных, захваченных у Красса и Антония (12 мая 20 г. до н. э.). Этому символическому акту примирения в Риме придавали огромное политическое значение, как это видно по многочисленным монетам, выпущенным в честь этого события, и упоминаниям о нем в надписях, литературных произведениях того времени и т. д.²⁰³.

Отношения между Римом и Парфией вступили в новый этап.

Парфинское царство во II в. до н. э.

9. ПАРФИЯ НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ

В I в. до н. э. в пограничных с Парфией областях Средней Азии, Индии и Восточного Ирана происходят большие перемены.

Как мы видели выше (глава 6), греческие правители были вытеснены из Бактрии и Согдианы, но сохранили свои владения в Индии еще на несколько десятилетий. В. В. Тарн полагает, что около 120 г. до н. э. началось движение саков, теснимых парфянами с нижнего течения Хильменда (Сакастан) ²⁰⁴. Они двигались на восток. Около 80 г. до н. э. саки под начальством своего вождя Моа, или Моги (греч. Μάγες), продвинулись дальше на северо-восток, и около 70 г. до н. э. завоевали Гандхару. По мнению В. В. Тарна, Мога умер в 58 г. до н. э. ²⁰⁵.

К этому времени в руках греческих правителей оставались лишь небольшие части территории владения Гиппострата к востоку от реки Гидаспа (совр. Джелам) и владения Гермея к западу от Гандхары. Между этими двумя районами вклинивались, разобщая их, владения саков.

В 50-х годах I в. до н. э. Гермей, теснимый саками, обратился за помощью к китайцам, которые были заинтересованы в усилении своего влияния в Средней Азии и засылали туда своих агентов. Гермей действительно сумел укрепиться при помощи китайцев и, кроме того, заключил союз с вождями кушанов, одного из пяти племен юэ-чжи, которому суждено было позднее сыграть такую значительную роль в истории Средней Азии ²⁰⁶.

Около этого же времени некто Вонон, которого В. В. Тарн остроумно считает представителем рода Суренов, правившего восточными областями Ирана (в основном Сакастаном), распространяет свою власть на Арахосию, на владения западных саков ²⁰⁷.

Представители сакской династии Спалирис и Аз покончили с властью Гиппострата и Гермея и освободились от зависимости Суренов, правивших в Сакастане.

Можно предположить, что как раз к преемнику Вонона и бежал Фраат IV,гонимый около 30 г. до н. э. своим соперником — римским ставленником Тиридатом II, и что именно покорные дому Суренов западные саки и восстановили Фраата на троне ²⁰⁸.

В начале I в. до н. э. в Арахосии и дальше на восток правили цари, носившие парфянские имена, — Гондофарр и Пакор, по-видимому, связанные с сакастанской линией правителей. Во второй четверти I в. до н. э. начинает создаваться Кушанское царство.

Кушаны создали могущественную варварскую империю, включившую в свой состав и кочевые народы Средней Азии, и земледельческие районы, и рабовладельческие полисы бассейнов Аму-Дарьи и Зеравшана, и основанные греками города долины Кабула и Пенджаба. Первым царем, расширившим свои владения за счет областей, подчинившихся Гондофарру и Пакору, был Каджула Кадфиз. За ним следовали цари Вима, Канишка, Хувишка и Васудева. Наиболее известен Канишка. Вопрос о времени правления этого царя вызвал в науке ожесточенные споры и до сих пор окончательно не решен. По-видимому, речь должна идти о конце I — начале II в. н. э. С именем Канишки связано распространение буддизма в Средней Азии. Кушанское государство, объединившее под своей эгидой разнообразные разрозненные до того племена, явилось могучим соперником Парфянского царства, а позднее Сасанидского. Просуществовало это мощное государство до III в.²⁰⁹

Образование сакских княжеств и Кушанского царства на Востоке, гибель последних самостоятельных эллинистических государств — все это этапы одного и того же процесса: борьбы народов Ирана и Средней Азии против чужеземцев, «варваризации» рабовладельческой системы, появления новых элементов общественного устройства, которые дадут себя знать только значительно позднее.

Аналогичные процессы происходили и в Парфии. Первыми внешними признаками все растущего антиэллинистического движения, усиления местного элемента и, по-видимому, каких-то новых форм общественной жизни являются постепенная варваризация греческих легенд на монетах и все большее распространение легенд парфянских и²¹⁰, что еще важнее, первые попытки кодификации священных книг и оформления догматической религии — зороастризма, приходящееся на I—II вв. н. э. (по мнению одних исследователей, на царствование Вологеза III²¹¹, по мнению других, — Вологеза I, что, может быть, более вероятно). Новые данные из обнаруженных в Нисе документов заставляют, впрочем, думать, что догмы зороастризма начали получать оформление уже раньше — не позже начала I в. до н. э.

На римско-парфянских границах в царствование Августа было сравнительно спокойно. Как было указано выше, Август стремился прежде всего к стабилизации положения внутри своей Средиземноморской державы и достиг, как известно, в этом отношении значительных успехов. Гораций, воскликнувший: «Кто боится парфянина, пока жив Август?»²¹², выражал, по-видимому, точку зрения, распространенную в рабовладельческом Риме. И действительно, мы знаем, что четыре

сына Фраата IV, их жены и дети были отправлены в Рим ²¹³, а соправителем отца, а впоследствии и царем Парфии стал его сын от италийской рабыни Музы, посланной парфянскому царю в подарок Августом, — Фраат V (более известный под именем Фраатак) ²¹⁴.

Единственной страной на Востоке, где римляне продолжали вести активную политику, была Армения. Она имела слишком большое значение для римлян, и они никак не могли допустить, чтобы парфяне распространили на нее свое влияние. В 20-х годах до н. э. император Тиберий провел военную демонстрацию против Армении, чтобы оказать поддержку римскому ставленнику Тиграну III. То же проделал в 2—1 гг. до н. э. и Гай, внук Августа. Попытка Фраата V воспрепятствовать вмешательству римлян в дела Армении ни к чему не привела, однако и Рим и особенно Парфия не были готовы к большой войне, и конфликт был улажен мирным путем ²¹⁵.

Во 2 г. н. э. Фраатак сочетался браком со своей матерью Музой ²¹⁶. Высказывалось мнение, что этот факт говорит о победе зороастризма в Парфии и является лишним доказательством антиэллинистической реакции в Иране ²¹⁷. Следует отметить, что приписывание браков с близкими родственницами (матерью, сестрой) специально зороастризму — неправомерно. Как мы видели выше, ахеменидские цари женились на близких родственницах ²¹⁸, даже эллинистические государи брали в жены сестер ²¹⁹. Правда, в это время (и даже раньше, как показывает обилие зороастрийских имен и применение зороастрийского календаря в документах I в. до н. э. из Нисы), а особенно несколько позднее, зороастризм в Иране играет уже большую и все увеличивающуюся роль. Однако брак Фраата V с Музой отнюдь не является тому доказательством. Распространение же около этого времени обычая отдавать трупы на растерзание зверям и хищным птицам действительно указывает на распространение зороастризма в Парфянской державе ²²⁰.

Несмотря на то что некоторые римские авторы свидетельствуют о стремлении Августа начать большую кампанию против парфян ²²¹, ближайшие годы прошли мирно. После короткого правления Орода III на парфянский престол взошел сын Фраата IV, Вонон, который долгое время был заложником в Риме. Проримская политика Вонона, очевидно, вызвала раздражение парфянской знати, потому что в скором времени против нового царя выступил некто Артабан III — сын наместника Гиркании и Кармании (со стороны матери, по-видимому, Аршакид), — с юных лет установивший прочные связи с восточно-иранскими кочевниками ²²². После временных, но непрочных успехов Вонон был вытеснен из Парфии, сумев,

однако, захватить с помощью Рима армянский трон. Но около 15 г. н. э. Вонон был вынужден покинуть и Армению и сдаться на милость римского правителя Сирии Кретики Си-лана.

Артабан попытался посадить на царство в Армении своего сына Орода, но римляне этого не допустили. Посланный Ти-берием Германик посадил на армянский престол римского ставленника (Зенона Понтийского), но с Парфией дело до конфликта не дошло.

Вонон пытался бежать из почетного плена, в котором он находился у римлян, но неудачно, был схвачен, возвращен в Киликию, где ему было указано место жительства, и вскоре убит римлянами (19 г.).

О последующих годах мы знаем мало. Артабан III пытался, по-видимому, усилить центральную власть, пользуясь относительной внешнеполитической стабилизацией. Однако он встретился со значительными трудностями. Иосиф Флавий²²³ рассказывает о самостоятельном государстве, созданном в Северной Месопотамии двумя еврейскими вождями. Есть и другие косвенные данные, свидетельствующие о распаде Парфянской державы. Новое столкновение с Римом, возникшее из-за неизменного яблока раздора — Армении, привело к серьезным осложнениям. Артабан III был втянут в сложную борьбу с иберскими царями Фарасманом и Митридатом, а затем подвергся нападению и в Парфии. Римляне выставили против Артабана сначала одного, а затем другого претендента из числа парфянских царевичей, живших в Риме. Борьба с иберами осложнилась вторжением аланов из прикавказских степей, а помощь, оказанная римским правителем Вителлием иберам и претенденту на парфянский престол — Тиридату III, заставила Артабана оттянуть свои силы из Армении и подумать об обороне своих основных владений. Опасность еще усугубилась большим восстанием, вспыхнувшим в важнейшем месопотамском эллинистическом центре — Селевкии²²⁴. Греческие города Месопотамии, хранившие еще эллинистические традиции, приветствовали появление Тиридата III, коронованного в Селевкии около 36 г. до н. э. Трудности возникли и на востоке. Гондофарр, представитель дома сакастанских Суренов, отложился от новой династической линии, начавшейся с Артабана III, и, расширив свои владения за счет индийских земель побежденных им правителей Арахосии, провозгласил себя «великим царем Индии». Артабан не мог с ним справиться и должен был ограничиться тем, что не признал его.

Артабан III, опираясь на свой союз с дахами, сумел после ряда неудач вытеснить Тиридата из Месопотамии. Однако

Селевкия продолжала сопротивляться. Семь лет держался этот город против парфянского царя (34/36—42?), сохраняя независимость и не чеканя царской монеты (а Селевкия была основным монетным двором Аршакидов).

Для упрочения государственного единства Артабан III стремился при первой же возможности посадить на престолы зависимых царств представителей Аршакидского дома, лишив власти местные правящие династии. Так, например, была устранена местная династия в Месене, на место которой был посажен парфянин Артабаз. В Атропатене был утвержден брат Артабана III Вонон, в Персиде и в Элимаиде местные династии были заменены боковой ветвью Аршакидов. Хотя Артабан и сохранил за полисами их внутреннее устройство и автономию, но и тут, видимо, не обошлось без некоторых ограничений: известно, например, что город Селевкия на Тигре стал выпускать только царскую эмиссию, автономная же чеканка прекратилась. Централизаторская политика Артабана III, очевидно, сыграла известную роль в антиартабановской ориентации этого города, в котором происходила острая социальная борьба между эллинскими и эллинизированными гражданами Селевкии, пользовавшимися поддержкой царя, и многочисленным семитским населением, стремившимся отстоять свое право на участие в самоуправлении; именно эти широкие «демократические» слои Селевкии на Тигре поддерживали претендентов на престол против Артабана III.

Отрывочные сведения античных авторов, главным образом Тацита («Анналы») и Иосифа Флавия («Иудейские древности»), позволяют нам все же составить некоторое представление о характере борьбы, происходившей в эти годы в Парфянской державе.

Рим продолжает свою коварную политику, стремясь обеспечить за собой, на первое время по крайней мере, Армению, а затем Месопотамию. Не имея возможности предпринять большую военную кампанию, римляне стремятся найти в самой Парфянской державе такие элементы, которые содействовали бы проведению в жизнь римской политики. Такими элементами являлись, во-первых, жители эллинистических городов-полисов Переднего Востока, во-вторых, представители знати, стремившиеся к самостоятельности, о чем ясно говорит Тацит. Кроме того, римляне использовали в своих интересах недовольство свободолюбивых закавказских народов, в частности иберов, парфянскими великодержавными происками в Закавказье. С другой стороны, Артабан III опирался, по-видимому, на население внутренних парфянских областей и на кочевые племена прикаспийских степей, еще жившие родовым бытом и чувствовавшие свои кровные связи с парфянами. Однако

несомненно и то, что ради сохранения единства державы Артабан III должен был считаться и с полисами Сузианы, особенно с такими, в которых греческое и сильно эллинизированное население не было преобладающим. Об этом говорит знаменитое письмо Артабана III к городу Сузам (см. выше, стр. 199, 200) ²²⁵.

Продолжительность царствования Артабана III (ок. 12—38 гг.), прерванного лишь на короткое время правлением некоего Киннама, показывает, что Артабану удалось достигнуть некоторой стабилизации. Однако после его смерти в течение нескольких лет в Парфии идет борьба между братьями Готарзом и Варданом, племянниками Артабана, — сыновьями его брата Вонона, посаженного им на атропатенский престол ²²⁶. Вардану удается сломить сопротивление Селевкии и значительно укрепить свое положение. Однако через некоторое время верх снова берет Готарз.

В 51 г. н. э. Готарз умирает или погибает в результате заговора ²²⁷. После кратковременного правления Вонона II (о чем молчит Иосиф Флавий) на престол вступает незаурядный правитель Вологез I (парф. Валарш, по Тациту — сын Вонона) ²²⁸, чье долгое правление (примерно до 77 г. н. э.) отмечено важными событиями в истории Парфии.

Снова начались серьезные события на Кавказе. Иберский царевич Радамист стал претендовать на армянский престол. Вологез же стремился посадить на армянский престол своего брата Тиридата. Однако силы Вологеца были отвлечены борьбой на Востоке. Вмешательство римлян в восточные дела становилось неизбежным. Император Нерон послал на восток своего полководца Домиция Корбулона (55 г.) ²²⁹.

Незадолго перед этим Радамист был изгнан армянами из страны, и в Армении утвердился Тиридат.

На первых порах и римский полководец, и парфянский царь встретились с целым рядом затруднений. Корбулон нашел предоставленные в его распоряжение легионы в плохом состоянии ²³⁰ и должен был заняться комплектованием и вооружением войска. Вологез был занят внутренними неурядицами, особенно волнениями в Гиркании, которые вскоре вызвали полную потерю этой области для Парфянского царства. Гирканцы даже послали послов в Рим для установления сношений и получения помощи против парфян ²³¹.

Кампания 57—58 гг. н. э. сначала не была решительной. Она сводилась к действию мелких отрядов с обеих сторон. Тиридат пытался вести переговоры с римлянами, но безуспешно. Только к концу лета 58 г. н. э. Корбулону удалось развернуть боевые действия и взять ряд крепостей, в том числе главный опорный пункт Тиридата — Артаксату. В сле-

дующем, 59 г., Корбулон захватил другой важный армянский город — Тигранакерт, а в 60 г., несмотря на попытки Тиридата восстановить положение, мог уже считать себя хозяином всей Армении.

Царем Армении был назначен каппадокийский царевич Тигран V, а контроль над рядом армянских областей был поручен подвластным Риму малоазийским и закавказским династам.

Новый римский ставленник в Армении предпринял в 61 г. поход на соседнюю с Арменией Адиабену, но потерпел неудачу. Против него были выдвинуты значительные парфянские силы, и он принужден был запереться в Тигранакерте. Как видно, Вологез I, не справившись с Гирканией, решил бросить все свои силы на борьбу за Армению, так как потеря позиций в Закавказье угрожала превратить Парфию во второстепенную державу. Римляне, испуганные энергичными действиями парфян, вступили с ними в переговоры, в результате которых было заключено перемирие. А. Гутшмид высказывал²³² вполне обоснованное мнение, что уступчивость Корбулона, согласившегося отвести из Армении свои войска, объясняется враждебностью армянского народа к римлянам.

Вологез отправил в Рим посольство для переговоров об армянских делах, но все предложения послов были отвергнуты Нероном. Военные действия возобновились.

К этому времени (62 г. н. э.) римские силы на Востоке были разделены на две части: в Армении командовал Цезенний Пет, а на Евфрате Корбулон. Цезенний Пет действовал весьма неудачно, был окружен в своем собственном лагере (в Рандее) и капитулировал, так как Корбулон не успел прийти (или сознательно не пришел) ему на помощь²³³. Снова были отправлены в Рим парфянские послы (63 г.), и снова безрезультатно.

В конце концов Вологез и Тиридат предложили Корбулону, что Тиридат лично отправится в Рим, чтобы получить корону из рук римского императора. Это компромиссное решение и было приведено в исполнение. В 66 г. Тиридат прибыл в Рим, где в торжественной обстановке и произошла коронация²³⁴.

Такой исход затянувшейся борьбы следует признать все же победой парфян, так как они фактически сохраняли контроль над Арменией, посадив на армянский престол представителя парфянского царствующего дома.

После этого соглашения настал мирный период. Во время гражданской войны в Риме Вологез с самого начала поддерживал будущего императора Веспасиана и даже предлагал ему отряд конницы²³⁵. После разгрома Иудеи сыном Веспа-

сиана Титом парфянский царь поздравил его с победой²³⁶. Однако римляне, по-видимому, не оставляли мысли о завоеваниях на Востоке, о чем свидетельствует хотя бы разгром Цезеннием Петом Коммагенского царства и превращение его в римскую провинцию (72 г. н. э.) под тем предлогом, что царь Коммагены Антиох заключил союз с парфянами.

Между 72 и 74 гг.²³⁷ из прикаспийских степей в Закавказье и Мидию Атропатену вторглись аланы, к этому времени занимавшие обширные степи между Азовским и Каспийским морями. Брат Вологеза Пакор, правивший в Мидии, не смог оказать аланам должного отпора. В 75 г. аланы вторглись уже в пределы Парфии. Вологез обратился с призывом о помощи к Веспасиану, но тот ответил отказом, однако принял ряд мер по укреплению обороны находившегося под римским влиянием Иберского царства²³⁸.

Мирные отношения между Римом и Парфией продолжались еще некоторое время, однако они не обозначали подлинной стабилизации и объяснялись лишь конъюнктурными обстоятельствами. Противники внимательно следили друг за другом и стремились использовать все возможности, чтобы повредить один другому. Так, в начале 80-х годов боровшиеся за власть в Парфии Артабан IV и Пакор II поддерживали самозванцев, выдававших себя за Нерона, отплачивая римлянам их же излюбленной монетой²³⁹.

Все указывает на то, что прочный мир между двумя великими державами на Евфрате и в Закавказье оказался невозможным. Римляне стремились во что бы то ни стало полностью завладеть Арменией и отбросить парфян за Тигр. Как только представилась возможность, римляне стали готовиться к большой кампании²⁴⁰.

10. РАСПАД ПАРФЯНСКОГО ЦАРСТВА

Конец I и начало II в. н. э. снова отмечены внутренними смутами, принимающими уже хронический характер. По-видимому, все же Пакор II сохранил главенствующее положение. Дальнейшие события показывают, что разложение Парфянского царства к этому времени зашло уже далеко.

В Риме с 98 г. н. э. императором был Траян. Его царствование отмечено усилением римской агрессии на Востоке. Покончив с племенами даков, населявших территорию современной Румынии и причинивших ему много забот, Траян почувствовал, что руки у него развязаны для энергичных действий в Месопотамии и в Закавказье. Воспользовавшись продолжавшимися в Парфии усобицами и придравшись к

ничтожному поводу²⁴¹, Траян в 113 г. н. э. выступил из Рима, а в 114 г. н. э. уже начал военные действия в Армении²⁴². Аршакидский правитель Армении Партамасир, думая, подобно своему предшественнику Тиридату, договориться с римским императором, явился к Траяну и положил к его ногам свою корону. Однако Траян ответил, что он не собирается больше никого сажать на армянский престол, и превратил Армению в римскую провинцию.

Следующие годы принесли Траяну значительные успехи. Армения была покорена и превращена в провинцию. В Месопотамии после непродолжительной борьбы с местными царьками к 116 г. н. э. также были созданы провинции Месопотамия и Ассирия. Затем Траян захватил Вавилонию, взял Ктесифон и даже вышел с флотом в Персидский залив.

Но победы Траяна были весьма эфемерны. Когда император с флотом отправился на юг, на всех завоеванных им территориях в Месопотамии вспыхнули восстания. Оставленные им полководцы Лузий и Максим оказались в очень затруднительном положении. Враждующие представители Аршакидского дома объединились и стали действовать совместно. Старший из Аршакидов — Хосрой — направил наконец против римлян главные парфянские силы, которыми командовал Партамаспат. К нему присоединились силы основного противника Хосроя — Митридата IV. В скором времени Митридат погиб, упав с коня, и его войском стал командовать его сын Синатрук II. Максим был наголову разбит и погиб в бою. Лузий попытался воспользоваться обычной политикой римлян и поссорить своих противников. Ему удалось разъединить парфянские силы и погубить Синатрука. После этого Траян короновал на парфянский престол Партамаспата. Однако и эти коварные уловки не помогли римлянам. Неудачная осада месопотамского города Хатры, восстание в Иудее, принудили Траяна оставить всякую надежду на покорение Парфии. Он отправился в Италию и по дороге умер (август 117 г. н. э.).

Кампания Траяна на Востоке чрезвычайно показательна. Парфяне, упорно удерживавшие в течение двух веков евфратскую границу, успешно боровшиеся за Армению, не раз угрожавшие владычеству римлян в Сирии, не смогли защитить важнейшие для себя области Закавказья и Междуречья. Но и римляне, достигнув, казалось бы, значительных территориальных успехов, не смогли удержать завоеванного и уже при следующем императоре, Адриане (117—138 гг. н. э.), вынуждены были отказаться от провинций с громкими названиями: Армения, Месопотамия и Ассирия.

Видя бесплодность усилий, направленных к дальнейшим территориальным приобретениям на Востоке, Адриан, а за

ним и Антонин Пий стремились поддерживать с парфянами добрососедские отношения. В Парфии, судя по продолжительности царствования Вологеза II (105/6?—147? гг.) и особенно Вологеза III (148—192 гг.), в чье правление не появилось ни одного претендента на престол, наступает период некоторой стабилизации. Как мы увидим из дальнейшего изложения, эта стабилизация была весьма непродолжительной.

При Антонине Пии гирканские и бактрийские послы прибыли в Рим, очевидно, для переговоров, направленных против Парфии. Вероятно, в это время Гиркания была уже совершенно самостоятельной ²⁴³.

Новое серьезное столкновение происходит между Римом и Парфией. На этот раз инициатива принадлежит парфянам. По всей видимости, Вологезу III удалось добиться укрепления своей власти и создания достаточно крепкого войска, так как в 161 г. он вторгся в Армению ²⁴⁴, пересек Евфрат и вступил в Сирию. Уже много десятков лет парфянские войска не проникали в глубь этой римской провинции. Несмотря на то что римляне владели этими землями со времени Помпея, народные массы Сирии не могли примириться с римским господством, и с приходом парфянских войск появилась угроза всеобщего восстания против римлян. Положение стало настолько грозным, что было решено послать Люция Вера — сопровителя нового императора Марка Аврелия (161—180 гг.). Ему были даны большие силы, в частности три легиона, снятые с Дуная и Рейна. Во главе войск были поставлены опытные военачальники. Сам Люций Вер руководил армией из Сирии, а фактическим командующим был Овидий Кассий. Сначала римляне отвоевали Армению (163 г.), а затем Овидий Кассий предпринял большую кампанию в Месопотамии (164—165 гг.). Снова, как и во время похода Траяна, римляне имели большие успехи. Был взят город Дура-Эвропос, с тех пор до самого разрушения его Сасанидами при Шапуре I остававшийся в руках римлян ²⁴⁵. Мятежная Селевкия встретила римлян, как друзей, однако Овидий, придравшись к какому-то предлогу, подверг город разграблению. После Селевкии был взят и Ктесифон, причем был разрушен и царский дворец ²⁴⁶.

Но, как и при Траяне, римляне не могли добиться решающих успехов. У них не хватило сил, чтобы удержать обширные захваченные территории. В войсках вспыхнула жестокая эпидемия (чума) ²⁴⁷. Чтобы удержать в повиновении Армению и закрепить за собой хоть часть территории в Северной Месопотамии, Люцию Веру пришлось предпринимать повторные походы в 166 и 168 гг. Все эти области были крайне

разорены. Парфяне понесли большой урон, но решительного перевеса не смог получить ни один из противников.

В последующие годы Парфия продолжала наблюдать за своим заклятым врагом, готовясь нанести ему удар в любой момент. Казалось, этот момент наступил в 175 г., когда Овидий Кассий поднял восстание против Марка Аврелия. Но восстание было быстро подавлено. Уже после смерти Вологеза III в 193 г. Вологез IV готов был вмешаться в римские дела, когда Рим стоял перед серьезными внутренними осложнениями. Так, он собирался поддержать претендента на императорский престол Песценния Нигера. Нигер, как известно, потерпел неудачу. Ставший императором Септимий Север в 195 г. начал кампанию против парфян. Снова повторилась знакомая нам история: сначала частные успехи в Северной Месопотамии (195—196 гг.), затем — вторжение в Южную Месопотамию, удар по жизненным центрам парфян и взятие Ктесифона (197—198 гг.). Но попытки закрепиться окончились неудачей. Снова, как и при Траяне, неудачей кончилась осада маленькой Хатры (199 г.).

Еще более бесплодными были кампании императоров Каракаллы (211—217 гг.) и Макрина (217—218 гг.).

Парфия со своей стороны была крайне обессилена изнурительными войнами с римлянами и, главное, внутренними процессами разложения, которые и привели ее к гибели. После Вологеза IV царствовал его сын Вологез V (207/8—222/23 гг.). Но уже примерно с 213 г. престол у него оспаривает другой представитель Аршакидского дома — Артабан V. Он, по-видимому, опирался на Мидию, в то время как в Месопотамии еще держался Вологез V. Как мы увидим дальше, это уже была агония некогда могущественного государства. В 20-х годах III в. н. э. оно падает под ударами новых сил, появившихся из Персиды, объединившихся вокруг новой династии — Сасанидов.

Итак, к началу III в. н. э. некогда могучее Парфянское царство, столько раз в течение предыдущих столетий оспаривавшее у Рима гегемонию на Переднем Востоке, находилось на краю полной гибели и распада. Уже легкие военные успехи Траяна могут быть объяснены только внутренней слабостью Парфянского царства. Однако общий кризис рабовладельческой системы и надвигающиеся варвары не дали римлянам возможности использовать свои успехи.

Внутренняя жизнь Парфянского царства, к сожалению, нам известна очень плохо. Однако выше (глава 7) мы пытались раскрыть социальную природу и государственную структуру Парфянского царства. По-видимому, нам удалось показать, что рабовладельческий уклад играл немалую роль в

Рис. 43. Стела времени Артабана V из Суз

Парфянском государстве, особенно в его западных, экономически решающих областях. Поэтому кризис рабовладельческой системы, разразившийся в Средиземноморье во II—III вв. н. э., несомненно затронул и Парфию. Процесс этот в восточных странах происходил, по-видимому, уже с давних пор и поэтому зашел в III в. дальше, чем в Римской империи. Этому содействовало, безусловно, наличие во внутренних областях Ирана и Средней Азии значительных территорий с населением, жившим еще родовым бытом, где рабовладельческие отношения никогда не проникали далеко вглубь. Выражением кризиса рабовладения является, в частности, появление новых форм эксплуатации рабского труда, попытки заинтересовать раба

результатами его труда, даруя ему частичную свободу и некоторые льготы. Столь же показательно усиление эксплуатации общинного крестьянства. Чрезвычайно усиливается независимость и влияние парфянской знати. Косвенным доказательством сложных социальных процессов являются, несомненно, успехи догматической религии — зороастризма — уже в I—II вв. н. э. Кроме того, чрезвычайно характерна и связанная с этими процессами начавшаяся с I в. реакция против эллинистического влияния, своеобразная «варваризация» Парфянской державы и Ирана.

В результате общего кризиса и процесса создания внутри общества новых социальных форм мы и наблюдаем упадок Парфянского царства, бессилие центральной власти и зарождение на территории огромного государства почти совершенно самостоятельных варварских княжеств. Как мы видели выше, Гиркания с середины I в. уже была самостоятельным государством. Она неоднократно ведет переговоры с Римом, заключает союз с аланами. Самостоятельным было и сильное Харакское царство у Персидского залива. В середине II в. Бактрия и Гиркания ведут враждебные Парфии переговоры с римским императором. В западных, пограничных с Римом областях создается множество мелких царств, подчинявшихся то Парфии, то Риму (Осроена, Адиабена и другие). Бесконечные династические распри еще больше ослабляли центральное правительство Парфии.

Парфянское царство гибнет от сложных внутренних процессов, вызвавших изменение социальной структуры, а не от внешних ударов слабеющего врага — Рима, хотя, конечно, непрерывные войны затрудняли положение Парфии.

11. КУЛЬТУРА ПАРФЯНСКОГО ИРАНА

Приход греков на Восток и образование там вслед за этим эллинистических государств, сменивших древневосточные монархии, и развитие широкого торгового обмена между Востоком и Западом создали необычайно благоприятные условия для сближения и взаимопроникновения различных культур: эллинской и народов Востока. Соприкосновение греческой и восточной цивилизации происходило и в области политических учреждений, и форм общественной жизни, и в области производства, особенно ремесленного. Выше уже было сказано, что в годы кризиса много греческих мастеров-ремесленников вслед за армией Александра хлынуло на Восток. Они основывали в городских центрах Востока новые ремесленные предприятия, технический опыт и художественные нормы которых не могли не перениматься местными мастерами. В то же

время и местная традиция оказывала влияние на вновь прибывших. Греческий язык был официальным, государственным языком в эллинистических государствах и был воспринят верхушечными слоями местного населения, рабовладельческой знатью. Вместе с языком были восприняты и греческий театр, и литература, и науки. Греческие архитектурные нормы оказали чрезвычайно большое влияние на развитие архитектуры восточных народов. Особенное распространение получил коринфский ордер, хотя вообще для эллинистической архитектуры характерно смешение различных ордеров, тогда как в классической греческой архитектуре ордер строго выдерживался. При непосредственном общении греко-македонского и восточного населения, при распространении смешанных браков, вызвавших возникновение целой прослойки смешанного населения, так называемых миксэллинов, неизбежным было взаимное переплетение религиозных представлений и культов.

В результате этих контактов и взаимодействий сформировалась новая, синкретичная культура, получившая название эллинистической. Возникшая в новых политических условиях, эта культура сильно отличалась от классической греческой. Получила распространение, например, дворцовая архитектура, которой не знал демократический греческий полис. Эта архитектура восприняла традиции монументальности и помпезности древневосточной архитектуры, сказавшиеся не только на светских постройках, но и на храмовых. Так, в построенных греками храмах этого времени, даже на западе Восточного мира, где греческая колонизация имела давние и прочные корни, алтарь отделяется от храма и превращается в самостоятельное, пышное монументальное сооружение. В качестве примера можно привести знаменитый Пергамский алтарь.

Идеология «космополитизма» проникает во все сферы творчества. Следует, однако, иметь в виду, что, несмотря на весьма широкий территориальный охват, эта новая культура была сосредоточена в городских центрах и являлась достоянием господствующих слоев общества того времени. Неправильно было бы также думать, что эллинистическая культура была единой на всей территории своего распространения. В действительности, в каждой отдельной этнической и культурной среде она наслаивалась на древние местные традиции, местные технические приемы и художественные вкусы и принимала поэтому в каждой стране своеобразные формы, несмотря на безусловное наличие общих черт. Создание эллинистической культуры было процессом двухсторонним, в котором греческий и местный восточный элементы участвовали одинаково активно. Поэтому принципиально неверны довольно распространенные в западной науке попытки изобразить греков в

виде неких культуртрегеров, а азиатские народы — в виде темной аморфной массы, с трудом воспринимавшей благотворное влияние извне ²⁴⁸.

Выше, при рассмотрении государственного и общественного строя державы Селевкидов, было сказано о том, что принципиальное сходство социального строя и политических форм, созданных эллинским миром и народами Передней Азии ко времени прихода греков-македонцев на Восток, обусловило легкость и размах этого процесса.

Даже и тогда, когда государства, во главе которых стояла греко-македонская знать, погибли, пришедшие им на смену «национальные» государства унаследовали очень многое от культуры своих предшественников. Так, например, в искусстве народов Передней и Средней Азии в течение ряда веков чувствовалось эллинистическое влияние. Основные эллинистические по художественным традициям памятники с территории Бактрии дошли до нас не от времени Греко-Бактрийского, а от времени Кушанского царства. В парфянской Нисе в то самое время, когда документы датировались по зороастрийскому календарю, а многие чиновники носили зороастрийские имена, для заупокойного культа парфянских царей использовались ритоны из слоновой кости с типичными эллинистическими изображениями, статуи богов (и, возможно, цариц) высекались совершенно в античной традиции. Парфянские цари пользовались селевкидскими образцами в монетном деле, и все легенды на их монетах были греческими вплоть до I в. н. э. Греческий язык был одним из официальных языков державы Аршакидов: царь Артабан III пишет городу Сузам письмо на греческом языке в полном соответствии с политической практикой Селевкидов и других эллинистических монархов. На греческом языке и по эллинистическим юридическим нормам составления подобных документов написаны Авроманские пергамены I и II, а также относящийся к парфянскому периоду пергамен X из Дура-Эвропос, хотя ни один из договаривающихся лиц не был греком. Плутарх рассказывает, что при дворе армянского царя Артавазда в Артаксате гостивший у него парфянский царь Ород смотрел представление «Вакханок» Эврипида с участием гастролировавшего там известного греческого актера, а армянский собрат Орода и сам писал трагедии на греческом языке. В Вавилоне при раскопках был обнаружен театр античного типа ²⁴⁹.

Хотя греческий язык в этот период и был *lingua franca* в парфянском Иране, как и в других государствах Востока, все же он не был единственным официальным языком. Во внутренней практике административных учреждений Парфии парфянский язык, являвшийся одним из северо-западных

иранских диалектов, был гораздо более употребителен. На этом языке был составлен Авроманский пергамен III и некоторые фрагменты более поздних документов из Дура-Эвропос. На этом языке до нас дошло также несколько лапидарных надписей, относящихся к аршакидскому периоду. Однако гораздо больше их дошло от последующего, сасанидского времени, когда парфянский язык по традиции употребляли в сасанидских административных учреждениях наряду с совершенно вытеснившим его впоследствии среднеперсидским (юго-западным диалектом) — языком родины Сасанидов, Персиды. Известно пока очень мало текстов на парфянском языке, поэтому он еще недостаточно хорошо изучен. Особенно мало текстов на парфянском языке, относящихся именно к парфянскому периоду. Изучение парфянского языка ведется на основании манихейских парфянских текстов, найденных в Китайском Туркестане. Однако они относятся к значительно более позднему времени, поэтому большой парфянский хозяйственный архив I в. до н. э., обнаруженный советской археологической экспедицией в Нисе, безусловно, представляет огромный интерес как по содержанию документов, так и по языку. Для парфянского языка пользовались арамейской письменностью с употреблением значительного числа так называемых идеограмм, или, точнее, гетерограмм — целых арамейских слов, а иногда и фраз или словосочетаний, которые, будучи вкраплены в ираноязычный парфянский текст, читались по-ирански, являясь тем самым как бы масками парфянских (иранских) слов²⁵⁰. Это явление связано с традицией арамейского канцелярского языка в державе Ахеменидов. Парфянскую письменность (а также и среднеперсидскую, очень близкую к ней) в научной литературе часто именуют пехлевийской, или просто пехлеви, что буквально означает «парфянский» (*pahlavik*, *pahlavānik* — так в одном манихейском тексте).

От парфянской литературы, к сожалению, до нас ничего не дошло, но к ней восходит стихотворное сочинение «Спор пальмы с козой», а также поэма «Яткар-и Зареран» («Память о Зарере»), дошедшие до нас в сасанидской редакции.

Таким образом, наше суждение о парфянской литературе может ограничиться лишь некоторыми догадками. Нам кажется, что внимательное изучение иранского народного эпоса в том виде, в каком он дошел до нас, дает возможность выделить в нем некоторые парфянские элементы. Таковы, в частности, легенда о братьях Гуштаспе и Зарере²⁵¹, легенда о любви царевича Рамина к царице Вис, напоминающая средневековую европейскую повесть о Тристане и Изольде, и другие сказания, сохранившиеся в иранском эпосе феодального периода.

Население Вавилонии и Месопотамии и при парфянском господстве сохраняло свои старые культурные традиции и свой язык; в некоторых месопотамских городских центрах продолжали еще пользоваться вавилонской клинописью²⁵²; на арамейском и сирийском языках составлялись деловые документы.

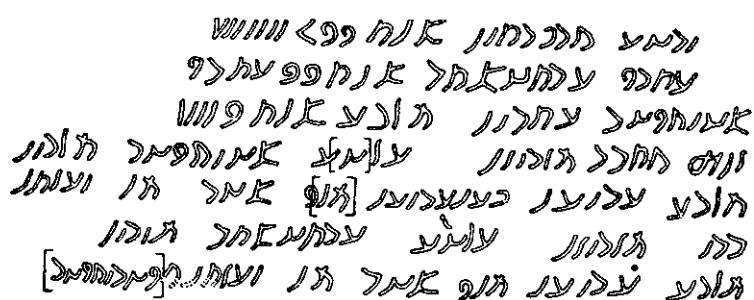

Рис. 44. Образец парфянского эпиграфического письма (пахлавик)

С I в. н. э. греческий язык исчезает с монет парфянских царей, уступая место парфянскому (арамейское письмо), что связано с общим ослаблением эллинистической струи в культуре Ирана начиная с этого времени и усилением в ней собственно иранского элемента. Причина этого явления, по-видимому, заключается в начавшемся процессе феодализации страны, постепенно подрывавшем значение и влияние рабовладельческих полисов и тесно с ними связанной эллинистической культуры.

Культурный синкретизм, о котором была речь выше, сказался и в области религии²⁵³. В парфянском Иране не было единой государственной религии. Среди множества религиозных культов, распространенных в этнически пестрой державе Аршакидов, выделялся культ солнечного божества, носившего различные имена. То это были семитические Баал, Арцу, Афлад, то оно носило греческое имя Зевса, то появлялось в облике иранских Ормазда (Ахурамазды) и Митры, причем этот последний в сознании греко-македонских колонистов слился с греческим Аполлоном. Наряду с солнечным божеством почиталась великая богиня, девственница-мать, богиня плодородия, связанная с водой, что особенно понятно на Востоке, где плодородие почвы всецело зависит от воды. Эта богиня у иранцев называлась Анахитой (Анаит), у семитов — Нанайей или Атаргатис, греки отождествляли ее с Артемидой. Культ богини Анахиты получил особенно широкое распространение в Иране и за его пределами, в частности в Малой Азии начиная

с царствования Ахеменида Артаксеркса II. Известный в древности храм этой богини, разграбленный Антиохом III, находился в Экбатанах. В Персиде, в городе Стахре, горел «Огонь Анахиты» (*Ātur Anāhit*); по мнению шведского ученого-ираниста С. Викандера, культ Анахиты был тесно связан с огнем²⁵⁴. Другими крупными центрами культа этой богини был Шиз в Мидии Атропатене и храм в Сузах. В районе Нисы засвидетельствован культ Нанайи.

Другое иранское божество — Веретрагна — отождествлялось с греческим Гераклом. Следует, однако, отметить, что синкретизм иранских культов с другими переднеазиатскими, с семитическими, а также с греческими происходил не столько на иранской почве, сколько за ее пределами — в Месопотамии, Сирии, Малой Азии и Армении.

Парфянские цари не были настоящими зороастрийцами, как не были зороастрийцами и массы иранского населения. Наличие культа Ахурамазды, жрецов-магов еще не говорит о существовании зороастризма как государственной религиозной системы. Можно предполагать, что первоначально существовало несколько религиозных учений, возводивших свое происхождение к полубогочеловеческому Заратуштре (Зороастру). Своеобразные синкретические формы принимали они в Малой Азии и Армении. Но и в самом Иране был распространен, например, зерванизм, учивший, что Ормазд и Ахриман — доброе и злое начало — равносильные братья, сыновья первоначального божества — отца «бесконечного времени», Зрвана.

Особое религиозное учение выдвигало главным божеством Митру, игравшего впоследствии важную роль и в ортодоксальном зороастризме. Теофорные имена почитателей Митры были очень распространены в Нисе.

Однако многочисленные парфянские имена собственные, сохранные документами из Нисы, указывают и на распространенность верований, характерных впоследствии только для официального зороастризма. В I в. до н. э. в Нисе применялась разновидность зороастрийского календаря. Все эти учения сосуществовали с местными, родоплеменными и другими культами, влияли на них и воспринимали их влияние.

Ф. Кюмон, выдающийся знаток переднеазиатских религий, отождествляя встречающийся в греческой эпиграфике Ирана термин *δαίμων* — «божественный дух» (царя) с иранским религиозным термином «фраваша», справедливо замечает: «Фраваша — это не создание зороастрийского богослужения, а народные божества, принадлежащие к самым древним слоям иранской религии»²⁵⁵.

Содержащееся в четвертой книге Денкарта предание о том, что при Аршакиде Вологезе (Вологезе I или Вологезе III²⁵⁶)

была начата кодификация священной книги зороастризма — Авесты, первоначальный текст которой, будто бы записанный в двух экземплярах при Дарии III Кодомане, был затем уничтожен Александром Македонским, не находит пока исторических подтверждений. По-видимому, это предание — следствие политической пропаганды времен борьбы с манихейством при Шапуре II, когда нужно было создать легенду о несравненной древности только что составленного письменного текста Авесты и возбудить неприязнь к греко-римскому миру версией о святотатстве Александра Македонского²⁵⁷.

Не может также считаться свидетельством в пользу зороастризма парфян и практиковавшийся у Аршакидов обычай кровнородственных браков (между братьями и сестрами) только потому, что он допускался Авестой. Как известно, обычай этот бытовал у многих народов, непричастных к зороастризму.

Равным образом и установленная археологией пестрота погребальных обрядов в парфянский период, захоронение умерших вместе с домашней утварью в земле, вместо зороастрийского обычая выставлять трупы на съедение зверям и птицам, свидетельствует не в пользу зороастризма как государственной религии.

Только с конца I — начала II в. н. э. получает распространение гирканский обычай (возможно, не без участия начатой Артабаном III новой, гирканской, ветви Аршакидов) предварительного отделения мяса умерших от костей и последующего захоронения одних костей. По-видимому, эта новая практика послужила переходной ступенью к принятию в недалеком будущем уже чисто зороастрийского обряда²⁵⁸.

Наряду с синкретизмом в области религиозных представлений и культовых обрядов уже перед самым началом нашей эры можно заметить процессы, ведущие к созданию догматических религий. Несомненно, что эти явления связаны с изменением общественной жизни в целом. Сначала мы наблюдаем создание некоего «религиозного *хорн*»²⁵⁹, когда под разными именами почитается один и тот же солнечный бог, и (что важнее) это начинает осознаваться верующими.

То же происходит и с культом богини-матери. Зарождающееся христианство получило, таким образом, уже в готовом виде от синкретических культов Передней Азии образы бога-Христа и девы-богоматери. Немалое влияние на новые религиозные представления оказали различные философские течения эллинистического периода, особенно неоплатонизм и стоицизм.

К концу аршакидского периода в Парфянской державе начало распространяться новое учение — христианство. На

восточной границе Парфянского государства, в стране кушанов, утвердился буддизм. Именно в это время в Вавилонии распространился иудаизм. Иудейские общины добились от Аршакидов довольно большой автономии и привилегий. Аршакидские цари отличались очень большой веротерпимостью.

Интерес к парфянскому изобразительному искусству возник сравнительно недавно. Большинство обнаруженных парфянских памятников, выполненных в традициях эллинистического искусства, прежде безоговорочно относилось к Средиземноморью. Самое искусство Ирана парфянского времени неправильно рассматривалось как «ненациональное», выпадающее из общей линии развития иранского искусства, и поэтому не удостоивалось внимания исследователей. В этом отношении характерны работы прежней французской археологической миссии в Сузах, где при раскопках археологи стремились как

можно быстрее прорубиться через мощный селевкидско-парфянский слой, чтобы скорее достичь до «крашеной керамики». Только за последнюю четверть века это отношение изменилось: раскопки раннебуддийских памятников Афганистана²⁶⁰ и северо-западной Индии²⁶¹, новые раскопки в Сузах²⁶², в Селевкии на Тигре²⁶³ и особенно многолетние работы в Дуре-Эвропос на Евфрате²⁶⁴ открыли новый мир. Немалая заслуга в этом принадлежит и советским ученым — К. В. Тревер²⁶⁵, поставившей вопрос о местном, греко-бактрийском искусстве, С. П. Толстову²⁶⁶, показавшему памятники античного Хорезма: архитектуру, скульптуру, ну-

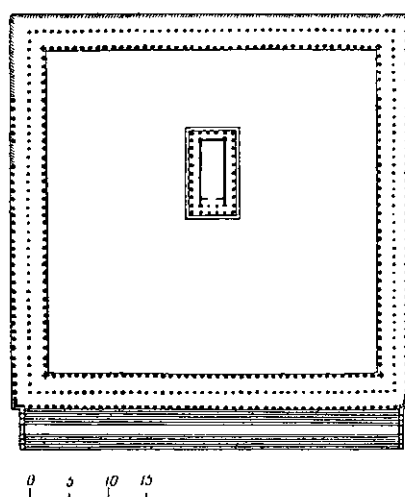

Рис. 45. План храма Анахиты-Артемиды в Кенгавере

мизматику, и ряду других советских археологов. Для изучения парфянского искусства огромное значение имеют работы Южно-Туркменистанской археологической экспедиции (ЮТАКЭ) в Нисе под руководством М. Е. Массона²⁶⁷.

Все же число известных парфянских архитектурных памятников невелико, и большинство их происходит либо с западной, либо с восточной периферии Парфянской державы.

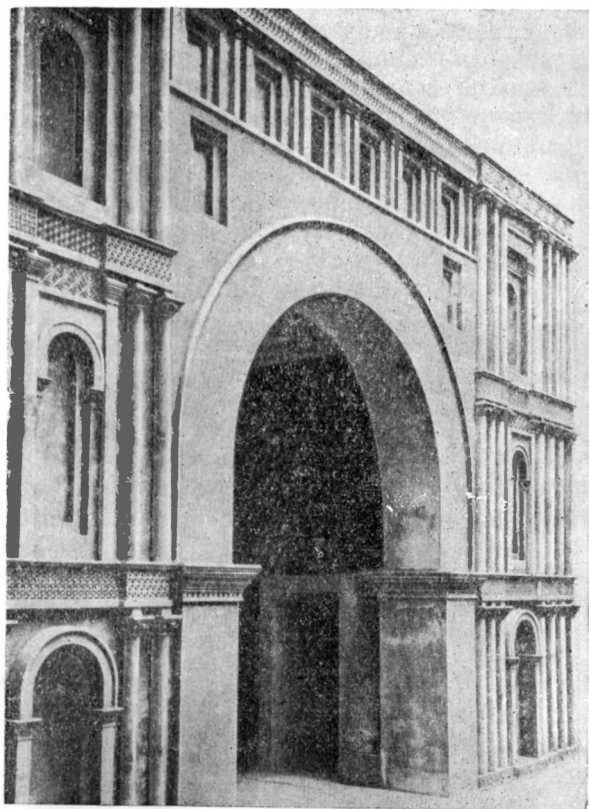

Рис. 46. Парфянский дворец в Лаббане (Ашшуре).
Реконструкция западного айвана

По-видимому, к раннепарфянскому времени относятся развалины храма Анахиты в Кенгавере²⁶⁸. Еще М. Дьелафуа идентифицировал эти развалины с храмом Артемиды в Конгобаре, упоминаемым Исидором Харакским²⁶⁹.

К селевкидскому периоду относятся, очевидно, две колонны удлинённых пропорций с ионийскими капителями, находящиеся около деревни Хуррэ, между Султанабадом и Кумом²⁷⁰. Это остатки большого здания. Если сами колонны могли стоять в любом эллинистическом храме Передней Азии, то базы их, несомненно, продолжают местные строительные традиции и сходны с базами колонн ахеменидских дворцов.

В парфянской архитектуре, несомненно, существовало несколько школ и направлений, воспринявших различные мест-

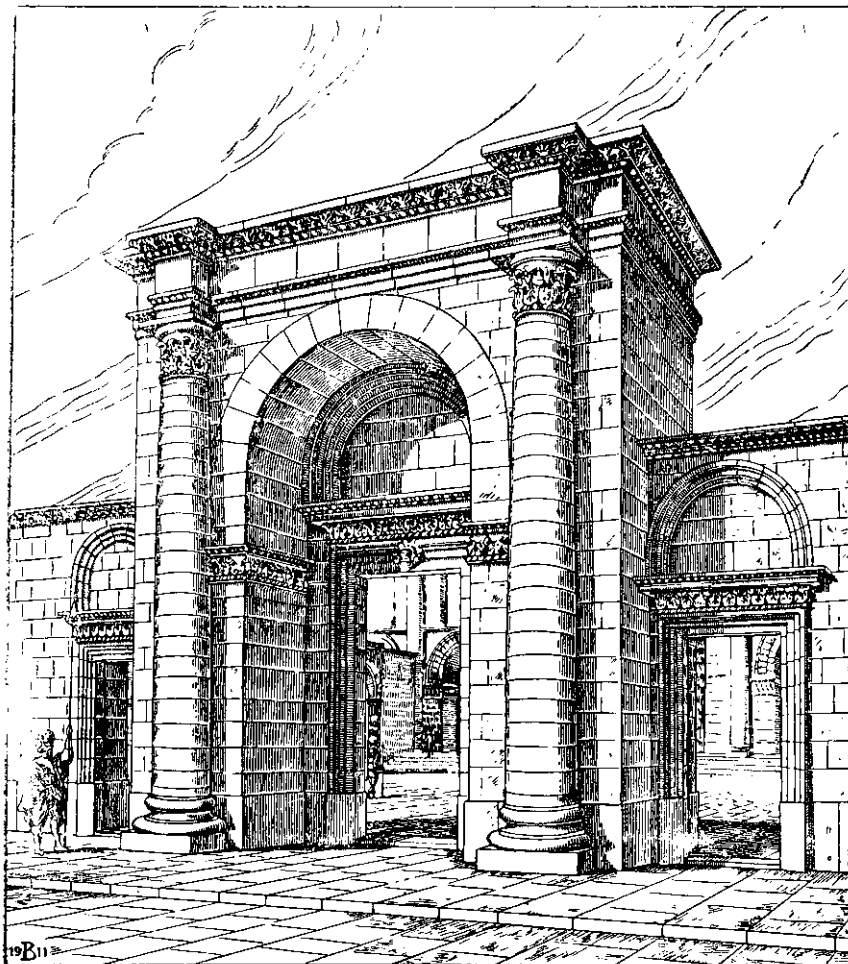

Рис. 47. Ворота в Хатре. Реконструкция

ные строительные традиции. Характерны в этом отношении два месопотамских города — Ашшур (Лаббан) и основанная парфянами Хатра²⁷¹. Если в Ашшуре здания возведены из кирпича и отделаны штукатурными украшениями, то в Хатре стены построены из бута с цементом и облицованы камнем. Парфянский дворец в Ашшуре, относимый к I в. н. э., имеет мало общего с эллинистической архитектурой. Здесь, так же как и в Хатре, мы видим столь типичный для иранского искусства открытый зал—айван—со входом, оформленным в виде арки. В Хатре сохранился целый ряд построек парфянского времени, в том числе парфянский дворец. В этих постройках чувствуется гораздо больше эллинистического влияния, хотя по времени они примерно одинаковы. Сильное влияние среднеазиатских строительных приемов несут на себе парфянские постройки Нисы²⁷². Особенно интересны приподнятый на двухметровой платформе из сырцового кирпича двухъярусный квадратный «аудиенц-зал», внутренняя площадь которого равна почти 400 кв. м, а также так называемый круглый зал, видимо, храмового назначения.

Парфяне любили украшать фасады зданий горельефными масками, а интерьеры — статуями: в Нисе, например, оба упомянутых зала были украшены раскрашенными глиняными статуями.

От парфянского периода имеются также памятники фортификационного искусства. Несколько парфянских крепостей обнаружено на восточной периферии Аршакидского государства, в советской Средней Азии²⁷³. Судя по сохранившимся остаткам, это были мощные крепостные сооружения с прямоугольными башнями, с узкими, стрельчатыми бойницами. Только к концу парфянского периода появляются башни новых форм: с фасадами овальной формы или прямоугольные в плане, но с «гофрами»²⁷⁴. Стена города Дура-Эвропос в первоначальном своем виде была построена парфянами, как и стены среднеазиатских крепостей, из сырцового кирпича и только впоследствии была облицована камнем.

Памятников парфянской храмовой архитектуры на самом Иранском плато пока не обнаружено, но нам известны парфянские храмы в Нисе и Таксиле, древнеиндийском городе (Пенджаб), а также парфянские храмовые постройки в городах Месопотамии: Ашшуре, Хатре, Дура-Эвропос и Уруке. Несмотря на существенное различие в строительном материале, архитектурных деталях и отделке, храмы эти имели общие черты: они стояли на платформе-подиум, состояли из глухой прямоугольной или квадратной комнаты-целлы, отделенной от наружной стены сводчатым обходным коридором; многие храмы имели колонные портики перед входом в целлу. Сделанная

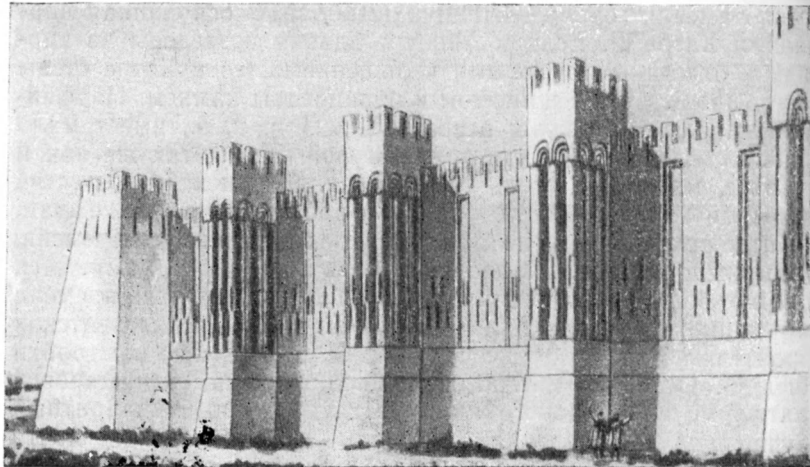

Рис. 48. Парфянская крепость Чильбурдж. Реконструкция
Г. А. Пугаченковой

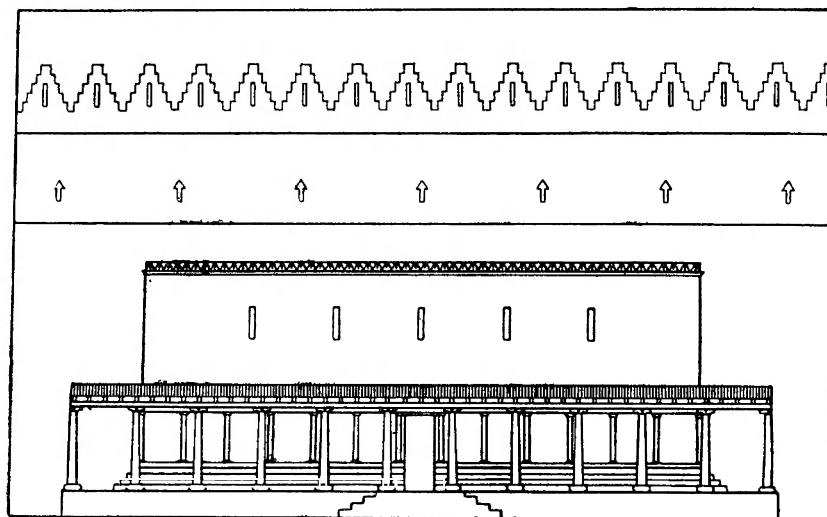

Рис 49. Парфянский храм в Нисе. Реконструкция
Г. А. Пугаченковой

в наружной стене храма лестница вела на крышу, где находился алтарь с горящим священным огнем, религиозные же церемонии происходили на открытом воздухе вокруг храма. Храм в Нисе был построен из сырцового кирпича и стоял на платформе также из сырцовых кирпичей (размеры кирпича: $40 \times 40 \times 12$ см), имел портик из деревянных колонн, опиравшихся на торовидные базы из зеленого песчаника, и, по-видимому, был двухъярусный. Он был покрыт штукатуркой и раскрашен красной и белой красками, принятыми в отделке парфянских построек. Общий план парфянских храмовых построек продолжает традиции ахеменидского строительства этого рода, при ином и довольно разнообразном решении архитектурного оформления²⁷⁵.

Изобразительное искусство парфянского Ирана стояло на довольно высоком уровне и представлено различными отраслями. Как уже было сказано выше, парфяне украшали фасады и интерьеры зданий скульптурами. Немалое число памятников парфянской скульптуры найдено в результате раскопок. И тут, как и в других областях искусства, наблюдается множество школ и направлений, уходящих своими корнями в местные традиции. Выдающимся памятником парфянской скульптуры является огромная бронзовая статуя знатного парфянина из Шами (Элимаида) в характерном парфянском одеянии, ниспадающем мягкими складками. Там же, в Шами, была найдена мраморная голова царевича и некоторые другие памятники скульптуры. Очевидно, греком из Суз, по имени Антиох, была выполнена найденная там мраморная голова царицы, относящаяся к концу I в. до н. э., — предпо-

Рис. 50. Бронзовая статуя парфянского времени из Шами. Тегеранский музей

Рис. 51. Деталь южного айвана главного дворца в Хагре

ложительно, Музы, жены Фраата IV. К более позднему времени относится скульптурный портрет бородатого мужчины. Черты схематизма в нем уже свидетельствуют об упадке искусства ²⁷⁶.

В Нисе наряду с мраморными статуями эллинистического стиля были найдены очень своеобразные статуи, мужские и женские, сделанные из сырой глины поверх свинцового, деревянного или камышевого каркаса; статуи эти были сплошь раскрашены ²⁷⁷. В Нисе же были найдены очень изящные терракотовые статуэтки, полые внутри, покрытые позолотой или частично раскрашенные.

Высокого искусства парфянские мастера достигли в горельефе, о чем свидетельствуют и изображения на фасаде парфянского дворца в Хатре, и миниатюрный портрет Вологеза (III?) на зеленом камне с парфянской надписью, предназначенный, видимо, для ношения в виде медальона ²⁷⁸.

От парфянского периода дошли также и монументальные барельефы, изображающие обычно сцены инвеституры, религиозной церемонии или единоборства, столь характерные для иранского искусства, встречающиеся также и на предметах торевтики как парфянского, так и последующего, сасанидского периода. Вместе с упоминавшимися в предшествовавших главах бисутунскими рельефами Готарзов (I и II) памятниками этого типа являются также недавно найденный в Сузах барельеф, изображающий последнего аршакидского царя Артабана V, и группа барельефов из Танг-и Сарвака (Элимаида) ²⁷⁹.

Другим видом искусства, получившим большое развитие у парфян, является монументальная фресковая живопись. В Кух-и Ходжа, на острове в центре озера Хамун в Сеистане, находятся остатки построенного Гондофарром дворца (I в. н. э.) с превосходной красочной стеной живописью, изображающей богов, музыкантов и царствующих супругов; в ней очень сильно чувствуется эллинистическое влияние ²⁸⁰. О парфянской фресковой живописи мы можем судить и по замечательным находкам в той же Дуре-Эвропос. Здесь особенно нужно отметить роспись храма Митры, где это божество изображено охотящимся на оленей в сопровождении священных животных: змеи, льва и кабана. В этой композиции мы узнаем ряд черт, знакомых нам по искусству Ирана более позднего сасанидского периода. Те же фигуры животных, изображенные скачущими во весь опор (прием, столь характерный для искусства Ирана), величественное канонизированное изображение божества в парфянском царском одеянии, стреляющего из лука. Характерна и сама тематика — сцены охоты. Подобная же сцена охоты имеется и в росписи частного дома в Дуре-Эвропос, где изображена и другая типичная сцена — пир ²⁸¹.

Рис. 52. Митра на охоте. Роспись из митрейона в Дура-Эвропос

Рис. 53. Парфянская серебряная чаша. Государственный Эрмитаж

Другие образцы стенной живописи из Дура-Эвропос связаны скорее с искусством Сирии и могут считаться предшественниками раннего христианского искусства. Весьма характерной для парфянского изобразительного искусства чертой является фронтальность изображения, которая затем была унаследована и сасанидским искусством, а через него оказала известное влияние и на искусство византийское.

Предметы парфянского художественного ремесла также весьма интересны и свидетельствуют не только о значительном влиянии греческого художественного ремесла на парфянское, но и о создании совершенно нового и самостоятельного искусства, вобравшего в себя традиции ахеменидского художественного ремесла, а также сюжеты и орнаментику североиранских кочевников. Замечательными образцами парфянского прикладного искусства являются резные ритоны из слоновой кости, найденные в Нисе, со скульптурными фигурами крылатых грифонов, кентавров, богинь, слона и фантастических животных. Верхняя часть ритонов имеет барельефный фриз с изображением различных сцен. Ритоны были инкрустированы золотом, серебром, стеклом и самоцветами. Примерная их датировка — II в. до н. э.²⁸² К памятникам искусства следует отнести также произведения мелкой пластики, например набор парфянских резных костяных пластинок из Ольвии, греческой

Рис. 54. Парфянская серебряная, частично золоченая чаша.
Берлинский музей

Рис. 55. Ритон из слоновой кости, Ниса. Государственный музей восточных культур, Москва

Рис. 56. Ритон из слоновой кости. Ниса. Государственный музей восточных культур, Москва

Рис. 57. Отпуски перстней-печатей парфянских чиновников. Микрдаткерг (Старая Ниса). I в. н. э. Сильно увеличено

колонии на берегу Черного моря²⁸³, равно как геммы, печати²⁸⁴ и монеты с художественно выполненными портретами парфянских царей.

В 20-е годы на территории Мидии, около Нихавенда, был найден клад, получивший название «сокровищницы Каренов». Клад содержал прекрасные произведения парфянской торевтики, без знания которой трудно понять сасанидское художественное серебро²⁸⁵.

Таким образом, перед нами жалкие остатки могучего и разнообразного искусства. Мы с трудом можем проследить основную линию его развития. Синкретичное, как все виды идеологий того времени, искусство парфянского Ирапа представляет собой сложное переплетение местных иранских черт, унаследованных еще от далекого прошлого, с чертами искусства Месопотамии, Сирии и Малой Азии. Несомненное влияние и просто участие греко-македонских мастеров: архитекторов, скульпторов, резчиков по металлу, кости, камню — дает себя знать. Но это влияние было своеобразно

Рис. 58. Золотая деталь конского убора. «Сокровищница Каренов»

Рис. 59. Серебряная, частично позолоченная чаша парфянского времени. «Сокровищница Каренов»

Рис. 60. Бронзовая фигурка «сфинкса». Мнхрдаткерт (Старая Ниса)

переработано, и много новых, ранее не встречающихся элементов было привнесено в их искусство. Светское искусство, искусство придворное по своему существу, любимыми темами которого были занятия знати — пиры и охоты — уже выработало ряд канонов в изображении животных, человека, пейзажа, — канонов, повлиявших затем на искусство сасанидского времени. Несмотря на придворный, монументальный характер этого искусства, в нем отразились и народные художественные вкусы.

Часть третья

—

С А С А Н И Д Ы

1. СОЗДАНИЕ САСАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Персида (по-гречески), или Парс (по-ирански), — область на юго-западе Иранского плоскогорья, — как мы видели, была центром мировой державы Ахеменидов. Однако уже и в то время значение ее было почти исключительно политическое. Экономическими и культурными центрами Ахеменидского государства были более западные области: Элам, Западная Мидия и Месопотамия. После завоеваний Александра Македонского и политическое значение Парса было сведено на нет.

Но все это время — от разгрома Александром Македонским Ахеменидской державы до падения Парфянского царства — Парс жил своей самостоятельной жизнью.

До нас дошли монеты, чеканившиеся правителями Парса. Первая серия монет относится еще к селевкидскому времени, последняя — к I в. до н. э. — II в. н. э. Имена правителей указывают на их связь с ахеменидской традицией¹.

В начале III в. н. э. в Парсе существовало несколько мелких княжеств. Каждый из князьков, власть которого не простиралась далее пределов одного городка и его окрестностей, важно титуловал себя царем. Главное княжество Парса с центром в Стахре, расположенном у озера Нейриз, вблизи от развалин ахеменидской столицы Персеполя, находилось в руках Гочихра из династии Базранги². Базрангиды утвердились в Стахре, вероятно, в начале II в. н. э. В 50 км к юго-западу от Стахры находился Дар-и Спет — Белый Дворец — резиденция Гочихра, в которой, согласно хронике Табари, Гочихру был представлен семилетний Арташир, будущий основатель династии Сасанидов.

Новое объединение Ирана начинается из Парса. Знатный род Сасанидов, ведущий свое происхождение от легендарного Бахмана, которого иранская традиция связывает с Ахеменидами, выступает как собиратель земель Парса. Предание говорит, что Сасан, дед Арташира, — жрец храма Анахиты в Стахре³ — был женат на принцессе из династии Базранги-

дов. Его сын, Папак, вначале также был верховным жрецом Анахиты, унаследовав эту должность от своего отца, но около 208 г. он стал царьком небольшого района недалеко от Стахра. Сын Папака, Арташир, согласно преданию, воспитывался по совету Гочихра правителем (аркапатом или аргбедом) крепости Дарабгирд и после смерти своего опекуна стал его преемником⁴. Будучи аргбедом Дарабгирда, Арташир всемерно поддерживает честолюбивые планы своего отца. Постепенно Арташир начинает расширять свои владения за счет соседних княжеств, а затем, почувствовав себя достаточно сильным, в союзе с Папаком свергает и убивает могущественнейшего из князей Парса — Гочихра (около 212 г. н. э.). Папак просит у верховного владыки — парфянского царя Артабана V — разрешения посадить на место Гочихра своего сына Шапура. Артабан отказывает, тем не менее Шапур становится правителем Стахра. Но он правит недолго. По преданию, он погибает в результате обвала здания, и царьком становится его брат — Арташир⁵.

В городе Гор (совр. Фирузабад) Арташир основал свою резиденцию, назвав ее Арташир-Хваррэ (Слава Арташира)⁶.

Закрепившись в Парсе, Арташир покоряет княжества в Кермане и Джее (Габы, совр. Исфахан) и вторгается в Хузистан (древняя Сузиана), одну из важнейших областей Западного Ирана, непосредственно примыкающую к Месопотамии. Разбив парфянского правителя Хузистана, Арташир начинает продвигаться на север, что создает уже непосредственную угрозу центральному парфянскому правительству. Артабан V собирает войско и движется навстречу Арташиру. На равнине Ормиздакан, в Мидии, в апреле 224 г. н. э. происходит генеральное сражение. Парфяне были разбиты, а Артабан, как говорит предание, погиб в бою от руки самого Арташира⁷.

Арташир вступает в Ктесифон и оттуда начинает захват остальных областей, подчинявшихся Артабану. Сын Артабана — Артавазд — еще чеканит некоторое время монеты, но с 227 г. н. э. они исчезают⁸. Арташир становится полновластным хозяином огромного Парфянского царства.

Полагают, что захват Ктесифона и торжественное вступление Арташира на престол произошло в 226 г. н. э. Этим годом обычно начинали сасанидский период в истории Ирана, но последнее время за начало периода стали чаще принимать битву при Ормиздакане, т. е. 224 г. н. э.⁹. Личность Арташира была чрезвычайно возвеличена в официальной иранской традиции; вокруг его имени сложилось немало легенд. Так, например, до нас дошел даже небольшой исторический роман

«Деяния Арташира, сына Папака», где Арташир, между прочим, выступает в роли эпического героя, борца со змеем¹³. Ни официальная сасанидская хроника, ни, тем более, дошедший до нас исторический роман не дают нам ответа на то, каковы были истинные причины успехов Арташира. Единственное сочинение, рассказывающее о внутреннем устройстве Сасанидского царства во времена Арташира, так называемое «Письмо Тансара», дошедшее до нас в персидской передаче XIII в., при внимательном изучении оказалось тенденциозной подделкой, составленной в последний век существования Сасанидской державы¹¹.

Для того чтобы доказать законность власти Сасанидов, преемственность ее от парфянской Аршакидской династии, была создана легенда о том, что Арташир после разгрома Аршакидов взял себе в жены дочь (по другим версиям, племянницу) Артабана и от этого брака родился Шапур, наследник Арташира¹². Однако другие, более достоверные источники сообщают, что Шапур принимал участие в битве при Ормиздакане, следовательно, был уже взрослым человеком при вступлении своего отца на престол¹³.

Не нужно думать, что переход власти в Иране от парфянской династии Аршакидов к Сасанидам был чем-то подобным смене власти мидян властью персов Кира. Нет, здесь произошли существенные качественные изменения. Иначе невозможно объяснить, почему распадавшийся на составные части, бессильный в борьбе с Римом Аршакидский Иран смог под властью Сасанидов превратиться в могучее государство, приобрести новые силы и в течение еще четырехсот с лишним лет успешно бороться с Римом, а затем и Византией за господство на Переднем Востоке. Поэтому необходимо отметить, что приход Сасанидов к власти не был просто династическим переворотом. Он был важным звеном в целой цепи событий, происходивших в Средиземноморье и Западной Азии и знаменовавших собой кризис рабовладельческой системы, рабовладельческого мира в целом.

Рис. 61. Монета Арташира Папакана с его изображением. Государственный Эрмитаж. Увеличено

Выше уже был отмечен рост элементов феодального общества в Парфянском государстве. Но Аршакидская династия, ослабленная борьбой с Римом, запутавшаяся в сложных социальных противоречиях, колебавшаяся между рабовладельческим Западом и общинно-родовым Востоком, не смогла дать решительный толчок развитию новых общественных отношений. Это сделало государство Сасанидов. Однако, как

мы увидим дальше, этот процесс был долгим и мучительным.

Рис. 62. Монета Шапура I с его портретом. Увеличено

Арташир, захватив почти все области Парфянского царства, потерпел неудачу в Мидии Атропатене и в Армении, где правила боковая ветвь Аршакидского дома, на некоторое время сумевшая сохранить свою независимость.

На западе Арташиру пришлось подчинить мелкие княжества, лежавшие между Парфией и римскими владениями, но одно из них, Хатру, ему завоевать не удалось. По-видимому, им

же было создано маленькое Хирское арабское княжество Лахмидов, охранявшее Месопотамию от набегов бедуинов Сирийской пустыни¹⁴. Римская империя противопоставила Хирскому княжеству другое арабское княжество — Гассанидов, расположенное на севере Сирийской пустыни¹⁵.

На востоке Арташир также вел энергичную завоевательную политику, доведя границы своего государства до далекого Хорезма в низовьях Аму-Дарьи. По преданию, уже в царствование Арташира Ирану подчинялись такие далекие области, как Мервский оазис, Сеистан, Мекран, большая часть современного Афганистана, до долины Кабула¹⁶.

Арташир умер в 242 г. н. э. На престол вступил его сын Шапур, участник всех завоевательных предприятий своего отца, начиная с битвы при Ормиздакане¹⁷.

При Шапуре I (242—272) снова разгорается борьба с Римом¹⁸. Война идет с переменным успехом, но Шапуру удается нанести серьезное поражение римлянам на Евфрате, в Вавилонии, причем в битве погибает император Гордиан (февраль 244 г.). Город, возле которого произошло это сражение, получил название Пероз-Шапур—Победа Шапура (Мисихе). Рим-

ские источники впоследствии всячески замалчивали это поражение римлян, а гибель Гордиана приписывали предательству Филиппа Араба. Объективные факты дошли до нас в двух источниках: в «Сивиллиных книгах» и в трилингве на «Каабе Зороастра». Однако, судя по тому, что наложенная на римлян контрибуция была невелика, поражение их не было полным. Шапур I заключает мирный договор с императором Филиппом Арабом¹⁹ и добивается присоединения Армении к Ирану.

Во второй половине царствования Шапура I в связи с разногласиями, возникшими из-за Армении, снова начинается война между Римом и Ираном. Решительная битва, в которой Шапур I разбил римскую армию в 60 тыс. человек, произошла при Барбалиссе, на правом берегу среднего Евфрата. Римлянами командовал, по-видимому, легат Сирии²⁰. Об этом поражении римлян и деталях дальнейшей кампании²¹ мы узнаем из той же надписи на «Каабе Зороастра»: римские источники тщательно стараются скрыть позорные для Рима факты. Примерную дату этой битвы позволяют установить пехлевийские надписи из синагоги в Дура-Эвропос²², в которых имеется дата обороны Дура-Эвропос — октябрь 255 г. н. э. Верхним хронологическим рубежом является последний выпуск монет императора Валериана в Антиохии, датированных 256 г..

После этого сражения персидское войско делится на две части: одна идет на юго-запад, другая на юг. За этим следует вторжение в Сирию и захват крупнейших сирийских городов, в том числе Антиохии, вторжение в Киликию, Каппадокию и Малую Армению, сопровождаемое захватом городов, перечень которых есть в упоминавшейся уже трилингве Шапура I. Заключительный этап борьбы Шапура I с Римом — разгром римского войска при Эдессе²³, где был взят в плен сам император Валериан. За этой победой персов (260 г.) последовало второе вторжение их в Сирию, Киликию, Каппадокию, Малую Армению, а также захват Коммагены и большого числа городов в этих странах. Вторжение сопровождалось грабежом и массовым насильственным переселением городского населения из этих стран, главным образом ремесленников, в Парс, Парфию, Хузистан, Вавилонию и другие области Ирана. Взятые же в плен римляне во главе со своим императором были уведены в Хузистан, в город Гунди-Шапур (сирийское название — Бет-Лапат). Этот город был одним из главных культурных центров Сасанидской империи. Согласно преданию, римскими военнопленными была воздвигнута сохранившаяся до наших дней плотина между городами Шуштер и Дизфуль на реке Карун. Современное название плотины — Банд-и Кайсар

Рис. 63. Триумф Шапура I. Накш-и Рустем

(т. е. «плотина кесаря») — сохранило нам воспоминание об этом событии.

По-видимому, в Иране придавали большое значение победе над римлянами и пленению Валериана, так как в память об этом событии на скалах были высечены грандиозные рельефы (в городе Шапуре и в местности Накш-и Рустем), изображающие Шапура-триумфатора и побежденного Валериана²⁴.

Но победа иранцев над римлянами должна объясняться скорее слабостью римлян, чем силой иранцев. Это видно хотя бы из того, что, возвращаясь из победоносного похода, Шапур подвергся нападению со стороны пальмирского царя Одената. Для Пальмиры усиление Сасанидского государства было чрезвычайно опасным. Поэтому Оденат и решил напасть на Шапура. В этом сражении войска иранцев были разбиты²⁵.

Несмотря на отдельные неудачи, Шапуру удалось значительно укрепить позиции молодого государства на Переднем Востоке. Особенно прочно Шапур утвердился в Закавказье. Это произошло главным образом вследствие того, что римляне, ослабленные военными неудачами, не могли отстаивать свои интересы в Армении и Грузии. Питиахшем Грузии был посажен брат Шапура. В Армении же Трдат III, сын Аршакида Хосрова, должен был до поры до времени проводить политику Сасанидов²⁶.

Наиболее значительным внутренним событием царствования Шапура I было начало пропаганды Мани, вылившейся затем в широкое общественное движение, известное под названием манихейства²⁷.

О периоде, последовавшем за смертью Шапура I (272 г.), у нас очень мало сведений. Известно, что за короткий срок, с 272 по 293 г., в Иране правили четыре царя: сын Шапура — Ормизд I (272—273 гг.), брат Ормизда — Бахрам I (Варах-ран, 273—276 гг.), сын Бахрама I — Бахрам II (276—293 гг.) и затем сын Ормизда I — Бахрам III (293 г.). Чем объясняется такая быстрая смена царей, нам неизвестно. Во всяком случае, один из них (Бахрам III) потерял трон в результате междоусобной борьбы. Из событий этих царствований мы знаем о возобновившейся борьбе с Римом и вторжении императора Кара в Месопотамию, после чего был заключен в 283 г. выгодный для римлян мир. Персы же потеряли контроль над Арменией²⁸. Эти неудачи на западе были, по-видимому, вызваны большим восстанием на востоке, где царевич Ормизд, брат Бахрама II, при поддержке среднеазиатских и восточно-иранских народов пытался получить независимость²⁹.

К этому же периоду (конец царствования Бахрама I) относится заключение в тюрьму и смерть основателя движения манихеев — Мани³⁰.

2. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И САСАНИДСКИЙ ИРАН

В IV в. н. э. происходит дальнейшее укрепление Сасанидского государства. Борьба с Римской империей принимает все более сложные формы.

Это был период больших социальных сдвигов во всем Средиземноморье. Фактическое распадение империи получило официальное признание и отражение в реформах Диоклетиана. В царствование Константина христианство становится государственной религией Восточной Римской империи, центр государства переносится на восток, в Византий, названный Константинополем (330 г.). Победа христианства, а также создание могущественной организации — церкви, поставленной на службу государства, — это внешнее проявление сложных внутренних процессов, которые вели к победе феодального строя.

Во взаимоотношениях двух величайших держав того времени появляются факторы, порождающие новые формы борьбы.

Уже в конце III в. н. э., вследствие некоторой стабилизации Римской империи при Диоклетиане, римлянам удается одержать победу над Сасанидом Нарсе (293—302), одним из младших сыновей Шапура I, отнявшим власть у Бахрама III³¹. Борьба, как обычно, разворачивалась вокруг Армении.

Сначала Нарсе удалось изгнать из Армении римского ставленника Трдата IV, но затем сам кесарь Галерий принял командование над армией и добился победы над персами, восстановления Трдата на армянском троне и признания Иберией суверенитета Рима. Мир, заключенный в Нисибине в 298 г., был невыгоден для Ирана, однако последующие внутренние события не позволили Сасанидам скоро возобновить борьбу за Армению³². Уже царствование Ормизда II (302—309 гг.) прошло под знаком внутренних смут. Один из сыновей Ормизда II (Азарнарсе) был убит после кратковременного правления, другой — ослеплен, третий — Ормизд — бежал в Восточную Римскую империю. Знать возвела на престол грудного младенца — младшего сына Ормизда II — Шапура II (309—379 гг.).

В этот бурный для Ирана период правящая верхушка Армении, группировавшаяся вокруг Аршакидского дома, все больше и больше ориентируется в своей политике на Восточную Римскую империю. Трдат вводит в Армении христианство как государственную религию.

Преобразование христианства в Риме из религии гонимой в государственную, господствующую на всем Средиземноморье, — вопрос очень сложный и не может быть здесь рас-

смотрен. Однако необходимо отметить, что принятие христианства правящей верхушкой Армении знаменовало дальнейший отход от Ирана и сближение с восточными областями Римской империи, где в это время происходили аналогичные процессы.

Несколькими годами позднее христианство становится государственной религией Римской империи. Уже Миланский эдикт (313 г.) прекратил преследование христиан, а Никейский собор (325 г.), на котором председательствовал сам император Константин, правда, еще не христианин в то время, закрепил связь государства с христианской церковью.

В связи с этими событиями изменилось и отношение к христианам в сасанидском Иране. Когда христиане подвергались гонениям в Римской империи, цари Ирана охотно принимали их на своей территории, надеясь приобрести в лице христиан союзников в тылу у римлян³³. Теперь же, когда христианство стало господствующей религией враждебного Рима, в Иране христиане правоверного толка подвергались гонениям, и сасанидские цари стали поддерживать представителей различных еретических учений, оппозиционных официальной церкви и Римской империи³⁴.

О первых десятилетиях царствования Шапура II нам почти ничего неизвестно. По-видимому, в эти годы происходит укрепление Сасанидского государства, так как, когда снова начинается борьба между Римом и Ираном, уже в царствование Констанция II — преемника Константина, — Иран выступает сплоченным, могущественным государством, добивающимся решительных успехов в этой борьбе.

Борьба между Римом и Ираном шла за укрепленные пункты Северной Месопотамии: Нисибин, Сингару, Бет-Забдэ и за Армению.

В начале IV в. Армения ориентировалась на Рим. В царствование Трдата IV (287—332 гг.) и Хосрова II (332—342 гг.) складывается и приходит к власти христианское духовенство, возглавляемое католикосами из могущественного и влиятельного рода Григория Просветителя. Однако Сасаниды, не желая потерять влияние на армянские дела, поддерживали ту часть знати, которая была недовольна римской ориентацией правящей верхушки. Таким образом, в господствующем классе Армении происходит раскол и две группы ведут между собой борьбу, разжигаемую великими соседями — Римом и Ираном.

Интриги Ирана привели к заговору, в результате которого армянский царь Хосров II и глава армянского духовенства принуждены были бежать в Римскую империю. Константин II пошел на вооруженное вмешательство в дела Армении

и восстановил Хосрова II на престоле. После этого Шапур II также переходит от дипломатии и интриг к военным действиям³⁵.

Однако вскоре внимание Шапура II было отвлечено на Восток, так как на северо-восточные и восточные окраины Сасанидского государства стали нападать варварские племена: хиониты и саки³⁶. К 358 г. Шапур II отразил их нападения и даже заключил с ними союзный договор. Позднее хиониты участвовали в войне Шапура II с Констанцием II на стороне персов³⁷. К этому же времени относится попытка мирных переговоров, сделанная Констанцием. Но, по словам римского историка Аммиана Марцеллина, «полагая, что такие начинания предпринимаются только в виду ослабления сил государства, Шапур, возгордившись больше прежнего, заявил, что он согласен на мир, но условия предложил тяжкие»³⁸.

В 359 г. развернулись военные действия. Персы одерживают ряд побед, занимают важную крепость Амиду, однако победа достается им недешево. В следующем, 360 г. персы развивают достигнутые ранее успехи. Сасанидские войска берут Сингару и Бет-Забдэ³⁹.

Констанций, опасаясь, что успехи персов привлекут на их сторону армян и иберов, стремится подарками и посулами удержать на своей стороне армянского царя Аршака II (350—367) и царя Иберии Мерибона⁴⁰.

В 361 г. Констанций умирает и императором становится Юлиан. Его кратковременное правление отмечено возвращением к «язычеству». Однако это был лишь эпизод, не остановивший успехов христианства в Восточной Римской империи.

Юлиан энергично берется за подготовку кампании против Ирана. В 363 г. он перешел Евфрат и вторгся в Месопотамию. Дойдя до Карр, он повернул на юг и стал быстро продвигаться вдоль левого берега Евфрата, встречая лишь незначительное сопротивление. Затем он направился к Ктесифону, но здесь был задержан большим войском персов. Римляне находились в тяжелом положении. Быстрый марш по незнакомой местности утомил солдат, снабжение армий было затруднено, кроме того, персы внезапными нападениями все время тревожили войска Юлиана, причиняя ему немалый урон⁴¹.

Юлиан колебался: углубляться ли ему дальше на Восток, в Мидию, или же закреплять за собой завоеванные территории. В это время произошла катастрофа: 20 июня 363 г. в одной из небольших стычек Юлиан был ранен шальным дротиком и умер в тот же день. Войска избрали императором Ювиана, которому осталось только заключить мир и выговорить беспрепятственное отступление легионов, чтобы сохранить хотя бы живую силу⁴².

Персы получили в Северной Месопотамии ряд важных опорных пунктов, господствующих над путями из Малой Азии в Армению и Мидию, среди них такие сильные крепости, как Нисибин и Сингара. Кроме того, римляне обязались не поддерживать армянского царя Аршака, что означало, конечно, установление господства Сасанидов в Армении. В 367 г. Аршак был схвачен и заключен в одну из крепостей в Мидии, где вскоре и умер. Сасаниды заняли все важнейшие пункты Восточной Армении.

Тем временем император Валент посадил на трон Армении своего ставленника Папа. Однако Пап стремился проводить самостоятельную политику. Поэтому он сначала вытеснил сасанидские гарнизоны (во главе армянских войск стоял спарпет Мушег Мамиконян, который действовал совместно с римлянами), затем попытался договориться с персами, чтобы не быть полностью под властью Рима. Энергично проводимая Папом политика централизации и усиления царской власти, диктовавшаяся в то время интересами сохранения армянского государства и его независимости, вызвала противодействие усилившейся армянской знати. Стремясь сломить ее сопротивление, Пап не останавливался даже перед конфискацией земельных владений не только знати, но и армянской церкви, сильно урезав ее доходы. Таким образом, внутри страны недоброжелательная знать и духовенство, во главе с католикосом Нерсесом, образовали сильную оппозицию. Враги Папа обвинили его даже в отравлении Нерсеса. Римская партия устраивает заговор против Папа, оклеветав его перед Валентом, и он погибает в 374 г.⁴³

Казалось бы, римляне могли теперь свободно действовать в Армении, но в это время началось нашествие готов на Римскую империю, и императору Валенту пришлось дать согласие на предложенный Шапуrom II раздел Армении. Однако этот раздел произошел уже после смерти обоих правителей. В 378 г. погиб Валент, а в 379 г. умер Шапуr II.

Шапуr II царствовал около семидесяти лет. За этот период Сасанидское государство сильно окрепло. Оно успешно боролось с Римом, укрепило свои позиции в Месопотамии и Армении и сумело не только отразить кочевников Востока, но и сделать их своими союзниками в борьбе с Римом.

Шапуру II приписывают основание ряда городов, в том числе города Эран-Хваррэ-Шапуr (Слава Ирана — Шапуr), построенного на месте разрушенных Суз, население которых было истреблено в наказание за восстание. Новый город, как показывают раскопки⁴⁴, обладал огромными размерами (один только царский дворец занимал 1 кв. км), а в строительстве его был широко использован труд военнопленных и населе-

Рис. 64. Сасанидское серебряное блюдо с изображением Шапура II на охоте. Государственный эрмитаж.

ния, угнетенного с завоеванных территорий (обычная практика сасанидских царей). В честь победы при Бет-Забдэ над Константином Шапур II основал город в 40 км от места битвы, получивший название Пероз-Шапур (Fēšābūr сирийских источников) ⁴⁵.

Из внутренних событий необходимо отметить и гонение на христиан, начавшееся в царствование Шапура II ⁴⁶. О политических причинах этих гонений уже было сказано выше. Никто, кажется, не выразил яснее политическую сущность преследований христиан, чем сам царь Шапур II: «Они населяют нашу территорию, — сказал он, — а разделяют чувства Кесаря, нашего врага!» ⁴⁷.

В конце IV в. царствуют: Арташир II (379—383) — брат, или, по мнению других, дядя Шапура II ⁴⁸; Шапур III (383—388) — сын Шапура II; Бахрам IV (388—399) — сын Шапура III. При Бахrame IV произошел раздел Армении

между Ираном и Римской империей, причем большая, восточная, часть Армении отошла под протекторат Ирана, а западная — Рима. Уже в последние два царствования во внутренней жизни Сасанидского царства намечаются изменения, которые становятся особенно очевидными в царствование брата Бахрама IV — Ездегерда I (399—420 гг.).

3. САСАНИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В V в. н. э., который внес так много нового в жизнь Переднего Востока, в Иране происходит борьба между царем (и его ближайшим окружением) и нарождающимися духовными и светскими феодалами, борьба, происходившая на фоне больших социальных сдвигов, народных восстаний, потрясших в конце V в. самые основы Сасанидской державы. Раздираемое внутренними противоречиями Сасанидское государство подверглось, кроме того, жестоким ударам внешнего врага — кочевников Средней Азии.

К III в. н. э., после распада царства Кушанов, объединявшего в I—II вв. н. э. громадные территории Средней Азии и Северной Индии, в Бактрии, Согдиане и Хорезме образовалось большое количество мелких княжеств — «городов-государств». Эти княжества часто объединялись в конфедерации, представлявшие значительную политическую силу. Такие конфедерации были в Фергане, по среднему течению Зеравшана, в Бухарском оазисе.

В этих княжествах господствовали еще дофеодалные отношения. Основная масса земледельческого населения — согдийцы и хорезмийцы — была свободной. Первичной ячейкой общества являлась, по-видимому, дворовая большесемейная община — *кед*, обитавшая в укрепленной усадьбе. Кроме полноправных членов общины, в нее входили *кедиверы* — своего рода клиенты — и рабы. Представители господствующей верхушки общества назывались так же, как и все свободные, т. е. *дехканами*, но их усадьбы отличались большим размером, а число кедиверов и рабов в них было гораздо значительнее, чем в рядовом кед. Существовало и богатое купечество, по своему облику и характеру жизни мало отличавшееся от богатых дехкан. Известно, что согдийские купцы держали в своих руках торговлю между Китаем и Передним Востоком. Их колонии были разбросаны по всему великому торговому пути, шедшему из Ирана через оазисы Средней Азии и Восточного Туркестана в Китай ⁴⁹.

В источниках мы часто встречаем упоминания о средне-

азиатских городах, но они не походили на феодальные восточные города более позднего средневековья⁵⁰.

Каждый такой город с прилегающей сельской округой составлял более или менее самостоятельную политическую единицу. Однако обычно все эти отдельные владения входили в крупные, хотя и непрочные государственные объединения. К началу V в. н. э. земледельческие оазисы за Аму-Дарьей были завоеваны кочевым народом — эфталитами, или хионитами, — создавшим могущественную державу на обширных пространствах Средней Азии⁵¹.

Сочетание кочевого и оседлого населения и их постоянное взаимодействие вообще характерны для истории Средней Азии. Кочевники, соприкасаясь с населением земледельческих оазисов, вступали с ними в экономическое и культурное общение. Но это общение отнюдь не всегда было мирным: дело не ограничивалось обменом продуктов сельского хозяйства на продукты хозяйства кочевого. Часто кочевники нападали на жителей оседлых районов, грабили их и возвращались обратно в свои степи. Общение со сравнительно высоко развитым обществом оседлых районов, интенсивный обмен, обогащение племенной верхушки за счет набегов и грабежей — все это способствовало скорейшему разложению родового строя у кочевников и созданию варварских держав. Правители таких держав ставили своей целью уже не беспорядочное ограбление земледельческих оазисов, а включение их в состав державы и систематическую эксплуатацию их населения. С этим процессом был, по-видимому, связан и другой: постепенное оседание значительных масс кочевников и смешение их с коренным населением страны.

Такова, вероятно, была первоначальная история сложения Эфталитской державы. К первой половине V в. н. э., когда в источниках появляются упоминания об эфталитах, они — уже господствующая народность обширной державы, простиравшейся от оазисов Китайского Туркестана до спускавшихся к Инду долин на юге и хорасанских владений Сасанидов на западе.

Сасанидская держава, ослабленная внутренней борьбой царя с крепнущими знатными родами, столкнулась с эфталитами в 20-х годах V в. н. э.

Очевидно, к V в. процесс усиления феодальных элементов в стране дошел до такой стадии, когда ярко стали проявляться сепаратистские тенденции крупных землевладельцев. В результате этого разгорается борьба между центральной властью (царь и его бюрократия) и земельной знатью — светской и духовной. В царствование Ездегерда I (399—420 гг.) эта борьба принимает ожесточенный характер. Царь, ища союз-

ников в борьбе с феодалами, решил опереться на христиан. Он дал им ряд привилегий, даже в ущерб зороастрийской религии и ее служителям⁵². Кроме того, Ездегерд стремился к мирным отношениям с Византией. Некоторое время он даже считался опекуном малолетнего императора Феодосия II⁵³. Иранские христиане должны были служить для Ездегерда связующим звеном между ним и Византийской империей. Мы упоминали, что сасанидские цари после утверждения в Римской империи христианства как господствующей религии стремились поддерживать на иранской территории различные секты, боровшиеся с официальной христианской церковью. Ездегерд изменяет традиционной политике сасанидских царей и стремится к объединению христиан Ирана и Византии. Церковный собор, созванный в Селевкии в 410 г. н. э. не без ведома царя и руководимый епископом Марутой, специально присланным императором ко двору Ездегерда, постановил объединить иранскую и византийскую церкви и провел реорганизацию церковной иерархии. Христиане Ирана получили право строить церкви, свободно передвигаться по стране и свободно отправлять свой культ. Несомненно, что в ближайшем окружении царя было много христиан⁵⁴.

Понятно, что христианские писатели прославили Ездегерда как справедливого и милосердного царя, в то время как официальная сасанидская традиция дала ему прозвище «грешника». Ориентация Ездегерда на христиан и Византию объясняется именно ненавистью к нему знати — духовной и светской, чье усиление казалось царю опасным для единства и мощи державы⁵⁵.

К концу своего царствования Ездегерд несколько изменил свое отношение к христианам. Это можно объяснять либо желанием пойти на компромисс с зороастрийским духовенством, борьба с которым приняла опасные для царя формы, либо страхом, что христиане (и стоящая за их спиной Византия) могут усилиться настолько, что станут новой, не менее грозной, чем сепаратисты-князья, опасностью для Сасанидской державы⁵⁶.

Так или иначе, но в конце царствования Ездегерд предпринимает ряд репрессий против христиан.

В 420 г. Ездегерд таинственным образом погибает во время посещения северо-восточной провинции — Гургана (Гиркании). Согласно сасанидской традиции, из источника выскочил дивной красоты конь, который никого к себе не подпускал. Когда же к нему подошел царь, он ударил его копытом в грудь, от чего Ездегерд тотчас же и умер⁵⁷. Еще Т. Нельдеке высказал предположение, что эта легенда была создана представителями знати, чтобы скрыть совершенное

ими в отдаленной провинции убийство царя⁵⁸. Дальнейшие действия знати подтверждают предположение Т. Нельдеке. Они решили отстранить от наследования престола сыновей Ездегерда из боязни, что те будут продолжать политику отца. Царем был объявлен представитель боковой линии Сасанидского дома — Хосров⁵⁹. Старший сын Ездегерда — Шапур, бывший правителем сасанидской части Армении, поспешил в столицу, чтобы предъявить свои права на престол, но был убит знатью⁶⁰.

Второй сын Ездегерда — Бахрам — с детства воспитывался при дворе арабских царьков Хиры—Нумана, а затем Мунзира. Официальная традиция объясняет это целительным воздухом Хиры, но вероятнее, что жизнь царевича при дворе арабского царька была просто почетной ссылкой. Узнав о смерти отца и брата, Бахрам с арабским войском, руководимым сыном Мунзира — Нуманом, выступает против знати⁶¹.

Бахраму удастся победить и вернуть себе отцовский трон. Официальная традиция сохранила легенду, согласно которой Бахрам предложил Хосрову следующий способ доказать свое право на царствование: корона сасанидских царей должна была быть положена между двумя львами и претенденты по очереди должны были попытаться отнять ее у льва. Хосров, по преданию, отказался от такого испытания, а Бахрам смело подошел к львам и взял корону⁶².

Царствование Бахрама V (421—438 или 439 гг.) показало, что знати нечего было опасаться сына Ездегерда. Царевич, смелым рейдом захвативший столицу и престол, оказался удобным для знати царем. Вся власть сосредоточилась в руках у крупной земельной аристократии. Фактически руководителем государства стал представитель знатного рода Спендиат — Михр-Нарсе, получивший еще при Ездегерде должность *вазург-фраматара* (об этой должности см. ниже). Источники, восходящие к сасанидской официальной традиции, изображают Михр-Нарсе как ревнителя зороастрийской веры, строителя храмов, владельца обширных земель в области Парс⁶³. Христианские (армянские) источники дают отрицательную характеристику Михр-Нарсе, особенно подчеркивая его враждебность к христианству⁶⁴.

В соответствии с новым курсом политики христиане Ирана стали подвергаться жестоким преследованиям. В результате этих преследований епископы христианской церкви в Иране созвали собор, на котором было объявлено об отделении иранских христиан от Византии. Таким образом, вся политика Ездегерда I была сведена на нет⁶⁵. Вскоре разгорелась война между Ираном и Византией — естественный результат политической линии знати во главе с Михр-Нарсе. Интересно

отметить, что Михр-Нарсе сам руководил кампанией против византийцев. В результате этой войны, в общем удачной для Византии, христианам была обещана в Иране свобода вероисповедания.

В царствование Бахрама V произошло первое серьезное столкновение с эфталитами. Царь сам руководил военными действиями и нанес кочевникам поражение. Однако в дальнейшем стало очевидно, насколько опасным врагом для Ирана были кочевники Востока.

Бахрам V умер в 438 или 439 г.⁶⁶

Ни с одним историческим лицом сасанидского периода не связано столько легенд и преданий, как с Бахрамом V. Рассказы о его охотничьих подвигах, любовных похождениях, распространенные уже в сасанидское время, стали любимыми темами фольклора, литературы и изобразительного искусства многих народов Переднего Востока. Бахрам V, получивший прозвище Гур (онагр, дикий осел), был связан в фольклоре с образом божества Бахрама-Веретрагны, олицетворяющего мужскую силу, действенное мужское начало. В феодальную эпоху этот космический образ превратился в небесного витязя и несомненно повлиял на создание образа христианского святого — Георгия Победоносца. Даже о смерти Бахрама создана легенда: рассказывают, что во время охоты он провалился вместе с лошастью в глубокую яму и исчез в ней.

Так ничтожный правитель, отдавший знати всю полноту власти, а сам предавшийся забавам и удовольствиям, превратился в чудесного витязя, наделенного сверхъестественными качествами⁶⁷.

При сыне и преемнике Бахрама V — Ездегерде II (439—457 гг.) — знать во главе с Михр-Нарсе продолжает свою политику. Следующий удар был направлен на Армению, где христианство стало государственной религией еще раньше, чем в Римской империи. Зороастрийское духовенство Ирана видело в успехах христианства в Армении большую угрозу зороастризму и постоянную опасность объединения Армении с Византией. Этим объясняется стремление заставить господствующий класс Армении отказаться от христианства и принять зороастризм. Ездегерд II (вернее, Михр-Нарсе) направил армянскому духовенству и знати письмо, в котором — для начала в очень мягкой форме — предлагал отказаться от христианства. В этом письме, сохранившемся нам армянским историком Лазарем Парбским, чрезвычайно ясно выражена политическая цель этого акта: «Когда вы будете исповедовать нашу религию, иберы и албанцы не посмеют противиться нашей воле»⁶⁸. Следовательно, перетянув на свою сторону армянскую знать, правительство Ирана рассчитывало подчинить

своему контролю все народы Закавказья. Уже в правление Бахрама V в 429 г. царская власть в Армении была отменена и страной стал управлять сасанидский наместник — марзпан. Сасанидские цари пытались всеми силами расколоть армянскую знать. Некоторых успехов в этом отношении они достигли. Так, многие армянские знатные роды иранской ориентации приняли зороастризм, зороастрийцем стал и марзпан Армении Васак Сюнийский, представитель одного из знатнейших армянских родов⁶⁹.

Письмо Михр-Нарсе не имело успеха, духовенство ответило отказом, а армянская знать, сначала для вида отрекшаяся от христианства, подняла восстание против сасанидской власти. Трагична была судьба марзпана Васака. С одной стороны, он должен был как наместник Сасанидов отстаивать их интересы. К этому его побуждало также и то обстоятельство, что два его сына были заложниками в Ктесифоне. С другой стороны, он чувствовал свою связь со знатными родами Армении и вынужден был поддерживать их. Когда армянская знать в 451 г. была разгромлена войсками Сасанидов (византийский император Феодосий II не мог оказать армянам помощи, так как был занят борьбой с гуннами; преемник его Маркиан также не поддержал армян), Васак оказался в тяжелом положении. Во время судебного разбирательства армяне, не без основания рассматривая Васака как изменника, стремились всю вину за восстание свалить на него. Сасанидский царь, также имея все основания быть недовольным своим наместником, осудил Васака на пожизненное заключение, и тот вскоре погиб в тюрьме⁷⁰.

Хотя восстание армян и было подавлено⁷¹, имущество многих знатных семей конфисковано, а на население наложены тяжкие повинности, все же Сасанидам не удалось полностью подчинить себе Армению и превратить ее в одну из рядовых провинций своего царства. Христианство осталось господствующей религией Армении. Это объясняется отчасти силой сопротивления армян, отчасти же тем, что хотя момент для нажима на Армению был выбран удачный, так как Византия была связана борьбой с гуннами, однако положение на восточных границах Иранского царства снова стало таким грозным, что отвлекло главные силы иранцев в Гурган и Хорасан.

Ездегерд II с успехом отразил племена чуль, жившие на восточном берегу Каспийского моря⁷², а затем столкнулся с народом, который источники называют кидаритами (по имени их царя — Кидары). Вероятно, это было одно из эфталитских племен. Здесь Ездегерда постиг ряд неудач. Как раз этот момент и выбрали армяне для восстания. Ездегерд был при-

нужден, не замилив Востока, отправиться в Армению. И после подавления армянского восстания Ездегерд продолжал воевать с кидаритами.

Но положение особенно осложнилось, когда после смерти Ездегерда II началась борьба между его двумя сыновьями, избранными на царство, — Ормиздом III и его младшим братом Перозом.

Пероз, стремясь к власти, совершает поступок, чреватый грозными последствиями для Сасанидской державы, — он обращается за помощью к эфталитам⁷³. Эфталиты, желая иметь на иранском престоле своего ставленника, поддержали Пероза. Кроме того, его, по-видимому, поддержали и могущественные роды, которым была выгодна междоусобная вражда братьев. Ормизд был побежден и убит. Царем стал Пероз.

Интересно, что во время междоусобий, когда Ормизд III находился в Рее, верховная власть в стране принадлежала женщине — царице Денак, матери враждовавших братьев.

Сложные противоречия, раздиравшие Сасанидское царство в V в. н. э., особенно ярко сказались в царствование Пероза (459—484 гг.). По отношению к христианам Пероз продолжал политику двух предыдущих царей. Воспользовавшись догматическими распрями среди христиан, под которыми скрывалось недовольство населения восточных областей Византийской империи центральным правительством, Пероз поддерживал несториан в их борьбе с ортодоксальной церковью. С тех пор несторианство стало ведущим толком христиан Ирана и Средней Азии⁷⁴. В Закавказье Пероз продолжал политику Ездегерда II, вводя в административный аппарат все большее и большее число персов, привлекая на свою сторону часть местных феодалов, а непокорных лишая земель и богатств. В Албании Пероз упразднил царскую власть и поставил там наместника — марзпана. Внутреннее положение державы было осложнено продолжительной засухой, вызвавшей голод, длившийся по некоторым сведениям 7 лет⁷⁵. Источники сообщают, что Пероз принял ряд решительных мер для борьбы с голодом: снял с населения некоторые налоги, открыл правительственные амбары, заставлял крупных землевладельцев делиться своими запасами с населением⁷⁶.

К тяжелому внутреннему положению прибавились и нападения кидаритов на восточную границу. Пероз принужден был вести там с ними тяжелую войну. Кидариты были побеждены и отеснены к притокам Инда, но в это время варварские племена, входившие некогда в гуннский племенной союз, — сарагуры и акациры — вторглись через Кавказские перевалы в Закавказье⁷⁷. Пероз обратился к византийскому

императору за денежной субсидией, которую раньше, согласно мирным договорам, Византия уплачивала Ирану за защиту кавказских перевалов от кочевников. Византия отказала в уплате этой субсидии, и, быть может, сарагуры вторглись на иранские территории не без ведома византийского императора⁷⁸.

Примерно около того же времени в Хорасане начались военные действия против кочевников Востока. Царь эфталитов Ахшунвар⁷⁹ победил Пероза и взял его в плен. Сасанидскому царю пришлось заплатить тяжелый выкуп, и до полной его выплаты сын Пероза, царевич Кавад, находился заложником при дворе Ахшунвара⁸⁰. Кроме того, Пероз клятвенно обязался никогда больше не воевать с эфталитами. В результате этой войны эфталиты получили значительные территории по левому берегу Аму-Дарьи⁸¹.

Как только Пероз оправился после поражения и внутренние дела державы изменились к лучшему, он предпринял новый поход против эфталитов. Эта кампания оказалась еще неудачнее первой. Пероз и несколько членов царской семьи погибли в бою, и эфталитам достались гарем царя и весь обоз с казной, канцелярией, драгоценной утварью и т. д. Это был беспрецедентный в истории Сасанидской державы разгром. Могущественное государство, с успехом боровшееся против Римской империи в течение двухсот лет, оказалось теперь данником варваров-кочевников (484 г.)⁸².

Отсутствием Пероза на востоке и его неудачами в борьбе с эфталитами воспользовались народы Закавказья. В 483—484 гг. в Иберии, Армении и Албании разгорается крупное восстание, в котором, по-видимому, народные массы поддерживали знать. Инициатором и одним из главных руководителей восстания был иберский царь Вахтанг Горгасар⁸³. Повстанцы привлекли к борьбе против Сасанидов и туннские племена Предкавказья.

Восставшие сначала достигли крупных успехов. Они истребили ставленников Сасанидов в Иберии, захватили столицу марзпана Армении — город Двин — и в нескольких сражениях победили сасанидские войска. Однако даже ослабленная Сасанидская держава оказалась слишком сильной для восставших. В решительном сражении повстанцы потерпели поражение, многие из их вождей были убиты. Таким образом, власть Сасанидов в Закавказье была восстановлена. Однако слабость Сасанидов сказалась в том, что после восстания 484 г. иранское правительство стало больше считаться со знатью Закавказья, восстановило ряд ее привилегий, стало назначать марзпанов из ее среды, а не из персидской чиновной верхушки⁸⁴.

После гибели Пероза положение Сасанидского государства стало таким тяжелым, что знать решила сама взяться за укрепление царства. Представители знатнейших иранских домов — Зармихр (или Сохра) из рода Карен и Шапур из рода Михран — берут на себя инициативу создания нового войска и борьбы с армянами. Предание рассказывает, что Зармихр успешно воевал с эфталитами, заставив их вернуть все, что они захватили у Пероза. Однако возможно, что это сообщение, восходящее к официальной сасанидской традиции, является фальсификацией, созданной для поднятия престижа иранской державы. Дань эфталитам персы перестали уплачивать только в правление Кавада (см. ниже)⁸⁵.

Царем знать посадила Валарша, брата Пероза (484 — 488 гг.). Однако через четыре года он был смещен и ослеплен. Знатные роды, во главе с Зармихром, возвели на престол Кавада, сына Пероза (488 г.), надеясь, что новый царь будет послушным орудием в их руках⁸⁶. Однако, как показали события первых же лет царствования Кавада, они глубоко заблуждались. Кавад прекрасно видел, какую опасность для целостности и мощи государства представляет бесконтрольное хозяйничанье знатных родов. Кроме того, Кавад понимал, что престиж государства поколеблен, экономика подорвана и вернуть Сасанидскому царству былой блеск можно только решительными мерами. А самое главное, в стране росло и ширилось мощное народное движение, направленное против старых устоев существовавшего строя, и правительство должно было занять какую-то определенную позицию по отношению к этому движению.

4. ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ САСАНИДСКОГО ИРАНА

Вопрос о структуре иранского общества при Сасанидах очень сложен и окончательно в науке еще не решен. Отсутствие современных событиям документов, таких, например, какими располагают историки древней Месопотамии, неразработанность раннесредневековой археологии Ирана, противоречивость, сбивчивость, а порой и полное молчание повествовательных источников, основанных на сасанидской традиции, делают этот вопрос трудно разрешимым.

Однако, если не дать на него хотя бы гипотетического ответа, нельзя понять основных исторических событий этого периода, особенно сущности тех народных движений, которые потрясли Иран в конце V — начале VI в. н. э.

Необходимо прежде всего отметить, что сасанидский пе-

риод, охватывающий четыре с лишним века, отнюдь не был монолитен. Наоборот, именно в это время происходит ломка установившихся в предшествующий период общественных отношений. Поэтому царствования Арташира или Шапура I весьма существенно отличаются от времени Хосрова I или Хосрова II.

Рабовладельческие отношения, существовавшие в предшествующий парфянский период, продолжали сохраняться. Упоминания о рабах постоянно встречаются в повествовательных источниках. Знаменитый везир Бахрама V и Ездегерда II, Михр-Нарсе, имел прозвище Хазарбандак, т. е. владеющий тысячей рабов⁸⁷.

Интересный материал о рабах содержится в сасанидском судебнике «Матакдāн-и хазār дāтастан»⁸⁸. Компиляция эта была сделана на рубеже VI—VII вв.⁸⁹ из целого ряда сасанидских юридических сочинений, которые до нас не дошли и известны только по названиям. Часто для одного и того же юридического казуса предложено несколько решений, притом противоположных, со ссылкой на авторитет того или иного юриста. В судебнике нашли отражение нормы, принятые разными правовыми школами и в разное время в течение всего сасанидского периода. Он содержит в основном решения, касающиеся семейного и имущественного права. Это и понятно. После падения Сасанидской державы только эти разделы судебного и могли найти применение в зороастрийских общинах Ирана и Индии.

Рабам в судебнике посвящена специальная глава⁹⁰, но сведения о них, их роли в обществе и правовом положении разбросаны по всему судебнику. Некоторые данные о положении рабов в Иране, рассматривавшиеся в предшествующем разделе, относятся и к данному периоду, поскольку они зафиксированы в сасанидском судебнике.

Рабов покупали и продавали. Известна даже средняя цена раба — 500 драхм⁹¹. Рабов дарили, посвящали храму⁹², отдавали в залог⁹³. В рабство отдавали за некоторые преступления⁹⁴. Существовала сложная система вольноотпущенничества⁹⁵. Рабы могли на известных условиях иметь свою собственность⁹⁶, вступать в деловые сделки⁹⁷.

Известны случаи массового обращения в рабство жителей захваченных городов и территорий⁹⁸. Но особенно важно указание в судебнике на то, что рабов использовали в земледелии и их дарили вместе с землей⁹⁹. Известно, что еще в IX в. в Южной Месопотамии десятки тысяч рабов были заняты на ирригационных и мелиоративных работах.

Однако нужно помнить, что каждый район огромной державы жил своей социальной жизнью. Так, если в Месопота-

мии, которая была экономическим центром государства как в парфянский, так и в сасанидский периоды, и в общем разделяла судьбу всего эллинистического Переднего Востока, сохранялись старые рабовладельческие традиции, то в глубинных районах Ирана, где, несомненно, существовали еще весьма архаичные условия жизни, преобладал патриархальный уклад.

Наряду с рабами, экономическая роль которых была далеко не одинакова в разных районах, существовала, несомненно, гораздо более многочисленная и экономически более важная категория непосредственных производителей — крестьян. Анализ положения и социального состава крестьянства в сасанидском Иране — это, пожалуй, самая трудная задача, так как в сасанидских источниках положение крестьянства отражено весьма слабо.

Существуют, однако, некоторые косвенные данные, позволяющие при сопоставлении их с известными нам фактами социальной истории времени последних Сасанидов составить представление об общей линии социального развития. Очень полезны в этом отношении сведения о положении крестьянства в соседней Месопотамии, содержащиеся в сирийских источниках, главным образом в «Хронике» Иешу Стилита и Вавилонском Талмуде¹⁰⁰.

Как и в предшествующий период, свободное крестьянство в Иране было объединено в общины. Так, в одной статье судебногоника упоминается пастух общины, стерегущий как общественное стадо, так и животных, принадлежащих отдельным членам общины¹⁰¹. Но уже в начале сасанидского периода в Иране начинается полоса феодализации, особенно активно протекавшей в IV в. н. э. Этот процесс, как известно, в первую очередь вызывает изменение характера земельной собственности, что не может не отразиться на формах зависимости и эксплуатации крестьянства. К VI в. н. э. закабаление общины становится фактом, послужившим главным источником мощного социального движения маздакитов.

Обратимся сначала к соседним с Ираном областям. Исследование Н. В. Пигулевской, посвященное общественному строю византийских частей Месопотамии, может помочь составить представление о жизни соседней Иранской Месопотамии, где находилась столица государства Сасанидов — Ктесифон¹⁰².

Среди крестьян, которых Иешу Стилит называет просто «деревенскими», можно различить свободных земледельцев (в источниках просто *gabrā* — «муж») и зависимых колонов (в источниках *palāḥā*, *gabrā palāḥā* или даже, в соответствии с византийской юридической терминологией, *ἐναπόγραφος* =

adscriptitius—«приписной»). В юридических памятниках различают свободных и приписных колонов, однако в быту эта разница к V в. уже стерлась. Известны крепостные на епископской и монастырской земле (*tautabā*=*παροικοί*).

Свободные крестьяне жили сельскими общинами (*qrītā*), во главе которых стояли старейшины — *sabā*. Иешу Стилит употребляет еще один интересный термин — «деревенские господа», *maḡē qurīē*, которых он противопоставляет «простым из народа». Этому термину в византийской юридической литературе соответствует, по мнению Н. В. Пигулевской, *δεσπότης τῶν γεωργῶν*, хотя, несомненно, ближе по смыслу к термину *maḡē qurīē* стоит употребленное Прокопием Кесарийским *οἱ τῶν χωρίων ἄρχοι*. Н. В. Пигулевская считает, что *maḡē qurīē* были «землевладельцами среднего достатка»¹⁰³.

О положении в Иранской Месопотамии важные сведения дает нам Вавилонский Талмуд, содержащий данные о жизни еврейского населения Сасанидской державы. В Талмуде приведено много свидетельств о рабах и их роли в экономической жизни страны. Мы узнаем о богачах, владевших десятками рабов. Рабов использовали на сельскохозяйственных работах. Известно, что землю продавали с рабами. Ю. А. Солодухо, исследовавший этот вопрос, прослеживает в еврейском обществе Ирана процесс прикрепления рабов к земле, превращения их в колонов. Здесь, как и в соседних византийских областях, по-видимому, происходит постепенное стирание различия между рабом, посаженным на землю, и закрепощенным свободным земледельцем.

Аналогичные явления наблюдаются и в Иране. По данным судебного кодекса, здесь широко практиковалось частичное освобождение рабов. Такой, частично (на $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{6}$ или $\frac{1}{4}$) освобожденный, раб, хотя юридически продолжал оставаться рабом, фактически мало отличался от крепостного.

Параллельно с этим увеличивается имущественное расслоение внутри сельской общины и постепенное закабаление ее как государством, так и, что особенно показательно, частными лицами¹⁰⁴. Усиление имущественной дифференциации внутри сельской общины ярко выявилось в судьбе «дыма».

О том, что большесемейная домовая община еще играла в Иране важную роль, мы можем судить по ряду указаний сасанидского судебного кодекса. В нем мы постоянно встречаемся с термином *hamdūtakān* — «однодымцы», члены большесемейной общины, и с термином, обозначающим совместное владение имуществом такой семьи¹⁰⁵.

По-видимому, к V в. мы можем говорить о далеко зашедшем распаде большесемейной общины и растворении ее в соседской общине. В связи с этим происходит и изменение

значения термина *katak-xvatāy* (*катак-хватай* > *кед-худа*), Первоначально этот термин обозначал главу большесемейной общины, а в более позднее время — сельского начальника, выделившегося из среды односельчан и несущего определенные административные и фискальные функции (об этом подробнее см. ниже).

На состоянии общины не могло не отразиться все более широкое распространение частной собственности не только на землю, но и на воду, что особенно важно на Востоке. Так, сасанидскому судейнику известны термины *zamīk-i xvēš* «своя земля» и *zamīk-i hambāgakān*, «общинная земля», где частное лицо является лишь совладельцем. Интересно, что на *zamīk-i hambāgakān* частное лицо может провести подземный канал (кяриз), который будет принадлежать ему, и община должна платить ему за право пользования водой¹⁰⁶.

Производившиеся сасанидскими царями щедрые раздачи земель из царского фонда представителям крупной знати, а затем и многочисленной служилой знати — *āzātam* — приводили к тому, что все большее число сельских общин оказывалось на частновладельческой земле. По свидетельствам арабских авторов, новые землевладельцы получали от царя вместе с дарениями и иммунитетные грамоты, освобождавшие эти земли от налогового обложения в пользу царской казны. В результатеотягощенные поборами и недоимками общинники массами бежали с царских земель на новые частновладельческие земли, надеясь на облегчение своей участи. Однако на частновладельческих землях их ждали повинности в пользу нового господина и, главное, личная зависимость от него. Безусловно, подобные переселения, происходившие стихийно и в индивидуальном порядке, когда отдельные семьи срывались с места и переходили на земли, отошедшие к новому владельцу, разрушали издавна установившиеся общинные связи. Беглые общинники обычно селились в сельских общинах, исконно существовавших на этих (теперь уже частновладельческих) землях и, как чужеродный в них элемент, попадали в более тяжелые условия.

Бегство общинников приводило к запустению государственных земель и к нарушению поступлений с них в царскую казну, что немало беспокоило центральное правительство. Табари, рассказывая о царствовании Валарша, говорит: «Как только он слышал, что какой-нибудь дом запустел и брошен своими обитателями, то он наказывал господина деревни, где находился этот дом, за то, что тот не заботился о них и не помогал им в их нужде, так что они должны были решиться на уход»¹⁰⁷.

Существует также известный исторический анекдот, ри-

сующий запустение деревень вследствие ухода их населения на частновладельческие иммунитетные земли. Вот его содержание. Сасанидский царь Бахрам возвращался однажды ночью после охоты из своего загородного имения в Ктесифон. Под лунным светом были видны развалины покинутых жителями деревень, ставшие теперь обиталищем сов. Шах обратился к находившемуся в его свите жрецу, мобеду, с вопросом, не понимает ли кто-нибудь языка птиц. На это мобед ответил, что ему понятен язык птиц, и по просьбе царя передал ему содержание беседы двух сов, которые вели переговоры о браке. Сова-самка соглашалась на брак, но с условием, что самец подарит ей развалины двадцати деревень. Самец ответил, что если правление этого царя продолжится, потомство их получит в наследство развалины тысячи деревень. Рассказ мобеда произвел на царя сильное впечатление, и Бахрам отобрал земли, отданные в дар знати, восстановил процветание их и поступление податей.

Представители господствующего класса владели большими земельными участками. Так, уже упоминавшийся Михр-Нарсе имел свои земли в Фарсе, в округах Арташир-Хваррэ и Шапур. У него там были деревни, в которых он построил храмы огня, разбил три парка. В одном из парков он посадил 12 тыс. финиковых пальм, в другом — 12 тыс. оливковых деревьев, в третьем — 12 тыс. кипарисов. Интересно отметить, что, сообщая об этом, Табари добавляет: «Эти деревни и храмы огня и по сей день (начало X в.) находятся в руках людей, происходящих от него (т. е. Михр-Нарсе)». Фирузабадская надпись сообщает о том, что Михр-Нарсе построил на свои средства мост в этом городе¹⁰⁸. Мы знаем также и о других представителях высшей знати. Среди этой последней мы встречаем и потомков крупнейших парфянских знатных родов¹⁰⁹ — Карен Пахлав, Сурен Пахлав, Испахпат Пахлав. Резиденция Каренов по-прежнему находилась в районе Нихавенда, Суренов — в Сеистане, Испахпатов — в Гургане. В сасанидский период возвысились роды Спендиат (представителем этого рода был знакомый уже нам Михр-Нарсе), Михран (из этого рода происходил Бахрам Чубин), Зик и другие¹¹⁰. Во владении у крупной знати находились рабы (выше уже говорилось о том, что Михр-Нарсе имел прозвище Хазар-бандак — «владеющий тысячей рабов») и обрабатывавшиеся в основном ими крупные имения — *дасткарты*, в которых разводили товарные культуры. В состав владений знати входили также деревни и полезные угодья.

Наряду с такими крупными землевладельцами, самым могущественным из которых был правящий род Сасанидов, были и более мелкие. Низший, самый многочисленный слой господ-

ствующего класса составляли *āzāty* («свободные», см. ниже). Значение этой прослойки особенно возросло после реформы Хосрова I Аноширвана. В понятие «азаты» входили, по-видимому, упоминавшиеся уже дехканы и кед-худа — верхушка, выделившаяся при обнищании и закабалении сельской общины. Часто такие дехканы, вероятно, сами обрабатывали свою землю с помощью домохозяев и рабов¹¹¹.

Очень характерным для сасанидского периода являлся рост экономического и политического могущества знати. Упомянутые уже дарения земель были, конечно, вторичным явлением, рассчитанным на завоевание царем поддержки все усиливавшейся крупной знати, — наследия еще аршакидского периода. Но эта политика очень сильно ускорила процесс, подрывавший экономическую базу царской власти в стране: концентрацию земельной собственности в руках феодализирующейся знати, сокращение государственной земли и поступлений в государственную казну. Успешные войны, сулившие богатые контрибуции, и грабительские экспедиции становились в таких условиях особенно важным источником пополнения царской казны, но и они в свою очередь требовали больших затрат. Закабаление общинников и чрезвычайно возросшее экономическое могущество феодализирующейся знати за счет разорения государственного хозяйства — вот те основные причины, которые привели к двум наиболее ярким событиям в социальной истории сасанидского Ирана — маздакитскому движению и реформам Хосрова Аноширвана.

Некоторые сведения дошли до нас и о налоговом обложении в государстве Сасанидов¹¹². Земельный налог назывался *хараг*¹¹³ и до реформы Хосрова Аноширвана составлял от одной шестой до одной трети урожая, в зависимости от плодородия почвы на той или иной территории. Существовала также подушная подать, *джизья* арабских источников. О тяжести налогового обложения можно судить уже по тому факту, что при вступлении на престол Бахрама V (420 г.) недоимки по одному поземельному налогу достигали 70 млн. драхм¹¹⁴. Налоги взимали в основном натурой. Население обязано было также нести государственные повинности: участвовать в общественных работах, строительстве и поддержании оросительной системы, дорог и т. п., причем не только собственной рабочей силой, но и поставками тяглового скота и разных орудий из своего хозяйства. Немаловажным источником дохода царской казны были таможенные пошлины: казна наживалась на транзитной караванной торговле Восточной Римской империи с Индией и Китаем, проходившей через Иран. Права Ирана на сбор пошлин специально оговорены одной из статей мирного договора между Хосровом I и Юстинианом.

Ремесло в городах также облагалось налогом. Существовали и различные мелкие пошлины, например со сделок и пр. Следует оговорить, что налоги собирали с податного сословия: крестьянства и городского люда. Знать и зороастрийское духовенство, а также сасанидская бюрократия налоговому обложению не подлежали. Знать, правда, делала взносы в царскую казну, но, очевидно, в виде даров, т. е. нерегулярно и необязательно. Более или менее точных сведений об обязательствах привилегированного сословия у нас нет.

Помимо всего этого, существовали еще взносы, предусмотренные обычным правом. Их делали ежегодно по большим культовым праздникам — в ноуруз и михракан, — не говоря уже о поставках духовенству на совершение культовых обрядов.

Уже первый Сасанид — Арташир — выступает в роли градостроителя. Им был основан против Ктесифона, на месте разрушенной римлянами Селевкии, новый город Вех-Арташир (*Vēh-Artašēr*), а также ряд других городов, общее число которых доходило до восьми. Среди них были: Арташир-Хваррэ в Фарсе (впоследствии Фирузабад) и Астрабад-Арташир в Месене («переоснованный» Арташиром старый город Месены — Карха-де-Мешан). Немало городов было основано его преемником Шапуrom I — Гунди-Шапуrom в Ахвазе, куда были переселены римляне, взятые Шапуrom в плен в Антиохии, Вех-Шапуrom в Фарсе и пр. Города основывались на царской земле и к ним приписывали сельские округа — *рустаки* (*та-суджи* арабских источников). Город Вех-Арташир имел пять таких округов, в каждом из которых сидел специальный царский чиновник — *кардар*¹¹⁵. Хотя сасанидские города основывались царями часто по единому плану и даже носили, подобно эллинистическим полисам, династические названия, они имели мало общего с городами предшествовавшего периода. Новые сасанидские города не получали полисной организации, а старые полисы в государстве Сасанидов ее потеряли. Такой полис, как Сузы, после поднявшегося в нем восстания был совершенно разгромлен Шапуrom II, а население его было истреблено. Правда, вместо него этим же царем был построен новый город — Эран-Хваррэ-Шапуrom, развалины которого (Эйван-и Керха) сохранились до нашего времени¹¹⁶, но этот город, подобно другим сасанидским городам, был административным и торгово-ремесленным центром, в котором основное место занимали царский дворец и казармы.

Городское население запада состояло в основном из сирийцев, евреев и греков, преимущественно ремесленников, переселенных сюда из завоеванных сасанидскими царями городов. По данным сирийских источников, ремесленники были

организованы в профессиональные корпорации, во главе которых стояли старосты. Люди определенной профессии жили в одном квартале или на одной улице¹¹⁷. Были также специальные шахские мастерские, продукция которых целиком принадлежала царю. Сирийское население городов было христианского (несторианского) вероисповедания, и в тех городах, где оно составляло значительную часть жителей или даже основную (на западе государства), его религиозный глава играл роль посредника между шахом и его христианскими подданными — горожанами. Несторианскому католикосу, например, передавалось право собирать подати с христиан для передачи их в казну¹¹⁸. Аналогичная система существовала и в городах с преимущественно еврейским населением.

Города были не только ремесленными, но и торговыми центрами. Восходящий к недошедшему до нас пехлевийскому кодексу сирийский судебник Ишобохта и неоднократно упоминавшийся сасанидский судебник «Матакдāн-и хазар дāта-стан» свидетельствуют о наличии в Иране того времени торговых товариществ¹¹⁹. Главными статьями торговли были изделия городского ремесла: различные ткани, особенно парча, производство которых обеспечивалось завозом из Китая шелка-сырца, изделия из серебра, — а также благовония, специи, вина и т. п. Серебряные изделия и парчу иранского производства особенно высоко ценили на западных рынках, и сасанидские цари покровительствовали этим видам ремесла; большая доля в производстве этих предметов принадлежала царским мастерским, приносящим шахской казне чистый доход.

Городское население не подлежало воинской повинности, но войны создавали неблагоприятные условия для развития ремесла и торговли, нормально установившегося обмена, подвоза сырья и т. п. К тому же они обычно усиливали налоговый гнет (вплоть до взимания подушной подати в двойном размере) со стороны центральной власти, нуждавшейся в дополнительных средствах на ведение войн. Это ускоряло процесс имущественного расслоения в городах. Мятежи и восстания в городах при активном участии городской бедноты были нередки в сасанидский период, например восстание в Сузах¹²⁰ при Шапуре II и восстание в том же Хузистане, возглавленное царевичем Аношзадом¹²¹, сыном Хосрова I.

Как уже было сказано, сасанидские города находились на царской земле и административный надзор за ними и их сельскими округами осуществлялся царскими чиновниками. Торгово-ремесленная верхушка в городах была заинтересована в большом государстве с сильной центральной властью, обеспечивающей бесперебойную торговлю. Поэтому города являлись опорой Сасанидов, хотя эта связь имела иные основы,

чем рассмотренная в предыдущих разделах связь полисов с царской властью в эллинистических государствах. В развернувшейся в IV—V вв. борьбе царской власти с феодализирующей знатью города поддерживали первую. Характерно, что такой поздний памятник, выражающий точку зрения феодалов, как «Письмо Тансара», обнаруживает явно враждебную городам и горожанам тенденцию. В этом отношении показательны также и то, что после Шапура II, когда цари стали марионетками в руках знати, политика градостроительства переживает кризис. Только со второго правления Кавада, когда соотношение сил изменилось в пользу царской власти, мы узнаем об основании этим царем новых городов.

Вопрос о государственной организации державы Сасанидов также сложен и пока мало разработан. Уже было сказано о том, что общественный строй Ирана за долгий период правления сасанидской династии претерпел весьма существенные изменения. Сопровождавшиеся острой политической борьбой, они не могли не отразиться на организации государственного аппарата. Государство Сасанидов принято представлять как сильно централизованную бюрократическую державу. Однако сравнение источников, восходящих к позднесасанидской традиции, с официальными надписями первых сасанидских царей показывает, что государственный аппарат Ирана при Сасанидах и отдельные институты прошли весьма сложный и длительный путь развития. Таким образом, общепринятое представление справедливо только для последнего периода существования этого государства¹²². С этим же связаны постоянные изменения в номенклатуре государственных должностей и причиняющая немало хлопот исследователям неясность в распределении их функций.

Во главе государства стоял царь, обязательно из правящей династии Сасанидов. Строгого порядка наследования не было, и в различные периоды влияние царя на выбор наследника было различно. Но было одно правило, никогда не нарушавшееся при выборе царя: царь не должен иметь никаких физических недостатков. Этим правилом иногда пользовалась знать, чтобы сместить неугодного царя. Так, по сообщению Иешу Стилита, был ослеплен царь Валарш. В некоторых случаях этим пользовались и цари, чтобы устранить слишком активных претендентов на престол. Хосров Аноширван, например, таким образом положил конец честолюбивым стремлениям своего сына Аношзада.

Официально продолжало существовать известное нам еще по аршакидскому периоду собрание знати и магов, которое выбирало царя из числа царевичей или формально закрепляло власть за кандидатом, представленным в завещании ца-

ря. Роль этого собрания была особенно велика в IV—V вв., в период усиления знати. Изменялся и состав собрания; при Хосрове Аноширване в него вошли представители новой царской бюрократии из сословия «писцов», что сильно нейтрализовало его политическое значение как орудия «партии знати».

Царь носил титул «царя царей» — *шаханшах*, — «божественного» и «потомка богов». Власть его теоретически была неограниченной.

Как и государство Аршакидов, Сасанидская держава подразделялась на ряд царств, областей и территорий, степень зависимости которых от центральной власти была неодинакова. В административно-территориальном делении Сасанидской державы стройности гораздо меньше, чем в Парфянском государстве: менялись как границы провинций или областей, так и принципы их объединения в более крупные военно-административные единицы. Разнобой был и в величине провинций, и в их внутренней структуре. Во главе области или провинции — *шахр* — стоял правитель — «областенаачальник», который мог носить, в зависимости от времени и места, следующие титулы: *шах*, *шахредар*, *шахрап*, *хватай*, *марзпан*. Правителями (не наследственными) некоторых областей были принцы царствующей династии: например, по надписи Шапура I («Кааба Зороастра») три его брата были правителями областей. Они носили титул шаха и правили: один — в Маргиане (Марв-шах), другой — в Кармании (Керман-шах), третий — в Сакастане (Саган-шах). В известных нам надписях ранних царей этой династии титул *марзпан* не встречается, но позднее он обозначал правителя пограничной области, очевидно, наделенного и военной властью. Зато в ранних надписях встречается знакомый нам по парфянскому периоду титул *битахш* (питахш). Известен также титул *канаранг*. Эта должность носила, видимо, более военный, чем административный характер, и обозначала правителя востока Ирана — форпоста против кушанов и эфталитов. В последней четверти III в. н. э. резиденцией канаранга был Мерв. Впоследствии титул канаранга носил правитель провинции Абаршахр, резиденция которого была в Нишапуре¹²³. О подразделениях внутри областей у нас нет точных сведений. Некоторые из областей делились на *тасуджи* или *рустаки*. Возможно, что в тех областях (Хузистан, Суристан и другие), в которых царские хозяйства были обширными, организация их управления была особой, а во главе их стояли *остандары* (?)¹²⁴. Судя по надписи Шапура на «Каабе Зороастра», крупные города с сельской округой в административном отношении были приравнены к провинциям, и во главе их были поставлены наместники с титулом сатрапа (*шахрапа*)¹²⁵.

Были и более крупные, чем провинция, административно-территориальные деления, объединявшие сразу несколько провинций. Во главе таких объединений, называвшихся *паткос*, стояли обычно царские родичи с титулом *паткоспан*. Паткоспанов было четыре: севера, востока, юга и запада. Титул этот был учрежден, вероятно, Кавадом¹²⁶. Возможно, этот институт восходит к традиции битакшей¹²⁷.

Во главе всей администрации государства стоял *хазарпат*, который назывался также *вазург-фраматар*. В списках должностных лиц Арташира и Шапура I из надписи на «Каабе Зороастра» вазург-фраматар еще не значится¹²⁸. Эту должность обычно занимали лица царского рода или представители самых знатных фамилий, например Михр-Нарсе при Ездегерде I и Бахrame V, Сурен Пахлав при Бахrame V. Хазарпат — вазург-фраматар был главным советником царя и прерогативы его власти до VI в. н. э. были весьма широки¹²⁹. Должность великого везира в арабском халифате в значительной степени является отражением вазург-фраматара сасанидской системы.

Царскую канцелярию возглавлял *эран-диперпат*, или *диперан-махишт*. Ему поручали составлять важные государственные документы и дипломатические послания. Эран-диперпат стоял также во главе всего многочисленного сословия «писцов», царской бюрократии. Главой податного сословия — земледельцев — был *вастриошансалар*. Одновременно он был и главой ремесленников — *хутухшпатом*. В его функции входил надзор над поступлением налогов с земли и ремесла. Наряду с ним существовал еще имперский министр финансов — *эран-амаркар*, которому подчинялись амаркары, возглавлявшие финансовые ведомства отдельных провинций. Царская казна находилась на попечении *ганзавара*.

Суд находился в руках жречества, которое вообще играло очень большую роль в государстве. Сильная зороастрийская церковная организация, являющаяся одной из характерных черт Сасанидского государства, также складывалась постепенно. Собственно говоря, при первых Сасанидах ее вообще не было. Даже такой выдающийся деятель зороастризма в III в. н. э., как Картир, во всех надписях титулуется просто жрецом (*херпатом* или *магупатом*). Но в дальнейшем, когда зороастризм стал государственной религией, зороастрийское духовенство было организовано строго иерархически. Во главе жречества стоял верховный жрец — *мобедан мобед* (*магупатан магупат*), имевший громадное влияние при царском дворе. Тогда же получила свое окончательное оформление и сословная организация зороастрийского жречества, о которой речь будет идти ниже.

До реформ Хосрова Аноширвана регулярной армии в Иране не было, исключая, конечно, царскую гвардию и специальные отряды, несшие гарнизонную службу.

Верховный главнокомандующий сасанидской армии назывался *эран-спахпат*. Этого должностного лица нет, однако, в ранних надписях: возможно, должность эта возникла позже. Подобное обстоятельство не должно смущать, особенно если учесть, что цари Сасанидской династии (и особенно первые) сами принимали активное участие в организации военных действий и что известные правители областей, битакши и другие, были облечены и военной властью. При Хосрове Аноширване функции эран-спахпата были переданы (во избежание средоточия слишком большой военной власти в руках одного человека) четырем *спахпатам*. Основным ядром войска была тяжеловооруженная конница из азатов. Пехота играла вспомогательную роль и не отличалась высокими боевыми качествами. Во время войн Сасанидам приходилось использовать и наемные отряды (конницу) союзных стран, особенно эфталитов и армян.

Высокими боевыми качествами славилась царская гвардия «бессмертных»¹³⁰. Военная техника сасанидской армии была для своего времени очень высока. Преимущество перед парфянской военной техникой заключалось хотя бы в том, что в сасанидской армии были хорошо знакомы с полиоркетикой (осада городов), заимствованной сасанидским Ираном у римлян. При атаках на неприятеля, сопровождавшихся таким же «музыкальным» шумом, как и у парфян, широко применялись слоны.

Сасанидская военная теория оказала известное влияние на византийскую и арабскую военные теории¹³¹.

Административно-бюрократический аппарат в империи Сасанидов был очень обширен: не только по нарративным источникам, но и по эпиграфическим памятникам, в том числе надписям на резных камнях и печатях, нам известно множество как административных, так и придворных должностей¹³². Близость ко двору и строгая иерархия должностных лиц, скрупулезно соблюдавшаяся и в тщательно разработанном придворном этикете, были характерными чертами развитой сасанидской государственной организации.

В сасанидский период продолжало существовать известное еще обществу Авесты деление на три сословия¹³³. Правда, была некоторая модификация, связанная с новыми условиями: выделением к V—VI вв. нового сословия чиновников и дальнейшими градациями внутри сословий. Первым сословием считалось духовенство — *атраван*. В сасанидский период внутри этого сословия существовало деление на различные

категории: судей (*датвар*), жрецов-мобедов (*магунат*) и жрецов-херпатов, надзирателей (*даствар*) и наставников (*моган-андарзпат*). Во главе всего сословия стоял мобедан-мобед — верховный жрец.

Вторым сословием были воины — *артештаран*, куда входили светские землевладельцы, которые несли военную службу. Сословие воинов не было однородным. К этому сословию принадлежали *васпухры* — представители царского рода и, возможно, самых знатных аристократических родов. К ним близко примыкали *вазурги*, т. е. «великие». А. Кристенсен полагает, что разница между *васпухрами* и *вазургами* заключалась в том, что первые были по преимуществу земельной знатью, а вторые — представителями крупного чиновничества. Однако, кажется, невозможно провести здесь резкую границу, так как известно, что *васпухры* постоянно занимали высокие должности в административном аппарате, а *вазурги* имели значительные земельные владения.

Наиболее многочисленной частью сословия воинов были *азаты* — буквально «свободные». Они находились в вассальной зависимости от *вазургов* и *васпухров*; из них состояла конница — цвет ополчения сасанидского войска. В смысле своего экономического положения они, вероятно, сильно отличались друг от друга. Одни были, видимо, мелкими землевладельцами, другие — просто свободными земледельцами, мало чем отличающимися от крестьян по образу жизни. Среди *азатов* источники различают уже упоминавшихся выше *дехканов* и *катак-хватай* (кед-худа).

Сословие *артештаран* возглавлялось *артештарансаларом*. Имеется некоторое основание предполагать, что в известный период, до V в. н. э., этот пост занимал *эран-спахпат*.

Третьим сословием (выделенным из второго, очевидно, позднее, когда уже был создан специализированный и обширный бюрократический аппарат) были чиновники или «писцы» — *диперан*. В это сословие, кроме чиновников различных рангов, входили астрологи, врачи, поэты, музыканты. Главой его был *диперан-махишт*.

Все эти перечисленные сословия были привилегированными. Простой народ объединялся в четвертое, податное, сословие, — *вастриошан*, называвшееся так по своему основному компоненту — крестьянству. Но кроме крестьян, в этом сословии в рассматриваемый период различали ремесленников — *хутухшан*, к которым примыкали и торговцы — *вачарканан*. Возглавлялось это сословие *вастриошансаларом* (он же и *хутухшпат*).

Принадлежность к тому или иному сословию была наследственной. Переходить из одного сословия в другое возможно

было лишь в редких случаях. Однако на должностных лиц, возглавлявших сословия, это положение не распространялось. Так, из троих сыновей Михр-Нарсе один, по имени Эрвандат, был херпатан-херпатом (второе лицо после мобедан-мобедат), второй сын, Мах-Гушнасп, был вастриошансаларом, а третий, Кардар, — артештарансаларом.

Таковы основные черты общественного и государственного строя Ирана в сасанидский период.

5. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ И ОППОЗИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ

Зороастризм — господствующая форма религиозной идеологии в сасанидском Иране — окончательно сложился в догматическую, воинствующую религию с подробно разработанной и регламентированной мелочной обрядностью и строго определенным культом только в сасанидское время. Корнями зороастризм уходит в древние иранские верования и религиозные представления, которые начали складываться в единый культ еще в ахеменидское время¹³⁴.

После падения державы Ахеменидов, как было показано выше, в Иран проникли носившие синкретический характер религиозные и философские представления, получившие широкое распространение на Ближнем Востоке эллинистической поры. Эти новые представления сосуществовали в парфянской время с традиционным зороастризмом и другими древними иранскими религиозными учениями и даже в известной мере оказали на них влияние.

Таким образом, зороастризм как религиозная система не был нововведением в сасанидском Иране. Новым был его официальный, государственный характер, его церковная организация. В результате предшествующего развития и влияний в сасанидский зороастризм влились имевшие мало общего с учением легендарного пророка Заратуштры представления, особенно из области мифологии и космогонии.

При современном состоянии источников, запутанных к тому же дошедшей до нас официальной зороастрийской традицией, трудно точно определить, когда именно восторжествовал в Иране зороастризм, при каком из сасанидских царей и когда сложилась та церковная организация, которая известна нам по позднесасанидскому периоду.

Поздняя зороастрийская традиция приписывает все это основателю династии Арташиру I. Ему же приписывают собрание и кодификацию священных книг зороастрийцев — Авесты. Видимо, это не так, хотя и вполне возможно, что пер-

вые представители династии Сасанидов, зороастрийцы по вероисповеданию, действительно покровительствовали зороастрийскому жречеству, тем более что по происхождению они были тесно с ним связаны. Известно, что Шапур I был весьма либерален в религиозной политике, и манихейство вначале (в течение примерно 35 лет) беспрепятственно распространялось по стране. Оно получило отпор только при Бахrame I, что, по-видимому, было связано не столько с религиозно-догматической, сколько с социальной направленностью этого учения. Еще позже (при Шапуре II, с 339 г. н. э.) началось преследование христианства, также носившее главным образом политический характер. Надо полагать, что борьба с манихейством, как с социально опасным учением, и борьба с христианством, тесно связанная с политической конкуренцией между Ираном и Восточной Римской империей, сильно укрепила в организационном отношении зороастрийское жречество и подняла его политическое значение в государстве¹³⁵. Очевидно, к этому периоду, т. е. к концу III и первой половине IV в., и следует отнести превращение зороастризма в государственную религию державы Сасанидов.

Вопрос о времени кодификации Авесты пока еще нельзя считать решенным. В предшествующих разделах упоминалась уже традиционная зороастрийская версия о многократной кодификации Авесты.

В настоящее время можно с уверенностью сказать только то, что известная нам запись Авесты так называемым авестийским письмом была произведена только в середине VI в. н. э., в царствование Хосрова I. Важным свидетельством позднего происхождения дошедшей до нас записи является ее письмо, составленное искусственно на основе развитого курсивного сасанидского письма — «книжного пехлеви». Но является ли эта известная нам запись первой? Тут точки зрения ученых расходятся. Одни, например Х. Бэйли, считают, что эта запись Авесты — первая и до VI в. текст ее из поколения в поколение передавался устно зороастрийскими жрецами, в большинстве случаев уже совсем не понимавшими языка, на котором были составлены их священные гимны¹³⁶. Согласно другой точке зрения, существовала запись Авесты более ранняя, чем сделанная известным нам авестийским письмом. Эта предполагаемая запись была произведена (при Арташире Папакане или его преемнике) курсивным пехлевийским письмом, почти не отражавшим гласного состава языка памятника и плохо передававшим особенности его согласных. Запись Авесты авестийским письмом, согласно этой теории, представляет повторную запись или, точнее, фонетическую транскрипцию текста, произведенную при помощи искусственно создан-

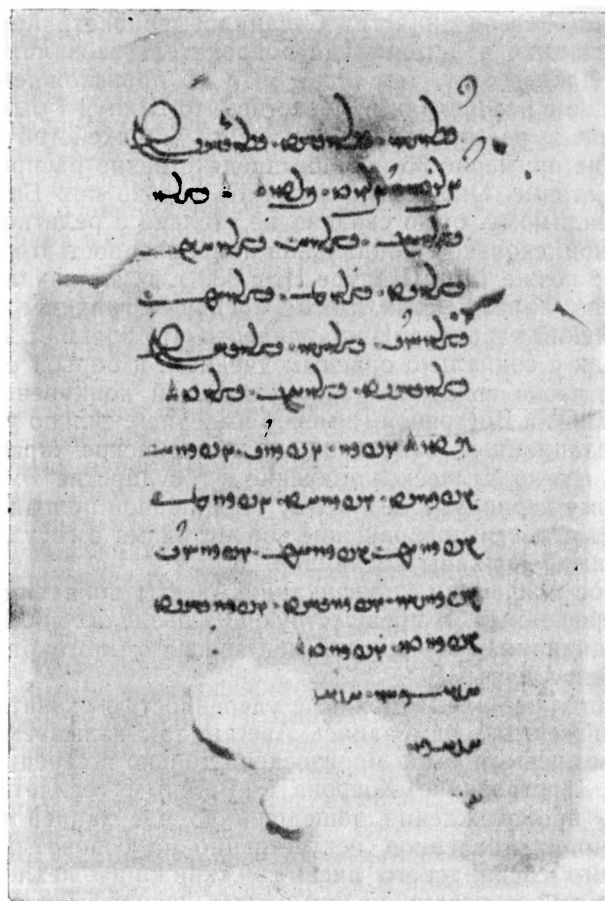

Рис. 65. Образец сасанидского курсивного письма —
«книжного пехлеви»

ного для этого (на основе пехлевийского курсива) авестийского алфавита¹³⁷.

Однако, вне зависимости от наличия или отсутствия писаного текста, в жреческой практике авестийские гимны заучивались наизусть. В греческой и сирийской литературе особенно подчеркивается важность заучивания наизусть у зороастрийских жрецов, ввиду отсутствия (или редкости?) писаного текста, а в зороастрийском сочинении «Мёнокё храг» плохая память и забывчивость рассматриваются, наряду с ересью и вероотступничеством, как один из самых тяжких

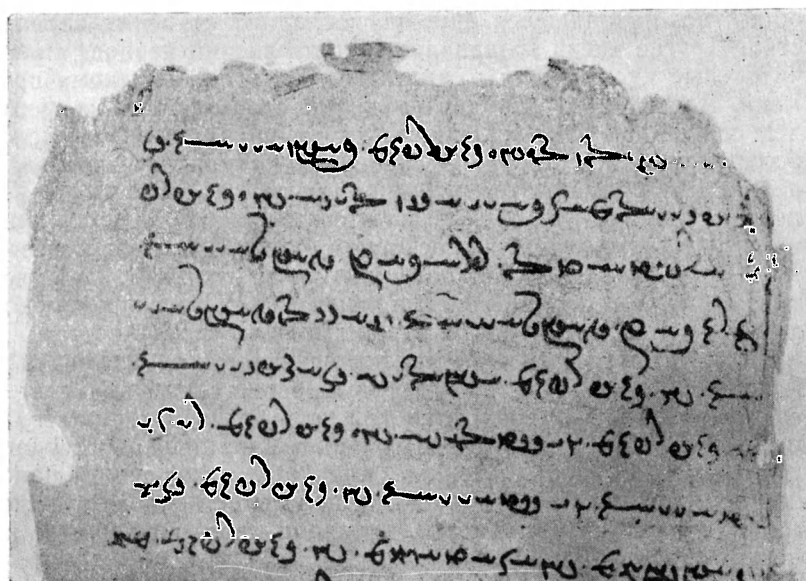

Рис. 66. Образец авестийского письма

для жреца грехов. В самом тексте Авесты Ахура Мазда, обращаясь к Заратуштре, говорит, что он переместит из рая на расстояние «ширины и толщины земли» душу того, кто, заучив на память молитву, забудет хотя бы небольшую ее часть.

Традиция заучивания наизусть Авесты продолжает сохраняться вплоть до настоящего времени у жрецов зороастрийских общин в Индии и в Иране (в Иезде).

При кодификации к Авесте были присоединены составленные в течение предшествующего периода книги по праву, естественным наукам, астрономии и этике. Некоторые вошедшие в Авесту сочинения были, очевидно, созданы или скомпилированы еще при Шапуре I, которого источники характеризуют как человека не только веротерпимого, но и мецената, специально заботившегося о переводе на иранский язык произведений иностранной, особенно греческой и индийской, литературы научного характера¹³⁸. Таким образом, Авеста стала целым сводом, своего рода энциклопедией религиозно-философских представлений и научных знаний своего времени. Некоторые части Авесты очень древнего происхождения. Так, Гаты, гимны, приписываемые самому основателю религии — Заратуштре, относятся к доахеменидскому времени и рисуют

общество, находящееся еще на последних ступенях варварства. Другие части создавались в парфянский период, а значительные куски Авесты относятся уже к сасанидскому времени. Авеста и в сасанидское время составлялась на мергвом священном языке. Так как этот язык был непонятен даже большинству жрецов, то в сасанидский период был сделан перевод Авесты на литературный язык того времени — среднеперсидский, или пехлеви — и на этом же языке были созданы обширные комментарии к основному тексту¹³⁹. Этот перевод и комментарии получили название Зенд, откуда и идет употребительное в Европе еще в прошлом веке, но неправильное название священной книги зороастрийцев «Зенд-Авеста».

До нас дошли только незначительные части сасанидской Авесты. Нужно думать, что исчезновение остальных частей священной книги объясняется тем, что, когда после завоевания Ирана арабами в VII в. погибло Сасанидское государство и общины зороастрийцев оказались в стесненном положении, части Авесты, не имевшие непосредственного отношения к культу, к обрядности, потеряли свое значение и их перестали переписывать.

Судить о составе и содержании сасанидской Авесты мы можем теперь только по краткому конспекту (не одинаково подробному в разных своих частях), дошедшему до нас в позднем (IX в.) зороастрийском сочинении «Дёнкарт».

Однако по дошедшим до нас частям Авесты и по той религии, которую исповедуют сейчас сохранившиеся до наших дней зороастрийские общины Ирана и Индии, мы не можем судить о религии сасанидского периода. Как можно заключить по данным греческих, древнеармянских и сирийских авторов, религия сасанидского Ирана была более сложной и находилась под сильным влиянием соседних переднеазиатских культов и тех смешанных синкретических верований, которые были распространены в Передней Азии в эллинистическое и парфянское время. В основе зороастризма сасанидского периода лежала дуалистическая идея о борьбе в мире темного и светлого начал. Олицетворение светлого начала — бог Ахура Мазда (Ормазд) борется с темным началом — Ахриманом. Ахура Мазда не одинок в этой борьбе, так же как и его противник. Ближайшими помощниками Ахура Мазды являются его первые творения: шесть божественных бессмертных — *Амеша-Спента*, — каждый из которых олицетворяет одну из ипостасей самого творца. Они следуют в строгом порядке: первым является Воху-Мана (Вохуман), буквально «благая мысль», покровитель полезных животных на земле; за ним — Арта-Вахишта (Артвахишт), «высшая праведность», олицетворение божественного права, порядка и справедливости. В

его ведении находится также огонь. Следующие Амеша-Спенты: Хшатра-Вайрья (Шахревар), «желанная власть», воплощение авторитета и власти Ахура Мазды и покровитель металлов в материальном мире, Спента-Армайти (Спентармат), «благонамеренность», противопоставленная злонамеренному ахримановскому началу, символ терпения и покровительница земли. Двое последних Амеша-Спенты были тесно связаны между собой: Хаурватат (Хордат), «целостность, здоровье» и Амеретат (Мордат), «бессмертие», покровители воды и растений. Каждому из Амеша-Спент был посвящен месяц в зороастрийском календаре и специальный день в каждом месяце. Так, например, Воху-Мане был посвящен одиннадцатый месяц календаря и второй день каждого месяца. Каждый Амеша-Спента имеет и свой символический цветок: у Воху-Маны это жасмин, у Хшатра-Вайрьи — базилик, и т. д. У каждого Амеша-Спенты свой антипод в окружении Ахримана.

Рис. 67. Реверс монеты Бахрама I с изображением священного огня

У Ахура Мазды есть помощники и более низкого ранга — многочисленные *язаты*, важнейшими из которых являются силы стихий, культ которых унаследован зороастризмом от древнейших народных верований. Это Огонь, Вода, Солнце, Луна, Тиштрия (Тир) — звезда Сириус, игравшая важную роль в земледельческом культе, как ниспосылающая дождь на землю. Язатами были также и такие популярные божества, как Митра, Анахита и Веретрагна (Варахран).

На стороне Ахура Мазды выступала также целая армия добрых духов. Это так называемые *фравашии* (*фраварт*) — прототипы душ всех праведных творений.

Темные силы армии Ахримана также весьма многочисленны. Их даже больше, чем светлых сил. Это антиподы язатов — *дэвы*, демоны, представлявшие в виде отвратительных чудовищ, оборотней, колдунов, ведьм и злых обольстительниц (*парики*). Они несут гибель, олицетворяют ложь (*друдж*, — в противовес *арте* Ахура Мазды) и порок. Таковы Ако-Мана — дурная мысль (антипод Воху-Маны), Аэци-

ма — «ярость, гнев, разбой», Насу, Ажи-Дахака и многие другие.

Вся вселенная делится на творения Ормазда и творения Ахримана. Это противопоставление двух начал в зороастризме было настолько сильно, что отразилось и в лексике: в Авесте одни и те же понятия выражаются разными словами в зависимости от того, к кому они относятся, к добрым существам или злым¹⁴⁰.

Борьба двух начал долгая, но в конце концов должна произойти последняя, решающая битва, в которой Ормазд победит, и настанет торжество света во всем мире.

Человеку зороастрийской религией отведена немалая роль в этой борьбе. Согласно этой вере, человек состоит из души и тела, причем первая предшествовала второму. Человек при жизни волен выбирать между добрым и злым, а также творить добро или зло. Это, однако, не означает безответственности или безнаказанности. При наступлении смерти умирает тело человека, душа же на четвертый день после смерти покидает землю и отправляется в потусторонний мир. Здесь ее путешествие оказывается приятным или неприятным в зависимости от того образа жизни, который вел умерший. Затем душа прибывает к судному мосту (*Чинват*), где трое язат творят над ней суд, взвешивая все ее поступки на земле. Душа праведника благополучно совершает свой переход через мост и отправляется к Ахура Мазде, тогда как душа грешника падает в бездну ада.

Праведник должен следовать на земле триаде основной этической заповеди зороастризма — «добрая мысль», «доброе слово», «доброе деяние» (*humata, huxta, hvaršta*). Он обязан своей жизнью помогать светлому началу. Деление всех земных существ на творения Ормазда и творения Ахримана влекло за собой целый ряд мелких обрядов и предписаний, исполнение которых должно было охранять верующего от осквернения и от общения, вольного или невольного, с темными творениями и силами.

В космогонической и эсхатологической концепциях зороастризма немало черт, роднящих это учение с другими религиями, особенно с христианством и иудаизмом. Так, например, согласно сохранившемуся в пехлевийском сочинении «Бундахишн» пересказу утерянного авестийского Дамдат-на-ска, перед окончательной победой добра над злом на землю явится мессия — Саошьянт (Сошанс), наступит обновление мира (*fraškart*) и воскресение мертвых. Тогда придет Судный день, и с помощью расплавленного металла зло на земле будет искоренено.

В зороастризм частично вошли догматы и представления ряда сходных религиозных течений. По одному из них, по-видимому, чрезвычайно распространенному в сасанидское время, Ормазд и Ахриман порождены некой высшей силой, которую иногда отождествляли с безграничным пространством (Тваша), но чаще с безграничным временем (Зрван). Таким образом, божество Зрван было поставлено выше самого Ормазда и считалось как бы источником всего сущего. В представлении о Зрване нельзя не видеть отражения гностических учений, распространенных в Передней Азии в начале нашей эры¹⁴¹.

Как единодушно отмечают все современники — византийские, сирийские, армянские авторы, огромную роль в официальном сасанидском культе играло поклонение солнечному божеству Михру (Митре). Культ Митры — иранского происхождения и известен еще с доахеменидского времени. В последующие века он получил широкое распространение во всем Восточном Средиземноморье, особенно в Малой Азии. В эллинистической среде Митра был отождествлен с Аполлоном. Одно время этот культ был популярен в Римской империи. Помимо поклонения солнцу, в зороастрийском культе важное место занимало поклонение стихии огня (Атур), олицетворенной в виде божества Веретрагны, — настолько важное, что чужеземцы называли зороастрийцев огнепоклонниками. Одним из основных божеств было также женское божество, то являющееся в виде древней богини плодородия и животворящих сил природы — Анахиты, то в виде Бе-духт, дочери

Рис. 68. Сасанидский серебряный кувшин с изображением танцующих жриц. Государственный Эрмитаж

богов, персонифицированной зороастрийской религией — «ден-маздаян».

Сложный и детально разработанный культ отправлялся огромным количеством жрецов — мобедов. Местами культа были многочисленные храмы, из них наиболее почитаемыми считались три: Атур-Гушнасп в Шизе, в Атропатене, — храм царя и военного сословия; Атур-Фарнбаг, храм жрече-

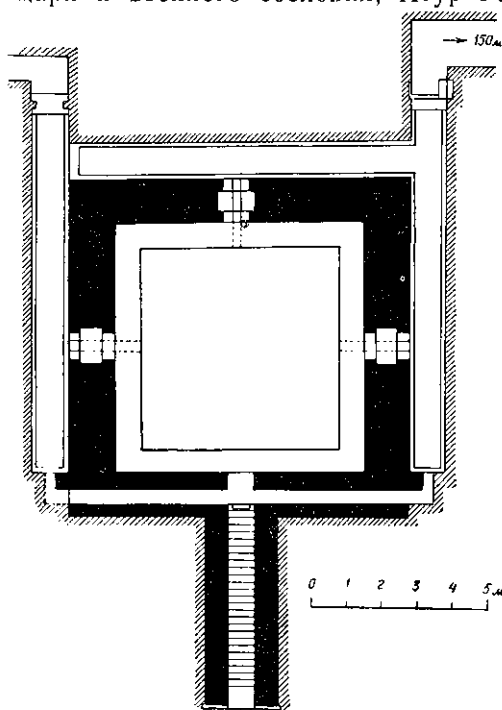

Рис. 69. План зороастрийского храма огня в Шапуре

ского сословия, находившийся в Парсе; Атур-Бурзен-Михр, храм земледельцев, в Хорасане. В храмах, куда не должен был проникать солнечный свет, на алтаре горел неугасимый священный огонь и совершались обряды, сопровождавшиеся песнопениями и чтением священных текстов. Важную роль в ритуале играл обожествленный напиток Хаома (Хом) — иранская параллель древнеиндийской Сомы.

Храмы владели обширными землями, им делали богатые подношения¹⁴², а верхушка духовенства, несомненно, являлась одной из наиболее могущественных прослоек господствующего класса.

Кроме того, у духовенства были немалые доходы от населения, за которое оно исполняло сложные ритуалы, недоступные и невыполнимые для непосвященных.

Если учесть, что в руках духовенства находился и суд¹⁴³, станет понятной и роль зороастризма и духовенства в Сасанидском государстве. Понятно также, что народные массы в борьбе против государства и знати прежде всего направляли свои удары на религию и духовенство.

Социальный протест против государства и церкви принимал неизбежно характер религиозного протестантизма. Поэтому

му все религиозно-философские учения, направленные против официального зороастризма, должны привлекать внимание. Уже почти одновременно с созданием Сасанидского государства возникает религиозно-философское учение, сыгравшее немалую роль в истории человечества. Это учение известно под названием манихейства¹⁴⁴. Предание сообщает, что основатель этого учения — Мани был сыном знатных родителей иранского происхождения (мать Мани была из парфянского рода Камсаракан). Он родился в Южной Вавилонии около 216/217 г. Свою публичную деятельность Мани начал в очень молодые годы, при Арташире, с поездки в Индию, где основал первые общины адептов нового учения. По возвращении в Ктесифон, в день коронации Шапура I, он был милостиво принят новым царем и получил право проповедовать свое учение в Иране.

По мысли Мани, это учение должно было явиться всеобщей, универсальной религией и заменить собой все существующие религии. Поэтому-то Мани так свободно черпал образы и внешние формы из известных ему религий, прежде всего зороастризма, а затем христианства и буддизма.

Основная идея манихейства, как и зороастризма, дуалистическая. Мир — это арена борьбы светлого и темного начал. В нашем земном мире светлые и темные элементы смешаны, цель мирового процесса развития — это освобождение светлых элементов от темных. Космогонические и эсхатологические представления раннего манихейства, неся на себе заметные черты зороастрийской мифологии, отмечены несомненным влиянием гностических учений периода эллинизма и первых веков христианской эры, в частности сирийского гностика Бардесана.

Нужно отметить, что манихейство, быстро распространяясь и на запад, в пределы Восточной Римской империи, и на восток, в Иран, Среднюю Азию, а затем и дальше, в Центральную Азию и Китай, сильно видоизменялось, приближаясь на Западе к христианству, а на Востоке впитывая в себя все больше и больше буддийских элементов.

По представлению манихеев, человек всем своим поведением, всей своей жизнью должен способствовать отделению, освобождению светлых частиц своего существа и окружающего мира, тем самым помогая светлому началу в его борьбе со злом. Поэтому человек не должен убивать ни себе подобных, ни животных, обязан воздерживаться от мясной пищи, вести нравственную жизнь и т. д. Еще строже требования к категории «избранных»¹⁴⁵, отличающихся от мирян тем, что они не должны вступать в брак, не только не должны потреблять мясного, но даже и срывать растения, идущие им в пи-

шу. Это должны делать за них миряне, а избранные будут молиться, чтобы мирянам простились грехи, связанные с уничтожением растений. «Избранные» обязаны проповедовать манихейское учение, распространять его в мире. За праведную жизнь после смерти они попадут прямо в рай, в то время как миряне должны совершить целый круг превращений, появляясь на земле все в новых и новых обликах, чтобы, совершенствуясь, наконец стать «избранными» и таким образом соединиться со светом (эти представления, несомненно, связаны с представлением о круге бытия, *самсаре* буддизма).

Учение манихеев, направленное против государства и угнетения, проповедовавшее высокие моральные идеалы, быстро получило широкое распространение, особенно среди городского населения — купечества, а также ремесленной верхушки¹⁴⁶.

Первоначально Сасаниды (Шапур I, его братья Пероз и Михр-шах, сын и наследник Шапура Ормизд I), не видя еще опасности манихейства и не создав еще прочной зороастрийской церкви — важной опоры своего могущества, не противодействовали распространению манихейства, а порой даже и поддерживали Мани. Но когда стал ясен антигосударственный и антиклерикальный характер манихейской проповеди, начались жестокие гонения на манихеев. По приказу Бахрама I (ок. 276 г.) Мани был заключен в тюрьму, где и умер. Вскоре был казнен преемник Мани — Сисинний¹⁴⁷. Манихеи лишились возможности открыто проповедовать свое учение. Несмотря на преследования, их было много в столице государства — Ктесифоне, в Вавилонии (которая долгое время оставалась главным центром манихейства) и в таких крупных городах, как Гунди-Шапур в Хузистане, где, по преданию, погиб Мани. Большие массы манихеев эмигрировали в восточноримские владения, где также быстро стало распространяться их учение. Христианская церковь была не менее жестока к манихеям, чем зороастрийская. Насколько сильно было влияние манихеев, показывают наличие обширной полемической христианской литературы (в частности, сочинения известного «отца церкви» Блаженного Августина, который сам в юности был манихеем¹⁴⁸) и живучесть этого учения, отразившегося в целом ряде антиклерикальных народных сект средневековья (павликиане и тондракиты в Армении, альбигойцы в Европе, богомилы в Болгарии). Более благоприятной была судьба манихеев на Востоке. Их учение нашло приверженцев среди согдийских купцов Средней Азии, в их колониях, в оазисах Синьцзяна (Китайский Туркестан), среди кочевников Центральной Азии. Восточные манихеи скоро потеряли связь со своими западными собратьями и организационно перестали

подчиняться вавилонскому манихейскому центру, а их религия стала сильно отличаться от первоначальных форм манихейства. В конце VIII в. уйгурский хан даже сделал манихейство государственной религией своей державы. Дошедшие до нас многочисленные фрагменты сочинений Мани и его учеников, найденные в Китайском Туркестане, относятся к VIII—IX вв.

Интересна также и культурно-историческая сторона деятельности Мани и манихеев. Сам Мани оставил довольно большое литературное наследие. Писал он в основном на восточноарамейском диалекте, но также и по-ирански (на среднеперсидском языке), например произведение, посвященное Шапуру, — «Шапуракан», в котором были изложены основные положения его учения. В интересах пропаганды нового учения Мани приспособил для передачи среднеиранских текстов разновидность сирийского письма «эстрангело», с помощью которого довольно успешно передавались гласные звуки иранских диалектов; Мани совершенно отказался от применения арамейских идеограмм и исторических написаний иранских слов, что сильно облегчало чтение и письмо. Эта новая письменность не получила, однако, развития в Иране (за исключением манихейских общин), где продолжала сохраняться принятая зороастрийской церковью пехлевийская письменность.

Интересна также манихейская живопись, стенная и миниатюрная, памятники которой были обнаружены при раскопках в Турфане и Хоче ¹⁴⁹.

Сопротивление государству и официальной религии со стороны манихейства было пассивным, но из того же манихейства вышло учение, проповедовавшее уже активную борьбу со злом в мире, и в первую очередь с феодальным государством и его институтами — церковью, семьей, собственностью. У нас есть сведения, что уже в конце III в. н. э. существовало левое, радикальное направление манихейства, приверженцы которого называли себя *дрист-денан*, т. е. «правоверными», людьми истинной веры.

Византийский писатель Малала (VI в. н. э.) сообщает, что в царствование Диоклетиана (т. е. в конце III в.) в Риме появился некий проповедник Бундос. Он был манихеем и учил, что битва доброго и злого начала уже закончилась победой, но неполной, доброго бога. Затем Бундос отправился в Иран, где и проповедовал свое учение, получившее там название *дрист-ден* (букв. «истинная вера»). В науке существует сейчас мнение, что Бундос идентичен Зардушту, которого некоторые восточные источники называют основоположником этого учения ¹⁵⁰.

Казалось бы, ничего принципиально нового по сравнению с манихейством в этом учении нет, однако оптимистическое утверждение, что победа доброго начала над злым уже состоялась, влекло за собой и требование активного включения человека в борьбу за уничтожение остатков зла на земле. Поэтому понятно, отчего это учение стало знаменем широкого народного движения, развернувшегося в Иране в конце V в. н. э., движения, получившего название маздакитского, по имени его руководителя — Маздака.

Маздак сумел использовать это учение для борьбы с государством. Религиозно-философская и морально-этическая стороны учения, по-видимому, мало интересовали Маздака. На первый план в маздакитском движении выступают социальные требования, социальные лозунги.

Раз доброе начало победило во вселенной, как учит Маздак, а злое начало — это не сознательное начало, а хаос, беспорядок, то человек должен принять активное участие в уничтожении остатков зла на земле. Носитель этого зла — прежде всего государство, а конкретное проявление зла — социальное и имущественное неравенство людей. Оно и должно быть уничтожено в первую очередь. Таким образом, маздакизм уже не пассивное религиозно-нравственное учение, а движение, направленное против самых жизненных, самых главных устоев феодального государства. Кроме того, маздакизм был движением широко демократическим, преимущественно, по-видимому, крестьянским; недаром даже писавший по-арабски историк Табари (IX—X вв. н. э.) называет Маздака «апостолом Зардушты у простого народа»¹⁵¹.

6. МАЗДАКИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЦАРЬ КАВАД

С маздакитским движением¹⁵² и пришлось столкнуться Каваду. Он с первых же дней царствования оказался в очень тяжелом положении. С одной стороны, в стране распоряжалась кучка представителей знати во главе с Зармихром, с другой — ширилось и принимало все более и более грозные размеры народное движение, причем основным требованием восставшего народа было уничтожение имущественного неравенства, разрушение новых форм семьи, пришедшим на смену старым родовым отношениям и нормам¹⁵³. Каваду нужно было выбирать, и он поддержал народное движение. Мотивы, заставившие Кавада принять такое решение, давно интересовали историков. Еще арабские и персидские писатели средневековья пытались решить этот вопрос. В современной

науке существуют разные точки зрения. Так, один из наиболее известных исследователей сасанидского периода, А. Кристенсен, полагает, что Кавад искренне перешел на сторону маздакитов, так как был их идейным сторонником. Эту точку зрения он отчетливо проводит в специальной работе, посвященной маздакитскому движению¹⁵⁴; ее же, хотя и с некоторыми оговорками, он отстаивает и в своем последнем большом труде по истории и культуре сасанидского Ирана. Он пишет: «...Ни один из современных или квазисовременных источников не приписывает Каваду макиавеллических черт—ни Прокопий, который им восхищается, ни Агафий, который его не любит, ни Иешу Стилит, который его ненавидит. С другой стороны, в наших источниках есть много намеков, которые как будто указывают, что обращение Кавада было искренним»¹⁵⁵. Другую точку зрения высказал еще в 1879 г., опираясь на авторитет такого крупного исследователя, как А. Гутшмид, Т. Нельдеке, который в своих замечательных комментариях к переводу сасанидской части арабской хроники Табари писал¹⁵⁶: «..Удивительна его (Кавада) связь с маздакитами; во всяком случае (как сказал мне Гутшмид) она может быть объяснена лишь стремлением разорить знать...»—и далее¹⁵⁷: «...Союз Кавада с новой сектой, как уже сказано, зряд ли может быть объяснен иначе, как желанием нанести чувствительный удар могущественной знати, ее родовой чести, родовым связям и ее имуществу. Кроме того, при помощи народного учения он выбивал почву из-под ног теснейшим образом связанного со знатью духовенства». Анализ всех событий царствования Кавада полностью подтверждает толкование А. Гутшмида и Т. Нельдеке как исторически более правильное.

Кавад первым долгом решил избавиться от тягостной опеки Зармихра. Царь воспользовался распрями среди знати, и по его наущению Зармихр был убит своим соперником Шалпуром из рода Михран. Однако вскоре и Шалпур, вероятно, разделил участь Зармихра, потому что о нем больше ничего неизвестно. Но разгромить знать, только разжигая вражду между отдельными родами, было невозможно, поэтому Кавад идет дальше и вступает в союз с маздакитами. Политические требования маздакитов наносили удар главным образом землевладельческой знати. Изъятие имущества знатных родов, разрушение их семейных и родовых связей входило в планы царя. Как далеко пошел Кавад в своей поддержке маздакитов, мы не знаем. Однако есть все основания предполагать, что царь не пошел на полное проведение в жизнь всех требований маздакитов, а, вступив с ними в союз, стремился ограничить это движение и направить его против тех элементов

общества, которые были враждебны царю и опасны для него. Известно, что часть знати, ставшая на сторону царя, сохранила свои привилегии.

Во всяком случае, борьба была ожесточенной, и через восемь лет правления, в 496 г. н. э., вельможи сместили Кавада и заточили его в «замок забвения». Раздавались даже голоса (правитель Хорасана Гушнаспдад)¹⁵⁸, требовавшие убийства неугодного царя. Однако большинство вельмож не решалось на этот шаг. Царем был посажен брат Кавада — Замасп.

Каваду удалось бежать из тюрьмы с помощью сестры (или жены) и преданного смещенному царю знатного юноши Сиявуша. Кавад отправился к эфталитам, ко двору их царя, где он в свое время жил в качестве заложника и, несомненно, имел связи¹⁵⁹. Он попросил помощи у царя эфталитов против брата. Царь эфталитов принял Кавада очень хорошо, выдал за него свою дочь (от брака с дочерью Пероза, следовательно, племянницу Кавада) и, получив от Кавада обещание выплачивать эфталитам дань, оказал поддержку. Политический расчет эфталитов в данном случае был тот же, что и в то время, когда они поддерживали Пероза против Ормизда III¹⁶⁰.

При приближении Кавада с эфталитским войском (499 г.) Замасп отрекся от престола, и Кавад снова стал царем. По почти единогласному утверждению источников, Кавад поступил милосердно со своими противниками, приказав казнить только Гушнаспдада, требовавшего в свое время его смерти¹⁶¹. Однако здесь уже обнаружились признаки перемены в политике Кавада: так как должность правителя Хорасана (канаранга) была наследственной, то царь не решился отнять ее у семьи Гушнаспдада и передал родственнику казненного — Атургундаду. В первые годы после возвращения из страны эфталитов несомненная перемена политики Кавада еще не давала себя чувствовать. Маздакиты продолжали, по-видимому, пользоваться свободой в государстве. Однако Кавад стал осторожнее со знатью и духовенством.

В самом начале VI в. н. э. Каваду пришлось столкнуться с целым рядом внешнеполитических трудностей. В Армении еще не были ликвидированы последствия восстания 484 г. Хотя это восстание и было подавлено Зармихром и Валаршем, но персам было ясно, что позиции их в Армении недостаточно крепки и необходим ряд уступок знати и христианскому духовенству.

К 501—502 гг. относится указ Кавада, утверждавший самостоятельность армянской монофизитской церкви. Этим самым, с одной стороны, Армения противопоставлялась Византии, где господствующим было другое направление хри-

стианства — диофизитство (халкедонитство), с другой стороны, отделялась и от христиан Ирана, исповедовавших в большинстве своем несторианство, которое пытался поддерживать в Армении отец Кавада — Пероз.

В 502 г. вспыхнула война между Ираном и Византией. Поводом к войне был отказ императора Анастасия предоставить Ирану заем для уплаты дани эфталитам¹⁶². Византийцы, по-видимому, надеялись на осложнения на восточной границе Ирана в случае неуплаты Кавадом дани. Война шла удачно для персов, и Каваду удалось занять важную крепость Амиду¹⁶³. Однако вторжение кочевников через кавказские перевалы на иранскую территорию заставило Кавада заключить мир с Византией.

В 515 г. в Закавказье проникают родственные хазарам савиры, которые проходят через Армению в Малую Азию. Каваду приходится предпринять ряд оборонительных мер против савиров, в частности укрепить города Байлакан, Партав (араб. Берда'а)¹⁶⁴ и другие. Но савиры, по-видимому, утвердились в Албании (северная часть Азербайджанской ССР и юг Дагестана), севернее оборонительной линии иранцев. Каваду приписывается и возведение укреплений Дербента, однако вероятно, что они были созданы только его преемником — Хосровом¹⁶⁵. Византийцы пытались в это время и позднее использовать савиров в борьбе с Сасанидами, что было очень опасно для иранцев: при войне с Византией они получали от савиров удар по флангу.

Около 519 г. снова произошел конфликт между Ираном и Арменией. Этот конфликт был связан с создавшимся очень тяжелым внутривосточным положением в Сасанидской державе.

Борьба знати, царя и народа продолжалась. Кавад все больше и больше отходил от маздакитов. Их дальнейшее усиление было опасно для царя. Они сыграли уже свою роль в политической игре Кавада против знати, а дальнейшее проведение в жизнь требований маздакитов и разрушение государства вовсе не входило в план царя. Внешним поводом для борьбы стал вопрос о престолонаследии. В этот период царь задумал, по-видимому, широкие реформы, которые должны были повести к усилению царской власти. В этом деле он опирался на своего младшего сына Хосрова, казавшегося и знати, с которой Кавад теперь хотел примириться, наиболее желательным наследником ввиду его сильных антимаздакитских настроений и тесных связей с зороастрийским духовенством. Маздакиты же держали сторону воспитанного ими старшего сына Кавада, Кауса. Третий сын царя — Зам был кривой, поэтому о нем не могло быть и речи, как о претенденте на прес-

стол¹⁶⁶. Кавад, желая обеспечить престол Хосрову, обратился к византийскому императору Юстину с предложением «усыновить» Хосрова, т. е., иными словами, гарантировать ему престол отца. Прецеденты такого рода имелись уже в истории обеих великих держав: таким же образом в свое время Ездегерд I гарантировал престол малолетнему царевичу, будущему императору Феодосию II. Юстин колебался, он предлагал вместо письменного только устные обязательства, а так как во время переговоров иранские послы, известные уже нам Сиявуш и Махбод из рода Сурен, повели также речь о передаче Ирану области Лазики на Кавказе, то переговоры были прерваны, и царевич Хосров, уже отправившийся было в Византию, должен был вернуться¹⁶⁷.

Махбод, вернувшись в Иран, заявил, что виновником срыва переговоров является Сиявуш. По-видимому, Сиявуш, сторонник и близкий друг царя в первый период его деятельности, вероятно связанный с маздакитами, был неугоден знати, решившей придаться к случаю и погубить его. Над Сиявушем был учинен суд на собрании знати, обвинившей его также и в вероотступничестве. Сиявуш был лишен должности арташтарансалара, которую он занимал со времени возвращения Кавада от эфталитов, и приговорен к смерти. Кавад предал своего спасителя и друга и подтвердил приговор. Сиявуш был казнен¹⁶⁸. Это лишний раз показывает, что союз царя с маздакитами был только политической игрой и что к 20-м годам VI в. был решен разрыв не только с маздакитами, но и с прежними приверженцами царя, проводившими когда-то угодную ему политику заигрывания с маздакитами.

В дальнейшем Кавад пытался укрепить свои позиции в Иберии и захватить Лазик и начал военные действия на Кавказе. Поводом для этой войны было требование принять зороастризм, предъявленное Кавадом царю иберов. Византия, не желавшая терять Лазик, оказала помощь иберам, что повлекло за собой новую большую войну между Ираном и Византией (527 г.)¹⁶⁹.

Следующим шагом после примирения с ослабленной знатью и духовенством, а также устранения прежних помощников и друзей было подавление маздакитов. Этого настоятельно требовали, помимо общей линии политики Кавада, и тяжелые условия большой войны с Византией. В 528 или 529 г. началось преследование и массовое избиение маздакитов¹⁷⁰. Сигналом к этому послужил инсценированный царем диспут между учеными зороастрийскими жрецами и главой маздакитов (вероятно, самим Маздаком) в присутствии царя, царевича Хосрова, главы зороастрийского духовенства — мобедан-мобеда — и христианского епископа. Маздак был при-

знан еретиком, схвачен и казнен вместе со всеми присутствовавшими на диспуте вожаками движения. Предание приписывает истребление маздакитов влиянию царевича Хосрова, однако есть все основания думать, что Кавад и сам бы расправился с маздакитами, так как это являлось логическим концом всей многолетней политики Кавада.

Маздакизм не мог быть истреблен окончательно; несмотря на разгром, он долго еще был популярен в народе. Маздакитские лозунги надолго остались знаменем борьбы против угнетателей, и такие движения, как восстание Муканны в Средней Азии (конец VIII в. н. э.) и восстание Бабека на Кавказе (начало IX в. н. э.), несомненно, несли в себе элементы маздакизма. Слабость движения маздакитов заключалась в том, что они ничего не могли противопоставить феодальной системе. Выдвигавшееся маздакитами требование справедливого раздела имущества на основе равных прав на него всех людей ни в коей мере не обуславливало уничтожения частной собственности — основы эксплуатации человека человеком. Поворот назад к институтам родового строя был максимумом того, что могли предложить маздакиты. Мужественная борьба маздакитов с угнетателями при естественном тогда отсутствии правильного понимания причин социального неравенства и перспектив общественного развития не могла привести к созданию нового общественного строя.

Поражение маздакитов определило победу феодального строя в Иране. Процесс феодализации, начавшийся, как мы видели, еще в парфянский период и все время развивавшийся в течение сасанидского периода, был значительно ускорен благодаря разгрому маздакитов. Дальнейшее укрепление феодального уклада было зафиксировано реформами преемника Кавада — Хосрова I.

7. ХОСРОВ I АНОШИРВАН И ЕГО РЕФОРМА

Кавад умер в 531 г., в разгар византийской войны. Махбод Сурен, бывший в последние годы ближайшим помощником и фаворитом царя, предъявил вельможам завещание Кавада, где наследником был объявлен Хосров. Каус пытался было оспаривать трон с оружием в руках, но погиб. Вскоре затем был, по-видимому, на всякий случай устранен и Зам¹⁷¹.

Хосров I, получивший прозвище Аноширвана («бессмертная душа»), сразу же твердой рукой взялся за продолжение политики отца. Прежде всего он решил возместить ущерб, нанесенный знатным родам маздакитами. Однако он это сделал так, что больше всего выгоды от этого получил сам царь. Он

возвращал отнятые земли и имущество, возвращал жен их прежним мужьям, но много семей было, по-видимому, уже истреблено или во всяком случае лишено своих глав. Земли этих семейств царь забрал в казну. Там, где в семье оставались только малолетние, он выдавал замуж девушек, давая им приданое из казны, женил юношей, принимая их на царскую службу, создавая таким образом новую прослойку знати, всем обязанную царю и поэтому преданную ему. Все это показывает, насколько большие перемены произошли в стране в результате маздакитского движения¹⁷².

Следующим шагом Хосрова была налоговая реформа, коренным образом менявшая существовавшую тогда в Иране практику взимания податей, которая приводила к обнищанию казны и отрицательно влияла на состояние сельского хозяйства.

Самый характер обложения, при котором налог взимался в виде доли урожая, делал невозможным сколько-нибудь твердый учет поступлений: каждый год, в зависимости от урожая и других обстоятельств, например запустения земель, менялось количество поступлений в казну. Взимание налогов было целиком на усмотрении чиновников и местной знати, что при невозможности контроля со стороны центрального правительства влекло за собой значительную утечку поступлений по пути в казну. Необходимость обеспечить казне твердый доход ощущалась очень остро, и уже Кавад начал подготовку налоговой реформы. При нем для составления кадастровых списков по всему государству был начат обмер земель, законченный Хосровом Аноширваном. Списки налогоплательщиков были составлены в двух экземплярах, причем один экземпляр списка оставался в центральном ведомстве, а другой получила местная администрация. При составлении кадастров, наряду с учетом земельного фонда, был произведен подсчет плодоносящих деревьев, дающих доходы, — финиковых пальм и оливковых деревьев¹⁷³. Одновременно Хосров провел перепись населения для подушного налога.

Проект податной реформы Хосрова был разработан под большим влиянием налоговой реформы Диоклетиана. Согласно новой системе, обложению земельным налогом подлежали все сельскохозяйственные культуры, включая кормовые травы. По новым ставкам поземельного налога, дошедшим до нас в передаче арабских источников, общей единицей обложения был *гариб*, соответствующий приблизительно одной десятой гектара (только плодовые деревья облагались несколько иначе — единицей обложения здесь была группа в пять-шесть деревьев). Были разработаны твердые ставки в зависимости от засеянной культуры: с одного гариба земли,

засеянной пшеницей, взымали 1 дирхем (драхму), с одного гариба виноградника — 8 дирхемов¹⁷⁴.

Ставки даны в денежном выражении, однако, скорее всего, значительная часть налогов выплачивалась еще натурой, как это было до Хосрова, о чем ясно говорит Табари. Поступать налоги должны были раз в четыре месяца. Одной из главных причин введения кадастра и новых ставок налогов было стремление увеличить поступления в казну, необходимые для реорганизации войска. Об этом свидетельствуют слова самого Хосрова, переданные нам Табари: «Так в нашей казне будут собраны деньги, чтобы, когда из пограничных крепостей или пограничных земель дойдет весть о нарушении порядка, или произойдет там какая-нибудь беда, и для устранения ее или подавления понадобятся деньги, они бы были готовы, поэтому мы хотим для этих случаев ввести новые налоги»¹⁷⁵.

А. Кристенсен полагал, что создание новой системы взимания налогов явилось облегчением для крестьянства¹⁷⁶. Так оно, действительно, может показаться на первый взгляд, однако уже во время обсуждения проекта реформы один из чиновников выразил сомнение в правильности составления кадастра раз и навсегда, без учета текущих изменений посевной площади, оросительных сооружений и т. д. Чиновник жестоко поплатился за неуместную критику: его коллеги, по приказу царя, избили его до смерти чернильницами¹⁷⁷. Новая система вызывала справедливые нарекания и сверху, и снизу. Слов нет, новая система была значительно более эффективной и выгодной для государства, но вряд ли менее тяжелой для населения, тем более, что откупа налогов продолжали существовать и при Хосрове.

Вместе с поземельным налогом было упорядочено и взимание подушной подати. Система, при которой подушной податью было обложено все население от двадцати- до пятидесятилетнего возраста, кроме знати, воинов, жрецов, чиновников и вообще всех, находившихся на государственной службе, восходит, по-видимому, ко времени Хосрова I¹⁷⁸. Размер подушной подати изменялся от 4 до 12 драхм в зависимости от категории налогоплательщика.

Другим важным мероприятием Хосрова была военная реформа. До нее все войско Сасанидов состояло из ополчения, главной силой которого была конница из свободных. Вспомогательные силы набирались из зависимых, причем это была не пехота, участвовавшая в бою, а «толпа несчастных крестьян, которая следует за войском для того лишь, чтобы разрушать стены, собирать трупы и служить воинам»¹⁷⁹. Об этом же говорит и другой автор — Аммиан Марцеллин: «...Пехо-

тинцы... несут службу обозных. Вся их масса следует за конницей, как бы обреченная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками»¹⁸⁰.

Ополчение это было крайне ненадежно и доставляло постоянные заботы царю. Вся история Сасанидов, особенно сложные события V в., показала, что царю в борьбе со знатью нельзя полагаться на войско. Хосрову необходимо было регулярное войско, получающее жалованье от царя и потому послушное ему. Из работ современных исследователей, в частности А. Кристенсена, можно заключить, что все войско Хосрова было построено по этому принципу. Однако, по-видимому, здесь мы имеем дело с преувеличением арабских и персидских источников более позднего средневековья, переносящих на сасанидский период военную практику, да и другие представления своего времени. Характерно, что анекдот о том, как при получении Хосровом жалованья чиновник тщательно осматривал оружие и снаряжение самого Хосрова, после чего царь получал жалованье лишь на один дирхем больше, чем простой воин, почти буквально повторяется в конце IX в., но относится к саффаридскому правителю Амру ибн Лейсу. Вероятно, Хосровом было создано только регулярное ядро войска, основную же его массу, как и прежде, составляло ополчение и контингенты союзных варварских племен (например, хиониты в IV в., савиры в войне с Византией 527—532 гг.). Хосров широко практиковал и поселения воинственных племен на границах, чтобы создать постоянные заслоны против кочевников¹⁸¹.

В связи с политикой дальнейшего ослабления старой знати находятся и изменения, произведенные Хосровом в военном и административном аппарате. Так, Хосров упразднил должность эран-спахпата, разделив всю страну на четыре военных округа и поручив командование каждым из них спахпату. Таким образом, была устранена опасность концентрации всех военных сил государства в одних руках¹⁸². Раньше вся страна была разделена на четыре области, по странам света, во главе которых стояли наместники — великие марзпаны, имевшие право носить титул царя. Теперь же гражданское управление четырьмя областями было поручено чиновникам-паткоспанам, которые подчинялись спахпатам¹⁸³. Такое же рассредоточение власти было произведено царем в центральном административном аппарате, где обязанности и права вазург-фрамата́ра были разделены между вазург-фрамата́ром, главой писцов и главой податного ведомства (васгриошансаларом). Первые шаги к проведению этой реформы были сделаны еще, по-видимому, Кавадом¹⁸⁴.

Все эти реформы несомненно усилили царя, центральное правительство, а вместе с тем и все государство, тогда как вельможи и правители-сепаратисты, ослабленные уже политикой Кавада и маздакитами, пострадали. Царствование Хосрова — это, несомненно, высшая точка могущества Сасанидской державы.

Чем же объяснить такие успехи Хосрова? По-видимому, тем, что, несмотря на политику царя, направленную на ограничение власти и могущества крупной знати, весь господствующий класс, особенно средние землевладельцы и чиновничество, поддерживали Хосрова: страшась общей грозной опасности — революционного движения масс, они на время сплотились и выступили как единая сила.

Царствование Хосрова было богато и внешними событиями. Война с Византией, начатая еще Кавадом, закончилась в 532 г. Однако мир этот был непрочен. Вскоре разгорелась новая война, и в 542 г. персы взяли Антиохию на Оронте¹⁸⁵. Хосров вывел из этого города множество пленных, по-видимому, главным образом ремесленников, для которых построил специальное предместье около Ктесифона, получившее название Вех-Антиок (Лучшая Антиохия). В дальнейшем война шла с переменным успехом, и главным театром военных действий было Закавказье. Армения к тому времени была почти полностью оккупирована персами и входила в Северный округ на правах простой провинции. Борьба передвинулась дальше на север. Иберия также находилась в руках персов; царская власть в ней была упразднена. Однако персы чувствовали себя там далеко не так прочно, как в Армении. В основном Византия и Иран боролись за Лазикю. В самой Лазике были элементы, недовольные хозяйничаньем византийцев. Лазский царь Губаз даже послал к Хосрову послов, которые с большим знанием политической ситуации изложили иранскому царю все выгоды господства над Лазикой: «При помощи моря нашей страны вы свяжетесь с морем римлян. Если царь построит здесь корабли, то не трудно будет достичь порога царского дворца в Византии... От тебя будет также зависеть, чтобы пограничные варвары ежегодно опустошали римские владения... Ты, вероятно, знаешь, что страна лазов по сей день является заслоном против Кавказских гор»¹⁸⁶. Персы, однако, не смогли укрепиться в Лазике, и в 550 г. лазы выступают против них вместе с византийцами. После многолетних военных действий, в общем неудачных для персов, война с Византией закончилась в 562 г. За воюющими сторонами были сохранены их прежние владения¹⁸⁷.

В восточных областях Закавказья, в Албании, Хосров постепенно продвигался дальше и дальше на север, создавая в

захваченных областях целую сеть укрепленных поселений, продолжая здесь, как и во многом другом, политику своего отца. Наиболее крупные оборонительные сооружения были возведены (или только восстановлены) в Дербенте, загоразживая Дербентский проход, обычную дорогу кочевников Предкавказья в иранские владения¹⁸⁸.

Крупных успехов персы добились на юге, захватив около 570 г. Йемен в Аравии, вытеснив оттуда владевших Йеменом абиссинцев. Захват Йемена обеспечивал Сасанидам господство над морскими путями на Красном море и в Индийском океане, что было особенно важно в связи с развившейся дальней морской торговлей¹⁸⁹.

Мир с Византией позволил Хосрову заняться и восточными границами, где по-прежнему Сасанидам угрожали эфталиты. Персы еще со времени Пероза и Кавада принуждены были платить эфталитам дань. Теперь обстоятельства складывались благоприятно для Сасанидов: эфталитов стали теснить тюрки, создавшие к середине VI в. обширную державу на территории, простиравшейся от Монголии до степей Предкавказья. Это помогло Хосрову расправиться с эфталитами и установить границу между своими владениями и тюркским каганатом на Аму-Дарье (563—567 гг.)¹⁹⁰.

Весть о создании крупной и, казалось, сильной державы на северо-востоке от сасанидских владений заставила Византию заинтересоваться тюрками, как возможным союзником против Сасанидов. Между тюрками и Византией завязываются сношения. В 568 г. император направляет к тюркам посольство во главе с Земархом, однако эти сношения кончились ничем в связи с ослаблением Тюркской державы¹⁹¹.

Казалось, теперь, после победы над эфталитами, покорения Йемена и перемирия с Византией, государство Сасанидов находится в необычайно благоприятном положении. Однако стареющему царю еще пришлось перенести ряд тяжелых испытаний.

В 571 г. в Армении вспыхнуло восстание, быстро принявшее угрожающие размеры. Внешним поводом для восстания была попытка Хосрова построить в Двине зороастрийский храм¹⁹². Настоящей же причиной восстания было невыносимое бремя сасанидского господства. Восставшие обратились за помощью к византийскому императору Юстину II, и это повлекло за собой новую большую войну между Ираном и Византией (572 г.). Война шла с переменным успехом. Однако быстро усмирить Армению не удалось, а Месопотамия подверглась набегам византийцев, которым удалось взять крепость Сингару. Мирные переговоры начались в 579 г., но в это время Хосров умер.

В правление Хосрова в результате больших внешнеполитических успехов и преодоления ряда внутренних трудностей Иран переживал расцвет культуры и искусства. При Хосрове интенсивно строились города, создавались архитектурные сооружения, много памятников литературы и изобразительного искусства нужно отнести к этому времени. Официальная сасанидская традиция прославила Хосрова как идеального монарха, и этот образ сохранила и средневековая арабская и персидская историография, передавшая множество легендарных рассказов, прославляющих мудрость и справедливость Хосрова Аноширвана ¹⁹³.

8. ОРМИЗД IV И ХОСРОВ II ПАРВЕЗ

В 579 г. Хосрову I наследовал его сын — Ормизд IV. В его правление борьба внутри господствующего класса вступила в решающую фазу. Ормизд IV продолжал политику своего деда и отца, но если Кавад сумел в борьбе со старой знатью использовать народное движение, если Хосров сумел подчинить ее себе, запугав призраком господства маздакистов, то Ормизд оказался в более тяжелом положении. Ему не на кого было опереться. Знать считала маздакизм разгромленным, а народ усмирленным, и потому опять подняла голову. Ормизд пытался опереться, как некогда Ездегерд I, на христианское население страны, но продолжавшаяся, несмотря на переговоры, война с Византией мешала ему в этом ¹⁹⁴. Источники говорят о репрессиях Ормизда IV против знати и зороастрийского духовенства. Различные группировки знати замышляли заговоры против царя. В конце 90-х годов вспыхивает большое восстание знати во главе с одним из способнейших полководцев Ормизда — Бахрамом Чубином из рода Михран. Легенда рассказывает, что Бахрам с успехом сражался за Сасанидов на Востоке, победил ряд кочевых народов и даже сумел оттеснить тюрок. Однако, получив затем верховное командование над войсками, боровшимися против Византии, он потерпел ряд неудач. Тогда Ормизд IV, по-видимому, не без основания не доверявший своему полководцу, сместил его с должности, послав ему притом в насмешку прялку и женское платье, как более подобающее ему, чем одежда воина ¹⁹⁵. Это послужило сигналом для восстания. Бахрам со своими приверженцами движется к столице. Тем временем в столице другая группа знати во главе с двумя братьями — Виндоем и Вистахмом из рода Испахпат — решает не ждать прихода Бахрама, а действовать самостоятельно. Вожаки этой группы захватывают Ормизда, ослепляют его,

а затем убивают. Царем они объявляют сына Ормизда Хосрова, получившего позднее прозвище Парвез, что значит «победоносный»¹⁹⁶. Приверженцы братьев думали, что, сажая на престол молодого царевича, они тем самым обеспечивают себе всю полноту власти. Узнав о случившемся в столице, Бахрам не оставил своих тайных планов и продолжал свой путь. Новый царь, Хосров II Парвез, не надеясь, видимо, на свое окружение и войско, покидает Ктесифон и бежит в Византию к императору Маврикию¹⁹⁷. Бахрам Чубин, не встречая сопротивления, вступает в столицу, где объявляет себя царем. Это был случай беспрецедентный в истории Сасанидского царства: представитель не царского, пусть даже очень знатного, рода узурпировал царскую власть. Вероятно, этого не ожидали даже крайние сепаратисты. Очень многие отшатнулись от него, во-первых, потому, что не желали подчиняться равному себе: каждый мало-мальски выдающийся представитель знати, увидя такой пример, решил, что и он ничуть не хуже Бахрама; во-вторых, почтение к сасанидскому дому (хотя не к его отдельным представителям) и престиж власти были все-таки настолько велики, что поступок Бахрама был сочтен прямым кощунством.

Тем временем Хосров, находясь при дворе Маврикия, вел с ним переговоры о военной поддержке интервенции. Маврикий охотно пошел на это за значительные территориальные уступки. Хосров обещал Маврикию почти всю Армению и Грузию, за исключением владений, непосредственно принадлежавших в этих странах иранским марзпанам, и большие территории в Месопотамии с городами Дарой и Маяфаркином¹⁹⁸.

Бахрам не выдержал совместного удара византийских, армянских и оставшихся верными Хосрову иранских сил, был разбит при городе Ганзаке в Атропатене и бежал на восток. По преданию, он удалился во владения тюрок, где вскоре и был убит. Так кончилась карьера этого, несомненно, незаурядного честолюбца. О восстании Бахрама Чубина еще в сасанидское время была сложена своеобразная, изобилующая легендарными подробностями историческая повесть, не дошедшая до нас, но послужившая основой для рассказов о Бахраме у арабских и персидских авторов средневековья, в частности глав, посвященных Бахраму в сасанидской части эпопеи «Шах-наме» великого иранского поэта Фирдоуси (X в.)¹⁹⁹.

Восстание Бахрама было чрезвычайно симптоматично для этого периода. Борьба старой знати с царем длилась более двухсот лет, но впервые ее представитель выступал с крупным войском, захватывал столицу, и, что особенно важно, впервые человек не царского рода объявлял себя царем Ирана. Все

это свидетельствует о далеко зашедшем к началу VII в. кризисе государственной машины Сасанидской державы, лишь временно ослабленном политикой Кавада и Хосрова Аноширвана. За Бахрамом вскоре последовали и другие.

Хосров II утвердился на отцовском престоле. С Византией был заключен мир, обещанные Хосровом Маврикию земли отошли к Византии. Страна не только потерпела внешнеполитический урон, но и внутри зрели события, чреватые опасностями для сасанидского трона. Хосров II не знал, какой линии ему держаться. Он окружил себя христианами. Одной его женой была византийская царевна Мария, другой, любимой, — сирийка или армянка Ширен, прославленная затем как героиня многих произведений средневековых переднеазиатских литератур²⁰⁰. Близки царю были и его придворный врач Гавриил и сириец Язден, занимавший должность вастриошансалара — случай беспрецедентный, хотя христиане на более низких чиновных должностях бывали и раньше²⁰¹. С другой стороны, он как будто бы поддерживает и зороастрийское духовенство и высшую знать, особенно ту группу, которая привела его к власти. Однако он, по-видимому, не доверял ей, потому что через некоторое время приказал убить одного из братьев Испахпатов — Виндое. Другой брат, Вистахм, бежит на север Ирана, объявляет себя царем и десять лет держится там против войск царя. В конце концов он погибает от руки убийцы. Предание говорит, что виновницей его гибели была его жена — Гордие, сестра Бахрама Чубина, впоследствии жена Хосрова Парвеза.

Чувствуя, что почва у него под ногами колеблется, царь стремится собрать как можно больше денег и богатств в казну. Для этого он не останавливается ни перед чем: дает на откуп недоимки, выжимает из населения все до последнего. Чтобы поддержать престиж и внешний блеск царской власти, Хосров II тратит огромные суммы на двор, на представительство. Богатство, пышность двора Хосрова II вошли в поговорку у народов Переднего Востока. Источники рассказывают о несметных сокровищах Хосрова, о сказочных «чудесах» его двора²⁰².

Кратковременные, но поразительные успехи иранского оружия в вспыхнувшей вскоре новой войне с Византией содействовали поддержанию этого внешнего блеска и кажущегося благополучия, скрывавшего гибельные для государства противоречия и внутреннюю борьбу.

В 602 г. Маврикий был убит, и императором стал его убийца Фока. Это послужило поводом для вмешательства иранцев. Хосров выступил как якобы мститель за своего «благодетеля» Маврикия. В 610 г. Фоку сменил Ираклий, но война

настолько ослабила Византию, что она с трудом сопротивлялась персам. Полководец Хосрова Шахен²⁰³ вторгается в 605 г. в Армению. Иберия подчиняется Сасанидам без боя. Затем иранцы захватывают всю Месопотамию, византийскую часть Армении и движутся через Малую Азию к Константинополю. Шахен захватывает Халкедон на азиатском берегу Босфора и появляется у ворот византийской столицы. Однако у персов не оказывается средств для переправы. Пришлось отказаться от осады Константинополя, но позднее персы вторично подходили к Босфору²⁰⁴.

Тем временем другой полководец — Шахрвараз вторгается в Сирию и Палестину, покоря один за другим богатые города, а в 614 г. — и Иерусалим, где иранцами была захвачена главная святыня христиан — кусок креста, на котором, по легенде, был распят Иисус²⁰⁵. Через некоторое время сасанидские войска впервые появляются в Африке и захватывают Египет (618 г.)²⁰⁶.

Византия оказалась в тяжелом положении. В стране царила анархия, с северо-запада надвигались варвары, с востока империю теснили Сасаниды. Не в пользу Византии было еще и то обстоятельство, что население ее восточных и южных провинций тяготилось владычеством византийцев и не оказывало должного сопротивления персам.

Император Ираклий запросил у Хосрова II мира. Однако Хосров отказал ему, видя, как велики успехи иранского оружия, и надеясь решительной победой над Византией поправить пошатнувшиеся дела своей державы и спасти престиж царской власти²⁰⁷.

Тогда Ираклий и византийская правящая верхушка решили сделать последнее усилие, чтобы спасти себя и империю. В 622 г. Ираклий начал решительную кампанию против иранцев. Ряд успехов ознаменовал действия императора в Малой Азии и в Закавказье в 623—624 гг. Однако Хосров предпринял сильный контрудар. Его войска в 625 г. снова прошли Малую Азию и оказались на азиатском берегу Босфора. В это время с европейского берега, по уговору с иранцами, должен был подступить к Константинополю аварский хан с огромным разноплеменным войском. Византийцам удалось отбить и аваров, и персов. Иранское войско отступило в Сирию, и Ираклий начал в 626 г. свою вторую кампанию против Ирана. На этот раз он заручился поддержкой хазар, которые по его призыву в том же 626 г. через Дербентский проход прошли в Закавказье и стали опустошать страну. Ираклий в 627 г. из Иберии двинулся в Иран, однако еще раз предложил Хосрову мир, от которого тот отказался. Разбив иранское войско, Ираклий взял столицу Атропатены — Ганзак и разрушил од-

но из главных святилищ зороастризма — храм Атур-Гушнасп²⁰⁸. Хосров, отступая, успел увезти только священный огонь. Затем византийцы заняли и разрушили резиденцию Хосрова — замок Дасткарт и подступили к Ктесифону. Война была проиграна, однако Хосров все еще не желал и думать о мире.

Все эти годы Хосров чувствовал себя неуверенно, несмотря на временные успехи 610—620 гг. Он, по-видимому, сознавал непрочность своего положения и катастрофическое состояние дел в государстве. Он не доверяет своим лучшим полководцам — Шахену и Шахрваразу, предательски убивает Марданшаха, паткоспана Юга²⁰⁹. В конце своего царствования он начинает преследовать христиан, на которых вначале опирался²¹⁰. Народные массы, задавленные налогами, страдающие от тягот войн — все равно победоносных или неудачных, — не поддерживали царя.

Когда византийцы подступили к Ктесифону, Хосров заболел и решил обеспечить престол за Марданшахом, своим сыном от Ширен. Знать воспротивилась этому. Царь был брошен в темницу, на престол был возведен Кавад II Широ, сын царя и византийской царевны Марии. Хосрову был предъявлен ряд обвинений, на которые он пытался отвечать, но было ясно, что дело не в обвинениях и дни Хосрова Парвеза сочтены. Через несколько дней Хосров был убит в тюрьме с ведома и согласия своего сына Кавада (628 г.). Чтобы обеспечить за собой престол, Кавад истребил всех своих братьев, числом семнадцать, как говорит предание.

Ираклий, узнав, что Хосров умер, не стал брать Ктесифон и вернулся обратно. Вскоре с Византией был заключен мир²¹¹.

9. ПАДЕНИЕ САСАНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

После гибели Хосрова II в государстве воцарился полный хаос. Коррупция чиновничества и духовенства, сепаратизм знати — все это сказалось теперь в полной мере. Страна была совершенно истощена. В результате плохого наблюдения за оросительной системой и сильных паводков разрушились плотины на Тигре и Южную Месопотамию залило водой²¹². В стране началась страшная эпидемия. Кавад II умер через полгода после гибели отца. Говорили, что он был отравлен царицей Ширен²¹³. Многие области отпали от Сасанидского государства и стали совершенно независимыми. То тут, то там появлялись претенденты, «цари царей» менялись по нескольку раз в год. На престоле побывали и малолетний сын

Кавада — Арташир III, и полководец Хосрова II — Шахрзараз, и две дочери Хосрова — Боран и Азармдухт, и еще целый ряд царевичей и узурпаторов из знатных родов. Наконец в 632 г. положение как будто бы прояснилось. Представители знати сговорились посадить на престол царевича Ездегерда, жившего в древнем сасанидском центре — Стахре, вдали от политических бурь²¹⁴. Ездегерд III процарствовал сравнительно мирно три-четыре года под опекой группы вельмож, во главе которой стоял полководец Рустам. Но тут Сасанидскому государству был нанесен последний сокрушительный удар. В эти годы начались завоевания арабов. Руководимые талантливым вождем — халифом Омаром, закаленные в боях, дисциплинированные, полные религиозного фанатизма и жажды добычи, варвары-бедуины — выходцы из нищей Аравии, которая не могла их прокормить, с 30-х годов VII в. н. э. стали наносить жестокие удары своим великим соседям²¹⁵. Сначала набегам подверглась Византия, скоро дошла очередь и до Ирана. В 636 г. арабы под руководством Са'да ибн Аби Ваккаса вторглись на иранскую территорию²¹⁶. Сасанидское царство — колосс на глиняных ногах — не могло сопротивляться арабам. Подорванное внутренними распрями, неудачной войной с Византией, разрухой, эпидемиями, государство неспособно было организовать оборону. Решительная битва произошла у местечка Кадисия, недалеко от арабского города Хиры, к западу от Евфрата. Неповоротливое, плохо управляемое огромное иранское войско было наголову разбито арабами, причем в бою погиб и главнокомандующий сасанидским войском Рустам. В 637 г. был взят Вех-Арташир (древняя Селевкия) на правом берегу Тигра, против Ктесифона. Вскоре пал и Ктесифон. Ездегерд III поспешил отступить на восток, оставив в руках у арабов почти все несметные и бесполезные сокровища сасанидской казны. Арабам достались корона Хосрова II, царские одежды, драгоценное оружие, ткани, ковры — среди них знаменитый ковер из тронного зала сасанидских царей, называвшийся «весна Хосрова». Халиф Омар приказал разрезать этот ковер на куски и разделить его между приближенными пророка. Корона Хосрова была помещена в Каабе — священном храме мусульман в Мекке²¹⁷.

Ездегерд обратился за помощью к китайскому императору, но безуспешно: китайцы были слишком далеко, а арабы быстро продвигались на восток. В 642 г. около Нихавенда (в Мидии, к югу от Хамадана) произошла вторая битва, окончательно решившая судьбу Сасанидов²¹⁸. После этой битвы у Ездегерда не осталось войска. Он с огромным штатом придворных, прислуги, музыкантов, танцовщиц, наложниц, но

без воинов двигался все дальше на восток, нигде не находя пристанища. Наконец он добрался до Мерва, крайнего северо-восточного пункта своих прежних владений ²¹⁹.

Правитель Мерва Махое не хотел принимать нежелательного гостя, тем более, что арабы уже подступили к Мерву, и Махое, вероятно, рассчитывал пойти с ними на компромисс, чтобы сохранить свою жизнь и имущество. Поэтому он задумал убить Ездегерда. Источники рассказывают, что Ездегерд узнал об этом и ночью один бежал из города. Устав, он зашел отдохнуть на мельницу; мельник, прельщенный богатой одеждой незнакомца, убил его, ограбил, а труп бросил в реку (651 г.). Тело царя доплыло до канала Фазик, где и остановилось, зацепившись за корни дерева. Проходивший мимо христианский епископ Мерва опознал покойника и похоронил его. Так бесславно погиб последний царь из могущественной династии, правившей Ираном в течение 425 лет ²²⁰.

Завоевание Ирана арабы могли считать законченным. Только горные области к югу от Каспийского моря еще держались несколько десятилетий. Дальше на восток перед арабами лежали обширные территории Средней Азии.

10. СРЕДНЯЯ АЗИЯ ПЕРЕД АРАБСКИМ ЗАВОЕВАНИЕМ

В 60-х годах VI в. Эфталитская держава пала под ударами тюрков. Как было указано выше, борьбой эфталитов с тюрками воспользовался Хосров I Аноширван, чтобы отнять у эфталитов земли к западу и к югу от Аму-Дарьи, приобретенные ими еще в борьбе с Перозом. Разбитые персами, теснимые тюрками, эфталиты вошли в состав огромной разноплеменной, непрочной Тюркской кочевой державы. В состав этой варварской державы вошли и среднеазиатские земледельческие районы и «города-государства». Согдийские купцы выиграли от вхождения Согды в состав Тюркского каганата: облегчилась связь с Китаем, вся торговля между Западом и Востоком оказалась в руках у согдийцев. Сасаниды, которые после победы тюрков над эфталитами заняли враждебную позицию по отношению к тюркам, препятствовали прохождению караванов через свою территорию ²²¹. Поэтому не удивительно, что когда тюрки направили в Византию дипломатическую миссию, преследовавшую две цели: заключить военный союз с Византией против Ирана и установить с ней торговые связи с севера, в обход сасанидских владений,—во главе этой миссии стоял согдиец ²²². Византийцы ответили на посольство тюрков уже упоминавшимся посольством Земарха

(568 г.). С этого момента устанавливаются политические связи между тюркским каганом и византийским императором, имевшие важные последствия в борьбе Византии с Ираном.

В 80-е годы VI в. происходит большое восстание, направленное против кочевой знати и связанной с ней знати земледельческих районов. Восстание вспыхнуло в результате неудачной для тюрков войны с Китаем (581—583 гг.). Начавшись в степях Центральной Азии, оно перекинулось затем в Среднюю Азию, где восставшие опирались на город Пейкенд в районе Бухары. Наместник кагана в Средней Азии смог подавить восстание лишь с помощью китайских войск (ок. 586 г.)²²³.

Силы каганата были подорваны борьбой с Китаем, а также внутренними неполадками. В то же время (588 г.) тюркам был нанесен еще удар с запада иранцами под командой Бахрама Чубина. Как было сказано выше, иранцы победили тюрков, и это привело к распаду державы на два каганата: Восточный и Западный.

В состав Западного каганата входили обширные территории — Семиречье, оазисы Китайского Туркестана, Средняя Азия, прикаспийские и приаральские степи. Верховную власть западнотюркских правителей — *ябгу* — признавали эфталитские князья Аму-Дарьи и даже хазары Восточной Европы и Предкавказья.

Во время войн Хосрова Парвеза с Ираклием западные турки действовали заодно с Византией. Как мы уже знаем, хазары сильно помогли Ираклию своим вторжением в Закавказье (в 626—627 гг.), а, согласно китайским источникам, на востоке турки все время беспокоили иранцев, захватив у них значительные территории в Хорасане.

Однако вскоре после падения Сасанидской державы западные турки были подчинены китайцами, покорившими восточных тюрков еще в 30-х годах VII в. В 60-х годах китайцы даже попытались ввести в Средней Азии административное деление по китайскому образцу, но власть их была чисто номинальной.

К концу VII в. в земледельческих районах Средней Азии было множество мелких владений, фактически совершенно самостоятельных. Арабский писатель Ибн Хордадбех сообщает целый список таких владений и титулы их правителей. Кроме этих мелких «городов-государств», в Средней Азии были еще и разрозненные тюркские племена. Такая раздробленность сил, постоянная вражда правителей отдельных городов между собой облегчила арабам завоевание Средней Азии, начавшееся с 70-х годов VII в.

11. КУЛЬТУРА САСАНИДСКОГО ИРАНА

Сложная и богатая культура, создававшаяся в Иране в сасанидский период, имела огромное значение для развития культуры народов Азии и Восточной Европы.

Сасанидская культура была преемницей культурных традиций, с одной стороны, ахеменидского Ирана, особенно стойко державшихся в Фарсе — родине Сасанидов, с другой — селевкидского и парфянского Ирана, с его эллинизированной культурой. Находясь между Восточной Римской империей и Индией и Китаем, сасанидский Иран, как уже было отмечено выше, стал посредником в оживленной торговле между этими странами. Подобная роль делала неизбежным заимствование ряда художественных приемов, литературно-эпических сюжетов, приемов ремесленной техники, а также научных достижений соседей, что, конечно, не было односторонним. Не нужно думать, что сасанидская культура создавалась руками одних только персов; в ее создании принимали известное участие и другие народности (сирийцы, армяне, согдийцы и др.), в тот или иной период входившие в состав державы Сасанидов.

Все эти богатые традиции были восприняты и творчески переработаны. Отсюда цельность и новизна, а также большая живучесть сасанидской культуры. Вместе с тем в сасанидской культуре гораздо ярче, чем в парфянской, выступает собственно иранский элемент. Хронологические рамки ее гораздо шире, чем время правления в Иране сасанидской династии. Эта культура, условно называемая нами сасанидской, продолжала жить и после арабского завоевания, являясь важным компонентом культуры халифата.

Области проявления сасанидской культуры были довольно многообразны.

В сасанидском Иране был создан хорошо разработанный литературный язык. Именно в этот период были кодифицированы священные книги зороастрийцев — Авеста. Первые надписи сасанидских царей составлялись на двух языках (иногда в качестве третьего выступал греческий): среднеперсидском (юго-западный) и парфянском (северо-западный). Первый из них — язык сасанидского двора. В основу его положен диалект Фарса. Второй — язык парфянской знати, продолжавшей, как мы видели, сохранять еще заметное положение в государстве. В дальнейшем юго-западный диалект полностью вытеснил парфянский.

На среднеперсидском языке до нас дошла довольно обширная как зороастрийская, так и манихейская литература.

Зороастрийская среднеперсидская литература развивалась на основе гетерографической письменности (см. об этом в предыдущем разделе, посвященном культуре Парфии), известной под названием пехлеви (букв. «парфянский»), почему эту литературу принято называть пехлевийской²²⁴. Известные нам пехлевийские тексты представляют (в отличие от манихейских сочинений) остатки некогда богатой официальной литературы сасанидского Ирана, сохраненные и поныне существующими в Индии общинами парсов-зороастрийцев²²⁵.

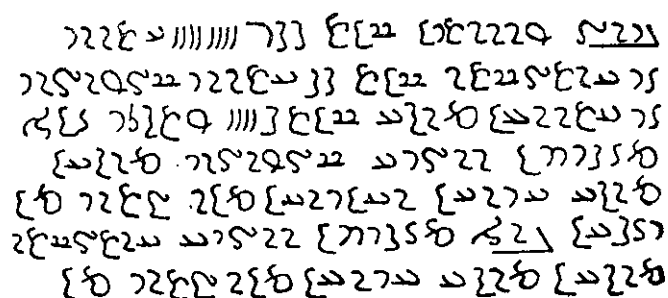

Рис. 70. Образец сасанидского эпиграфического письма (парсик)

В большинстве своем — это книги религиозного содержания, часто послесасанидские компиляции. Они могут быть разделены на несколько групп.

1. Пехлевийские переводы авестийских священных текстов.

2. Сочинения религиозно-дидактического характера. Важнейшие из них:

а) «Дёнкарт» — собрание разнообразных сведений, касающихся доктрин, обычаев, истории и литературы зороастрийцев, составленное в середине IX в., вероятно в Багдаде; сохранились в поврежденном виде книги III—IX этого произведения²²⁶;

б) «Бундахишн» — известный в двух версиях: так называемой индийской (сокращенной) и иранской (более полной) — является своеобразной энциклопедией зороастризма с добавлением различных общепользовательных сведений по зоологии, ботанике и пр.; его следует также отнести к послесасанидскому времени, вероятно к IX в.;

в) «Арта-Вирāф-нāмак» — сказание о видениях Арта-Вирафа, посетившего в своих снах рай и ад, напоминающее до некоторой степени «Божественную комедию» Данте;

г) группа поучений, так называемых «андарзов» или

«панднамаков», приписываемых известным деятелям зороастризма.

3. Сочинения светского характера. Среди них следует особо отметить:

а) не раз упоминавшийся на страницах этой книги исторический роман «Деяния Арташира, сына Папака», рассказывающий о борьбе за престол Арташира I;

б) «Рассказ о царе Хосрове и его паже» — картина жизни сасанидского двора;

в) отрывок из эпоса «Память о Зарере», представляющий сасанидскую редакцию парфянского эпического произведения;

г) «Спор козы с пальмой» — сасанидская редакция парфянской поэмы;

д) «Книга о шахматах»²²⁷.

4. Юридические сочинения. К ним относятся неоднократно упоминавшийся судебник «Мāтакдāн-и хазār дāтастāн» (важный источник наших сведений о семейном и имущественном праве и о целом ряде черт социальной жизни сасанидского Ирана), а также образец брачного контракта, сохраненный парсами.

5. Географические сочинения:

а) «Книга о городах Ирана». Небольшое, но важное сочинение о городах сасанидского Ирана, написанное во второй половине VIII в.;

б) «Чудеса страны Сакастан».

О некоторых из недошедших до нас произведениях пехлевийской литературы мы можем судить по пересказам более поздних авторов: арабских, персидских и сирийских. Так, например, до нас дошли в разных вариантах пересказы большой сасанидской исторической хроники «Хватāй-намак»²²⁸. При Сасанидах была и переводная литература. Примером ее может служить перевод с индийского сказок «Панчатантры», получивших под названием «Калилы и Димны» широкое распространение на Востоке. Пехлевийский перевод «Калилы и Димны» сделан Бурзое — придворным врачом Хосрова Ануширвана. До нас он не дошел, но с него в VIII в. был сделан перевод на арабский язык Ибн Мукаффой²²⁹, перешедшим в ислам персом, которому принадлежат переводы ряда пехлевийских сочинений, послужившие важным источником для арабских писателей.

О манихейской среднеперсидской литературе на фонетической, свободной от гетерограмм письменности уже было сказано выше.

Среди литературных памятников сасанидского периода (как зороастрийских, так и манихейских) имеются и написанные стихотворным размером. Исследования последнего вре-

мени (в частности, работы французского ученого Э. Бенвениста) показали, что сасанидская метрика оказала влияние на средневековую персидскую²³⁰. Этот вид литературы, безусловно, испытал на себе влияние народной поэзии: как в парфянский период, так и в сасанидский, в Иране было очень распространено искусство рапсодов. Нам известны эпические циклы обоих периодов²³¹.

Искусство рапсодов было тесно связано с музыкой. Музыкальное искусство в Иране было очень распространено и достигло высокого уровня: об этом мы можем судить не только по сообщениям письменных источников, но и по изображениям музыкантов и музыкальных инструментов на изделиях художественного ремесла и в росписях. При Сасанидах существовали уже устоявшиеся типы разнообразных музыкальных инструментов, разработанная теория музыки. Популярными инструментами были флейта, чанг (разновидность арфы), лютня (*дār*), кифара (*каннār*), рудабэ. Источники сохранили даже имена выдающихся композиторов. Среди них наибольшей известностью пользовался придворный певец и музыкант Хосрова II Парвеза — Барбад²³².

Образование находилось в руках духовенства и было доступно только верхушке общества, и то преимущественно мальчикам. В программу преподавания входили не только чтение, письмо, счет, но также подобающие знатному навыки: езда верхом, умение владеть оружием, игра в шахматы, нарды и поло. Наука была теснейшим образом связана с религией. Однако существовали и светские научные учреждения. Особенной славой пользовалась медицинская школа в Гунди-Шапуре. Сводка научных знаний в Иране того времени содержится в «Бундахишне».

Вообще в науках иранцы отставали от своих западных (греков, сирийцев) и восточных (индийцев) соседей. Известно, что в сасанидском Иране переводили научные сочинения с греческого, сирийского и индийского языков²³³.

Из всех видов искусств времени Сасанидов мы знаем гораздо лучше изобразительное²³⁴. Количество известных памятников растет с каждым годом, однако они до сих пор еще недостаточно изучены. Особенности трудности представляют вопросы датировки.

Ведущее место в сасанидском изобразительном искусстве занимает архитектура. Науке известны несколько десятков памятников сасанидского времени. Некоторые из них сохранились настолько хорошо, что позволяют судить о строительных приемах и основных типах архитектурных конструкций.

Ранние памятники архитектуры еще тесно связаны с предшествующим парфянским периодом, но имеют все же некото-

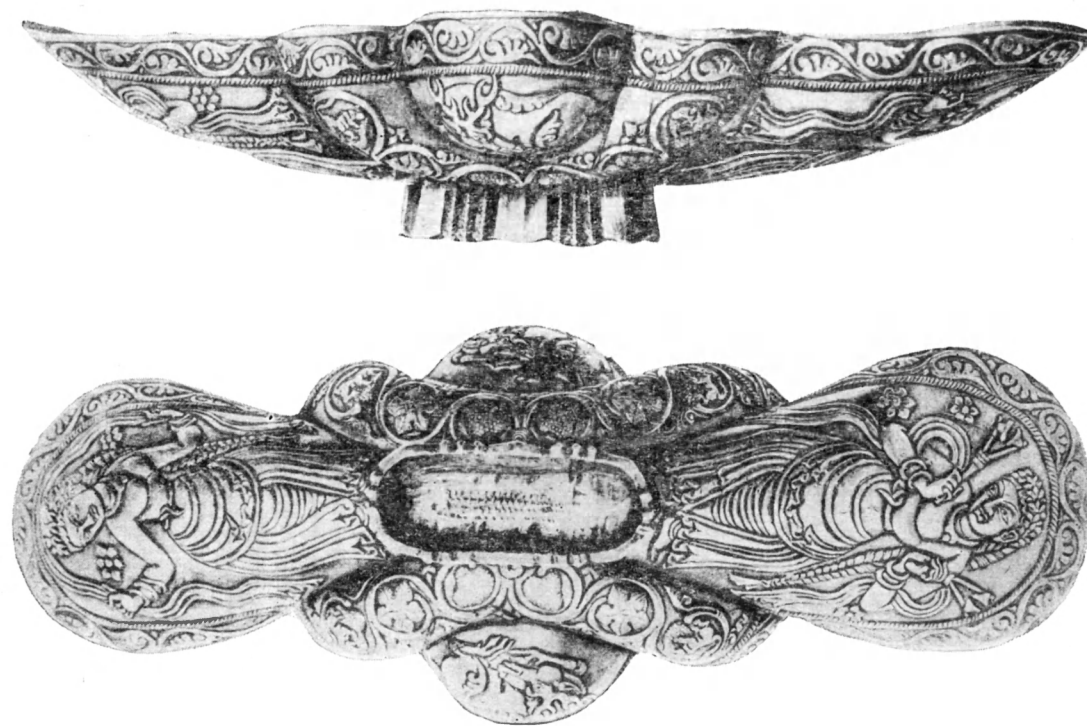

Рис. 71. Сасанидская серебряная чаша с изображением танцовщиц.
Государственный Эрмитаж

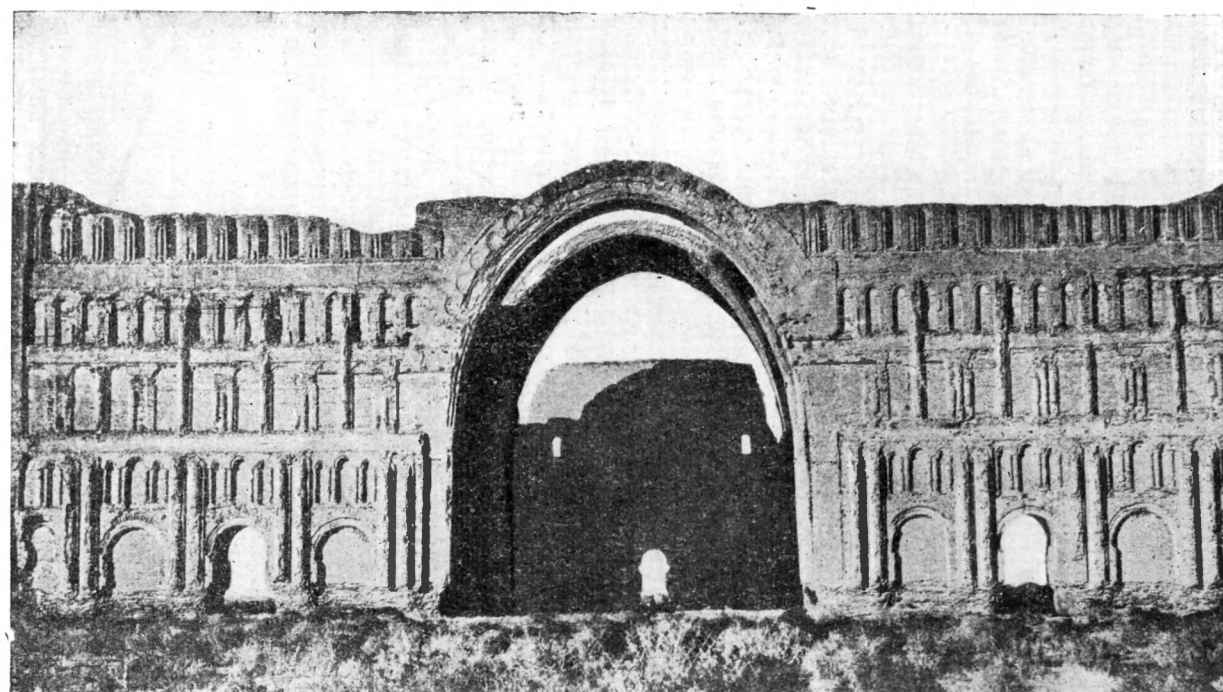
рые существенные отличия. Наиболее известное сооружение III в. н. э. — дворец Арташира в Фирузабаде (Гор). В этом дворце известный уже в парфянское время айван — открытое с одной стороны помещение с параболическим сводом — сочетается с квадратными центрально-купольными залами.

Развитие полуциркульных и параболических сводов с большим пролетом и своеобразных, типичных для Ирана куполов на тропках, впервые в развитом виде появляющихся в это время, характерно уже для ранних сасанидских памятников. В архитектурных сооружениях Парсы можно отметить некоторый архаизм: наличие отдельных элементов ахеменидской архитектуры, объясняющееся, вероятно, местными строительными традициями. Это можно отметить как во дворце в Фирузабаде, так и в таких памятниках, как Кале-и Духтар и постройки времени Шапура I в городе Бишапуре (Вех-Шапуре). Бишапурский дворец — крестовидный в плане: по сторонам его центрального купольного зала расположено четыре айвана. Этот дворец имел весьма богатый и разнообразный штучный декор, обнаруживающий сильное эллинистическо-римское влияние. Фирузабадский дворец в этом отношении значительно скромнее.

Айван достигает наивысшего развития в знаменитом дворце Так-и Кисра в столице Сасанидов Ктесифоне (Месопотамия), где пролет арки параболического свода достигает 25,6 м при высоте в 29 м. Этот величественный памятник могуществу Сасанидов некоторые исследователи относят ко времени Шапура I (III в.), хотя больше оснований относить его, следуя установившейся традиции, к царствованию Хосрова I (531—579 гг.).

На расстоянии 100 км от Ктесифона стоял замок Дастгард (Дасткарт). На развалинах древнего города Киша, а также лахмидской Хиры были обнаружены остатки сасанидских архитектурных сооружений, в которых отразились местные месопотамские строительные приемы. В Парсе находится Сарвистанский дворец, может быть построенный Михр-Нарсе. Большой центральный зал его под куполом на тропках окружен меньшими помещениями, также увенчанными куполами. На магистральной дороге, идущей из Месопотамии на Хамадан и далее в глубь Ирана, стоят еще несколько памятников, связанных уже с именем последнего могущественного Сасанида — Хосрова II Парвеза (590—628 гг.).

Замок Каср-и Ширин, построенный, по преданию, Хосровом II для своей любимой жены, представляет сложный комплекс связанных между собой сооружений с внутренними дворами, большим квадратным купольным залом, с ведущим к нему айваном.

*Рис. 72. Развалины дворца сасанидских царей в Ктесифоне (Так-и Қисра)
по фотографии конца XIX в.*

Интереснейшим памятником является высеченный в скале грот в охотничьем заповеднике Хосрова II — Так-и Бустане.

Восточные области державы еще недостаточно обследованы в археологическом отношении. Лучше всего археологически изучен Афганистан, где французские раскопки²³⁵ открыли очень интересный кушанский материал. Раскопки американцев в Дамгане (западный Хорасан) открыли большое сооружение сасанидского времени, еще недостаточно изученное. Наконец, в Сеистане, на крайнем востоке Сасанидского царства, находится описанный уже выше замечательный памятник — Кух-и Ходжа, подвергшийся значительным переделкам в сасанидское время.

Теснейшим образом с архитектурой связана монументальная скульптура²³⁶. Сасанидское искусство знало круглую скульптуру, о чем свидетельствует большая статуя Шапура I, высеченная из сталактита в гроте, расположенном вблизи города Бишапура. Известно также, что перед гротом в Так-и Бустане стояла статуя Хосрова Парвеза. Но наибольшую роль в сасанидской скульптуре играл, конечно, рельеф. Монументальные рельефы царей III в., изображающие инвентуру и сцены триумфа, широко известны. В отличие от ассирийских и ахеменидских рельефов — это рельефы монументальные и лаконичные по замыслу и выполнению. Композиция их, как правило, симметрична и очень проста. В изображениях царей нет попытки передать портретное сходство — это отвлеченные воплощения божественной власти. К этим рельефам примыкают, но уже отличаются от них динамикой, воплощенной в сценах конных поединков, рельефы IV в.

Совсем иной характер носят скульптуры Так-и Бустана²³⁷. Если центральные фигуры божеств и царя, расположенные на торцовой стене грота, и связаны с раннесасанидской традицией, то большие боковые панно, изображающие охоту на кабанов и оленей, существенно отличаются как по сюжету, так и по стилю. Эти панно, выполненные невысоким рельефом, представляют собой сложные композиции, где реалистично трактованные фигуры животных (кабаны, олени, слоны) даны в движении, чрезвычайно искусно переданном художником. Поражает мастерская разработанность деталей, вплоть до точных рисунков тканей на одеждах охотников. По своей манере эти рельефы безусловно должны быть связаны со стенной живописью.

Нам известно, что стенная живопись получила довольно широкое развитие в сасанидское время. Исторические источники сохранили нам даже описания некоторых памятников живописи, украшавших стены царских дворцов; в Ктесифонском дворце, например, была фреска с изображением взятия

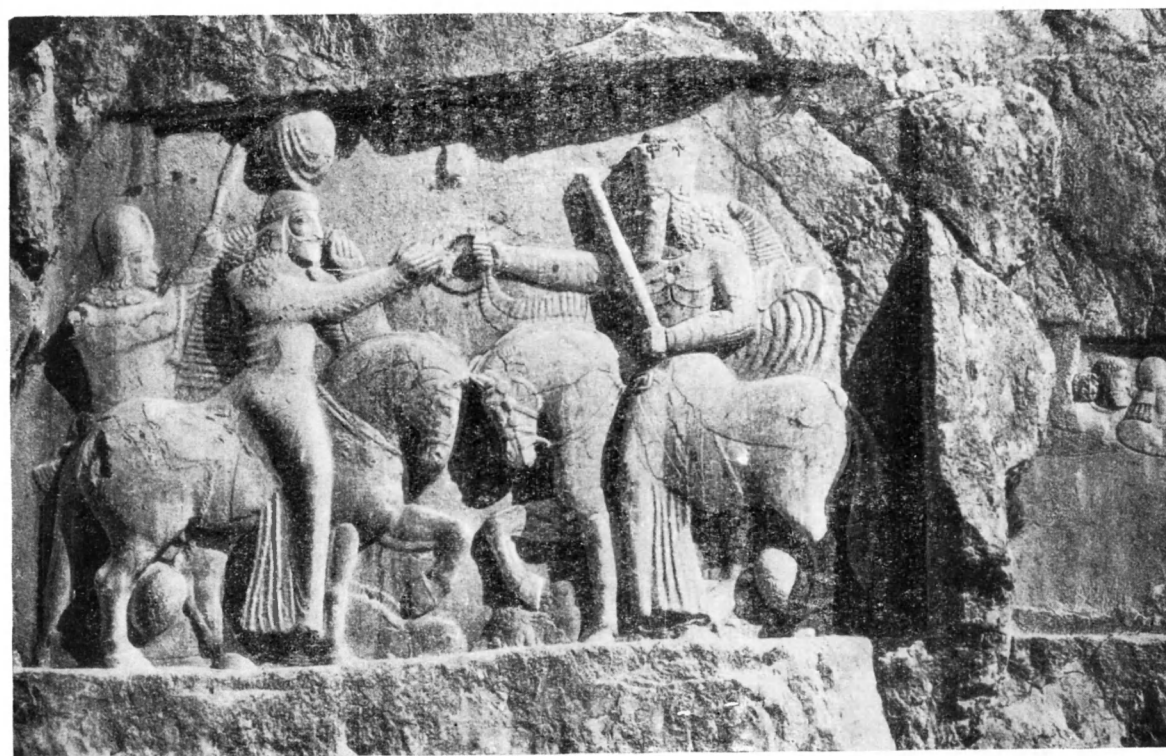

Рис. 73. Вручение царской власти Арташиру I богом Ормаздом. Рельеф из Накш-и Рустема

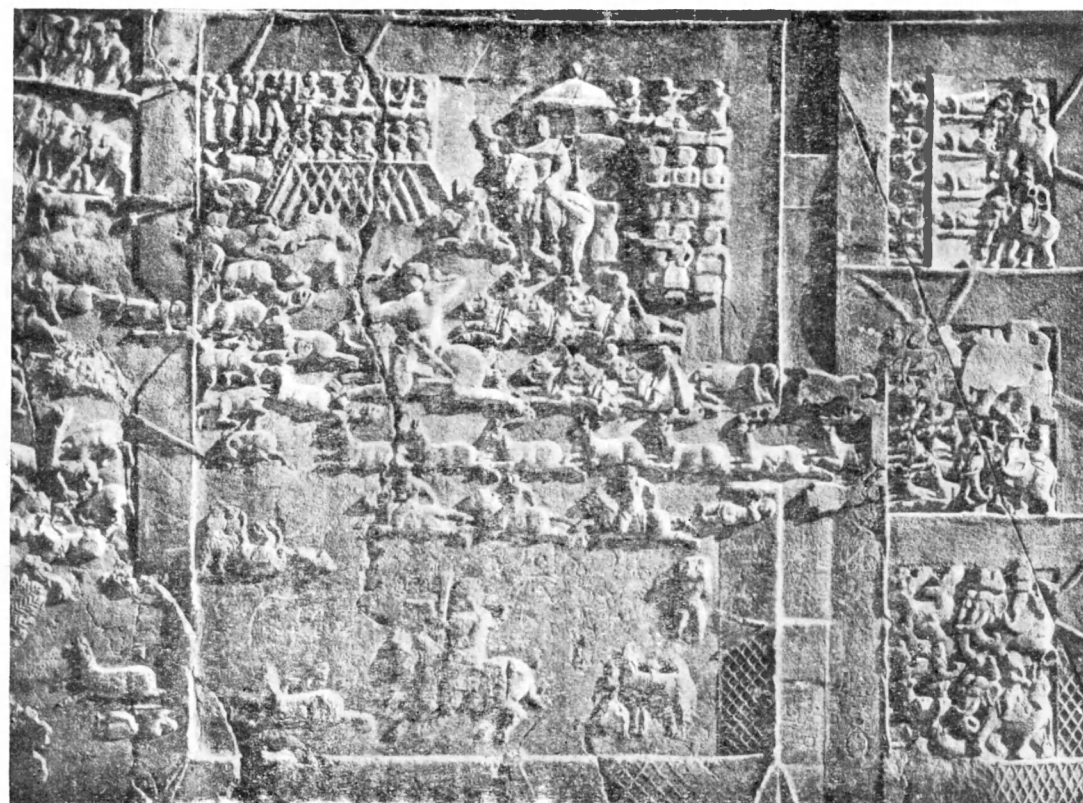

Рис. 74. Царская охота. Рельеф из Так-и Бустана

Рис. 75. Арфистка. Мозаика из Шапура

Антиохии. Непосредственными предшественниками сасанидской монументальной живописи можно считать позднепарфянские росписи в Дуре-Эвропос. Сравнительно недавно Р. Гиршман обнаружил фресковую живопись в Сузах, в раннесасанидском слое; фреска, украшавшая, видимо, митрейон, изображала в двойную величину сцену охоты на кабанов и серн. Остатки фресковой живописи были найдены также в дворцовом сооружении из Эйван-и Керха, сасанидского

Рис. 76. Сасанидское серебряное блюдо с изображением мифического существа Сэнмурва

городища около Суз²³⁸. Сасанидские фрески были обнаружены и на восточной окраине иранского мира, в Афганистане («Дохтар-и Ноширван»). Для более отчетливого представления о монументальной живописи Ирана эпохи Сасанидов многое может дать изучение стенописей из Бамиана (расположен между Бактрами и Пешавером), Средней Азии (Варахша и Пянджикент²³⁹) и манихейских памятников из Китайского Туркестана. Эти памятники, при всей своей разновременности и своеобразии, обусловленном чисто местными художественными традициями и воздействием буддийской культуры (индийской и китайской), несомненно, несут следы влияния сасанидской живописи, хотя и в различной степени, подчас совсем незначительной (например, синьцзянские фрески). Традиции сасанидской монументальной живописи продолжали жить и на западе после падения державы, о чем можно судить по росписям времен халифата (Кусейр Амра, Самарра). Дворцовые постройки в это время были украшены

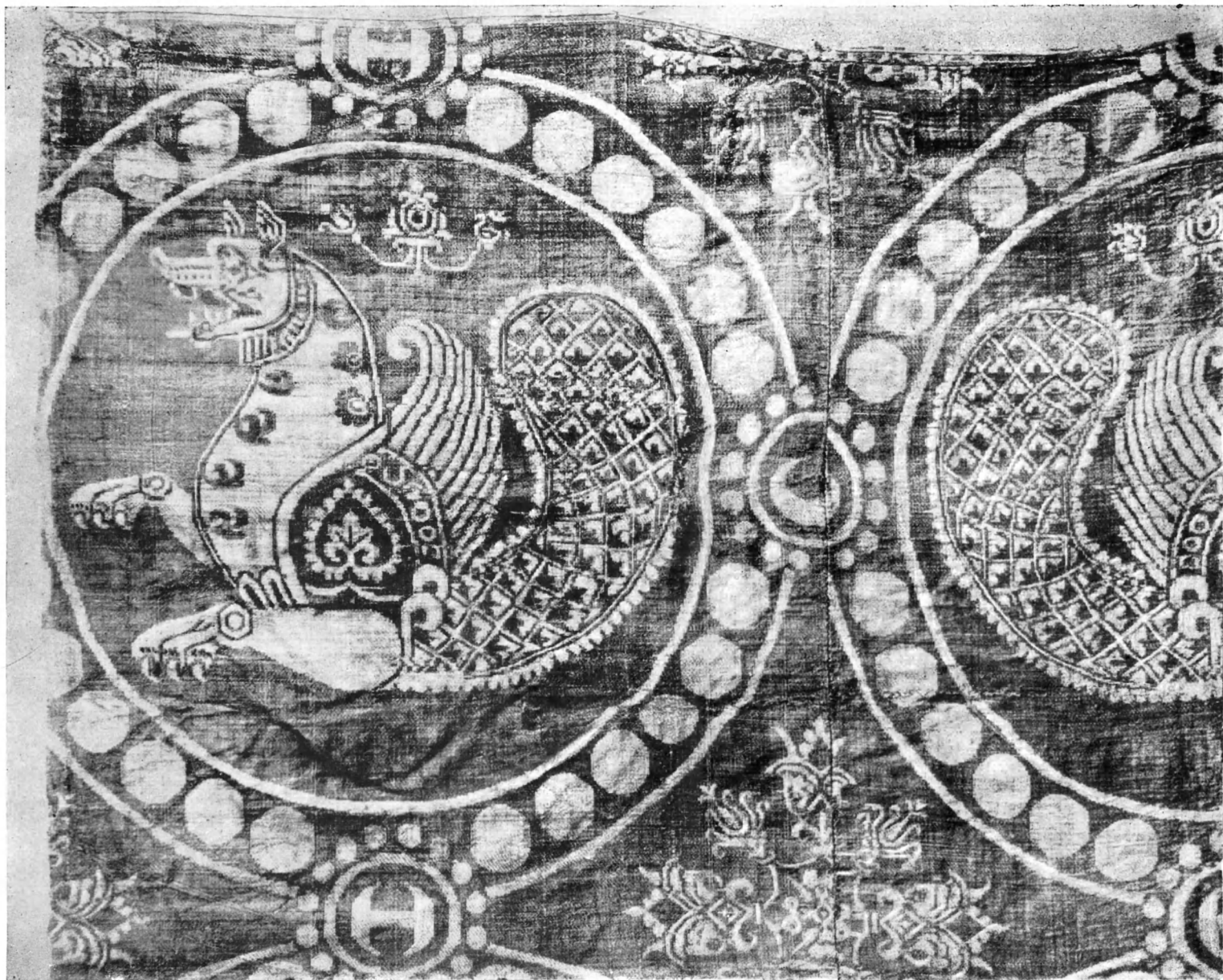

Рис. 77. Шелковая ткань. Зеленый и светло-зеленый тона. Музей декоративных искусств. Париж

также и мозаиками. Чрезвычайно интересные памятники сасанидской мозаики были найдены в Шапуре²⁴⁰. И здесь мы видим те же светские сюжеты, характерные для сасанидских рельефов, стенной живописи и художественных изделий из металла. Любопытна портретная передача лиц в мозаиках. Шапурские мозаики делались при непосредственном участии пленных мастеров из восточных римских провинций, и эллинистическо-римское влияние в них очень ощутимо. Сохранились сведения о миниатюрной живописи, украшавшей книги. Средневековые авторы Хамза Исфаганский и Мас'уди описывают виденные ими рукописи с миниатюрами, изображающими сасанидских царей. Существовали также иллюстрированные научные трактаты²⁴¹. Предание приписывает высокую художественную культуру манихеем; средневековые поэты Ирана, желая похвалить художника, сравнивают его с Мани.

Памятники художественного ремесла дошли до нас от сасанидского периода в довольно большом количестве. Выше уже говорилось о художественных тканях; фрагменты их имеются в музеях Европы. Об их характере и орнаментации мы можем судить и по многочисленным изображениям. Есть довольно много изделий из драгоценных металлов, причем лучшая коллекция находится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

Особенно известны плоские чаши или блюда, как их принято называть, с изображениями царей на охоте и пиру, мифологических сюжетов, животных, выполненными в различной

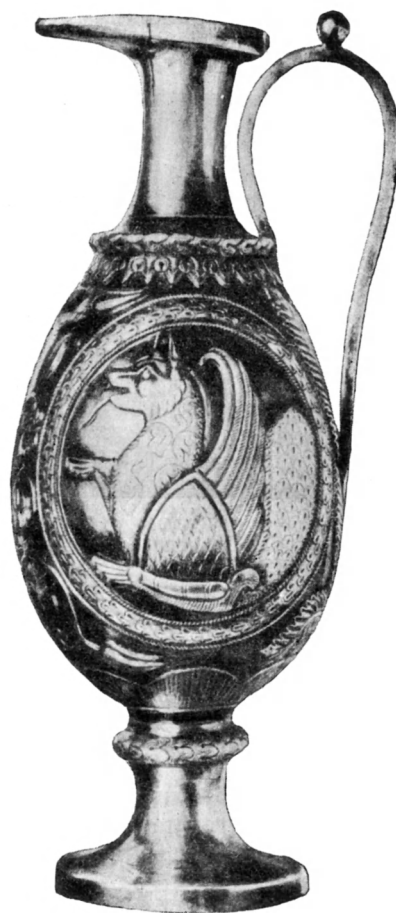

Рис. 78. Сасанидский серебряный кувшин с изображением мифического существа Сэнмурва. Государственный Эрмитаж

технике: чеканом, снятием фона, гравировкой. Дошли до нас и кувшины из серебра, золота, бронзы, ритуальные сосуды, кубики ²⁴². Несомненными произведениями искусства являются монеты с изображениями царей, жертвенников огня, человеческих фигур. На монетах мы можем наблюдать своеобразную

Рис. 79. Оттиски с сасанидских гемм из собрания Государственного Эрмитажа

эволюцию изображения: скульптурная, объемная передача индивидуальных портретных черт на ранних монетах уступает место схематическому условному изображению лиц в более позднее время ²⁴³.

Можно было бы назвать еще немало видов художественного ремесла, но мы упомянем только резные камни с портретными изображениями высокого мастерства (например, эрмитажная гемма с портретом царицы Денак), изображениями животных, снабженными иногда пехлевийскими надписями ²⁴⁴.

Таковы разнообразные проявления этой могучей культуры, к сожалению, часто доходящей до нас в искаженном, поврежденном виде, или лишь в пересказах и описаниях. Но и того, что дошло до нас, достаточно, чтобы судить о богатстве этой культуры, ее особом значении, в частности, для многих народов Советского Союза: с одной стороны, их предки участвовали в создании ее, с другой стороны, она существенным образом повлияла на их культурное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

(Обзор источников)

¹ Французская миссия издавала серию, выходившую под разными названиями: «Mémoires de la Délégation en Perse», vol. I—XIII, Paris, 1900—1912 (MDP); «Mémoires de la Mission archéologique de Susiane», vol. XIV, Paris, 1913 (MMAS); «Publications de la Mission archéologique de Perse», vol. XV, Paris, 1914 (PMAP); «Mémoires de la Mission archéologique de Perse», vol. XVI—XXVIII, Paris, 1921—1939 (MMAP); с XXIX тома — «Mémoires de la Mission archéologique en Iran» (MMAI).

² Впервые городищем Суз заинтересовался в 1840 г. английский генерал Вильямс, член комиссии по демаркации турецко-персидской границы. Научное исследование городища было впервые начато англичанином В. Лофтусом в середине XIX в. Он первый определил, что это развалины Суз. См. W. K. Loftus, *Travels and Researches in Chaldaea and Susiana*, London, 1857. — В 80-х годах на городище работал М. Дьелафуа. См. M. A. Dieulafoy, *L'acropole de Suse d'après les fouilles exécutées en 1884—1886, sous les auspices du Musée du Louvre*, Paris, 1890.

³ Керамике Суз посвящено много работ. Новейший анализ с относительной датировкой см. L. Le Breton, *The Early Periods at Susa, Mesopotamian Relations*, — «Iraq», vol. XIX, 1957, № 2, p. 79 ff. См. также R. de Mecquenem: «Notes sur la céramique peinte archaïque en Perse», — «L'Anthropologie», vol. 48, 1938, № 1—2; «Fouilles de Suse 1929—1931», — MMAP, vol. XXV; «The Early Cultures of Susa», — SPA, vol. I, 1938, pp. 134—150; E. Pottier, *Étude historique et chronologique sur les vases peints de l'Acropole de Suse*, — MMAP, vol. XXII; M. Pézard et E. Pottier, *Musée du Louvre, Catalogue des antiquités de la Susiane*, 2 éd., Paris, 1926. — Из последних работ, посвященных послевоенным раскопкам французской археологической миссии в Сузах, отметим R. Ghirshman: «Village perse-achéménide» — MMAI, vol. XXXVI, 1954; «Tchoga-Zanbil près Suse. Rapport préliminaire de la sixième campagne de fouilles (nov. 1956 — fév. 1957)». — «Arts asiatiques», t. IV, fasc. 2, Paris, 1957, pp. 113—130. См. также сводные работы: J. de Morgan, *La préhistoire orientale*, t. I—III, Paris, 1925—1927; G. Contenau, *Manuel d'archéologie orientale*, I, Paris, 1927; V. Gordon Childe, *New Light on the most Ancient East. The Oriental Prelude to European Prehistory*, London, 1935 и последующие издания (русс. пер.: Гордон Чайльд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956).

⁴ «Explorations in Turkestan in 1903 and 1904», ed. R. Pumpelly, vol. 1—2, Washington, 1905—1908; Hubert Schmidt, *Archaeological excavations in Anau and Old Merv*, — «Explorations in Turkestan in 1903 and 1904», vol. 2, 1908. — См. суровую критику В. В. Бартольда в рецензии на первый том, — ЗВОРАО, XVII, 1907, стр. 83 и сл., а также ниже, прим. 15 и 16.

⁵ См. «История Туркменской ССР», т. I, Ашхабад, 1957, стр. 38 и сл., прим. 15 и 16.

⁶ Сравнительный анализ материалов раскопок предвоенных лет см. в работах: D. E. McCown, *Comparative stratigraphy of Early Iran*, Chicago, 1942; C. A. F. Schaeffer, *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale*, London, 1948. — Обзор археологической истории Ирана см. в книге R. Ghirshman, *L'Iran des origines à l'Islam*, Paris, 1952 (англ. пер. под названием *Iran*, London, 1954).

⁷ E. Herzfeld, *Steinzeitlicher Hügel bei Persepolis*, — «Iranische Denkmäler», Bd II, 1932; E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, New York and London, 1941; Aurel Stein: «An Archaeological Tour in Gedrosia», — *MASI*, № 43, Calcutta, 1931; «Archaeological Reconnaissance in Southern Persia», — «Geographical Journal», vol. LXXXIII, 1934, pp. 126—134; «An Archaeological Tour in Ancient Persia», — «Geographical Journal», vol. LXXXVI, 1935, pp. 489—497; *Archaeological Reconnaissances in North-Western India and Southern Iran*, London, 1937.

⁸ R. Ghirshman, *Fouilles de Sialk près de Kashan*, — «Musée du Louvre, Série archéologique», t. IV—V, Paris, 1938—1939; G. Contenau et R. Ghirshman, *Fouilles de Tépé-Giyan près de Néhavend 1931 et 1932*, — «Musée du Louvre, Série archéologique», t. III, Paris, 1935.

⁹ E. F. Schmidt: «Tepe Hissar, Excavations 1931», — «Museum Journal», vol. XXIII, № 4, Philadelphia, 1933; «Excavations et Tepe Hissar, Damghan», — «Publications of the Iranian Section of the University Museum», Philadelphia, 1937.

¹⁰ F. R. Wulsin, *Excavations at Turang-Tepe near Asterabad*, — «Supplement to the Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology», vol. II, 1932, № 1; F. R. Wulsin, *The Early Cultures of Astarabad*, — *SPA*, vol. I, 1938, pp. 163—167; T. J. Arne: «The Swedish Archaeological Expedition to Iran, 1932—1933», — «Acta Archeologica», vol. VI, 1935; «Excavations at Shah Tepé, Iran, The Sino-Swedish Expedition», — «Archaeology», 5, Stockholm, 1935; «La steppe turkomane et ses antiquités», — «Geografiska Annaler», 1935.

¹¹ T. Burton Brown, *Excavations in Azarbaijan*, 1948, London, 1954.

¹² D. A. Garrod, *The Palaeolithic of Southern Kurdistan*, — «Bulletin of the American School of Prehistoric Research», № 6, March, 1930; H. Field, — *AJSL*, LI, 1934—1935, p. 208 sq.

¹³ C. S. Coop. *Cave Explorations in Iran 1949*, Philadelphia, 1951.

¹⁴ Предметы этого типа давно находились в музеях Европы и Америки, но назывались «каппадокийскими», «малоазийскими» и пр. Только в 1930 г. стало известно, что они происходят из Луристана в Западном Иране. См. A. Godard, *Les bronzes du Louristan*, Paris, 1931; V. Minorsky, *The Luristan Bronzes*, — «Apollo», vol. XIII, 1931, pp. 141, 142; и особенно R. Dussaud, *The Bronzes of Luristan* (к этой статье имеется приложение: S. Langdon, *Some Inscriptions*), — *SPA*, vol. I, pp. 254—285. — Луристанской бронзе посвящен еще целый ряд статей и заметок (M. Rostovtzeff, S. Smith, R. Dussaud и др.). Особенно много их появилось в 1931—1933 гг., когда эти находки считались сенсационными. См. также Ph. Ackertman, *Luristan Bronzes*, New York, 1940.

¹⁵ Б. А. Литвинский, *Намазга-тепе*, — «Советская этнография», 1952, № 4, стр. 30—52; Б. А. Куфтин: «Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению „культур Анау“», — «Изв. АН Туркм. ССР», 1954, № 1, стр. 22—28; «Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.», — «Труды ЮТАКЭ», т. VII, 1956, стр. 260—290; В. М. Массон: «Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина», — «Труды ЮТАКЭ», т. VII, стр. 291—373; «Древнеземледельческие племена

Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией», — ВДИ, 1957, № 1, стр. 34—47.

¹⁶ В. М. Массон, *Первобытно-общинный строй на территории Туркмении*, — «Труды ЮТАКЭ», т. VII, стр. 233—259; А. Ф. Ганялина, *Археологические памятники горных районов северо-западного Копетдага*, — «Изв. АН Туркм. ССР», 1953, № 5, стр. 14—20.

¹⁷ М. М. Дьяконов: «Сложение классового общества в Северной Бактрии», — СА, т. XIX, 1954, стр. 121—140; «Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган», — МИА СССР, 1953, № 37, стр. 253—293.

¹⁸ С. П. Толстов: «Древний Хорезм», М., 1948; «По следам древнехорезмийской цивилизации», М.—Л., 1948; «Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 году», — СА, т. XIX, 1954, стр. 232—262; «Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 году», — ВДИ, 1953, № 2, стр. 154 и сл.; «Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 году», — ВДИ, 1955, № 3, стр. 192—206; «Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 году», — «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 89—110; «Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 гг.», — «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 173—180; «Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956)», — «Советская этнография», 1957, № 4, стр. 31 и сл.

¹⁹ О рельефе Ану-банини см.: G. Cameron, *History of Early Iran*, Chicago, 1936, p. 40 fol.; E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, 1941, p. 183 sq. Надпись см.: F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, — «Vorderasiatische Bibliothek», I, Leipzig, 1907, S. 172. Ср. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 102 и сл.

²⁰ F. Thureau-Dangin, *La relation de l'huitième campagne de Sargon II*, Paris, 1912; E. G. Klauber, *Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit*, Leipzig, 1913; J. A. Knudtzon, *Die Gebete an den Sonnengott für Staat und Königliches Haus aus der Zeit Asarhaddons und Assurbanipals*, Leipzig, 1893; «Keilinschriftliche Bibliothek», hrsg. von E. Schrader, Bd II, 1889—90; D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, vol. I—II, Chicago, 1926—1927 (переводы); C. J. Gadd, *The Fall of Nineveh*, London, 1923; D. J. Wiseman, *Chronicles of Chaldaean Kings (626—556 B. C.) in the British Museum*, London, 1956, и др. См. также ч. I, гл. 2 настоящей работы.

По истории Элама см. G. G. Cameron, *History of Early Iran*, Chicago, 1936; Reallexikon der Assyriologie, II, Berlin—Leipzig, 1938, s. v. Elam. Там же библиография надписей (III—I тысячелетия до н. э.).

²¹ Sidney Smith, *Babylonian Historical Texts relating to the Capture and Downfall of Babylon*, London, 1924.

²² До нас дошло несколько тысяч юридических документов из Вавилонии ахеменидского времени; многие из них опубликованы. Важнейшее издание: J. N. Strassmaier, *Babylonische Texte*, Hft VII—XII, Leipzig, 1889—1897. — Переводы наиболее характерных документов см. J. Kohler und F. E. Peiser, *Aus dem babylonischen Rechtsleben*, Bd I—IV, Leipzig, 1890—1898. — Важные издания также: G. Cardascia, *Les Archives des Murašû, une famille d'hommes d'affaires babyloniens à l'époque perse (455—403 av. J.—C.)*, Paris, 1951; J. Augapfel, *Babylonische Rechtsurkunden aus der Regierungszeit Artaxerxes I. und Darius II.*, Wien, 1917; E. Kotalla, *Fünfzig babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit des Königs Artaxerxes I.* — «Beiträge zur Assyriologie», Bd IV, 1902, № 4, Ss. 551—574, и мн. др. См. также В. В. Струве, *Аренда податей в государстве Ахеменидов*, — ТИИЖ, стр. 245 и сл.

²³ Ахеменидские надписи издавались неоднократно. Новейшее издание персидских текстов: R. G. Kent, *Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon*,

New-Haven, 1950; 2 ed., New-Haven, 1953 (с библиографией). — Подробную библиографию см. также: до 1911 г. F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden*, Leipzig, 1911; с 1912 г. R. G. Kent: «*The Present Status of Old Persian Studies*», — JAOS, vol. 56, 1936, pp. 208—225; «*Old Persian Jottings*», — JAOS, vol. 58, 1938, pp. 324—330. — Хорошими изданиями древнеперсидских надписей являются также: F. H. Weissbach und W. Bang, *Die altpersischen Keilinschriften*, Leipzig, 1908; H. C. Tolman, *Ancient Persian Lexicon and Texts*, Nashville, 1908; упомянутое выше издание F. H. Weissbach, 1911; надписи, открытые в последние годы: E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, Berlin, 1938; H. H. Pappe, *An Old Persian Text of Darius II*, — JAOS, vol. 72, 1952, pp. 169, 170; E. Benveniste, *Une inscription perse achéménide*, — JA, t. CCXXXIX, 1951, pp. 261—273; J. Harmatta, *A recently discovered Old Persian Inscription*, — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. II, fasc. 1—2, 1954, pp. 1—16. См. также А. А. Фрейман, *Новые работы по древнеперсидским надписям*, — ВДИ, 1940, № 2(11), стр. 126—127. — Русские переводы древнеперсидских надписей: а) Бисутунской: А. А. Фрейман, *Древнеперсидские клинообразные надписи*, — «Восток», 1925, № 5, стр. 3 и сл.; «Хрестоматия по истории древнего мира» под ред. В. В. Струве, т. I, М., 1950 стр. 255—263 (В. И. Абаев); б) о построении дворца в Сузах: В. И. Абаев, *Сооружение дворца в Сузах*, — «Хрестоматия по истории древнего мира», стр. 274, 275 и в сб. «Иранские языки», I, М.—Л., 1945, стр. 127—133; в) Антидэвовская надпись Ксеркса: Л. Ельницкий, *Новая надпись Ксеркса*, — ВДИ, 1940, № 2(11), стр. 168—172; В. В. Струве, *Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов*, — ИАН, Серия истории и философии, 1944, № 3, стр. 128—140; В. И. Абаев, *Антидэвовская надпись Ксеркса*, — «Иранские языки», I, 1945, стр. 134—140, в «Хрестоматии по истории древнего мира», стр. 276—277.

О древнеперсидских надписях как литературных памятниках см. M. Moïn, *Literary Aspects of Achaemenian Inscriptions*, — «Ahang Quarterly», Dehli, 1946.

²⁴ См. R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 107, где указана библиография.

²⁵ Однако см.: E. Herzfeld, *Ariyaramna*, — AMI, Bd II, 1930, Ss. 117—127; Bd IV, 1932, Ss. 132—139; Bd VIII, 1938, Ss. 17—35; «*Altpersische Inschriften*», Ss. 1—2, где надпись Ариарамны опубликована как подлинная. Наиболее вероятно мнение, что эти надписи ахеменидские, но поздние, начала IV в. до н. э., являющиеся пояснительным текстом при изображениях или статуях Ариарамны и Аршамы (H. H. Schaefer, *Über die Inschrift des Ariaramnes*, — SPAW, 1931, Ss. 635—645; W. Brandenstein, *Die neuen Achämenideninschriften*, — WZKM, т. XXXIX, 1932, Ss. 13—19). См. также R. G. Kent, *Old Persian...*, pp. 18 (n. 2), 107.

²⁶ О Бисутунской надписи существует большая литература, см. H. G. Rawlinson, *Note on the Persian Inscription at Behistun, decyphered and translated*, — JRAS, vol. X, 1847; vol. XI, 1849. — Надпись была в 1904 г. проверена и сфотографирована английскими учеными Л. Кингом и Р. Томпсоном (L. W. King and R. C. Thompson, *The Sculptures and Inscriptions of Darius the Great on the Rock of Behistun in Persia*, London, 1907). После этого, казалось, текст был установлен окончательно. Однако за последнее время внесены существенные поправки в чтение пятого столбца и установлена точная хронология событий. Библиографию новейших работ см. R. G. Kent, *Old Persian...*, pp. 108, 160, п. 1. Поправки к чтению, учитывающие последнюю съемку надписи, произведенную Г. Камероном, см. в издании Р. Кента (R. G. Kent, *Old Persian...*, pp. 116—134, 217, 218). См. также: G. G. Cameron, *The Old Persian Text of the Bisutun Inscription*, — «Journal of Cuneiform Studies», vol. 5, 1951, № 2, pp. 47—54; R. G. Kent: «*Cameron's Old Persian Readings at Bisutun. Restorations and Notes*», — «Journal of Cuneiform Studies», vol. 5, 1951, № 2, pp. 55—57; «*Cameron's*

New Readings of the Old Persian at Behistan, — JAOS, vol. 72, 1952, pp. 9—20.

²⁷ См. R. G. Kent, *Old Persian...*, pp. 108—114.

²⁸ См. R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 109. — О скальных гробницах см. также: F. Sarre und E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin, 1900; E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*.

²⁹ В Сузах имеются надписи Дария I, Дария II, Ксеркса, Артаксеркса II. Наибольший интерес представляет надпись Дария I о построении дворца в Сузах. См.: R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 110; Gisela M. A. Richter, *Greeks in Persia*, — AJA, vol. L, 1946, № 1, pp. 15—30; G. Goossens, *Artistes et artisans étrangers en Perse sous les Achéménides*, — «La Nouvelle Clio», 1949, № 1, pp. 32—44. — Русский перевод: В. И. Абаев, *Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузах*, — сб. «Иранские языки», I, 1945, стр. 127—133.

³⁰ Надпись Ксеркса см. R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 113.

³¹ Три надписи Дария I см. W. Golénischeff, *Stèle de Darius aux environs de Tell-Maskhoutah*, — RT, t. XIII, 1890, pp. 99—109; R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 111.

³² E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, Berlin, 1938, S. 1 ff; R. G. Kent: «The Present Status of Old Persian Studies», — JAOS, vol. LVI, 1936, p. 208, notes 12 & 37; «Old Persian...», p. 107 sq.

³³ F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden*, Leipzig, 1911, Einleitung, Ss. XXII—XXIII, Texte, Ss. 104—105; R. G. Kent, *Old Persian...*, pp. 114, 115.

³⁴ R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 115; В. Шялейко, *Печать царя Артаксеркса*, — «Жизнь музея» (Бюллетень Гос. Музея изящных искусств), т. I, 1925, стр. 17—19 — печать Артаксеркса I (не учтена в издании Кента).

³⁵ R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 115.

³⁶ Там же; см. также J. Harmatta, *A recently discovered Old Persian Inscription*, — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. II, fasc. 1—2, 1954, pp. 1—16.

³⁷ Об этих надписях, значение которых чрезвычайно велико, написано очень много. См. R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 112. — На русский язык надпись переведена: Л. Ельницким [ВДИ, 1940, № 2 (11), стр. 168—172]; В. В. Струве (*Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов*, — ИАН, Серия истории и философии, 1944, № 3, стр. 128—140); В. И. Абаевым (*Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузах*, — сб. «Иранские языки», I, стр. 134—140). Другая интересная надпись Ксеркса (также из Персеполя) посвящена его правам на престол (библиографию см. R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 112); см. также E. F. Schmidt, *Persepolis. I, Structures, Reliefs, Inscriptions*, Chicago, 1953. Частичный перевод на русский язык см. В. В. Струве, *Родина зороастризма*, — «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», вып. I, Сталинабад, 1945, стр. 3—55; сб. «Советское востоковедение», 1948, V, стр. 5—34.

³⁸ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 236.

³⁹ G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948 («Oriental Institute Publications», vol. 65).

⁴⁰ Впервые изучена и переведена Анкетиль дю Перроном (1731—1805). См. Abraham Hyacinthe Anquetil du Perron, *Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre*, vol. 1—3, Paris, 1771 (перевод этого труда на немецкий язык см. Joh. Fr. Klenker, *Zend-Avesta, Zoroasters lebendiges Wort*, Riga, vol. 1—3, pp. 1776—1777). О жизненном подвиге Анкетиль дю Перрона см. K. F. Geldner, *Awestalliteratur*, — Gr. d. Ir. Ph., II, Ss. 40, 41, а также введение Дармстетера к его французскому переводу Авесты (см. ниже), I, XIII; см. также: В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, изд. 2, Л., 1925, стр. 117; R. Schwab, *Anquetil du Perron. Sa vie*, Paris, 1934.

Имеется ряд изданий Авесты, лучшие: «*Zendavesta or the religious Books of the Zoroastrians*», ed. by N. L. Westergaard, Copenhagen, 1852—1854; «*Avesta. Die heiligen Schriften der Parsen*», hrsg. von F. Spiegel, Bd I—II, Wien, 1853—1856; «*Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen*», hrsg. von K. F. Geldner, Bd I—III, Stuttgart, 1886—1895. — Фоторепродукции рукописей Авесты (старейшие — в библиотеке Копенгагенского университета) опубликованы в серии «*Codices Avestici et pahlavici Bibliothecae Universitatis Havniensis*», vol. VII—XI, Copenhagen, 1937—1942.

Переводы: а) русские (отдельные части Авесты): К. Коссович, *Четыре статьи из Зенд-Авесты*, СПб., 1861; К. Залеман в кн. «*Всеобщая история литературы*», под ред. В. Ф. Корша, т. I, ч. I, СПб., 1880; К. Залеман, — «*Восток*», сб. II, М.—Л., 1935, стр. 32—35; Е. Э. Бертельс, — «*Восток*», 1924, № 4, стр. 3—11; А. А. Фрейман, — «*Восток*», сб. II, М.—Л., 1935, стр. 32; В. И. Абаев, *Скифский быт и реформа Зороастра*, — «*Archiv Orientalní*», t. XXIV, 1956, p. 28 ff.; б) немецкие (полный перевод): F. Spiegel, *Avesta. Die heiligen Schriften der Parsen*, Bd I—III, Leipzig, 1852—1863; Fr. Wolff, *Avesta, die heiligen Bücher der Parsen*, Berlin—Leipzig, 1924; перевод Гат: Chr. Bartholomae, *Die Gāthā's des Avesta, Zarathustra's Verspredigten*, Strassburg, 1905; перевод яштов: H. Lommel, *Die Yašt's der Avesta*, Göttingen—Leipzig, 1927; в) французские: C. de Harlez, *Avesta, livre sacré du zoroastrisme*, Liège, 1875—1877, 2 éd. Paris, 1881; J. Darmesteter, *Le Zend-Avesta*, vol. 1—3, Paris, 1892—1893 («*Annales du Musée Guimet*», t. 22—24); перевод Гат: J. Duchesne-Guillemin, *Zoroastre, Etude critique avec une traduction commentée des Gāthā*, Paris, 1948; г) английские: J. Darmesteter (vol. I—II) and L. H. Mills (vol. III), *The Zend-Avesta*, Oxford, 1880, 1883, 1887 (серия «*The Sacred Books of the East*», vol. IV, XXIII, XXXI); переводы Гат: Maria Wilkins Smith, *Studies in the Syntax of the Gathas of Zarathushtra, together with Text, Translation, and Notes*, — «*Language Dissertations publ. by the Linguistic Society of America*», 1929, № 4; J. Duchesne-Guillemin, *The Hymns of Zarathushtra*, London, 1952 (пер. с франц.); J. C. Tavadia, *Indo-Iranian Studies, II. The first three Gathas of Zarathushtra and the four principal Prayers in Avestan. Text, Santiniketan*, 1952; I. J. S. Taporevala, *The divine Songs of Zarathushtra, with full notes*, Bombay, 1951; F. A. Bode and P. Nanavutty, *Songs of Zarathushtra*, London, 1952; B. Anklesaria, *The Holy Gāthās of Zarathushtra*, Bombay, 1953; д) персидский: Ibrāhīm Pūr-i Dāud, Bombay, 1926—1933; е) датский: A. Christensen, *Avesta, Zarathushtriernes hellige Skrifter i Udtag*, København, 1923.

Подробную библиографию литературы об Авесте до конца XIX в. см. в статье К. F. Geldner, *Avestaliteratur*, — Gr. d. Ir. Ph., II, ss. 1—53. Библиографические сводки основных работ см.: A. V. Williams Jackson, *Zoroastrian Studies*, New-York, 1928, pp. XXVII—XXXI (с 1902 по 1927 гг.; библиография очень неполная); H. S. Nyberg, *Die Religionen des alten Iran*, Leipzig, 1938 («*Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft*», Bd 43, S. 430 ff.); W. B. Henning, *A Bibliography on Old Iranian Subjects*, Teheran, 1946; И. С. Брагинский, *Из истории таджикской народной поэзии*, М., 1956, стр. 423 и сл.

Важнейшими работами по Авесте являются: A. Christensen: «*Quelques notices sur les plus anciennes périodes du Zoroastrisme*», — «*Acta Orientalia*», t. IV, 1924, pp. 83—115; «*Etudes sur le zoroastrisme de la Perse antique*», København, 1928; «*Les Kayanides*», København, 1931; «*Les gestes, des rois dans les traditions de l'Iran antique*», Paris, 1936; «*Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes*», København, 1943; «*Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens*», Uppsala, 1918; Chr. Bartholomae, *Zarathustra's Leben und Lehre*, Heidelberg, 1924; A. Meillet, *Trois conférences sur les Gāthā de l'Avesta*.

Paris, 1925 («Annales du Musée Guimet, Bibliothèque de vulgarisation», 44); O. G. von Wesendonk, *Urmensch und Seele in der iranischen Überlieferung*, Hannover, 1924; M. N. Dhalla, *Zoroastrian Theology, from the Earliest Times to the Present Day*, New York, 1914; M. N. Dhalla, *History of Zoroastrianism*, New York, 1938; K. F. Geldner, *Die Zoroastrische Religion* (в кн. *Religionsgeschichtliches Lesebuch*, hrsg. von A. Bertholet, Ausg. 2, Tübingen, 1926, Ss. 1—54); L. H. Gray, *Foundation of the Iranian Religions*, Bombay, 1928; J. Hertel, серия «Indo-Iranische Quellen und Forschungen», Leipzig: Hft 1, *Die Zeit Zoroasters*, 1924; *ibid.*, Hft 6, *Die arische Feuerlehre*, 1925; Hft 9, *Die Sonne und Mithra im Avesta*, 1927; H. Lommel, *Die Religion Zarathustras nach dem Avesta dargestellt*, Tübingen, 1930; É. Benveniste, *Les classes sociales dans la tradition avestique*, — JA, vol. CCXXI, fasc. I, 1932, pp. 117—134; É. Benveniste, *L'Erân-vēž et l'origine légendaire des iraniens*, — BSOAS, VII, 1934, pp. 265—274; É. Benveniste et L. Renou, *Vrtra et Vrtraṇa. Etude de mythologie indo-iranienne*, — «Cahiers de la Société Asiatique», III, Paris, 1934; J. Moulton, *Early Zoroastrianism*, London, 1913; R. Pettazzoni, *La Religione di Zarathustra*, Bologna, 1920; F. Nau, *Étude historique sur la transmission de l'Avesta*, — «Revue de l'Histoire des Religions», t. XCV, 1927, № 2—3; A. V. Williams Jackson, *Zoroastrian Studies*, New York, 1928; H. S. Nyberg, *Questions de cosmogonie et de cosmologie mazdéennes*, — JA, vol. CCXIV, fasc. 2, 1928, pp. 193—310; vol. CCXIX, fasc. 1, 2, 1931, pp. 1—134, 193—244; H. S. Nyberg, *Die Religionen des alten Iran*, Leipzig, 1938; H. Junker, *Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und georgischen Schrift*, — «Caucasica», Bd II, 1925; Bd III, 1926; Stig Wikander, *Vayu*, Uppsala, 1941; Anatol Waag, *Nirangistan. Der Awestatraktat*, Leipzig, 1941; K. Erdmann, *Das iranische Feuerheiligtum*, Leipzig, 1941; H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems in the Ninth-Century books*, Oxford, 1943; E. Herzfeld, *Zoroaster and his World*, I—II, Princeton, 1947; S. H. Taqizadeh, *The 'Era of Zoroaster'*, — JRAS, 1947, pp. 33—40; W. B. Henning, *Zoroaster: Politician of Witch-Doctor?*, London, 1951; J. Duchesne-Guillemin, *Ormazd et Ahriman, l'aventure dualiste dans l'antiquité*, Paris, 1953; R. C. Zaehner, *Zurvan: A Zoroastrian Dilemma*, London, 1954; Sven S. Hartman, *La disposition de l'Avesta*, — «Orientalia Suecana», vol. V, 1956, pp. 30—78; H. Birkeland, *Zarathustra, Irans Profet*, Oslo, 1943; G. Hermes, *Zur Soziologie der Lehre Zarathustras*, — «Anthropos», Bd 33, 1938, Hft 1—2, Ss. 181—194, 424—444; Muḥammad Mu'in, *Mazdayasnā wa ta'fīrī ān dar adabiyātī Pārsi*, Teheran, 1326 г. с. х. (на перс. яз.); J. C. Tavadia, *Indo-Iranian Studies I*, Santiniketan, 1950.

Сводки сведений классических авторов о религии персов: A. Rapp, *Die Religion und Sitte der Perser und übrigen Iranier nach den griechischen und römischen Quellen*, — ZDMG, Bd XIX, 1865, Ss. 1—89; Bd XX, 1866, Ss. 49—140; C. Clemen, *Fontes historiae religionis persicae*, Bonn, 1920; C. Clemen, *Die griechischen und lateinischen Nachrichten über die persische Religion*, — «Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten», Bd 17, Gießen, 1920; É. Benveniste, *The Persian Religion according to the Chief Greek Texts*, Paris, 1929.

⁴¹ A. E. Cowley, *Aramaic Papyri discovered at Assuan*, London, 1906; E. Sachau, *Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militärkolonie zu Elephantine*, Leipzig, 1911; A. Ungnad, *Aramäische Papyrus aus Elephantine, Kleine Ausgabe*, Leipzig, 1911; Ed. Meyer, *Der Papyrusfund von Elephantine*, Leipzig, 1912; И. М. Волков, *Арамейские документы иудейской колонии в Элефантине V в. до х. э.*, М., 1915; A. E. Cowley, *Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C.*, Oxford, 1923; E. G. Kraeling, *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B. C. from the Jewish Colony at Elephantine*, New Haven, 1953; G. R. Driver, *Aramaic Documents of the Fifth Century B. C.*, Oxford, 1954;

2 ed., 1957; см. также É. Benveniste, *Éléments perses en Araméen d'Égypte*, — JA, vol. CCXLII, 1954, fasc. 3—4, pp. 297—310.

⁴² Издавался неоднократно. Старый, но в общем вполне удовлетворительный русский перевод: Геродот, *История в девяти книгах*, пер. Ф. Мищенко, т. I—II, М., 1885—1886 и изд. 2, испр. и дополн., М., 1888.

⁴³ J. Gillmore, *The Fragments of the Persika of Ctesias*, London, 1888. См. также: C. Müller, *Herodoti Historiarum libri IX... Ctesiae Cnidii... fragmenta*, Paris, 1844 и изд. 2, Paris, 1877.

⁴⁴ Сочинения Ксенофонта издавались неоднократно, особенно «Анабасис». Последний русский перевод: Ксенофонт, *Анабасис*, пер. М. И. Максимовой, М.—Л., 1951. См. также: Ксенофонт, *Греческая история*, пер. С. Лурье, Л., 1935.

⁴⁵ О них см.: E. Herzfeld, *Archaeological History of Iran*, London, 1935; E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 213 ff.; N. C. Debevoise, *The Rock Reliefs of Ancient Iran*, — JNES, vol. I, 1942, № 1, p. 76 ff.

⁴⁶ Публиковалась неоднократно. Интерпретация памятника: E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 213 ff. — О дворце Кира в Пасаргадах см.: M. A. Dieulafoy, *L'Art antique de la Perse*, t. I—II, Paris, 1884—1885; F. Sarre, *Die Kunst des alten Persiens*, Berlin 1923; E. Herzfeld, *Archaeological History of Iran*; см. также F. Wachtsmuth, *Achaemenid Architecture. The Principal Monuments*, — SPA, vol. I, 1938, pp. 309—310.

⁴⁷ Подробный анализ дворцового комплекса Персеполя, основанный на новейших данных, см. E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 224 sq.; см. также: F. Wachtsmuth, *Achaemenid Architecture*, — SPA, p. 311 sq.; E. F. Schmidt, *Persepolis*, vol. I, Chicago, 1953; vol. II, Chicago, 1957.

⁴⁸ См.: M. A. Dieulafoy, *L'Art antique de la Perse*; S. Casson, *The Aesthetic Character*, — SPA, vol. I, 1938, p. 330 sq.; R. de Mecquenem, *The Achaemenid and later Remains at Susa*, — SPA, vol. I, 1938, p. 321 sq.

⁴⁹ Э. Герцфельд считает, что это гробница (см. E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 213), несмотря на серьезные возражения М. Шпренглинга. См.: M. Sprengling, «A New Pahlavi Inscription», — *AJSL*, vol. LIII, 1937, pp. 126—144; «Zur Parsik-Inschrift an der „Kaaba des Zoroaster“», — *ZDMG*, vol. XCI, 1931, S. 662, где М. Шпренглинг высказывает мнение, что уже самый факт нахождения надписи на «Каабе Зороастра» противоречит мнению Э. Герцфельда.

⁵⁰ См.: S. Casson, *Achaemenian Sculpture*, — SPA, vol. I, p. 346 sq., IV, pl. 76 sq.; E. F. Schmidt, *Persepolis*, I—II, и др.

⁵¹ По ахеменидской нумизматике см.: E. Babelon, *Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. Les Perses Achéménides*, Paris, 1893; B. V. Head, *The Coinage of Lydia and Persia from the Earliest Times to the Fall of the Achaemenids*, London, 1877; P. Gardner, *The Gold Coinage of Asia before Alexander the Great*, London, 1908; G. Hill, *Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia*, Oxford, 1922.

⁵² O. Dalton, *The Treasure of the Oxus, with other Objects from Ancient Persia and India*, London, 1905 (2 ed., 1926).

⁵³ См. «Государственный Эрмитаж, Путеводитель по залам Отдела Востока», Ленинград, 1939, стр. 68—74.

⁵⁴ См. САН, VI, Библиография. Арриан издавался неоднократно. Наиболее распространенное издание с латинским переводом: Dübner, *Arrianus et Fragmenta scriptorum de rebus Alexandri Magni*, Paris, 1846; новейшие издания: «*Fl. Arriani quae extant omnia*», ed. Roos; Arrianus Flavius, *Works* (with an Engl. transl. by E. I. Robson), vol. I—II, в серии «The Loeb Classical Library», Heinemann, London and Cambridge, 1946—1949. — «Анабасис» есть в хорошем русском переводе Коренькова: «Анабасис Александра» — «Средняя Азия», Ташкент, 1911. К сожалению, этот перевод является библиографической редкостью. «Индика» по-русски издана в приложении к ВДИ, 1940, № 2, стр. 230—263.

⁵⁵ Quintus Curtius Rufus, *Historiae Alexandri Magni*, ed. P. H. Damste, Groningae, 1897, и др. издания.

⁵⁶ Биография Александра в «Параллельных жизнеописаниях» издавалась неоднократно. Переведена на все европейские языки. Русский перевод: Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*, т. VI, вып. 2, СПб., 1892.

⁵⁷ О Диодоре Сицилийском и Помпее Троге см. также ниже.

⁵⁸ См. С. Müller в приложении к дюбнеровскому изданию, где, кроме греческого извода романа об Александре, собран ряд фрагментов из недошедших сочинений об Александре. См. еще: Th. Nöldeke, *Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans*, Wien, 1890; Р. В. Кинжалов, *Политическая направленность повести «О жизни Александра Македонского»* (автореферат кандидатской диссертации), Л., 1955; Е. Э. Бертельс, *Роман об Александре и его главные версии на Востоке*, М.—Л., 1948.

⁵⁹ W. Dittenberger, *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*, vol. I—II, Leipzig, 1903—1905; «Supplementum Epigraphicum Graecum», VII, 1—34; C. B. Welles, *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*, New Haven, 1934.

⁶⁰ O. Schroeder, *Kontrakte der Seleukidenzeit aus Warka*, «Vorderasiatische Schriftdenkmäler», XV, Leipzig, 1916; F. Thureau-Dangin, *Tablettes d'Uruk à l'usage des prêtres du temple d'Anu au temps des Séleucides*, Paris, 1922; A. T. Clay, *Legal Documents from Erech dated in the Seleucid Era*, New York, 1913; Т. Х. Саркисян, *Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа*, — ВДИ, 1955, № 4, стр. 136 и сл., и др.

⁶¹ См. каталоги греческих монет Британского музея и ниже, прим. 65.

⁶² См. J. J. M. de Groot, *Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens*, Bd I—II, Berlin, 1921—1926.

⁶³ Polybius, *Historiae*. Издания: Hultsch; Dindorf-Büttner-Wobst; серия «The Loeb Classical Library» (с англ. пер.). Русск. пер. Ф. Г. Мищенко: Полибий, *Всеобщая история в сорока книгах*, т. I—III, М., 1890—1899.

⁶⁴ См. R. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, Paris, 1926; «The Excavations at Dura-Europos, Preliminary Reports», I—IX, New Haven, 1929—1955. — Раскопки, ведшиеся Йельским университетом и Французской академией надписей (1929—1938 и после войны), породили весьма значительную литературу.

⁶⁵ R. H. McDowell, *Coins from Seleucia on the Tigris*, Ann Arbor, 1933.

⁶⁶ Особенно велики в этом вопросе заслуги С. П. Толстова, см. прим. 18 и I ч., прим. 11.

⁶⁷ Важнейшие работы по парфянской нумизматике, см. ч. II, прим. 76.

⁶⁸ О надписи Митридата II, упоминающей Готарза I, когда он еще был «сатрапом сатрапов», см.: E. Herzfeld, *Am Tor von Asien*, Berlin, 1920, S. 35 ff.; E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924, p. 66; Ditt., OGIS, I, № 431. — О надписи Готарза (II?) см. ч. II, прим. 226; F. Sarre und E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin, 1910, S. 243; H. G. Rawlinson, — JRAS, vol. IX, 1839, p. 114 sq.; U. Kahrstedt, *Artabanos III und seine Erben*, Bern, 1950, S. 19 ff.

⁶⁹ W. Andrae, H. Lenzen, *Die Partherstadt Assur*, — «Wissenschaftliche Veröffentl. d. deutsch. Orient-Gesellschaft», Leipzig, 1933; A. Caquot, *Nouvelles inscriptions araméennes de Hatra*, I—IV, — «Syria», 1952—1955; A. Maricq, *Hatra de Sanatrouq*, — «Syria», 1955, pp. 273—288; W. B. Henning, *The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak*, — «Asia Major», N. S. II, 1952, № 2, p. 151 sq.

⁷⁰ «The Excavations at Dura-Europos, Preliminary Report», New Haven, 1929; R. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, Paris, 1926.

⁷¹ F. Cumont, CRAI, 1930, 1931, 1932, 1933 и указанная выше (прим. 59) работа С. В. Welles, *Royal Correspondence...*, pp. 299—306.

⁷² R. Ghirshman, *Un bas-relief d'Artaban V, avec inscription en Pehlevi arsacide*, — «Monuments Piot», № 44, 1950; ср. W. B. Henning: «Zoroaster, Politician or Witch-doctor?», London, 1951, p. 37, n. 4; «The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak», — «Asia Major», N. S. II, 1952, № 2, p. 176.

⁷³ См. перечень документов: M. Rostovtzeff and C. В. Welles, *A Parchment of Loan from Dura-Europos on the Euphrates*, — «Yale Classical Studies», vol. II, 1931, pp. 33, 34.

⁷⁴ Об авроманских документах написано очень много. Первая публикация: E. Minns, *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*, — JHS, vol. XXXV, 1915, pp. 22—65; A. Cowley, *The Pahlavi Documents from Avroman*, — JRAS, 1919, pp. 147—154; J. M. Unvala, *On the Three Parchments from Avroman in Kurdistan*, — BSOS, I, 1920, pp. 125—144; H. S. Nyberg, *The Pahlavi Documents from Avroman*, — MO, XVII, 1923, pp. 182—230 (наиболее важное издание); E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924, p. 83.

⁷⁵ Три документа из Дюра-Эвропос опубликованы F. Cumont, *Fouilles...*, p. 281 et suiv. Наиболее важный документ — так называемый «Пергамен X», изданный и комментированный M. Rostovtzeff and C. В. Welles, *A Parchment of Loan from Dura-Europos on the Euphrates*, — «Yale Classical Studies», vol. II. — О парфянских и среднеперсидских документах из Дюра-Эвропос на черепках и пергамене см. F. A. Altheim und R. Stiehl, *Asien und Rom. Neue Urkunden aus sasanidischer Frühzeit*, Tübingen, 1952. — Важна рецензия W. B. Henning, — «Gnomon», Bd 26, 1954, Hft 7, S. 476 ff; см. также J. Harmatta, *The Parthian Parchment from Dura-Europos*, — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», vol. V, 1957, № 1—4, p. 261 fol.

⁷⁶ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц: «Документы из древней Нисы», — «Материалы ЮТАКЭ», вып. II, М. — Л., 1951; «Парфянский архив из древней Нисы», — ВДИ, 1953, № 4, стр. 114—130. — И. Н. Винников полагает, что документы из Нисы составлены на арамейском языке, см. И. Н. Винников, *О языке письменных памятников из Нисы*, — ВДИ, 1954, № 2, стр. 114 и сл.; об архиве из Нисы см. также: И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, *О языке документов из древней Нисы*, — ВДИ, 1956, № 4, стр. 100 и сл., и др.

⁷⁷ См. выше, прим. 60.

⁷⁸ См. Библию, Книги Маккавеев, I и II.

⁷⁹ Fr. Hirth, *The Story of Chang-k'ien, China's Pioneer in Western Asia*, — JAOS, XXXVII, 1917, pp. 89—152; серия статей и переводов Э. Шаванна в «T'oung Pao», 2 Ser., vol. VI, VIII, особенно E. Chavannes, *Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou*, — «T'oung Pao», 2 Ser., vol. VII, 1907, pp. 149—234; J. J. M. de Groot, *Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens*, Bd I—II, Berlin, 1921—1926; Иакинф Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, II, М. — Л., 1950.

⁸⁰ Издание: M. Juniani Justini, *Epitoma historiarum Philippicarum. Pompei Trogi*, ed. Rühl, Leipzig, 1886. Русск. пер. см. ВДИ, 1954, № 2, стр. 255—252; № 3, стр. 191—251; № 4, стр. 187—239; 1955, № 1, стр. 197—243.

⁸¹ Ряд изданий и переводов.

⁸² Издание: Cassii Dionis Cocceiani, *Historiarum romanarum quae supersunt*, ed. U. Ph. Boissevain, Berolini, 1895.

⁸³ Лучшее издание сочинений Иосифа Флавия — В. Niese, Berlin, 1885—1895. Оба важнейшие его сочинения — «Иудейские древности» и «Иудейская война» — неоднократно переводились на европейские языки. Есть и русские переводы.

⁸⁴ Сочинения Тацита неоднократно издавались и переводились. Есть русские переводы (лучший — «Сочинения Корнелия Тацита», пер. В. И. Модестова, СПб., 1886).

⁸⁵ Подробную библиографию источников см. САН, IX, X, XI.

⁸⁶ Isidorus Characenus, *Mansiones Parthicae*, ed. W. F. Schoff, Philadelphia, 1914.

⁸⁷ Дворец Кух-и Ходжа был впервые обнаружен совершенно случайно французским офицером. См.: H. Carré, *Une ville morte de la Perse Orientale*, — «L'Illustration», vol. XXVIII, 1908; Aurel Stein, *Innermost Asia*, vol. II, Oxford, 1928, pp. 908—925; E. Herzfeld: «*Archaeological History of Iran*», «*Iran in the Ancient East*».

⁸⁸ Раскопки в Селевкии на Тигре вели сотрудники Мичиганского университета и Толедского (США) музея под руководством Л. Уотермана. О раскопках в Сузах см. выше, прим. 1.

⁸⁹ См. М. Е. Массон, *Новые данные по истории Парфии*, — ВДИ, 1950, № 3, стр. 41—55. См. также «Труды ЮТАКЭ», т. I—V; «Материалы ЮТАКЭ», вып. 2—3.

⁹⁰ Важнейшие из известных к началу 20-х годов XX в. сасанидских надписей были изданы Э. Герцфельдом в книге: E. Herzfeld, *Paikuli, Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire*, vol. I—II, Berlin, 1924. — См. также «Corpus Inscriptionum Iranicarum, Part III: Pahlavi Inscriptions of the Classical Period». — До сих пор в этой серии В. Хеннингом опубликованы воспроизведения надписей из Сар-Мешхеда и Накш-и Рустема. Список надписей, известных в 1944 г., с указаниями на издания, приведен в книге Arthur Christensen, *L'Iran sous les Sasanides*, 2 éd., Copenhagen, 1944, pp. 50—53.

⁹¹ Литература к надписям Шапура I и жреца Картира на «Каабе Зороастра»: M. Sprengling, *A New Pahlavi Inscription*, — AJSL, LIII, 1936—1937, pp. 126—144; M. Sprengling, *Zur Parsik-Inschrift an der «Kaaba des Zoroaster»*, — ZDMG, Bd 91, Hft 3, 1937, Ss. 652—672; W. B. Henning, *The great Inscription of Sāpūr I*, — BSOS, IX, 1937—1939, pp. 823—849; M. Sprengling, *Kartir, Founder of Sasanian Zoroastrianism*, — AJSL, LVII, 1940, pp. 197—228; M. Sprengling, *From Kartir to Shahpuhr I*, — ibid., p. 330 sq.; M. Sprengling, *Shahpuhr I the Great on the Kaabah of Zoroaster*, — ibid., p. 341—429; M. Sprengling, *Pahlavi Notes*, — ibid., LVII, 1941, pp. 169—176; A. T. E. Olmstead, *The mid-third Century of the Christian Era*, — «Classical Philology», XXXVII (1942), pp. 241—262, 398—420; M. I. Rostovtzeff, *Res Gestae divi Saporis and Dura*, — «Berytus», VIII, 1. (1943), pp. 17—60. Cp. Pugliese Carratelli, *Res gestae divi Saporis*, — «La Parola del Passato», vol. V (1947), pp. 209—239, vol. VI, pp. 356—362; W. Ensslin, *Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I*, — Sb. d. Bayr. Ak. d. Wiss., Phil.-hist. Kl., 1947, 5 (München, 1949); E. A. Honigmann, A. Maricq, *Recherches sur les Res Gestae divi Saporis*, Bruxelles, 1953; M. Sprengling, *Third Century Iran. Sapor and Kartir*, Chicago, 1953; R. N. Frye, *Notes on the early Sassanian State and Church*, — «Studi Orientalistici in onore di Giorgio Levi Della Vida», I, Roma, 1956.

Надпись Пайкули см. E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924. Критику этого издания надписи см. W. B. Henning, *A Farewell to the Khaqan of the Aq-Aqatūrān*, — BSOAS, XIV, 1952, стр. 501—522.

⁹² K. Erdmann, *Das iranische Feuerheiligtum*, Leipzig, 1941.

⁹³ Изданы Г. С. Ньюбергом, «Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента», — «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. 5, Баку, 1929, стр. 26 и сл.

⁹⁴ См.: А. Я. Борисов, *Эпиграфические заметки, III*, — ТОВЭ, I, 1939, стр. 221—242; P. Horn und G. Steindorff, *Sassanidische Siegelsteine*, Berlin, 1891; E. Herzfeld, *Paikuli*, p. 74 sq.; Ph. Ackerman, *Sāsānian Seals*, — SPA,

vol. I, 1938, pp. 784—815; J. de Menasce, *Un lapidaire pehlevi*, — «Anthropos», Bd 37—40, 1942—1945.

⁹⁵ Последнее издание J. de Menasce, *Ostraca and Papyri*, — «Corpus Inscriptionum Iranicarum», III, 4—5, London, 1957 (указана библиография предшествующих публикаций).

⁹⁶ См.: R. Göbl, *Sasanian Coins*, — «Seaby's Coin and Medal Bulletin», London, 1951—1955; F. D. I. Paruck, *Sasanian Coins*, Bombay, 1924. — См. также: B. Dorn, *Collections des monnaies sassanides de feu le lieut. gen. de Bartholomaei*, SPb., 1875; R. Vasmer, *Sassanian Coins in the Hermitage*, — Num. Chron., vol. VIII, 1928, pp. 249—334; Н. Э. Вундсеттель, *К нумизматике Сасанидов*, — «Труды Восточного факультета Среднеазиатского Государственного Университета» (сб. в честь В. В. Бартольда), Ташкент, 1927, стр. 226—230; К. В. Тревер, *Художественное значение сасанидских монет*, — ТОВЭ, I, 1939, стр. 255—285; A. D. H. Bivar, *The Kushano-Sasanian Coin Series*, — «Journal of the Numismatic Society of India», vol. XVIII, 1, 1956, pp. 13—43; R. Göbl, *Neufunde Sasanidischer Reichsmünzen*, — WZKM, Bd LIII, № 1—2, 1956, S. 23 ff.; N. Nakshabandi, Fawzi Rachîd, *Sasanian Dirham in the Iraq Museum*, — «Sumer», vol. XI, 2, 1955, p. 154 ff.

⁹⁷ E. W. West, *Pahlavi Literature*, — Cr. d. Ir. Ph., Bd II, стр. 75—130; A. Christensen: «*Helteediktning af Fortællingslitteratur hos Iranerne i Oldtiden*», København, 1936; «*Om den historiske Romanlitteratur paa Pehlevi*», — «Studier tilegnede Fr. Buhl», København, 1925, и ряд других работ А. Кристенсена. Копенгагенская университетская библиотека располагает богатейшей в Европе коллекцией авестийских и пехлевийских рукописей. Большое научное значение имеет переиздание этого собрания: «*Codices Avestici et Pahlavici Bibliothecae Universitatis Havniensis*», [1931] и сл.

⁹⁸ О термине «Зенд» см.: Н. Н. Schaefer, *Iranische Beiträge I*, — «Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft», Geisteswissenschaftliche Klasse, № 6, Jahrgang, Hft 5, Halle, 1930, S. 76 ff.; J. C. Tavadia, *Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier*, Leipzig, 1956, S. 5 ff.

⁹⁹ «Индийский» Бундахисх был впервые издан Н. Вестергордом: N. L. Westergaard, *Bundahesch, Liber pehlavicus*, Havniae, 1851. Есть переводы: немецкий — F. Justi (*Der Bundeshesh...*, Leipzig, 1868); английский (лучший пока) — E. W. West (в серии «The Sacred Books of the East», vol. V, Oxford, 1880); «Иранский» (или «Большой») Бундахисх издан в факсимиле Анклесарией, *The Bundahishn*, ed. by Edward Tahmuraz Dinshaji Anklesaria, Bombay, 1908.

¹⁰⁰ «Денкарт» издан дважды: Пешотаном Санджана (Peshotan Dustoor Behramjee Sanjana, *The Dinkard. The original pehlevi text*, vol. I—IX, Bombay, 1874—1909; vol. X, Leipzig, 1907; vol. IX—XIII, London, 1910—1912, текст и английский перевод) и Д. Маданом (D. M. Madan, *The complete Text of the Pahlavi Dinkard*, vol. I—II, Bombay, 1911, — только текст) — См. также английский перевод E. W. West, *Pahlavi Texts*, vol. IV («The Sacred Books of the East», vol. XXXVII, Oxford, 1892).

¹⁰¹ Несколько изданий, в том числе: F. C. Andreas, *The Book of Mainyô-i-Khard*, Kiel, 1882; «*Codices avestici et pahlavici*», vol. V, København, 1935. Перевод: E. W. West, *Pahlavi Texts*, III, *Dinâi Mainôg-Khirad* («The Sacred Books of the East», vol. XXIV, Oxford, 1885).

¹⁰² J. A. Hoshangji and M. Haug, *The Book of Arda Virâf*, London & Bombay, 1872; «*Codices avestici et pahlavici*», vol. I, København, 1931; vol. II, 1932; французский перевод: A. Barthélemy, *Artâ Virâf Nâmak ou Livre d'Arda Virâf*, Paris, 1887; русский перевод отрывков этого текста см. К. Залеман, *Очерк древнеперсидской литературы* (в кн. «Всеобщая история литературы», под ред. В. Ф. Корша, I, 1, СПб., 1880).

¹⁰³ Новейшее издание с ненадежным английским переводом: S. J. Bulsara, *The Laws of the Ancient Persians as Found in the «Matikan e hazar*

datestan» or «*The Digest of a Tsousand Points of Law*», Bombay, 1937. Важны: Chr. Bartholomae, «*Ueber ein sasanidisches Rechtsbuch*», — Sb. d. Heidelberger AW, Phil.-hist. Kl., 1910, 11, Abh., Ss. 1—25; «*Zum sasanidischen Recht*», I—V, Sb. d. Heidelberger AW, 1918, 1920, 1923; «*Die Frau im sasanidischen Recht*», — «*Kultur und Sprache*», Bd 5, Heidelberg, 1924. Факсимиле памятника см. J. J. Modi, *Mādigān-i-Hazār Dādistan*, Poona, 1901.

¹⁰⁴ Peshotan Sanjana, *Ganjeshāyagān*, Bombay, 1885; Jamasp Asana, *Pahlavi Texts*, II, Bombay, 1913; A. Freiman, *Pand-nūmak i Zaratušť*, — WZKM, Bd XX, 1906, pp. 149—166; 237—280.

¹⁰⁵ Несколько бомбейских изданий (P. Sanjana, 1896; Antiā, 1902). См. также: H. S. Nyberg, *Hilfsbuch des Pehlevi*, I, Uppsala, 1928; немецкий перевод: Th. Nöldeke, *Geschichte des Artachšir i Pāpakān*, — «*Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*», IV, Göttingen, 1878.

¹⁰⁶ J. J. Modi, *The Cities of Iran as described in the Old Pahlavi Treatise of Shat-rōihā-i-Irān*, — JBBRAS, vol. XX, 1899, № LV, p. 156 sq.; «*Shat-rōihā-i Airān*», — «*Pahlavi Texts*», ed. by J. Asana, Bombay, 1897; E. Blochet, *Liste géographique des villes de l'Iran*, — «*Recueil de travaux, relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*», Paris, 1895; J. Markwart, *A Catalogue of the Provincial Capitals of Erānšahr*, ed. by G. Messina, — «*Analecta Orientalia*», t. 3, Roma, 1931; J. C. Tavadia, — OLZ, 1926, Sp. 883 ff.

¹⁰⁷ См.: В. Розен, *К вопросу об арабских переводах Худай-наме*, — «*Восточные заметки*», СПб., 1895, стр. 153—191; Th. Nöldeke, *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden*, Leyden, 1879, Ss. XIV ff.; Th. Nöldeke, *Iranisches Nationalepos*, — Gr. d. Ir. Ph., II, 1896—1904, Ss., 141 ff.; A. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, I ed., Paris, 1936, p. 53 et suiv.

¹⁰⁸ J. Darmesteter, *Lettre de Tansar au roi de Tabaristan*, — JA, 1894, pp. 200 et suiv., 502 et suiv.; M. Minovi, *Tansar's Epistle to Goshnasp*, Teheran, 1932 (издание, базирующееся на более древней рукописи и более полное). См. также М. Боусе, *The Indian Fables in the Letter of Tansar*, — «*Asia Major*», N. S., vol. V, 1955, № 1, pp. 50—58.

¹⁰⁹ A. Christensen: «*Two Versions of the History of Mazdak*», — «*Dr. Modi Memorial Volume*», Bombay, 1930, pp. 321—330; «*Romanen om Bahram Tschobin*», — «*Studier fra Sprog og Oldtidsforskning*», København, № 75.

¹¹⁰ Ibn-Wādhīh qui dicitur al-Ja'qubī, *Historiae*, vol. I—II, ed. M. Th. Houtsman, Lugduni Batavorum, 1883.

¹¹¹ Abū Hanīfa ad-Dīnawerī, *Kitāb al-aḥbār at-tiwāl*, publié par V. Guirgass, Leide, 1888; Abū Hanīfa ad-Dīnawerī, *Kitāb al-aḥbār at-tiwāl*, préface, variantes et index publiés par I. Kratchkovsky, Leide, 1912.

¹¹² «*Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis edidit M. J. de Goeje*», I—III series, Lugduni Batavorum, 1879—1900; Indices, 1901; Introductio, Glossarium, Addenda et Emendanda, 1901. Переиздание: т. I—13, Каир, 1325/1907—1908. Немецкий перевод части, относящейся к Сасанидам, с превосходными комментариями см.: «*Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden*», Aus der arabischen Chronik von Tabari übersetzt von Th. Nöldeke, Leyden, 1879.

¹¹³ Maçoudi, *Les prairies d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard, t. I—IX, Paris, 1861—1877 (особенно том II). «*Kitāb at-tanbīḥ*» издание де Гье: «*Kitāb at-tanbīḥ wa'lischraḥ auctore al-Masūti*», ed. M. J. de Goeje, — «*Bibliotheca Geographorum Arabicorum*», VIII, Lugduni Batavorum, 1894; французский перевод: Maçoudi, *Le Livre de l'Avertissement et de la Revision*, traduction par B. Carra de Vaux, Paris, 1896.

¹¹⁴ Hamzae Ispahanensis, *Annalium*, Libri X, edidit J. M. E. Gottwaldt, t. I, Textus arabicus; t. II, Translatio latina, Petropoli — Lipsiae, 1844—1848; «*Ta'riḥ sinī mulūk al-arḍ wa-l-anbiyā ta'liḥ Ḥamza ibn al-Ḥasan al-Isfahāni*», Berlin, [1922].

¹¹⁵ «Histoire des Rois des Perses par Aboû Mansoûr 'Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il al-Tha'âlibi». Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg, Paris, 1900.

¹¹⁶ Ни одно из современных изданий не может считаться полностью удовлетворяющим научным требованиям. Лучшее издание: «Firdusii Liber Regum qui inscribitur Schahname...», t. I (1877), t. II (1879), t. III (1884), Lugduni Batavorum (J. A. Vullers), но оно доведено лишь до Александра Македонского. Наиболее употребительно издание J. Mohl et C. Barbier de Meynard в семи томах с параллельным французским переводом, Paris, 1837—1878. В юбилейном издании, вышедшем в Иране в 1934—1936 гг. в десяти томах, есть ряд существенных недостатков. Есть полный английский перевод A. G. & E. Warner, *The Shâhnâma of Firdousi*, vol. I—IX, London, 1905—1923. См. также T. Nöldeke, *Iranisches Nationalepos*, — Gr. d. Ir. Ph., II, 1896—1904, S. 141 ff. — Подробное изложение содержания Шах-наме на русском языке см.: М. Дьяконов, *Фердоуси, жизнь и творчество*, М., 1940, гл. III; И. С. Брагинский, *Из истории таджикской народной поэзии*, М., 1936, стр. 275 и сл.

¹¹⁷ «Liber expugnacionis regionum, auctore Imâmo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Belâdsorî», ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.

¹¹⁸ Подробную библиографию см.: A. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, 2 éd., Copenhagen, 1944.

¹¹⁹ См. также прим. 107.

¹²⁰ См. прим. 82.

¹²¹ «Ammiani Marcellini quae supersunt, cum notis integris Fr Lindenbergii...», ed. J. A. Wagner, I—III, Leipzig, 1908. — Есть хороший русский перевод: Аммиан Марцеллин, *История*, пер. с лат. Ю. Кулаковского и А. Соини, т. I—III, Киев, 1906—1911.

¹²² «Procopii Caesarensis Opera omnia», recognovit L. Haury, I—II. Lipsiae, 1905—1906.

¹²³ «Historici graeci minores», ed. L. Dindorfius, vol. II, Lipsiae, 1871.

¹²⁴ Joannes Malalae, *Chronographia*, Bonn, 1831.

¹²⁵ «Historici graeci minores», ed. L. Dindorfius, vol. II, Lipsiae, 1871.

¹²⁶ Theophylacti Symocattae, *Historia*, ed. de Boor, Leipzig, 1887. Русский перевод: Феофилакт Симокатта, *История*, М., 1957.

¹²⁷ «Theophanes», ed. de Boor, I—II, Lipsiae, 1880.

¹²⁸ К. П. Патканов: «Очерки истории древне-армянской литературы», — «Всеобщая история литературы» под редакцией В. Корша, т. I, СПб., 1880; «Опыт истории династии Сасанидов по армянским источникам», СПб., 1866. (Есть французский перевод, — JA, 1866). М. Абегиан, *История древнеармянской литературы*, I, Ереван, 1946; См. еще: V. Langlois, *Collection des Historiens de l'Arménie*, vol. I—II, Paris, 1867—1869.

¹²⁹ Издан К. П. Паткановым, СПб., 1883. Русский перевод М. Геворгяна: Фавст Бузанд, *История Армении*, Ереван, 1953. Есть французский и немецкий переводы (Langlois, Lauer).

¹³⁰ Изданы в Венеции в 1859 г. Новое издание 1903. См. V. Langlois, *Collection des Historiens*, vol. II, p. 177 et suiv. См. еще N. Akinian, *Elisäus Wardapet und seine Geschichte des Armenischen Krieges*, Bd I, Wien, 1932.

¹³¹ Издание Т. Тер-Мкртчяна и С. Малхасяна, Тбилиси, 1904.

¹³² Издание Т. Тер-Мкртчяна и С. Канаянца, Тбилиси, 1909.

¹³³ Издавался несколько раз мхитаристами в Венеции (последнее издание 1914 г.). Французский перевод — Vaillant de Florival, Paris, 1853; немецкий перевод — J. M. Schmid, *Eznik, Wider die Sekten*, Wien, 1900. Русский перевод Г. Эзова: Езник, *Опровержение ересей*, — «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1858, № 4, стр. 15 и сл.

¹³⁴ Издание К. П. Патканова, Пг., 1879. Русск. пер. С. Малхасяна: «История епископа Себеоса», Ереван, 1939.

¹³⁵ Сейчас крупнейшие авторитеты (например, акад. И. А. Орбели) считают, что в основе дошедшей до нас версии лежит сочинение V, может быть, — начала VI в. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой это сочинение написано не раньше IX—X вв. (акад. Я. А. Манандян, А. Кристенсен и др.). См. Г. Халатьянц: «Армянский эпос в „Истории Армении“ Моисея Хоренского», М., 1896; «Армянские Аршакиды», М., 1903; Я. А. Манандян, «Начальная история Армении» Мар-Абаса, — «Палестинский Сборник», вып. 2, 1956, стр. 69—86; J. Marquart: «*Untersuchungen zur Geschichte von Ērān*», II, Göttingen, 1896—1905, S. 235; «*Die Genealogie der Bagratiden und das Zeitalter des Mar Abas und Ps. Moses Khorenac'i*», — «Caucasica», 1930, Ss. 10—77. Издание М. Абелян и С. Арутюнян, Тбилиси, 1913, русский перевод Н. Эмина, М., 1893; ср. N. Akinian, *Moses Khorenatzi*, — WZKM, XXXVII, 1930, S. 204 ff.; A. Christensen, *L'Iran sous les Sasanides*, pp. 73, 74.

¹³⁶ J. Marquart, *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Khorenac'i*, Berlin, 1901.

¹³⁷ Гевонд, Фома Арцруни, «История агван» Моисея Каганкатуйского и др.

¹³⁸ «The Chronicle of Joshua the Stylite», composed in Syriac A. D. 507, with a translation into English and notes by W. W. Wright, Cambridge, 1882. — Есть более раннее издание и французский перевод P. Martin, Leipzig, 1876. Большое исследование о Иешу Стилите и полный перевод хроники на русский язык см. Н. В. Пигулевская, *Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита, как исторический источник*. — «Труды Института востоковедения», т. XXXI, М.—Л., 1940.

¹³⁹ L. Hallier, *Untersuchungen über die Edessenische Chronik, mit dem syrischen Texte und einer Uebersetzung*, Leipzig, 1892; «Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptores Syr.», ser. III, t. IV, № 1, Paris, 1903.

¹⁴⁰ A. Mingana, *Sources syriaques*, I, Paris, 1907 (текст и франц. перевод); P. Peeters, *Le «Passionnaire d'Adiabène»*, — *Analecta Bollandiana*, 43, 1925, p. 302 et suiv.; G. Messina, *La Cronaca di Arbela*, — «La Civiltà Cattolica», 83, (III), 1932.

¹⁴¹ Издана I. Guidi («Actes du VIII-e Congrès internationale des orientalistes à Stockholm», 1889). См. Th. Nöldeke, *Die von Guidi herausgegebene syrische Chronik*, — «Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie in Wien, Philologisch-Historische Klasse», CXXVIII, Wien, 1893. См. еще Н. В. Пигулевская, *Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов*, — «Записки Института востоковедения АН СССР», т. VII, 1939, стр. 55.

¹⁴² E. Sachau, *Syrische Rechtsbücher*, Berlin, 1914.

¹⁴³ P. Bedjan, *Acta martyrum et sanctorum*, vol. II et IV, Paris, 1891, 1894; G. Hoffmann, *Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer*, Leipzig, 1880; O. Braun, *Ausgewählte Akten persischer Märtyrer*, Leipzig, 1880; O. Braun, *Ausgewählte Akten persischer Märtyrer*, München, 1915.

¹⁴⁴ S. Beal, *Buddhist Records of the Western World*, II, London, 1906.

¹⁴⁵ O. Reuther, F. Kimball, L. C. Watelin, *Sāsānian Architecture*, — SPA, vol. I, 1938, pp. 493—592. — Дворец в Фирузабаде хорошо известен со времен М. Дьелафуа (M. A. Dieulafoy, *L'Art antique de la Perse*, Paris, 1884). О. Шуази в своей «Истории архитектуры» ошибочно относит фирузабадский дворец к более раннему времени (см. русск. изд., М., 1935, т. I, стр. 129 и сл.). См. SPA, vol. I, 1938, p. 493 sq., особенно pp. 534—536.

¹⁴⁶ SPA, I, 1938, p. 493 sq., особенно fig. 133, 134, 142, 152.

¹⁴⁷ SPA, I, 1938, p. 493 sq., особенно fig. 155 и SPA, IV, 1938, pl. 149—152.

¹⁴⁸ O. Reuther und E. Kühnel, *Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon Expedition, 1928—1929, 1931—1932*, Berlin, 1930, 1932.

¹⁴⁹ SPA, I, p. 493 sq., особенно fig. 153, 154, 158.

¹⁵⁰ R. Ghirshman, *Les fouilles de Châpour*, — RAA, X, 1936, 3; XII, 1938, 1; G. Salles, *Nouveaux documents sur les fouilles de Châpour*, — RAA, XIII, 1939—1942, pp. 93—100.

¹⁵¹ SPA, I, p. 579 sq.

¹⁵² Fr. Sagge, *Sāsānian Stone Sculpture*, — SPA, I, pp. 593—600.

¹⁵³ Была попытка (K. Erdmann) пересмотреть датировку Так-и Бустана, однако она успеха не имела, и в настоящее время принята традиционная дата — время Хосрова II.

¹⁵⁴ Ph. Ackerman, *Textiles through the Sasanian Period*, — SPA, I, 1938, pp. 681—715.

¹⁵⁵ И. Орбели и К. Тревер, *Сасанидский металл*, Л., 1935; К. В. Тревер, *Новые сасанидские блюда Эрмитажа*, Л., 1937; К. В. Тревер, *Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии*, — ТОВЭ, IV, Л., 1947, стр. 119—133; О. Н. Бадер и А. П. Смирнов, «Серебро Закамское», *первых веков нашей эры*. — «Труды Государственного Исторического Музея», вып. XIII, М., 1954; А. П. Смирнов, *Новая находка восточного серебра в Приуралье*, — Труды ГИМ, вып. XXV, М., 1957.

¹⁵⁶ Г. В. Григорьев, *Городище Тали-Барзу, Краткий очерк*, — ТОВЭ, II, 1940, стр. 87—104.

¹⁵⁷ В. А. Шишкин: «Исследование городища Варахша и его окрестностей», — КСИИМК, X, 1941, стр. 3—15; «Варахша», — СА, XXIII, 1955, стр. 101—130; «Архитектурная декорация дворца в Варахше», — ТОВЭ, IV, 1947, стр. 225—292. См. также «Искусство», № 5, 1938, стр. 148 и сл.

¹⁵⁸ С. П. Толстов: *Древний Хорезм*, М., 1948; *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М., 1948.

¹⁵⁹ «Труды Таджикской Археологической экспедиции», т. I—III, МИА СССР, № 15, 37 и 66; «Живопись древнего Пянджикента» под ред. А. Ю. Якубовского и М. М. Дьяконова, М., 1954; М. М. Дьяконов, *У истоков древней культуры Таджикистана*, Сталинабад, 1956.

Часть I

ДРЕВНЕЙШИЙ ИРАН. — ИРАН ПОД ВЛАСТЬЮ АХЕМЕНИДОВ

¹ Хороший обзор физической географии Ирана см.: Д. Л. Арманд, Б. Ф. Добрынин, Ю. К. Ефремов, *Зарубежная Азия. Физическая география*, М., 1956; R. Blanchard, *Asie Occidentale*, *Geographie universelle*, publiée sous la direction de P. Vidal de la Blache et L. Gallois, t. VIII, Paris, 1929; W. Geiger, *Geographie von Iran*, — Gr. d. Ir. Ph., II, S. 323 ff.; F. Justi, — Gr. d. Ir. Ph., II, S. 605 ff.

² M. v. Oppenheim, *Tell-Khalaf*, London, 1932.

³ Ср. Гордон Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, стр. 162 и сл.

⁴ L. Le Breton, *The Early Periods at Susa, Mesopotamian Relations*, — «Iraq», XIX, 1957, 2, p. 79 ff.

⁵ В. М. Массон, *Первобытно-общинный строй на территории Туркмении*, — «Труды ЮТАКЭ», VII, 1956, стр. 233 и сл.

⁶ E. Herzfeld and Arthur Keith, *Iran as a Prehistoric Centre*, — SPA, I, 1938, p. 42 ff. и см. примечания 5—9 к Введению.

⁷ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, London and New York, 1941, p. 10 ff.; p. 94 ff.

⁸ Д. Д. Букинич: «История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области, в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства», — «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 92 и сл.; «Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе», — «Туркменоведение», 1929, № 5.

⁹ А. Марущенко: «У истоков культуры. Следы протонеолитических культур в Каракумах», — «Туркменоведение», 1931, № 7—9; «Анау. Историческая справка», — «Архитектурные памятники Туркмении», вып. 1, Москва — Ашхабад, 1939.

¹⁰ Г. В. Григорьев, *Находка мустьерского остроконечника в Самарканде*, — КСИИМК, VIII, 1940, стр. 89.

¹¹ С. П. Толстов: «Основные вопросы древней истории Средней Азии», — ВДИ, 1938, № 1, стр. 176 и сл.; «Древности Верхнего Хорезма», — ВДИ, 1941, № 1, стр. 155 и сл.; «Древний Хорезм», М., 1948; «По следам древнехорезмийской цивилизации», М., 1948; «Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма», — ВДИ, 1946, № 1, стр. 60 и сл.; ср. также его предварительные отчеты Хорезмской экспедиции за 1952—1955 гг. — ВДИ, 1953, № 1, стр. 160 и сл.; 1953, № 2, стр. 154 и сл.; № 3, стр. 192 и сл.; «Советская этнография», 1955, № 6, стр. 89 и сл.; С. П. Толстов, *Итоги 20 лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*, — «Советская этнография», 1957, № 4, стр. 31 и сл.

¹² А. И. Тереножкин: «Археологические разведки в Хорезме», — СА, VI, 1940, стр. 168 и сл.; «Археологические находки в Таджикистане», — КСИИМК, XX, 1948, стр. 74—77; «Согд и Чач», — КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 152 и сл.

¹³ Б. А. Куфтин: «Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению „культур Анау“», — «Известия АН Туркм. ССР», 1954, № 1, стр. 22 и сл.; «Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ», — «Труды ЮТАКЭ», VII, 1956, стр. 260 и сл.

¹⁴ М. Е. Массон: «Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года», — «Труды ЮТАКЭ», II, Ашхабад, 1953, стр. 7 и сл.; «Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.», — «Труды ЮТАКЭ», V, Ашхабад, 1955, стр. 197 и сл.

¹⁵ А. Ю. Якубовский, *Согдийская экспедиция*, — КСИИМК, XXI, 1947, стр. 34 и сл.; см. также «Труды Согдийско-Таджикской (т. I, Таджикской — т. II) археологической экспедиции (МИА СССР, т. XV и XXXVII)» под ред. А. Ю. Якубовского, М. — Л., 1950—1953.

¹⁶ Б. А. Литвинский: «Намазга-тепе», — «Советская этнография», 1952, № 4, стр. 30 и сл.; «Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк)», — «Труды АН Тадж. ССР», т. XXVI, Сталинабад, 1954; «Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г.», — «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», Сталинабад, 1956, стр. 27 и сл.

¹⁷ Я. Г. Гулямов, *Археологические работы к западу от Бухарского оазиса*, — «Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР», VIII, Ташкент, 1956, стр. 149 и сл.

¹⁸ М. М. Дьяконов: «Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.)», — МИА СССР, т. XXXVII, 1957, стр. 253 и сл.; «Перспективы археологического изучения Таджикистана», — «Труды Таджикского филиала АН СССР», т. XXIX, стр. 19 и сл. (1951); «Археология Средней Азии», — «Вестник АН СССР», № 8, 1948; «Сложение классового общества в Северной Бактрии», — СА, XIX, 1954, стр. 121 и сл.

¹⁹ В. М. Массон: «Первобытно-общинный строй на территории Туркмении», — «Труды ЮТАКЭ», VII, 1956, стр. 233 и сл.; «Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина», — там же, стр. 291 и сл.; «Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-западной Туркмении», — там же, стр. 385 и сл.; «Древнеземледельческие племена южного Туркменистана в их связи с Ираном и Индией», — ВДИ, 1957, № 1, стр. 34 и сл.; «Джейтун и Кара-тепе», — СА, 1957, № 1, стр. 143 и сл.; «Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии», — СА, 1957, № 4, стр. 44 и сл.; и др.

²⁰ См.: D. A. E. Garrod, *The Palaeolithic of Southern Kurdistan*, — «Bull. of American School of Prehistoric Research», № 6, 1930; H. Field, — *AJSL*, LI, 1934—1935. — В этих статьях идет речь о случайных находках мустьерского и ориньякского инвентаря. Ср. также C. S. Coon, *Cave Excavations in Iran 1949*, Philadelphia, 1951.

Для палеолита Средней Азии см.: А. П. Окладников: «Древнейшее прошлое Туркменистана», — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм.ССР», I, Ашхабад, 1956; «Об исследовании памятников каменного и бронзового века в Таджикистане летом 1954 года», — «Труды АН Тадж. ССР», т. XXXVII, Сталинабад, 1957, стр. 7 и сл.; сб. «Тешикташ», — «Труды Научно-исследовательского института антропологии Моск. Гос. университета», М., 1949.

²¹ C. Coon: «Cave Excavations in Iran, 1949», Philadelphia, 1951; «Excavations of Hotu Cave, Iran», — «Proceedings Amer. Philos. Soc.», 96, № 3, 1951; «Seven Caves», London, 1957.

²² К этому времени можно отнести раннее поселение Сиалка (R. Ghirshman, *Fouilles de Sialk*, I, Paris, 1939) и древнейшие слои раннеземледельческих поселений Хузистана (L. Le Breton, *Note sur la céramique peinte aux environs de Suse*, MDP, XXX, 1947, стр. 118—219; L. Le Breton, *Early Periods at Susa*, — «Iraq», XIX, 2, 1957, стр. 82—94).

²³ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 10. [Э. Герцфельд преувеличивал древность этого поселения. — *Ред.*]

²⁴ E. Herzfeld and A. Keith, — *SPA*, I, p. 42 sq.: «Каспи четвертого и пятого тысячелетий были не только земледельцами, но, вероятно, первоначальными земледельцами».

²⁵ А. А. Иессен, *Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии*, — *ТИК*, стр. 91 и сл.; А. А. Иессен и Б. Е. Деген-Ковалевский, *Из истории древней металлургии Кавказа*, — *ИГАИМК*, 120, М.—Л., 1935. См. еще Б. Б. Пиотровский, *Урартские бронзовые статуэтки Эрмитажа*, — *ТОВЭ*, I, 1939, стр. 45 и сл.

²⁶ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, pp. 110—111.

²⁷ *SPA*, I, p. 47. — О вероятных связях эламского языка с дравидскими см. В. С. Воробьев-Десятовский, *К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков*, — «Советское востоковедение», 1956, № 1, стр. 100 и сл.

²⁸ F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, Leipzig, 1907, S. 172, XIII; И. М. Дьяконов, *История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 102 и сл. — Высказывалось мнение, что Ану-банини не аккадское, а «эламо-каспийское» имя.

²⁹ Рельеф Ану-банини у Сар-и Пуля см.: J. de Morgan, *Mission scientifique en Perse*, Angers, 1896, pl. IX; J. de Morgan et V. Scheil, — *MMAS*, XIV, p. 9 fol.; E. Herzfeld, *Am Tor von Asien*, Berlin, 1920, p. 3 ff. См. также Введение, прим. 19.

³⁰ И. М. Дьяконов, *История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 59 и сл., 104 и сл.

³¹ A. Ungnad, *Subartu, Beiträge zur Kulturgeschichte und Völkerkunde Vorderasiens*, Berlin, 1936. — А. Унгнад считает, что Телль-Халаф является поселением субарейской культуры. О субарейцах и хурритах см. еще: Б. Грозный, *Доисторические судьбы Передней Азии*, — *ВДИ*, 1940, № 3—4, стр. 33 и сл.; о работах О. Götze, E. A. Speiser, W. Brandenstein, A. Ungnad, см. J. Friedrich, — *ZDMG*, Bd 91, S. 204 ff. Ср. также: E. A. Speiser, *Mesopotamian Origins*, Philadelphia, 1930; E. A. Speiser, *Hurrians and Subarians*, — *JAOS*, vol. 68, 1948, № 1, pp. 1—13; И. М. Дьяконов, *О языках древней Передней Азии*, — «Вопросы языкознания», 1954, № 5, стр. 52 и сл.; G. Hüsing, *Der Zagros und seine Völker*, — «Der Alte Orient», IX, 1908, № 3—4.

³² Обзор истории Элама см.: G. G. Cameron, *History of Early Iran*, Chicago, 1936; «Reallexikon der Assyriologie», II, Berlin—Leipzig, 1938,

s. v. Elam (F. W. König, V. Christian, E. Unger); «Reallexikon der Vorgeschichte» hrsg. von M. Ebert, III, 1925, s. v.—Памятники см. в серии французской археологической миссии (ср. Введение, прим. 1). О праве Элама см.: E. Cuq, «Les actes juridiques susiens», — RA, XXVIII, 1931, № 2, pp. 43—74; «Le droit élamite», — RA, XXXIX, 1932, № 41, pp. 149—183.

³³ Создателей луристанской бронзы отождествляет с касситами В. Ф. Минорский (V. Minorsky, *The Luristan Bronzes*, — «Apollo», XIII, 1931, p. 141 sq.) См. русский перевод: В. Ф. Минорский (*Луристанские бронзы*, — ВДИ, 1959, № 1, стр. 220—222) и И. М. Дьяконов (*История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 130); Ф. Аккерман (Ph. Ackerman, *The Luristan Bronzes*, New York, 1940) не решается сделать какое-либо отождествление. Р. Гиршман (R. Ghirshman, *Iran*, p. 105 sq.) датирует луристанские бронзы началом I тысячелетия до н. э. и считает их создание результатом напластования культуры иранских кочевников (киммерийцев и скифов) на местную культуру.

³⁴ См., например, F. Delitzsch, *Die Sprache der Kossäer*, Leipzig, 1884, S. 25. — Принадлежность имен касситских богов к числу индоевропейских берется под решительное сомнение многими исследователями, например И. М. Дьяконовым (И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 122) и еще более — Балканом (K. Balkan, *Die Sprache des Kassiten*, *Kassitenstudien I*, — «American Oriental Series», vol. 37, New Haven, 1954).

³⁵ Эти надписи собрал и издал S. Langdon, *Some Inscriptions*, — SPA, I, p. 281 sq. Они относятся ко времени с XXVII по VI вв. до н. э. и не могут служить решающим материалом для датировки всей группы памятников в целом. В большинстве своем они находятся на предметах привозных (оружие, бронзовые чаши) и нехарактерных для основной массы луристанских бронз.

³⁶ Литература по этому вопросу очень обширна. Можно назвать, например, «Reallexikon der Assyriologie», s. v. «Arier». См. также И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 124.

³⁷ А. Мейе, *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков* (русс. пер.), М.—Л., 1938, стр. 106, 107.

³⁸ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, pp. 3—10.

³⁹ H. Field, *Contributions to the Anthropology of Iran*, Chicago, 1939 («Field Museum Anthropological Series», XXIX, 1, 2).

⁴⁰ E. Herzfeld and A. Keith, — SPA, I, p. 42 sq.

⁴¹ E. Meyer, *Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache*, — «Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachenkunde», 42, 1908, S. 14 ff.

⁴² E. Herzfeld und A. Keith, — SPA, I, p. 57.

⁴³ За исключением небольшого числа найденных позже текстов, все надписи ассирийских царей собраны (в переводе) в книге: D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, vol. I—II, Chicago, 1926. Там же библиография изданий. Отдельные указания ассирийских текстов о походах на Иранское нагорье и их библиографию см. в книге: И. М. Дьяконов, *История Мидии*. На русском языке ряд относящихся сюда надписей с подробным комментарием издан также в работе: И. М. Дьяконов, *Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту*, — ВДИ, 1951, № 2—4. Важные данные по географии первых ассирийских походов см. у. Е. А. Speiser, *Southern Kurdistan in the Annals of Ashurnasirpal and Today*, — AASOR, vol. VIII, 1928, p. 1 sq.

⁴⁴ Нимрудская надпись Адад-нирари III (H. Rawlinson, *Cuneiform Inscriptions of Western Asia, I*, London, 1861, pl. 35, № 1; D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria...*, I, § 739). Упоминаемое здесь «море восхода» может быть Каспийским морем, так как встречающаяся среди завоеванных областей страна Андия; возможно, находилась уже в нижней части долины Сефидруда (см. M. Streck, *Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Kei-*

linschriften, — ZA, XXV, стр. 316). Штрек помещает Андию «...к востоку от озера Урмии, где-нибудь на территории, расположенной между Тавризом, Мерагой и Мианэ». О количестве походов Адад-нирари III см. «Reallexikon der Assyriologie», Bd II, s. v. Eponymen, Ss. 428—429.

⁴⁵ После составления Нимрудской надписи, согласно которой ассирийцы уже довольно далеко продвинулись в Мидию, они совершили в глубь Ирана в течение правления Семирамиды и Адад-нирари III еще пять походов. Согласно Ктесию (Диодор, II, 3—19, и другие), Семирамида завоевала даже Бактрию, однако столь далекое проникновение ассирийцев весьма маловероятно. Бактрийский лазурит ассирийцы считали, по-видимому, происходящим из-под Демавенда (см. P. Rost, *Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III*, Bd I, Leipzig, 1893, «Platteninschrift aus Nimrud № 2», строки 26—28: Демавенд-KURBi-ik-ni; подробнее и в так называемой «Thontafelinschrift», там же, стр. 66, лицевая сторона, строки 42—44). Однако ср. письмо, переведенное и комментированное И. М. Дьяконовым (*Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту*, — ВДИ, 1951, № 2, стр. 355, № 41-ж = R. Harper, *Assyrian and Babylonian Letters*, London, 1892, № 1240), из которого, возможно, следует, что отдельные агенты ассирийского царя проникали в Бактрию, в лазуритовые копи Бадахшана.

⁴⁶ Об этих реформах см. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, Л., 1949, стр. 85 и сл.

⁴⁷ Madâi dannûti ša nîpîh šamši, P. Rost, *Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III*, S. 66, Z. 42 и ряд других мест.

⁴⁸ См., например: E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 213, fig. 324; И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 155, 166, 168, 187, 190, 211, 269, рис. 30, 32—35, 39, 48.

⁴⁹ Форма Paritakânu встречается в новонайденной надписи Асархаддона (см. A. Heidel, *A new hexagonal Prism of Esarhaddon*, — «Sumer», vol. VII, 1956, № II—2, p. 9 sq).

⁵⁰ Herod., I, 101. — Как указал мне И. М. Дьяконов, быть может, имя будиев следует видеть в хронике Асархаддона (см. S. Smith, *Babylonian Historical Texts Relating to the Capture and Downfall of Babylon*, London, 1924, p. 12).

⁵¹ О магах см. ниже, стр. 65, 86 и сл.

⁵² По мнению И. М. Дьяконова (*История Мидии*, стр. 177), рассказ Геродота относится к периоду после походов Семирамиды и Адад-нирари III и до походов Тиглатпаласара III, т. е. к 788—745 гг. до н. э.

⁵³ *Annals of the Kings of Assyria*, I, London, 1902, p. 323: «серебро, золото, свинец, бронза, бронзовые сосуды, ткани, пестротканые одежды, кони, крупный и мелкий рогатый скот, вино».

⁵⁴ Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, — ВДИ, 1953, № 1—4, 1954, № 1; Н. В. Арутюнян, *Хорхорская летопись Аршишти I*, — «Эпиграфика Востока», т. VII, 1953, стр. 81 и сл.

⁵⁵ Геродот, I, 96 и сл. — Впрочем, судя по Диодору Сицилийскому (II, 32), в первоначальном тексте Геродота место Дейока, может быть, занимал Киаксар (I); в дошедшем до нас тексте Геродота упоминается только один Киаксар (II), завоеватель Ассирии (прибл. 625—585 гг. до н. э.). См. прим. 68.

⁵⁶ Библия, IV Книга Царей, 17, 6.

⁵⁷ Текст описания восьмой кампании Саргона II: F. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon II*, Paris, 1912.

⁵⁸ D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, vol. II, § 352 (Синаххериб). — Возможно, впрочем, что Парсуаш=Персида упоминается в ассирийских надписях уже более чем столетием раньше, при Шамши-Ададе V (см. O. Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur historischen*

Inhalts, Bd II, Leipzig, 1921, S. 142; И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 224, прим. 5).

⁵⁹ E. G. Klauber, *Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit*, Leipzig, 1913; J. A. Knudtzon, *Assyrische Gebete an den Sonnengott*, Leipzig, 1893, тексты 1 и 2. См. также тексты 3—25.

[Недавно в Кальху (Ассирия) были найдены тексты присяг зависимых правителей Асархаддону в связи с назначением его сына Ашшур-бан-апли наследником престола (672 г.). Среди них есть и присяги восточномидийских вождей, в связи с чем общее восстание мидян следует, возможно, датировать не 673 г., а 672 г. до н. э. Подробнее о ходе восстания см. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 257 и сл. — *Ред.*]

⁶⁰ Эту политику ассирийских царей можно проследить начиная с царствования Тиглатпаласара III.

⁶¹ Геродот, I, 102.

⁶² J. A. Knudtzon, *Assyrische Gebete an den Sonnengott*, текст 29; D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, vol. II, § 786 и § 51—54 (Ашшур-бан-апли).

⁶³ Мидию надо, по-видимому, понимать под Гутиумом текстов Ашшур-бан-апли.

⁶⁴ См. прим. 58 и 138.

⁶⁵ Попытка сопоставить и примирить данные Геродота и Ктесия потерпела неудачу; F. Justi, — *Br. d. Ir. Ph.*, Bd II, S. 406, Anm. 9. См. Ctesiae fragmenta, De rebus medorum, p. 41, ff.

⁶⁶ Геродот I, 96 и 97. Описание акрополя Экбатан см. Геродот, I, 98. — Э. Герцфельд считает это описание фантастичным и традиционным и пишет: «Настоящее описание Экбатан сохранилось у Полибия, X, 27, 6, который дает его в связи с кампанией Антиоха Великого в 209 г. до н. э. Однако же в действительности это описание относится к более раннему, позднеахеменидскому периоду жизни города» (E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 200). Мнение Э. Герцфельда связано с его общим скептическим взглядом на известия Геродота; вполне возможно согласование описания Экбатан у последнего с более поздним описанием Полибия.

⁶⁷ Геродот, I, 101—102.

⁶⁸ Может быть, Киаксар I Диодора, который в данном случае следовал Геродоту и Ктесию, был сыном Дайукку, взятого в плен ассирийцами в 715 г. до н. э. По Диодору (II, 32), царствование его началось во втором году 17 Олимпиады (714 г. до н. э.). Камерон (G. G. Cameron, *History of Early Iran*, p. 232) отождествляет как Фраорта Геродота, так и Киаксара Диодора с мидийским вождем Хшатритой и в соответствии с этим строит свою хронологическую таблицу:

Дейок = Дайукку, ок. 715 г. до н. э.

Фраорт = Хшатрита, 675—585 гг.

Скифы, 653—625 гг.

Киаксар = Хувахштра 625—585 гг.

Астиаг = Иштуверу, 585—550 гг.

[См. также подробно в кн.: И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 413 и сл., где даются даты: Хшатрита 673—652; скифы 652—625; Киаксар 652 или 625—585; Астиаг 585—550].

⁶⁹ Геродот, I, 104. Перевод Ф. Г. Мищенко здесь и далее, где это не оговорено.

⁷⁰ См. Б. Б. Пиотровский, *История и культура Урарту*, Ереван, 1944, стр. 135.

⁷¹ D. J. Wiseman, *Chronicles of Chaldaean Kings*, London, 1956.

⁷² [Возможно, что это замечание относится к обстоятельствам восстания Шамаш-шум-укина против Ассирии в 653—652 гг. до н. э. — *Ред.*]

⁷³ Геродот, I, 102.

⁷⁴ Геродот, I, 106.

⁷⁵ См. С. J. Gadd, *The Fall of Nineveh*, London, 1923. О падении Ниневии см. строки 38—46. См. также D. J. Wiseman, *Chronicles of Chaldaean Kings*, London, 1956.

^{75a} Библия, Книга Иеремии, LI, 27—29.

⁷⁶ Большой цилиндр Набу-на'ида из Абу-Хаббы, См. S. Langdon, *Neubabylonische Königsinschriften* («Vorderasiatische Bibliothek», Bd 4), Leipzig, 1912, S. 220, Sp. I, 26—27.

⁷⁷ Геродот, I, 103.

⁷⁸ Диодор, II, 2; Николай Дамаскин, FHG, III.

⁷⁹ Судя по тому, что предки Кира были «царями Анчана», по крайней мере часть Элама управлялась династией Ахеменидов, зависимой от мидян. С другой стороны, судя по опубликованной Уайзманом хронике (D. J. Wiseman, *Chronicles of Chaldaean Kings*), в центральной части Элама сохранялось независимое государство. См. также Иеремия, XLIX, 34—39.

⁸⁰ Геродот, I, 74; I, 103.

⁸¹ По Б. Б. Пиотровскому (*История и культура Урарту*, Ереван, 1944, стр. 136, 138; *Кармир-блур*, II, Ереван, 1952, стр. 13), Тейшебаини был разрушен скифами и закавказскими племенами; по Г. А. Меликишвили (*Наири-Урарту, Древневосточные материалы по истории народов Закавказья*, I, Тбилиси, 1954, стр. 415) — закавказскими (грузинскими) племенами, по И. М. Дьяконову (*История Мидии*, стр. 318) — мидянами.

⁸² Геродот, I, 73, 74.

⁸³ Геродот, VII, 73. Большинство ученых на Западе (см., например, САН, II, pp. 13, 14), а в СССР, например, И. М. Дьяконов (*Хетты, фригийцы и армяне*, — Изв. АН Арм.ССР, № 11, 1956, стр. 57 и сл., на арм. яз.) считают армян родственными фригийцам. Иные точки зрения см.: Б. Б. Пиотровский, *О происхождении армянского народа*, Ереван, 1946; Г. А. Капанцян, *Хайаса — колыбель армян*, Ереван, 1947.

⁸⁴ С. Н. Джанашиа, *Иберия и Колхида*, — История СССР, изд. Института истории материальной культуры АН СССР, ч. II, М., 1939 (на правах рукописи), § 11 (стр. 209—215). Иная точка зрения у И. М. Дьяконова, *История Мидии*, стр. 70 и сл.

⁸⁵ См. указ. изд. Геродота, прил. стр. 45 (Ctesias, *Persica*, 29).

⁸⁶ См. Введение, прим. 98.

⁸⁷ Сейчас уже можно считать вопрос о западном или восточном происхождении Авесты решенным. Последним серьезным сторонником западного (мидийского) происхождения Авесты были К. Гельднер и отчасти Э. Герцфельд (см. E. Herzfeld, *Zoroaster and his World*, Princeton, 1947). Западноиранские черты в языке Авесты, отмечавшиеся А. Мейе и П. Тедеско (см. особенно P. Tedesco, *Dialectologie der westiranischen Turfan-Texte*, — МО, vol. XV, 1921, S. 184 ff.), не могут считаться определяющими. В последнее время лингвистами показан ряд признаков, сближающих язык Авесты с восточноиранскими языками, в частности с согдийским и особенно с хорезмийским, известным нам по гораздо более поздним памятникам, а также с современными памирскими языками. См. А. А. Фрейман, *Соғдо-хорезмийские диалектологические отношения*, — «Советское востоковедение», IV, 1947, стр. 157—170; W. B. Henning, *Zoroaster. Politician or Witch-doctor?* London, 1951, p. 43 sq.; O. Szemerényi, *Sogdisms in the Avesta* (в кн.: Fr. Altheim, *Spätantike und Christentum*, Halle, 1953, S. 153—166); G. Morgenstierne, *Indo-Iranian Frontier Languages*, vol. II, Oslo, 1938.

⁸⁸ См. «Sacred Books of the East», XXXVII, pp. 410—418. Следует отметить, что такой выдающийся исследователь Авесты, как Дж. Дармстедтер, выдвигал теорию о позднем происхождении дошедшей до нас Авесты (см. J. Darmesteter, *Le Zend-Avesta*., vol. III, pp. LXXXV sq). Он считал, что доалександровская Авеста, если она и существовала, полностью ут-

ряна и священные книги зороастрийцев составлены при парфиях и сасанидах. В частности, Гаты (см. ниже) написаны, по мнению Дж. Дармстетера, под влиянием гностицизма. Но это мнение в настоящее время отвергается всеми исследователями. К сасанидскому времени относит первую кодификацию Авесты Х. Бэйли (H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems in Ninth-century Books*, Oxford, 1943).

⁸⁹ См. M. Haug, *Essay on Pahlavi*, Pahlavi-Pazend Glossary, Bombay, 1870, p. 145 sq.; ср. H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems in Ninth-century Books*.

⁹⁰ Список и содержание насков дает Дёнкарт, книги 8 и 9 (см. выше, Введение, прим. 100 и ч. III, гл. 11).

⁹¹ См. K. F. Geldner, *Avestaliteratur*, — Gr. d. Ir. Ph., II, § 16—19.

⁹² См.: В. И. Абаев, *Скифский быт и реформа Зороастра*, — «Archiv Orientalní», XXIV, 1956, p. 23 ff.; И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 384 и сл.

⁹³ Так, например, акад. В. В. Струве в ряде работ («Родина зороастризма», — «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 16 и сл.; «Восстание в Маргиане при Дарии I», — ВДИ, 1949, № 2, стр. 21 и сл.); В. И. Абаев, *Скифский быт...*; J. Hertel, *Die Achaemeniden und Kayaniden*, — «Indo-Iranische Quellen und Forschungen», V, Leipzig, 1924 и особенно «Die Zeit Zoroaster», — ibid., I, Leipzig, 1924; E. Herzfeld в ряде работ, особенно «Zoroaster and his World», Princeton, 1947, p. 1 ff.; W. B. Henning, *Zoroaster*.

⁹⁴ См. М. М. Дьяконов, *Сложение классового общества в Северной Бактрии*, — СА, XIX, 1954, стр. 139—140.

⁹⁵ Сводку материала см. A. V. W. Jackson, *Zoroaster*, New York, 1926. К. В. Тревер (*Гопатшах, пастух-царь*, — ТОВЭ, II, 1940, стр. 71—86) считает местом зарождения Авесты Согд. С. П. Толстов (*Древний Хорезм*, М., 1946 и ряд других работ) склоняется к Хорезму. Эту же точку зрения разделяют И. Маркварт, Ф. Андреас, Э. Бенвенист, А. Кристенсен. См. E. Benveniste, *L'Éran-Vež et l'origine légendaire des Iraniens*, — BSOS, vol. VII, 1934, pp. 2, 265—274; A. Christensen, *Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes*, — «Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab», Hist.-filol. Meddelelser, Bd XXIX, № 4, København, 1943. — Старая точка зрения, на которой стояли К. Гельднер, Ф. Юсти, Дж. Дармстетер, помещавшие легендарную родину иранцев — Эран-веж — в Арране, между реками Араксом и Курой, теперь совершенно оставлена. См. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 32 и сл., 380, прим. 1, 390 и сл. В. Б. Хеннинг полагает, что Авеста была создана в области, подчиненной древнехорезмийскому доахеменидскому государству, в долинах Теджена или Мервруда (W. B. Henning, *Zoroaster...*, p. 43 sq).

⁹⁶ Ниже приведен их перечень.

1. Арьянем-Вайджо. К. Гельднер, Ф. Юсти, Дж. Дармстетер — Арран (без достаточных оснований, опираясь лишь на явно сбивчивые данные Бундахишна); В. Гейгер — горные районы верховьев Зеравшана и Ферганы; И. Маркварт, Ф. Андреас, Э. Бенвенист, А. Кристенсен — Хорезм. В советской литературе: К. В. Тревер — Согд, С. П. Толстов — Хорезм. В общем большинство авторитетов сходится на том, что Арьянем-Вайджо, если только эта страна не является мифической, следует искать в пределах Средней Азии, в ее северной части.

2. Гава-Сугда — Согдиана, долина Зеравшана и Кашка-Дарьи.

3. Моуру — Маргиана.

4. Бахди — Бактрия.

5. Нисайя — не Несейская} долина в Мидии, а, по-видимому, между Моуру и Бахди, возможно, район Нисы (совр. Туркменская ССР).

6. Харайва — Арея, область Герата и долины Герируда-Теджена.

7. Вайкрта — некоторыми отождествляется с долиной Кабула (но ср. WYKRT в документах I в. до н. э. из Нисы).

8. Урва — локализация спорная.

9. Вркана — Гиркания.
10. Харахвати — Арахосия.
11. Рага — Восточная Мидия.
12. Хайтумант — долина Хильменда.
13. Чахра — локализация спорная.
14. Варна — локализация спорная.
15. Хапта-хинду — Пенджаб.
16. Рангха — область у большой реки, локализация спорная.

Следует отметить, что существует точка зрения (Э. Бенвенист и другие), согласно которой этот список стран относится ко времени парфянского царя Митридата I (II в. н. э.) и отражает состояние современной ему Парфянской державы. Другие исследователи относят составление I фаргарда Видэвдата к гораздо более раннему времени. Так, например, Э. Блоше определяет время сложения этого текста периодом 405—342 гг. до н. э. (E. Blochet, *La fermeture du Canon de l'Avesta*, — RA, XXI, 1924, № 4, p. 167 et suiv.). По мнению А. Кристенсена, в основе I фаргарда лежит очень старый метрический текст, упоминавший лишь Согдиану, Хорезм, Маргиану, Бактрию и Арею (A. Christensen, *Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes*, København, 1943).

⁹⁷ См.: W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882, Ss. 147, 148; М. М. Дьяконов, *Сложение классового общества в Северной Бактрии*, — СА, XIX, 1954, стр. 140.

⁹⁸ В. Гейгер, подхитивший к материалу несколько предвзято, со стремлением модернизировать общественную жизнь племен, рисуемую Авестой, не мог все же найти в Авесте развитого ремесленного производства (W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*, S. 388).

⁹⁹ Искусственное орошение Авесте известно, однако все упоминания оросительных каналов находятся в Видэвдате и поэтому, вероятно, должны быть отнесены к более позднему времени.

¹⁰⁰ Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904, s. v. «vis».

¹⁰¹ Термин «вис» (viθ-) встречается и в клинописных надписях ахеменидских царей. См. ниже, прим. 193.

¹⁰² Авест. māna-, dāna- (Гаты) продолжается в ср.-перс. mān — «дом», новоперс. хāп-и mān. Ср. др.-перс. māniya-, см. ниже, прим. 192.

¹⁰³ Соответствующий термин в древнеперсидском встречается в сочетании rapu(v)zapa- (Dag. NR a, § 2, Xerx. Pers. a, § 1) «многоплеменный» (или «многолюдный»). Судя по имени «аризанты» (у Геродота), этот термин был распространен в Мидии. В Авесте встречается неоднократно, в сочетании с «вис» и «дахью», см., например, Ясна, 57, 14, где все четыре звена.

¹⁰⁴ Авест. dānu-, dahyu- (Гаты) соответствуют древнеперсидскому dahyu-, выступающему в ахеменидских надписях уже в значении чисто территориальном: «область», «страна».

¹⁰⁵ šōiθga- обычно переводится либо «округа», Bezirk, либо «обработанная земля, нива». Гаты ставят dahyu-, как более крупное объединение, непосредственно вслед за šōiθga-. К šōiθga- принадлежат «воды, земли и растения» (Висперед, 16, 3). См. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 185 и сл.

¹⁰⁶ šayaupa- (этот термин заимствован из парфянского или среднеперсидского в армянский в форме šep), šiti-, корень šī-, šay- — «жить, обитать».

¹⁰⁷ mīpāpōpati- (в том же значении и mīpānya-), vīspati-, zanpati- (в том же значении и zantuma-), dānūhupati- (dahyuma-). (Ср. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 184).

¹⁰⁸ См.: Яшт 10, 18; Висперед, 3, 2; Видэвдат, 7, 41 и др.

¹⁰⁹ См. E. Benveniste, *Les classes sociales dans la tradition avestique*, — JA, CCXXI, fasc. 1, 1932, стр. 117—134.

¹¹⁰ Д³ gavan- — «жрец огня», raḁaištar- — «стоящий на колеснице», vāstryafšuyant- — «доставляющий траву скоту».

¹¹¹ hūti- — «ремесленник», Ясна 19, 17, ср. W. Geiger, *Ostirānische Kultur...*, стр. 479 и сл.

¹¹² vaēsa- (-vāisa-) — только дважды (Видэвдат, 9, 38; 13, 46). Этот термин связан со словом vis- — «род». См. Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, s. v. vaēsa-.

¹¹³ См. тексты Авесты, указанные в прим. 112.

¹¹⁴ sāstar- Яшт 5, 85; 10, 8, 13; 13, 69; 15, 31 и др.: Видэвдат, 19, 6 и др. См. Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, s. v. «Sāstar» — правитель «страны», глава ее вооруженных сил, возможно, и верховный судья.

¹¹⁵ См. Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, s. v. kavay-.

¹¹⁶ См. A. Christensen, *Les Kayanides*, København, 1931.

¹¹⁷ Такие собрания и советы назывались hanjamaṇa- (Видэвдат, 2, 21 и сл.; и др.) и vūyāha- vūaxmaṇa- (Яшт 13, 16, 52; Ясна 7, 12; 12, 5). Ср. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 189.

¹¹⁸ Кави-Хусрава, см. Яшт 5, 49; 9, 21; 15, 32; Хошанг, Йима и Кави-Уса просят об этом Ардвисуру, см. Яшт 5, 22; 5, 26; 5, 46.

¹¹⁹ Отождествления спорные. Э. Гершфельд (*Zoroaster and his World*, p. 907 sq.) помещает tura- в Хорезм. В. И. Абаев («Скифский быт и форма Зороастра», — *Archiv Orientalní*, 1956, XXIV, стр. 28 и сл.) видит в них скифов.

¹²⁰ См. W. Geiger, *Ostirānische Kultur im Altertum*, S. 200 ff.; И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 382, прим. 2.

¹²¹ Видэвдат, 1, 20.

¹²² Ясна, 46, 14 и др.

¹²³ См. A. Meillet, *Trois conférences sur les Gāthā de l'Avesta*, Paris, 1925, стр. 67—70.

¹²⁴ Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, s. v. daēva-.

¹²⁵ См. Ясна 31, 16; 31, 18. Напрашивается сравнение šōiθra- с «ager publicus» античности.

¹²⁶ В. В. Струве, *Родина зороастризма*, — «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945, стр. 3—55; сб. «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 5—34.

¹²⁷ *mas i mōyān, араб. maṣmūyān, kabīr u'l-ma'jūs. Последний из них, согласно Табари (III, 136), был казнен арабами в 783 г.; *mas i mōyān неоднократно упоминаются в средневековой мусульманской литературе. Сводку см. F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895, s. v.

¹²⁸ Геродот, I, 101.

¹²⁹ Страбон, XIX, 3, 2.

¹³⁰ См. Ксанф Лидянин у Николая Дамаскина, — FHG, III.

¹³¹ См. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 375 и сл., а также выше, стр. 85.

¹³² Dar. Pers. g., § 1 (только вавилонский текст: ... Parsa Madâ û mâ-tâte šanītima lišānu...), F. Weissbach, *Die Keilinschriften... der Achämeniden*, S. 85.

¹³³ См. оводку R. Kent, *Old Persian...*, p. 8 sq.; И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 367 и сл.

¹³⁴ Геродот, I, 125.

¹³⁵ О термине «арья» см. выше. Быть может, в этом смысле употребляли этот термин и ахеменидские цари, ср. надпись Dar. NR. a, §2: adam Dārayava(h)uš xšāyaētiya... Vištāspahyā ruça Naḁāmanišiya Pārsa Pārsa-hyā ruça Ariya Ariya ciça — «Я — Дарий, царь... сын Виштаспы, Ахеменид, перс, сын перса, арья, арийского семени».

¹³⁶ В I фаргарде Видэвдата в Авесте перечислены зороастрийские области, но они не включают ни Мидии, ни Персии. Может быть, это потому, что они не входили в то время в государственное объединение, где господствовал тогда зороастризм (Парфянское царство?), или мидяне и персы тогда не считались правоверными зороастрийцами. Арианой во времена позднего эллинизма назывался только Восточный Иран со Средней Азией (Плиний, NH, VI, 25; Страбон, XV).

¹³⁷ Подробно об Анчане см. «Reallexikon der Assyriologie», s. v. Elam (F. W. König); см. также: G. G. Cameron, *History of Early Iran*, 1936.

^{137a} О терминах Парсумаш, Парсуаш, Парсуваш и т. д. см. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 69 и др.

¹³⁸ O. Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts*, II, Leipzig, 1921, № 142; D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, II, Chicago, 1926, § 352 (стр. 155); ср. L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, II, Ann Arbor, 1930, № 961, № 1309, I, 18; № 1311, II, 20—23. — В письмах, относящихся ко времени войны Ашшур-бан-апли с Шамаш-шум-укином (656—649 гг. до н. э.), «Парсамаш» упоминается в связи с Хидалу, эламским городом, лежавшим в Центральном или Восточном Эламе (M. Streck, *Assurbanipal*, II, Leipzig, 1916, S. 324, App. 3), и с Пиллату, лежавшим в Эламе у побережья Персидского залива (D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, II, § 350).

¹³⁹ См. E. F. Weidner, *Die älteste Nachricht über das persische Königs-haus*, — «Archiv für Orientforschung», VII, 1931, S. 1 ff. Фрагмент глиняной призмы с надписью Ашшур-бан-апли (663—633 гг. до н. э.): «...Кураш, царь страны Парсумаш, когда он услышал о силе и победе, которые я возымел над Эламом с помощью Ашшура, Бела и Набу, великих богов, моих владык, повергнув его весь, подобно потоку, то прислал на службу мне в Ниневию, град моего владычества, своего старшего сына Арукку с данью, и он молил (о милости) мое владычество». Интересно отметить, что Кураш упоминается в тексте наряду с каким-то Пислуме, царем страны Худимеру, «местоположение которой отдаленно..., по ту сторону Элама». Худимеру упоминается в связи с Персидским заливом и в другом случае: L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, I, № 521 (у Л. Уотермана ошибочно Pakkimi — читать Hudimiri). Поэтому речь, несомненно, идет о Персиде, а не об ассирийской области Парсуа около совр. Сулеймание или какой-либо промежуточной области.

¹⁴⁰ Цилиндр Кира, строка 21, F. Weissbach, *Die Keilschriften der Achämeniden*, Ss. 4, 5; см. также S. Smith, *Babylonian Historical Texts Relating to the Capture and Downfall of Babylon*, London, 1924, p. 145. Вавилоняне называли и самого Кира царем Анчана, см. «Хронику Набонида», лиц., II, 1.

¹⁴¹ tau(h)mā = viθ -, см. R. Kent, *Old Persian...*, словарь. s. v. и ниже. прим. 192 и 193.

¹⁴² Кир II считался законным наследником Мидийского царства; его мать и жена были дочерьми Астиага. Его сын — Камбис II — женился на Атоссе, дочери Кира, своей родной сестре. На ней же женился и маг Гаумата, захватив престол, а затем Дарий I. Последний женился и на дочери Бардии, второго сына Кира. Сын Дария Ксеркс стал царем вместо своего старшего брата именно оттого, что был сыном Атоссы и родился уже после вступления Дария на престол (Геродот, VII, 2—5). Дарий II, сын Артаксеркса I от наложницы, был женат на своей сводной сестре, Парисатиде, дочери главной жены Артаксеркса I. Артаксеркс II после смерти своей жены Статирис женился на собственной дочери. Дарий III основывал свои права на том, что был внуком Артаксеркса II по женской линии. Александр Македонский женился на дочери Дария II. Наконец, Селевк женился на дочери сатрапа Спитамена, происходившей по матери

из рода Ахеменидов. Порядком наследования по женской линии, вероятно, объясняется распространенный у персов и за пределами царского рода обычай жениться на своих ближайших родственниках. Этот обычай не следует связывать с пережитками матриархата (в матриархальном роде брак с родной сестрой обычно исключается), а связан, по-видимому, со стремлением не разбивать родового имущества. Остатки материнского рода и матрилинейное наследование прослеживается довольно отчетливо в Эламе, см.: «Reallexikon der Assyriologie», II, 1938, s. v. Elam (F. W. König); G. G. Cameron, *History of Early Iran*, p. 20. Э. Герцфельд и А. Кис, стремящиеся доказать, что материнский род был отличительной чертой «доарийского» населения Ирана — каспиев, считают, что элементы матрилинейного наследования (прослеживающиеся в Иране в течение многих веков, вплоть до арабского завоевания) являются у иранцев, которым якобы свойствен, как арийцам, отцовский род, лишь поверхностным заимствованием у каспиев (см. E. Herzfeld and A. Keith, *Iran as prehistoric Centre*, — SPA, I, p. 42 fol). Однако, с нашей точки зрения, материнский род — закономерная ступень развития человеческого общества (Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI—I, стр. 26—28). На конкретных примерах, с привлечением сравнительного материала, это положение проиллюстрировано в работе С. П. Толстова (*Древний Хорезм* М., 1948). Там же С. П. Толстов выступает со спорной, но интересной мыслью о том, что лишь материнский род — закономерная ступень развития всякого человеческого общества, а отцовский род появляется лишь там, где происходит задержка, замедление хода исторического развития, почему и возможны случаи перехода от материнского рода непосредственно к классовому обществу.

¹⁴³ См., например, *Dar. N.Ra*, § 2. Характерно, что в вавилонском тексте заключительные слова формулы: «арья, арийского семени» — отсутствуют (см. F. Weissbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden*, S. 8), а в *Xerx. Pers. h(daiv.)* и эламский, и вавилонский тексты дают просто транскрипцию этой формулы своими знаками, следовательно, на этих языках нельзя было подыскать соответствующего эквивалента.

¹⁴⁴ См. E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, s. v. abičariš, где автор правильно переводит слово viθ- как Clan, но приурочивает его почему-то только к родовой знати («viθ- sind die Clans des Adels mit ihrem großen Anhang», S. 51) и на основании этого произвольного толкования стремится сконструировать некую фантастическую «феодальную систему», якобы существовавшую при Ахеменидах, модернизируя ряд терминов (*ibid.*, S. 354).

¹⁴⁵ Термин didā- — «укрепленное поселение, крепость» (первоначально «стена», ср. древнеиндийское dehī- — «стена») чаще всего переводится на вавилонский язык словом ālu. Этим же словом передается и древнеперсидское viθ- (например, *Behist.*, § 40); несомненно также, что аккадское bēl āli=иранскому vispati-. Таким образом, didā- может быть укрепленным родовым поселением или просто укреплением. Есть случай (*Dar. Sus. chart.*, 42 и 54) перевода слова didā- аккадским uširtum ša ēkallī, что Э. Герцфельд (*Altpersische Inschriften*, S. 123) остроумно толкует, как «стена, опоясывающая дворец», т. е. внешняя стена дворцового комплекса. Он же (E. Herzfeld, *ibid.*, S. 121) дает весьма убедительное «сближение» этого слова с корнем, обозначающим «месить» (тесто, глину), откуда «строить». В нескольких случаях (*Dar. Sus. e.*, дважды) didā- переведено как birtum, что означает в ассирийских текстах укрепление с царским гарнизоном (E. Herzfeld, *ibid.*, p. 123). Таким образом, аккадский язык имел к тому времени более развитую социальную терминологию, чем древнеперсидский, — язык народности, только еще вступающей на путь государственности. См. ниже, ч. I, прим. 272, где будет сказано и о других

терминах для населенного пункта: *vṛdapa* и *āvahapa*. По-видимому, *vṛdapa* имело более узкое, чем *ididā*, значение «огороженного общинного поселения». Этим же термином по-древнеперсидски, вероятно, обозначался и «город».

¹⁴⁶ О первых Ахеменидах см. Ю. Б. Юсифов, *Царское ремесленное хозяйство в Эламе и Мидии (VI в. до н. э.)*, Л., 1956 (автореферат диссертации), стр. 6 и сл.

¹⁴⁷ См. легенду о Кире у Геродота, I, 107—130. Литература: A. Bauer, *Die Kyros-Sage und Verwandtes*, Wien, 1882; E. Evers, *Der historische Wert der griechischen Berichte über Cyrus und Cambyses*, Berlin, 1888; R. Schubert, *Herodots Darstellung der Kyrossage*, Breslau, 1890, и др.

¹⁴⁸ Геродот, I, 123—130.

¹⁴⁹ Ктесий у Фотия. См. указ. изд. Геродота, прил. Ctesiae fragmenta, Persica, 29 (pp. 45 sq.).

¹⁵⁰ [Это предположение вряд ли правильно. Геродот различает Ойбара и Гобрия; также и вавилонские источники отличают Угбару, завоевателя Вавилона, вскоре после этого умершего, и Губару, бывшего впоследствии наместником Вавилонии. — *Ред.*]

¹⁵¹ Геродот, I, 14—28. G. Radet, *La Lydie et le monde grec au temps des Mermnades*, Paris, 1893.

¹⁵² Геродот, I, 71—73.

¹⁵³ Геродот, I, 76—79.

¹⁵⁴ Геродот, I, 84.

¹⁵⁵ Геродот, I, 88—90.

¹⁵⁶ Геродот, I, 154.

¹⁵⁷ Иеремия, LI.

¹⁵⁸ S. Smith, *Babylonian Historical Texts*, London, 1924, p. 112 (II, 22).

¹⁵⁹ S. Smith, *Babylonian...*, pp. 113—114, clm. III.

¹⁶⁰ Вот вавилонский титул Кира: *anāku Kuraš šar kiššāti šarru rabû šarru dānu šar Bābili šar Sumeri û Akkadî šar kibrāti erbītim...* «Я — Кир, царь множество, царь великий, царь сильный, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света...» (F. Weissbach, *Die Keilinschriften...*, S. 4). «Манифест Кира» — см. F. Weissbach, *Die Keilinschriften...*, Ss. 2—9.

¹⁶¹ Пока трудно с уверенностью судить о том, где именно было расположено маленькое царство Виштапы, при дворе которого, по легенде, действовал Заратуштра. Но не исключено, что оно находилось в Бактрии, во всяком случае в Средней Азии; разрушено оно было, быть может, еще Киаксаром или же Киром II. Однако, условия, описанные в Авесте, по-видимому, архаичнее тех, которые обнаруживают археологические данные для VII—VI вв. до н. э. [По мнению В. М. Массона, нижний слой Кала-и Мира, о котором идет речь, относится не к VII—VI вв., а уже к раннеахеменидскому времени. Следует отметить, что найденные теперь древнебактрийские тексты показывают, что бактрийский язык отличался от авестийского. — *Ред.*]

¹⁶² Ср. рассказ Ктесия о походе Нина на Бактрию. См. указ. изд. Геродота, прил., Ctesiae fragmenta, p. 18. — К «Бактрийскому царству» относятся, быть может, нижний слой, обнаруженный при раскопках городища Кала-и Мир в Кобадияне, а также аналогичный слой в Балхе. См. М. М. Дьяконов, *Сложение классового общества в Северной Бактрии*, — СА, XIX, 1954, стр. 121 и сл.

¹⁶³ Геродот, I, 153; 201; 204.

¹⁶⁴ Эти области перечисляются Дарием (Behist., § 6) в составе Ахеменидской державы, доставшейся ему. Киру II приписывалось основание Кирополя на Яксарте в Согдиане, см. Страбон, XI, 11, 4; Арриан, *Анаб.*, IV, 3 и ср. также Юстин, XII, 5; Ктесий упоминает о передаче Хорезма в управление младшему сыну Кира.

¹⁶⁵ У Евсевия (изд. Schöne), I, 30.

¹⁶⁶ «Ctesiae fragmenta», *Persica*, 6—8 (указ. изд. Геродота. прил., стр. 47).

¹⁶⁷ Страбон, XI, 9, 1 (сведения Эратосфена).

¹⁶⁸ Геродот, I, 204; в I, 153 Геродот, однако, говорит о саках, вероятно включая в их число и массагетов.

¹⁶⁹ «Аракс» Геродота — это Яксарт («Сыр-Дарья»). Так, например, F. Justi, *Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sāsāniden* — Gr. d. Ir. Ph., II, S. 421. — С. П. Толстов считает, что Геродот имеет в виду Аму-Дарью. В пользу этого, казалось бы, говорит следующее место описания Геродотом реки Аракс (I, 202): «Аракс вытекает из земли Матиенов, откуда берет свое начало и река Гинд... один из рукавов Аракса протекает по открытой местности и впадает в Каспийское море». Но земля Матиенов находилась в горах Малой Азии и в Армянском Тавре; в данном случае речь идет, конечно, о Закавказском Араксе; Геродот, плохо осведомленный в географии Ахеменидской державы, видимо, нечетко различал оба Аракса.

¹⁷⁰ Юстин, I, 8; II, 3.

¹⁷¹ Геродот, I, 215 и сл.

¹⁷² Геродот, I, 214.

¹⁷³ F. Justi — Gr. d. Ir. Ph., II, S. 423, — основываясь на вавилонских документах, датированных годами царствования Кира и Камбиса (см. J. M. Strassmaier: «*Babylonische Texte, Inschriften des Cyrus, König von Babylon*», Hft VII, Leipzig, 1890; «*Inschriften des Cambyses*», Leipzig, 1890) стремится доказать, что Кир погиб между 9 и 29 августа 530 г. до н. э. и Камбис вступил на престол уже в том же году. Однако тот же Штраммейер опубликовал табличку, датированную 10-м годом Кира, т. е. 529 г. до н. э. См. «Verhandlungen des Leidener Orientalisten Kongresses», II, № 1, 1885, Ss. 574—576.

¹⁷⁴ Геродот, III, 11.

¹⁷⁵ Геродот, III, 10—11.

¹⁷⁶ См.: G. Posener, *La première domination perse en Égypte*, Le Caire, 1936; W. Struve, *Zur Geschichte Ägyptens der Spätzeit*, — ИАН, 1928, Серия VII, Отделение гуманитарных наук, стр. 197 и сл.

¹⁷⁷ См. например, Геродот, III, 15.

¹⁷⁸ Геродот, III, 19.

¹⁷⁹ Геродот, III, 25.

¹⁸⁰ Геродот, III, 61—63. О неясном выражении Бисутунской надписи в рассказе о смерти Камбиса: (h)uvāmšīyuš amariyatā в литературе существуют разные точки зрения, см. R. Kent, *Old Persian...*, s. v. uvāmāšīyu-. Существующие мнения разделяются на две группы: Вейсбах, Делич, Юсти, Герцфельд, Кент понимают данное выражение, как указание на смерть от своей руки (преднамеренное самоубийство или случайная смерть от неосторожности); Шульце, Бенвенист и др. понимают то же выражение, как указание на естественную смерть. В аккадском тексте — «умер собственной смертью» (точнее, «собственным умиранием»).

¹⁸¹ Behist., § II. Хронология Бисутунской надписи, основного источника для описываемых ниже событий, теперь может считаться окончательно установленной, благодаря следующим трудам: C. J. Ogden, *A Note on the Chronology of the Behistun Inscription of Darius*, — «Oriental Studies in Honour of C. E. Pavry», London, 1933, pp. 361—365; Arno Poebel: «*The Names and the Order of the Old Persian and Elamite Months during the Achaemenian Period*», — AJSL, LV, 1938, pp. 130—141; «*Chronology of Darius' First Year of Reign*», — ibid., pp. 142—165, 285—314; W. Hinz, *Das Erste Jahr des Grosskönigs Dareios*, — ZDMG, XCII, 1938, Ss. 136—173. А. А. Фрейман («*Древнеперсидский календарь в свете новейших открытий*», — ВДИ, 1946, № 3, стр. 15 и сл.) предложил восстановление названий четырех персидских месяцев, которые не засвидетельствованы в ахе-

менидских надписях. Следует, однако, учесть, что восстановления, предложенные по эламским данным А. А. Фрейманом, нуждаются в уточнениях, поскольку они не во всем согласуются с принципами передачи древнеперсидских звуков в эламском. См.: R. Kent, *Old Persian...*, p. 160 sq., 216, 217; H. H. Paper, *The phonology and morphology of Royal Achaemenid Elamite*, Ann Arbor, 1955, p. 16 ff.; G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948, pp. 44, 45.

¹⁸² Behist., § 13.

¹⁸³ См. J. N. Strassmaier, *Babylonische Texte, Inschriften von Nabopassar und Smerdis*, — ZA, IV, S. 123 ff. Первая табличка, датированная правлением Бардии, относится к 19 нисану «šanať tēš šagūtī» — «года вступления на престол», — 112 мая 522 г. до н. э.

¹⁸⁴ Рассказ Геродота см. III, 61, 67—88. Имена сообщников Дария таковы:

Бисутунская надпись, § 68:

Геродот, III, 70:

Vi(n)dafarnā	сын Vāyasprāga	Интаферн
Utāna	сын Ūuxra	Отан, сын Фарнаспа
Gaubaruvā	сын Marduniya	Гобрий (имя Мардоний было употребительно в его роде)
Vidarna	сын Bagābigna	Гидарн
Bagabuxša	сын Dātuvañya	Мерабиз
Ardumaniš	сын Vahauka	Аспафин

Расхождение, как мы видим, только в последнем имени. Однако и имя 'Aspañiñš есть в древнеперсидских надписях. Это оруженосец Дария I Aspañā (Dg NR. d, 1).

Ктесий, *Persica*, 14, дает совсем другие имена: Оноф, Идери, Норондабат, Мардоний, Барисс, Атаферн. Из них только 'Idērñš быть может = 'Ydārñš = Vidarna.

¹⁸⁵ Ктесий, *Persica*, 10, Σφευδαδᾶτης. У Трога Помпея мага зовут Cometes = Gōmātās (Юстин, I, 40).

¹⁸⁶ Геродот, I, 132.

¹⁸⁷ Страбон, XIX, 3, 2.

¹⁸⁸ Геродот, I, 101.

^{188a} Так сообщает Диоген Лаэртский (Proem, 2, 6, ed. Cobet, Paris, 1862), ссылаясь на Гермодора и Ксанфа Лидянина.

¹⁸⁹ См.: J. Hertel, *Die Zeit Zoroasters*, Leipzig, 1924, и другие его работы; E. Herzfeld: *Zarathustra, I. Der geschichtliche Vištāspa*, — AMI, I, Berlin, 1929; *Zoroaster and his World*, Princeton, 1947. — Эта теория не только недостаточно обоснована (см. ниже), но и реакционна по своему существу, так как стремится доказать преимущество «арийской этической религии» над политеизмом, язычеством семитов. Вспомним, что такой серьезный ученый, как Бартоломэ, в своей лекции 1918 г. (Chr. Bartholomae, *Zarathustra's Leben und Lehre*, Heidelberg, 1924) сам склонявшийся к такому толкованию «миссии» Заратуштры, все же еще в 1904 г. (Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, s. v. Vištāspa) предостерегал от отождествления Виштаспы Авесты с Виштаспой — отцом Дария.

¹⁹⁰ В различных вариантах эта или близкие точки зрения имеют сторонников и в советской науке. См. В. В. Струве, *Родина зороастризма*, — «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сб. I, Сталинабад, 1945, стр. 3—55; В. И. Абаев: «Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузах», — «Иранские языки», вып. I, стр. 139; «Скифский быт и реформа Зороастра», — «Archiv Orientalní», XXIV, 1956, стр. 24, 54.

¹⁹¹ Геродот, III, 67.

¹⁹² Это место Бисутунской надписи (§ 14, F. Weissbach, *Die Keilin-*

строил храмы, которые разрушил маг Гаумата. Я вернул народу пастбища, стада и жилища, и именно в домах, которые отнял у них маг Гаумата».

W. Foy, *Altpersisches und Neueltamisches*, — ZDMG, 54, 1900, S. 355: «Ich gab zurück dem Volke (i. e. dem Adel) das Weideland und das Vieh und die (Guts) gebäude und die Gutsleute, was (alles) ihnen (i. e. den Adligen) der Magier Gaumāta genommen hatte», — «Я отдал народу (т. е. знати) пастбища и скот и постройки (в имениях) и людей имений, (все), что у них (т. е. у знатных) взял маг Гаумата».

I. H. Gray, *Indo-Iranian studies*, — «American Journal of Philology», vol. XXI, p. 16; «I restored to the people the servants(?), and the livestock(?) and the real estate and the private property(?) of which Gaumata the Magian had deprived them». — «Я вернул народу слуг (?) и скот (?) и недвижимое имущество и частную собственность (?), которые отнял у них маг Гаумата».

Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, s. vv.: abičariš «Weideland» (пастбища), gaiḍa- «fahrende Habe» (движимое имущество), māniya — «liegende Habe» (недвижимое имущество).

H. C. Tolman, *Ancient Persian Lexicon and Texts of the Achaemenid Inscriptions*, New York — Cincinnati — Chicago, pp. 64—65, 1908: «For the people the revenue(?), and the personal property and the estates and the royal residences which Gaumāta the Magian took from them (I restored)». — «Для народа доход(?) и личное имущество и имения, и царские резиденции, которые маг Гаумата, взял у них (я восстановил)».

A. Hoffmann-Kutschke, *Die altpersischen Keilschriften des Grosskönigs Dārayawauš des Ersten bei Behistun*, Stuttgart und Berlin, 1909, S. 14: «richtete ich wieder auf die Zusammenkünfte des Volkes, die Gehöfte, sowohl die Hauskomplexe wie die einzelnen Klane, welche Gaumāta der Magier ihnen geraubt hatte». — «Я восстановил сходки народа, дворы, как домовые комплексы, так и отдельные роды, которые отнял у них маг Гаумата».

A. А. Фрейман, *Древне-персидские клинообразные надписи*, — «Восток», № 5, 1925, стр. 4—5: «(принадлежащие) народу пастбища, недвижимое и движимое имущество и клановое (имущество), что Гаумата маг у них отнял, я народу на место восстановил, и Персию, и Мидию, и другие страны».

В. В. Струве, *История Древнего Мира*, т. I, *Древний Восток*, — ГИИМК, 1936, стр. 424: «храмы, разрушенные магом, я возобновил, народу выгоны, стада и храмы, отнятые Гауматой, я возвратил. Я вернул народу его прежнее положение как в Персии, так и в Мидии, так и в прочих странах». Этот перевод повторен в книге В. В. Струве, *История Древнего Востока*, М.—Л., 1941, стр. 375. Однако в своих докладах, читанных в Академии наук в 1943—1944 гг., акад. В. В. Струве дал новое толкование этого текста. К сожалению, эти доклады не опубликованы, и я лишен возможности привести здесь этот перевод. В своей работе «Родина зороастризма» («Советское востоковедение», V, 1948, стр. 9) В. В. Струве переводит āyadanā как «священные здания».

F. W. König, *Relief und Inschrift des Königs Dareios I am Felsen von Bagistan*, Leiden, 1938, S. 39: «Ich baute die Tempel, die das Steuerorgan Gōmāta vernichtet hatte, ich gab den Gefolgen wieder Herrenmacht und Herrenlande, Herrenzins und Herrenhöfe, was ihnen entrissen das Steuerorgan Gōmāta». — «Я построил храмы, которые уничтожил налоговый орган (! — М. Д.) Гомата, я снова дал дружинам господскую власть и господские земли, господский доход и господские дворы, что у них отнял налоговый орган Гомата».

E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, Berlin, 1938, Ss. 51—54, s. v. abičariš: «Ich unterstellte wieder den Wehrpflichtigen Freien (kārahyā) ihre Gefolgsleute (abičariš- acc. pl.) und auch seinen Sippen- und Familienbesitz (gaiḍamčā māniyamčā) dem Hochadel (viḍbiščā), deren sie Gau-

čāta der Magier beraubt hatte». — «Я вновь подчинил военнообязанным свободным их дружинников, а также их родовую и семейную собственность высшей знати, которую у нее отнял маг Гаумата».

I. Gershevitch (пец. на G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets*) — «Asia Major», N. S. II, pp. 139—142, устанавливает, со ссылкой на В. Хеннинга, значение «домашний раб» для термина māniya = grda = kur-taš.

R. Kent, *Old Persian...*, 2 ed., 1953, p. 120: «I restored to the people the pastures and the herds, the household slaves and the houses which Gaumata the Magian took away from them». — «Я вернул народу пастбища и стада, домашних рабов и дома, которые отнял у них маг Гаумата» (в первом издании, 1950 г., māniya- переведено household property — «домашнее имущество»).

[И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 427 и сл.: «Я восстановил народу войску пастбища (?), (движимое) имущество и домашнюю (челядь), и (именно) по общинным (родовым) поселениям, что отнял маг Гаумата».

В. О. Тюрин, *К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи*, — «Труды Института языкознания», VI, 1956, стр. 524: «Я вернул народу его средства к жизни, его дворы, его рабочую силу в домах, а также общинное имущество, — (все то), что Гаумата маг у него отнял». Основываясь на сопоставлении с арамейской версией, В. О. Тюрин устанавливает отождествления: 1) abičariš = эл. lu-taš = арам. pksup; последний термин, по его мнению, означает наиболее ценную одежду, утварь и инструменты, а иногда и деньги и зерно; 2) gaiḏā = эл. aš = арам. bṭup; последнее слово означает «дом», однако В. О. Тюрин (стр. 520) ссылается на то, что авест. gaēdā «как домохозяйство, как хозяйственный двор, охватывает и дом, в котором проживает глава дома, и скот»; 3) māniya = эл. kur-taš; в этом термине он видит «производительных работников дома, находящихся в той или иной степени зависимости от главы дома» (стр. 511); viḏbišča = эл. a-ak ū-el-ma-pu-ir-ma; последнее значит «и в домах». Однако В. О. Тюрин (стр. 523) считает, что эламский писец дал здесь кальку с иранского выражения, передав его буквально, и что сам инструментальный падеж viḏbiš означает «(связанные, соединенные с) общинами», т. е. имущества, принадлежащие общинам. Это, однако, спорно.

Наконец, у Н. Н. Paper, *The phonology and morphology of Royal Achaemenid Elamite*, Ann Arbor, 1955, p. 6, высказано предположение, что элам. LU-taš надо читать UDU-taš «(мелкий) скот», а вместо Aš читать идеограмму ZIZ «полба, зерно». Отсюда значение «скот» для abičariš и «посевы» для gaiḏā.

W. Hinz (рецензия на книгу R. G. Kent, *Old Persian...*) — ZDMG, Bd 102, № 2 (1952), S. 374 ff. — указывает, что в условиях Ирана трудно отобрать пастбища, поэтому abičariš — «(орошенные) поля», gaiḏā — «скот», ср.-элам. aš-ku-tur — «надзиратель скота», māniya = grda, viḏbiš-čā — «и именно в домах»].

Многие из цитированных выше переводов западноевропейских ученых страдают одним важнейшим недостатком: неисторичностью, модернизацией общественных отношений ахеменидского Ирана: особенно ярко это проявилось у Э. Герцфельда, на переводе которого и следует остановиться подробнее. В угоду предвзятому представлению об Ахеменидской державе, как о развитом феодальном государстве, он пересматривает уже установившиеся, принятые и отлично вяжущиеся с существом дела значения слов abičariš gaiḏamčā māniyamčā viḏbiščā. Однако Э. Герцфельд дает, быть может сам того не подозревая, ключ к правильному пониманию синтаксического построения интересующей нас древнеперсидской фразы: piyačāraam kārahyā abičariš gaiḏamčā māniyamčā viḏbiščā.

Как видно из перевода Э. Герцфельда, он связывает последним эн-

клитическим -šā слово viθ со стоящим выше kārahuā, а не ставит его в цепь прямых дополнений, как это делали столь многие исследователи (А. Фой, Л. Грей, Х. Толман, Р. Кент, А. А. Фрейман, В. О. Тюрин). Он, возможно, прав, рассматривая творительный падеж viθbiš как instr.-comit., однако предвзятость толкований приводит его к неправильному переводу. Следует, однако, учесть и тот факт, что в эламской версии соответствующий термин стоит в локативном падеже: a-ak ú-el(?)-ma-pu-ir-ma — «и в домах» (в смысле «в родах, в общинах»?). По моему мнению, Дарий вернул «kārahuā viθbiššā» — «abičariš gaiθāmtā māniyatšā», т. е. «народу-войску с общинами» или «народу-войску и по общинам», — иначе говоря, и народу-войску, и тем членам общин, которые оставались дома. В подтверждение толкования творительного падежа как присоединительного приведу другую известную древнеперсидскую фразу, также вызвавшую ожесточенные споры: «A(h)uramazdam ayadāy Rāšā brazmaniy(a)» (Хегх. h. daiv., 40, 41). Как я постараюсь показать ниже, эта фраза может рассматриваться как конструктивно вполне параллельная разбираемой нами здесь. (См. ниже прим. 240.)

По-видимому, abičariš действительно соответствует арам. pksyhwt, а gaiθāmtā — арам. btyhwt. Слово pksy' означает «движимое имущество» в самом общем смысле (отсюда в вавилонской версии еще более общее ku[rum]m[atu?] — «пропитание»); слово bty' — «дом», также в самом общем смысле, включая участок со двором и т. п. (и даже «роды»). Мне думается, что прав был Бартоломэ, связывавший слово abičariš с корнем kaḡ — «пасти, разводить скот». Фантастические толкования этого слова у Э. Герцфельда и особенно у Кенига не имеют под собой никаких оснований. Развитие от др.-иран. «разводить скот» к др.-перс. abičariš — «движимое имущество (всякого рода, но первоначально скот, который пасется)» и далее к ново-перс. afzar, afzār, тадж. афзол — «орудие (труда), оружие» определяется конкретной историей народа.

¹⁹³ [В советской науке общепринятым является перевод viθ-как «община», родовая или сельская — ср. авестские термины pāpa-, vis-, zaṇu-, dahyu- (daṇu-) — «дом, род, племя, область». Однако в западной литературе нередко встречается перевод термина viθ- как «дом» и даже «царская резиденция» (Толман и др.; в словаре Р. Кента «дом, царский дом, царский род, царский двор»). Этот перевод как будто подкрепляется вавилонской версией § 14 Бисутунской надписи, где Бенедикт и Фойхтлендер читают [...] šagri, может быть (судя по следам знаков), [...] bitā-te? meš?] šagri — «[... дом] царя» на месте древнеперсидского viθbiššā. Если такое чтение подтвердится, то это бросит совершенно новый свет как на характер действий мага Гауматы, так и на другие проблемы Бисутунской надписи. Однако чтения Бенедикта и Фойхтлендера не могут считаться вполне достоверными. Следует отметить, что обычно вавилонская версия переводит viθ- как bitu — «дом», но один раз (строка 72), — если верна копия Кинга и Томпсона, — как ālu — «селение, община» или, точнее, как allukā ša āli — «allukā селения», где allukā — «ἀλλυκαῖον» (по И. М. Дьяконову, может быть, «повинность»). — *Ред.*]

¹⁹⁴ Behist., § 16.

¹⁹⁵ Behist., § 18—20.

¹⁹⁶ Behist., § 21.

¹⁹⁷ Behist., § 22—23.

¹⁹⁸ Behist., § 24—25.

¹⁹⁹ Behist., § 26, 28—30.

²⁰⁰ Behist., § 45 и сл.

²⁰¹ Behist., § 38—39. Восстанию Фрады посвящено исследование В. В.

Струве, *Восстание в Маргиане при Дарии I*, — ВДИ, 1949, № 2, стр. 10 и сл.

²⁰² Геродот, IV, 167, 200—203. В рассказе Геродота говорится о взятии Барки, но утверждается, что персы не могли взять Кирены, хотя из контекста (IV, 203) ясно, что Кирена находилась в зависимости от персов.

²⁰³ Это соотношение особенно наглядно доказывается сопоставлением дошедших до нас базальтовых гирь времени Дария. Одна из них (Dar. Pond. a., в Британском Музее) весит 166,724 г и предназначалась для взвешивания золота, другая (Dar. Pond. b, ранее в Азиатском музее Академии наук, ныне в Ленинграде в Эрмитаже) весит 2222,425 г и служила для взвешивания серебра; в ценностном отношении количества золота и серебра равны между собой. Литература: а) Dar. Pond. a: см. E. A. W. Budge, «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology», X, 1888, p. 464 sq.; G. Halévy und Lehmann, «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie», 1889, S. 643; F. Weissbach, *Über die babylonischen, assyrischen und altpersischen Gewichte*, — ZDMG, 61, 1907, S. 402; F. Weissbach, *Die Keilschriften...*, S. XXII, 104, 105; H. C. Tolman, *Lexicon...*, pp. 56, 57; b) Dar. Pond. b: J. A. de Gobineau, *Traité de l'écriture cunéiforme*, I, Paris, 1864, p. 323 et suiv., pl. XVI; A. V. W. Jackson, *Textual Notes on the Old Persian Inscriptions*, — JAOS, 27, 1906, p. 193 sq.; A. V. W. Jackson, *Persia, Past and Present*, New York, 1906, p. 184; V. Scheil, *Nouvelles notes d'épigraphie*, — RT, 31, 1909, p. 137; F. Weissbach, *Die sogenannte inschrift von Kerman*, — «Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg», 1910, № 6, S. 481 ff. — Сообщение о судьбе этой гири: C. Salemann, *ibid.*, p. 482. c). Описание гири Dar. Pond. c (вес 9,950 кг) издано E. Herzfeld, *Alipersische Inschriften*, S. 24, Taf. VIII; E. Schmidt, *Treasury of Persepolis*, Chicago, 1939, pp. 62, 63; d) Четвертая гиря (Dar. Pond. d, вес 4,930 кг), найденная, как и Dar. Pond. c, в 1936 г. в персепольской сокровищнице, впервые опубликована лишь в 1950 г. См. R. Kent, *Old Persian...*, pp. 114, 157.

Любопытно отметить, что на Dar. Pond. a, c и d имеются указания веса гири: в первом случае два карша, во втором — 120 карша, в третьем — 60 карша. В первых двух случаях вавилонский текст дает вес не в иранских весовых единицах (карша), а в вавилонских (мина). Из сопоставления видно, что одна мина равна 6 карша = 500,172 г; 1 карша = 83,362 г. Принимая во внимание неизбежную потерю в весе гири (хотя и небольшую, благодаря крепости материала), можно с уверенностью сказать, что на 1 карша шло 10 золотых дариков, а гиря Dar. Pond. a равнялась по весу 20 дарикам. Исходя из тех же рассуждений, можно сказать, что гиря Dar. Pond. b равнялась по весу 40 серебряным сиклям. Относительно гири Dar. Pond. c можно утверждать, что она была предназначена для взвешивания золота (в царской казне?). Она найдена в развалинах здания, расположенного в юго-восточной части персепольской платформы, и равнялась по весу 1200 дарикам; гиря Dar. Pond. d равнялась 600 дарикам.

²⁰⁴ До нас дошло много монет финикийских городов, см. E. Babelon, *Les perses Achéménides*, Paris, 1893; F. Hill, *Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia*, British Museum, London, 1922.

²⁰⁵ Геродот, III, 89—98.

²⁰⁶ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, Л., 1936, стр. 138.

²⁰⁷ A. Buchholz, *Quaestiones de Persarum satrapis*, Leipzig, 1896.

²⁰⁸ Геродот, III, 92.

²⁰⁹ Геродот, III, 96.

²¹⁰ Геродот, V, 52—54.

²¹¹ См. W. Götz, *Die vorderasiatische Reichspoststrasse der Persischen Grosskönige*, — «Jahrbücher d. geogr. Gesellschaft», München, 1885, S. 90.

²¹² См.: W. Hinz, *Zur iranischen Altertumskunde*, — ZDMG, 93, 1939, Ss. 363—380; R. Kent, *Old Persian...*, p. 133 (указана библиография). Еще Юсти (Gr. d. Ir. Ph., II, Ss. 444, 445) сомневался в том, что это европейские скифы.

²¹³ Dar. Pers. s., § 2. (F. Weissbach, *Keilinschriften der Achämeniden*, Leipzig, 1911, Ss. 82, 83).

²¹⁴ Геродот, V, 1—2; 26 и сл.

²¹⁵ Геродот, IV.

²¹⁶ Геродот, V, 28; VI, 42.

²¹⁷ Геродот, VI, 43.

²¹⁸ Геродот, VI, 111 и сл. Марафонское сражение неоднократно освещалось в научной литературе. См. F. Justi, — *Gr. d. Ir. Ph.*, II, 447, Anm. 4; *PW R-E*, s. v.

²¹⁹ Последняя дата в вавилонских деловых документах — 5 аба 36 года правления соответствует 16 августа 486 г.

²²⁰ Геродот, VII, 2.

²²¹ Так, бактрийцами и саками командовал Гистасп (Виштаспа), родной брат Ксеркса (Геродот, VII, 64), утиями и миками — сын Дария Арсаман (Геродот, VII, 68), а эфиопами и арабами — сын Дария от его любимой жены Артистоны, дочери Кира, — Арсам (Геродот, VII, 69).

²²² Например, упомянутые утии и мики, гандарии и дадики, хорезмийцы и парфяне и т. д. (Геродот, VII, 66, 68).

²²³ Геродот, VII, 83. Начальником этого отряда был Видарна, сын Видарны, сподвижника Дария.

²²⁴ Геродот, VII, 85, 86.

²²⁵ Геродот, VII, 96, 184.

²²⁶ См. фантастические подсчеты у Геродота, VII, 184, 187. [Однако ассирийские цари собирали со значительно меньшей территории ополчение до 120 тыс. человек. — *Ред.*]

²²⁷ Геродот, VII, 36.

²²⁸ Геродот, VII, 260 и сл.

²²⁹ Геродот, VIII, 53.

²³⁰ Геродот, VIII, 84.

²³¹ Геродот, IX, 53 и сл.; 59 сл.

²³² Геродот, IX, 98; 104.

²³³ Плутарх, «Кимон», 13.

²³⁴ Плутарх, «Фемистокл».

²³⁵ A. Ungnad, *Bēl-šimanni, ein neuer König Babylons und der Länder*, — *OLZ*, 1907, стлб. 464.

²³⁶ Таблетка, датированная годом вступления на престол Шамаш-рибы, опубликована J. W. Strassmaier, *Arsaciden-Inschriften*, — *ZA*, III, 1888, S. 140. И. Штрассмайер, а за ним Юсти считают, что восстание Шамаш-рибы произошло в шестом году царствования Ксеркса (480 г. до н. э.), однако есть основания думать, что это восстание произошло вскоре после вступления Ксеркса на престол. (См. ниже прим. 240.)

²³⁷ C. F. Lehmann, *Xerxes und die Babylonier*, — «*Wochenschrift für klassische Philologie*», 1900; Геродот, I, 183.

²³⁸ Это видно из титулатуры на табличках с деловыми документами.

²³⁹ См. В. В. Струве, *Родина зороастризма*, стр. 14 и сл. (там же литература).

²⁴⁰ Эта надпись, представляющая выдающийся исторический интерес, уже породила целую литературу, см. Введение, прим. 37.

Для сравнения даю наиболее важные места надписи в переводах Э. Герифельда, А. А. Фреймана, Л. Ельницкого, акад. В. В. Струве, В. И. Абаева и Р. Кента (в порядке выхода в свет). Древнеперсидский текст вполне доступен теперь советскому читателю по публикации В. И. Абаева (*Антидэвовская надпись Ксеркса*, — «Иранские языки», I, М., 1945, стр. 134—136) и поэтому мною здесь не приводится. Ср. уточнения: R. Kent, *Old Persian...*, p. 150.

E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, S. 34: Spricht Xerxes, der König: als ich König wurde, waren unter diesen oben erwähnten Provinzen solche,

die aufrührerisch wurden. Darauf brachte mir Ahuramazdā Hilfe, durch Ahuramazdā's Willen unterwarf ich jene Provinzen und stellte die Ordnung in ihnen wieder her. Und unter jenen Provinzen waren solche, wo zuvor die daivā verehrt wurden; darauf machte ich durch Ahuramazdā's Willen jene daivā-Stalle dem Erdboden gleich und erließ das Verbot: „Die daivā sollen nicht verehrt werden“. Wo zuvor die daivā verehrt wurden, da verehrte ich Ahuramazdā mit Rtām dem brahmanischen. Und auch anders gab es, das misbrauchlich gethan wurde, das machte ich recht. — «Говорит Ксеркс, царь: когда я стал царем, были среди этих вышеперечисленных провинций такие, которые стали мятежными. Затем Ахурамазда мне принес помощь, волею Ахурамазды я подчинил те провинции и восстановил порядок. И среди тех провинций были такие, где раньше почитались daivā; затем волею Ахурамазды я те хлевы daivā сравнял с землей и издал запрет: „daivā не должны почитаться“. Где прежде почитались daivā, там я почитал Ахурамазду с Rtām бразманийской. И также другое имелось, что творилось неправильно, то я исправил».

А. А. Фрейман, *Новые работы по древнеперсидским надписям*, — ВДИ, 1940, № 2, стр. 127:

«Когда я стал царем, были среди вышеупомянутых стран такие, которые стали мятежными. Тогда Ормузд оказал мне помощь. Волею Ормузда я подчинил эти страны и восстановил в них порядок. И в числе этих стран были такие, где ранее почитали дайвов. Тогда волею Ормузда я разрушил эти капища дайвов и повелел, дабы дайвам впредь не поклонялись. Где раньше поклонялись дайвам, там я почитал Ормузда...»

Дальнейшее оставлено без перевода, так как А. А. Фрейман желал, по-видимому, вернуться к следующему, более трудному месту позднее и дать ему свое толкование.

Л. Ельницкий, *Новая надпись Ксеркса*, — ВДИ, 1940, № 2, стр. 169: «Говорит Ксеркс царь: когда я стал царем, среди тех стран, которые перечислены выше, была (одна), которая учинила мятеж. Тогда Ахурамазда подал мне помощь; по воле Ахурамазды я покорил эту страну и снова утвердил в ней порядок. И среди этих стран была (одна страна), где прежде были почитаемы идола (дайва). Тогда по воле Ахурамазды я разрушил храм этих идолов и объявил запрет: „Да не будешь ты впредь поклоняться идолам“. Где прежде были почитаемы идола, я совершил службу Ахурамазде по закону и с жертвенными ветвями».

В. В. Струве, *Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов*, стр. 132. См. также: В. В. Струве, *Родина зороастризма*, стр. 4:

«Говорит Ксеркс, царь. Когда я царем стал, есть среди этих стран, что выше упомянуты (такие, которые) восстали. Затем мне Ахурамазда помощь принес, волей Ахурамазды те страны я покорил и в них порядок восстановил. И среди этих стран были (места), где раньше почитались дэвы. Затем волей Ахурамазды я те капища дэвов разрушил и издал запрет: „Дэвы не должны почитаться“. Где раньше дэвы почитались, там я Ахурамазду почитал и именно через право (т. е. через священный огонь). И другое также было, что плохое делалось, то я хорошо сделал».

В. И. Абаев, *Антидэвовская надпись Ксеркса*, стр. 136, 137:

«Говорит Ксеркс царь: Когда я царем стал, была (букв. «есть») среди этих стран, которые выше написаны (такая, где было) волнение. Потом мне Ахурамазда помощь подал. По воле Ахурамазды эту страну я сокрушил и ее на (прежнее) место поставил. Потом по воле Ахурамазды я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: „дэвов не почитай“. Там, где прежде дэвы почитались, там я совершил поклонение Ахурамазде и Арте небесной. И другое было, что делалось дурно, я сделал чтобы было хорошо».

R. Kent, *Old Persian...*, p. 151: Saith Xerxes the King: When that I became King, there is among these countries which are inscribed above

(one which) was in commotion. Afterwards Ahuramazda bore me aid; by the favour of Ahuramazda I smote that country and put it down in its place. And among the countries there was (a place) where previously false gods were worshipped. Afterwards, by the favour of Ahuramazda, I destroyed that sanctuary of the demons, and I made proclamation: „The demons shall not be worshipped!“ Where previously the demons were worshipped, there I worshipped Ahuramazda and Arta reverent(ly). And there was other (business) that had been done ill; that I made good — «Говорит Ксеркс, царь: „Когда я стал царем, есть среди этих стран, которые написаны выше (одна, которая) была в смятении. Затем Ахурамазда принес мне помощь; милостью Ахурамазды я поразил ту страну и поставил ее на свое место. И среди стран было (место), где раньше почитались ложные боги. Затем, милостью Ахурамазды, я разрушил то святилище демонов, и я издал указ: „Демоны не должны почитаться!“ Где раньше почитались демоны, там я почитал Ахурамазду и Арту набожно(-ую). И было другое (дело), которое делалось плохо; то я улучшил“».

При сличении этих переводов важно отметить следующее:

А. А. Фрейман и В. В. Струве, следуя за Э. Герцфельдом, переводят во множественном числе «страны такие, которые восстали», так же как во множественном числе даны и страны, в которых почитались дэвы. В. В. Струве даже указывает (*Родина зороастризма*, прим. 30), что употребленная в первом случае древнеперсидская глагольная форма *ayauda* является третьим лицом множественного числа аориста от глагола *yauid-* (со ссылкой на E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, S. 362). Однако форма *ayauda* является третьим лицом единственного числа прошедшего времени. В древнеперсидском в обоих случаях говорится об одной стране, а не о многих. Так переводил Р. Кент уже в 1937 г. (R. Kent, *The Daiva-inscription of Xerxes*, — «Language», XIII, 1937, p. 292 fol.), так и у Л. Ельницкого, во многом следующего за Р. Кентом, так и у В. И. Абасева. Множественное число у Э. Герцфельда, необходимое для его построений, идет из аккадской версии, на которую вряд ли можно полагаться в таких вопросах ввиду крайней испорченности языка. Э. Герцфельд даже переводит *daivādāna* во множественном числе, хотя в древнеперсидском подлиннике употреблено единственное число (см. В. В. Струве, *Родина зороастризма*, прим. 32).

Применение здесь единственного или множественного числа весьма важно, так как существенно меняет толкование всего контекста. О какой же стране или странах может идти здесь речь? Все исследователи единодушно склоняются к тому мнению, что надпись относится к первым годам царствования Ксеркса (486—480): Г. Гартманн (*Zur neuen Inschrift des Xerxes von Persepolis*, — OLZ, 40, 1937, № 3, Ss. 145—160) доказывает, что речь в тексте идет об увозе Ксерксом статуи Бела-Мардука из храма Эсагила. И. Леви (*L'inscription triomphale de Xerxès*, — RH, 185, 1939, № 1, pp. 105—122) считает, что надпись о дэвах составлена в 480 г. до н. э. и относится к разрушению Афин. В. В. Струве, рассматривая все выказанные предположения, излагает свою точку зрения весьма осторожно, но все же склоняется к тому мнению, что «дэвы» надписи — это древнеиранские божества, а не божества других народов. Подробнее и шире этот вопрос разработан в другой работе: В. В. Струве, *«Родина зороастризма»*. Основные выводы этой работы учтены автором в тексте книги.

Указав, что Ксеркс не был и не мог быть зороастрийцем, В. В. Струве встал в резкую оппозицию к взглядам Э. Герцфельда, который считает, что действия Ксеркса были принятием зороастризма как новой религии, но вместе с тем не соглашается и с мнением Р. Кента и Г. Гартманна, считавших, что это частное мероприятие, направленное против одной мятежной страны.

Своеобразную позицию занимает В. И. Абаев. В упоминавшейся работе он считает, что в надписи речь идет о двух странах. В первой (может быть, в Вавилоне) было восстание, усмирённое Ксерксом, а во второй был введен новый культ вместо культа дэвов. В отношении же религиозной реформы В. И. Абаев целиком присоединяется к И. Гертелю, Э. Герцфельду и другим ученым, сторонникам взгляда на Заратуштру как на современника Дария и вдохновителя религиозных реформ начала V в. до н. э.

Мне кажется, что мероприятия Ксеркса, носившие явно политический характер, не были все же реформами общегосударственного значения.

Необходимо сказать и о своеобразной религиозной формуле, несколько раз встречающейся в надписи (строки 40—41, 50—51, 53—54) и один раз (строки 40—41) в приводимом отрывке текста.

В. И. Абаев (*Антидэвовская надпись Ксеркса*, стр. 138), опираясь на толкование Гертеля, определяет «arta» как олицетворение «неба-света-огня», впоследствии морального «света» — «правды» и пр., авест. aša, вед. ṛta-; brazma — «небесный» в культовом, сакральном значении, «божественный», вед. brāhmaṇa-.

Э. Герцфельд оставляет эту формулу фактически без перевода (см. выше), но посвящает обоим компонентам большие экскурсы в глоссарии (*Altpersische Inschriften*, Ss. 116—118, 287—289). Он ошибочно возводит слово brazmaṇi k brag- «почитать, приветствовать».

А. А. Фрейман в неопубликованной работе, на которую ссылается В. В. Струве (*Родина зороастризма*, прим. 34 et passim), связывает brazmaṇi со встречающимся в младшей Авесте bagəmaṇi, позднее «барсом» — священная ветвь, имеющая ритуальное значение и связанная с огнем. Так же толкует это слово и Г. Гартманн, а за ним Л. Ельницкий, а также Н. S. Nyberg, *Die Religionen des alten Iran*, Leipzig, 1938, S. 367, Anm., S. 478.

Слово ṛta Г. Гартманн, В. Струве и Л. Ельницкий склонны понимать в отвлеченном смысле, как «dominierender Moralbegriff», и поэтому переводят: Г. Гартманн: «da verehrte ich den Ahuramazda durch Gerechtigkeit und den Opferzweigen». Л. Ельницкий: «...Я совершил службу Ахурамазде по закону и с жертвенными ветвями». В. В. Струве: «...Я Ахурамазду почитал и именно через право (т. е. через священный огонь)», отходя от буквального понимания слова brazmaṇi — «священная ветвь». Против такой трактовки понятия ṛta возражает Г. Нюберг.

Имеются и другие объяснения этого выражения. Так, Бэйли в письме к Г. Нюбергу (Н. S. Nyberg, *Die Religionen...*, S. 478), предлагает видеть в ṛtaṣā brazmaṇiya стяжение из ṛta-ḥaṣā brazmaṇiyaḥ «следующая Арте (ṛta-ḥaṣā) и имея brazmaṇi». Пизани (RSO, XLIX, p. 85 fol.) видит в ṛtaṣā brazmaṇi двойственное число: «ṛta и brazmaṇi», рассматривая -ṣā как связывающее ṛta с A(h)uramazdām. Сукумар Сен (Sukumar Sen, *Old Persian Inscriptions of the Achaemenian Emperors*, Calcutta, 1941, p. 155) рассматривает ṛtaṣā brazmaṇi как acc. pl. neutr. и переводит «и божественные свершения».

Р. Кент (*Old Persian...*, p. 201) рассматривает brazmaṇiya- как наречие, по форме — прилагательное с суффиксом -iya, образованное от brazmaṇi-, древнеиндийское brāhmaṇa — «набожность», «молитвы», среднедревнеиндийское brahmaṇya- — «божественный, религиозный», и переводит «почтительно, молитвенно». Среднеперсидское brahm, brahman означает «как полагается, в соответствии с религиозной формой» (см. W. B. Henning, *Brāhmaṇa*, — «Transactions of the Philological Society», London, 1944, pp. 108—118).

Мне бы хотелось напомнить о том, что эта религиозная формула не переведена на эламский и аккадский языки, а транслитерирована. На это обращали внимание все исследователи, занимавшиеся надписью, и правиль-

но объяснили это тем, что мы здесь имеем дело с типично иранской религиозной терминологией, чуждой другим народам. Но мне хочется отметить, что транслитерирована не только эта формула, но и имя Ахурамазды. Быть может и формула-то эта состояла не из двух слов, а из трех: поклоняться «A(h)uramazdām rtācā brazmanīy». Напомню постоянную пару в Гатах: mazdācā ahurāho artācā. См. Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, s. v. arta-. И тогда следует рассматривать падеж, в котором стоит слово rtā, как instr. comit. (см. E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, S. 287), точно так же, как и в рассмотренном выше случае с применением союза-энклитики -cā: karahyā viθbišcā (см. прим. 190). Тогда слово brazmanīy стоит в ass. dual., а не в instr. sg. На такую возможность указывал Э. Герцфельд (ibid., S. 118), но не сделал из этого никаких выводов. Если это так, то brazmanīy относится и к Арте, и к Ахурамазде. В таком случае перевод этой формулы будет следующий: «Я поклонился святым Ахурамазде и Арте». (Я присоединюсь к трактовке слова brazman- как «святой».) Думается, что Арта здесь имя иранского божества, а не отвлеченное понятие, Moralbegriff. Примерно тот же смысл дает и перевод Р. Кента: «почитал Ахурамазду и Арту набожно(-ую)».

При определении даты надписи следует с осторожностью отнести к попытке И. Леви уточнить датировку, тем более, что вообще вся аргументация этого ученого в пользу определения страны, упоминаемой в тексте, как Греции, недостаточно убедительна. Нужно проявлять осторожность и в вопросе о титулатуре Ксеркса. Считается, что эта надпись должна относиться к первым годам царствования Ксеркса, потому, что он именует себя в надписи просто «царь», а не «царь великий», как в более поздних надписях. Однако рассмотрим этот вопрос внимательнее.

Ксеркс назван «царь великий», «царь царей» во вступительных частях надписи гарема (строка 9) и надписи о дэвах (строка 7), но именуется просто «царь» в приступах: «Говорит Ксеркс царь». Точно так же титулуется и его отец Дарий в начале своего правления на Бисутунской скале и в конце царствования — в Накш-и Рустеме. Такое же соотношение титулатуры имеется и в надписи Xerx. Pers. a (R. Kent, *Old Persian*..., p. 147 sq.), высеченной в четырех экземплярах на щеках больших ворот дворцового комплекса над крылатыми быками. То же можно сказать и о Ванской надписи (Xerx. Wan, R. Kent, ibid., p. 152 sq.) и о надписи Ксеркса из персепольской тацары, опубликованной Э. Герцфельдом (*Altpersische Inschriften*, S. 41; Xerx. Pers. j., R. Kent ibid., p. 152). В Эльвендской надписи (R. Kent, ibid., p. 152) Ксеркс назван великим царем и царем царей, как и в других надписях, но в ней отсутствует формула: «Говорит Ксеркс царь». Таким образом, титулатуру «царь великий» в приступах: «Говорит Ксеркс...» имеют только надписи Xerx. Pers. b, c, d, g. Все эти надписи на различных постройках персепольского дворцового комплекса. У нас нет никаких оснований полагать, что Xerx. Pers. a или Xerx. Pers. j старшие надписей b, c, d и g. Нет никаких оснований считать ранней и надпись на Ванской скале.

Кроме титулатуры, акад. В. В. Струве как датирующее начало выдвигает еще заключительные формулы надписей (*Надпись Ксеркса о «дэвах»*..., стр. 135—136). Сравнивая заключительные формулы различных надписей, он приходит к выводу, что гаремная надпись сделана позже, чем надпись о дэвах, и датирует эту последнюю 485 г. до н. э. Мне думается, что нужно с осторожностью относиться к данным канцелярского стиля ахеменидского двора при датировке памятников, тем более, что надпись гарема (Xerx. Pers. f., E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften* S. 35; R. Kent, *Old Persian*, p. 149) вряд ли имела бы смысл после надписи о дэвах, где Ксеркс рисуется как могучий повелитель, сокрушающий своих противников и не нуждающийся в подтверждении своих прав на отчий престол, чему посвящена первая из этих надписей.

В заключение хочу обратить внимание читателей на формулу, имеющуюся в эльвендской и ванской надписях Ксеркса. Обе эти надписи начинаются словами: *bagā vazraka A(h)uramazdā hya maθišta bagāpām*, т. е.: «Бог великий Ахурамазда, величайший из богов...» Если мы признаем, что в надписи о дэвах речь идет о всеобъемлющей государственной реформе, введшей единый культ Ахурамазды, то мы должны датировать эльвендскую и ванскую надписи раньше надписи о дэвах, или же следует признать, что в надписи о дэвах говорится о событиях хотя и значительных, но все же имевших местный характер.

²⁴¹ Примененный Ксерксом, разрушавшим эти святилища, уничижительный термин *daivadāpa* соответствует у Дария, восстанавливавшего их, термину *āuadāpa*, не содержащего указания на культ «демонов», дэвов.

²⁴² О перевороте у нас имеются сведения Ктесия (у Фотия, см. также Диодор, XI, 69), Аристотеля и Юстина (III, 1), существенно отличающиеся друг от друга. О Виштаспе см. Ктесия (у Фотия § 30—31).

²⁴³ Об Инаре рассказывает Ктесий (у Фотия § 32) и см. Диодор, XI, 71 3.

²⁴⁴ Геродот, III, 15.

²⁴⁵ Этот мир известен также под названием Кимонова. См. Фукидид, I, 104, 109, 110; Диодор XI, 71, 74, 75, 77; Ктесий (у Фотия, § 32—35) и другие авторы.

²⁴⁶ О Зописе см. Ктесий (у Фотия, § 43, ср. Геродот, III, 160). Об источниках Геродота см. A. v. Gutschmid, *Kleine Schriften*, IV, Leipzig, 1892, S. 145.

²⁴⁷ Тщательный разбор источников и попытка согласовать их противоречивые данные см. P.W.R.-E., s. v. Dareios II (Swoboda).

²⁴⁸ Ктесий, *Persica*, 50—51. Это восстание, вероятно, охватило Сирию, Th. Nöldeke, *Aufsätze zur persischer Geschichte*, Leipzig, 1887, S. 58.

²⁴⁹ См. Th. Nöldeke, *ibid.*

²⁵⁰ Фукидид, VIII, 28.

²⁵¹ Ксенофонт, *Элл.*, I, 4, 2.

²⁵² Ксенофонт, *Анаб.*, I, 8.

²⁵³ О Ксенофонте см. W. v. Christ, *Geschichte der griechischen Literatur*, München, 1912, S. 494 ff. — Битва при Кунаксе описана у Ксенофонта, *Анаб.*, I; *Элл.*, III, 1, 1—2; ср. Ктесий (у Фотия, § 58, 59); Плутарх, *Артаксеркс*, 3—13; Диодор, XIV, 19—24; Юстин, VII, 5—11.

²⁵⁴ См.: Ксенофонт, *Агесилай*, I; *Элл.* III; Плутарх, *Агесилай*, I и сл., а также другие произведения (Chr. Haupt, *Agésilaios in Asien*, 1874).

²⁵⁵ Считается, что здесь сыграли свою роль интриги Парисатиды. См. W. Judeich, *Kleinasiatische Studien*, Marburg, 1892, Ss. 66 ff. — См.: Ксенофонт, *Агесилай*, I, 23; *Элл.*, III, 4, 15; Плутарх, *Агесилай*, 10, и другие авторы.

²⁵⁶ См. указанных выше авторов.

²⁵⁷ См. указанных выше авторов. Также: Chr. Haupt, *Agésilaios in Asien*.

²⁵⁸ Ксенофонт, *Элл.*, V, 1, 31.

²⁵⁹ Диодор, XIV, 79.

²⁶⁰ Кипрская война продолжалась около десяти лет и стоила персам 15 тыс. талантов (Исократ, IX, 60). Основные сведения по кипрской войне дает Диодор, XV, 2 и сл.

²⁶¹ Диодор, XV, 90.

²⁶² Сведения об этих событиях мы черпаем в основном у Диодора, кн. XVI.

²⁶³ Ср. жалобы на жестокое правление Артаксеркса III у Диодора, XVII, 5, 3. Также см. Юстин, X, 3, 1.

²⁶⁴ См. Диодор, XVII, 5, 3. Т. Нельдеке считает что убийство Артаксеркса III произошло в 337 г. до н. э., см. P.W.R.-E., s. v.

²⁶⁵ Ср. письмо Александра Дарию III у Арриана, *Анаб.*, II, 14. См. ниже, ч. II, прим. 5.

²⁶⁶ Диодор, XVII, 5, 5—6. О спорах относительно времени вступления на престол Дария III см. PW R-E., s. v. Dareios III (Swoboda).

²⁶⁷ Ксенофонт, *Экономик*, гл. 4.

²⁶⁸ В. В. Струве, *Аренда податей в государстве Ахеменидов*, — ТИК, М.—Л., 1939, стр. 246.

²⁶⁹ См. скульптурное изображение данников на рельефах персепольской ападаны, E. Schmidt, *Persepolis*, I, Chicago, 1953, pl. 27, 45.

²⁷⁰ См. скульптурное изображение данников, SPA, IV, pl. 91—94, и особенно E. Schmidt, *Persepolis*, I, pl. 27—49.

²⁷¹ См. Введение, прим. 22.

²⁷² Древнеперсидский язык сохранил нам три термина для населенного пункта: *didā*-, *vṛdāna*- и *āvaṇāna*-. Как уже указывалось выше (прим. 145), *didā* переводится по-аккадски как *ālu* — «населенный пункт, деревня, город», как *birtu* — «крепость, укрепление с царским гарнизоном» и как *uširtu(m) ša ēkalli* — «(стена), очерчивающая или опоясывающая дворец» и может означать просто «стена». Остальные два термина переводятся по-аккадски *ālu* — самым общим обозначением для любого населенного пункта.

Слово *vardana*-, *vṛdāna*-, А. Мейе и Э. Бенвенист, а также Р. Кент, следуя за Х. Бартоломэ, сближают с инд. *vṛjānam* (A. Meillet, *Grammaire de vieux perse*, Paris, 1915, pp. 67, 141; R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 207). Р. Холл (R. A. Hall, *The Etymology of Old Persian vardanam*, — «Language», XII, 1936, № 4, p. 297 fol.) связывает его с другим индийским словом — *vandhanam* — «защищенное, охраняемое место — город». Э. Бенвенист (E. Benveniste, *Les mages dans L'ancien Iran*, Paris, 1938, p. 10) весьма справедливо сближает этот территориальный термин с авестийским социальным термином *vəgəzāpa*-, означающим «общину», а также с индийским *vṛjānam*. Э. Герцфельд, со свойственной ему модернизацией древнеперсидских общественных отношений, считает, без достаточных оснований, что *vardana*- — это «административный центр округа какой-либо провинции» (E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, S. 123), и ставит знак равенства между *vardana*- и среднеперсидским *šāhristān*. Если следовать восстановлению Р. Кента в надписи Dar. Sus. e, строки 45—46: [*varda*]nam, то термином *vṛdāna*- мог обозначаться такой большой город, как Сузы, имевший цитадель (*didā*=акк. *birtu*). По-видимому, *vṛdāna*- означало всякое поселение, первоначально общинное, а затем и городское, а *didā* (первоначально — «стена») — поселение-крепость, типа хорошо известных по ассирийским текстам и изображениям мидийских крепостей, а также и цитадель более крупного поселения. Однако не исключено, что текст Dar. Sus. e, 45—46 можно восстановить [*āvaṇa*]nam; термином *āvaṇāna*- (откуда, предположительно, армянское *avan* — «селение») дважды в ахеменидских надписях названы иранские населенные пункты: Зузу или Зузахья в Армении, Абирадуш в Эламе [*Uja-Uvja* — «Элам», согласно Р. Кенту (*Old Persian...*, стр. 177) и В. Хинцу (*Altpersischer Wortschatz*, Leipzig, 1942, s. v.); сопоставление с Абреттоной у Э. Герцфельда (*Altpersische Inschriften*, S. 122) не является убедительным].

Имеется ряд попыток объяснить термины *didā*-, *vṛdāna*- и *āvaṇāna*- с точки зрения их содержания. Единство мнений пока не достигнуто.

²⁷³ Изданы В. Шейлем (MDP, IX и XI); ср. Ю. Б. Юсифов, *Царское ремесленное хозяйство в Эламе и Мидии (VI в. до н. э.)*.

²⁷⁴ Одна из групп персепольских табличек издана в книге G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948.

²⁷⁵ Dar. Sus. I, R. Kent, *Old Persian...*, p. 110 (там же библиография).

²⁷⁶ См. Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, Berlin, 1937, III, S. 101.

²⁷⁷ W. Götz, *Die vorderasiatische Reichspoststrasse der persischen Grosskönige*, — «Jahrbücher der geogr. Gesellschaft», München, 1885, S. 90; Б. А. Тураев, *История древнего Востока*, изд. 2, II, Л., 1935, стр. 140.

^{277a} Памятниками постройки этого канала являются найденные на Суэцком перешейке обломки стел с надписями на четырех языках. См. библиографию в кн.: R. Kent, *Old Persian*...

²⁷⁸ О grda см.: G. G. Cameron, *Persepolis treasury tablets*; В. О. Тюрин, «Социальное положение *kur-taš* по документам из „сокровищницы“ Персеполя», — ВДИ, 1951, № 3, стр. 21 и сл.; «К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи», — «Труды Института языкознания АН СССР», VI, 1956, стр. 199 и сл.; G. R. Driver, *Aramaic Documents of the Fifth Century B. C.*, Oxford, 1954, № VII, IX и XII; I. Gerchevitch, рец. на книгу Г. Камерона, — «Asia Major», N. S. II, 1952, p. 132 fol. (со ссылкой на В. Хеннинга); И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 323 и сл.

^{278a} В. О. Тюрин, *Социальное положение *kur-taš*...*

²⁷⁹ Геродот, VI, 20, 101, 119.

²⁸⁰ См. G. G. Cameron, *Persepolis treasury tablets*, pp. 1—5.

²⁸¹ О *kāga* и ее вероятном составе см. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 332 и сл.

²⁸² В. В. Струве, *Датировка Бехистунской надписи*, — ВДИ, 1952, № 1, стр. 44 и сл.

²⁸³ Ксенофонт, *Экономик*, гл. 4.

²⁸⁴ См. Введение, прим. 41.

²⁸⁵ Так по данным Геродота, VII, 60—99, 184.

²⁸⁶ Курций, III, 2; IV, 12.

²⁸⁷ Геродот, VII, 60—99.

²⁸⁸ Геродот, III, 89—97.

²⁸⁹ О монетной системе Ахеменидов см. Введение, прим. 51. Державы Передней Азии, предшествовавшие Ахеменидской, монетной системы не знали; она впервые появилась в Лидии конца VII — первой половины VI в. до н. э.

²⁹⁰ Геродот, I, 183.

²⁹¹ По данным Геродота (III, 89—97), Ахемениды получали (в талантах серебра) следующую дань с отдельных сатрапий (цифры для малопродуктивных Дрангианы и Гедросии, а также для Индии, может быть, содержат ошибки):

А. Старые классовые общества Передней Азии	Б. Иран и Средняя Азия	В. Индия
(площадь ок. 2,5 млн. кв. км)	(площадь до 4 млн. кв. км)	
Иония 400	Мидия 450	360 талантов
Лидия 500	Бактрия 360	золотого
Каппадокия 360	Хорезм 300	песку =
Киликия 360	Согдиана } 300	свыше 4500
Заречье 350	Парфия } 300	талантов се-
Египет 700 (кро-	Арея 250	ребра?
ме дани натурой)	Саки 250	(ошибка
Элам 300	Саттагидия } 170	вместо 36
Вавилония 1000	Арахосия } 600	талантов?)
	Дрангиана 600	
	(? — ошибка вм. 60?)	
Армения 400+200	Гедросия } 400	—
(две сатрапии)	и т. д. 400	
	(? — ошибка вм. 40?)	
Понт 300	Каспиана 200	
4870	2730 (? — 1830?)	

²⁹² W. Eilers, *Kleinasiatisches*, — ZDMG, XCIV, 1940, S. 189.

²⁹³ Ibid.

²⁹⁴ B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, Heidelberg, 1920, Ss. 87 ff., 129 ff.

²⁹⁵ О положении вавилонских городов в доахеменидское время см. И. М. Дьяконов: «Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э.», — ВДИ, 1946, № 4, стр. 41 и сл.; «Развитие земельных отношений в Ассирии», Л., 1949, стр. 136 и сл. — О их положении после падения Ахеменидской державы см. Г. Х. Саркисян: «Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии», — ВДИ, 1952, № 1, стр. 68 и сл.; «О городской земле в селевкидской Вавилонии», — ВДИ, 1953, № 1, стр. 64 и сл.; «Социальная роль клинописной нотариально-правовой системы в эллинистической Вавилонии», — «Еос», XLVIII, 2, стр. 29 и сл.

²⁹⁶ См.: Библия, Книга Эзры; Н. Н. Schaefer, *Iranische Beiträge* I, — «Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft», Geisteswiss. Klasse, 6 Jg., Hft 5, Halle, 1930, S. 199 ff.; И. Д. Амусин, «Народ земли», — ВДИ, 1955, № 2, стр. 29 и сл.

²⁹⁷ Геродот, VII, 223.

²⁹⁸ О причинах образования древневосточных военно-государственных объединений см. Н. Б. Янковская, *Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы*, — ВДИ, 1956, № 1, стр. 28 и сл.

²⁹⁹ Библия, Книга Эзры.

³⁰⁰ Понимание выражения A(h)uramazdā hadā viθaibiš багаibiš (Dac. Pers. d, R. G. Kent, *Old Persian*..., p. 135 sq.), как «Ахурамазда вместе со всеми богами», является наиболее вероятным, учитывая аккадскую версию; см.: E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, S. 105 ff.; В. В. Струве, *Надпись Ксеркса о «дэвах»*, — ИАН, серия Истории и философии, 1944, № 3, прим. 53. Р. Кент и ряд других исследователей переводят «Ахурамазда вместе с родовыми богами (царского рода)». Ср. «царские боги» у Геродота (III, 67). См. R. G. Kent, *ibid.*, s. v. viθa-.

³⁰¹ Анахита: Art. II, Sus. a, 4 сл.; Sus. d, 3 сл.; Ham. a 5—6; Митра: Art. II, Ham. a 5—6; Ham. b; Sus. a, 4—5; Sus. d, 4; Art. III, Pers. a., 25.

³⁰² Геродот, VII, 43, 113.

³⁰³ Curt., *Hist. Alex.*, V, 1, 22.

³⁰⁴ См., например, надпись из Арабиссона о браке «маздеистской веры» с вавилонским богом Белом (см. M. Lidzbarski, *Ephemeris für semitische Epigraphik*, I, Giessen, 1902, S. 70 ff.) и надпись Антиоха Коммагенского из Немруд-дага, см. ниже, ч. II.

³⁰⁵ Библия, Книги Аггея, Захарии, Малахии.

³⁰⁶ Библия, Книга Исаии, XLV и сл. («Второйсайя»).

³⁰⁷ О полемике, связанной с надписью Ариарамны, см. Введение, прим. 25.

Надпись Аршамы стала известной позже, см. R. G. Kent, *Old Persian*..., p. 107.

³⁰⁸ Вавилонский язык ахеменидских надписей имеет ряд особенностей и неправильностей, насыщен арамеизмами и, по-видимому, разговорными оборотами; иногда он повторяет синтаксическую структуру, отдельные слова и предложения древнеперсидского языка. До сих пор вавилонским языком ахеменидских надписей занимались недостаточно. См. O. Rössler, *Untersuchungen über die akkadischen Fassungen der Achämenidinschriften*, Berlin, 1938 (эта работа была мне недоступна). Поразительно быстро изменялся в ахеменидское время и сам древнеперсидский язык. Уже в царствование Артаксеркса II древнеперсидский литературный язык, известный нам, например, по Бисутунской надписи, перестал быть живым, что заметно по ряду грамматических неправильностей (упрощение склонения). И. М. Дьяконов (*История Мидии*, стр. 367) привел ряд данных в пользу того, что даже в конце VI в. до н. э. язык надписей отличался

от реального языка персов, и не только своей большей архаичностью; по мнению И. М. Дьяконова, язык древнеперсидских надписей есть в своей основе мидийский письменный язык, сложившийся еще в период Мидийского царства, но переработанный в сторону максимального насыщения собственно персидскими особенностями в лексике, фонетике и грамматике. Обычно полагают, напротив, что это язык Персиды, но со значительными мидийскими элементами (см. R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 8 ff.).

³⁰⁹ О находке архива см. E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 226. См. также, G. G. Cameron, *Darius' Daughter and the Persepolis Inscriptions*,—JNES, I, 1942, p. 214 ff.; R. T. Hatlock, *New Light from Persepolis*,—JNES, IX, 1950, p. 239 ff.

³¹⁰ См.: И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Документы из древней Нисы*,—«Материалы ЮТАКЭ», 2, М.—Л., 1951, стр. 26 и сл., 49 и сл.; В. В. Струве, *Реформа письменности при Дарии I*,—ВДИ, 1951, № 3, стр. 18 и сл.; И. М. Дьяконов и К. Б. Старкова, *Надписи Артаксиса (Арташеса I), царя Армении*,—ВДИ, 1955, № 2, стр. 171; И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, *О языке документов из древней Нисы*,—ВДИ, 1956, № 4, стр. 101 и сл.—Это алфавитное письмо применялось и в эпиграфике. Э. Герцфельд открыл в Накш-и Рустеме, близ Персеполя, иранскую надпись, писанную арамейским алфавитом. Она сильно повреждена и до сих пор не расшифрована. Э. Герцфельд считает эту надпись ахеменидской; [В. Б. Хеннинг, по личному сообщению, склонен отнести ее к селевкидскому времени.—*Ред.*] См.: E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, S. 112, fig. 6; ср. А. А. Фрейман, *Новые работы по древнеперсидским надписям*,—ВДИ, 1940, № 2, стр. 127.

³¹¹ E. Herzfeld, *Bericht über die Ausgrabungen von Pasargadae, 1928*,—AMI, I, Berlin, 1929—1930; F. Wachsmuth, *Achaemenid Architecture, The Principal Monuments*,—SPA, I, p. 309 fig., SPA IV, pl. 77, 81 A.

³¹² См.: E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 213 sq.; SPA, IV, pl. 80.

³¹³ Страбон, XV, 7; Арриан, *Анаб.* IV, 29, 4 и сл.

³¹⁴ SPA, IV, pl. 79, A, B, C.

³¹⁵ Behist., § 14 (др.-перс. āyadana-, эламск. šiyan, вав. bitâte ša ilāni = «дома богов»).

³¹⁶ SPA, I, стр. 311.

³¹⁷ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 237 sq.

³¹⁸ Геродот, I, 131.

³¹⁹ См. E. Herzfeld, *Iran...*, p. 224 sq: «Вместе с террасами, в скале была высечена водопроводная и водоотводная система, отверстия которой так точно соответствуют стенам воздвигнутых позднее зданий, что мы вынуждены предположить, что архитекторы должны были до начала работы разработать полный и точный план с измерениями, которому точно следовали. Поэтому не имеет значения, была ли та или иная часть построек закончена при Дарии, Ксерксе или лишь при Артаксерксе I; можно считать, что все вместе было тщательно спланированным единством». См. также: SPA, I, p. 312 fol.; SPA, IV, pl. 81—94; Э. Шмидт (*Persepolis I*) не согласен с Э. Герцфельдом.

³²⁰ Начатый при Ксерксе столонный зал был закончен при Артаксерксе I, см. строительную надпись этого царя, Art. I, Pers. a (R. G. Kent, *Old Persian...*, p. 153). Э. Герцфельд (*Iran in the Ancient East*, p. 224) обращает внимание на то, что «столонный зал» был лишен внутри естественного освещения и был непропорционально низок (250 × 250 футов площадью и только 30 футов в высоту).

³²¹ R. de Mecquenem, *The Achaemenid and later remains at Susa*,—SPA, I, p. 321; ср. E. Herzfeld, *An Archaeological History of Iran*, London, 1935, p. 22 sq.—Кроме дворца Дария I, в Сузах имеется здание времен Ксеркса и Артаксеркса II (paradayada,—может быть, вместо paridaida-).

по Ксенофону — охотничий парк с дворцом и службами, ср.-перс. pardēz, авест. pairidaēza-, греч. παρδείσος позднее арабск. (فردوس). См. E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, S. 124 ff.; V. Scheil, — MMAP, XXIV, p. 124 et suiv.

³²² Воспроизводились неоднократно, см., например, SPA, IV, pl. 80.

³²³ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 260 ff.

³²⁴ Интересные сближения делает E. Herzfeld, *Archaeological History of Iran*, p. 30 sq.

³²⁵ Ср. выше строительную надпись Дария I из Суз. Цветные изразцы найдены в Сузах и Персеполе, остатки материалов — в Персеполе.

³²⁶ S. Casson, *Achaemenid Sculpture*, — SPA, I, p. 346 sq.

³²⁷ «Государственный Эрмитаж, Путеводитель по залам Отдела Востока», Л., 1939, стр. 68 и сл.

³²⁸ В. К. Шилейко, *Печать царя Артаксеркса*, — «Жизнь музея», I, стр. 17 и сл.

³²⁹ C. J. Gadd and Ph. Ackermann, *Achaemenid Seals* — SPA, I, p. 383 sq.

Часть II

ЭЛЛИНИЗМ И ПАРФИЯ

¹ См.: Isocr., *Or. V, Philippus*, 83—104. И в более ранних произведениях Исократ настаивал на необходимости объединения Эллады и говорил о неизбежности войны с Персией. См. Isocr., *Or. IV, Panegyrikos*, 133—186. Влияние идей Исократа на Филиппа и Александра несомненно велико. См.: K. Beloch, *Griechische Geschichte*, 2 Aufl., III, 1, Berlin — Leipzig, 1922, S. 522 ff.

² См. Арриан, *Анаб.* I, 11, 3.

³ См. в приложении к дюбнеровскому изданию Арриана (1846 г.) собранные К. Мюллером фрагменты, особенно из Каллисфена, Неарха, Птолемея.

⁴ См. Арриан, *Анаб.* II, 8, 6, где кардаки упоминаются в рассказе о приготовлениях Дария к битве при Иссе.

⁵ О письме Дария, полученном в Марате, и об ответе Александра см.: Арриан, *Анаб.* II, 14, где письмо Александра приведено полностью. Конечно, письмо не подлинно, однако дает достаточно яркое представление о соотношении сил македонян и персов уже в этот период борьбы.

⁶ О втором посольстве Дария, во время осады Александром Тира, см.: Арриан, *Анаб.* II, 25, 1—3.

⁷ См.: Арриан, *Анаб.* III, 8—16; Плутарх, *Александр*, 31. Битва при Гаугамеле упоминается неоднократно и у других античных авторов.

⁸ См. E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, London, and New York, 1941, p. 226.

⁹ На такой характер войны Александра в Средней Азии указывает уже A. v. Gutschmid, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Großen bis zum Untergang der Arsaciden*, Tübingen, 1888, S. 11. В советской исторической литературе это положение развито С. П. Толстовым в его статье: *Основные вопросы древней истории Средней Азии*, — ВДИ, 1938, 1/2, стр. 176—203.

¹⁰ W. W. Tarn, *Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938 (второе издание вышло в 1951 г.). Рецензия С. П. Толстова на эту книгу, — ВДИ, 1940, 3—4, стр. 194—209. См. также: W. W. Tarn, *Alexander the Great*, vol. I—II, Cambridge, 1948—1950.

¹¹ См.: С. П. Толстов, *Древности Верхнего Хорезма*, — ВДИ, 1941, 1 (14), стр. 155—184; А. И. Тереножкин, *К истории искусства Хорезма*, — «Искусство», 1939, № 2, стр. 121—126; Г. Григорьев, *Городище Тали-Барзу*, — ТОВЭ, II, 1940, стр. 87—104.

¹² Об опустошении долины Политимета см. Арриан, *Анаб.*, IV, 6, 5.
¹³ Арриан, *Анаб.*, IV, 15, 4; см. также: W. W. Tarn, *Alexander the Great*, II, p. 327—328. Связи Хорезма с прикаспийскими и причерноморскими степями подробно освещены С. П. Толстовым в его книге «Древний Хорезм», М., 1948, стр. 17 и сл., стр. 341.

¹⁴ О гибели Спитамена см. Арриан, *Анаб.*, IV, 17, 7.

¹⁵ Об этих туземных войсках обученных по македонскому образцу (Александр называл их — «наследниками»), см. Арриан, *Анаб.*, VII, 6, 1.

¹⁶ Плутарху, например, наряду с биографией Александра, принадлежит работа «De Fortuna Alexandri Magni».

¹⁷ Наиболее важные труды: J. G. Droysen, *Geschichte des Hellenismus*, Bd I, Basel, 1952 (новое, пересмотренное издание); U. Wilcken, *Alexander der Grosse*, Leipzig, 1931; G. Radet, *Alexandre le Grand*, Paris, 1931; W. W. Tarn, *Alexander the Great*, vol. I—II, Cambridge, 1949; F. Schachermeyr, *Alexander der Grosse, Ingenium und Macht*, Salzburg—Wien, 1949; F. Altheim, *Alexander und Asien, Geschichte eines geistigen Erbes*, Tübingen, 1953.

¹⁸ См. Плутарх, *Фокион*, 28.

¹⁹ О драхме см. PW R-E, V, особенно стлб. 1618.

²⁰ W. W. Tarn, *Greeks in Bactria and India*, гл. I. Исследователи XIX в. считали возможным говорить о сорока. J. G. Droysen, *Geschichte des Hellenismus*, III, 2, S. 187 ff.; A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 5.

²¹ О градостроительстве см., например, V. Tscherikower, *Die hellenistische Städtegründungen*, 1927.

²² A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 67.

²³ О совещании в Вавилоне см. Диодор, XVIII, 2—3.

²⁴ О совещании в Трипарисе см. Диодор, XVIII, 39; XIX, 12.

²⁵ Во время борьбы между Эвменом и Антигоном Сузы, бывшие театром военных действий, сильно пострадали; археологические раскопки показали, что именно тогда был разрушен дворец Дария, многочисленные архитектурные обломки которого (фрагменты колонн, капители, покрытые глазурью кирпичи) были разобраны жителями Суз и использованы в постройках так называемого «седьмого города» (эллинистический слой в Сузах). См. R. Ghirshman, *Mission archéologique en Susiane en hiver 1952—1953*, — «Syria», XXX, 1953, p. 232.

²⁶ О «серебряных шитах» (ἀργυράσιδες) см. Диодор, XIX, 82. См. также PW R-E, II/3, стлб. 800, 801, где ссылки на источники.

²⁷ Октябрь 312 г. до н. э. С этой даты ведется Селевкидская эра в Сирии. В Вавилонии — с марта—апреля (1 нисана) 311 г. до н. э. Эта эра получила в Передней Азии широкое распространение и существовала как официальное летосчисление в течение нескольких веков. См. O. Neugebauer, *Hilfstafern zur technischen Chronologie*, Kiel, 1937.

²⁸ Юстин, XV, 4, 11. Ср. Аппиан, *Сирийские дела*, 55.

²⁹ Плутарх, *Александр*, 62; Страбон, XV, 2, 9. Интересно отметить, что Селевк вообще придавал большое значение слонам как военной силе. Противники, насмехаясь, называли его ἐλεφαντάρχης, FHG, I, 341.

³⁰ О спорах между Селевкидами и Лагидами из-за прав на Сирию см.: Полибий, V, 67; Юстин, XV, 4, но особенно Диодор, XXI, 1, 5.

³¹ Первый документ с именами отца и сына, как соправителей, Siluku и Attakusu šaḡḡāni, датирован 20 кислева 20 г. селевкидской эры (декабрь 292 г. до н. э.). См. A. T. Clay, *Babylonian Records in the Library of J. P. Morgan, II. Legal Documents from Erech Dated in the Seleucid Era*, New York, 1913, № 3.

³² Евсевий, I, 234—235; Аппиан, *Сирийские дела*, 62.

³³ Об этом событии упоминается у ряда авторов. См.: Мемнон, 12, 3; Аппиан, *Сирийские дела*, 62 и другие главы.

³⁴ Полиэн, *Стратегемы*, VII, 39—40. Так толкуют это место Дройзен и Гутшмид, другое толкование см. PW R-E s. v. Seleukos (II).

³⁵ См.: W. W. Tarn, *Greeks in Bactria and India*, гл. I; U. Kahrstedt, *Surische Territorien in hellenistischer Zeit*, — Abh. Gött. Gel. Gesellsch. Phil.-hist. Kl. N. F. Bd 19, Lief. 2, 1926; E. Bickerman, *Les institutions des Séleucides*, Paris, 1938; M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, vol. I, II, III, Oxford, 1941, — особенно т. II. Краткий очерк внутреннего устройства Селевкидского государства см. также в САН, VII, гл. V: «Syria and the East», стр. 155—196. (Эта глава также написана М. И. Ростовцевым.) Ср. А. Б. Ранович, *Эллинизм и его историческая роль*, М. — Л., 1950, стр. 139—166.

³⁶ Аппиан, *Сирийские дела*, 62.

³⁷ См. W. W. Tarn: «*The Greeks in Bactria and India*», 1—2; «*Seleucid-Parthian Studies*», — «*Proceedings of the British Academy*», 1930, § 4.

³⁸ Аппиан, *Сирийские дела*, 61.

³⁹ Φίλων σύνταγμα. Полибий, XXXI, 3, 7.

⁴⁰ Размеры поземельного налога, по-видимому, варьировали в различных частях государства: в Малой Азии, например, он составлял десятину, а в Иудее — треть урожая злаков и половину фруктовых плодов (I кн. Маккавеев, X, 29—30). Е. Бикерман (*Les Institution des Séleucides*, p. 179) считает это следствием особого, чрезвычайного положения в Иудее в наказание за восстание при Маккавеях. Против этого М. И. Ростовцев (M. Rostovtzeff, *SEHNW*, I, p. 468).

⁴¹ Буржуазные историки видят в них феодальных крепостных. Критику этой точки зрения см. А. Б. Ранович, *Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии*, — ВДИ, 1947, № 2, стр. 28—40.

⁴² См. T. Zawadzki, *Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów matoazjatyckich w epoce hellenizmu*, Poznań, 1952 (рецензия А. Г. Периханян в ВДИ, 1954, № 3, стр. 114—117).

⁴³ F. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, vol. I—II, Paris, 1926; «*The Excavations at Dura-Europos, Preliminary report*», vol. I—VII, New Haven etc., 1929—1955 (редакторы: M. I. Rostovtzeff, F. E. Brown, C. B. Welles).

⁴⁴ Подушная подать в государстве Селевкидов засвидетельствована для Иерусалима в письме Антиоха III, приведенном Иосифом Флавием (*Иудейские древности*, XII, 142), и трудно сказать с уверенностью, распространялась ли она на все государство. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что этот налог (ἐπιχεράλιον) упоминается в псевдоаристотелевой «Экономике» (Ps. Arist., *Осеп.*, II), точная дата создания которой, однако, неизвестна, несомненно только, что использованный ее автором круг источников не позднее IV в. до н. э. См.: B. A. Van Groningen, *Le second livre de l'Economie d'Aristote*, 1933; A. M. Andreades, *A History of Greek Public Finance*, 1933, p. 83 sq.

⁴⁵ Очевидно, на их продажу, ср. надпись на Байтокайки, IGRR, III, 1020.

⁴⁶ Общий очерк налоговой политики Селевкидов см.: E. Bickerman, *Inst. Sél.*, pp. 106—132; M. I. Rostovtzeff, *SEHNW*, I, pp. 464—472; А. Б. Ранович, *Эллинизм...*, стр. 163.

⁴⁷ См. V. Tschirikower, *Die hellenistische Städtegründungen*.

⁴⁸ См. например, В. В. Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, М., 1949, стр. 143.

⁴⁹ Они собраны в кн.: C. B. Welles, *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*, New Haven, 1934.

⁵⁰ Например, Ditt., *OGIS*, 229.

⁵¹ Г. Х. Саркисян: «*Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии*». — ВДИ, № 1, 1952, стр. 68—83; «*О городской земле в Селевкидской Вавилонии*», — ВДИ, № 1, 1953, стр. 59—73; И. Д. Апусин, *Народ земли*, —

ВДИ, № 2, 1955, стр. 14—36; А. Г. Периханян, *Храмовые объединения Малой Азии и Армении* (IV в. до н. э. — III в. н. э.), М., 1959.

⁵² Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, XVIII, 372.

⁵³ Plin., NH, VI, 22.

⁵⁴ В. Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, 1949, стр. 150.

^{54a} М. Rostovtzeff, — САН, VII, р. 171.

⁵⁵ См.: С. П. Толстов, *Основные вопросы древней истории Средней Азии*, — ВДИ, 1938, № 11, стр. 176—203; W. W. Tarn, *Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1951 (изд. 2) и рецензию С. П. Толстова на эту книгу в ВДИ, 1940, 3—4, стр. 194—209; К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, Л., 1940.

⁵⁶ О восстании Молона см. Полибий, V, 40—54.

⁵⁷ Полибий, V, 55.

⁵⁸ О битве при Рафии см. Полибий, V, 47—86.

⁵⁹ О Эвтидеме подробнее см. ниже: гл. 6, стр. 187.

⁶⁰ Полибий, VIII, 25.

⁶¹ По-видимому, армия Антиоха была велика, так как отправлялась в далекий и опасный поход, но Юстин (XII, 5, 7), несомненно, преувеличивает ее численный состав. А. Гутшмид следует за Юстином (A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 36), но современные исследователи, как, например, Н. Дибвойз (N. Debevoise, *A Political History of Parthia*, Chicago, 1938, р. 17, п. 69) оспаривают эти цифры (100 тыс. пехотинцев и 20 тыс. всадников).

⁶² О войне Антиоха с парфянами см. Полибий, X, 27—31. Об истреблении эллинов в Сирийке см. Полибий, X, 31, 11. См. также: N. Debevoise, р. 18, п. 72 и W. Tarn, *Greeks in Bactria and India*, р. 21. Тарн придает особое значение рассказу Полибия.

⁶³ Юстин, XLI, 5, 7.

⁶⁴ Полибий, X, 48, 49.

⁶⁵ Аргументацию в пользу Марнесии на Меандре см. у В. В. Тарна (W. Tarn, *Greeks in Bactria and India*, pp. 74, 75). Там же о другой точке зрения.

⁶⁶ Полибий, XI, 34, 5.

⁶⁷ Полибий, XI, 34.

⁶⁸ См. А. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 28, 29.

⁶⁹ Полибий, XI, 34, 11.

⁷⁰ Полибий, XI, 34, 13.

⁷¹ Полибий, XIII, 9. См. PW R-E, s. v. Gerrhaioi.

⁷² О Ганнибале при дворе Антиоха III рассказывают: Ливий, XXXIII, 49; XXXIV, 60; Юстин, XXI, 2, 5 и другие. Появление Ганнибала при дворе Антиоха III относят к 195 г. до н. э.

⁷³ Ливий, XXXV, 15—21; Юстин, XXXI, 6, 5; САН, VIII, 213—214 — апрель 191 г.; PW R-E, s. v. Antiochos — лето 191 г.

⁷⁴ Ливий, XXXVII, 34—44; Юстин (XXXI, 8) датирует битву при Марнесии январем 189 г. до н. э.

⁷⁵ Диодор XXVIII, 3; XXIX, 5; Юстин, XXXII, 2, 1—2; Страбон, XVI, и другие.

⁷⁶ Основные работы по нумизматике Парфии: P. Gardner, *The Parthian Coinage*, London, 1877; W. Wroth, *British Museum, Catalogue of the Coins of Parthia*, London, 1903; J. de Morgan, *Numismatique de la Perse antique, Introduction, Arsacides*, Paris, 1927. См. также: R. H. McDowell, *Coins from Seleucia on the Tigris*, — «University of Michigan Studies», Ann Arbor, 1935; A. Simonetta, *Notes on the Parthian and Indo-Parthian issues of the first century B. C.* — «Actes du Congrès International de Numismatique», II, Paris, 1957, p. 111—122.

⁷⁷ По Страбону (XI, 8, 2), в конфедерацию дахов входило три племена: парны (Ἀπαρνοί), ксантии (Ξάνθιοι) и писсурсы (Πισσοῦροι).

- ⁷⁸ Арриан, *Анаб.*, III, 28, 8, 10; Квинт Курций, VIII, 1, 8.
- ⁷⁹ Детальный анализ источников и литературы, касающихся начального периода истории парфян и их борьбы с Селевкидами, содержится в работе И. Вольского (J. Wolski, *L'effondrement de la domination des Séleucides en Iran au III-e siècle av. J. — C.*, — «Bull. international de l'Académie Polonaise de Sciences et des lettres», Classe de philol., d'hist. et de philos., N. supplém. 5, Cracovie, 1947, pp. 13—70).
- ⁸⁰ Об Андраторе см. J. Wolski, *Le problème d'Andragoras*, — «Ephemeris Instituti Archaeol. Bulgarici», vol. XVI 1950, pp. 111—114.
- ⁸¹ О датировке этого события см. J. Wolski, *L'effondrement...*, стр. 41—48.
- ⁸² J. Wolski, *Arsaces I, fondateur de l'état parthe*, — «Eos», 38, 1937 и 39, 1938. — В более ранних работах по истории Парфии этот правитель фигурирует под именем Тиридата I.
- ⁸³ Isid. Char., *Mans. Parth.*, 12.
- ⁸⁴ Юстин, XLI, 5, 7.
- ⁸⁵ Юстин, XLI, 5, 9.
- ⁸⁶ Если Кюмон прав (см. CRAI, 1932, p. 284 ff.) и надпись из Суз действительно относится ко времени Антиоха IV, то он побывал и там во время этого похода.
- ⁸⁷ О Камнаскире см.: Allote de la Fuÿe, *Les monnaies de l'Élymaïde*, — MDP, VIII, 1905; «Revue Numismatique», XXII, 1919, pp. 45—84. — При парфянах царство Элимаиды занимало весьма скромную территорию в юго-восточной части Хузистана. Сузиана не входила в территорию этого царства, а была отдельной парфянской сатрапией. См. W. B. Henning, *The Inscriptions and Monuments of Tang-i Sarvak*, — «Asia Major», 1952, p. 151 sq., особенно p. 177.
- ⁸⁸ См.: F. F. Weissbach, PW, R-E, s. v.; E. T. Newell, *Mithradates of Parthia and Hyspaosines of Characene*, — «Numismatic Notes and Monographs», № 26, New York, 1925.
- ⁸⁹ Юстин, XLI, 6, 7.
- ⁹⁰ O. Schroeder, *Kontrakte der Seleukidenzeit aus Warka*, — «Vorderasiatische Schriffsdenkmäler der Kgl. Museen zu Berlin», XV, Leipzig, 1916, № 37.
- ⁹¹ См. N. Debevoise, *A. Political...*, p. 24, n. 103.
- ⁹² Юстин, XXXVI, 1.
- ⁹³ В этом году перестает чеканиться его монета, E. T. Newell, *The Coinage of the Parthians*, — SPA, I, pp. 475—492.
- ⁹⁴ Юстин, XXXVIII, 10.
- ⁹⁵ Юстин, XXXVIII, 10.
- ⁹⁶ Юстин, XXXVIII, 10.
- ⁹⁷ Юстин, XXXVIII, 10.
- ⁹⁸ О современном состоянии вопроса о кочевниках Средней Азии перед началом нашей эры см. весьма содержательный обзор И. И. Умнякова, *Тохарская проблема*, — ВДИ, 3/4, 1940, стр. 181—193, а также С. П. Толстов, *Основные вопросы древней истории Средней Азии*, — ВДИ, 1938, № 1, стр. 178—203. — Специально о саках см.: F. W. Thomas, *Sakastana*, — JRAS, 1906 pt 1, pp. 181—216; pt 2, pp. 460—464; V. A. Smith, *The Sakas in Northern India*, — ZDMG, XLI, 1907, pp. 403—421; H. Lüders, *Die Sakas und die Nordarische Sprache*, — SPAW, 1913; S. Konow, *On the Nationality of the Kusanas* — ZDMG, LXVIII, 1914, pp. 85—100; E. Herzfeld, *Sakastan*, — AMI, IV, 1935; W. W. Tarn, *Greeks in Bactria and India*; W. W. McGovern, *The Early Empires of Central Asia*, Chapel Hill, Univ. of North Carolina press, 1939. (Рецензия А. Н. Бернштама на эту работу, — ВДИ, 1940, № 3—4.) В статье И. И. Умнякова и в книгах В. В. Тарна и В. В. Мак-Говерна дана обширная библиография.
- ⁹⁹ Юстин, XLI, 4.

- ¹⁰⁰ A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 37.
- ¹⁰¹ W. W. Tarn, *Greeks...*, ch. III.
- ¹⁰² Юстин, XL, 4, 5; Страбон, XI, 9, 3.
- ¹⁰³ См. выше.
- ¹⁰⁴ W. W. Tarn, *Greeks...*, p. 74 fol.
- ¹⁰⁵ К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, стр. 5.
- ¹⁰⁶ Полибий, XI, 34, 2.
- ¹⁰⁷ См.: W. W. Tarn, *Greeks...*, pp. 104—112; С. П. Толстов, — ВДИ, 1940, 3—4, стр. 200.
- ¹⁰⁸ W. W. Tarn, *Greeks...*, ch. V.
- ¹⁰⁹ A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 45 ff., см. также С. П. Толстов, — ВДИ, 1940, № 3—4.
- ¹¹⁰ Юстин, XLI, 6.
- ¹¹¹ С. П. Толстов, — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 194 и сл. — В. В. Тарн считает Гелиокла отцом Эвкратиды, а Лаодику — селевкидскую принцессу — мать; противоположную точку зрения излагает А. Гутшмид, *Geschichte Irans...*, S. 48—49.
- ¹¹² С. П. Толстов, — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 194 и сл.; A. v. Sallet, *Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Bactrien und Indien*, Berlin, 1878.
- ¹¹³ Юстин, XLI, 6.
- ¹¹⁴ 141 г. до н. э. См. Юстин, XXXVI, I, 4.
- ¹¹⁵ Страбон, XI, 8, 2.
- ¹¹⁶ Юстин, XLI.
- ¹¹⁷ Юстин, XLI.
- ¹¹⁸ A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 70; Герцфельд в ряде мест, см., например, E. Herzfeld, *Sakastan*, — AMI, IV; К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, стр. 8; N. Debevoise, p. 55 (с некоторой оговоркой).
- ¹¹⁹ W. W. Tarn, *Greeks...*, pp. 185, 284—295. Экскурсы 11, 20, 21.
- ¹²⁰ С. П. Толстов, — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 207.
- ¹²¹ Юстин, XLII, 1—2.
- ¹²² Юстин, XLII, 2, 1—3.
- ¹²³ Юстин, XLII, 1, 3.
- ¹²⁴ T. G. Pinches, *A Babylonian Tablet dated in the Reign of Aspasia*, — «Babylonian and Oriental Record», IV, 1889—1890; Terrien de Lacouperie, *Hyspaosines, the Characene King of Babylon*, ibid.
- ¹²⁵ А. Гутшмид (A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 78) категорически отрицает возможность того, чтобы эти монеты относились к Гимеру.
- ¹²⁶ N. Debevoise, *A Political...*, pp. 39, 40.
- ¹²⁷ E. T. Newell, *Mithridates of Parthia and Hyspaosines of Characene*, p. 111 sq.
- ¹²⁸ V. A. Smith: «The Indo-Parthian Dynasties», — ZDMG, LX, 1906, pp. 49—72; «The Early History of India», Oxford, 1924; E. G. Rapson, *Ancient India from the Earliest Times to the First Century A. D.* — CHI, I, 1916; A. Cunningham, *Later Indo-Scythians*, — Num. Chron, 3rd Ser., XIII, 1916; A. Cunningham, *Notes sur les Indo-Scythes*, — JA, 1896; S. Konow, *Indo-Skythische Beiträge*, — SPAW, 1916.
- ¹²⁹ W. W. Tarn, — САН, IX, стр. 584—585.
- ¹³⁰ См. А. Гутшмид, *Geschichte Irans...*, S. 74. — В. В. Тарн придерживается той же точки зрения, но считает, что монеты эти чеканены не самим Митридатом, а его соправителем на Востоке (САН, IX, 587). Однако нумизматы считают невозможным приписать эти монеты Митридату II или кому-либо из его современников, полагая эту серию монет более поздней (см.: W. Wroth, *British Museum...*, p. XXXI—XXXII; R. H. McDowell, *The Coins from Seleucia on the Tigris*, Ann Arbor, 1935, p. 52; E. Newell, — SPA, I — Дибвойз (V. Debevoise, *A Political...*, p. 40, n. 51) также относится скептически к точке зрения А. Гутшмида и В. Тарна.

¹³¹ И. М. Дьяконов, К. Б. Старкова, *Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении*, — ВДИ, 1955, № 2, стр. 161—174; Г. Тирацян, *Новые армянские надписи Арташеса I*, — Изв. АН Арм. ССР (Общ. науки), № 10, 1957, стр. 105 (на арм. языке).

¹³² См. Я. А. Манандян, *Тигран II и Рим*, Ереван, 1943, стр. 25.

¹³³ Страбон, XI, 14, 15.

¹³⁴ A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, Anh. auf S. 80.

¹³⁵ Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, XII, 384—386.

¹³⁶ Однако из переговоров Лукулла с Фраатом III после битвы при Тигранакерте как будто бы следует, что соглашение было заключено.

¹³⁷ См. работу J. Dobiasz, *Les premiers rapports des Romains avec les Parthes*, — «Archiv Orientalni», III, 1931, pp. 215—256.

¹³⁸ E. Herzfeld, *Am Tor von Asien*, pp. 35—55; Paikuli, Berlin, 1924, p. 66; Ditt., OGIS, I, N 431. Предлагаемые Э. Герцфельдом реконструкция и перевод надписи таковы: $\text{Κοφασατῆς Μιθράτῆς πεπ[ιστευμένος...]} \text{Γωτάρης σατράπῆς τῶν σατράπῶν βασιλεὺς μέγας Μιθράδῃτης}$. — «Κοφасат, Митрат, надзиратель(?)...», Готарз, сатрап сатрапов, (и) великий царь Митрида[т]. [Однако в настоящее время восстановление Э. Герцфельдом слова $\text{πεπ[ιστευμένος...]}$ не принимается. В лакуне стояло, вероятно, имя собственное, так как надпись представляет часть списка вельмож, см. U. Kahrstedt, *Artabanos III und seine Erben*, Bern, 1950, Ss. 19—20. — *Ред.*]

¹³⁹ См. G. A. Reisner, *Sumerisch-babylonische Hymnen nach Tontafeln griechischer Zeit*, Berlin, 1890, № 51.

¹⁴⁰ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Парфянский архив из Древней Нисы*, — ВДИ, № 4, 1953, стр. 116.

¹⁴¹ См. N. Debevoise, *A Political...*, p. 50, n. 80.

¹⁴² О Тигране II см.: Я. А. Манандян, *Тигран II и Рим*.

¹⁴³ Предложенное Гутшмидом (A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 81, Anm.) исправление текста Помпея Трога (XII), благодаря чему выходит, что Митридату II наследовал некий Артабан (II), единодушно отвергается позднейшими исследователями (Э. Мейер, В. Тарн, Н. Дибвойз), но принимается нумизматами (Рос, Ж. де Морган), см. N. Debevoise, *A Political...*, p. 46, n. 66.

¹⁴⁴ FHG, III, 549, fragm. 43, 2 (Memnon).

¹⁴⁵ О дате воцарения Фраата III (70 или 66 г. до н. э.) и о «неизвестном» Аршаке 68. до н. э. см. W. W. Tarn, — *САН*, IX, 587. — Об ошибке Тарна в интерпретации терминов bēlet и šarṛat см. N. Debevoise, *A Political...*, p. 78, n. 75.

¹⁴⁶ H. H. Schaeder, *Ein parthischer Titel im Sogdischen*, — BSOS, vol. VIII, 1936, pt 2—3, pp. 737—749.

¹⁴⁷ См. W. W. Tarn, *Seleucid-Parthian Studies*, 1930, § 4.

¹⁴⁸ Термин «сатрап» был, по-видимому, более принят в южных областях, а «нахвадар» — в северных (парфяноязычных). От последнего термина ведет свое происхождение термин «нахарар», обозначающий «областенадминистрацию» в древней Армении. См.: W. B. Henning, *A New Parthian Inscription*, — *JRAS*, 1955, pt 3—4, pp. 132—136; А. Г. Периханян, *Древнеармянские восстания*, — ВДИ, 1956, № 2, стр. 49—50. Однако документы из Нисы знают только термин «сатрап».

¹⁴⁹ Расшифровка документов парфянского архива из Нисы позволила установить правомерность отнесения этой должности и термина mtzwrp , считавшегося более поздним, к парфянскому периоду. Эти же документы упоминают и других сановников, входивших в административную иерархию: сатрапа (hštr РНТ) и дияпата (dyzpty — гипарха или начальника статмы?).

¹⁵⁰ О десятом дурском пергамене и перечисленных в нем должностях см.: M. I. Rostovtzeff and C. B. Welles, *A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates*, — «Yale Classical Studies», II, (1931),

pp. 1—78; W. Ensslin, — «Philolog. Wochenschrift», 1933, Ss. 266—270 (рецензия на работу Ростовцева и Уэллеса); A. Pagliaro, *Mediopersiano bi-taxš, armeno odeaxš*, — RSO, 12 (1929—30), № 2, pp. 160—168; J. Wolski, *Parthian and Iranian Titles in the Parchment № 10 from Dura*, — «Journal of Juristic Papyrology», VII—VIII, 1954, pp. 285—294; А. Г. Периханян, *Древнеармянские востаники*, — ВДИ, 1956, № 2, стр. 45—49. Термины «пахракпат» и «остандар» в данном тексте являются гипотетическими восполнениями исследователей, так как пергамен частично разрушен.

¹⁵¹ А. Г. Периханян, там же, стр. 48.

¹⁵² Другая усыпальница аршакидских царей (видимо, более поздних поколений) находилась в Арбелах. В 216 г. при Каракалле этот некрополь подвергся осквернению и разгрому захватившими город римлянами.

¹⁵³ См. М. Е. Массон, *Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства*, — «Труды ЮТАКЭ», V, Ашхабад, 1955, стр. 27—29. Издания документов архива см. Введение, прим. 76.

¹⁵⁴ См. М. I. Rostovtzeff, *Dura-Europos and its Art*, Oxford, 1938, p. 20.

¹⁵⁵ А после захвата города римлянами — и на латинском языке.

¹⁵⁶ В Дуре-Эвропос, например, эта должность в течение ряда поколений находилась в руках представителей семьи Лисиев, принадлежавших к числу наиболее богатых и влиятельных в городе. Дом этой семьи, построенный, как и большинство домов в Дуре-Эвропос, в парфянский период истории этого города, — дворцового типа и сохранился лучше других. Описание дома и реставрацию см. М. I. Rostovtzeff, *Dura-Europos and its Art*, pp. 48, 49, pl. IX.

¹⁵⁷ Первое издание: F. Cumont, — CRAI, 1932, pp. 238—260; SEG, VII, № 1. См. также С. В. Welles, *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*, pp. 299—306.

¹⁵⁸ А. Г. Периханян, *К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени*, — ВДИ, 1952, № 4, стр. 13—27. Данные о рабах восходят к сасанидскому судебнику и, возможно, рисуют несколько более поздние условия.

¹⁵⁹ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Парфянский архив из древней Нисы*, — ВДИ, 1953, № 4, стр. 114—130.

¹⁶⁰ SEG, VII, N 12, 13.

¹⁶¹ М. Е. Массон, *Народы и области Южной части Туркменистана в составе Парфянского государства*, — «Труды ЮТАКЭ» т. V, 1955, стр. 37, 38.

¹⁶² Плиний Младший, *Письма*, X, 74.

¹⁶³ О сношениях парфян с Востоком см.: A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, Ss. 138—140; M. P. Charlesworth, *Trade Routes and Commerce of the Roman Empire*, p. 98 fol.; Mervin, *Suk*, New York, 1923.

¹⁶⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, М.—Л., 1950.

¹⁶⁵ Античные источники (Плутарх, *Красс*, 24; Oros., VI, 13, 2) говорят о знаменитом «маргианском железе». В зарубежной литературе существует мнение, что «маргианское железо» не парфянского происхождения, а китайского, и называется так потому, что Мерв (Маргиана) был важнейшим транзитным пунктом, через который это железо попадало на Запад (ср. например, W. W. Tarn, — CАН, IX, p. 598; R. Ghirshman, *Iran*, S. I. 1954, p. 284). Против этой точки зрения см. М. Е. Массон, — «Труды ЮТАКЭ», V, стр. 31, прим. 1.

¹⁶⁶ «Отчеты Археологической Комиссии», СПб., 1906, стр. 39—44, 1909, стр. 35—48.

¹⁶⁷ М. Е. Массон, — «Труды ЮТАКЭ», V, стр. 33.

¹⁶⁸ R. H. McDowell, *Coins from Seleucia on the Tigris*, Ann Arbor, 1935, p. 96.

¹⁶⁹ Саллюстий, *Ex historiis*, IV, 19.

- ¹⁷⁰ Кассий Дион, XXXVI, 3, 2.
- ¹⁷¹ Сообщение Плутарха (*Лукулл*, 30, 1—5) и некоторых других авторов о подготовлявшемся в начале 68 г. до н. э. под командой Корнелия походе на парфян, сорванном мятежом легионов, не желавших идти дальше, многими историками подвергается сомнению. См.: Т. Моммзен, *История Рима*, т. III, М. — Л., 1941, стр. 51; Я. Манандян, *Тигран II и Рим*, Ереван, 1943, стр. 139.
- ¹⁷² Страбон, XVI, 1, 24; Аппиан, *Митрид.*, 105.
- ¹⁷³ О ходе этих событий см. Кассий Дион, XXXVII, 5, и Плутарх, *Помпей*, 39.
- ¹⁷⁴ Плутарх, *Помпей*, 36.
- ¹⁷⁵ Об этом см. у Аппиана, *Митрид.*, 106; Кассий Дион, XXXVII, 5; Плутарх, *Помпей*, 39.
- ¹⁷⁶ Юстин, XLII, 4, 1; A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 86 дает иную последовательность событий.
- ¹⁷⁷ Подробные указания на источники и важнейшую литературу см. N. Debevoise, *A Political...*, p. 178, п. 36. См. также А. Г. Бокшанин, *Битва при Каррах*, — ВДИ, 1949, № 4, стр. 41—50.
- ¹⁷⁸ О количестве войска у Красса см.: G. Rawlinson, *The Sixth Great Oriental Monarchy*, London, 1873, p. 115; P. Sykes, *History of Persia, I*, London, 1921, p. 347; W. W. Tarn, *Parthia*, — САН, IX, p. 608; N. Debevoise, *A Political...*, p. 83; см. еще PW R-E, s. v. Carrhae, Licinius (Crassus), № 68.
- ¹⁷⁹ Плутарх, *Красс*, 21, 22; Кассий Дион, XL, 20—23.
- ¹⁸⁰ Плутарх и Кассий Дион рассказывают, что перед началом кампании к Крассу прибыли парфянские послы, желавшие узнать, является ли поход римлян частным предприятием лично Красса, или же он предпринят по приказу римского правительства. В первом случае, говорили послы, царь готов отпустить Красса, снисходя к его возрасту, во втором же случае парфяне будут беспощадны. Красс ответил, что он объяснит это царю в Селевкии. Тогда посол сказал, протянув руку ладонью вверх: «скорей волосы вырастут здесь, чем ты увидишь Селевкию» (Кассий Дион, XL, 16; Плутарх, *Красс*, 17—18).
- ¹⁸¹ О катафрактариях см. выше, стр. 173, 205. Лауфер считает, что родной катафрактариев был Иран, см. B. Laufer, *Chinese Clay Figures, I. Prolegomena on the History of Defensive Armor*, — «Field Museum Anthropological Series», XIII, 2, Chicago, 1914. — С. П. Толстов полагает, что катафрактарии появились в Средней Азии как оружие кочевников для борьбы с войском оседлых земледельцев.
- ¹⁸² Обычно история о представлении «Вакханок» считается вполне достоверной, см., например, Fr. Sarre, *Parthian Art*, — SPA, vol. 1, p. 406 sq. Однако Тарн (САН, IX, 610) считает весь рассказ выдумкой Плутарха (*Красс*, 33) и полагает, что представление античной трагедии при дворе восточного династа — вещь совершенно невозможная. Осторожнее Н. Дябвойз (*A Political...*, p. 93, п. 64). Приходится также считаться с фактом открытия в Вавилоне театра античного типа, R. Kolde-wey, *Das wiedererstehende Babylon*, Leipzig, 1925, S. 297, Abb. 254. Далеко идущие выводы делает Г. Гоян (*Черты своеобразия армянского эллинистического театра*, — ВДИ, 1950, № 3, стр. 178 и сл.).
- ¹⁸³ Юстин, XLII, 4, 5.
- ¹⁸⁴ Плутарх, *Помпей*, 76, 4.
- ¹⁸⁵ N. Debevoise, *A Political...*, p. 104.
- ¹⁸⁶ Аппиан, *Гражданские войны*, IV.
- ¹⁸⁷ G. F. Hill, *Historical Roman Coins*, London, 1909, pp. 128—131, pl. XIII, 80.
- ¹⁸⁸ Кассий Дион, XLVIII, 26. О событиях в Палестине см.: Иосиф Флавий, *Иудейская война*, I, и *Иудейские древности*, XIV. Эти события нашли

отклик и в Библии. См. А. Т. Olmstead, *Inter Testamental Studies*, — JAOS, LVI, 1936, № 2, pp. 242—257.

¹⁸⁹ Аппиан, *Гражданские войны*, V, 65.

¹⁹⁰ Eutropius, *Breviarium historiae Romanae*, VII, 5.

¹⁹¹ A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 96.

¹⁹² Вентидий заключил соглашение с правителем Коммагены Антио-
хом о том, что Антиох получает самостоятельность при условии уплаты
контрибуции в 1000 талантов. Антоний добивался полного подчинения Ан-
тиоха. Сместив Вентидия, Антоний осадил Антиоха в Самосате, но ничего
не добился и был вынужден согласиться на выкуп в 300 талантов (Плу-
тарх, *Антоний*, 34).

¹⁹³ См. W. W. Tarn, *Antony's Legions*, — «Classical Quarterly», XXVI,
1932, где подробные ссылки на источники.

¹⁹⁴ См. A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 101. А. Гутшмид дает
(S. 97, Апп. 3) краткую, но очень хорошую характеристику источников
по походу Антония.

¹⁹⁵ H. G. Rawlinson, *Memoir on the Site of Atropatenian Ecbatana*, —
JRGS, X, 1841. С выводами Роулинсона согласился еще А. Гутшмид
(A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 98, Апп. 4). Теперь это отождествле-
ние можно считать общепризнанным.

¹⁹⁶ Плутарх, *Антоний*, 39.

¹⁹⁷ Веллей Патеркул, II, 82.

¹⁹⁸ Плутарх, *Антоний*, 50.

¹⁹⁹ См. F. Cumont, — CRAI; 1930, pp. 211 et suiv. См. Кассий Дион,
LI, 18.

²⁰⁰ См. N. Debevoise, *A Political...*, p. 136, n. 44.

²⁰¹ R. H. McDowell, *Coins from Seleucia on the Tigris*, p. 185, составил
следующую таблицу дат тетрадрахм обоих царей:

Тиридат II	— Апрель 26 г. до н. э.,
Фраат IV	— Май 26 г. до н. э.
Фраат IV	— Август, сентябрь и ноябрь 26 г. до н. э.
Тиридат II	— Март 25 г. до н. э.
Фраат IV	— Май 25 г. до н. э.

²⁰² См. Проперций, *Элегии*, кн. III, эл. IV. Указания на другие места
у Проперция и на иных латинских авторов см. N. Debevoise, *A political...*,
pp. 138, 139.

²⁰³ Подробные ссылки на авторов см. N. Debevoise, *A political...*,
p. 140, n. 55, 56.

²⁰⁴ О движении саков см. прим. 97.

²⁰⁵ W. W. Tarn, *Greeks...*, pp. 330—335.

²⁰⁶ Впервые мысль о связи Гермея с китайцами высказал А. Гутшмид
(*Geschichte Irans...*, Ss. 109, 110). Тарн, в основном солидаризуясь с
А. Гутшмидом, развивает дальше это положение. См. W. W. Tarn, *Greeks...*,
p. 340 sq.

²⁰⁷ W. W. Tarn, *Greeks...*, p. 345 fol.

²⁰⁸ E. Herzfeld, *Sakastan*, — AMI, IV; W. W. Tarn, *Greeks...*, p. 346.

²⁰⁹ О кушанах см. R. Ghirshman, *Bégram. Recherches archéologiques
et historiques sur les Kouchans*, Le Caire, 1946.

²¹⁰ E. T. Newell, *The Coinage of the Parthians*, — SPA, I, pp. 475—492.

²¹¹ A. Christensen, *Etudes sur le Zoroastrisme dans la Perse antique*,
København, 1928; *L'Iran sous les Sassanides*, 1 éd., Paris, 1936, pp. 33, 34.

²¹² Гораций, *Оды*, IV, 5, 25.

²¹³ Monumentum Ancyranum, VI, 32.

²¹⁴ Н. Дибвойз (*A political...*, p. 143). высказывает мнение, что Муза,
возможно, была римским агентом. Ее старание убедить Фраата IV в

необходимости отправить своих старших сыновей в Рим, быть может, объясняется не только ее желанием доставить престол своему сыну.

²¹⁵ Кассий Дион, V, 10, 20; Веллей Петеркул, II, 101, 1, последний, как известно, принимал участие в кампании в качестве трибуна Гая.

²¹⁶ См.: P. Gardner, *The Parthian Coinage*, London, 1877, p. 45; Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, XXVIII, 42.

²¹⁷ N. Debevoise, *A political...*, p. 149.

²¹⁸ См. выше, часть I, прим. 142.

²¹⁹ Особенно Лагиды.

²²⁰ Юстин, XLII, 3, 5; E. Herzfeld, *Archaeological History of Iran*, p. 38 sq.

²²¹ Сенека, Овидий; см. особенно: Seneca, *De brevitate vitae*, IV, 5.

²²² Об Артабане III и иранских областях времен его правления см. U. Kahrstedt, *Artabanos III und seine Erben*, Bern, 1950.

²²³ Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, XVIII, 310—379.

²²⁴ Тацит, *Анналы*, VI, 36, 44.

²²⁵ Об этом письме подробно см. выше, стр. 199, 200.

²²⁶ На наскальном рельефе на Бисугунской скале об этом имеется надпись (F. Sarre und E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin, 1910 и потом неоднократно в других изданиях). Загадочное слово Γεωπόδρος правильно перевел «сын Гева» еще Г. Роулинсон (H. O. Rawlinson, — JRGS, IX, 1839, p. 114). О Готарзе историческом и Гудерзе в «Шахнаме» Фирдоуси см. J. C. Cozajee, *The House of Gotarzes: A Chapter of Parthian History in the Shahnameh*, — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», New Series, XXVIII, 1932, pp. 207—224. [Однако вряд ли эта надпись относится к Готарзу, преемнику Артабана III, как это полагал Э. Герцфельд (*Am Tor von Asien*, Berlin, 1920, S. 40 ff.), а вслед за ним и другие ученые (например, N. Debevoise, *A political...*, pp. 166, 167). См. U. Kahrstedt, *Artabanos III*, Ss. 18—23. Легенду на монете Готарза II нам представляется лучше читать следующим образом: βασιλεὺς βασιλέων Ἀρεανῶν, υἱὸς γὰρ χαλόμενος Ἀρταβάνου. — «Готарз, царь царей ариев, названный (т. е. приемный) сын Артабана». — *Ред.*]

²²⁷ Умирает от болезни — Тацит, *Анналы*, XII, 14, 7; погибает в результате заговора — Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, XX, 74. Версия Иосифа Флавия принята Мак-Дауэллом (R. H. McDowell, *Coins from Seleucia...*, p. 191).

²²⁸ Тацит, *Анналы*, XII, 44.

²²⁹ Оба имеющих у нас рассказа, посвященные походам Корбулона (Тацит, *Анналы*, XV и Кассий Дион, LXII), восходят к одному источнику, а именно к запискам самого Корбулона, малодостоверным и написанным с явной целью представить все действия полководца в наиболее выгодном свете. Остроумную характеристику записок Корбулона и их интерпретации у Тацита и Кассия Диона см. A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, S. 131, Anm. 1. — Походы Корбулона были предметом неоднократных исследований, и им посвящена значительная литература. См. библиографию у Н. Дибвойза (*A political...*, pp. 174, 175 n. 101). См. также: О. В. Кудрявцев: «Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона», — ВДИ, 1948, № 3, стр. 52—65; «Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона», — ВДИ, 1949, № 3, стр. 46—62.

²³⁰ Тацит, *Анналы*, XIII.

²³¹ Тацит, *Анналы*, XIV, 25.

²³² A. Gutschmid, *Geschichte Irans...*, Ss. 131, 132.

²³³ А. Гутшмид видит в промедлении Корбулона злую волю (*ibid.*, S. 132). Следует отметить, что неудачи Пета в Армении в значительной мере связаны с тем, что ему противостояли основные силы парфян, войска же у него было недостаточно. Известную роль сыграла тут, конечно, и его слабость как полководца.

- ²³⁴ Кассий Дион, LXIII. См. F. Cumont, *L'iniziazione di Nerone da parte di Tiridate d'Armenia*, — «Rivista di filologia», NS, XI, 1933, p. 145 sq.
- ²³⁵ Светоний, *Веспасиан*, 6; Тацит, *История*, IV, 51; Кассий Дион, LXV.
- ²³⁶ Иосиф Флавий, *Иудейская война*, VII, 105.
- ²³⁷ О датировке первого вторжения аланов см.: N. Debevoise, *A political...*, p. 200, n. 65.
- ²³⁸ CIL, III, № 6052.
- ²³⁹ О Теренции Максиме см. Кассий Дион, LXVI, 19; 104; см. еще Светоний, *Нерон*, 57, где речь идет уже не о Теренции Максиме, а о другом самозванце.
- ²⁴⁰ См. отмеченные Н. Дибвойзом (*A political...*, p. 215) высказывания поэта Стация.
- ²⁴¹ Подробности см. у Диона Кассия, LXVIII, 17—19.
- ²⁴² Походам Траяна посвящено много специальных исследований, см.: N. Debevoise, *A political...*, pp. 213—239; R. P. Longden, *Notes on the Parthian Campaign of Trajan*, — JRS, XXI, 1931, pp. 1—35; F. A. Lepper, *Trajan's Parthian War*, London, 1948.
- ²⁴³ Sextus Aurelius Victor, *Epitome*, ed. Fr. Pichlmayer, 15, 4.
- ²⁴⁴ О войне 60-х годов II в. н. э. и в частности армянской кампании, см. К. В. Тревер, *Очерки по истории культуры древней Армении*, М. — Л., 1953, стр. 224—242.
- ²⁴⁵ M. Rostovtzeff, *Dura-Europos and its Art*, Oxford, 1938, гл. I, «Importance and History of Dura-Europos», pp. 24, 29, 30.
- ²⁴⁶ Кассий Дион, XXI, 2, 3. Следы пожара были обнаружены в Селевкии при раскопках.
- ²⁴⁷ См. N. Debevoise, *A political...*, p. 252, n. 61.
- ²⁴⁸ Ср. например, W. W. Tarn, *Greeks...*, pp. 32, 33.
- ²⁴⁹ R. Koldewey, *Das wiedererstehende Babylon*, Leipzig, 1925, S. 297.
- ²⁵⁰ См. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, «Парфянский архив из Нисы», — ВДИ, 1953, № 4, стр. 169—173.
- ²⁵¹ M. Boyce, *Zariadres and Zardēr*, — BSOAS, 1955, vol. 17, 3, pp. 463—477; J. C. Coymajee, *The House of Gotarzes: a Chapter of Parthian history in the «Shahnameh»*, — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», XXVIII, 1932, pp. 207—224.
- ²⁵² A. T. Clay, *Babylonian Records from the Library of J. P. Morgan*, II, New York, 1913.
- ²⁵³ J. M. Unvala, *Observations on the Religion of the Parthians*, Bombay, 1925. — Очень интересный материал и наблюдения по религиозному синкретизму можно найти в кн.: H. Ingholt, *Parthian Sculptures from Hatra (Orient and Hellas in Art and Religion)*, — «Memoirs of the Connecticut Academy of Sciences», vol. XII, July, 1954.
- ²⁵⁴ S. Wikander, *Die Feuerpriester in Kleinasien und Iran*, Lund, 1946.
- ²⁵⁵ F. Cumont, — CRAI, 1930, p. 217.
- ²⁵⁶ В пользу Вологеза III см. К. F. Geldner в Gr. d. Ir. Ph., II, S. 34.
- ²⁵⁷ H. S. Nyberg, *Die Religionen des alten Iran*, Leipzig, 1938, Ss. 415—429.
- ²⁵⁸ См. R. Ghirshman, *L'Iran des origines à l'Islam*, Paris, 1951, pp. 241, 242; ср. М. Е. Массон, — «Труды ЮТАКЭ», V, стр. 55—56.
- ²⁵⁹ Выражение М. И. Ростовцева. См. M. Rostovtzeff, *Dura-Europos and its Art*, p. 66 sq.
- ²⁶⁰ См. работы Foucher, Hackin'a, Barthoux.
- ²⁶¹ Особенно важны работы Маршалла в Таксиле. См.: J. H. Marshall, *Excavations at Taxila*, — ASI, 1929—1930; U. Monneret de Villard, *The Iranian Temple of Taxila*, — SPA, I, pp. 445—448.

- ²⁶² ММАС.
- ²⁶³ Раскопки в Селевкии на Тигре производились совместной экспедицией Мичиганского университета и Художественного музея в Толедо (США), под руководством Л. Уотермана.
- ²⁶⁴ F. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, Paris, 1926; «Excavations at Dura Europos», conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Reports, vol. I—IX, New Haven, 1929—1955; M. I. Rostovtzeff, *Dura-Europos and the problem of Parthian Art*, YCS, V, New-Haven, 1935.
- ²⁶⁵ К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, М. — Л., 1940.
- ²⁶⁶ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948.
- ²⁶⁷ См. «Труды ЮТАКЭ», особенно т. III—V.
- ²⁶⁸ O. Reuther, *Parthian Architecture*, — SPA, I, pp. 411—444.
- ²⁶⁹ M. Dieulafoy, *L'art antique de la Perse*, Paris, 1884—1885.
- ²⁷⁰ E. Herzfeld, *Archaeological History of Iran*, London, 1935, pp. 50, 51.
- ²⁷¹ W. Andrae, H. Lenzen, *Die Partherstadt Assur*, Leipzig, 1933; W. Andrae, *Hatra*, I, Leipzig, 1908; II, Leipzig, 1912.
- ²⁷² Об архитектуре парфянской Нисы см. Г. А. Пугаченкова: «Архитектурные памятники Нисы», — «Труды ЮТАКЭ», I, Ашхабад, 1949, стр. 201—259; «Храм и некрополь в парфянской Нисе (из работ ЮТАКЭ)», — ВДИ, 1953, № 3, стр. 159—167; «Реконструкция квадратного зала Старой Нисы», — «Труды ЮТАКЭ», II, 1951; см. также М. Е. Массон, — «Труды ЮТАКЭ», V, стр. 60, 64.
- ²⁷³ Г. А. Пугаченкова, *Парфянские крепости Южного Туркменистана*, — ВДИ, 1952, № 2, стр. 215—225.
- ²⁷⁴ М. Е. Массон, — «Труды ЮТАКЭ», V, стр. 48, 49.
- ²⁷⁵ О парфянской храмовой архитектуре см.: O. Reuther, *Parthian Architecture*, — SPA, I, pp. 411—444; M. I. Rostovtzeff, *Dura and the Problem of Parthian Art*; W. Andrae, *Hatra*, I; J. Jordan, *Uruk-Warka*, Leipzig, 1928; Г. А. Пугаченкова, *Храм и некрополь в парфянской Нисе*, стр. 159—167.
- ²⁷⁶ См. R. Ghirshman, *Iran*, pl. 34^a, p. 279. — О парфянской скульптуре см. также H. Ingholt, *Parthian Sculptures from Hatra*, New Haven, 1954.
- ²⁷⁷ М. Е. Массон, — «Труды ЮТАКЭ», стр. 64.
- ²⁷⁸ R. Ghirshman, *L'Iran...*, pl. 33^a, p. 280.
- ²⁷⁹ R. Ghirshman, *Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehlie arsacide*, — «Monuments Piot», 44, 1950 (так называемая стела Хвасака); W. B. Henning, *The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak*, — «Asia Major», II, (2), 1952, pp. 151—178.
- ²⁸⁰ См. E. Herzfeld, *Archaeological History of Iran*; «Iran in the Ancient East».
- ²⁸¹ M. I. Rostovtzeff, *Dura-Europos and its Art*, особенно гл. III; табл. XVIII, 1, XVII.
- ²⁸² М. Е. Массон, *Новые данные по истории Парфии*, — ВДИ, 1950, № 3, стр. 45—47.
- ²⁸³ См. ОАК, 1906, стр. 39—44, рис. 35—48, а также «Archäologischer Anzeiger», 1907, стр. 147.
- ²⁸⁴ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, *Оттиски парфянских печатей из Нисы*, — ВДИ, 1954, № 4, стр. 159—169; М. М. Дьяконов, *Надписи на парфянских печатях из древней Нисы*, — там же, стр. 169—173; H. Osten, *Ancient Seals from the Metropolitan Museum*, — «The Art Bulletin», XIII, 1931; N. Debevoise, *Parthian Seals*, — SPA, I, pp. 471—474.
- ²⁸⁵ E. Herzfeld, *The Hoard of the Kâren Pahlavs*, — «Burlington Magazine», 52, 1927—1928, p. 21 sq.

Часть III

САСАНИДЫ

¹ Титул персидских владетелей некоторыми учеными читается как «фратарака», другими как «фратадара». См.: F. Andreas, *Aramäische Texte auf Stein, Ton und Papyrus*, — «Ephemeris für semitische Epigraphik», II, Giessen, 1908, S. 213; A. Meillet, E. Benveniste, *Grammaire du vieux Perse*, Paris, 1931, p. 159 (frataraka); E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924, S. 68 (fratadara-); H. Nyberg, *Die Religionen des alten Iran*, Leipzig, 1938, S. 406 (fratadān); W. B. Henning, *Mitteliranisch*, — «Handbuch der Orientalistik» hrsg. von B. Spuler und H. Kees, IV, 1, Leiden—Köln, 1958, S. 25 (frataraka-). О монетах правителей Персиды см.: A. de la Fuye, *Études sur la numismatique de la Perse*, — JA, 1906, p. 577 et suiv.; G. F. Hill, *Catalogue of Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia*, British Museum, London, 1922. См. еще: A. Christensen, *L'Iran sous les Sasanides*, Copenhagen, 1944, p. 79. (Далее цитируется: A. Christensen, *Iran...*) Некоторые имена правителей Персиды связаны с ахеменидской традицией: Дарий Артаксеркс; другие взяты из иранской мифологии: Манучехр.

² См. Th. Nöldeke, *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen von...*, Leyden, 1879, S. 4. (далее — Nöldeke-Tabari). См. также F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895. Относительно чтения слова Bazrangī существуют сомнения, см. Nöldeke-Tabari, S. 4, Anm. 1. Однако это чтение принято в литературе.

³ Nöldeke-Tabari, S. 4.

⁴ Nöldeke-Tabari, S. 5.

⁵ Nöldeke-Tabari, S. 8, 10, Anm. 1. — Также в своих «Aufsätze zur Persischen Geschichte» (Leipzig, 1887, S. 89) Т. Нельдеке подвергает сомнению этот легендарный рассказ. Дело в том, что Арташир отказался подчиниться своему старшему брату, и тот выступил с войском против Арташира. Во время этого похода Шапур и погиб таинственной смертью. Т. Нельдеке напоминает, что позднее Арташир для укрепления своей власти не остановился перед убийством своих братьев и приближенных (Nöldeke-Tabari, Ss. 9—10). Т. Нельдеке (со ссылкой на A. Gutschmid, — ZDMG, XXXIV, 1880, 734) полагает, что датой захвата Арташиром власти в Персиде следует считать 211/12 г. (Th. Nöldeke, *Aufsätze*, S. 88). Этой же точки зрения придерживается А. Кристенсен (A. Christensen, *Iran...*, p. 81). Иная хронология (как данного события, так и других) у С. Тагизадэ (ок. 220 г. н. э.). Следует отметить, что сохранившиеся у Табари и других арабских писателей предания о начальной истории рода Сасанидов вполне историчны, несмотря на некоторые несущественные детали легендарного характера, принадлежащие, видимо, более поздней официальной сасанидской версии, придуманной в политических целях. Интересно, что Папак титулуется царем как на монетах Арташира I, так и в надписи на «Каабе Зороастра». Подробное изложение начальной истории Сасанидов см.: A. Christensen, *Iran...*, а также S. H. Taqizadeh, *The Early Sasanians*, — BSOAS, vol. XI, pt 1, 1943—1946, pp. 6—51.

⁶ Дворец Арташира в Фирузабаде сохранился в развалинах до наших дней (см. SPA, I, p. 496). Относительно названия Гор см. J. Marquart, *Erānšahr*, Berlin, 1901, S. 146.

⁷ Рассказ о битве при Ормиздакане см. Nöldeke-Tabari, S. 14. Кассий Дион, первый из западных писателей упоминающий Сасанидов, говорит о трех битвах Арташира с парфянами. См. экскурс Т. Нельдеке, посвященный вопросам хронологии царствования Арташира (Nöldeke-Tabari, S. 409 ff.).

⁸ W. Wroth, *British Museum Catalogue of the Coins of Parthia*, London, 1903.

⁹ О коронации Арташира см. F. Sarre, E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin, 1910, S. 98. С 224 г. начинается сасанидский период истории А. Кристенсен (A. Christensen, *Iran...*, p. 88). См. также Б. Н. Заходер, *Сасанидский Иран*, — ИЖ, 1938, № 12.

¹⁰ См.: Th. Nöldeke, *Geschichte des Artaxšir-i Pāpakān*, — «Festschrift zur Feier... Theodor Benfey», Göttingen, 1878, Ss. 22—69.

¹¹ См.: J. Darmesteter, *La lettre de Tansar au roi du Tabaristan*, — JA, 1894, I, p. 200 et suiv., перевод там же, стр. 502 и сл.; более новое издание: M. Minovi, *Tansar's Epistle to Goshnasp*, Teheran, 1932.

¹² Э. Герцфельд полагает, что рассказ о браке Арташира с парфянской царевной исторически верен, однако отнесен в романе «Деяния Арташира, сына Папака» не к тому времени, к какому следует (E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924, pp. 40, 41). Он считает, что Арташир был в молодости при дворе Артабана и занимал там придворную должность. Брак его с царевной из дома Аршакидов представляется Э. Герцфельду вполне естественным и происшедшим задолго до событий, приведших Арташира к власти.

¹³ Nöldeke-Tabari, S. 14.

¹⁴ Об основании Хирского царства см. у Табари (Nöldeke-Tabari, S. 23 ff.). Интересно, из кого, по мнению источника Табари (Хишам ибн Мухаммед ибн аль-Кельби, см. Nöldeke-Tabari, S. XXVII), состояло население Хиры:

«1. „Танух“ — арабы, которые жили к западу от Евфрата, между Хирой и Амбаром и дальше вверх по течению в хижинах и в палатках из войлока;

2. „Ибад“, т. е. собственно жители Хиры, которые там прочно утвердились;

3. „Клиенты“, которые присоединились к хирянам, не принадлежа ни к тем, ни к другим».

Поражает название коренных жителей Хиры — «ибад», т. е. буквально «рабы». Т. Нельдеке (Nöldeke-Tabari, S. 24, Anm. 4), ссылаясь на Мас'уди, полагает, что под этим нужно понимать «божьих рабов», так как такое словоупотребление известно по отношению к несторианскому населению городов Месопотамии. Однако тот же Т. Нельдеке указывает, что во времена Арташира в Хире вряд ли могло быть много христиан. Быть может, мы имеем здесь отголоски былой зависимости горожан от окружающего кочевого населения (ср. еще совсем недавно существовавшие взаимоотношения между городами и кочевыми племена Хадрамаута).

Об истории Хиры см. G. Rothstein, *Die Dynastie von Lahmiden in al-Hira*, Berlin, 1899.

¹⁵ Th. Nöldeke, *Die Gassanidischen Fürsten aus dem Hause Gafna's*, — Abh. d. PAW, 1887.

¹⁶ Рассмотрению восточных завоеваний Арташира Э. Герцфельд посвятил специальный экскурс в «Paikuli», p. 36 sq. В нем Э. Герцфельд, на основании анализа ряда нумизматических данных, пытается полностью оправдать сведения, сообщаемые Табари (Nöldeke-Tabari, Ss. 17—18): «Затем он отправился из Савада снова в Стахр, откуда сначала в Сакастан, затем в Горган, Абаршахр, Мерв, Балх и Хорезм, до крайних пределов страны Хорасана, откуда он снова вернулся в Мерв. После того как он убил много людей и их головы послал храму Анахиз (Анахиты), он вернулся из Мерва в Парс и обосновался в Горе. Сюда пришли к нему послы от царя кушанского, царя туранского и мекранского с выражением покорности».

Несмотря на убедительную аргументацию Э. Герцфельда, вряд ли можно причислить к владениям Арташира Хорезм.

¹⁷ Nöldeke-Tabari, S. 14.

¹⁸ Борьба Рима с Ираном не прекращалась. Арташиру пришлось иметь дело с Александром Севером (233 г. н. э.) и Максиминем (236—238 г. н. э.). Борьба шла, как это часто бывало, главным образом за укрепленные города Нисибин и Харран (Карры). Шапуру I приходится начинать войну с римлянами с первого же года своего царствования (242 г. н. э.). Сведения о договоре с Филиппом Арабом дает Эвагриус (5, 7). По этому договору иранцам была уступлена Месопотамия. Ко времени царствования Шапура I относится и падение Хатры, которую неудачно осаждал Арташир. Легенду о взятии Хатры рассказывают византийские и арабские авторы, приписывая это то Арташиру I (Евтихий, Ибн-Кутейба), то Шапуру I и даже Шапуру II.

К началу царствования Шапура I относятся и его кампании против горцев Мидии Атропатены и восточных племен, в частности хорезмийцев, о чем рассказывает сирийская «Хроника Арбелы» (изд. Mingana, *Sources syriaques*, I, Leipzig, 1908, S. 110): «Шапур воевал с хорезмийцами и с горными мидянами в первый год своего правления и победил их в жестоком сражении. Оттуда он отправился и покорил гиланцев, деламитов и гирканцев, живущих в далеких горах вблизи Каспийского моря». Шапуру же приписывается основание города Нев-Шапур (средневековый Нишапур), ставшего столицей области Абаршахр. См. J. Markwart-G. Messina, *A Catalogue of the Provincial Capitals of Erānšahr*, Roma, 1931, p. 52.

В результате этих завоеваний и присоединения к Ирану неиранских областей Шапур I принимает титул «царя царей Ирана и не-Ирана», в то время как его отец Арташир I еще носил только титул «царя царей Ирана». См.: J. Marquart, *Erānšahr nach der Geographie des Pseudo-Moses Xorēnāc'i*, Berlin, 1901, Ss. 48, 49; E. Herzfeld, *Paikuli*, p. 41; A. Christensen, *Iran...*, p. 220.

¹⁹ О первой кампании Шапура I против Рима см. E. Honigmann, A. Maricq, *Recherches sur les Res Gestae divi Saporis*, Bruxelles, 1953, pp. 111—130.

²⁰ M. I. Rostovtzeff, *Res Gestae divi Saporis and Dura*, — «Berytus», VIII, 1, 1943, p. 44.

²¹ См.: G. Pugliese Carratelli, *Res Gestae divi Saporis*, — «La Parola del Passato», II, 1947, pp. 209—239, 356—362; E. Honigmann, A. Maricq, *Recherches sur les Res Gestae...*, pp. 131—149. См. также литературу, указанную в обзоре источников.

²² A. Pagliaro, *Le iscrizioni pahlaviche della sinagoga di Dura-Europo*, — «Atti della reale Accad. d'Italia», Rendiconti d. classe di scienze mor., ser. 7, II, 1941.

²³ W. B. Henning, *The Great Inscription of Šāpūr I*, — BSOAS, vol. IX, 1937—39, p. 823 sq.

²⁴ Всего известно четыре рельефа. Подробное их описание с указанием литературы см. A. Christensen, *Iran...*, pp. 221—224.

²⁵ SHA, Treb. Poll., *Valeriani duo*, IV, 7; ibid., Treb. Poll., *Tyr. trig.*, III, 15, где сказано, что Оденат захватил Нисибин и всю Месопотамию и преследовал Шапура до самого Ктесифона.

²⁶ О брате Шапура Михране в Грузии см. M. F. Brosset, *Histoire de la Georgie, Introduction*, СПб., 1849, стр. XXXVII. О Трдате армянском см.: Моисей Хоренский, *История Армянш, пер. Н. Эмина*, М., 1858, стр. 131 и сл.; Г. Халатьянц, *Армянские Аршакиды*, — «История Армени» Моисея Хоренского, М., 1903, гл. IX.

²⁷ Подробно о Мани и манихействе будет сказано ниже (гл. 5). Здесь же следует отметить, что предание о начале религиозной пропаганды Мани 20 марта 242 г., известное нам благодаря «Фихристу» ан-Надима, сейчас должно быть подвергнуто серьезному сомнению. В начале 30-х годов нашего века К. Шмидт открыл в Египте целую манихейскую библиотеку на коптском языке. Среди прочих книг было обнаружено одно из

важнейших сочинений самого Мани — «Кефалея» («Главы») в коптском переводе конца IV в., где в первой главе он пишет: «В конце годов царствования Арташира я отправился проповедовать. Я поехал на корабле в страну индийцев. Я проповедовал им надежду жизни. Я избрал там на месте хорошую общину (что Шмидт считает переводом с греческого ἐκκλησία = ἐκκλησία), а в год, когда царь Арташир умер и его сын Шапур стал царем, он [послал за мной?] и я поехал (на корабле) из страны индийцев в страну персов, а из страны Персиды я приехал в страну Вавилонию, Месену и страну Хузистан. Я предстал перед царем Шапуrom, и он принял меня с большим почетом. Он разрешил мне странствовать и проповедовать слово жизни. Я провел последующие годы... в его сообществе в течение многих лет в Персии, в стране парфян и до Адиба (Адиабены?) и до пограничных областей государства ромеев» (C. Schmidt und H. J. Polotsky, *Ein Mani-Fund in Aegypten*, — SPAW, 1933, I, S. 48).

Таким образом, здесь устами самого Мани указано начало его деятельности: последние годы жизни Арташира. Кроме того, из этого отрывка видно, что в первые десятилетия правления Сасанидов заметны значительные колебания правящей верхушки в вопросах религиозной политики, на чем мы будем иметь возможность остановиться подробнее ниже (см. гл. 5). См. еще S. H. Taqizadeh, *Some chronological data, relating to the Sasanian period*, — BSOS, IX, 1937—39, pp. 125—139.

²⁸ A. Christensen, *Iran...*, p. 222.

²⁹ Мы обязаны Э. Герцфельду (*Paikuli*, p. 42 sq.) весьма тщательным исследованием этого периода. Шапуру I наследовал его сын Ормизд I, при жизни отца бывший наместником восточной части державы — Хорасана. Анализируя нумизматические данные (кушано-сасанидские монеты), Э. Герцфельд показал, что в этот период наследник престола получал важное наместничество, обычно на Востоке, и соответствующий титул. Средневековая персидская летопись «Муджмилъ ат-Таварих» еще сохраняет память об этой традиции (JA, 1841, p. 261): «В то время каждый царь, когда хотел кого-нибудь из своих сыновей назначить наследником престола, давал ему титул царя какой-нибудь области, а когда тот достигал царства, то называл его царем царей».

Ормизд носил титул «кушаншаха», т. е. царя кушанов. Первым носил этот титул Пероз — младший брат Шапура, главный покровитель Мани, еще в 294 г. бывший *васпухром* (см. ниже объяснение этого термина) и старшим в роде Сасанидов (см. надпись царя Нарсе в Пайкули, стр. 16—Е. Herzfeld, *Paikuli*, 1924, pp. 40, 100, 101). Термин «кушаншах» идет от государства Кушанов, которое доживало в это время свои последние дни в долине Кабула. Из его земель и было главным образом составлено восточное наместничество Сасанидов.

Имелись также титулы: «Сакан-шах», т. е. «царь саков» (Бахрам III и др.), «Кирман-шах» и др.

О восстании царевича Ормизда (брата Бахрама II) рассказывает ритор Клавдий Мамертин (*Genethliaca Maximini*, p. 17). Об этом же, по-видимому, говорит и Воппик (*Carus*, 8, 1). См.: Nöldeke, *Aufsätze...*, S. 96; Herzfeld, *Paikuli*, p. 42.

³⁰ Сейчас в науке окончательно принято относить смерть Мани к царствованию Бахрама I (273—276). Еще Леккок, на основании одного тюркского фрагмента из Турфана (см. A. von Le Coq, *Türkische Manichaica aus Chotscho*, I, Berlin, 1912, Ss. 12, 39), выдвигал предположение о гибели Мани в первый год правления Бахрама I. К. Шмидт, на основании папируса «В» из лондонской части египетской манихейской библиотеки, полагает, что это событие произошло в последний год царствования (275—276) Бахрама I (C. Schmidt und H. J. Polotsky, *Ein Mani-Fund in Aegypten*, Ss. 52, 53). [За последнее время даты, относящиеся к правлению первых Сасанидов, а также к деятельности Мани, были пересмотрены С. Та-

гизадэ и В. Хеннингом: см. S. H. Taqizadeh, W. B. Henning, *The dates of Mani's life*, — «Asia Major», N.S. VI, 1957, 1, pp. 106—121.]

³¹ От Нарсе до нас дошла одна из самых длинных сасанидских надписей. надпись из Пайкули (см. E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924). Бахрам III, бывший до вступления на сасанидский престол сатан-шахом, царствовал весьма недолго (см. Nöldeke-Tabari, стр. 416); Э. Герцфельд (*Paikuli*, 1924, p. 43) считает, что сакские князья, вследствие междоусобной борьбы 293 г., приобрели некоторую самостоятельность, однако собственно Сакастан остался составной частью Сасанидской державы.

³² Евтропий, 9, 114—115; Феофан, 1, 111; Малала, 308. См. также Иешу Стилит, § 7 (Н. В. Пигулевская, *Месопотамия на рубеже V—VI веков*, М. — Л., 1940, стр. 131).

³³ Nöldeke-Tabari, S. 51, Anm. 3.

³⁴ J. Labourt, *Le christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie sassanide*, Paris, 1904.

³⁵ Моисей Хоренский, *История Армении*, пер. Н. Эмина, стр. 150 и сл.

³⁶ Там же.

³⁷ Предложенное Марквартом исправление Аммиана Марцеллина, XVII, 5, 1, где он вместо «Chionitis et Gelanis» читает: «Chionitis et Segestanis». Доводы Маркварта см. J. Marquart, *Erānsahr...*, S. 36, Anm. 5. В 356 г., по сведениям того же Аммиана (XVI, 9, 4), Шапур воевал с хионитами и кушанами (Cuseni, в рукописях — euseni). В 358 г. война еще продолжается на дальних границах государства. О хионитах подробнее см. ниже.

³⁸ Аммиан Марцеллин, XVII, 5, 2.

³⁹ При взятии Амиды особую роль сыграли хиониты, см. прим. 37. О взятии Сингары и Бет-Забдэ см. Аммиан Марцеллин, XX, 6, 1—7; XX, 7.

⁴⁰ Аммиан Марцеллин, XXVII, 12.

⁴¹ См. подробный рассказ у Аммиана Марцеллина, XXXIII—XXXIV.

⁴² F. Justi, — Gr. d. Ir. Ph., II, S. 524, где указания на источники.

⁴³ О гибели Папа см.: Аммиан Марцеллин, XXXI, 1; Фавст Бузанд, 5, 32. Моисей Хоренский, III, 39, дает несколько иную версию.

⁴⁴ С. R. Ghirshman, — AJA, 1951, p. 96; 1952, p. 49.

⁴⁵ E. Honigsmann, A. Maricq, *Recherches...*, pp. 123—130.

⁴⁶ Начало преследования христиан относится ко времени около 340 г., т. е. весьма скоро после Никейского собора. См. F. Justi, — Gr. d. Ir. Ph., II, 522; A. Christensen, *Iran...*, p. 263.

⁴⁷ См. Labourt, *Le christianisme...*, p. 45.

⁴⁸ Вопрос об Арташире II представляет значительные трудности. Если мы предположим, что Арташир II был братом, а тем более дядей Шапура II (правившего 70 лет), то столкнемся с большими хронологическими затруднениями. Быть может, скорее прав Герцфельд, когда предполагает, что Арташир II был представителем боковой линии Сасанидского дома (см. E. Herzfeld: «*Am Tor von Asien*», Berlin, 1920, S. 69; «*Paikuli*», S. 50). Ср., впрочем, Nöldeke-Tabari, S. 69, Anm. 2, где Т. Нельдеке склонен придерживаться традиционной точки зрения, считая, что Арташир II был братом Шапура II.

⁴⁹ Много сделано для выяснения характера античного общества Средней Азии археологами. Многолетние раскопки С. П. Толстова в Хорезме дали богатейший материал по общественной и культурной жизни Средней Азии первых веков нашей эры. В связи с рассматриваемым вопросом исключительное значение имеют раскопки города Топрак-кала, открытого в 1938 г. и подробно обследованного в 1940 г. (см. С. П. Толстов, *Топрак-кала: к истории поздне-античного хорезмийского города*, — ИАН, Серия истории и философии, 1944 г., № 4, стр. 182—186). Период расцвета этого города приходится на III—V вв. н. э. Весьма интересен план города. Город представлял собой правильный, вытянутый с севера на юг прямо-

угольник размером 470×250 м, обнесенный мощной, сложенной из кирпича-сырца стеной с башнями. Северо-западный угол прямоугольника занимал замок владельца, по соседству с ним находились храм огня и незастроенная площадь. Состоял город из больших жилых комплексов, по 120—200 комнат в каждом из них, расположенных по сторонам главной улицы и разделенных на кварталы правильными переулками. Каждый такой жилой массив, по-видимому, имел свою башню. Таким образом, вся планировка этого позднеантичного города подтверждает гипотезу С. П. Толстова о том, что «поздне-античный среднеазиатский город представляет собой совокупность большесемейных домовых общин, связанных с достаточно архаическим типом общественно-бытового уклада». (*Топрак-кала*, стр. 183). См. также С. П. Толстов: «*Тирания Аброя*», — «Исторические записки», № 3, 1938, стр. 3—53; «*Древний Хорезм*», М., 1948.

⁵⁰ Можно даже поставить вопрос: откуда же происходит хорошо известный нам раннесредневековый город Восточного Ирана и Средней Азии, так называемый шахристан? По-видимому, это город нового типа, возникший на новой социальной основе, а не дальнейшее развитие античного города типа Топрак-калы. Единственный элемент, роднящий их, — это дворец владельца, развивающийся из крепости — рефугиума и превратившийся затем в средневековый арк. Можно обобщить замечания С. П. Толстова, сделанные по отношению к Хорезму (С. П. Толстов, *Топрак-кала*, — ИАН. Серия истории и философии, I, 1944, № 4, стр. 186): «Город в условиях позднеантичного Хорезма — носитель уходящих традиций древнего Востока. Анализ хорезмийской деревни этого времени показывает, что именно она явилась сферой появления новых социально-экономических тенденций, знаменующих зарождение элементов феодализма».

⁵¹ Выше мы уже упоминали хионитов. В науке долгое время не было ясности об отношении этих двух этнических обозначений («хиониты» и «эфталиты») друг к другу. Противоположные точки зрения высказывались и об их этнической и языковой принадлежности. Хиониты и эфталиты рассматривались как два самостоятельных этнических образования. По мнению одних ученых, они — гунны, других — массагеты. За последнее время этой проблеме большое внимание уделил Р. Гиршман, который, на основании своего чтения легенд на эфталитских монетах, пришел к следующим выводам.

1. Хиониты — так называл себя народ, появившийся на территории Бактрианы уже в середине IV в. н. э. и известный также под именем эфталитов. Несколько хионитских царей носили имя Эфтал, и, по-видимому, династическое имя было распространено соседями хионитов на весь народ. Сходством звучания названий «хион» и «гунн» (собств. *hōn*), вероятно, и следует объяснить тот факт, что византийские источники называют эти племена белыми гуннами. 2. Хиониты-эфталиты — индоевропейского (иранского) происхождения и говорили на одном из восточно-иранских (сакских) диалектов. См. R. Ghirshman, *Les Chionites — Hephthalites*, Le Caire, 1948, особенно стр. XII—XIII, 66, III 5. Вопрос об этнической и языковой принадлежности эфталитов очень сложен, пока не разрешен окончательно и до сих пор вызывает споры; ср., например, F. Altheim, R. Stiehl, *Ein asiatischer Staat*, I, Wiesbaden, 1954, Ss. 273—283.

⁵² См. Nöldeke-Tabari, S. 75.

⁵³ Прокопий, *Персидские войны*, I, 2.

⁵⁴ См. Nöldeke-Tabari, S. 75, где рассказывается, на основании сирийских источников, о посылке Ездигердом католика Ахия с важной миссией к брату царя.

⁵⁵ Nöldeke-Tabari, S. 72. Почти все арабо-персидские авторы, следующие за официальной сасанидской традицией, называют Ездигерда «грешником» — *базагар*. Отношение ортодоксальных зороастрийцев отражено в

характеристике, данной этому царю в труде Табари: «Он всегда относился к людям с подозрением и никому ни в чем не доверял... Если кто-нибудь, говоря о каком-нибудь деле, отзывался лестно о ком-нибудь другом, то царь говорил сразу: „Сколько заплатил тебе тот, о ком ты передо мной ходатайствуешь, или сколько ты уже получил?“» (Nöldeke-Tabari, Ss. 73, 74).

⁵⁵ См.: G. Hoffmann, *Auszüge aus syrischen Acten persischer Märtyrer*, Leipzig, 1880, S. 34; J. Labourt, *Le christianisme...*, p. 105 et suiv.

⁵⁷ У Табари, Евтихия, Ибн Кутейбы не назван источник. Данная версия приведена у Фирдоуси. Связь коня с источником говорит об очень древнем мифологическом образе, включенном в этот рассказ.

⁵⁸ Nöldeke-Tabari, S. 77, Апп. 1.

⁵⁹ О Хосрове рассказывают почти все наши арабско-персидские источники (например, Nöldeke-Tabari, S. 91), особенно в связи с его легендарным спором за корону с Бахрамом (см. ниже прим. 62).

⁶⁰ Монсей Хоренский, III, 56.

⁶¹ История жизни Бахрама у хирских князей весьма популярна и рассказывалась источниками много раз. См. Nöldeke-Tabari, S. 78 ff.

⁶² Nöldeke-Tabari, S. 95.

⁶³ Дворец Сарвистан, сохранившийся в развалинах до наших дней, считается одной из лучших построек Михр-Нарсе. F. Sarre, E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin, 1910, S. 131; F. Sarre, E. Herzfeld, *Archaeologische Reise in Euphrat und Tigris Gebiet*, II, Berlin, 1911, S. 332.

⁶⁴ Подробный рассказ о Михр-Нарсе и его сыновьях см. Nöldeke-Tabari, S. 109 ff. Крайне отрицательную характеристику Михр-Нарсе дает Лазарь Парбский.

⁶⁵ J. Labourt, *Le christianisme...*, pp. 119—125.

⁶⁶ Нельдеке считает годом смерти Бахрама 438, см. Nöldeke-Tabari, App. A.

⁶⁷ См. И. Орбели, *Бахрам Гур и Азаде*, Л., 1934.

⁶⁸ V. Langlois, *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie*, Paris, 1867—1869, II, p. 281; по вопросу о достоверности вариантов письма, сохранившихся у Лазаря Парбского и Елисея, см.: A. Meillet, — JA, 1900, p. 648 et suiv.; N. Akimian, *Elisäus Vardapet und seine Geschichte des armenischen Krieges*, Wien, 1938, S. 797; L. Mariès, *Le De Deo d'Eznik de Kolb*, Paris, 1924. См. также A. Christensen, *Iran...*, p. 286.

⁶⁹ См. Н. Адонц, *Марзпан Васак перед судом историков*, — ЗВРАО, XV, 1904, стр. 122—130.

⁷⁰ Н. Адонц, сличая сообщения Лазаря и Егише (Елисея), считает, что Васак не переходил в зороастризм. Он подчеркивает безвыходное положение Васака. См. Н. Адонц, *Марзпан Васак...*, стр. 128—130.

⁷¹ Это восстание известно также под названием «Вардановой войны», по имени его руководителя князя Вардана Мамиконяна. О событиях 450—451 гг. в Армении см. С. Т. Еремян, *Народно-освободительная война армян против персов в 450—451 гг. (к 1500-летней годовщине)*, — ВДИ, 1951, № 4, стр. 41—60.

⁷² См. J. Marquart, *Ērānšahr...*, S. 51. Не к этому ли времени относятся «длинные стены» против кочевников, сохранившиеся в этом районе и по сей день?

⁷³ Nöldeke-Tabari, S. 115—116.

⁷⁴ A. Christensen, *Iran...*, pp. 291—292; J. Labourt, *Le christianisme...*, pp. 131—144.

⁷⁵ О голоде сообщают многие источники. Семь лет — у Табари, Nöldeke-Tabari, Ss. 118, 119. То же у Фирдоуси, см. еще J. Labourt, *Le christianisme...*, p. 144 et suiv.

⁷⁶ Табари, см. Nöldeke-Tabari, Ss. 118, 119 и подробнее — стр. 121, 122 (Ибн Мукаффа).

⁷⁷ Приск, фрагм. 31, 33, 37. См. J. Marquart, *Erānšahr...*, Ss. 57, 58.

⁷⁸ J. Marquart, *Erānšahr...*, S. 58. Ср. Иешу Стилит, § 9—10.

⁷⁹ И. Маркварт и А. Кристенсен считают, что это и было первое столкновение с эфталитами, которые незадолго перед тем проникли в Тохаристан. Нельдеке, в соответствии со своей точкой зрения, отождествляет Ахшунвара (Табари, Динавари — Ашхунван, у Фирдоуси и других — Хушнаваз) с Кунхой Приска (Nöldeke-Tabari, S. 123, Anm. 4). Считая, что эта гипотеза еще требует дальнейших подтверждений, полагаю все же, что Пероз и в первый, и во второй раз сражается с одной и той же конфедерацией племен.

⁸⁰ См. красочный рассказ об этом у Иешу Стилита, § 10.

⁸¹ Надо помнить, что в этот период граница Сасанидского царства никогда не подходила вплотную к Аму-Дарье. По преданию, Пероз уступил кочевникам пограничный укрепленный пункт — Талекан. Не следует смешивать этот город, находящийся к востоку от Балха, с другим, и по сей день носящим это название. Интересующий нас Талекан находился между Мерврудом и Шиберганом. См.: Nöldeke-Tabari, S. 116, Anm. 1; В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903, стр. 25, 26.

⁸² Лазарь Парбский вкладывает в уста одного персидского военачальника следующие слова: «И такое большое и о свободное государство отдал он в рабство эфталитам, а из этого жестокого рабства Иранское государство, сколько оно будет существовать, никогда не сможет освободиться». V. Langlois, *Collection des Historiens...*, II, p. 357; J. Marquart, *Erānšahr...*, p. 62. А. Christensen, *Iran...*, pp. 295, 296.

⁸³ Это имя связано со множеством легенд, причем некоторые из них, несомненно, соприкасаются с образом Веретрагны — небесного вителя — и с легендами о Бахраме Гуре. См. И. Орбели, *Бахрам Гур и Азаде*, стр. 12—15. — Важную роль в восстании играл и представитель армянской знати Вахан Мамиконян. Когда иранские полководцы Зармихр и Шапур Михран узнали о гибели Пероза, они поспешили заключить перемирие с Ваханом. См. Лазаря Парбского у V. Langlois, *Collection des Historiens...*, vol. II, p. 360.

⁸⁴ Положение Сасанидов было тем более затруднительно, что началась междоусобная борьба между братьями Пероза: Валаршем и Зарером. Марзпаном Армении был назначен Вахан Мамиконян.

⁸⁵ А может быть даже только Хосров I перестал выплачивать дань эфталитам (см. J. Marquart, *Erānšahr...* Ss. 62, 63; А. Christensen, *Iran...*, p. 297, n. 2).

⁸⁶ А. Кристенсен (А. Christensen, *Iran...*, p. 297) высказывает мнение, что избрание Кавада было вызвано еще и надеждой на его связи с эфталитами, приобретенные за время его пребывания у них в качестве заложника.

⁸⁷ Nöldeke-Tabari, S. 109 ff.

⁸⁸ О термине mātakdān (прежнее чтение — mātikān) см. W. B. Henning: «A farewell to the khangān of the Aq-Aqatārān», — BSOAS, vol. XIV, pt. 3, 1952, p. 511, n. 3: «Mitteliranisch», — «Handbuch der Orientalistik», IV, 1, 1958, стр. 70. Этот судебник сохранился в позднем списке, дошедшем до нас в двух частях (средняя часть отсутствует). Первая часть была издана J. J. Modi, *Mādigān i hazār dādīstān, a Photocincographed Facsimile*, Poona, 1901. Еще до издания он был обследован Дж. Дармстетером, см. «Revue Critique d'Histoire et Littérature», — Nouvelle série, t. XXIV, 1887, pp. 425—427. Краткое упоминание об этом судебнике см. E. West, *Pahlavi Literature*, — Gr. d. Ir. Ph., II, Ss. 116, 117. — Вторая часть списка этого судебного была найдена позднее и издана Т. Д. Анклесарией: см. T. D. Anklesaria, *The Social Code of the Parsis in Sasanian Time or Madigān-i hazār Dādīstān*, pt II, Bombay, 1913. Серию исследований,

посвященных сасанидскому судебнику, дал Chr. Bartholomae: «*Über ein sasanidisches Rechtsbuch*», Heidelberg, 1910; «*Zum sasanidischen Recht*», I—V, Sb. d. Heidelberger AW, 1918, 1920, 1922, 1923; «*Die Frau im sasanidischen Recht*»,—«Kultur und Sprache», 5, Heidelberg, 1924.—Ряд статей судебногоника был переведен итальянским ученым А. Пальяро, работы которого важны также для понимания некоторых юридических терминов, встречающихся в судебнике. Ср., например, A. Pagliaro: «*L'anticresi nel diritto sasanidico*»,—RSO, XV, 1934, p. 275 fol.; «*Aspetti del diritto sasanidico: hačacmand „interdictum“*»,—RSO, XXIV, 1949, pp. 120—135.—В 1937 г. в Индии вышел полный английский перевод с пехлевийским текстом: S. J. Bulsara, *The Laws of the Ancient Persians as Found in the Mâtikân ê hazâr Dâtistân*, Bombay, 1937.—К сожалению, текст издан в соответствии с парсийской традицией без раскрытия гетерогамм и некритично. Перевод более чем вольный, а комментарии слишком наивны. В общем издание Бульсары представляет в научном отношении большой регресс по сравнению с работами Х. Бартоломэ и А. Пальяро. Переводы некоторых статей этого судебногоника имеются в статьях А. Г. Периханян: «*К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени*»,—ВДИ, 1952, № 4, стр. 13—27; «*Древнеармянские восстания*»,—ВДИ, 1956, № 2, стр. 44—58.

⁸⁹ Упоминание Хосрова II (590—628): Bulsara, XLIII, 69.

⁹⁰ Глава IV по нумерации Бульсары. В судебнике существуют несколько терминов, обозначающих понятие «раб». Основные из них — bap-dak, новоперс. bande и anšahrīk, что в переводе означает «чужак». Это показывает нам, что одним из важных источников получения рабов была война. Однако в позднейшее время «аншахрик» означает любого раба. Это видно хотя бы из той статьи судебногоника, где говорится, что только отец может продать своих детей в рабство (anšahrīkih), см. Chr. Bartholomae, *Zum sasanidischen Recht*, V, S. 22, Anm. 3.

⁹¹ Bulsara, X, 11.

⁹² Bulsara, XLII, 74.

⁹³ Bulsara, XXI, 13. Интересно, что при возврате заложенного раба его прежнему хозяину передавались и деньги, заработанные за время пребывания раба у залогодержателя.

⁹⁴ К сожалению, этот параграф дошел до нас в очень поврежденном виде, Bulsara, XLII, 1.

⁹⁵ Bulsara, IX, 4; XLII, 75; XLIII, 26 etc.

⁹⁶ Bulsara, XLII, 118—119; XXXV, 20, XLII, 131.

⁹⁷ Bulsara, XLII, 10.

⁹⁸ См. Прокопий, *Персидская война*, I, 7. «Он (Кавад при взятии Амиды.—М. Д.) запретил персам убивать жителей, но позволил грабить их имущество и обращать их самих в невольников, приказав отобрать для себя отличнейших из них».

⁹⁹ Bulsara, XLII, 41; особенно XIII, 12, где речь идет о подарке земельного участка (dastkart) вместе со скотом и рабами, работающими на нем.

¹⁰⁰ См.: Н. В. Пигулевская, *Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.*—«Труды Института востоковедения», XXXI, М.—Л., 1940; Ю. А. Солодухо: «*Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Древнего Востока*»,—«Советское востоковедение», II, стр. 35—52; «*К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э.*»,—«Ученые записки ИВАН», XIV, 1956, стр. 31—90.

¹⁰¹ Bulsara, X, 13. Глава XII судебногоника целиком посвящена коллективным обязательствам «дыма» (dūtāk).

¹⁰² Н. В. Пигулевская, *Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.*, стр. 37—40.

¹⁰³ Там же, стр. 48; Прокопий Кесарийский, *Тайная история*, 23, 5.—В. Райт обличает magē qitlē с дехканами сасанидского Ирана. С этим

мнением соглашается и Н. В. Пигулевская. Этот термин можно также сравнить с сасанидским *katak-xvatāy*, кед-худа. О трансформации этого, по существу, родового термина в связи с изменением его социального содержания см. ниже.

¹⁰⁴ Н. В. Пигулевская, *К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране*, — «Вестник ЛГУ», № 8, вып. 2, 1956, стр. 79—84.

¹⁰⁵ Bulsara, XV, 45; XLII, 11, et passim; Bulsara, Glossary, s. v.—Необходимо отметить явные признаки разложения этого института. В ряде случаев в судебнике приведены расходящиеся мнения авторитетов, причем всегда второе (более позднее) мнение оказывается в пользу индивидуальной семьи. См. Bulsara, XLII, 11 и особенно XLII, 42, где разбирается интереснейший прецедент с постройкой храма огня в царствование Хосрова I (531—579) двумя владельцами земли.

¹⁰⁶ См. статьи сасанидского судебногоника, посвященные подземным каналам, их постройке, эксплуатации и юридическим вопросам, возникающим в связи с этим: Bulsara, XXI, 1—2.

¹⁰⁷ Nöldeke-Tabari, S. 134; T. Нельдеке видел в нем представителя «des kleinen Grundadels» (Ibid., S. 134, Anm. 3). По-видимому, все же здесь речь идет именно о сельском начальнике, уже получающем административные функции. Н. В. Пигулевская (*Маздакитское движение*, — ИАН, Серия истории и философии, I, 1944, № 4, стр. 174) считает, что это «средние землевладельцы» и называет меры Валарша «слабыми попытками быть либеральным».

¹⁰⁸ W. B. Henning, *The Inscription of Firuzabad*, — «Asia Major», vol. IV, № 1, 1954, pp. 98—102.

¹⁰⁹ О том, что при первых Сасанидах значение парфянской знати было очень велико, говорит многое. Во-первых, сам факт составления официальных надписей на двух языках — парсик и пахлавик — в персидском и парфянском, во-вторых, постоянное упоминание при перечислении представителей знати парфян наряду с персами (E. Herzfeld, *Paikuli*, 1924, passim). Многие представители высшей сасанидской знати гордились своими родственными связями со старыми парфянскими родами, а некоторые (например, Михраны и Спендиаты) выводили из них свою родословную, по всей вероятности фиктивную (об этом см. J. Marquart, — ZDMG, Bd 49, 1895, № 4, S. 630 ff; A. Christensen, *Iran...*, p. 104, n. 1), от царей династии Аршакидов.

¹¹⁰ A. Christensen, *Iran...*, pp. 103—105.

¹¹¹ Nöldeke-Tabari, Ss. 440, 441, Ср. с упоминавшимися выше *magē quriē*.

¹¹² A. Christensen, *Iran...*, pp. 122—126.

¹¹³ В турфанских текстах — *harāḡ*. Этот термин восходит к древнеперсидскому *harāka-*, заимствованному в ахеменидский период из арамейского *halāk* (что соответствует нововавилонскому *alāki* «выполнять повинность — *ilku*»). В арамейском этот термин обозначал, возможно, земельный налог. Известный арабский термин *харадж* произошел от среднеперсидской формы сасанидского времени. Ср. W. B. Henning, *Arabisch harāḡ* — «Orientalia», IV, 1935, № 3/4, стр. 291—293.

¹¹⁴ Nöldeke-Tabari, S. 105; Dinaveri, 72.

¹¹⁵ Nöldeke-Tabari, S. 16 ff; F. Altheim, R. Stiehl, *Staatshaushalt der Sasaniden*, — «La nouvelle Clio», V, 1953, № 5—6, pp. 280—286; Н. В. Пигулевская, *Города Ирана в раннем средневековье*, М.—Л., 1956, стр. 157.

¹¹⁶ R. Ghirshman, *Cinq campagnes de fouilles à Suse (1946—1951)*, — MMAI, „Mission de Susiane. Rapports préliminaires”, Paris, 1952. См. также отчеты Р. Гиршмана «*Iran*», — AJA, vol. 55, 1951, № 1, pp. 96, 97; ibid., vol. 56, 1952, № 1, pp. 49, 50.

- ¹¹⁷ Н. В. Пигулевская: «Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.», Л., 1946, стр. 228, 229; «Города Ирана...», 1956, стр. 222—225.
- ¹¹⁸ Н. В. Пигулевская, «Города Ирана...», стр. 242—251.
- ¹¹⁹ Н. В. Пигулевская: «Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв.», — Краткие сообщения ИВАН, XIV, 1955, стр. 46—53; «Города Ирана...», стр. 251—261.
- ¹²⁰ J. Labourt, *Le christianisme dans l'Empire perse*, Paris, 1904, p. 70.
- ¹²¹ Н. В. Пигулевская, *Восстание в Хузистане при Хосрове I*, — Краткие сообщения ИВАН, IV, 1952, стр. 3—10.
- ¹²² См. R. N. Frye, *Early Sassanian State and Church*, — «Studi in onore di Levi Della Vida», I, Roma, 1956, pp. 314—335.
- ¹²³ J. Marquart, *Erānšahr...*, Ss. 74—76; A. Christensen, *Iran...*, pp. 102, 346; R. Ghirshman, *Quelques intailles du Musée de Calcutta à légendes en tokharien, pehlvi arsacide et pehlvi sasanide*, «Archaeologica Orientalia in memoriam E. Herzfeld», New York, 1952, pp. 107—112.
- ¹²⁴ А. Г. Периханян, — ВДИ, № 2, 1956, стр. 45—48.
- ¹²⁵ В надписи упоминаются сатрапы Гунди-Шатура, Хамадана, Вех-Арташира (Селевкии на Тигре), Исфакана. Что в данном случае имеется в виду город Исфакан с округой, а не вся область, в которой находился этот город, можно заключить из того, что область официально называлась Васпуракан (ср. надпись из Пайкули).
- ¹²⁶ Nöldeke-Tabari, Ss. 151—152, 155; J. Marquart: «*Erānšahr...*», Ss. 29, 133; «*A Catalogue of the Provincial Capitals of Erānšahr*», ed. G. Mes-sina, — «Analecta Orientalia», 3, Roma, 1931; A. Christensen, *Iran...*, p. 352.
- ¹²⁷ В соседней Армении битахши (бдеашхи) назывались также и ku-saka'l'ами (держателями сторон), т. е. термином, в основе которого лежит то же слово koys (сторона), что и в иранском rātkōs.
- ¹²⁸ R. N. Frye, *Early Sassanian State and Church*, pp. 315—316.
- ¹²⁹ A. Christensen, *Iran...*, pp. 113—116, 517—526.
- ¹³⁰ По поводу названия этой гвардии ср., однако, A. Pagliaro, *Riflessi di etimologie iraniche nella tradizione storiografica greca*, — «Rendiconti dell'Accad. dei Lincei», Cl. di Scienze morali, IX, № 5—6, ff. 146—153.
- ¹³¹ Подробно о военной организации см. К. А. Иностранцев, *Сасанидские этюды*, гл. II («Сасанидская военная теория»), СПб., 1909, стр. 41—81; A. Christensen, *Iran...*, pp. 130—132, 206—218.
- ¹³² A. Christensen, *Iran...*, pp. 96—140, 518—526.
- ¹³³ О древнеиранских сословиях см. E. Benveniste: «*Les classes sociales dans la tradition avestique*», — JA, t. 221, 1932, pp. 117—134; «*Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales*», — JA, t. 230, 1938, pp. 529—540.
- ¹³⁴ Литературу по Авесте и зороастризму см. Введение, прим. 40.
- ¹³⁵ Из одной надписи жреца Картира (см. M. Sprengling, *Third century Iran. Sapor and Kartir*, Chicago, 1953, p. 51; уточненное чтение и перевод см. W. B. Henning, «*Mitteliranisch*», S. 102) следует, что уже в его время зороастризм начал возвышаться над другими религиями в Иране, а политическое могущество зороастрийского жречества усилилось. Сам Картир, видимо, играл при этом весьма активную роль.
- ¹³⁶ H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems in the Ninth-Century books*, Oxford, 1943, pp. 149—194.
- ¹³⁷ См. B. Geiger, рецензия на J. Markwart, *Das erste Kapitel der Gādhā uštavati*, — «Orientalia», 50, Roma, 1930, помещена в «Orientalistische Literaturzeitung», 1933, № 6, столб. 377, 386. Здесь следует оговорить, что существуют и другие взгляды на историю традиции Авесты. Мы приводим наиболее принятые в настоящее время. В. Б. Хеннинг видит подтверждение этой точки зрения в надписи Картира на «Каабе Зороастра», см. его предисловие к изданию «*The Inscription of Naqš-e Rostam*», — «Corpus Inscriptionum Iranicarum», III, 2, London—Lund, 1957.

¹³⁸ H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems...*, p. 81 sq. См. также J. de Menasce, *Notes iraniennes*, — JA, t. CCXXXVII, 1949, № 1, pp. 1—3.

¹³⁹ Комментарий к Авесте составлялся в течение очень длительного времени. Некоторые из комментаторов жили уже в послесасанидский период. Наиболее ранние части относятся к середине V в. н. э.

¹⁴⁰ H. Güntert, *Über die ahurischen und daēvischen Ausdrücke im Avesta*, — «Sb. d. Heidelberger AW», Phil.-hist. Kl., 1914, 13 Abh.; L. H. Gray, *The «Ahurian» and «Daevian» Vocabularies in the Avesta*, — JRAS, 1927, № 3, pp. 427—441.

¹⁴¹ A. Christensen, *Iran...*, p. 149. См. также R. Zaehner, *Zurvan, a Zoroastrian Dilemma*, Oxford, 1955.

¹⁴² О различных пожертвованиях храмам много сведений содержит сасанидский судебник «Матакдāн-и хазār дāтастāн».

¹⁴³ Об этом тоже свидетельствует сасанидский судебник.

¹⁴⁴ До конца XIX в. единственными источниками наших представлений о манихействе были полемические произведения христианских авторов, направленные против этого учения, в частности произведения Блаженного Августина и «Деяния Архелая» (*Acta Archelai*), греческий текст которых сохранился у Епифания, а также «Книга схолий» сирийца Теодора бар Конай. В этих произведениях в интересах полемике приводятся некоторые выдержки из сочинений Мани. Другой важный источник — сведения, содержащиеся в «Фихристе» («Каталоге»), произведении арабского автора X в. ан-Надима, «Хронологии» Бируни и у других арабоязычных писателей. На основании этих источников были написаны довольно обстоятельные и не потерявшие своего значения и по настоящее время исследования по манихейству: G. Flügel, *Mani, seine Lehre und seine Schriften*, Leipzig, 1862; F. Cumont, *Recherches sur le manichéisme*, Bruxelles, 1908. — В начале XX в. немецкими, русскими, французскими и английскими учеными в Китайском Туркестане были найдены фрагменты манихейской оригинальной литературы на среднеиранских диалектах, уйгурском и китайском языках. Эти надписи произвели переворот в восточной филологии, особенно в иранистике; они очень важны для уточнения и расширения наших познаний о манихействе, его космогонической системе, эсхатологии, мифологии, равно как и об истории его распространения. Основные издания этих текстов: F. W. K. Müller, *Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch-Turkestan*, I, — SPAW, 1904, S. 348 ff.; F. W. K. Müller, *Handschriftenreste*, II, — Abh. d. PAW, 1904, S. 117 ff.; F. W. K. Müller, *Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch*, — Abh. d. PAW, 1912, S. 1 ff.; C. Salemann, *Manichäische Studien*, — IAH, VII серия, СПб., 1908, стр. 1 и сл.; C. Salemann, *Manichaica I—V*, — IAH, VI серия, СПб., I, 1907, стр. 175—184, 531—558; I, 1912, стр. 1—50; I, 1913, стр. 1125—1144; A. von Le Coq, *Türkische Manichaica aus Chotscho*, I—III, — Abh. d. PAW, 1912, Ss. 1—61, 1922, Ss. 1—49; E. Waldschmidt und W. Lentz, *Die Stellung Jesu im Manichäismus*, — Abh. d. PAW, 1926; F. C. Andreas, W. B. Henning, *Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan*, I—III, — SPAW, 1932, 1933, 1934; W. B. Henning: «Ein manichäischer kosmogonischer Hymnus», — «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Phil.-hist. Kl., 1932; «Ein manichäisches Henochbuch», — SPAW, 1934; «Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch», Abh. d. PAW, 1936.

В 30-е годы XX в. манихейская библиотека пополнилась новыми находками (на этот раз в Египте) сочинений Мани и его последователей в переводе на один из диалектов коптского языка. Помимо того, что эти находки открыли новые, ранее неизвестные произведения Мани, например «Кефалею» — посмертный сборник его сочинений, они помогают понимать ираноязычные турфанские фрагменты. Издания коптских текстов: C. Schmidt, H. J. Polotsky, *Ein Mani-Fund in Ägypten*, — SPAW, 1933;

Н. J. Polotsky, *Manichäische Homilien*, Stuttgart, 1934; *Manichäische Handschriften der Staatlichen Museen, Berlin*, hrsg. von C. Schmidt, Bd I, Kephalaia, Stuttgart, 1935. — Литературное наследие манихеев довольно разнообразно: трактаты самого Мани, «Кефалея», «Шапуракан», «Живое Евангелие» Мани, — состоящие из двадцати двух глав, по числу букв сирийского алфавита, письма Мани к его ученикам, религиозные стихотворения, гомилии и гимны, «Книга исповедей», молитвенники и др. Исследования по манихейству, написанные с учетом открытий в Китайском Туркестане и Египте: P. Aharic, *Les écritures manichéennes*, I—II, Paris, 1918—1919; F. C. Burkitt, *The Religion of the Manichees*, Cambridge, 1924; H. H. Schaeder, *Urform und Fortbildungen des manichäischen Systems*, — «Vorträge der Bibliothek Warburg», Leipzig—Berlin, IV, 1927, Ss. 65—157; A. V. Williams Jackson, *Researches in Manichaeism*, New York, 1932; H. H. Schaeder, *Der Manichäismus nach neuen Funden und Forschungen*, «Morgenlands», Hft 28; H.-Ch. Puech, *Le manichéisme, Son fondateur, sa doctrine*, Paris, 1949; см. также сжатый, но очень содержательный очерк Н. J. Polotsky, *Abriß des manichäischen Systems*, — PW R-E, Supplementband VI, 1935, Ss. 241—271.

¹⁴⁵ Согласно принятой манихеями схеме, общество подразделялось на пять иерархических ступеней: 1) 12 «апостолов» или «посланных» (*frēstakān*) — высшая ступень; 2) 72 епископа; 3) 360 «старейшин» или «пресвитеров» (*mahištakān*); 4) «избранные» (*vizitakān*); 5) «слушатели» (*piyōšakān*). Число «избранных» и «слушателей» не было ограничено, но именно «слушатели» и составляли самую низшую ступень и основную часть состава манихейской общины.

¹⁴⁶ О том, что купечество было одним из основных проводников манихейства, говорят различные факты. Таково свидетельство самого Мани о том, что он отправился проповедовать в Индию морским путем, т. е. путем крупной морской торговли сасанидского Ирана. Такова также легенда о некоем Скифане, якобы проповедовавшем манихейство в Египте еще до Мани, рассказанная в «Актах Архелая». Епифаний, на основании этих «Акт», развивает эту легенду дальше. По его рассказу (гл. I, 9 и сл.), Скифан был сарацином, богатым купцом, который вел торговлю с Индией. Не случайно в связи с этим рассказом Епифаний приводит сведения о важнейших торговых путях, связывавших Красное море с Фиваидой. По этим-то торговым путям и шла манихейская пропаганда на Запад, в то время как на Восток она шла по следам согдийских купцов, двигавшихся по караванным дорогам Центральной Азии в Китай.

¹⁴⁷ О Сисиннии (Сис) сказано у ан-Надима:

«Говорят манихеи: „Когда Мани был вознесен в рай света, назначил он до своего вознесения Сиса имамом после себя“» (Flügel, *Mani*, S. 67). В одном из сочинений, найденных К. Шмидтом в Египте, Сисинний назван *ἀρχηγός*, что, по мнению Шмидта, в точности соответствует арабскому «имам». О гибели Сисинния рассказывает другой документ из этой же находки, хранящийся в собрании Честера Битти в Лондоне. По свидетельству этого документа, Сисинний был распят в царствование Бахрама II (276—293). См. C. Schmidt, Н. J. Polotsky, *Ein Mani-Fund...*, — SPAW, 1933, Ss. 25, 26. — До нас дошли письма Мани к Сисиннию (*ibid.*, S. 24 ff).

¹⁴⁸ Бэркит (F. C. Burkitt, *The Religion of the Manichees*, Cambridge, 1925, p. 11) справедливо считает, что, несмотря на полемику Августина с манихеями, идеи манихизма наложили глубокий отпечаток на его религиозно-философское творчество. Труднее согласиться с точкой зрения Бэркита на манихейство, как на христианское по своему существу, хотя и еретическое учение (F. C. Burkitt, *The Religion...*, p. VII). Работы последних лет убедительно показали глубокие связи манихейства с восточными верованиями, в частности с зороастризмом.

¹⁴⁹ См.: A. von Le Coq, *Chotscho, Königlich Preußische Turfanexpedition*, Berlin, 1913, Taf.; A. von Le Coq, E. Waldschmidt, *Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*, Bd II, 1924 (манихейские миниатюры).

¹⁵⁰ A. Christensen, *Iran...*, pp. 337—339.

¹⁵¹ Nöldeke-Tabari, S. 154. — Крестьянским считал это движение и В. В. Бартольд («К истории крестьянских движений в Персии», — «Из далекого и близкого прошлого», Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева, Пг. — М., 1923).

¹⁵² О маздакизме см. О. Klíma, *Mazdak, Geschichte einer sozialen Bewegung im sasanidischen Persien*, Praha, 1957, где имеется детальный разбор источников и указания на литературу.

¹⁵³ Вопрос об общности жен у маздакитов и о разрушении ими семьи часто вставал перед занимавшимися этим движением. На это обстоятельство обратили внимание и средневековые писатели, писавшие о маздакитах, и современные нам ученые.

По-видимому, здесь налицо некоторое недоразумение. Почти все без исключения современные события и средневековые авторы утверждают, что маздакиты вводили общность жен. Европейские ученые в этом вопросе далеко не единодушны.

Наивной и прямолинейной можно назвать точку зрения, ярким представителем которой является историк еврейства Г. Гретц [*История евреев* (русс. пер. Гаркави), т. V, СПб., 1902, стр. 10]. Говоря о восстании вавилонских евреев под предводительством Мар-Зутры, которое он считает направленным против маздакизма, Г. Гретц пишет: «Они (т. е. евреи) не могли допустить, чтобы их жены и дочери подвергались каждую минуту опасности быть опозоренными и чтобы чистота их семейной жизни, оберегаемая ими, как зеница ока, была запятнана...».

Другие, как Т. Нельдеке (Nöldeke-Tabari, Ss. 458—459) и А. Кристенсен (A. Christensen, *Iran...*, pp. 339—340), стремятся приуменьшить значение этого факта, доказать, что даже если эта тенденция у маздакитов и была, то во всяком случае она полностью никогда не была проведена в жизнь.

Третьи — это направление особенно заметно в советской литературе последних лет, — стремясь обелить Маздака, вовсе отрицают наличие у маздакитов таких тенденций, приписывая эти рассказы враждебной настроенности наших источников. Для этой точки зрения характерно высказывание Ю. А. Солодухо в его интересной статье «Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н. э.» (ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 136). Он пишет об «общности жен» следующее: «...Это утверждение признается теперь лишь вымыслом историков, враждебно относившихся к маздакитскому революционному движению, так как нет никаких данных, которые бы подтвердили в какой-либо мере это обвинение, неизменно появлявшееся на свет божий против тех, кто осмеливался покушаться на институт частной собственности».

Нам кажется, что и те, и другие, и третьи рассматривают этот вопрос с неправильных позиций. Когда они говорят о разрушении семьи, об общности жен, то они представляют себе европейскую буржуазную семью и европейские формы брака. Насколько это неправильно, можно судить, ознакомившись хотя бы вкратце с иранской семьей, как она представлена в судебнике и правоучительных пехлевийских сочинениях.

В сасанидский период семья несла в себе еще значительные пережитки родовых отношений, наряду с которыми возникали новые, типичные для новых производственных отношений формы брака, сложные системы адаптации; появляются новые формы брачных и семейных отношений.

Сасанидское право насчитывает до пяти различных форм брака, но основными, по-видимому, являлись два. Так, судебник различает *zap-i pātišāyihā* — полноправную жену, получающую свою долю в большой

семье (dūt) после смерти мужа, и жену-служанку — zap-i čakaḡhā, не имеющую таких прав. Pater familias (katak-švatāy) может иметь не только несколько жен-служанок, но и несколько (во всяком случае двух) привилегированных, полноправных жен. Однако он может уступать любую из своих жен другому, нуждающемуся в женском труде. Использование женского труда, разумеется, подразумевало и сожителство с женщиной. Дети, родившиеся в этом случае, принадлежали первому мужу и входили в состав его «дыма» (dūt). От глубокой древности в Иране сохранялся, хотя применялся, по-видимому, только в среде высшей знати, обычай жениться на ближайших родственниках — матери, сестре. Здесь мы имеем дело, по-видимому, со стремлением сохранить имущество женщины в роде и, может быть, с пережитками матрилинейного наследования.

Наряду с этими древними пережитками семейной жизни, с увеличением значения patria potestas — главы семьи, появлением новых имущественных отношений, сложных правил наследования, связанных с новыми формами собственности, намечался и переход к другим формам отношений.

Маздакиты, стремясь к потребительскому коммунизму и возврату к старым родовым отношениям и нормам, боролись с феодализирующими тенденциями в семейных, а следовательно, и в имущественных отношениях, которые приводили к единоличной власти главы дома над женщинами и ограничивали использование труда всей домовой общиной. Возможно, именно так нужно понимать слова Табари о том, что в результате деятельности маздакитов «не знал муж своего дитяти и дитя не знало своего отца» (Nöldeke-Tabari, S. 142). Шахрестани подтверждает, что маздакиты боролись против нарождающихся феодальных форм собственности и стремились вернуться к формам общинно-родового строя. У него сказано, что имущество и женщины, по мнению маздакитов, должны быть общими, как вода, огонь, пастбища.

¹⁵⁴ A. Christensen, *Le règne du roi Kawadh I et le communisme mazdakite*, Copenhagen, 1925.

¹⁵⁵ A. Christensen, *Iran...*, p. 245.

¹⁵⁶ Nöldeke-Tabari, Ss. 142, 143, Anm. 3.

¹⁵⁷ Nöldeke-Tabari, S. 461. Точка зрения Гутшмида — Нельдеке проводится в последнее время и в ряде работ Ф. Альтгейма и Р. Штиль (ср., например, упоминавшуюся статью в «La Nouvelle Klio», V, № 5—6, 1953, pp. 267—321 и книгу F. Altheim, R. Stiehl, *Ein asiatischer Staat. Feudalismus unter den Sasaniden und ihren Nachbarn*, Wiesbaden, 1954), а также Н. В. Пигулевской (см.: «Маздакитское движение», — ИАН, Серия истории и философии, I, 1944, № 4, стр. 171—181; «Города Ирана в раннем средневековье», 1956, стр. 217, 292—310).

¹⁵⁸ Прокопий Кесарийский, *Персидская война*, II, 5.

¹⁵⁹ По поводу бегства Кавада источники сообщают ряд легенд. В одной из них освобождение Кавада приписывается Сиявушу, согласно другой — Кавад бежал, переодевшись в платье своей жены. Имеется также легенда о том, как сестра (или жена) Кавада вызволила своего брата (или мужа) из «замка забвения», вынеся его оттуда завернутым в ковер, и некоторые другие варианты этой легенды. Одна легенда рассказывает, что по дороге к эфталтам Кавад встретил дочь одного дехкана и взял ее в жены. На обратном пути, заехав к ней, он увидел мальчика, родившегося в его отсутствие. Кавад, плененный красотой ребенка, взял с собой и мать, и сына. Этот мальчик, говорит легенда, и был приемником Кавада — Хосровом. Эта легенда, рассказанная Фирдоуси и Динавери, вряд ли соответствует действительности. Матерью Хосрова была, по-видимому, сестра важного вельможи из рода Испахпат (см. Прокопий, I, 23).

- ¹⁶⁰ См. Прокопий, I, 6; Иешу Стилит, § 24.
- ¹⁶¹ Прокопий, I, 6.
- ¹⁶² Иешу Стилит, § 19, 20; Прокопий, I, 7.
- ¹⁶³ См. красочное описание осады Амиды у Прокопия, I, 7.
- ¹⁶⁴ Байлакан — сейчас развалины Орен-кала при слиянии Куры и Аракса. В настоящее время там производятся археологические раскопки. Партав — средневековая Берда'а — сейчас развалины около ст. Евлах в Азербайджане.
- ¹⁶⁵ См. Е. А. Пахомов, *Пехлевийские надписи Дербента*, — «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. 5, Баку, 1929, стр. 3—22; Г. С. Ньюберг, *Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента*, — там же, стр. 26—32.
- ¹⁶⁶ О борьбе за престол между сыновьями Кавада см. Прокопий I, 21.
- ¹⁶⁷ О неудачной попытке добиться от византийского императора гарантий престола Хосрову и о переговорах Сиявуша и Махбода см. Прокопий, I, 11.
- ¹⁶⁸ Прокопий, I, 11.
- ¹⁶⁹ Прокопий, I, 12.
- ¹⁷⁰ Nöldeke-Tabari, S. 465, где приведен детальный разбор свидетельств источников об этом событии.
- ¹⁷¹ Прокопий, I, 21.
- ¹⁷² Н. В. Пигулевская (*К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана*, — ВДИ, № 1, 1937, стр. 143 и сл.) полагает, что в результате маздакитского движения и реформ Хосрова в выигрыше оказался «класс средних землевладельцев». Нам кажется, что нет оснований рассматривать эту социальную группу («азаты») как самостоятельный класс. Это был, конечно, только один из отрядов господствующего класса, пожалуй, самый многочисленный. По-видимому, нет оснований считать, что эта социальная группа оказалась в результате событий конца V и начала VI в. в особенно выгодном положении. Крупная знать, светская и духовная, продолжает, как мы увидим, занимать решающие позиции в государстве. Но, несомненно, изменился состав этой знати, пополненной Хосровом новыми людьми, и характер ее связи с царской властью.
- ¹⁷³ Учет деревьев производился в том случае, когда их было много на участке: единичные деревья обложению не подлежали.
- ¹⁷⁴ О том, что кадастр был начат еще при Каваде, см. Nöldeke-Tabari, S. 241. — О ставках налога читаем у Табари: «На каждый гариб (3600 квадратных локтей = около 1000 кв. м) земли, засеянной пшеницей или ячменем, наложили один дирхем налога, на гариб виноградника — восемь дирхемов, на гариб люцерны — семь, на каждые четыре персидские финиковые пальмы — столько же, то же и на шесть оливковых деревьев» (Nöldeke-Tabari, S. 244—245). «Персидские цари брали до царствования Хосрова Аноширвана в качестве поземельного налога с разных округов то треть, то четверть, то пятую, то шестую часть урожая, в зависимости от состояния орошения и состояния земледелия в округе, а в качестве подушной подати — определенную сумму» (Nöldeke-Tabari, S. 241). — Мы знаем, что еще в аббасидское время существовала форма поземельного налога в смешанном виде (деньги + натура — *харадж мисаха*) и налог в натуральной форме (*харадж мукасама*). См. А. Ю. Якубовский, *Ирак на грани VIII—IX веков*, — «Труды первой сессии арабистов», Л., 1937, стр. 41; Н. В. Пигулевская (*К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана*, — ВДИ, № 1, 1937, стр. 143 и сл.), давая подробный анализ реформы, справедливо полагает, что налог при Хосрове не мог взиматься в чисто денежной форме, как это можно понять из текста Табари, а имел смешанную форму, натура + деньги. См. у Н. В. Пигулевской (*К вопросу...*, стр. 143 и сл.) интересные параллели с византийской податной системой. См. еще E. Stein, *Ein Kapitel vom Persischen und*

vom Byzantischen Staate, — «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», 1920.

- ¹⁷⁵ Nöldeke-Tabari, S. 242.
¹⁷⁶ A. Christensen, *Iran...*, p. 366.
¹⁷⁷ Nöldeke-Tabari, S. 243.
¹⁷⁸ Nöldeke-Tabari, Ss. 246, 247.
¹⁷⁹ Прокопий, *Персидская война*, I, 14.
¹⁸⁰ Аммиан Марцеллин, XXIII, 6, 83.
¹⁸¹ См. E. Stein, *Ein Kapitel vom Persischen und vom Byzantischen Staate*, Ss. 68, 69.
¹⁸² Nöldeke-Tabari, S. 155. Военные округа были следующие: 1. Спакпат Востока, т. е. Хорасана и прилежащих стран; 2. Спакпат Запада, 3. Спакпат Юга, т. е. Йемена, 4. Спакпат Атурпаткана и прилежащих стран, т. е. хазаров. См. Nöldeke-Tabari, S. 155, Anm. 2.
¹⁸³ О паткоспанах см. Nöldeke-Tabari, Ss. 151, 152, Anm. 2.
¹⁸⁴ Вообще вся совокупность реформ была задумана еще Кавадом.
¹⁸⁵ Nöldeke-Tabari, S. 239; Прокопий, II, 8, 11, 14.
¹⁸⁶ Прокопий, II, 15.
¹⁸⁷ Nöldeke-Tabari, S. 240.
¹⁸⁸ Укрепление Дербентского прохода сохранило свое значение и позднее. Арабские авторы X в. подробно описывают систему обороны этого важного стратегического пункта.
¹⁸⁹ Nöldeke-Tabari, Ss. 186, 221 ff., 264 ff., 343 ff.
¹⁹⁰ О борьбе с тюркским каганом рассказывают многие авторы. См. Nöldeke-Tabari, Ss. 158—160; J. Marquart, *Erānšahr...*, Ss. 64, 216.
¹⁹¹ О посольстве Земарха рассказывает византийский писатель Меландр Протектор. (Отрывки собраны у C. Müller, FHG, IV.)
¹⁹² Об этом восстании см. Себеос, III, 1.
¹⁹³ Ср. хотя бы поэтический образ Хосрова Аноширвана, созданный Фирдоуси.
¹⁹⁴ Об отношении Ормизда IV к христианам см. Nöldeke-Tabari, S. 268.
¹⁹⁵ Феофилакт Симокатта, 3, 6—8. Об оскорблении Ормиздом IV Бахрама рассказывает Фирдоуси, следующий недошедшему до нас пехлевийскому роману о Бахrame Чубине. Однако арабские и персидские авторы средневековья ничего не знают о поражении Бахрама, нанесенного ему византийцами. Поэтому посылка Бахраму женского платья остается у них немотивированной. См. Nöldeke-Tabari, S. 272, Anm. 3. — Об этой легенде см. еще F. Altheim, R. Stiehl, *The most ancient Romance of Chivalry*, — «East and West», 9, 1958, № 3, pp. 134—144.
¹⁹⁶ Nöldeke-Tabari, Ss. 273, 274.
¹⁹⁷ Феофилакт, IV, 10—12.
¹⁹⁸ Феофилакт, 4—5. Хроника Гвиди, § 1, пер. Н. В. Пигулевской, — «Записки Института востоковедения», VII, 1939, стр. 63.
¹⁹⁹ Фирдоуси (изд. Моля), VII; Nöldeke-Tabari, S. 274 ff.
²⁰⁰ Nöldeke-Tabari, S. 283, Anm. 2.
²⁰¹ Хроника Гвиди, § 5, 11, 14.
²⁰² A. Christensen, *Iran...*, pp. 464 et suiv.
²⁰³ О Шахене см. Nöldeke-Tabari, S. 291, Anm. 2.
²⁰⁴ Для войны с Ираклием основным источником является армянский историк Себеос.
²⁰⁵ См. у Юсти (Gr. d. Ir. Ph., II, S. 543, Anm. 5) указания на источники, говорящие о взятии персами Иерусалима.
²⁰⁶ Свидетельством господства Сасанидов в Египте являются коптские документы, пехлевийские папирусы и монеты Хосрова Парвеза, найденные в Арсиное.
²⁰⁷ Себеос, III, 26.

- ²⁰⁸ Себеос, III, 26; Marquart, *Erānšahr...*, S. 107.
- ²⁰⁹ Nöldeke-Tabari, S. 379; быть может, и Шахен был убит Хосровом.
- ²¹⁰ Ср. Хроника Гвиди, § 7.
- ²¹¹ Хроника Гвиди, § 17.
- ²¹² Якут, I, 668; Мас'уди, *Мурудж аз-захаб*, I, 225.
- ²¹³ Так у Фирдоуси и близкого к нему Са'алиби.
- ²¹⁴ Ездегерд был, вероятно, внуком Хосрова II, сыном его сына Шах-рира, см. Nöldeke-Tabari, S. 397.
- ²¹⁵ Подробное изложение арабского завоевания выходит за пределы настоящей книги и должно стать вступлением к истории средневекового Ирана.
- ²¹⁶ Относительно времени вторжения в Иран арабов нет полной ясности. Табари и Мас'уди приводят дату мухаррам 14 г. хиджры (февраль—март 635 г.). Однако у Табари приводятся и другие мнения (см. Табари, изд. де Гуйе, I, 2298, 2349, 2377). Илья Нисибинский говорит о 637 г. Битва при Кадисии произошла, по-видимому, после битвы при Ярмуке, отдавшей Сирию в руки арабов (август 636 г.).
- ²¹⁷ См. Табари (изд. де Гуйе) I, 2444 и сл.; Бал'ами (пер. Зотенберга), III, 416: «Нихаят аль-ираб» (изд. Брауна), — JRAS, 1900, p. 257.
- ²¹⁸ Еще до битвы при Нихавенде произошла битва при Джалукке. См. Белазори, *Футух аль-Бульдан*, 264; Фирдоуси (изд. Моля), VII, 430; Якут (изд. Вюстенфельда), II, 107.
- ²¹⁹ Са'алиби (изд. Зотенберга), 742.
- ²²⁰ Гибель Ездегерда произвела, как видно, сильное впечатление на современников. О ней подробно рассказывают многие средневековые арабские и персидские авторы: Табари, Са'алиби, Фирдоуси и другие.
- ²²¹ A. Christensen, *Iran...*, pp. 128, 129.
- ²²² *История СССР* (на правах рукописи), изд. ИИМК, ч. III, М.—Л., 1939, стр. 95 (А. Н. Бернштам и С. П. Толстов).
- ²²³ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 248—260.
- ²²⁴ Слова «пехлеви», «пехлевийский» употребляются также для обозначения среднеперсидского языка.
- ²²⁵ Очерки среднеперсидской зороастрийской литературы с детальными указаниями на издания текстов и на посвященные им работы см.: E. West, *Pahlavi Literature*, — Gr. d. Ir. Ph., II, p. 75—130; J. C. Tavadia, *Die mittelpersische Sprache und die Literatur der Zarathustrier*, Leipzig, 1956.
- ²²⁶ О Денкарте и некоторых других сочинениях этого жанра см.: H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books*, Oxford 1943; P. J. de Menasce, *Une encyclopédie mazdéenne, Le Dēnkart*, Paris, 1958.
- ²²⁷ И. Орбели и К. Тревер, *Шатранг, книга о шахматах*, Л., 1936.
- ²²⁸ В. Р. Розен, *К вопросу об арабских переводах Худай-Намэ*, — «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 153—191.
- ²²⁹ «Калила и Димна», предисл. И. Ю. Крачковского, М., 1957 (2 изд.).
- ²³⁰ С. Salemann, *Manichäische Studien I*, — ИАН, VII серия, СПб., 1908, стр. 1 и сл.; E. Benveniste, *Le texte du Draxt asūrik et la versification pehlevie*, — JA, 1930, pp. 193—225. — О персидской метрике см. также W. B. Henning, *A Pahlavi Poem*, — BSOAS, XIII, 3, pp. 641—648, где проводится иная точка зрения на среднеперсидское стихосложение.
- ²³¹ М. Boyce: «*Zariadres and Zarer*», — BSOAS, XVII, 3, 1955, pp. 463—477; «*Some remarks on the transmission of the Kayanian heroic cycle*», — «*Serta Cantabrigiensia*», Mainz, 1954; «*The Parthian gōsān and Iranian minstrel tradition*», — JRAS, 1957, № 1—2, pp. 10—45.
- ²³² A. Christensen: «*Iran...*», pp. 482—487; «*La vie musicale dans la civilisation des Sassanides*», — «*Bulletin de l'Association française des Amis de l'Orient*», № 20—21, 1936; «*Some Notes on Persian Melody-names of the*

Sassanian Period», — «Dastur Hoshang Memorial Volume», Bombay, 1909.

²³³ A. Christensen, *Iran...*, pp. 415—438; Th. Nöldeke, *Burzōēs Einleitung zu dem Buche Kalila wa Dimna übersetzt und erklärt*, Strassburg, 1912; A. Borisov, *Sur le nom «Tangkaloucha»*, — JA, 1935, 2, pp. 300—305; H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems...*, Oxford, 1943; J. de Menasce, *Notes iraniennes*, — JA, 1949, pp. 1—3.

²³⁴ О сасанидском изобразительном искусстве см.: F. Sarre, E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, I—II, Berlin, 1910; F. Sarre, *Die Kunst des alten Persien*, Berlin, 1922, Ss. 32—56, Taf. 67—150; C. Huart, L. Delaporte, *L'Iran antique. Elam et Perse et la civilisation iranienne*, Paris, 1952, pp. 436—450; K. Erdmann, *Die Kunst Irans zur Zeit der Sassaniden*, Berlin, 1943; R. Ghirshman, *L'Iran dès origines à l'Islam*, Paris, 1951, pp. 287—310; S. Nafisi, *Tarikh-i fanaddan-i Iran-i Sāsāns*, I, Tehrān, 1952; см. также соответствующие главы SPA, I. По археологическому материалу см. также литературу, указанную во Введении.

²³⁵ См. серию «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», vol. I—XII, Paris — Bruxelles — le Caire, 1926—1946.

²³⁶ F. Sarre, *Sassanian Stone Sculptures*, — SPA, I, pp. 593—600.

²³⁷ О датировке Так-и Бустана см. K. Erdmann, *Das Datum des Tak-i Bistan*, — «Ars Islamica», IV, 1937, Ss. 79—97; ср., однако, E. Herzfeld, — AMI, IX, 1938, Ss. 91—158.

²³⁸ R. Ghirshman, *Cinq campagnes de fouilles à Suse (1946—1951)*, — MMAI, Paris, 1952, pp. 8—12.

²³⁹ В. А. Шишкин: «Резная штучковая декорация из развалин Варахши близ Бухары», — «Искусство», 1938, № 5, стр. 148—152; «Исследование городища Варахша и его окрестностей», — КСИИМК, 1941, X, стр. 3—15; «Археологические работы 1947 г. на городище Варахша», — Изв. АН УзССР, 1948, № 5, стр. 62—70. См. также сб. «Живопись древнего Пянджикента» (под ред. А. Ю. Якубовского и М. М. Дьяконова), М., 1954.

²⁴⁰ R. Ghirshman, *Les fouilles de Châpour (Iran)*, — RAA, XII, 1938, pp. 12—19; G. Salles, *Nouveaux documents sur les fouilles de Châpour*, — RAA, XIII, 1939—1942, pp. 93—100; R. Ghirshman, *Les mosaïques sassanides*, Paris, 1956. [Fouilles de Châpour. Bichâpour, vol. 2].

²⁴¹ А. Я. Борисов, *Об одном иллюстрированном астрологическом трактате сасанидского времени*, — ТИК, 1939, стр. 31 и сл.

²⁴² Я. И. Смирнов, *Восточное серебро*, СПб., 1909; И. Орбели и К. Тревер, *Сасанидский металл*, Л., 1935; К. В. Тревер, *Новые сасанидские блюда Эрмитажа*, Л., 1937; I. Orbeli, *Sassanian and early Islamic metalwork*, — SPA, I, pp. 716—771.

²⁴³ К. В. Тревер, *Художественное значение сасанидских монет*, — ТОВЭ, I, 1939, стр. 255—285.

²⁴⁴ Ph. Ackerman, *Sassanian Seals*, — SPA, I, pp. 784—818.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — «Вестник древней истории»
 Вестник ЛГУ — «Вестник Ленинградского Государственного университета»
 ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества»
 ИАН — «Известия Академии наук СССР»
 ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры»
 Известия ИАН — «Известия Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге»
 ИЖ — «Исторический журнал»
 Краткие сообщения ИВАН — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР»
 КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»
 Материалы ЮТАКЭ — «Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции»
 МИА СССР — «Материалы и исследования по археологии СССР»
 ОАК — «Отчеты Археологической комиссии»
 СА — «Советская археология»
 ТИК — «Иранское искусство и археология. III Международный конгресс. Доклады», М.—Л., 1939
 ТОВЭ — «Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа»
 Труды ГИМ — «Труды Государственного Исторического музея»
 Труды ЮТАКЭ — «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции»
 Ученые записки ИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР»
 AASOR — «Annual of the American School of Oriental Research»
 Abh. d. PAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften»
 AJA — «American Journal of Archaeology»
 AJSL — «American Journal of Semitic Languages (and Literatures)»
 AMI — E. Herzfeld (ed.), *Archäologische Mitteilungen aus Iran*
 ASI — «Archaeological Survey of India»
 BSOS — «Bulletin of the School of Oriental Studies»
 BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies»
 CAH — «The Cambridge Ancient History»
 CHI — «The Cambridge History of India»
 CIL — «Corpus Inscriptionum Latinarum»
 CRAI — «Compte-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres»

- Ditt. OGIS — W. Dittenberger, *Orientis Graeci Inscriptiones selectae*, I—II, Leipzig, 1903—1905
- FHG — «Fragmenta Historicorum Graecorum» (ed. C. Müller), I—V, Paris, 1841—1870
- Gr. d. Ir. Ph. — «Grundriss der Iranischen Philologie», Strassburg, 1896—1904
- IGRR — «Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes» (ed. R. Cagnat), I—IV, Paris, 1911—1927
- JA — «Journal Asiatique»
- JAOS — «Journal of the American Oriental Society»
- JBBRAS — «Journal of Bombay Branch of the Royal Asiatic Society»
- JCS — «Journal of Cuneiform Studies»
- JHS — «Journal of Hellenic Studies»
- JNES — «Journal of Near Eastern Studies»
- JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society»
- JRGS — «Journal of the Royal Geographical Society»
- OLZ — «Orientalistische Literatur-Zeitung»
- MASI — «Memoirs of the Archaeological Survey of India»
- MDP — «Mémoires de la Délégation en Perse»
- MMAI — «Mémoires de la Mission archéologique en Iran»
- MMAF — «Mémoires de la Mission archéologique de Perse»
- MMAIS — «Mémoires de la Mission archéologique de Susiane»
- MO — «Le Monde Oriental»
- Num. Chron. — «Numismatic Chronicle»
- Philol. Suppl.—Bd — «Philologus Supplementband»
- PMAP — «Publications de la Mission archéologique de Perse»
- PW R-E — «Reallexicon der klassischen Wissenschaft», hrsg. von Pauly-Wissowa
- Proc. Amer. Philos. Soc. — «Proceedings of the American Philosophical Society»
- RA — «Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale»
- RAA — «Revue des arts asiatiques»
- RH — «Revue historique»
- Rostovtzeff, SEHHW — M. I. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, vol. I—III, Oxford, 1941
- RSO — «Rivista degli studi orientali»
- RT — «Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptienne et assyrienne»
- Sb. d. AW. in Wien — «Sitzungsberichte der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien»
- Sb. d. Bayr. Ak. d. Wiss. — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften»
- Sb. d. Heidelberger AW — «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften»
- SEG — «Supplementum Epigraphicum Graecum»
- SHA — «Scriptores Historiae Augustae»
- SPA — «A Survey of Persian Art», London, New York, vol. I, IV, V, 1938; vol. II, III, VI, 1939
- SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften»
- WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes»
- YCS — «Yale Classical Studies»
- ZA — «Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete»
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft»

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В. И.** 363, 374, 376, 377
Абгар 211, 212
Абель-Ремюза 189
Август 16, 18, 220, 221
Августин 302, 408, 409
Аврелий Марк 228, 229
Агафангел 22
Агафий Схоластик 22, 305
Агафокл 165
Агесилай 102
Адад-нирари III 43, 357, 358
Азарнарс 264
Адонд Н. 403
Адриан 227
Аз 219
Аза 47
Азармидухт 320
Аккадская династия 37
Аккерман Ф. 357
Александр Македонский 13, 14, 58, 105, 117, 118, 138—162, 164—166, 168, 172, 176, 178, 186, 231, 237, 257, 347, 352, 364, 379, 384, 385
Александр, сын Александра Македонского 161
Александр, брат Молона 176
Александр Север 399
Алиатт 56, 57
Алкет 162
Алхавдоний 211
Альтгейм Ф. 411
Амасис II 80
Аминт 93
Аммиан Марцеллин 22, 266, 311, 401
Амиртей 99
Амр ибн Лейс 312
Анания Ширакский 22
Анастасий 307
Андратор 180, 181, 388
Андреас Ф. 361
Анкетиаль дю Перрон 343
Анклесария Т. Д. 350, 404
Аношзад 286, 287
Антигон 161, 163—165, 385
Антигон II Гонат 165, 166
Антиох I 165, 166, 174, 178, 180
Антиох II Теос 171, 174, 175, 187
Антиох III 176—179, 182, 183, 187, 236, 359, 386, 387
Антиох IV Эпифан 179, 182, 183, 188, 192, 388
Антиох VII Сидет 185, 186, 189
Антиох VIII Грип 192
Антиох X 192
Антиох Гиерак 175, 180
Антиох Комматенский 209, 226, 382, 393
Антиох из Суз 243
Антипатр 140, 146, 159, 161, 162
Антоний 16, 214—218, 393
Антонин Пий 228
Ану-банини 10, 35, 341, 356
Апшиан 16, 166
Арбак 51
Аргишти I 47
Ариарамна 11, 121, 342, 382
Ариобарзан, сатрап 104, 145
Ариобарзан I 193, 208, 209
Ариобул 14
Аристона 374
Аристотель 14, 138, 150, 379
Арне Т. 9
Арриан 14, 346, 379, 384
Арсам, дед Дария I 83
Арсам, отец Дария III 105
Арсам, сатрап 374
Арсамен 374
Арсид 100
Арсит 140
Арта-Виоф 19
Артобаз 223
Артабан I 182
Артабан II 186, 189, 190, 390
Артабан III 15, 199, 221—224, 233, 237, 394

- Артабан IV 226
 Артабан V 15, 229, 245, 258, 259, 398
 Артавазд I 192
 Артавазд II 211—213, 216, 217, 218, 233
 Артавазд, мидийский царь 218
 Артавазд, сын Артабана V 258
 Артаксеркс I 11, 13, 99, 100, 123, 124, 343, 364, 383
 Артаксеркс II, Мнемон 11, 12, 101, 102, 104, 118, 236, 343, 364, 382, 383
 Артаксеркс III Ох 11, 104, 118, 123, 152, 379
 Артаксеркс IV 147
 Артаксеркс, царь Парса 397
 Артаксий (Арташес) 183, 192, 218
 Арташес — см. Артаксий
 Арташир I Папакан 20, 58, 257—260, 279, 285, 289, 292, 293, 301, 325, 328, 397—400
 Арташир II 269, 401
 Арташир III 320
 Артик 51
 Артистона 374
 Артифий 100
 Арукку 364
 Аршак 15, 180—182, 187, 194, 204, 268, 390
 Аршак Никефор — см. Гиляр
 Аршак II 266
 Аршакиды, династия 180, 182, 190, 195, 196, 204, 205, 221, 223, 227, 229, 233, 236—238, 259, 263, 264, 288, 398
 Аршама (Арсам), дед Дария I 11, 83, 121, 342, 382
 Аршама, сатрап 12
 Асархаддон 49, 50, 358, 359
 Асина 89
 Асмоен, династия 209
 Аспафин 368
 Астиаг (Астинг, Иштувегу) 57, 67—69, 71, 77, 81, 86, 90, 359, 364
 Атаферн 368
 Атосса 94, 364
 Атропат 162
 Аттал I 175, 176
 Атталиды, династия 174, 192
 Атургундад 306
 Атурпат 58
 Аурватаспа 63
 Афраний 208
 Ахай 402
 Ахей 176
 Ахемен 94, 95, 99
 Ахемениды, династия 8, 11—13, 55, 62, 65, 67, 68, 77, 80, 81, 83, 85, 91, 92, 95, 99, 104—106, 111, 114—116, 118—121, 123, 124, 133, 137, 145, 146, 148, 158, 160, 162, 195, 234, 236, 257, 360, 363, 365, 366, 381
 Ахшунвар 277, 404
 Ашока 178
 Ашшур-бан-апли (Ашшурбанапал) 50, 53, 359, 364
 Ашшур-даннинанни 45
 Бабек 309
 Багабухша 95, 97, 99, 100
 Багаз 184
 Багой 104
 Базранги, династия 257
 аль-Балазури 21
 аль-Бал'амй, Мухаммад 21
 Балкан К. 357
 Бардесан 301
 Бардия (Смердис) 80, 82, 84, 90, 364, 368
 лже-Бардия — см. Гаумата
 Барзафарн 215
 Барисс 368
 Барбад 326
 Барсаэнт 145
 Бартоломэ Х. 368, 372, 380, 405
 Бартольд В. В. 21, 339, 410
 Бахрам I 263, 293, 302, 400
 Бахрам II 263, 400, 409
 Бахрам III 263, 264, 400, 401
 Бахрам IV 269
 Бахрам V (Гур) 273—275, 279, 283, 284, 289, 403, 404
 Бахрам Чубин 20, 283, 315—317, 322, 413
 Бел-шиманни 97
 Бенвенист Э. 326, 361, 362, 367, 380
 Бенедикт У. 372
 Береника 175
 Берос 54, 77
 Бесс 145, 147, 148
 Бибул 214
 Бикерман Е. 386
 аль-Бируни 408
 Блоше Э. 362
 Боран 320
 Браун Т. Бертон 9
 Брут 214
 Букинич Д. Д. 30
 Бульсара С. 405
 Бундос 303

- Бурзое 325
 Бэйли Х. 293, 361, 377
 Бэржит Ф. 409
 Валарш 224, 278, 282, 287, 306, 404, 406
 Валент 268
 Валериан 261, 263
 Валкаш 56
 Варад-Син 38
 Вартунций 211, 212
 Вардан 224
 Вардан Мамиконян 403
 Васак Сюнийский 275, 403
 Васудева 220
 Вахан Мамиконян 404
 Вахтанг Горгасар 277
 Вахука 100
 Вахумиса 90
 Вахьяздата 87, 90
 Вейсбах Ф. 367
 Веллей Патеркул 16, 217
 Вентидий Басс 215, 216, 393
 Вер Люций 228
 Веспасиан 225, 226
 Вестергорд Н. 350
 Вивана 90
 Видарна 90, 374
 Викандер С. 236
 Вильямс 339
 Вима 220
 Виндое 315, 317
 Винников И. Н. 348
 Вистахм 315, 317
 Вителлий 222
 Виштапа 60, 62, 63, 83, 85, 86, 99, 363, 366, 368, 374, 379
 Вологез I 15, 58, 220, 224—226, 236
 Вологез II 228
 Вологез III 220, 228, 229, 236, 245, 395
 Вологез IV 229
 Вологез V 229
 Вольский И. 388
 Вонон 219
 Вонон I 221, 222
 Вонон, брат Артабана III 223, 224
 Вонон II 224
 Волпек 400
 Вульсин Ф. 9
 Габиний 209, 210
 Гавриил 317
 Гай 221, 394
 Галерий 264
 Ганнибал 179, 387
 Гарпаг 68
 Гарпал 158
 Гартманн Г. 376, 377
 Гаубарува — см. Гобрий
 Гаумата (лже-Бардия) 82—84, 87, 89, 90, 99, 123, 364, 370—372
 Гейгер В. 361, 362
 Гелиокл 186, 389
 Гельднер К. 360, 361
 Германик 222
 Гермей 219, 393
 Гермодор 368
 Геродот 12, 46, 49—55, 57, 59, 64—66, 68, 71, 77, 79—87, 89, 91, 92, 94—96, 99, 100, 123, 139, 358, 359, 362, 364, 366—368, 372, 374, 379, 381, 382
 Гертель И. 84, 377
 Герцфельд Э. 9, 17, 23, 29, 30, 32, 34, 35, 41, 42, 50, 84, 123, 125, 189, 346, 349, 356, 359, 360, 363, 365, 367, 371, 372, 374, 376—378, 380, 383, 389, 390, 394, 398, 400, 401
 Гестизэй 200
 Гибар 68
 Гиг (Гог, Гуггу) 69
 Гидарн 368
 Гимер (Аршак Никефор) 189, 190, 201, 389
 Гиппострат 219
 Гиршман Р. 9, 23, 30, 333, 357, 402
 Гиспаосин 183, 190
 Гистасп 83, 374
 Гобрий (Гаубарува, Гобрува, Губару) 68, 72, 93, 366, 368
 Гобрува — см. Гобрий
 Гог — см. Гиг
 Гондофарр 219, 220, 222, 245
 Гораций 220
 Гордиан 260, 261
 Гордие 317
 Готарз 193, 194, 390
 Готарз I 224, 245, 347, 394
 Готарз II 245, 347, 394
 Гочихр 257, 258
 Гоян Г. 392
 Грей Л. 372
 Гретц Г. 410
 Григорий Просветитель 265
 Григорьев Г. В. 30
 Губаз 313
 Губару — см. Гобрий
 Гуггу — см. Гиг
 Гулямов Я. Г. 30
 Гутшмид А. 187—189, 192, 216,

225, 305, 386, 387, 389, 390,
393, 394, 411
Гушнаспдад 306

Дадрши 90
Дайукку 47, 49, 359; см. также
Дейок
Данте 624
Дараява(х)уш — см. Дарий I
Дарий I 11, 13, 60, 68, 69, 82—87,
89—94, 97, 100, 107, 109; 111,
112, 118, 121, 123, 124, 137, 343,
363, 364, 366, 368, 372, 373,
377—379, 383—385
Дарий II 100, 101, 124, 343, 364
Дарий III Кодоманн 105, 139—148,
152, 237, 364, 379, 384
Дарий, царевич 99,
Дарий, царь Парса 397
Дармстетер Дж. 343, 360, 361, 404
Дейок 49, 51—53, 358; см. также
Дайукку
Дейотар 209
Делич Ф. 367
Деметрий Полиоркет 163, 166
Деметрий I 187
Деметрий II 184, 185, 188, 189
Деметрий III 192, 193
Деметрий, сын Эвтидема 178
Демодам 178, 180
Демосфен 13
Денак 276, 366
Дещилий Сакс 214
Джамаспа 62
Дибвойз Н. 189, 214, 387, 390,
392—395
ад-Дйнаварй Абӯ Ханйфа 21, 404,
411
Диоген Лаэртский 368
Диодор Сицилийский 12, 14, 16,
201, 347, 358, 359, 379
Диодот I 175, 177, 180, 181, 187
Диодот II 181, 187
Диоклетиан 264, 303, 310
Дион Кассий — см. Кассий Дион
Дройзен 386
Дусанни 50
Дьелафуа М. 239, 339, 353
Дьяконов И. М. 357, 358, 360, 372,
382, 383
Дьяконов М. М. 30

Евтихий 21, 399, 403
Егише 22, 403
Ездегерд I 270—273, 289, 308,
315, 402
Ездегерд II 274, 276, 279

Ездегерд III 320, 321, 414
Езник 22
Ельницкий Л. 374, 376, 377
Елифаний 408, 409

Зам 307, 309
Замасп 204, 306
Заратуштра 57, 59—63, 84—86, 99,
118, 119, 236, 292, 295, 366, 368,
377; см. также Зороастр
Зардушт 304
Зарер 404
Зармихр 278, 304—306, 404
Земарх 314, 321, 413
Зенон Понтийский 222
Зопир 100, 379
Зороастр 57, 84, 86, 236; см. так-
же Заратуштра

Ибн аль-Балхи 21
Ибн Исфандийар 20, 21
Ибн Кутейба 21, 399, 403
Ибн аль-Мукаффа 20, 325
Ибн Хордадбех 322
Идери 368
Иеремия 54
Иешу Стилит 22, 280, 281, 287,
305, 353
Иисус 318
Илья Нисибинский 414
Иманиш 89
Инар 99, 379
Индо-парфянская династия 190
Индо-скифская династия 190
Иностранцев К. 21
Интаферн 368
Иовиан 266
Иосиф Флавий 16, 222—224, 348,
386, 394
Ираклий 317—319, 322, 413
Иранзу 47
Исидор Харакский 16, 195, 196,
205, 239
Исократ 137, 384
Испахпаты, род 195, 283, 315, 317,
411
аль-Исфаханй Хамза 21
Ишобохт 23
Ишпака 50
Иштуверу — см. Астиаг
аль-Йа'кубй 21
Йима 363

Кавад I 23, 277, 278, 287, 289,
304—310, 312—315, 317, 404,
405, 411—413
Кавад II Широ 319

- Кавианиды (Кайаниды), династия 62
Кави-Уса 363
Кави-Хусрава 363
Каджула Кадфиз 220
Кайаниды — см. Кавианиды
Каллисфен 14, 150, 384
Камбис I 67, 68
Камбис II (Камбуджня) 72, 80—82, 84, 90, 118, 143, 364, 367
Камерон Дж. 342, 369
Камнаскир 183, 388
Камсаракан, род 301
Кандавл 69
Канишка 220
Кар 263
Каракалла 229, 391
Кардар 292
Карены, род 195, 251, 278, 283
Картир 18, 58, 289, 349, 407
Кассандр 163, 164
Кассий 212—214
Кассий Дион 16, 21, 392, 394, 397
Кассий Лонгин 211
Касситская династия 38
Каус 307, 309
Каштариту (Хшатрита) 50, 52, 54, 85, 90, 359
Кенг Ф. В. 372
Кент Р. 342, 367, 372, 374, 376, 377, 378, 380, 382
Киаксар (Увакиштар) 52—57, 67, 69, 71, 86, 90, 358, 359, 366
Киаксар I 358, 359
Киаксар II 358
Кидара 275
Кимон 97, 100, 379
Кинг Л. В. 342, 372
Киннам 224
Кир I 67, 364
Кир II 11, 13, 65, 67—69, 71, 72, 74, 75, 77, 79, 80—82, 84, 86, 90, 91, 94, 97, 114, 116, 118, 120, 121, 123, 259, 346, 360, 364, 366, 367, 374
Кир Младший 11—13, 101, 102, 105
Кис А. 42, 365
Клавдий Мамертин 400
Клеарот 189
Клеарх 101
Клеомен 160
Клеопатра 218
Клит 140, 150
Клитарх 14
Кодомани — см. Дарий III
Корбулон 224, 225, 394
Кореньков 346
Константин 264, 265
Констанций II 265, 266, 269
Контено Ж. 9, 30
Кофасат 390
Красс, Марк Лициний 16, 206, 210—213, 215, 217, 218, 392
Красс, Публий Лициний 211—212
Кратер 151, 161, 178
Крез 69, 71
Кретик Силан 222
Кристенсен А. 21, 291, 305, 311, 312, 350, 353, 361, 362, 397, 398, 404, 410
Ксанф Лидянин 59, 65, 363, 368
Ксенофонт 12, 13, 77, 101, 102, 105, 111, 346, 379, 384
Ксеркс I 11, 67, 92, 94—99, 113, 118, 120, 123, 124, 137, 139, 143, 145, 342, 343, 364, 374—379, 383
Ксеркс II 100
Ктесий 12, 51, 53, 55, 57, 66, 68, 77, 84, 358, 359, 366, 368, 379
Кунха 404
Кураш — см. Кир I
Курций Руф, Квинт 14
Кутер-Наххунте I 37
Кутер-Наххунте II 38
Кутурмалук 38
Куфтин Б. А. 30
Кюмон Ф. 17, 236, 388
Лабиев Квинт 214
Лазарь Парбский 22, 274, 403, 404
Лагиды, род 385, 394
Лаодика 175, 188, 192, 389
Лауфер Б. 392
Леви И. 376, 378
Лекок А. 400
Леонид 96
Ливий Тит 16
Лисии, семья 391
Лисимах 163—165
Литвинский Б. А. 30
Люфтус В. 339
Лузий 227
Лукулл 194, 206, 207, 210, 390
Маврикий 316, 317
Мадан Д. 350
Мадий 52, 53
Маздак 304, 308, 410
Мазей 144, 145
Мак-Говерн В. В. 388
Мак-Доуэлл Р. 394
Маккавен, династия 386

- Макрин 229
 Максим 227
 Максимин 399
 Малала Иоанн 22, 303
 Мамиконяны, род 268, 403, 404
 Мамитиаршу 50
 Манандян Я. А. 353
 Мани 263, 301—303, 335, 399, 400, 408, 409
 Маништусу 37
 Манучехр 397
 Марданшах 319
 Мардоний 93, 95, 97, 368
 Мар-Зутра 410
 Мария 317, 319
 Маркварт И. 361, 401, 404
 Маркиан 275
 Мартия 89
 Маршалл Дж. 30, 395
 Марущенко А. А. 30
 аль-Мас'удий 21, 335, 398, 414
 Массон В. М. 30, 366
 Массон М. Е. 17, 30, 238
 Маурья, династия 178
 Махбод Сурен 308, 309, 412
 Мах-Гушнасп 292
 Махое 321
 Мегабиз 93, 95, 97, 99, 368
 Мегасфен 178
 Мейе А. 41, 360, 380
 Мейер Э. 390
 Меликишвили Г. А. 360
 Мемнон 139—141, 147
 Менандр Протектор 22, 413
 Менандр 188
 Менуа 47
 Мерибон 266
 Мермнады, династия 69
 Минорский В. Ф. 357
 Митрат 390
 Митридат I 182, 184—186, 188, 201, 362
 Митридат II 190, 192—194, 205, 347, 389, 390
 Митридат III 209—211
 Митридат IV Эвпатор 192, 227
 Митридат, иберский царь 222
 Митридат Понтийский 165, 166, 192—194, 206, 208, 213
 Михран 399
 Михраны, род 278, 283, 305, 315, 406
 Михр-Нарсе 23, 273—275, 279, 283, 289, 292, 328, 403
 Михр-шах 302
 Моа (Могн) 219
 Моисей Хоренский 22
 Молон 176, 177, 387
 Монез 216
 де Морган Ж. 8, 9, 29, 30, 390
 Муза 221, 245, 393
 Муканна 309
 Мунзир 273
 Мурашү 107, 114
 Мүшег Мамиконян 268
 Мюллер К. 384
 Набарзан 141, 145
 Набонид — см. Набу-на'ид
 Набопаласар — см. Набу-апал-усур
 Набу-апал-усур (Набапаласар) 54
 Набу-на'ид (Набонид) 55, 72, 81, 89, 360
 Навуходоносор I 38
 Навуходоносор II 72
 Навуходоносор III 89
 ан-Надим 399, 408, 409
 Наотара, род 62
 Нарам-Син 37
 Нарсе 17, 23, 264, 400, 401
 Нерарх 151, 384
 Нельдеке Т. 21, 272, 273, 305, 379, 397, 398, 401, 403, 404, 406, 410, 411
 Нерон 224—226
 Нерсес 268
 Неферуд 104
 Нидинту-Бел 89
 Николай Дамаскин 363
 Никомед IV 208
 Нин 366
 Норондабат 368
 Нуман 273
 Нуман, сын Мунзира 273
 Ньюберг Г. С. 377
 Оарс 104, 105, 137
 Овидий 394
 Овидий Кассий 228, 229
 Оденат 263, 399
 Ойбар (Угбару) 68, 366
 Оксарт 150, 161
 Октавиан 218
 Октавий 211—213
 Омар 320
 Оноф 368
 Оппенгейм М. 29
 Оппий Статиан 217
 Орбели И. А. 353
 Ормизд I 263, 302, 400
 Ормизд II 264
 Ормизд III 276, 306
 Ормизд IV 21, 315, 316, 413

Ормизд, сын Бахрама I 263, 400
 Ормизд, сын Ормизда II 264
 Оробаз 193
 Ород I 194
 Ород II 209—211, 213, 214, 216, 233
 Ород III 221
 Ород, сын Артабана III 222
 Отан (Утана) 93, 368
 Ох 100

Павсаний 97
 Павсирис 99
 Пакор 213—216
 Пакор II 226
 Пакор, правитель Арахосии 219, 220
 Пакор, правитель Мидии 226
 Пактий 71
 Пальяро А. 405
 Пампелли 8, 9, 29, 30
 Пап 268, 401
 Папак 258, 397
 Парвез — см. Хосров II Парвез
 Парисатида 100, 101, 104, 152, 364, 379
 Парменион 137, 138, 140, 142, 144—147
 Партамасир 227
 Партамаспат 227
 Партатуа (Прототий) 50, 52, 53
 Патизиф 84
 Пердикка 161, 162
 Периханян А. Г. 405
 Пероз 276—278, 302, 306, 307, 314, 321, 400, 404
 Песценний Нигер 229
 Пигулевская Н. В. 280, 281, 406, 411, 412
 Пиотровский Б. Б. 56, 360
 Пислуме 364
 Писсуфн 100
 Пифон 161—163
 Платон 13
 Плиний Младший 204
 Плиний Старший 16
 Плутарх 13, 14, 16, 213, 217, 233, 385, 392
 Полибий 13, 14, 16, 369, 387
 Поликрат 80
 Полиперхон 162, 163
 Полиэн 166
 Помпей 207—210, 214, 228
 Пор 150
 Приск 404
 Прокопий Кесарийский 22, 281, 305
 Проперций 393

Прототий — см. Партатуа
 Псамметих 80—82, 99
 Птолеми, династия 174, 176, 177
 Птолемей Керавн 165
 Птолемей I Лаг 14, 147, 161, 163, 165, 166, 384
 Птолемей II Филадельф 165, 166, 174
 Птолемей III Эвергет 175
 Птолемей IV 176
 Птолемей XI 209
 Пузур-Иншушинак 37

Радамист 224
 Рейтер О. 23
 Рим-Син I 38
 Римуш 37
 Рихтгофен А. 189
 Розен В. 21
 Роксана 150, 161
 Рос У. 182, 390
 Рустам 320
 Ростовцев М. И. 18, 174, 200, 386, 395
 Роулинсон Г. 11, 393, 394
 Руса I 47, 49
 Руса III 53, 56

ас-Са'алиби 21, 414
 Сагдодонак 183
 Са'д ибн Аби Ваккас 320
 Саллюстий 206
 Саллэ 188
 Салманасар III 43
 Санджана П. 350
 Саргон Древний 37
 Саргон II 47, 49, 358
 Сасах 257
 Сасаниды, династия 8, 17, 21—24, 58, 64, 65, 228, 229, 234, 257, 259, 260, 263—265, 271, 273, 275, 277, 278, 280, 283—287, 289, 290, 302, 307, 311, 312, 314, 315, 318, 320, 321, 323, 325, 326, 328, 334, 351, 397, 400, 404, 406, 413
 Сатибарзан 145
 Себеос 22, 413
 Секстилий 207
 Секудиан (Согдиан) 100
 Селевк I 162—167, 169, 173, 174, 178, 180, 364, 385
 Селевк II 171, 175, 176, 181, 182
 Селевк III Сотер 176
 Селевк IV 179, 182
 Селевк, сын Антиоха I 166
 Селевк, сын Антиоха VII 186
 Селевкиды, династия 14, 16, 166,

- 168—170, 172—180, 182, 183,
185, 187, 188, 192, 193, 204, 208,
233, 385, 386, 388
Семирамида 43, 358
Сенека 394
Септимий Север 229
Сергий 22
Сефевиды, династия 5
Сиявуш 306, 308, 411
Силак 210
Синарук 194
Синарук II 227
Синаххериб 49, 67, 358
Син-шарру-ишкун 53
Син-шуми-лишир 53
Сисинний (Сйс) 302, 409
Сиявуш 306, 308, 411, 412
Скифан 409
Смердис — см. Бардия
Согдиан — см. Секуднан
Солодухо Ю. А. 281, 410
Сорнатий 392
Сосибий 176, 177
Сохра (Зармихр) 278
Спалирис 219
Спендиат, род 273, 283, 406
Спантадата — см. Сфендадат
Спитама 57, 69
Спитамен 147—150, 385
Спитамен, сатрап 364
Стасанор 147
Статира 152, 364
Стаций 395
Стейн О. 9, 17, 30
Страбон 13, 16, 77, 79, 84, 188, 387
Струве В. В. 98, 361, 370, 372,
374, 376—378
Субхагасена 178
Сулла 193
Сурен 211—213
Сурен, полководец 210
Сурены, род 195, 219, 222, 283, 308
Сурен Пахлав, вазург-фраматар
289
Сфендадат 84
Сюань Цзан 23
ат-Табары 21, 257, 283, 304, 305,
311, 363, 398, 403, 404, 411, 412,
414
Тагизадэ С. 397, 400
Таннир 99
Тансар 20
Тарн В. В. 148, 166, 187, 188, 190,
213, 219, 387, 388, 389, 392, 393
Тацит 16, 223, 224, 349, 394
Тах 104
Тедеско П. 360
Теисп 67
Телей 178
Теодор бар Конай 408
Тереножкин А. И. 30, 148
Теренций Максим 395
Тиберий 221, 222
Тиглатпаласар III 43, 45, 47, 358,
359
Тигран II Великий 192—194,
206—209, 211, 390
Тигран III 218, 221
Тигран V 225
Тигран Младший 207, 208
Тимарх 183
Тимур 5
Тирибаз 102
Тиридат Армянский, брат Воло-
теза I 224, 225, 227
Тиридат I 388
Тиридат II 218, 219, 393
Тиридат III 222
Тиссаферн (Чисафарна) 100—102
Тит 226
Тифравстр (Читрауштра) 102
Толман Х. 372
Толстов С. Л. 30, 148, 149, 189,
238, 347, 361, 365, 367, 384, 385,
392, 401, 402
Томпсон Р. Кэмпбелл 342, 372
Траян 204, 226—229, 395
Трдат III 263, 399
Трдат IV 264, 265
Тревер К. В. 187, 189, 238, 361
Трог Помпей 14, 16, 68, 79, 188,
347, 368, 390
Тюрин В. О. 371, 372
Уайзман Д. Дж. 360
Уалли 60
Уотермен Л. 349, 396
Увакиштар — см. Киакар
Угбару — см. Ойбар
Уджа-Гор-ресент 80, 81, 90
У-ди 189
Уллусуну 47, 49
Умманигаш (Хумпаникаш) 89
Умняков И. И. 388
Унгнад А. 356
Утана — см. Отан
Фавст Бузанд 22
Фанет 80
Фарасман 149, 222
Фарнабаз 100, 101, 141
Фемистокл 97
Феодосий II 272, 275, 308

Феофан 22
 Феофилакт Симокатта 22
 Филипп Македонский 104, 105, 137, 138, 140, 143, 155, 161, 384
 Филипп Араб 261, 399
 Филипп Арридей 161
 Филипп V 179
 Филот 146, 147
 Фирдоуси 21, 316, 394, 403, 404, 411, 413, 414
 Флор 16
 Фой А. 372
 Фойхтлендер Э. 372
 Фока 317
 Фотий 12, 366, 379
 Фраат I 182
 Фраат II 185, 186, 189, 201, 207
 Фраат III 194, 206, 207, 209, 390
 Фраат IV 216, 218, 219, 221, 245, 393
 Фраат V 221
 Фраат, резидент в Сузах 199
 Фраатак 221
 Фравартиш (Хшатрита) 69, 85, 89, 90
 Фрада 90, 372
 Франке 189
 Фраорт 50, 52—55, 85, 359
 Фрейман А. А. 368, 372, 374—377
 Фрилатий 182
 Фукидид 13

 Хамза Исфаганский 335
 Хаммураби 38
 Хань, династия 16
 Харес Митиленский 60
 Хвасак 396
 Хвои, род 62
 Хеннинг В. Б. 349, 361, 371, 383, 407
 Хинц В. 380
 Хорнен 150
 Хосров Аршакид 263
 Хосров I Аноширван 20, 23, 279, 284, 286—288, 290, 293, 307—313, 315, 317, 321, 325, 328, 404, 406, 411, 412, 413
 Хосров II Парвез 24, 255, 266, 279, 316—320, 322, 326, 328, 330, 354, 405, 413, 414
 Хосров, царевич 273, 403
 Хосрой 227
 Хошанг 363
 Хувахштра 53, 86
 Хувишка 220
 Хумпаникаш 45, 89
 Хумпануммена III 45, 49

Хутелутуш-Иншушинак 38
 Хушнаваз 404
 Хшатрита — см. Кашгариту
 Хшатрита — см. Фравартиш

Цезарь Юлий 210, 211, 214
 Цезенний Пет 225, 226, 394
 Цицерон 214

Чандрагупта 164
 Честер Битти 409
 Чжан Цянь 16, 189, 204
 Чисафарна — см. Тиссаферн
 Читрауштра — см. Тифравстр

Шамаш-риба 96, 97, 374
 Шамаш-шум-укин 50, 359, 364
 Шамши-Адад V 43, 67, 358
 Шапур I 17, 228, 258—261, 263, 264, 279, 285, 288, 289, 293, 295, 301—303, 328, 330, 349, 397, 399, 400
 Шапур II 58, 237, 264—266, 268, 269, 285—287, 293, 399, 401
 Шапур III 269
 Шапур, сын Ездегерда I 273
 Шапур Мхрхан 278, 305, 404
 Шахен 318, 319, 413, 414
 Шахрвараз 318—320
 Шахрестани 411
 Шахрияр 414
 Шейль В. 380
 Шильхак-Иншушинак 38
 Ширен 317, 319
 Шишкин В. А. 24
 Шмидт К. 399, 400, 409
 Шмидт Э. 9, 18, 30, 383
 Шпренглинг М. 346
 Штиль Р. 411
 Штрассмайер И. 367, 374
 Штрек М. 358
 Шуази О. 353
 Шульце 367
 Шутрук-Наххунте I 38
 Шутрук-Наххунте II 45

Юлиан 266
 Юстин Ф. 361, 367, 373, 374, 413
 Юстин М. Юниан 16, 187—189, 209, 308, 379, 387
 Юстин II 314
 Юстиниан 284

Эвагор 104
 Эвагриий 399

Эвкратид 188, 389	Эзов Г. 352
Эвмен из Кардии 162, 163, 385	Эримена 56
Эвмен Атталид 174, 175	Эсхил 13
Эврипид 213, 233	Эфиальт 96
Эвтидем 178, 187, 387	Эфтал 402
Эвтидеиды, династия 188, 189	Язден 317
Эвтропий 215	Якубовский А. Ю. 30
Эгиби, род 107, 114	

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абар-Нахара (Заречье) 115
 Абаршахр 288, 398, 399
 Абирадуш 108, 380
 абиссинцы 314
 Абреттена 380
 Абу-Хабба 360
 Аван 37
 аяары 318
 Авроман 15, 201
 Агбатаны 52; см. также Экбатаны,
 Хамадан
 Адамдун 37
 Адиабена 206, 225, 231, 400
 Адиб 400
 Азербайджан 6, 7, 9, 50, 52, 162,
 412
 Азербайджанская ССР 307
 Азия 36, 52, 53, 80, 87, 97, 102,
 120, 121, 130, 139, 142, 143, 146,
 148, 152, 156, 162, 163, 169, 175,
 182, 194, 208, 323
 Азия Западная 27, 112, 117, 155,
 156, 259
 Азия Малая 12, 40, 53, 56, 57, 69,
 71, 72, 74, 91—93, 95—98, 101,
 102, 104, 107—109, 111, 113,
 114, 118, 119, 137, 138, 139,
 140, 142, 145, 154, 159, 162—168,
 172, 174—179, 182, 192, 193,
 204, 207—209, 213—215, 217,
 235, 236, 251, 268, 299, 307, 318,
 367, 386
 Азия Передняя 30, 36, 40, 91, 97,
 98, 105, 109, 111, 113, 115, 117,
 157, 173, 200, 206, 233, 237, 239,
 296, 299, 381, 385
 Азия Средняя 6—8, 10, 13—16,
 23, 24, 28, 30, 33, 40, 42, 57—60,
 63, 64, 77, 79, 85, 86, 92, 98,
 99, 106, 107, 111, 113, 126, 146,
 148, 149, 157, 158, 160, 161, 174,
 180, 184, 189, 190, 219, 220, 230,
 233, 241, 270, 276, 301, 302, 309,
 321, 322, 334, 356, 361, 364, 366,
 381, 384, 388, 392, 401, 402
 Азия Центральная 189, 301, 302,
 322, 409
 Азия Юго-Западная 6, 40
 азиатские народы 233
 Азовское море 226
 Ак, река 64
 акациры 276
 Аккад 37, 71, 366
 Албания 276, 277, 307, 313
 албанцы 274
 албаны 208
 аланы 226, 231, 395
 Александрия 143, 158
 Александрия Крайняя (Дальняя)
 148, 158, 159
 Александрия в Арахосии 158
 Александрия в Арее 158
 Александрия в Кармании 158
 Александрия в Маргиане 158, 180
 Александрия в Опсиане 158
 Александрия в Сузиане 158
 Амбар 398
 Амида 266, 307, 401, 405, 412
 Аму-Дарья, река 27, 28, 55, 60,
 64, 147, 148, 178, 190, 220, 260,
 271, 277, 314, 321, 322, 367, 404;
 см. также Окс
 Анатолия 33
 Анау 8—10, 29, 30, 32, 33
 Андия 46, 49, 357, 358
 Анкира 141
 Антиохия в Маргиане 180
 Антиохия в Персиде 169
 Антиохия на Оронте 166, 167, 177,
 182, 261, 313, 333
 Анчан 37, 49, 66, 67, 360, 364
 Аньси 204
 Апарарктикена 182
 апасиакы 181
 Арабиссон 382

- арабы 21, 50, 196, 296, 320—322, 363, 374, 398, 414
 Аравия 72, 153, 160, 178, 314, 320
 Аракадри 82; см. также Оронт
 Аракс, река 27, 77, 79, 361, 367, 412; см. также Сыр-Дарья, Як-сарт
 арамен 50
 Арахосия 29, 71, 89, 90, 108, 146, 147, 151, 158, 161, 187, 190, 216, 219, 222, 362, 381
 арахоты 188
 Арбелы 57, 145, 208, 391
 Арвад 115, 142
 Ардилян 43
 Арей, река 178; см. также Гери-руд, Теджен
 ареи 188
 Арея 28, 64, 71, 147, 158, 161, 162, 187, 190, 361, 362, 381
 Арьянем Вайджо (Эран-веж) 64, 361
 Ариана 364
 аризанты 46, 362
 арии 42, 64, 394; см. также арья
 арийцы 40, 363, 365
 Армения 7, 11, 22, 33, 56, 90, 92, 98, 102, 114, 119, 183, 192, 196, 206, 207, 209, 211, 217, 221—228, 236, 260, 261, 263—265, 268—270, 273—277, 302, 306, 307, 313, 314, 316, 318, 380, 381, 390, 394, 403, 404, 407
 армяне 57, 160, 207, 208, 217, 224, 225, 266, 275, 278, 323, 360
 Армянская ССР 56
 Армянское Нагорье 192
 Арран 361
 Арсамосата 177
 Арсиноя 413
 Артаксата (Арташат) 213, 224, 233
 Арташат — см. Артаксата
 Арташир-Хваррэ 258, 283, 285
 Аршакидское государство 202, 204, 241, 288; см. также Парфия, Иран Парфянский
 арья 40, 66, 67, 363; см. также арии
 Асаак 181
 асси (асианы) 188, 189
 ассирийцы 43, 46, 47, 50, 52, 53, 55, 108, 110, 358, 359
 Ассирия 27, 36, 38, 43, 45—47, 49, 50, 52—56, 68, 69, 89, 92, 111, 112, 115, 129, 227, 358, 359
 Аставена 181
 Астрабад 9
 Астрабад-Арташир 285
 Атрек, река 28, 181
 Атропатена (Атурпаткан) 60, 102, 193, 195, 223, 300, 316, 318, 413; см. также Мидия Атропатена
 атропатенцы 217
 Атика 93, 96, 97
 Атурпаткан — см. Атропатена
 Афганистан 6, 7, 71, 75, 186, 238, 260, 330, 334
 Афины 93, 96, 99, 100, 154, 376
 афиняне 96
 Афрасиаб 63
 Африка 80, 81, 318
 Ахайя 180
 Ахваз 285
 Ашхабад 15, 29, 197
 Ашшур 15, 17, 55, 241
 Багдад 35, 324
 Багир 197
 Бадахшан 358
 Байлакан 307, 412
 Байтокайка 386
 Бактрия 402
 бактрийцы 75, 77, 150, 178, 188, 374
 Бактрия 10, 55, 60, 62—65, 75, 77, 80, 85, 99, 108, 114, 147, 161, 162, 164, 174, 175, 177, 180—182, 187—189, 219, 233, 270, 358, 361, 362, 366, 381, 402
 Бактры (Балх, Зарнаспа) 55, 75, 147, 149, 178, 187, 334, 366, 398, 404
 Балх — см. Бактры
 Бампур 9
 Банд-и Кайсар 261
 Барахсум 37
 Барбалис 261
 Барка 373
 Бахди 361
 Белуджистан 6, 9, 29, 30
 Беотия 96, 97
 Берда'а 307, 412
 Бет-Забдэ 265, 266, 269, 401
 Бет-Лапат 261
 Биас, река 151
 Библ 143, 171
 Бисугун 9, 11, 15, 32, 82—84, 87, 89, 90, 93, 121, 123, 126, 193, 342, 367—369, 372, 378, 382, 394
 Бишапур 328, 330
 Богазкёй 40
 Болгария 302
 Босфор 93, 97
 Брундизий 210

будни 358
Бухара 6, 24, 322
Бухарский оазис 270
Бушир 37

Вавилон 14, 14, 35, 38, 53, 54, 55,
71, 72, 75, 77, 79, 81, 83, 89,
96—98, 101, 107, 115, 145, 146,
158, 160—163, 165, 167, 183,
190, 199, 210, 213, 233, 366, 377,
385, 392

Вавилония 27, 35, 50, 57, 69, 71,
72, 74, 75, 80, 90, 91, 105, 107,
108, 113—117, 119, 121, 153,
155, 172, 176, 184, 193, 194, 201,
210, 227, 235, 238, 260, 261, 301,
302, 341, 381, 385, 400; см. так-
же Двуречье
вавилоняне 72, 108, 120, 145, 201,
364

Вайкрта 361

Ван, озеро 11, 378

Варахша 24

Варна 362

Васпуракан 407

Вахш 75

Венеция 352

Вех-Антиок 313

Вех-Арташир 285, 320, 407

Вех-Шапур 285

Византий 264

византийцы 274, 307, 313, 318, 319,
321, 413

Византия 5, 259, 272—277, 306—
308, 312, 313, 318, 322; см. так-
же Восточная Римская импе-
рия

Вифиния 174, 208

вифинцы 175

Вишдиш 46, 47

Волга, река 62

Вологезия 196

Восток Ближний 98, 154, 155, 160,
292

Восток Передний 80, 91, 121, 194,
208, 210, 213, 223, 229, 259, 263,
270, 274, 280, 317

Восток Средний 27

Восточная Римская империя 264,
266, 293, 301, 323; см. также
Византия

восточно-иранские народы 221, 263

Вркана 362

Габиена 183

Габы 183; см. также Джей

Гава Сугда 361

Газа 143, 163, 177

Галатия 208

галаты 166, 174, 175

Галикарнас 140

Галилея 215

Галис, река 56, 57, 69, 71, 109

Галлия 210

Гандара (Гандхара) 28, 71, 108,
219

гандарии 374

Ганзак 316, 318

Гар-и Камарбанд 9, 10, 32

Гассанидов княжество 260

Гаугамела 144, 147, 148, 384

гебры 58

Гедросия 29, 161, 164, 381

Гекатомпил 177, 182, 216

Геллеспонт 96; см. также Дарда-
неллы

Гераклея в Арее 180

Герат 158, 361

Герируд, река 28, 178, 361; см.
также Арей, Теджен

Герм, река 69

германии 66

Герры 178

геты 138

пилянцы 399

Гинд, река 367

Гиндар 215

Гиндукуш 27, 29, 147, 178, 186, 189

Гиркания 28, 55, 56, 64, 66, 77,
161, 181, 182, 184, 195, 221, 224,
225, 228, 231, 362; см. также

Горган, Гуртен

гирканцы 399

Гондисия 204

Гор. 23, 258, 328, 397, 398; см. так-
же Фирузабад

Горган 30, 398; см. также Гирка-
ния

Гордий 140, 141

Граник 140, 141, 144, 150

греки (эллины) 5, 68, 79, 93, 94,
96, 97, 99—102, 108, 109, 116, 137,
139, 143, 149, 150, 152, 160, 172,
173, 177, 196, 206, 231, 233, 285,
326, 387

Греко-Бактрийское царство 14,
181, 186—188, 233

греко-македонцы 117, 156, 168,
232, 233

Греция 5, 71, 93, 94, 96, 97, 99,
101, 102, 105, 111, 113, 137, 138,
140, 141, 143, 146, 154, 156,
161—163, 165, 179; см. также
Эллада

- грузинские племена 57, 360
 Грузия 196, 263, 316, 399
 Гувди-Шапур 261, 285, 302, 407
 гунны 275, 276, 402
 Гурган, река 28
 Гурган, область 272, 275, 283; см. также Гиркания, Горкан
 гутин — см. кутин
 Гутиум 36, 359
 Гяур-Кала 75
- Дагестан 18, 307
 дадики 374
 дан 62, 66, 77; см. также дахи
 даки 226
 Дамаск 142, 164
 Дамган 23, 30, 145, 182, 330
 Дара 182, 316
 Дарабгирд 258
 Дарданеллы 137, 138, 165; см. также Геллеспонт
 Дар-и Слет (Белый Дворец) 257
 Дасткарт 319, 328
 Да-у-Духтар 125
 Дафны 167
 дахи 66, 180, 222, 387; см. также даи
 Двин 277, 314
 Двуречье 35—38, 120, 124, 129; см. также Вавилония
 деламиты 399
 Демавенд, гора 45, 49, 358
 Дербент 18, 307, 314, 413
 Дербентский проход 23, 314, 318, 413
 дербики 62, 66, 77, 79
 дерусиэн 66
 Дешт-и Кевир 28
 Джалуж 414
 Джейтун 10
 Джей 258; см. также Габы
 Джелам, река 151, 219
 Джемдет-Наср 29, 30
 Дизфуль 261
 Дияла, река 27, 35, 38, 47
 Дон, река 148; см. также Танаис
 Дора 176, 177
 Дориск 97
 дравиды 29, 34
 драгги 188
 Дрангиана 28, 71, 146, 151, 161, 186, 187, 190, 381; см. также Сакастан, Сеистан, Систан
 дропки 66
 Дуккан-и Дауд 125
 Дунай, река 228
 Дура-Эвропос 14—17, 168, 196, 197, 199, 201, 202, 205, 228, 233, 234, 238, 241, 245, 247, 261, 333, 348, 391
- Евлах 412**
 евреи 68, 410; см. также иудеи
 Европа 40, 52, 69, 96, 130, 159, 162, 165, 179, 296, 302, 323
 Евфрат, река 14, 15, 17, 36, 38, 108, 143, 144, 151, 162, 163, 168, 177, 182—184, 192, 193, 197, 204, 208—210, 212, 213, 215—217, 225—227, 238, 260, 261, 266, 320, 398
 Египет 11, 12, 18, 69, 71, 72, 75, 77, 80—82, 84, 89—91, 94, 95, 98, 104, 105, 108, 109, 111, 113, 114, 116, 118, 121, 143, 144, 147, 153, 156, 158, 160, 161, 163, 165, 175, 177, 180, 182, 209, 318, 381, 399, 408, 409, 413
 египтяне 68, 80, 82, 95, 104, 108, 143
 Ереван 57, 360
- Заб Большой, река 27
 Заб Малый, река 27
 Загрос, горы 27, 28, 35, 38, 43, 45, 49, 50, 57
 закавказские племена 57, 160, 223, 360
 Закавказье 6, 9, 27, 33, 34, 53, 56, 98, 109, 126, 192, 208, 223, 225—227, 263, 275, 276, 307, 318; см. также Кавказ
 Закаспийские степи 6
 Замуа 43, 47
 Заречье 92, 114—116, 381
 Зарнаспа — см. Бактры
 Зевгма 212
 Зеравшан, река 63, 148, 220, 270, 361; см. также Политимет
 Зикерту 46, 47, 49
 Зузахья (Зузу) 380
- Иберия 226, 264, 266, 277, 308, 313, 318
 иберы 208, 222, 223, 266, 274, 308
 Иезд 295
 Иерусалим 72, 74, 116, 117, 119, 172, 386, 413
 Изирту 50
 израильтяне 49
 Илион 138
 Имброс, остров 102
 Инд, река 5, 6, 9, 28—30, 93, 150, 151, 153, 158, 161, 164, 189, 271, 276

- Индийский океан 6, 7, 27, 29, 151, 160, 314
 индийцы 188, 326, 400
 Индия 27, 33, 40, 58, 66, 77, 93, 108, 161, 178, 186, 187, 189, 190, 204, 219, 222, 238, 270, 279, 284, 295, 296, 301, 323, 324, 381, 409
 индоевропейцы 39, 40, 42, 46
 индоиранцы 40
 Иония 108, 381
 ионяне 108
 Ипс 163, 164
 Иран Восточный 10, 12, 57—60, 77, 85, 86, 106, 146, 148, 164, 175, 181, 186, 214, 219, 364, 402
 Иран Западный 10, 38, 39, 45, 85, 86, 183, 184, 258, 340
 Иран Парфянский (Аршакидский) 200, 251, 259; см. также Аршакидское государство, Парфия
 Иран Северо-Западный 53, 125
 Иран Центральный 37, 38, 66, 106
 Иранское нагорье (плато) 7—10, 17, 27—30, 32, 33, 35, 39, 41, 43, 160, 174, 204, 241, 257, 357
 иранцы 7, 29, 42, 46, 52, 54, 64, 66, 86, 109, 133, 152, 173, 236, 263, 307, 317, 318, 322, 326, 361, 365, 399
 Испания 218
 Исс 141, 142, 144, 145, 147, 148, 384
 Исфахан 46, 163, 183, 258, 407
 Италия 179, 210, 227
 иудеи 116, 120; см. также евреи
 Иудея 16, 74, 185, 225, 227, 386

 Йемен 314, 413

 Кабул 29, 147, 178, 204, 220, 260, 361, 400
 Кавказ 6, 14, 40, 49, 160, 209, 221, 276, 308, 309, 313, 318; см. также Закавказье
 Кавказ Северный 7, 23, 35; см. также Предкавказье
 Кадисия 320, 414
 кадусии 68
 Казахстан 42, 64
 Кале-и Духтар 328
 Кала-и Мир 75, 366
 Кальху 359
 Кама, река 24
 Кандагар 158
 Каппадокия 56, 57, 71, 172, 174, 175, 193, 208, 209, 261, 381
 Кара-кум 55
 Кардия 162
 Карины 108
 Кария 69
 Карха-де-Мешан 285
 Каркашши 50
 Каркемиш 54
 кармани 66
 Кармания 66, 108, 151, 158, 161, 178, 221, 288
 Кармир-блур 56; см. также Тейше-баини
 Карры 212, 215, 266, 399; см. также Харран
 Карун, река 27, 36, 37, 261
 Карфаген 81
 карфагеняне 81
 Каспана 381
 каспии 34, 356, 365
 Каспийские ворота 146
 Каспийское море 6, 27, 28, 32, 43, 66, 68, 74, 177, 180, 226, 275, 321, 357, 367, 399
 Касри-Ширин 23, 328
 Кассандрея 14
 Касситы (кашши, коссен) 39, 40, 153, 357
 Кашан 9, 34
 кашши — см. касситы
 Кашка-Дарья 361
 кельты 166
 Кенгавер 239; см. также Конгобар
 Керман 258
 Керманшах 11, 125
 Керха, река 27, 36, 37
 кидариты 275, 276
 Киликия 57, 71, 74, 141, 144, 159, 172, 208, 214, 215, 222, 261, 381
 киммерийцы 49, 50, 52, 69, 357
 Кипр, остров 80, 102, 104
 Кирена 91, 373
 Киркук 38
 Кирополь 366
 Китай 16, 204, 270, 284, 286, 301, 321—323, 409
 китайцы 219, 320, 322, 393
 Киш 328
 Клазомены, остров 102, 175
 Кобадан 366
 колхи 149
 Колхида 57, 208
 Комана в Каппадокии 172
 Комана в Понте 172
 Комисена 181
 Комматена 192, 209, 226, 261, 393
 Конгобар 239; см. также Кенгавер
 Константинополь 264, 318

- Копет-даг, горы 10, 27, 28, 30
 Кордуэна 207, 208
 Корупедион 165
 коссеи — см. касситы
 Красноводск 77
 Красное море 109, 314, 409
 ксангия 387
 Ктесифон 22, 23, 216, 227, 228, 258, 266, 275, 280, 283, 285, 301, 302, 313, 316, 319, 320, 330, 399
 Кум 239
 Кунакса 101, 379
 Кура, река 361, 412
 Курдистан 15, 17, 23
 Курх-у-Кич 125
 Кусейр Амра 334
 кутии (гутии) 35
 Кушанское царство 189, 219, 220, 233, 270, 400
 кушаны 190, 219, 238, 288, 400, 401
 Кух-и Ходжа 17, 245, 330, 349
 Кызкапан 125
 Кызыл-Ирмак, река 57
 Лаббана 241
 Лазика 308, 313
 Лаодикея 169
 Ларса 38
 Ленинабад 148, 159
 Лемнос 102
 Ленинград 11, 13, 18, 24, 129, 335, 373
 Ливан 107
 лидийцы 71, 91, 108
 Лидия 56, 57, 69, 71, 74, 75, 77, 79, 80, 100, 102, 108, 114, 165, 167, 381
 Ликия 71, 100
 Лиан 37, 38, 66
 Лондон 13, 18, 409
 Лука 210
 луллубен 35, 43
 Луристан 10, 39, 340
 Магнесия 174, 178, 179, 182, 187, 387
 Мазамуа 43
 Македония 93, 96, 105, 137, 138, 141, 142, 146, 155, 161—163, 165, 166
 македонцы 5, 138, 141, 142, 145, 148—150, 152, 160, 172, 173, 384
 малоазийские племена 108, 173
 Маннейское царство 53, 56
 мавнеи 43, 46, 47, 49, 50, 52, 54, 56, 57
 Мараканда 75, 148—150; см. также Самарканд
 Марат 142, 143, 384
 марафии 66, 67
 Марафон 93, 374
 Маргиана 66, 75, 89, 90, 146, 158, 190, 288, 361, 362, 391; см. также Мары, Мерв
 Мардов страна 161
 марды 62, 66, 68, 77
 Мары, Марыйский оазис 63, 90; см. также Маргиана, Мерв
 маслии 66, 67
 массагеты 64, 77, 79, 180, 186, 189, 190, 367, 402
 Матиенов земля 367
 Маурья царство 164, 178
 Маяфаркия 207, 316
 Мегалополь 146
 Междуречье — см. Месопотамия
 Мекка 320
 Мекран 260
 Мемфис 80
 Мерата 358
 Мерв 75, 90, 158, 190, 213, 260, 288, 321, 391, 398; см. также Маргиана, Мары
 Мервруд, река 361, 404
 Месопотамия (Междуречье) 9—11, 13—15, 17, 27, 29, 30, 33, 35, 40, 72, 101, 102, 109, 117, 129, 153, 155, 160, 162, 163, 167, 177, 178, 184, 186, 196, 201, 210—212, 218, 222, 223, 226—229, 235, 236, 251, 257, 258, 260, 263, 266, 278—281, 316, 318, 319, 398, 399
 Месопотамия Северная 36, 55, 57, 72, 193, 204, 206, 208, 211, 222, 228, 229, 265, 268
 Месена 15, 195, 223, 285, 400
 Мианэ 358
 Мидия 11, 13, 23, 28, 45, 46, 49—57, 60—63, 65, 67—69, 71, 72, 75, 82, 83, 85—87, 89, 92, 106, 109, 129, 145—147, 161, 162, 169, 176, 177, 182—185, 193, 201, 204, 226, 229, 251, 257, 258, 266, 268, 320, 358, 361, 362, 364, 370, 381, 383
 Мидия Атропатена 27, 162, 176, 183, 195, 216, 217, 226, 236, 399; см. также Атропатена
 мидяне 11, 42, 43, 45—47, 49—55, 57, 60, 65—69, 74, 84, 86, 90, 108, 186, 259, 359, 360, 364, 399

Микале 97
 мики 374
 миксэллины 232
 Милет 97, 111, 140, 171, 175
 Мисия 69
 Мисихе 260
 Митанни 40
 Михрдаткерт 197
 Монголия 314
 монголы 5
 Москва 11, 18, 129
 мосхи 57
 Моуру 361
 Мраморное море 140
 Мургаб, река 63

 Накш-и Рустем 11, 13, 18, 123,
 124, 126, 263, 349, 378, 383
 Намазга-тепе 30
 Нев-Шапур 399
 Нейриз, озеро 28, 257
 Немруд-даг 382
 Несе́йская равнина 46, 361; см.
 также Нишша́, Нисайя
 Нил, река 82, 99, 109
 Нин — см. Ниневия
 Ниневия (Нин) 52—55, 360, 364
 Ниппур 72
 Ниса 15, 17, 182, 196, 197, 201, 203,
 220, 221, 234, 236, 241, 245, 247,
 348, 361, 390, 396
 Нисайя 46, 83, 361; см. также Не-
 сейская равнина, Нишша́
 Нисей 181
 Нисибин 264, 265, 268, 399
 Нихавенд 9, 30, 33, 34, 46, 169,
 251, 320, 414; см. также Тепе
 Гилян
 Нишапур 288, 399
 Нишша́ 46; см. также Нисайя
 Ново-Вавилонское царство 114
 Нубия 81, 82
 Нузу 38

 Обейд 29
 Окс, река 28, 75, 77, 147, 149, 178,
 180, 181; см. также Аму-Дарья
 Олимп, гора 96
 Ольба 172
 Ольвия 205, 247
 Опиана 158
 Опис 72, 152
 Орен-кала 412
 Оритов страна 161
 Ормиздакан 258—260, 397
 Оронт, река 313; см. также Антио-
 хия на Оронте

Орхоя — см. Урук
 Осроена 211, 231

 Пайкули 17, 23, 349, 401, 407
 Пайшияхувада 82
 Пакистан 6, 7
 Палестина 49, 72, 92, 107, 114—
 116, 119, 176, 177, 209, 211, 213,
 215, 318, 392
 Пальмира 197, 263
 Палига 202
 Памиро-Гиндукушский горный
 узел 28
 пантиалаи 66
 Парапотамия 192, 196
 Паретакена 161, 163
 паретакены 46
 парны 180, 181, 194, 387
 Паропамис, горы 27, 28
 Паропанисадов страна 161, 164
 Парс 28, 257, 258, 261, 273, 300,
 328, 398; см. также Персида,
 Фарс
 парса 67
 Парсуа 43, 47, 49, 67, 364
 Парсуаш (Парсуваш, Парсамаш,
 Парсумаш) 49, 50, 67, 358, 364
 парсы 58, 324, 325
 Партав 307, 412
 Партавниса 196
 Парфиена 180—182, 196, 204, 261;
 см. также Парфия
 Парфия 15, 16, 28, 55, 56, 60, 64,
 83, 89, 161, 162, 177, 182, 192—
 194, 205, 227, 323, 381, 387, 388;
 см. также Аршакидское госу-
 дарство, Иран Парфянский,
 Парфиена
 парфяне 62, 77, 175, 177—182,
 184—188, 190, 192, 193, 196,
 197, 204—208, 210—219, 224—
 226, 228, 229, 237, 241, 245, 258,
 374, 387, 388, 392, 394, 397,
 400, 406
 Пасаргады 11, 13, 67, 68, 109, 121,
 123, 126, 145, 346
 пасаргады 66, 67
 пасии (пасианы) 188, 189
 Паситигр, река 151
 Паттала 151
 Пафлагония 69
 Пейкенд 322
 Пелусий 80
 Пенджаб 187, 220, 241, 362
 Пероз-Шапур 260, 269
 Пергам 174, 175
 Пергамское царство 192, 208

- Персеполь 9, 11—13, 30, 32, 67, 75, 98, 107, 109, 121, 123, 126, 145, 146, 151, 257, 343, 346, 383, 384
- Персида 9, 15, 28, 30, 37, 49, 50, 52, 56, 66—68, 75, 83, 92, 121, 145, 161, 169, 176, 183, 195, 223, 229, 234, 257, 358, 364, 383, 397, 400; см. также Парс, Фарс
- Персидский залив 6, 8, 27, 29, 38, 66, 1151, 153, 160, 178, 183, 204, 231, 364
- Персия 51, 56, 57, 59, 60, 65, 68, 71, 72, 74, 82, 84, 86, 87, 89, 92, 98, 102, 105, 109, 111—113, 115—117, 120, 137, 139, 142, 143, 145, 155, 364, 370, 384
- персы 42, 52, 60, 65—69, 71, 72, 74, 77, 79—82, 84—87, 92—97, 100, 102, 104, 112, 113, 115, 116, 124, 137, 138, 141, 143—145, 152, 159, 166, 168, 259, 263, 266, 268, 278, 306, 313, 314, 321, 323—325, 345, 363, 365, 373, 379, 383, 384, 400, 405, 406, 413
- Пессинунт 172
- Пешавер 334
- Пиллату 364
- писидийцы 104
- Писидия 69
- писсуры 387
- Платея 97
- Поволжье 64
- Полтимет, река 148, 149, 365; см. также Зеравшан
- Понт 149, 165, 172, 174, 175, 194, 208, 381
- Предкавказье 277, 314, 322; см. также Кавказ Северный
- Приена 175
- прикаспийские народы 160
- Приуралье 64
- Причерноморье Северное 7, 64, 205
- Птолемида 177
- Пянджикент 24
- Рага 60, 61, 65, 90, 109, 146, 362; см. также Рей
- Разик 321
- Рангха, область 362
- Рангха (Раха), река 62
- Рандея 225
- Рафия 174, 177, 387
- Раха, река — см. Рангха
- Рей 276; см. также Рага
- Рейн, река 228
- Рим 5, 16, 22, 176, 179, 193, 194, 205, 207—210, 214—216, 218, 220—229, 231, 259—261, 263, 268, 303, 394, 399
- римляне 79, 179, 192—194, 206—218, 221—229, 260, 261, 263—266, 268, 285, 391, 392, 399
- Римская империя 218, 260, 264, 265, 268, 270, 272, 274, 277, 299
- Румыния 226
- Савад 398
- савиры 307, 312
- сагарты 46, 47, 57, 66, 77
- Сакастан 186, 195, 216, 219, 288, 398, 401; см. также Дрангиана, Сеистан, Систан
- саки 43, 62, 64, 77, 79, 89, 93, 95, 186, 189, 218, 219, 266, 367, 374, 381, 393
- сакарауки 188, 189
- Саламин, остров 96, 97
- Самарканд 63, 75, 148; см. также Мараканда
- Самарра 36, 334
- Самос, остров 80, 111
- Самосата 393
- Сапарда 50
- сарагуры 276
- сарацины 409
- Сарвистан 328, 403
- Сарды (Сфарт) 71, 75, 101, 108, 167
- Сар-и Пуль 356
- Сар-Мешхед 349
- саспейры 57
- Саттатидия 71, 89, 381
- Сахнэ 125
- Севан, озеро 192
- Сеистан 186, 245, 260, 283, 330; см. также Дрангиана, Сакастан, Систан
- Селевкия в Пиэрии 176, 177, 193
- Селевкия на Гелифонте 169
- Селевкия на Тигре 14, 17, 165, 167, 173, 175, 178, 184, 205, 216, 222, 223, 228, 238, 272, 285, 320, 349, 392, 395, 396, 407
- Селевкия на Эвлее 169; см. также Сузы
- Селевкия у Персидского залива 169
- Семиречье 322
- семиты 197, 223, 368
- Сефидруд, река 28, 46, 49, 357
- Сиалк 34, 37, 356; см. также Тепе-Сиалк

- Сибирь 42, 64, 187
 Сидон 115, 143, 164, 171
 Сикайуватиш 83
 Симаш 97
 Сингара 265, 266, 268, 314, 401
 Синнака 212
 Синьцзян 302; см. также Туркестан Китайский
 Сиппар 72
 Сирийская пустыня 260
 сирийцы 285, 323, 326
 Сиринка 177, 387
 Сирия 16, 49, 72, 74, 82, 91, 92, 104, 107, 109, 114, 115, 117, 119, 142, 155, 160, 161, 162, 164, 166, 175—177, 184, 185, 192, 193, 204, 208—211, 213, 214, 217, 218, 222, 228, 236, 247, 251, 261, 318, 379, 385, 414
 Систан 17, 186; см. также Дрангиана, Сакастан, Сеистан
 Скирос 102
 Скифия 93
 Скифов царство 56
 скифы 49, 50, 52—54, 56, 57, 64, 79, 93, 189, 218, 357, 359, 360, 363, 373
 Смирна 171, 175
 Согд, Согдиана 75, 77, 108, 147—150, 219, 270, 321, 361, 362, 366, 381
 согдийцы 148—150, 188, 270, 321, 323
 сок — см. сы
 Софена 183, 192, 207
 Спарда 71
 Спарта 104, 146, 154
 спартанцы 12, 96, 100
 Средиземное море 160, 164, 174, 218
 Средиземноморье 111, 144, 238, 259, 264
 Средиземноморье Восточное 5, 95, 116, 142, 157, 160, 163—165, 176, 179, 209, 215, 216
 среднеазиатские народы 263
 СССР 6, 7, 18, 23, 24, 42, 133, 336, 360
 Стахр 236, 257, 258, 320, 398
 субарейцы 36, 356
 Субарту 57
 Судан 108
 Сузиана 28, 36, 37, 66, 108, 158, 162, 163, 169, 204, 224, 258, 388; см. также Хузистан, Элам
 Сузы 8, 9, 11, 13, 15, 17, 30, 36—38, 50, 67, 75, 107—109, 124, 126, 145, 151, 169, 199, 204, 224, 236, 238, 243, 245, 268, 285, 286, 333, 334, 339, 342, 343, 349, 383—385, 388; см. также Селевкия на Эвлее
 Сулеймание 43, 364
 Султанабад 239
 Сурдали 125
 Суристан 288
 Суэц 14, 381
 Сфарт 71; см. также Сарды
 сы (сок) 186; см. также саки
 Сыр-Дарья, река 62, 77, 79, 148, 367; см. также Аракс, Яксарт
 Тавр, горы 164, 175
 Тавр Армянский 367
 Тавриз 358
 Так-и Бустан 24, 330, 354, 415
 Так-и Кисра 23, 328
 Таксила 241, 395
 Талекан 404
 Тали-Барзу 148
 Тамбрак 177
 Танаис, река 148; см. также Дон
 Танг-и Сарвак 15, 245
 Тапсак 144
 Тапурия 161
 Тарим, река 187
 Тахт-и Сулейман 217
 Теджен, река 28, 64, 77, 361; см. также Арей, Герируд
 Тейшебаини 56, 360; см. также Кармир-блур
 тектосаги 166
 Телль-Халаф 29, 36, 356
 Тепе-Гисар 9, 10, 30, 33
 Тепе-Гиян 9, 30, 33; см. также Нихавенд
 Тепе-Сиалк 9, 10; см. также Сиалк
 тибарены 57
 Тигракет 207, 225, 390
 Тигр, река 6, 27, 35, 36, 57, 62, 72, 144, 158, 183, 226, 319, 320
 Тир 115, 143, 144, 160, 164, 171, 177, 215, 384
 толистоаги 166
 Топрак-кала 24, 401, 402
 Тохаристан 404
 тохары 188, 189
 Траксиана 190
 Трапезунд 102
 трибаллы 138
 Трипарадис 161, 162, 385
 Троада 171
 трокмы 166

- Туркестан Китайский 204, 234, 270, 271, 302, 303, 322, 334, 408, 409; см. также Синьцзян
 Туркмения 7, 8, 10, 15, 30, 55, 77, 149, 361
 Турфан 303, 400
 Тюренг-тепе 9, 30, 33
 торки 314—316, 321, 322
 торки-сельджуки 5
 Тюркский каганат 314, 321
 Тюркский каганат Западный 322
 Тюркский каганат Восточный 322
 Урарту 43, 45, 47, 49, 51, 53, 54, 56, 57
 урарты 47, 57
 Урва 361
 Урмия, озеро 28, 43, 45, 46, 49, 57, 125, 358
 Урук (Орхоя) 14, 29, 30, 72, 172, 184, 241
 утии 374
 Фарс 6, 9, 18, 23, 28, 30, 283, 323; см. также Парс, Персида
 Фарсалы 214
 Фаселида 100
 Фахрика 125
 Фаяом 18
 Фергана 148, 270, 361
 Фермопилы 96, 179
 Фессалия 96
 Филиппы 214
 финикийцы 81, 95, 116, 119
 Финикия 69, 72, 74, 75, 91, 104, 107, 109, 114—116, 142, 160, 176, 177
 Фирузабад 23, 123, 258, 285, 328, 353, 397; см. также Гор
 Фрааспа 196, 217
 Фрада 146
 фракийцы 138
 Фракия 93, 96, 163
 фригийцы 57, 69, 360
 Фригия 69, 102, 140, 161, 172
 Хабур 204
 Хадремаут 398
 хазары 307, 319, 322, 412
 Хайтумант 362
 Халкедон 318
 Халуде 67
 Хамадан 11, 13, 35, 125, 320, 328, 407; см. также Агбаты, Экбатыны
 Хамат 49
 Хамун, озеро 190, 245
 Хапта-хинду 362
 Харайва 361
 Харакепа 183, 190, 231
 Харахвати 362
 Харран 212, 399; см. также Карры
 Хассуна 36
 Хатра 15, 17, 227, 229, 241, 245, 260, 399
 Херонея 137, 138
 хетты 40
 Хидалу 364
 Хильменд, река 28, 219, 362
 хиониты 266, 271, 312, 401, 402
 Хира, царство 260, 273, 320, 328, 398
 Ходжент 159
 Хорасан 9, 23, 28, 32, 275, 277, 300, 306, 322, 330, 398, 400, 412
 Хорезм 10, 24, 64, 77, 79, 104, 108, 149, 189, 238, 260, 270, 361—363, 366, 381, 385, 398, 401, 402
 хорезмийцы 270, 374, 399
 Хоту 32
 Хочо 303
 Худимеру 364
 Хуэньшань 258, 261, 286, 288, 302, 356, 388, 400; см. также Сузиана, Элам
 Хульван 125
 Хурриты 36, 356
 Хурре 239
 Чахра 362
 Черное море 33, 57, 74, 102, 109, 149, 153, 251
 Ченаб, река 151
 Шами 243
 Шапур 23, 263, 283, 335
 Шах-тепе 9, 30
 Шиберган 404
 Шиз 300
 Шумер 29, 30, 33, 36, 37, 366
 Шуприя 57
 Шуштер 261
 Эвбея, остров 96
 Эвлей, река 158
 Эгейское море 5, 6, 71, 93, 94, 100, 104, 107, 137, 139—142, 164, 175
 Эдесса 261
 Эйван-и Керха 285, 333
 Экбатыны 13, 23, 49, 69, 75, 109, 145—148, 152, 177, 179, 183, 193, 236, 359; см. также Агбаты, Хамадан

Элам 10, 28—30, 33, 35—39, 45,
49, 50, 55, 66—68, 71, 74, 89, 114,
117, 121, 195, 257, 341, 356,
357, 360, 364, 365, 380, 381; см.
также Сузиана, Хузистан
эламиты 34, 37, 39, 120
Элефантина 111
Элимаида 15, 169, 183, 184, 195,
223, 243, 245, 388
Эллада 93, 137, 142, 152, 154, 384;
см. также Греция
эллины — см. греки
Эллипи 46, 49, 67
Эльбурс, горы 28, 182
Эльвенд, гора 27, 43, 46, 378
Эран-веж — см. Арьянем Вайджо

Эран-Хваррэ-Шалур 268
Эретры 175
Эритры 171
Эфес 111, 175
Эфиопия 67, 108
эфиопы 374
эфталиты 271, 274—278, 288,
306—308, 314, 321, 402, 404,
411
Юэ-чжи 189, 219
Яксарт, река 148, 149, 180, 366, 367;
см. также Аракс, Сыр-Дарья
Ямутбал 38
Ярмук 414

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

<i>Рис. 1.</i> Расписной сосуд энеолитического времени из Персеполя .	33
<i>Рис. 2.</i> Расписной сосуд. Район Нихавенда. II тысячелетие до н. э. Бостонский музей изящных искусств	34
<i>Рис. 3.</i> Наскальный рельеф Ану-банини, царя луллубеев. Вторая половина III тысячелетия до н. э. Схематическая зарисовка	35
<i>Рис. 4.</i> Эламский культовый сосуд типа «Сузы А»	37
<i>Рис. 5.</i> Псалия бронзовых удил. Луристан. Частная коллекция	39
<i>Рис. 6.</i> Навершие. Бронза. Луристан. Частная коллекция	41
<i>Рис. 7.</i> Расписной сосуд из Сиялка. Некрополь В. Начало I тысячелетия до н. э.	44
<i>Рис. 8.</i> Типы мидян или маннеев. С ассирийского рельефа VIII в. до н. э.	45
<i>Рис. 9.</i> Мидийская крепость. По ассирийскому рельефу VIII в. до н. э.	47
<i>Рис. 10.</i> Золотая пектораль из Саккызского клада (Страна маннеев). VIII—VII вв. до н. э.	48
<i>Рис. 11.</i> Царь и жрец перед алтарем огня. Схематическая зарисовка мидийского рельефа с гробницы Кызкапан. VII—VI вв. до н. э.	56
<i>Рис. 12.</i> Мидяне — царские слуги или данники. Рельеф из ападаны в Персеполе. VI—V вв. до н. э.	70
<i>Рис. 13.</i> Данники Ахеменидской державы — сирийцы. Рельеф из ападаны в Персеполе VI—V вв. до н. э.	73
<i>Рис. 14.</i> Данники Ахеменидской державы: парфяне (?), жители Гандхары (?) и бактрийцы (?). Рельеф из ападаны в Персеполе. VI—V вв. до н. э.	76
<i>Рис. 15.</i> Данники Ахеменидской державы — саки. Рельеф из ападаны в Персеполе. VI—V вв. до н. э.	78
<i>Рис. 16.</i> Дарий I. Деталь рельефа на Бисутунской скале	83
<i>Рис. 17.</i> Маг. Рельеф из Персеполя, VI—V вв. до н. э.	88
<i>Рис. 18.</i> Золотой дарик. Увеличено	92
<i>Рис. 19.</i> Ахеменидский воин-эламит. Цветной изразцовый рельеф из Суз, конец VI — начало V в. до н. э.	95
<i>Рис. 20.</i> Победа персов над греками. Оттиск с ахеменидской цилиндрической печати. V (?) в. до н. э.	103
<i>Рис. 21.</i> Пахарь. Оттиск с ахеменидской цилиндрической печати	106
<i>Рис. 22.</i> Эламский хозяйственный документ из Персеполя	107
<i>Рис. 23.</i> Персидские и мидийские вельможи. Рельеф из Персеполя VI—V вв. до н. э.	110
<i>Рис. 24.</i> Трехязычная надпись Dag. Pond. b. Государственный Эрмитаж	120
<i>Рис. 25.</i> Пергамен с арамейским деловым письмом. Египет. V в. до н. э.	122

<i>Рис. 26.</i> Гробница Кира II в Пасаргадах	124
<i>Рис. 27.</i> Накш-и Рустем. Гробницы ахеменидских царей. Справа — храм огня (?) «Кааба Зороастра»	125
<i>Рис. 28.</i> План ападаны в Персеполе	126
<i>Рис. 29.</i> Гробница Дария I в Накш-и Рустеме. Внизу слева-рельеф сасанидского времени	127
<i>Рис. 30.</i> Лестница «зала Совета» в Персеполе	128
<i>Рис. 31.</i> Скульптурный портрет ахеменидского царя. Известия. Частная коллекция	129
<i>Рис. 32.</i> Серебряный, частично позолоченный ритон ахеменидского времени. Британский музей.	130
<i>Рис. 33.</i> Ручка от сосуда. Бронза, частью золоченая. IV в. до н. э. Берлинский музей.	131
<i>Рис. 34.</i> Охота на льва. Оттиск с ахеменидской печати с трехязычной надписью царя Дария. Британский музей	132
<i>Рис. 35.</i> Золотой статер с портретом Андрагора (сильно увеличено)	181
<i>Рис. 36.</i> Серебряная тетрадрахма с портретом Митридата I. Увеличено	183
<i>Рис. 37.</i> Серебряная тетрадрахма с портретом Фраата II. Увеличено	185
<i>Рис. 38.</i> Парфянский стрелок. Терракота. Берлинский музей.	191
<i>Рис. 39.</i> Михрдаткерт (Старая Ниса). Зал обожествленных предков («аудиенц-зал»). Реконструкция Г. А. Пугаченковой	198
<i>Рис. 40.</i> Парфянский остракон (черепок) с хозяйственным документом из Нисы	199
<i>Рис. 41.</i> Серебряная тетрадрахма с портретом Орода II. Увеличено.	209
<i>Рис. 42.</i> Парфянин. Граффито из Дура-Эвропос	215
<i>Рис. 43.</i> Стрела времени Артабана V из Суз.	230
<i>Рис. 44.</i> Образец парфянского эпиграфического письма (пахлавик).	235
<i>Рис. 45.</i> План храма Анахиты-Артемиды в Кенгавере	238
<i>Рис. 46.</i> Парфянский дворец в Лаббанае (Ашшуре). Реконструкция западного айвана	239
<i>Рис. 47.</i> Ворота в Хатре. Реконструкция	240
<i>Рис. 48.</i> Парфянская крепость Чильбурдж. Реконструкция Г. А. Пугаченковой	242
<i>Рис. 49.</i> Парфянский храм в Нисе. Реконструкция Г. А. Пугаченковой	242
<i>Рис. 50.</i> Бронзовая статуя парфянского времени из Шами. Тегеранский музей	243
<i>Рис. 51.</i> Деталь южного айвана главного дворца в Хатре	244
<i>Рис. 52.</i> Митра на охоте. Роспись из митрейона в Дуре-Эвропос	246
<i>Рис. 53.</i> Парфянская серебряная чаша. Государственный Эрмитаж	247
<i>Рис. 54.</i> Парфянская серебряная, частично золоченая чаша. Берлинский музей	248
<i>Рис. 55.</i> Ритон из слоновой кости. Ниса. Государственный музей восточных культур, Москва	249
<i>Рис. 56.</i> Ритон из слоновой кости. Ниса. Государственный музей восточных культур, Москва	250
<i>Рис. 57.</i> Оттиски перстней-печатей парфянских чиновников. Михрдаткерт (Старая Ниса). I в. н. э. Сильно увеличено	251
<i>Рис. 58.</i> Золотая деталь конского убора. «Сокровищница Каренов».	251
<i>Рис. 59.</i> Серебряная, частично позолоченная чаша парфянского времени. «Сокровищница Каренов».	252
<i>Рис. 60.</i> Бронзовая фигурка сфинкса. Старая Ниса	252
<i>Рис. 61.</i> Монета Арташира Папакана с его изображением. Государственный Эрмитаж. Увеличено	259
<i>Рис. 62.</i> Монета Шапура I с его портретом. Увеличено	260
<i>Рис. 63.</i> Триумф Шапура I. Накш-и Рустем	262

<i>Рис. 64.</i> Сасанидское серебряное блюдо с изображением Шапура II на охоте. Государственный Эрмитаж	269
<i>Рис. 65.</i> Образец сасанидского курсивного письма — «книжного пехлеви»	294
<i>Рис. 66.</i> Образец авестийского письма	295
<i>Рис. 67.</i> Реверс монеты Бахрама I с изображением священного огня.	297
<i>Рис. 68.</i> Сасанидский серебряный кувшин с изображением танцующих жриц. Государственный Эрмитаж	299
<i>Рис. 69.</i> План зороастрийского храма огня в Шапуре	300
<i>Рис. 70.</i> Образец сасанидского эпиграфического письма (парсик).	324
<i>Рис. 71.</i> Сасанидская серебряная чаша с изображением танцовщиц. Государственный Эрмитаж	327
<i>Рис. 72.</i> Развалины дворца сасанидских царей в Ктесифоне (Так-и Кисра) по фотографии конца XIX в	329
<i>Рис. 73.</i> Вручение царской власти Арташиру I богом Ормаздом. Рельеф из Накш-и Рустема	331
<i>Рис. 74.</i> Царская охота. Рельеф из Так-и Бустана	332
<i>Рис. 75.</i> Арфистка. Мозаика из Шапура.	333
<i>Рис. 76.</i> Сасанидское серебряное блюдо с изображением мифического существа Сэнмурва	334
<i>Рис. 77.</i> Шелковая ткань. Зеленый и светло-зеленый тона. Музей декоративных искусств. Париж (вклейка)	334
<i>Рис. 78.</i> Сасанидский серебряный кувшин с изображением мифического существа Сэнмурва. Государственный Эрмитаж	335
<i>Рис. 79.</i> Оттиски с сасанидских гемм из собрания Государственного Эрмитажа	336

СПИСОК КАРТ

1. Городища древнейшего Ирана и окрестных стран	31
2. Держава Ахеменидов в начале V в. до н. э.	90—91
3. Завоевания Александра Македонского	152—153
4. Царство Селевкидов в начале III в. до н. э.	174—175
5. Парфянское царство во II в. до н. э.	218—219
6. Царство Сасанидов	267

О С О Д Е Р Ж А Н И Е

От редакторов	3
Введение (Обзор источников)	5

Часть первая

ДРЕВНЕЙШИЙ ИРАН.—ИРАН ПОД ВЛАСТЬЮ АХЕМЕНИДОВ

1. Страна	27
2. Древнейший Иран	29
3. Западный Иран и Мидия	43
4. Восточный Иран и Средняя Азия перед ахеменидским завоеванием	58
5. Образование державы Ахеменидов	66
6. Переворот мага Гауматы и приход к власти Дария I	80
7. Ахеменидская держава при Дарии I	91
8. Ксеркс и поражение персов в Греции	94
9. Ахеменидская держава после Ксеркса	99
10. Иранское общество при Ахеменидах	105
11. Культура и искусство в Ахеменидской державе	117

Часть вторая

ЭЛЛИНИЗМ И ПАРФИЯ

1. Александр Македонский	137
2. Наследие Александра	157
3. Создание Селевкидской державы	164
4. Антиох III	174
5. Селевкиды и парфяне	179
6. Греко-Бактрийское царство	187
7. Парфия — мировая держава	189
8. Рим и Парфия	206
9. Парфия на рубеже нашей эры	219
10. Распад Парфянского царства	226
11. Культура парфянского Ирана	231

Часть третья

САСАНИДЫ

1. Создание Сасанидского государства	257
2. Восточная Римская империя и сасанидский Иран	264
3. Сасанидское государство и кочевники Средней Азии	270
4. Внутренний строй сасанидского Ирана	278
5. Государственная религия и оппозиционные религиозно-философские учения	292

6. Маздакитское движение и царь Кавад	304
7. Хосров I Аноширван и его реформа	309
8. Ормизд IV и Хосров II Парвез	315
9. Падение Сасанидской державы	319
10. Средняя Азия перед арабским завоеванием	321
11. Культура сасанидского Ирана	323

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение (обзор источников)	339
Часть I. Древнейший Иран. — Иран под властью Ахеменидов	354
Часть II. Эллинизм и Парфия	384
Часть III. Сасаниды	397
Список сокращений	416
Указатель имен	418
Указатель географических и этнических названий	428
Список иллюстраций	439
Список карт	442

Михаил Михайлович
ДЬЯКОНОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ИРАНА

Утверждено к печати Институтом народов Азии Академии наук СССР

Редакторы издательства М. А. Дандамаев и Н. Н. Тихонравова

Художник А. Г. Кобрин

Технический редактор С. В. Цветкова

Корректоры Л. М. Манелли и М. З. Шафранская

Сдано в набор 6/III 1961 г. Подписано к печати 15/VIII 1961 г. А-08102. Формат 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 27,75+5 вкл. 1,25 п. л. Усл. п. л. 29,0 Уч.-изд. л. 30,86 Тираж 2000 экз. Зак. 455
Цена 1 р. 90 к.

Издательство восточной литературы Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография Издательства восточной литературы Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
45	10—11 сн.	местные правители Элама были, по-видимому	местные правители были в Эламе, по-видимому
57	9 сн.	Спитама	Спитама
109	22 сн.	строительных сельскохозяйственных ремесленных	строительных, сельскохозяйственных и ремесленных
179	7 св.	(170—168 гг. до н. э.)	(218—217 гг. до н. э.)
195	6 св.	σοῦττενεῖς	σοῦττενεῖς
вклей- ка после 218	1 сн.	Парфинское	Парфянское
241	2 св.	Лаббан	Лаббана
280	21—23 св.	в сирийских источниках, главным образом в «Хронике» Иешу Стилита и Вавилонском Талмуде ¹⁰⁰	в сирийских источниках, главным образом в «Хронике» Иешу Стилита, и в Вавилонском Талмуде ¹⁰⁰ .
320	2 св.	Азармдухт	Азармидухт
330	2 св.	Так-и Бустане	Так-и Бустан
336	3 св.	кубики	кубки
336	10 сн.	снабженными	снабженные
362	6 сн.	zaprati-	zantupati-
364	17 св.	656—649 гг.	653—649 гг.
364	2 сн.	Дария II	Дария III
368	27 сн.	*Υδάρνης	*Υδάρνης
369	12 св.	kāramg aṭ avā	kāram gāḍava
369	28 св.	arru-u-tú	i-gab-bi šarru-u-tú
369	31 св.	ku[ru?-um?]-m[a-tu u...] mes u [ša?? ina?? bitate?mes	ku-[ru?-um?]-m[a-tu u...]mes u [šá?? ina?? bitāte?mes]
377	15 св.	«arta»	«arta»
380	19 св.	vṛadana-	vṛdāna-
380	15 сн.	Ūja-Uvja	Ūja-Uvja
381	2 сн.	Каспиана... 200	Каспиана... 200 (?)
385	8 св.	— «наследниками»	ἐπίγονοι — «наследниками»
386	4 св.	<i>Surtische</i>	<i>Syrische</i>
390	16 св.	Γωτάρκης	Γωτάρκης
390	5 сн.	(hštrp PHT)	(hštrp, PHT*)
391	3 св.	odeašx	bdeašx
394	3 св.	Петеркул	Патеркул
394	27 сн.	χαλόμενος	χαλόμενος
397	16 св.	Дарий Артаксеркс	Дарий, Артаксеркс
404	12 сн.	khangān	khaqan
405	9 св.	hačacmānd	hačašmānd
415	14 св.	Tarīkh-i fanaddan-i Iran-i Sāsāns	Tarīkh-i tamaddun-i Iran-i Sāsānī

М. М. Дьяконов

Зак. 1393

М. М. Д Ъ Я К О Н О В

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ДРЕВНЕГО
ИРАНА

ОЧЕРК ИСТОРИИ

ИРАНА

